

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

Археологический Ежегодник

за 1999 год

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
«НАУКА»
2000

УДК 930
ББК 63.2
А 87

8(17)
А-87

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

89788

Ответственный редактор

академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, Б.Г. ЛИТВАК, Р.Г. ПИХОЯ,
Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ

Рецензент

доктор исторических наук
С.В. МИРОНЕНКО

Археографический ежегодник за 1999 год. – М.: Наука, 2000. – 415 с.
ISBN 5-02-010190-7

В ежегоднике публикуются статьи, посвященные изучению Лицевого свода Ивана Грозного, русских средневековых хождений, документации европейских городов позднего средневековья, инструкций Академии наук XVIII–XX вв., о документальном наследии российских партий революционных лет, о подготовке биографического словаря государственных деятелей Российской империи. Помещены также материалы о Н.Г. Устрялове, С.Ф. Платонове и "кружке русских историков", М.В. Довнар-Запольском, список печатных трудов М.М. Богословского. Особый раздел приурочен к юбилею А.С. Пушкина. Публикуются письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому, рецензии и хроникальные материалы. В конце книги – статьи, посвященные памяти Д.С. Лихачева.

Для историков, литературоведов, работников архивов и музеев.

ТП-2000-II-№ 7

ISBN 5-02-010190-7

© Издательство "Наука", 2000

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ

(Некоторые итоги серийной публикации)

Тенденции развития исторической науки в целом и ее отдельных (или специальных, вспомогательных) дисциплин во многом диктуются состоянием общества в данный момент. Смена общественно-политического строя неизменно сопровождается резким повышением интереса к истории, стремлением специалистов-историков пересмотреть сложившиеся в науке представления и оценки. Публикации исторических документов в такие переломные годы приобретают лавинообразный характер. В нашей стране это ярко проявилось в 1920-е и особенно в 1990-е годы, когда в условиях складывающейся многопартийности обнаруживается потребность в новом осмыслении этого феномена. Возможность для современных отечественных исследователей познакомиться с ранее недоступными российскими и зарубежными архивными документами, создание единого историографического пространства, органически включающего в себя все достижения мировой исторической науки, освобождение ее от идеологического и цензурного пресса еще более стимулируют процесс переосмысления прошлого. Документальные публикации, обвальное появление которых в последние годы позволяет говорить об археографическом буме, призваны "питать" эти тенденции новым материалом, способствовать углублению и расширению фронта исторических исследований, делать работу историков более эффективной.

Теория, методика и техника новых публикаций исторических источников нуждается в анализе с тем, чтобы, опираясь на накопленный опыт, наметить перспективы продолжения этой работы, без которой развитие исторической науки если не невозможно, то, во всяком случае, крайне затруднено. Таким образом, приобретает актуальность оценка состояния и тенденций наращивания источниковой базы отдельных крупных исторических проблем. К числу последних относится история российских политических партий, одна из важнейших составляющих политической истории России первой четверти XX в.

Научная публикация документов по истории российских политических партий сейчас находится на подъеме, и это далеко не случайно. Общеизвестно, что история этих партий, включая правящую коммунистическую, в отечественной историографии фальсифицировалась на протяжении десятилетий. Приход большевиков к власти и утверждение в России политического режима, основанного на однопартийности, самым непосредственным образом повлияли на разработку проблем истории небольшевистских политических организаций. Все они вместе (но каждая под своим ярлыком – "реакционная", "буржуазная", "мелко-буржуазная" и т.д.) были объявлены изначально антинародными и контрреволюционными, а предлагавшиеся ими пути развития России – тупиковыми. Утвердившийся на фоне подобных оценок принцип крайнего субъективизма,

известный, как принцип "коммунистической партийности" исторических исследований, автоматически закрывал возможность объективного изучения политической истории России.

Советское историко-партийное источниковедение развивалось параллельно с официальной историографией и археографией и в полной мере впитало в себя черты, характерные для этих последних. При оценке документов небольшевистских партий специалисты-источниковеды как "общегражданского", так и партийного (по истории КПСС) профиля были едины в пренебрежительно-уничтожительном отношении к ним, как к источникам хронологически и тематически ограниченным и содержательно малоценным¹. Уже одно это как бы снимало проблему определения понятия партийных документов и освобождало от необходимости разработки вопросов их классификации. По общему мнению, в науке этим источникам в лучшем случае могла быть отведена лишь "фоновая" функция, второстепенная роль, да и то при крайне дозированном использовании: они были призваны иллюстрировать картины "краха" небольшевистских моделей общественного развития, давать все новые и новые подтверждения правильности большевистской политики и ленинского анализа событий. Большевистский же документальный комплекс, напротив, искусственно выделялся в отдельную и приоритетную группу источников, и исходя из этого, публиковался. Основным результатом работы, проделанной советскими археографами и источниковедами, было создание более или менее полной документальной базы для изучения истории правящей партии, особенно дооктябрьского периода ее деятельности. Это, бесспорно, важное достижение, однако во многом обесценивалось тем, что для советской археографической практики в интересующей нас области были характерны, по крайней мере, два существеннейших недочета.

Во-первых, это фальсификация и мифологизация отечественной истории, из которой в угоду идеологическим догмам были "изъяты" (или, как минимум, тенденциозно представлены и истолкованы) целые направления общественного движения: анархизм, небольшевистский социализм, либерализм и консерватизм. В неизменно сохранявшейся в советской археографии "зоне молчания", как справедливо отмечали составители сборника "Память", "навсегда погребены имена людей, игравших некогда значительную роль в общественной, государственной, культурной жизни. Исчезают целые направления мысли... Уходят в небытие огромные пласты фактов в их неповторимости. Историю заменил миф"².

Во-вторых, искажение истории самой правящей партии. С одной стороны, из истории РСДРП оказалась фактически вычеркнутой меньшевистская фракция, на протяжении полутора десятков лет соседствовавшая с большевиками в рамках единой организации; с другой, – от большевизма были "отлучены" многочисленные оппозиционеры, начиная с А. Богданова и кончая Л. Троцким, М. Рютиным, Н. Бухариным, Д. Рязановым, Л. Каменевым и др. Для советских публикаторов был характерен выборочный подход к документам правящей партии, "отсев" всего, что свидетельствовало о репрессивном характере большевистской диктатуры или могло поколебать мифологизированный образ большевистских вождей, систематическое замалчивание кризисных моментов партийной истории, особенно связанных с борьбой за власть в партийных верхах и сменой партийного руководства, многочисленных "деликатных" моментов в ее деятельности как внутри страны, так и за рубежом. В результате стенограммы целого ряда партийных конференций, пленумов ЦК, протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, материалы Коминтерна и многие другие документы в со-

¹ См.: Источниковедение истории СССР. 2-е изд. / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 293–295.

² Память: Исторический сборник. М., 1976; Нью-Йорк, 1978. Вып. 1. С. VI (От редакции).

ветское время так и не были изданы³; по идеологическим соображениям цензуре были подвергнуты даже "святая святых" – ленинские документы.

Типическими чертами советского историко-партийного источниковедения, в свою очередь, являлись следующие.

1) Расширительный подход к понятию партийного источника и, как следствие, – подмена понятия "партийный документ" понятием "ленинский документ", любой из которых автоматически возводился в ранг первейшего по важности источника по истории большевизма и советского государства, независимо от того, о каком периоде шла речь, получила ли ленинская точка зрения по данному вопросу большинство того или иного партийного органа и т.д. Для советских источниковедов труды Ленина являлись "авторитетнейшим" и "заслуживающим полнейшего доверия" критерием для проверки достоверности всех других источников как с "фактической стороны, так и с идейной, политической"⁴. В итоге, ленинский документ становился адекватным коллективному решению руководящего партийного или государственного (в послеоктябрьский период) органа, а нередко и "перевешивал" его.

2) Неправомерное и искусственное деление документов КПСС на до- и послеоктябрьские и конструирование самостоятельных классификаций источников каждого из этих периодов.

3) Незаработанность проблем классификации партийных документов в целом.

4) "Дискриминационное" отношение к документальному наследию небольшевистских партий, стремление замолчать существование значительных документальных комплексов по истории этих последних.

5) Тенденция рассматривать исторический источник в целом, как нечто второстепенное, служебно-иллюстративное, подлежащее свободному манипулированию. Отсюда – столь обычное для советских историков выборочное "цитатничество", склонность к конъюнктурности исследований, широкая практика умолчания "неудобных" фактов и т.д.

Характеризуя определяющие общую картину методы работы ряда советских публикаторов и историков, нельзя, наконец, не отметить игнорирование ими результатов археографических, источниковедческих и конкретно-исторических исследований их зарубежных коллег. Неизбежным следствием этого явилась слабая осведомленность советских ученых о жизни мирового научного сообщества, характерная не только для рядовых исследователей, но и для представителей элитных, привилегированных научных учреждений. Точно таким же образом сознательно игнорировались документальные собрания крупнейших архивов мира (исключения здесь делались только для документов классиков марксизма-ленинизма).

В итоге вся совокупность проблем, связанных с российской многопартийностью, включая историю формирования и деятельности российских политических партий, их классификацию, богатейшее идейно-теоретическое наследие их идеологов и лидеров, оказалась наименее изученной и наиболее фальсифицированной. С начала 30-х и до конца 80-х годов, т.е. в течение более полувека, документы небольшевистского происхождения в СССР практически не публиковались и их археографическое освоение происходило, главным образом, на Западе⁵. Уже к середине 80-х годов стало очевидно, что дальнейшее изучение

³ Стенографические отчеты некоторых пленумов (февральско-мартовского 1937 г., июньского 1957 г., октябрьского 1964 г.) были опубликованы лишь в конце 80-х – начале 90-х годов научно-историческими журналами – "Вопросы истории", "Исторический архив" и др.

⁴ *Варишавчик М.А.* Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967. С. 54–55.

⁵ О публикации документального наследия российских партий в отечественной и зарубежной историографии подробнее см.: *Павлов Д.Б.* Документальное наследие российских партий (обзор отечественных и зарубежных публикаций) // ИА. 1997. № 3, 4.

истории российской многопартийности невозможно без широкого обращения исследователей к первоисточникам, а огромное количество книг с заголовками типа "Борьба большевиков против..." или "Разоблачение Лениным контрреволюционности...", как и документальные сборники, составленные в том же ключе, не способствуют объективному познанию прошлого. Отсюда – ясное осознание современными исследователями необходимости публикации источников как приоритетной задачи исторической науки, причем такой, которая отражает "правду прошлого независимо от того, кому она может служить"⁶.

Сегодня в публикации исторических источников происходят такие изменения формально-организационного и сущностного, содержательного плана, которые без преувеличения могут быть названы революционными. Публикаторское дело из служебно-иллюстративного, каким оно (в интересующей нас области) было в СССР, сегодня превратилось не просто в самостоятельное, а в одно из главных направлений развития исторической науки. Археография выходит из-под государственной опеки и, свободно развиваясь, ведется людьми науки и обслуживает нужды науки. Формируются крупные публикаторские программы, над реализацией которых работают международные группы исследователей. Широко публикуются ранее засекреченные документы отечественных архивов, издаются материалы зарубежных документальных собраний. "Ассортимент" вновь опубликованных документов охватывает все виды исторических источников. Наряду с видовыми и номинальными в новом качестве возрождаются тематические сборники, появляются фондовые публикации. Начав с простого репринтного переиздания книг 20-х годов, книгоиздатели перешли к реализации крупных оригинальных публикаторских проектов.

Таковы внешние параметры изменений. Не менее важные сдвиги произошли и в содержательном плане. В методологии современного публикаторского дела на первый план выходят принципы историзма и объективности. Вопреки требованиям Правил, формально действующим и поныне⁷, археографы фактически отказались от базового для советской историографии и источниковедения принципа "коммунистической партийности", предполагавшего крайний субъективизм в отборе и публикации документов. Соответственно этому исчезло искусственное разделение партийных источников на более или менее "идеологически выдержанные", приоритетные и второстепенные по признаку принадлежности к правящей партии. Знаковым стал комплексный подход к изучению и публикации документов политических партий. Существенные изменения происходят в разработке понятийного аппарата историко-партийного источниковедения и археографии и в методических подходах к публикации партийных документов.

Уточняя внутреннее содержание исходной для нас дефиниции "партийный документ", начнем с определения понятия политической партии. В современной историографии принято относить это понятие к числу трудноопределимых ввиду сложности, многогранности, а нередко и противоречивости самого этого феномена. Обращаясь к отечественному опыту, отметим хотя бы такое парадоксальное явление, когда целый ряд крупных общероссийских общественно-политических объединений (не говоря уже о десятках мелких региональных), по всем формальным признакам, безусловно, относясь к типу партийных (т.е., имея необходимый набор нормативных документов, центральные органы, сеть местных организаций со значительным количеством членов, свою печать, часто – парламентское представительство и т.д.), в то же время были принципиальными

⁶ Литвак Б.Г. Археография и историческое исследование // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 3, 10; *Он же*. То же // Американско-канадский дневник. М., 1998. С. 32, 44.

⁷ См.: Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. М., 1990. С. 27. (Далее: Правила издания...).

противниками партийной организации и сознательно присваивали себе наименование "союзов" или "движений". Любопытно, что подобная "партофобия" была представлена во всех трех основных направлениях общественной мысли (консервативном, либеральном и социалистическом) и характерна как для буржуазных, мелкобуржуазных, так и для чисто пролетарских по составу организаций.

Современная юридическая литература (в частности, рассматривавшийся Государственной думой проект соответствующего закона) под политической партией предлагает понимать имеющее устойчивую структуру и постоянный характер деятели объединение, которое выражает политическую волю своих членов и сторонников, ставит основными задачами участие в определении политического курса государства, формировании органов власти и управления, а также в осуществлении властных полномочий через своих представителей, избранных в правительственные органы власти. Таким образом, с точки зрения правоведов, центральным признаком партии является стремление данного общественного объединения к власти или, как минимум, к тому, чтобы оказывать на нее влияние. В исторической же литературе принято подчеркивать социально-политическую основу партийного феномена. Под политической партией в настоящее время историками понимается "активная часть народа (группа людей), в большинстве случаев единомышленников, объединенных в политическую организацию, ставящую себе целью совместными действиями ее членов отстаивание интересов определенной социальной группы общества"⁸.

Как видим, оба определения, характеризующие партийный феномен с разных сторон, не содержат указаний на какие-либо специальные признаки, отличающие партию от парламентской группы, вне- или межпартийного союза, лиги, других общественных ассоциаций и объединений (профсоюзов, творческих, научных ассоциаций, землячеств и т.д.), в той или иной степени и с тем или иным постоянством преследующих политические цели. В то же время, эти определения применимы ко всем российским партиям, независимо от периода их деятельности, типа и общественно-политической ориентации⁹.

Соответственно и определение понятия партийного документа может иметь только весьма общий характер – и в плане обобщения признаков определяемого предмета, и в смысле универсальности применимости его (определения) к документам политических партий. Нам представляется, что это понятие объединяет комплекс разновидных, как правило, коллективно выработанных памятников общественно-политической мысли, нередко агитационно-пропагандистской направленности, призванных формулировать отношение данной политической организации или ее части к разнообразным явлениям общественной и государственной жизни на основе их теоретического осмысления и с целью изменения, а также определяющих ее внутреннюю организацию и содержащих сведения о ее повседневной практике.

В соответствии с современными взглядами на предмет и задачи археографии, под научной публикацией партийных документов мы понимаем такое воспроизведение их в печати (в журнале, в составе или в виде сборников, приложений к исследованиям), которое не имеет характера современной (оперативной) документации и осуществляется археографом, а не создателем документа в целях познания прошлого, а не управления текущими общественно-

⁸ Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Введение // История политических партий России: Учебник для студентов вузов. М., 1994. С. 7.

⁹ Некоторым исключением, с точки зрения властных амбиций и устойчивости организационной структуры, являются только организации анархистов, хотя и в самом отрицании политики и власти также можно усмотреть специфическую заявку на властвование – например, над умами людей.

политическими процессами¹⁰. При этом документ должен иметь черты археографического оформления и в той или иной степени разработанный научно-справочный аппарат¹¹. Публикации в изданиях научно-популярного характера или в газетах в настоящей статье не рассматриваются, как не соответствующие вышеперечисленным требованиям. Публикации документов современных российских партий, относясь к категории оперативных, также находятся за рамками настоящего обзора.

В области практической археографии одним из центральных событий последних лет стало появление публикаторского проекта "Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Документальное наследие". Его осуществление явилось логическим продолжением работы над энциклопедией "Политические партии России"¹² и связано с деятельностью независимой научной ассоциации "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН). В 1995 г. проект был поддержан Российским гуманитарным научным фондом. Он рассчитан на ряд лет и предусматривает публикацию комплекса документов и материалов наиболее крупных общероссийских политических партий, оказавших существенное влияние на развитие политического процесса в России в начале XX в. Проект осуществляется совместно с Федеральной архивной службой России, а также ведущими архивами страны (ГА РФ, РГАСПИ и др.). В работе над ним принимает участие большая группа ученых из академических институтов и высших учебных заведений. Проект реализуется в рамках научно-исследовательской программы РОССПЭН и Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП).

В основе проекта лежит стремление осуществить многотомную серийную документальную публикацию, включающую документы и материалы политических партий трех основных общественно-политических направлений: традиционалистского ("Союз русского народа", "Русский народный союз имени Михаила Архангела", "Русская монархическая партия"), либерального (октябристы, мирнообновленцы, прогрессисты, партия демократических реформ, кадеты, группа партий промышленников и предпринимателей) и социалистического (меньшевики, эсеры, левые эсеры-интернационалисты, эсеры-максималисты, народные социалисты, анархисты). В 30 томов этой серии должны войти материалы, отражающие деятельность этих партий на всем протяжении их существования, включая и эмигрантский период для тех из них, которые сформировали собственные заграничные "делегации" или группы.

Конечно, грандиозный замысел этого проекта не мог быть осуществлен на пустом месте. Как и сама РОССПЭН, он явился естественным продолжением начатой в конце 80-х годов работы над подготовкой к публикации документов кадетской и меньшевистской партий. Кроме того, осуществлению проекта предшествовал ряд крупных документальных публикаций в исторических журналах и альманахах¹³, большие усилия по формированию коллектива специалистов-

¹⁰ На документы личного происхождения это условие распространяется лишь отчасти.

¹¹ Степанский А.Д. Состав и содержание публикуемых источников как археографическая проблема // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1991. С. 7–8; *Он же*. Археография: термин, объект, предмет // ОА. 1996. № 3. С. 19; Королев Г.И. Археография: Уч. пособие. М., 1996. С. 16.

¹² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. Подробнее см.: Шелохаев В.В. Политические партии России: Документ. наследие // Вестн. РГНФ. 1996. № 2. С. 122–124.

¹³ См.: Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции / Публ. Д.Б. Павлова и В.В. Шелохаева // ВИ. 1990. № 2, 5, 6, 9, 12; 1991. № 12; 1992. № 10; Центральный Комитет "Союза 17 октября" в 1905–1907 гг.: Документы и материалы / Публ. Д.Б. Павлова и В.В. Шелохаева // ИСССР (Отечественная история). 1991. № 2–6; 1992. № 1–4; "Скандал очень большой и безвыходное положение партии": Из протоколов Парижского совещания ЦК Партии народной

публикаторов, поиски источников финансирования, решение издательских и организационных проблем.

В настоящее время, под эгидой единого Редакционного совета (О.В. Волобуев, В.В. Журавлев, М.К. Горшков, В.П. Козлов, С.В. Мироненко, А.П. Ненароков, А.К. Сорокин, В.В. Шелохаев – руководитель) проект реализуется в виде нескольких документальных серий: изданий "Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии"¹⁴, "Партия социалистов-революционеров"¹⁵, двухтомников «Партия "Союз 17 октября"»¹⁶, "Правые партии"¹⁷ и однотомного сборника "Меньшевики. 1903 – февраль 1917 г."¹⁸ Вышел первый (из двух запланированных) том анархистских документов¹⁹, полным ходом идет работа над документальными изданиями, посвященными "малым" либерально-буржуазным партиям (демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов), трехтомным (в четырех книгах) изданием протоколов кадетских съездов и конференций, сборником документов партий промышленников и предпринимателей, многотомным собранием документов партии левых эсеров. В печати находится издание, посвященное Союзу эсеров-максималистов.

В 1994 г., одновременно с первым томом "Протоколов ЦК и заграничных групп кадетской партии", открывшим публикацию сборников указанного проекта, вышел в свет первый том многотомного издания документов "Меньшевики в 1917 году", подготовленный российско-американской Рабочей группой историков и архивистов. К настоящему времени эта публикация уже завершена²⁰. В плане сохранившей самостоятельность Рабочей группы под руководством А.П. Ненарокова и З. Галили – подготовка трехтомного документального сборника, отражающего деятельность меньшевиков в годы гражданской войны (вышла первая из этих книг "Меньшевики в 1918 году" (М., 1999)), сборника протоколов заседаний Заграничной делегации РСДРП, а также публикация произведений неперидической печати (листовок, воззваний, прокламаций), изданных местными меньшевистскими комитетами в период с 1917 по 1924 г. Сборники этой серии, являющейся продолжением начатого американскими историками еще 40 лет назад Межуниверситетского проекта по истории меньшевизма, основаны на широком использовании как отечественных, так и зарубежных документальных собраний: архивов Б.И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира, собрания Б.А. Бахметева в Колумбийском университете и др.

свободы 26 мая – 2 июня 1921 г. / Публ. Н.И. Канищевой, Т.Ф. Павловой и В.В. Шелохаева // ИА. 1992. № 1; "Борьба наша проиграна": Документы правых, 1914 – февраль 1917 гг. / Публ. Ю.И. Кирьянова // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1993. Т. 14.

¹⁴ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т., 7 кн. М., 1994. Т. 1. 1905–1911 гг. / Сост. Д. Павлов; М., 1997. Т. 2. 1912–1914 гг. / Сост. Д. Павлов; М., 1998. Т. 3. 1915–1920 гг. / Сост. Д. Павлов; М., 1996. Т. 4. 1920–1921 гг. / Сост. Н. Канищева.

¹⁵ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1912 гг.: В 3 т., 4 кн. М., 1996. Т. 1. 1900–1907 гг. / Сост. Н. Ерофеев.

¹⁶ Партия "Союз 17 октября": Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК, 1905–1915 гг.: В 2 т. М., 1996. Т. 1. 1905–1907 гг. / Сост. Д. Павлов.

¹⁷ Правые партии: Документы и материалы, 1905–1917 гг.: В 2 т. / Сост. Ю. Кирьянов. Т. 1. 1905–1910 гг.; Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998.

¹⁸ Меньшевики: Документы и материалы, 1903 – февраль 1917 гг. / Сост. С. Тютюкин. М., 1996.

¹⁹ Анархисты: Документы и материалы, 1883–1935 гг. / Сост. В. Кривенький. М., 1998, 1999.

²⁰ Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994. Т. 1. От января до июльских событий; М., 1995. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа; М., 1996. Т. 3, ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август – первая декада октября); М., 1997. Т. 3, ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря).

Параллельно с работой над томами указанных серий участники проекта и члены ассоциации РОССПЭН осуществили целый ряд других крупных и весьма разнообразных тематически документальных публикаций. Среди них – сборник программ российских партий²¹, идея которого родилась еще в конце 80-х годов в ИМЛ при ЦК КПСС, цикл материалов о деятельности крайне правых в годы первой мировой войны²², сборник программных документов, публицистических произведений и воспоминаний русских либералов²³, материалы, связанные с жизнью и творчеством видных представителей либерального лагеря²⁴, документы о деятельности и разоблачении провокаторов в рядах социалистических партий – эсеров, эсеров-максималистов, социал-демократов²⁵.

Таким образом, в научный оборот вводится несколько тысяч документов отечественных и зарубежных архивов, представляющих собой основополагающие источники для изучения общероссийских политических партий. Благодаря этим публикациям, воссоздается богатейшее полотно общественно-политической мысли России в один из переломных периодов ее истории. В них представлены наиболее крупные модели государственного устройства и общественного развития страны, основанные на различных идеологических, философских и политических системах взглядов, сформулированных в работах теоретиков и лидеров ведущих отечественных политических партий. Основательное знакомство с последними позволяет не только лучше понять существо той или иной общественно-политической модели, но и дает широчайшие возможности для их сравнительной характеристики. В публикуемых партийных документах прослеживаются логические взаимосвязи между общеполитическими концепциями и программатикой того или иного общественно-политического объединения. Не подвергнутые партийной "цензуре", эти документы дают возможность проследить процесс выработки и принятия партийными лидерами политических решений как бы "изнутри", наглядно демонстрируя все "пружины" работы данного партийного "механизма".

Наконец, публикуемые документы позволяют составить весьма полное представление о практической деятельности той или иной партии с момента ее возникновения и до исчезновения с арены политической борьбы. Они содержат огромную и зачастую уникальную информацию о состоянии той или иной партийной организации на разных этапах ее истории; о взаимодействии центральных партийных учреждений с ее местными комитетами, о связях данной партии с "внешним миром" – другими общественно-политическими объединениями и организациями (отечественными и зарубежными), органами местного самоуправления, общегосударственными институтами, партийным электоратом и обществом в целом. Иными словами, публикуемые документы воссоздают картину партийно-политической жизни России в начале нынешнего столетия во всем ее богатстве, разнообразии и полноте.

²¹ Программы политических партий России, Конец XIX – начало XX в. М., 1995.

²² Местные организации правых партий в России накануне февраля 1917 г. / Публ. Ю.И. Кирьянова // ОА. 1995. № 6; "Не понимают великой русской государственной идеи": Переписка К.Н. Пасхалова, 1914–1917 гг. / Публ. Ю.И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6; Переписка правых и другие материалы об их деятельности, 1914–1917 гг. / Публ. Ю.И. Кирьянова // ВИ. 1996. № 1, 3, 4, 7, 8, 10; Тюремные записки В.М. Пуришкевича, Декабрь 1917 – март 1918 гг. / Публ. И.С. Розенталя // ИА. 1996. № 5/6.

²³ Российские либералы: кадеты и октябристы: Док., восп., публицистика / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996.

²⁴ Миллюков П.Н. При свете двух революций / Публ. Н.И. Канищевой, К.Г. Ляшенко и В.В. Шелохаева // ИА. 1993. № 1, 2; "Окриком грозы не разгонишь": Из дневника А.А. Гирса, Июль–октябрь 1905 г. / Публ. Д.Б. Павлова // ИА. 1993. № 3.

²⁵ Страницы истории эсеров-максималистов [Воспоминания максималистки К.М. Бродской о провокаторе С.Я. Рыссе] / Публ. Д.Б. Павлова, З.И. Перегудовой // ВИ. 1988. № 5; Дело провокатора Малиновского / Сост. Б.И. Каптелов, И.С. Розенталя, В.В. Шелохаев. М., 1992; Письма Азефа, 1893–1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994.

Трудно делать окончательные выводы относительно продолжающихся изданий. Однако, судя по содержанию опубликованных томов (число которых уже перевалило за половину общего состава проекта), их археографическому оформлению и близкому к академическому способу передачи документальных текстов, уже сейчас можно утверждать, что эти публикации являются знаковым событием в истории отечественной археографии и археографического освоения интересующих нас источников в целом. Нет сомнения, что они станут основой и стимулом к дальнейшему объективному изучению истории российских партий. Собственно, такое изучение уже начато составителями перечисленных документальных сборников, предисловия к которым, написанные в жанре историко-документальных очерков, являются самостоятельными историческими произведениями.

Во многом новаторским является и сам принцип формирования документальных сборников указанных серий. Начав с документов центральных партийных учреждений (съездов, конференций, ЦК и других руководящих партийных органов), как с источников стратегического характера, со временем участники проекта пришли к осознанию необходимости публикации наряду с ними и документов иных видов с тем, чтобы подготовленные издания отражали историю и деятельность партий максимально широко. Таким образом, одной из центральных задач публикаторов становилось документальное рассмотрение процесса выработки партийной позиции по всем крупнейшим внутри- и внешнеполитическим вопросам.

Включение в документальные сборники программно-уставных документов, материалов партийной публицистики, документов местных партийных организаций, партийных фракций в представительных учреждениях и т.д., превращает их в синтетические, или номинальные. Понятно, что задача археографа при этом значительно усложняется. В этом случае археограф обязан учесть и с максимальной полнотой отразить и состояние самой партийной организации в исследуемый период, и ее взаимоотношения с властью (в том числе действия ее представителей в составе властных структур, исполнительных и законодательных), и многочисленные оттенки мнений, всегда существующие в партии по важнейшим общественно-политическим и социально-экономическим вопросам, и ее контакты с другими политическими и общественными организациями, отечественными и зарубежными, и жизнь партийной периферии, и многое другое, из чего, собственно, и складывается повседневная политическая практика. При таком подходе к формированию документальных сборников важно соблюсти известный баланс между документами различных видов, жанров и направленности: цель не будет достигнута, если книга будет представлять собой только антологию публицистических произведений партийных лидеров, или сборник резолюций местных партийных организаций или собрание документов исключительно представителей внутрипартийной оппозиции. Все эти материалы должны присутствовать в сборнике, но именно в той пропорции, в какой они, в соответствии с экспертной оценкой публикатора, определяли партийное "лицо" и влияли на деятельность партии в целом.

Новые подходы, выработанные в процессе работы в рамках упомянутых проектов, коснулись не только принципов формирования основного корпуса публикуемых источников, но и таких важнейших компонентов документальных сборников, как научно-справочный аппарат, вводные разделы и приложения. Так, в основу научного комментирования была положена идея о необходимости не просто разъяснить то или иное положение публикуемого документа, но и дополнить опять-таки с опорой на партийные материалы. По мысли членов публикаторского коллектива, еще более широкие функции возлагаются на приложения, в которых, как правило, помещаются документы партийных органи-

заций, родственных или близких основной (например, документы плехановской группы "Единство" включены в приложение к сборнику "Меньшевики в 1918 году").

Нельзя не согласиться с указанием ныне действующих Правил о том, что важнейшим атрибутом научной публикации документов является предисловие, или вводная статья, в которой должны быть отражены не только принципы, которыми руководствовался публикатор при формировании сборника, но и дан анализ публикуемых документов с точки зрения истории данной партии с учетом накопленного археографического и историографического опыта²⁶. Будучи самостоятельным научным исследованием, по своему содержанию предисловие зависит от уровня знаний и степени знакомства археографа с проблемой в целом. Отличительной чертой упомянутых документальных сборников являются вводные разделы, написанные как аналитические статьи. К сожалению, некоторые современные отечественные публикаторы (например, В.В. Кривенький, А.Л. Литвин) относятся к работе над вводной статьей или над научно-справочным аппаратом документального издания как к чему-то второстепенному. Между тем, слабое предисловие является верным признаком недостаточного профессионализма данного автора и как исследователя, и как археографа. Объяснение публикатором отсутствия комментариев нежеланием навязывать читателю "предвзятости мнений"²⁷ может вызвать только недоумение.

Авторская позиция публикатора, а не только формальные признаки, указанные в Правилах, должна подсказать и пути решения проблемы "основного документа", если речь не идет о нормативных партийных документах или воспоминаниях. При подготовке к печати программно-уставных партийных документов задача современного публикатора отнюдь не исчерпывается простым воспроизведением окончательного, официально принятого текста программы или устава, как это делали, например, составители сборников партийных программ, появившихся еще в годы первой российской революции²⁸. Его цель – проследить этапы работы над программно-уставным документом, показать ход и раскрыть смысл дискуссий, имевших место в партии по отдельным его пунктам. Для этого в основной корпус публикуемых документов целесообразно вводить и протопрограммные материалы (программные воззвания, манифесты, заявления, наброски), а для воспроизведения различных редакций отдельных положений программы или всего документа в целом использовать подстрочные комментарии или приложения. Не менее важно проследить развитие программных требований в практической деятельности данной партии, в том числе и в рамках работы ее парламентского (думского, советского) представительства. Наконец, учитывая долговременный и общепартийный характер самих программно-уставных документов, их публикация требует развернутой вводной статьи общехисторического характера.

При публикации же дневников и мемуаров предпочтение, по нашему убеждению, должно отдаваться одной из ранних авторских редакций, как наиболее близкой к описываемым событиям и свободной от позднейших, часто конъюнк-

²⁶ См.: Правила издания... С. 137–139.

²⁷ Литвин А.Л. Меньшевики в советской России // Меньшевики в советской России: Сб. док. Казань, 1998. С. 10.

²⁸ См.: Сборник программ политических партий в России / Под ред. В.В. Водовозова. СПб., 1905–1906; Вып. 1–6. Полный сборник платформ всех русских политических партий с приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. СПб., 1906; Российские партии, союзы и лиги: Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах / Сост. В. Иванович. СПб., 1906; и др.

турных, наслоений. При этом дополняющие первоначальный вариант позднейшие разночтения должны быть отражены в комментариях²⁹.

По нормам, установленным еще С.Н. Валком, опубликовать документ следует в окончательной, "беловой" авторской редакции³⁰, что и происходит на практике. Однако возможны и, на наш взгляд, вполне допустимы и оправданны отступления от этого общего правила. Случается, что в основной корпус публикуемых материалов уместнее помещать не окончательный, а первоначальный (черновой) вариант или набросок обращения, письма, статьи, как более информационно насыщенный, яркий и откровенный (при этом документ в позднейшем варианте должен быть воспроизведен в комментариях; то же и с заслуживающими внимания промежуточными редакциями). Толкнуть публикатора на отступление от принятых норм могут и какие-то специальные обстоятельства, связанные с "жизнью" самого документа³¹. В общем, нельзя не согласиться с сотрудниками ВНИИДАД в том, что "выбор основного текста не может быть произведен по шаблону, для решения этого вопроса необходимо тщательное изучение самого текста и его истории"³².

Весьма часто публикатор сталкивается с необходимостью установления авторства анонимных документов и их датировки. Предметом его особой заботы должно быть умение обнаружить и исключить из публикации фальшивку или, напротив, установить подлинность документа, ранее объявленного недостоверным – в противном случае будет поставлена под сомнение подлинность всего публикуемого им документального корпуса.

Решение всех этих сложных и разнообразных задач под силу человеку, обладающему не только навыками археографа, но и качествами исследователя, разносторонне информированного в вопросах как собственно партийной истории, так и общеполитической обстановки, международных отношений в интересующий его период, особенностей работы органов политического розыска на данный момент и т.д. Таким образом, подтверждается высказывавшееся в литературе мнение о бесперспективности деления историков на "чистых" публикаторов и "чистых" же исследователей. С точки зрения качества как археографической, так и исследовательской продукции оптимальной является ситуация, когда исследователь и археограф выступают в одном лице, причем во всех компонентах публикаторской работы исследовательское начало имеет ныне тенденцию к росту. Равным образом подтверждается высказанный теоретиками тезис о целесообразности формирования документальных сборников по номинальному признаку³³.

²⁹ Указание ныне действующих Правил о том, что в качестве "основного текста" в этом случае выбирается "тот, который с наибольшей точностью и полнотой отражает идейный замысел автора и его последнюю работу над документом" (Правила издания... С. 39), представляется неточным. В этом отношении ближе к истине авторы изданного в начале 70-х годов методического пособия о публикации мемуарных источников. См.: Публикация мемуарных источников: Метод. пособие / Сост. А.Д. Варганьян. М., 1972. С. 77–79.

³⁰ Валк С.Н. О приемах издания историко-революционных документов // Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С. 68.

³¹ Например, при формировании документального сборника "Меньшевики в 1919–1920 гг." А.П. Ненароков и Д.Б. Павлов столкнулись со следующей ситуацией. Одно из писем П.Б. Аксельрода Ю.О. Мартову за 1920 г., необходимость включения которого в сборник сомнений не вызывала, было напечатано "Социалистическим вестником" с большими купюрами; позже письмо было опубликовано на французском языке. В архиве ФСБ составители обнаружили обратный перевод этого письма на русский язык, сделанный в тюрьме одним из членов МК РСДРП. Поскольку оригинала письма найти так и не удалось, для публикации была избрана именно эта, рукописная "тюремная" (а не опубликованная "беловая"), редакция документа, тем более, что сопоставление его соответствующих частей с опубликованными по-русски фрагментами показало высокое качество перевода.

³² Публикация мемуарных источников. С. 80.

³³ Степанский А.Д. Археография: термин, объект, предмет. С. 21.

Несколько слов следует сказать о проблеме временной "дистанции" между введением новых документов в научный оборот и их использованием в исследовательской практике. Одному из авторов данной статьи не так давно приходилось писать, что для максимального "укорачивания" этой дистанции, конечно, крайне желательного для науки вообще и каждого публикатора, в частности, необходим некий "минимум литературы", включающей постановку методологических и проблемно-теоретических вопросов, достижение зрелого уровня исследовательской мысли, наличие профессионального отряда историков-историографов, наконец, формирование сравнительно устойчивой традиции в освещении соответствующей проблематики³⁴.

Принципиально новая постановка вопросов методологии изучения российской многопартийности содержится в трудах целой группы отечественных историков и историографов³⁵. Вокруг Центра политической и экономической истории России РНИСиНП, который по праву завоевал репутацию ведущего научного учреждения, занятого публикацией документов и изучением всего спектра вопросов, связанных с деятельностью политических партий в России, сложилась самостоятельная научная школа, представляющая целое направление в отечественной исторической науке. Неформальный состав этого творческого коллектива также правомерно рассматривать как некое знамение времени. С одной стороны, его неструктурированность и вневедомственный характер затрудняют решение ряда вопросов организационного, координирующего, финансового плана. С другой же, не имея над собой бюрократических, политических, идеологических и иных учреждений, союз единомышленников в интеграции исследовательских интересов получает мощный импульс к высокоэффективной реализации своих замыслов и планов. Не менее важно и то, что сложившийся исследовательский коллектив объединяет представителей нескольких поколений историков, что обеспечивает процесс воспроизводства специалистов-археографов и позволяет рассчитывать на преемственное продолжение ныне проводящейся работы в будущем и на заданном уровне.

Следовательно, из всех перечисленных факторов наименее действенным на сегодняшний день в интересующей нас области, вероятно, следует признать только последний, предполагающий наличие устойчивой исследовательской традиции. Однако и этот "изъян", стараниями отечественных и зарубежных археографов и историков, успешно ликвидируется³⁶.

³⁴ См.: *Ненароков А.П.* К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924. М., 1991. С. 16–18.

³⁵ См.: *Шелохаев В.В.* [Вводная статья] // Политические партии России, Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия; *Зевелев А.И., Свириденко Ю.П.* Введение // История политических партий России. М., 1994; и др.

³⁶ См.: *Степанский А.Д.* [Рец.] Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 1. Протоколы ЦК конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. // ИА. 1995. № 2; *Уткин А.И., Степанов А.И.* [Рец.] Большевики в 1917 году: В 3 т. Т. 1. Большевики в 1917 году: От января до июльских событий // Там же. 1995. № 3; *Смирнова М.И.* [Рец.] Большевики в 1917 году: В 3-х т. Т. 2. Большевики в 1917 году: От июльских событий до корниловского мятежа // ИА. 1996. № 3; *Степанский А.Д.* [Рец.] Протоколы зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 4. Май 1920 – июль 1921 г. // Там же. 1996. № 5/6. *Леонов М.И.* [Рец.] Письма Азефа, 1893–1917 // ОИ. 1997. № 4; *Журавлёв В.В.* РСДРП и исторические судьбы социализма в России // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии: К 100-летию РСДРП: Материалы российско-германского двустороннего симпозиума 5–7 марта 1998 г. М., 1998. С. 223–231; *Ненароков А.П.* Контакты российских большевиков с германскими социал-демократами в годы гражданской войны в России // Там же. С. 116–121; *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП (дооктябрьский период) // Там же. С. 46–57; *Павлов Д.Б.* Отечественные и зарубежные публикации документов российских партий: Дис. в виде научн. докл. ... докт. ист. наук. М., 1998; и др.

Благодаря масштабной реализации современных и не имеющих аналогов в мировой историографии публикаторских проектов, созданы условия для непредвзятого, основанного на объективном знании и комплексном подходе к источникам изучения истории российской многопартийности во всем ее разнообразии и полноте, положено начало международному сотрудничеству в разрешении серьезнейших публикаторских и исследовательских проблем. В основном подготовлен фундамент для пересмотра концепций и оценок официальной советской историографии как общего (классификация этих партий по признаку социальной природы и основных программных требований, их группировка по вопросам отношения к внутренней политике царского и большевистского правительств и т.д.), так и частного (по отношению к каждой данной партии) характера.

Накопленный опыт показал, что материалы всех политических партий, действовавших в России в течение первых двух-трех (для КПСС – восьми) десятилетий нынешнего столетия, следует рассматривать как единый документальный комплекс и применять к нему единую систему классификации. Таким образом, представления советского источниковедения в этой области нуждаются в коренном пересмотре. Археографическая практика "явочным порядком" преодолевает недочеты и архаизмы ныне действующих публикаторских Правил, которые также нуждаются в скорейшем обновлении с учетом имеющегося опыта.

Вместе с тем, работа по научной публикации документов российских партий еще далека от завершения. Осуществленные публикации неравномерно охватывают партийные документы по видам, хронологии и по отдельным партиям. Так, систематическая публикация базовых партийных документов (программ, протоколов заседаний их центральных органов, съездов и конференций) начата лишь в 90-е годы и находится в стадии реализации. Единичны научные публикации такого, широко представленного в архивах вида источников, как воззвания, прокламации и листовки³⁷. Предстоит археографическое освоение документов партийных фракций в общероссийских представительных органах – Государственных думах, Учредительном собрании, Советах. За счет привлечения документов зарубежных и вновь открытых отечественных архивов нуждается в пополнении сложившаяся на сегодняшний день библиотека воспоминаний, писем, дневников и других источников личного происхождения. Крайне бедно в документальных публикациях представлены национальные партии. Ощущается потребность в издании избранных (в идеале – полных собраний) сочинений партийных теоретиков всех основных общественно-политических лагерей³⁸. Необходимо продолжить научную публикацию документов КПСС, критически, но, вместе с тем, и конструктивно подходя к накопившемуся здесь за десятилетия, огромному и неоднородному археографическому наследию³⁹.

С точки зрения хронологии наименее изученным в историографическом и археографическом плане остается послеоктябрьский период деятельности нелегальных партий как в самой России, так и за рубежом. Между тем, изучение материалов социалистических партий показывает, что их деятельность в этот период отнюдь не ограничивалась критикой власти и участием в антибольшевистских выступлениях (характер и степень этого участия также требуют

³⁷ Недавно появившаяся короткая подборка 16 меньшевистских и эсеровских листовок основана только на одном из многих собраний документов этого вида: *Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов* / Сост. Г.И. Злоказов // ОИ. 1993. № 1.

³⁸ Даже так называемое Полное собрание сочинений В.И. Ленина может называться таковым лишь в совокупности с дополнительным томом "Неизвестный Ленин: Неопубликованные документы" (М., РОССПЭН, 1998).

³⁹ Некоторые из вышеупомянутых публикаций документов КПСС, осуществленных на рубеже 80–90-х годов, вполне отвечают этому требованию.

документального изучения), а включала разработку собственных альтернативных предложений по всем основным вопросам внутренней и внешней государственной политики. Документы судебно-следственных органов большевистского режима в корне подрывают провозглашенный в советской историографии тезис о "самопроизвольном распаде" этих организаций. Целесообразно поэтому было бы продолжить публикацию соответствующих инструктивных и следственных материалов ВЧК–ОГПУ, понятно, выводя большинство подобных документов за рамки корпуса собственно партийных.

Археографическая практика последних лет выдвинула ряд новых или подтвердила актуальность ранее поставленных теоретических и прикладных проблем. Многие из них находятся в контексте сформулированной в теоретическом источниковедении еще 30 лет назад, но до конца не разрешенной и поныне, проблемы соотношения понятий подлинности источника, его достоверности и исторической правды⁴⁰. Так, знакомясь с материалами до- и послеоктябрьского судебно-следственного делопроизводства, публикатор партийных документов неизменно сталкивается с вопросом: может ли подлинный протокол допроса партийного деятеля, "агентурное сообщение" о том или ином партийном предприятии (митинге, собрании, конференции) рассматриваться в качестве достоверного партийного документа, или, шире, следует ли судебно-следственные документы, особенно относящиеся к 20–30-м годам, считать источниками по истории данной партии и исходя из этого публиковать? Применим ли в этом случае принцип фондовой публикации? Или, учитывая известные особенности работы соответствующих "органов" (провокация, доносительство, шантаж, применение физических и иных методов воздействия, создание "дутых" дел), эти документы скорее являются источниками по истории внутренней политики советской власти, как это признает профессор А.Л. Литвин⁴¹, один из пионеров фондовой публикации следственных дел советской эпохи? Так ли уж бесспорны в нашем случае научные достоинства пофондовой публикации документов вообще, учитывая, что издания этого типа предполагают механическое тиражирование огромного количества малозначащих, поглощенных и имеющих второстепенное значение документов, как правило, присутствующих в архивных делах⁴²? Нам представляется, что подобная практика противоречит тенденции к усилению исследовательского начала в археографии, особенно ярко проявившейся в последние годы.

Практика публикации партийных документов показывает, что споры об абсолютных достоинствах или таких же недостатках того или иного вида публикаций, умозрительны. Так, в последние годы в новом качестве воскресла тематическая публикация, казалось, безнадежно скомпрометированная в советское время; доказал свое право на существование и часто критиковавшийся за субъективность жанр "исследование в документах"; перспективными и завоевывающими все большую популярность среди специалистов представляют тематические подборки документов, прилагаемые к историческим исследованиям. Даже приступая к подготовке публикации источника определенного вида, т.е. публикации на первый взгляд заведомо видовой, археограф не может сказать заранее, какой характер его издание приобретет на "выходе" – он слишком зависим от исходного материала. Например, многотомный сборник документов кадетской партии, по плану видовой ("протоколы"), на деле превратился в пофондовую публикацию, а октябристской – в номинальную. В то же время,

⁴⁰ См.: Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теорет. и метод. проблемы: Сб. статей. М., 1969. С. 39.

⁴¹ Два следственных дела Евгении Гинзбург / Сост. А.Л. Литвин. Казань, 1994. С. 4 [Предисловие].

⁴² Согласно ныне действующим публикаторским Правилам (с. 28–29), документы такого рода следует помещать в примечаниях или в виде регестов.

пофондовая публикация, признаваемая в теории наиболее полной и потому предпочтительной для изданий научного типа⁴³, на деле, как мы видели, не всегда может претендовать на научность.

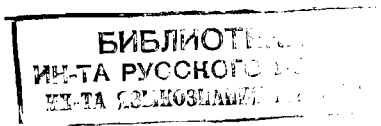
Выбор вида публикации во многом зависит от особенностей интересующей археографа партии. Так, для изучения истории партий, которые организационно строились на основе принципов централизма, источниками первостепенной важности являются материалы их руководящих учреждений, что, в свою очередь, делает вполне допустимой и даже целесообразной их видовую публикацию. В отношении партий парламентского типа такими же базовыми источниками остаются документы их фракций в представительных учреждениях. О политической деятельности партий-"клубов" наиболее полное и достоверное представление, как правило, можно составить не по официальным партийным документам, а по источникам личного происхождения их вождей – воспоминаниям, письмам, публичным выступлениям, и совсем не обязательно в рамках собственно партийного учреждения.

Говоря о достоинствах или недостатках документальных сборников определенного типа, как и рассуждая на тему о степени важности источников разных видов, необходимо, однако, иметь в виду, что для исследователя, на интересы которого, в конечном счете, и должна быть ориентирована работа археографа, значение каждой группы источников определяется не его видовой принадлежностью, а тем, какой аспект партийной деятельности или ее истории его интересует. Так, рассмотрение вопросов партийной идеологии предполагает привлечение источников всех видов, среди которых отнюдь не на последнем месте будут научные работы партийных теоретиков, особенно в области гуманитарных дисциплин. Биограф того или иного партийного деятеля первостепенное внимание обратит на источники личного происхождения своего героя, а также на его публицистические произведения. Исследователь региональной политической жизни будет, главным образом, опираться на материалы, отражающие деятельность партийных представителей в органах местного самоуправления и в общественных организациях, а также на документы местных партийных групп и т.д. Весьма часто возможность извлечь так называемую "непрямую" (а потому и наиболее ценную) информацию возникает только при комплексном и сравнительном изучении сведений, содержащихся в источниках разных видов.

Вместе с тем, значительные документальные комплексы, будучи формально "партийными", на деле могут представлять для истории данной партии либо третьестепенный интерес, либо не быть партийными источниками вовсе. Среди первых иногда встречаются даже материалы центральных партийных учреждений (например, протоколы тех заседаний октябристского ЦК, на которых обсуждались проблемы российского шелко- или льноводства), среди вторых – те из источников личного происхождения, которые отражают не политическую, а профессиональную деятельность конкретного политика, или обстоятельства его личной, бытовой, семейной, хозяйственной жизни. Но и тут чисто формальные признаки не годятся: весьма велико, например, значение как источника именно по истории партии личной переписки Ю.О. Мартова с Н.С. Кристи, В.И. Ленина с И.Ф. Арманд, А.И. Гучкова с С.В. Неандер и т.д.

Таким образом, в определении степени важности источника того или иного вида, а значит и в поиске предпочтительного способа формирования соответствующего документального издания, главное заключается не в видовой принадлежности или в каких-либо иных формальных признаках данного источника, а в характере содержащейся в нем информации и ее соотношении с поставленными исследовательскими задачами.

⁴³ Как то фиксируют ныне действующие издательские Правила (с. 11).

Примерно так же выглядит и проблема целесообразности переиздания ранее публиковавшихся документов. Качество археографической продукции в решающей степени зависит не только от того, архивный или, скажем, газетный материал положен в основу данной публикации, но и от самого публикатора – уровня его подготовки и археографической культуры. За счет умелого формирования и качественного археографического исполнения первоклассный документальный сборник может быть составлен и на основе ранее опубликованного (но, конечно, библиографически редкого) материала – например, недавно изданные материалы Второго Всероссийского съезда Советов⁴⁴, ход работы которого, за неимением других источников, был реконструирован исключительно на основе газетных публикаций. И наоборот, игнорирование публикатором археографических норм обесценивает уникальный архивный материал. Чтобы превратиться в полноценный исторический источник или, как говорят археографы, стать "новой реальностью", этот "камень" нуждается в "оправе".

Для создания полноценного научно-справочного аппарата, без которого публикация документов явится простым их тиражированием, современная археография остро нуждается в изданиях справочного характера, в первую очередь, в энциклопедиях и библиографических справочниках. Насущной представляется подготовка компьютерного банка биографических данных российских политических, общественных и государственных деятелей. Необходим сводный каталог мемуарной литературы, разбросанной по журналам, сборникам, альманахам многих стран мира⁴⁵. Учитывая, что интересующие нас материалы отложились в десятках архивов Европы и Америки (например, по данным Р. Пайпса, бумаги одного только П.Б. Струве хранятся в 15 архивах 6 стран, не считая двух частных коллекций), желательно приступить к сплошной каталогизации и описанию этих документов. Все эти грандиозные задачи могут быть решены лишь соединенными усилиями отечественных и зарубежных специалистов. Предпосылки для такого сотрудничества и конкретные примеры его продуктивности уже есть.

---

⁴⁴ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.): Сб. документов и материалов. М., 1997.

⁴⁵ Такая работа уже ведется в США под руководством профессора Теренса Эммонса, но похоже, что при этом отечественные издания не учитываются. См.: *Раев М.* В помощь исследованию зарубежной России // *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1995. Кн. 196. С. 356.

Д.Н. Шилов

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
МЕТОДИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РАБОТЫ**

Биография – едва ли не древнейший жанр научного исследования. Вопрос о месте человека в истории, степени его влияния на события всемирного исторического процесса вряд ли когда-нибудь утратит свою остроту. Философы, историки, социологи уже не одну сотню лет спорят об этом, то превознося героев, то стараясь растворить их в безликой пучине социально-экономических и политических процессов. Именно последней крайности были долгое время подвержены российские ученые. Следствием стало низведение биографического жанра до второстепенного, как бы подсобного уровня в исторической литературе. Лучшие жизнеописания советской эпохи были, скорее, научно-популярными, нежели строго научными. Элемент художественности позволял авторам свободнее и ярче обрисовать облик исторических деятелей, а также обойти скучную для читателя марксистскую фразеологию. Увы, для отечественной биографической науки все это имело не самые лучшие последствия. С одной стороны, наши знания даже о наиболее знаменитых россиянах, как выясняется теперь, очень часто поверхностны и однобоки; с другой стороны, многочисленные запретные темы советского времени обернулись ныне громадными "белыми пятнами", которые "закрывают" от нас не только отдельные лица, но и целые сословия, социальные и профессиональные группы.

Биографии государственных деятелей Российской империи XIX – начала XX в. – одна из таких лакун. Конечно, нельзя сказать, что в этой области за последние три четверти века ничего не сделано. Большая заслуга принадлежит здесь историкам Западной Европы и США. Например, ими написаны обстоятельные биографии таких сановников старой России, как С.Ю. Витте, А.А. Закревский, В.К. Плеве, К.П. Победоносцев, С.С. Уваров и др.¹ На русском языке равноценных исследований пока нет. Но ведь возможности иностранных ученых в этой области гораздо более ограничены, чем у их российских коллег. Несравнимы и масштабы интереса к теме: за последние семь-восемь лет в России по ней написано, пожалуй, не меньше, чем на Западе за все время с 1917 г.

Биографическая энциклопедия – это как бы отправная точка для сотен и тысяч жизнеописаний. Вбирая в себя достижения современной ей биографической науки, она увенчивает весь предыдущий этап ее развития и одновременно открывает следующий, более высокий, ставит новые задачи, выдвигает неизвестные дотоле имена. Национальная биографическая энциклопедия – предмет гордости для каждой страны, для ее историографии. Многотомными сводами жизнеописаний обладают США, Германия, Великобритания, другие великие державы. Есть он и у России – это "Русский биографический словарь". Однако

¹ *Laue T.H., von. Sergei Witte and Industrialization of Russia. N.Y., 1963; Mehlinger H.D., Thompson J.M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington, 1972; Lillja A.A. Arsenij Andrejevitch Zakrevskij, Finlands general guvernör. Helsingfors, 1948; Judge E.H. Plehve. Syracuse, N.Y., 1983; Byrnes R.F. Pobedonostsev. His Life and Thought. L., 1968; Wittaker C.H. The origin of modern Russian education: an intellectual biography of count S. Uvarov, 1786–1855. DeKalb, 1984 etc.*

этому замечательному памятнику российской исторической мысли без малого 100 лет. Потому, оставляя в стороне все существенные достоинства и недостатки издания, следует заметить, что оно уже только по этой причине далеко не в полной мере может удовлетворить научным запросам сегодняшнего дня. Нужен новый, современный российский биографический словарь.

Справочник "Государственные деятели Российской империи", о котором ниже пойдет речь, мог бы стать, если не формально, то по существу, частицей такой энциклопедии. Важность темы очевидна, и сама она, так сказать, лежит на поверхности. Тем не менее, биографического словаря российских государственных деятелей, более совершенного и полного, чем лучшие образцы начала века, до сих пор нет. Даже тот, кто только собрал бы воедино разрозненные сведения из сотен печатных источников, оказал бы сегодня биографической науке немалую услугу. Но компилятивный труд, даже самый добросовестный и полный – лишь первый шаг к созданию современного словаря русских государственных деятелей. Сознывая это, мы отказались от компиляции, как принципа формирования справочника. Опубликованные материалы, при всем их разнообразии (а отчасти – и вследствие такового), не могут быть его основой. Поэтому почти каждая биография нашего словаря базируется на архивных источниках, никогда прежде не появлявшихся в печати. Таким образом, составительство постепенно переходит в авторство, механическая работа – в исследовательскую. Правда, исследования наши носили не совсем обычный характер. Вместо двух-трех глобальных вопросов пришлось ответить на десятки частных и даже микроскопических: где и что искать, чему доверять, а чему – нет и т.п. Но, решив их, мы, в конце концов, сумели создать источниковую основу, близкую к стопроцентной по репрезентативности и исключительную по достоверности. А это, на наш взгляд, и есть два главных достоинства любого биографического словаря.

Справочник (находится в печати издательства "Дмитрий Буланин") включает 281 очерк. Очерки посвящены российским государственным деятелям, занимавшим в 1802–1917 гг. министерские и равные им по рангу посты в центральном аппарате управления. Это министры, главноуправляющие отдельными ведомствами, председатели Государственного совета и его департаментов, Комитета и Совета министров, государственные секретари и обер-прокуроры Святейшего Синода. Круг лиц, определенный, как видно из вышесказанного, по формальному признаку, легко мог быть и сокращен, и значительно расширен. Поэтому установленные нами пределы – совершенно условны и, конечно, могут варьироваться. Проблема, скорее, не в точном их определении, а в ограниченных физических возможностях одинокого исследователя. Следующий шаг в этой области должен быть сделан, по нашему мнению, вглубь – от высшего управленческого звена к среднему, гораздо более многочисленному. Между тем, именно руками его представителей – столоначальников, директоров департаментов, товарищей министров – совершалась вся черновая административная работа в Российской империи. Потому и доля реальной власти, которой они обладали, была иногда несоизмеримо значительнее их положения в чиновно-должностной иерархии. На этой стадии разработки темы необходимы усилия целого коллектива ученых. Следующая важнейшая задача – изучение губернского аппарата управления – еще более обширна и сложна. Исследования в указанных областях (в основном социологического характера) уже ведутся российскими историками, но, как правило, в одиночку.

Теперь перейдем к наиболее существенному вопросу, который прежде других встает перед создателем любого биографического словаря – его источниковой основе. Ведь именно в ней, в конечном счете, заключаются главнейшие достоинства и недостатки подобных трудов.

Основным источником информации о службе российских чиновников XIX – начала XX в. являются их послужные (формулярные) списки и личные дела. Эти два вида документов тесно связаны между собой и нередко полностью дублируют сведения друг друга. Тем не менее они не идентичны, как часто полагают, а имеют определенные отличия, часто весьма важные. Послужной список – это аттестат, личная анкета чиновника, содержащая данные о нем и его карьере по ряду тематических разделов-граф (к концу XIX в. их было 16) на конкретный метод. Личное дело – документ более объемный и сложный. В него попадало значительно больше служебной информации, чем в формуляр. Кроме того, оно часто содержит немало полуофициальных бумаг, в послужном списке никогда не отражавшихся.

Коснемся коротко истории этих документов. Появившись в первой половине XVIII в.², послужные списки постепенно усложнялись и видоизменялись. Обзор законодательства по этому вопросу показывает, что в каждое новое царствование формуляр обрастал новыми деталями³. Окончательное оформление документа происходит в середине XIX в., после чего он в почти неизменном виде просуществовал вплоть до 1917 г. Послужной список гражданского чиновника второй половины XIX в. содержал следующие сведения: чин, имя, отчество, фамилия служащего, его должность, возраст или дата рождения, вероисповедание, знаки отличия, получаемое жалование, происхождение, имущественное положение, образование, время поступления на службу, хронология ее прохождения, награды, участие в походах и сражениях, взыскания по службе, время нахождения в отпусках и в отставке, семейное положение (жена, дети и даты их рождения).

Форма послужного списка для военных в течение века была почти такой же. Иногда в отдельную графу выделялись особые поручения по службе. Но более правильным в делопроизводстве того времени считался, по-видимому, общепринятый образец, когда эти сведения включались в раздел о прохождении службы. Выделим еще одно формальное различие: данные о членах семьи и владении собственностью у военных помещались после основной части (карьера, чиновничество, награды). У гражданских же служащих все сведения такого рода указывались в начале документа. В послужных списках моряков, за исключением упомянутых выше, существовала еще одна особенность. Кроме участия в морских походах и сражениях, в них заносились все плавания с указанием маршрута, названия судна, фамилии и чина его командира. Подробно исчислялись дни, проведенные в открытом море, на якоре, а также время, шедшее в зачет на выслугу различных установленных сроков. Наряду с полными, с конца XIX в. встречаются несколько видов сокращенных формуляров, составлявшихся в определенных законом случаях.

Момент возникновения личных дел не совсем ясен⁴. Трудно точно сказать, когда разрозненные указы о назначениях, увольнении, наградах чиновника начинают собираться воедино. Для нас, однако, важно, что с 30–40-х годов XIX в. дела о службе стали, как правило, включать послужные списки с сопутствующими им бумагами, а также разнообразные официальные и полуофициальные документы: отношения, указы, письма, паспорта и пр. Скажем, дело о службе почетного опекуна О.П. Козодавлева (1803–1809) содержит еще только указы о

² В литературе датой учреждения гражданского формуляра называется 1764 г. См.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 13. Послужные списки военных чинов известны и за более раннее время.

³ *Малкова З.И., Плюхина М.А.* Документы высших и центральных учреждений XIX – начала XX века как источник биографических сведений // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX века. Л., 1967. С. 218–219.

⁴ О личных делах см.: *Малкова З.И., Плюхина М.А.* Указ. соч. С. 220–222.

назначении и увольнении от этого звания и несколько других бумаг, а дело о службе почетного опекуна С.С. Кушникова (1829–1839) – его послужной список и ряд не включенных в него документов⁵. С 1842 г. появляются формуляры и в личных делах членов Государственного совета, целенаправленно собираемые с тех пор Государственной канцелярией. Таким образом, учет высшего чиновничества постепенно налаживается⁶.

С 1858 г. входит в практику ведение единых персональных дел. К концу XIX в., особенно у высших административных деятелей, они разрастаются до многих сотен листов. Велись они по каждому ведомству отдельно, причем при переходе служащего из одного ведомства в другое его дело обычно не передавалось, а заводилось заново. Внутри учреждений, как правило, порознь хранились дела чиновников центрального и местного аппаратов управления. Например, граф Н.А. Протасов-Бахметев служил астраханским губернатором (1880–1882), причисленным к Министерству внутренних дел (1882–1889), и почетным опекуном (с 1889). Соответственно, сохранились три дела о его службе – два первых в разных структурных частях ведомства МВД и одно – в ведомстве учреждений императрицы Марии⁷.

Одновременно могло вестись и несколько личных дел – по числу должностей в различных ведомствах, которые занимал человек. В том случае, если чиновник шел на повышение, но не менял ведомства, дело обычно сохранялось и продолжалось. Таково, например, дело о службе Н.И. Боголепова, бывшего сначала попечителем Московского учебного округа (1895–1898), а затем – министром народного просвещения (1898–1901)⁸. Все эти особенности нужно учитывать при поиске документов, так как они, по большей части, хранятся в общей хронологической описи по государственному учреждению на год назначения и называются, скажем, "Об определении такого-то в ведомство Министерства..." или "О назначении N. товарищем министра и министром" и т.п.

В целом, с учетом всех различий, сведения послужных списков и личных дел, по существу, очень схожи. Поэтому источниковой основой нашего словаря стали первые, а данные последних позволили кое-что уточнить и дополнить. (Теоретически можно было бы поступить и наоборот, но практически это очень неудобно.) Поэтому мы более подробно остановимся на информационных особенностях формуляров, а о личных делах будем упоминать лишь в тех случаях, когда характер их сведений может быть иным, чем в послужных списках.

Обратимся теперь к проблеме полноты и достоверности данных наиболее существенных для нас частей послужного списка. Это сведения о датах жизни чиновника, его происхождении, имущественном положении, образовании, прохождении службы, чинопроизводстве, наградах, взысканиях по службе и семейном положении.

Вопрос о дате рождения является, на наш взгляд, одним из наиболее важных и сложных в биографическом исследовании. В послужных списках XIX в. чаще всего указывалось лишь количество полных лет. Учитывая сравнительную медлительность делопроизводства, невозможно точно установить даже год рождения чиновника. Более того, для формуляров конца XVIII – середины XIX в. совпадение записанного в них возраста с реальным – скорее исключение, нежели правило. Еще в 1831 г. Сенатом был издан указ, который обязывал все государственные учреждения требовать у каждого поступающего на службу выписку о времени рождения из метрической книги, "чтобы на основании такового свиде-

⁵ РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 43 и 139.

⁶ Как ни странно, но учет именно этого слоя бюрократии до 40-х годов XIX в. был организован в Российской империи хуже всего.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 45. 1880 г. Д. 124; Оп. 51. 1882 г. Д. 130; Ф. 759. Оп. 43. Д. 145–146.

⁸ Там же. Ф. 733. Оп. 122. Д. 961.

тельства показываемы были в самом формуляре число, месяц и год его рождения"⁹. Однако и после этого далеко не во всех послужных списках появились точные даты. Почти всегда они имеются лишь в так называемых "полных" формулярных списках, которые составлялись на военных и моряков. Только к началу века число, месяц и год рождения стали, как правило, указываться полностью.

Таким образом, данные формулярных списков о дате рождения нуждаются в дополнении и уточнении. Единственным абсолютно достоверным источником здесь являются записи в церковных метрических книгах. Разумеется, искать оригинальную метрику каждого чиновника – дело трудоемкое и даже ненадежное. Но выписки из метрических книг почти всегда находятся в делах об утверждении в дворянском достоинстве, которые хранятся в архиве Департамента герольдии Сената¹⁰. Следует, правда, заметить, что в нем отложились далеко не все дела такого рода. Огромное их количество лежит в архивах местных дворянских собраний. Не очень часто, но встречаются метрики и в личных делах первого места службы чиновников пореформенного времени. Кстати, выписки из метрических книг помогают нам установить не только даты, но и, с большой долей вероятности, места рождения лиц, а также имена, возраст, чины их родителей.

Есть и еще один архивный источник, содержащий сведения о дате рождения государственного деятеля – это послужной список его отца. Любопытная особенность кадрового делопроизводства в Российской империи заключалась в том, что возраст детей служащего со второй четверти XIX в. указывался в формуляре точнее, чем его собственный. Так что этот путь установления истины тоже не исключается – в том, конечно, случае, если человек родился в момент пребывания его отца на действительной службе.

Наконец, ценную информацию могут дать надгробные надписи, письма и воспоминания, а также разнообразные печатные справочники, в первую очередь, генеалогические. Это касается и сведений о дате и месте кончины государственных деятелей. Основной же архивный источник здесь – личные дела, если только человек при жизни не вышел в полную отставку. Обыкновенно печальное событие сопровождалось целым рядом документов – справками, отношениями, объявлениями, ходатайствами вдовы или детей о пенсии. Они дополняют друг друга, указывая, где, отчего и в котором часу скончался чиновник, на каком кладбище будет похоронен и т.д. Особую трудность в этом отношении представляют судьбы российских государственных деятелей, скончавшихся во время гражданской войны и в эмиграции.

Данные о происхождении присутствуют во всех формулярных списках. Они указывают либо на сословную принадлежность человека ("из потомственных дворян", "из духовного звания"), либо на чин его отца ("сын коллежского секретаря", "сын полковника"). Иногда упоминается губерния, в родословную книгу которой был внесен чиновник-дворянин. Формально эти сведения обычно верны, однако, по существу, они часто требуют перепроверки и, самое главное, конкретизации. Прежде всего, это касается российского первого сословия. Отечественное дворянство – чрезвычайно разнородная социальная группа. Десятки высших сановников Российской империи пореформенного времени при ближайшем рассмотрении оказываются детьми и внуками священников, мещан, чиновников. Тем не менее послужные списки безоговорочно причисляют многих из них к потомственному дворянству, что верно, но, повторим, лишь юридически. А ведь биографа и социолога интересует сущность явления. Поэтому, как

⁹ ПСЗ–II. Т. 6. № 4313.

¹⁰ РГИА. Ф. 1343.

нам кажется, есть все основания не доверять безраздельно информации формуляра о сословной принадлежности служащего, пока не выяснены его ближайшие предки (если, конечно, речь не идет о потомке титулованного или столбового дворянского рода).

Графа формуляра об имущественном положении состояла из двух частей: имение мужа (родовое, благоприобретенное) и имение жены (с тем же делением). Особо оговаривалось, если кто-то из супругов выступал совладельцем с матерью, братьями или сестрами. В общем, как указывал П.А. Зайончковский, "формулярные списки правильно отражают наличие недвижимой собственности, но не всегда дают точное представление об имущественном положении данного чиновника". При этом он замечает, во-первых, что некоторые понятия формуляров слишком абстрактны: например, дома, стоимость которых различалась в десятки и сотни раз, в тексте списков называются одинаково; во-вторых, в графу об имуществе почти никогда не вносились данные о владении акциями, участии в правлениях частных обществ, банков и т.п.¹¹ Не всегда показывались в послужных списках точные размеры земельной собственности. Иногда графа об имении оставалась пустой или с записью: "Сведений нет". Следует также упомянуть, что формуляры составлялись на одно и то же лицо неоднократно, поэтому могли содержать разные данные об имущественном положении.

Что же касается "наличия недвижимой собственности", то даже та скудная и отрывочная информация об имениях, которую мы находим в других источниках, показывает, что во многих формулярах присутствуют ошибки и пропуски. Характерный пример – список адмирала князя А.С. Меншикова за 1842 г. В графе о приобретенной им недвижимой собственности значатся лишь поместье в Московской губернии и дом в Москве, тогда как из оказавшейся в том же деле справки мы узнаем, что к этому времени князем были куплены еще четыре имения и три дома в разных губерниях¹². Поэтому, как нам кажется, необходим более критический подход к данным формуляров о земельных и других владениях российского чиновничества, несмотря на всю их ценность и даже уникальность. К сожалению, найти документы об имуществе того или иного лица и, таким образом, проверить сведения послужного списка почти всегда нелегко.

Проблема достоверности данных об уровне образованности российской бюрократии распадается, по нашему мнению, на две части. Достаточно просто и точно решается она, когда известно учебное заведение, которое окончил чиновник. Социолог уверенно впишет полученную информацию в триаду "низшее – среднее – высшее"; биограф же при желании тоже быстро установит истину: Иногда, конечно, и в этом случае сведения формуляра нуждаются в уточнении: либо в документе не указан факультет вуза, либо награды за успешное обучение, либо не упомянуты учебные заведения, пребывание в которых не засчитывалось в действительную службу. Но в целом картина становится ясна.

Другое дело, когда образование называется в документе домашним или не указывается вообще. В последнем случае П.А. Зайончковский в своей работе предлагает также считать его домашним¹³. По существу же, это бесполезно, ибо само понятие "домашнее образование" не имеет качественного смысла. В самом деле, каков его уровень? Как соотносить его с государственным – низшим, средним или высшим? По нашему мнению, вернее будет поступить наоборот: приписать не неизвестное образование к домашнему, а домашнее к неизвест-

¹¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 10, 11, 13 и примеч.

¹² РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 331. Л. 33 об., 58.

¹³ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 12.

ному. Поэтому в своей работе мы старались дополнять упомянутую абстракцию конкретными биографическими фактами, хотя и не всегда успевали в этом.

Сведения основной части послужного списка (прохождение службы, чинопроизводство, награды), как правило, точны, но заметно различаются по полноте. Основная масса неполных формулярных списков приходится на первую половину XIX в., хотя встречаются они и позднее, вплоть до 1917 г. Пробелы касаются, в основном, иностранных и второстепенных наград, почетного членства в различных обществах, участия в комитетах и комиссиях, службы по выборам. Информация данного раздела послужных списков наиболее важна и для нашего словаря, и для биографических работ вообще. Поэтому на ее особенностях следует остановиться подробнее. С точки зрения достоверности она почти безупречна. Однако этого не всегда достаточно, чтобы объяснить развитие карьеры конкретного государственного деятеля.

Во-первых, в формуляре редко найдешь сведения о частной службе того или иного лица. Так, например, сверхштатный чиновник при Министерстве путей сообщения титулярный советник С.Ю. Витте, уволенный в отставку в 1877 г., через 12 лет возвратился на службу и стал сразу директором департамента и действительным статским советником. Документ эти события почти не разделяет¹⁴. Но из мемуаров самого Витте мы знаем, что, находясь "в отпуске", он занимал ряд постов в обществах Одесской и Юго-Западных железных дорог. Служба в них государственной не считалась, но именно она сделала Сергея Юльевича известным лично императору Александру III и положила, таким образом, начало его блестящей карьере¹⁵. Во-вторых, не указывалась принадлежность к различным политическим партиям и общественным объединениям, также иногда влиявшая на замещение высших должностей. Скажем, при назначении сначала Н.А. Маклакова, а позже А.Н. Хвостова на пост министра внутренних дел императором Николаем II, очевидно, учитывалось их активное членство в "Союзе русского народа", а при выдвижении А.А. Бобринского на должность министра земледелия – его деятельность в качестве председателя Совета объединенного дворянства. В-третьих, послужные списки молчат об избрании государственных служащих членами Государственной Думы, ее постоянных и временных комиссий. То же самое можно сказать и о комиссиях реформированного Государственного Совета, хотя об избрании в последний документы упоминают. Наконец, формуляры редко сообщают что-либо о культурной, благотворительной или научной деятельности чиновников, их печатных трудах и т.д. Часто неточны или путаны данные о почетных званиях (здесь лучше всего обращаться к юбилейным изданиям научных, благотворительных и прочих организаций или непосредственно к архивным документам).

Но, несмотря на отсутствие всех этих сведений, основная часть формулярного списка является ценнейшим источником для биографического исследования. Можно только сожалеть, что далеко не всегда историки в полной мере используют этот источник. Приведем только один показательный пример. Современный российский биограф П.А. Столыпина П.Н. Зырянов в своей последней, обобщающей работе приходит к выводу, что "императорская Россия не очень высоко ценила заслуги Столыпина", так как до высших чинов (тайного советника, действительного тайного советника) и орденов (Андрея Первозванного, Владимира 1-й степени) последний не дослужился¹⁶. В отношении чинов историк допустил ошибку: 6 декабря 1906 г. премьер-министр был пожалован в гофмейстеры – придворный чин третьего класса по Табели о рангах, равный

¹⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 86. Л. 76–77.

¹⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 194–198, 207–208.

¹⁶ *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 124.

чину тайного советника¹⁷. Говоря же об орденах, кавалером которых был Столыпин (последний – Александра Невского), следует заметить, что ни один государственный деятель последнего царствования со стажем службы 27 лет (1884–1911) не имел и не мог иметь высших российских орденов. К этому времени межунаградные сроки установились уже достаточно определенно¹⁸. Например, орден святого Владимира 1-й степени "рядовые" действительные тайные советники получали обыкновенно к 50-летию государственной службы. У Столыпина же период между получением орденов Анны 1-й степени и Александра Невского составил всего 4,5 года, тогда как у любого другого представителя его высокопоставленного окружения – 8–14 лет и более. А приняв во внимание, что в 1908 г. Петру Аркадьевичу было пожаловано звание статс-секретаря е.и.в., мы можем заключить, что его служебная карьера после назначения министром внутренних дел и премьер-министром развивалась более чем успешно.

Графа о взысканиях пустует во всех известных нам формулярных списках деятелей высшей бюрократии. Документ о службе являлся как бы "лицом" чиновника, которое важно было сохранить во что бы то ни стало. "Все время я находился на службе, дослужился до чина действительного статского советника и формуляр имею не замаранный", – с гордостью говорил герой рассказа А.П. Чехова "Пассажир первого класса"¹⁹. Правительство же в этом отношении не стремилось "выносить сор из избы". Большинство проступков в послужные списки не вносилось, а законодательно установленные формы штрафных записей были таковы, что характер нарушения остается почти всегда непонятен. В том же случае, если судебное дело против чиновника все же возбуждалось, то, как правило, этому предшествовало увольнение его со службы, и данные о провинности в формуляр не попадали. Часто отставка была единственным наказанием проштрафившемуся.

Сведения о семейном положении чиновников имеются во всех послужных списках. В отношении жены указывалось, чья она дочь, а с 1905 г., хотя и не всегда, назывались даты ее рождения и вступления в брак с владельцем документа. Иногда время рождения, не означенное в формуляре, можно установить по сопутствующим ему в деле бумагам, в основном – заграничным паспортам. Для детей указывались даты рождения, реже возраст; для сыновей – служебное положение и чин, для дочерей – замужество и принадлежность ко двору. С 1905 г. формулярные списки стали сообщать о вероисповедании детей и "с кем они проживают". В целом, данные о семейном положении верны, но зачастую не исчерпывающи. К тому же, в послужных списках почти никогда не упоминается о родителях чиновника. Дополнительных сведений о членах семей государственных деятелей много, но они разбросаны по огромной справочной, генеалогической, мемуарной литературе. Из архивных материалов большую помощь могут оказать формулярные списки родственников и особенно дела о дворянстве, в которых можно обнаружить личные документы нескольких поколений, а также родословные таблицы. Об этих документах мы уже говорили выше.

Таковы особенности информации наиболее важных для нашей работы разделов формулярных списков. Сведения последних, по большей части, и составляют содержание каждой статьи биографического словаря "Государственные деятели Российской империи XIX – начала XX века".

¹⁷ Производство именно по придворной линии гражданских должностных лиц не было редкостью в среде высшей российской бюрократии в начале XX в. Чин гофмейстера, формально соответствовавший чину тайного советника, в действительности считался даже более высоким, так как приближал его носителя ко двору.

¹⁸ Подробнее см.: *Строев В.И. Столетие Собственной е.и.в. канцелярии*. СПб., 1912.

¹⁹ *Чехов А.П. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1970. Т. 4. С. 411.

Остановимся на круге печатных материалов, использованных при составлении справочника. Так как их число велико, а информационное значение второстепенно, то и обзор, будет весьма краток и избирателен. Мы не станем касаться ни истории изданий, ни многочисленных и разнообразных их недостатков, а укажем лишь, что существенно нового привнесли некоторые из них в наш словарь.

Наиболее обширная группа печатных источников – это списки чинов. Их тысячи: общие, по ведомствам, по старшинству и т.д.²⁰. В этих изданиях публиковались сведения о чиновничьем производстве, наградах, должностях, собственности, семейном положении служащих. Справочники предназначались, в основном, для внутриведомственного пользования. Наибольшую важность для исследователя имеют списки первой половины XVIII – первой трети XIX в., времени, когда послужные списки сравнительно редки и кратки. Поиск формуляров этого периода далеко не всегда бывает успешным. И тогда уже списки чинов становятся незаменимым источником справочных биографий русских государственных деятелей.

Следующая группа источников – генеалогические исследования и материалы – сравнительно мала. И объем информации, который они дают для нашего словаря, тоже невелик: происхождение, даты рождения и смерти, родственные связи человека, редко что-то еще. Но, как говорится, мал золотник, да дорог: именно генеалогические сведения, вводящие отдельную личность в исторический и человеческий контекст эпохи, чрезвычайно редки и случайны в других источниках. Поэтому за каждой датой, словом в короткой справке о родственниках всегда стоит долгий и кропотливый труд.

Мы не станем вдаваться в тонкости, отличающие генеалогические исследования друг от друга²¹. В основном, все они представляют собой собрания поколенных росписей русских дворянских родов по мужской линии (с указанием жен и дочерей) и сообщают имя, служебное положение, чин и точные даты жизни каждого лица. Иногда встречаются и более подробные сведения, которые не представляют, однако, специального интереса, если не основаны на каких-либо особых материалах. Так, например, В.Л. Модзалевский использовал в своем труде документы не только из государственных, но и из фамильных архивов украинских дворянских родов²². Такие данные, конечно, уникальны и незаменимы для нашего биографического словаря.

Следующая группа источников нашего словаря, некрополи²³, самая немногочисленная из всех – не более 10–15 названий. Их составители, как правило, дословно переносили в свои книги все надгробные надписи (даты жизни, эпитафии; последние иногда опускались) по алфавиту фамилий. Редакторская отделка материала, теоретически возможная, на деле почти отсутствовала. Причиной тому была невероятная трудоемкость работы: проверяя каждый факт, составители рисковали бы вообще ее не закончить.

Объем полезных для нашего словаря сведений в некрополях минимален: даты жизни, место захоронения. Но данные эти, бесспорно, уникальны. Без них

²⁰ Подробную библиографию см.: Справочники по истории дореволюционной России / Под ред. П.А. Зайончковского. 2-е изд. М., 1978.

²¹ Подробную библиографию см.: *Савелов Л.М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. 2-е изд. Острогжск, 1897; Библиотека Д.В. Ульянинского: Библиогр. описание. М., 1915. Т. 3; Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1994. Вып. 1. С. 55–88.

²² *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1; 1910. Т. 2; 1912. Т. 3; 1914. Т. 4.

²³ Справочники по истории дореволюционной России (предметный указатель); *Никольский А.И.* Некрополь бывшего Воскресенского Новодевичьего монастыря в Москве. Л., 1932 (машиноп. рукопись в библиотеке ОР РНБ); *Чувакова В.Н.* Русский зарубежный некрополь, 1917–1967. М., 1967 (машиноп. рукопись в Центральной справочной библиотеке РНБ).

добраться до истины было бы порой очень сложно. Особенно это касается не самих чиновников, а их ближайших родственников, информацию о которых отыскать, как правило, неизмеримо труднее. Конечно, как и в любом справочнике, в некрополях встречаются случайные ошибки и неточности. Но исключения здесь только подтверждают правило: надгробные надписи – один из наиболее надежных источников для биографического словаря государственных деятелей.

Мемуары для составителя биографического справочника – источник второстепенный. Ни чины, ни ордена, ни продвижение по службе ни одним государственным деятелем не отмечались так дотошно, как в формулярном списке. Однако при выяснении отдельных фактов личные свидетельства оказали нам большую пользу. Особенно это касается родственных связей. Например, министр земледелия, известный земский деятель А.Н. Наумов начинает свои воспоминания²⁴ с обстоятельного рассказа о всех родственниках. И с его помощью легко установить то, на что в иной ситуации потратили бы месяцы. Или, скажем, в неопубликованных мемуарах А.Н. Куломзина²⁵ рассказывается о ранней смерти его отца. И пусть о последнем более ничего не сообщается, но мы можем быть уверены, что он и Николай Александрович Куломзин, упомянутый в "Русском провинциальном некрополе" (с указанием дат жизни и места захоронения) – одно и то же лицо. Часто сведения из воспоминаний помогали точнее определить имущественное положение лица, когда упоминали о поместьях, заводах, акционерной деятельности. Ведь как раз в этом пункте послужные списки не всегда надежны. Но, повторим, при всей важности разнообразных мемуарных свидетельств, для справочной биографии государственного деятеля источник этот далеко не основной.

Впрочем, все вышесказанное относится лишь к дореволюционной деятельности российских чиновников. Что-либо узнать о них после 1917 г. чаще всего можно только из воспоминаний. Увы, случайные обмолвки, походя оброненные фразы – вот все, что мы имеем о многих из них. Почти вся российская политическая элита в одночасье проваливается в небытие, и остается лишь уповать на любознательность разношерстной мемуаристской публики, которая все же упоминала о встреченных "бывших", как о своеобразной экзотике смутного времени.

Наконец, хотелось бы остановиться на изданиях, ставших источниками библиографической информации для нашего словаря. Прежде всего, это труды С.А. Венгерова²⁶, различные литературные энциклопедии и биографические словари деятелей культуры и науки. Однако все они, пусть подробно и даже исчерпывающе, говорят лишь о наиболее видных писателях – государственных деятелях.

Из библиографических указателей наиболее полезным для нас оказался многотомный справочник "История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях"²⁷, в котором учтены все произведения мемуарного характера о России и русских, опубликованные до 1978 г. Встречаются, правда, отдельные пропуски и неточности, но в целом, это издание очень высокого класса. Поиск предельно облегчается наличием сложного Указателя имен.

Из прочих сочинений труднее всего поддаются выявлению статьи и заметки в журналах. Здесь лучше всего обратиться к указателям содержания периодических изданий, которые обычно составлялись по алфавиту авторов. Работа эта

²⁴ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954–1955. Т. 1, 2.

²⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1.

²⁶ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889–1904. Т. 1–6; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. СПб.; Пг., 1900–1917. Т. 1–4; и др.

²⁷ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1976–1989. Т. 1–5.

довольно трудоемкая, но эффективная: зачастую журнальные материалы более нигде не учтены. С отдельными изданиями дело обстоит проще: их можно выявить по каталогам, да и в различных биографических статьях они упоминаются в первую очередь.

Архивные сведения о литературном творчестве русских государственных деятелей можно найти в личных фондах, изредка – в персональных делах²⁸. Часто в архивах хранятся неопубликованные произведения, воспоминания, дневники. В целом, именно эта группа источников наиболее разнородна, а их сведения – случайны и трудны для поиска. Единственный способ, с помощью которого можно собрать полную библиографию трудов какого-либо государственного деятеля – фронтальный просмотр всех периодических изданий (где интересующее лицо могло публиковаться), а также библиографических указателей.

Таковы источники биографического словаря "Государственные деятели Российской империи XIX – начала XX века". В перспективе, кроме внесения поправок и дополнений, планируется снабдить материал портретами, а также примечаниями к тексту и приложениями, в частности, хронологическим перечнем всех лиц, занимавших высшие государственные посты в указанный период. Изданным в таком виде справочник принес бы, по нашему мнению, наибольшую пользу и мог бы заинтересовать не только профессиональных историков, но и всех тех, кому небезразлично прошлое России и ее герои.

Руководство для пользователя

Теперь несколько слов о том, как пользоваться справочником. Для этого пройдем по формуляру статьи, делая необходимые пояснения. Как и в любом биографическом словаре, каждый очерк начинается с фамилии, имени и отчества лица. У неправославных или перешедших в православие чиновников в скобках указывается имя, данное при крещении. Например: "Врангель Фердинанд Петрович (Франц-Фердинанд)". Основным, таким образом, формально признается фигурирующее в официальных документах русифицированное имя. Это, естественно, когда речь идет о службах православия. Но чаще на православный манер переделывались имена неославянских, которые до конца жизни исповедовали протестантизм (по-старому "лютеранство") или католичество. В этом случае мы выносим вперед "русское" имя ради единообразия, следуя делопроизводственному стандарту. А как там было на самом деле – Бог весть²⁹.

Вторая строка – дата и место рождения–смерти. До 1 февраля 1918 г. даты указаны по старому стилю, после – по новому, вне зависимости от того, какая система времяисчисления была принята в местностях, где происходили события. Времени последних соответствуют географические названия и административная принадлежность населенных пунктов.

В тех случаях, когда налицо неразрешимое противоречие в источниках, и ни одному из них не отдается явное предпочтение, в подстрочных примечаниях к тексту приводятся возможные варианты и исследовательские комментарии. Ссылки эти краткие, так как расширяются в библиографических перечнях в конце статей или в списках сокращений.

После имени и дат жизни лица в каждом очерке следуют два вводных раздела. *Первый* состоит из четырех частей: происхождение, вероисповедание, образование и владение недвижимой собственностью самого чиновника. Каждый пункт

²⁸ См., например, дело о службе А.Н. Куломзина, где есть список его трудов – РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 269. Л. 234–240.

²⁹ Почему переименовывались имена инославных чиновников – особый вопрос. Только ли ради канцелярского удобства? Совпадали ли такие перемены с желаниями самих чиновников? Как их именovali родные, друзья и сослуживцы? Однозначных ответов на эти вопросы у нас нет.

обычно распадается на несколько подпунктов (кроме второго). Так, происхождение включает в себя: а) древность и национальные корни рода (например: "Рюрикович" или "из дворянского рода XIV в. татарского происхождения"); б) приобретенный в течение жизни титул(ы); в) в немногих случаях принадлежность к дворянству определенной губернии – когда эта информация кажется нам значимой ("уроженец Санкт-Петербургской губернии" или "из потомственных дворян Новгородской губернии"). Сюда же заносятся сведения о времени принятия чиновником российского подданства.

Данные о вероисповедании укладываются в одно соответствующее слово. Если известно, что служащий сменил веру, это особо оговаривается в примечании, а не в самом тексте, ибо документальных свидетельств таких переходов у нас нет³⁰.

Что касается образования, то указываются все учебные заведения, в которых проходил курс наук будущий министр, с годами пребывания в них, наградами и званиями по окончанию.

Далее следует пункт о владении поместьями (до 1861 г., если земли населенные, в душах мужского пола, после – в десятинах), домами, дачами, заводами, фабриками, садами и т.д. При перечислении населенных пунктов мы придерживались алфавитного принципа, разделяя имения на группы по уездам и губерниям.

Сведения о недвижимой собственности, позволяющие судить об имущественном положении семьи, чрезвычайно важны. Принимая во внимание это, а также разнообразие источников информации, автор взял себе за правило приводить в подстрочниках *любые* данные о собственности чиновников, которые удастся найти.

Второй вводный раздел – генеалогическая справка о ближайших родственниках лица: отце (указываются даты и места рождения и смерти, последний чин, основные должности и звания), матери и жене (женах) (даты и места, иногда – придворное звание или род занятий), тесте (тестях) и теще (тещах) (то же, что и для отца с матерью), детях (то же плюс дата вступления в брак), их женах и мужьях (то же). Разумеется, эта часть могла быть и подробнее, и значительно скуднее. Но сколько-нибудь четкие и логически обоснованные пределы для нее автор поставить затруднился. Поэтому он исходил здесь из объема равномерно накопленной им информации.

За вводными следует раздел "Прохождение службы и производство в чины". Для удобства пользователя его текст разбит на абзацы, каждый из которых начинается с получения служащим нового чина. Такое деление имеет и еще одну, не менее важную задачу: дать читателю представление о соотношении чиновной и должностной иерархий в Российской империи на протяжении полутора веков³¹.

Чаще всего высокопоставленные бюрократы находились на государственной службе, пусть номинально, вплоть до самой кончины. В тех редких случаях, когда бывшие министры получали "чистую" отставку, не будучи еще на смертном одре (признак явной немилости), об их послеслужебной жизни рассказывается в особом абзаце в конце раздела. Так же оформлены сведения о судьбе семи десятков наших героев, переживших Февральскую революцию 1917 г.

Завершается раздел строкой о месте погребения лица.

³⁰ Речь идет, главным образом, об "отступниках от православия" и протестантах, ставших католиками. Первые по законам Российской империи до 1905 г. подлежали уголовной ответственности, вторые рисковали быть уволенными со службы. Разумеется, и те, и другие стремились сохранить свой поступок в тайне.

³¹ Для полноты картины не хватает иерархии орденов. Но тогда сведения о наградах оказались бы разнесенными по разным разделам.

Как и в любом справочнике, текст наполнен сокращениями и аббревиатурами. Их четыре вида. *Первые*, наиболее распространенные, краткие и непонятные перечислены по алфавиту в списке сокращений (например, чины: "д.т.с." – действительный тайный советник, "к.а." – коллежский ассессор; названия ведомств: "МВД" – Министерство внутренних дел, "МНП" – Министерство народного просвещения; характерные термины: "гос." – государственный, "ком." – комиссия, "к-т" – комитет и проч.). *Вторые* образуются путем отсечения суффиксов и окончаний (типа "еский", "енный", "ельный" и т.п.) в длинных прилагательных и специально не поясняются. *Третьи* – типовые слова и, реже, фразы, которые следуют непосредственно за датами и заменяются тире. Например: "1.1.1890 орден Анны 1 ст.; 1.1.1892 – Владимира 2 ст."; или: "1.1.1833 назначен членом Особого комитета по выработке положения...; 2.2.1834 – К-та для разработки Положения..." Иногда связанные таким образом между собой фразы объединяются и синтаксически через союзы "а", "и", "но". Сокращения *четвертого* вида употребляются только в служебно-чиновной части статьи: в долгих непрерывных хронологических рядах внутри *одного года* его наименования отбрасываются, кроме крайних дат. Например: "1.1.1890 назначен...; 2.2 перемещен...; 3.3 переведен...; 4.4 командирован...; 12.12.1890 уволен..."

Конечно, автор понимает, что многочисленные сокращения иногда затрудняют пользование словарем. Но такова тенденция развития справочной литературы вообще – составитель стремится "втиснуть" в ограниченный объем издания возможно большее количество информации, и сокращения ему для этого абсолютно необходимы. Тем не менее, сообразительный и немного эрудированный читатель, пусть с небольшим усилием, но всегда разберется, что к чему.

Следующий раздел – "Награды и почетные звания" – состоит из двух соответствующих абзацев. В первом перечисляются в хронологическом порядке титулы, отечественные и иностранные ордена, медали и знаки отличия (официальные и выданные государственными научными и общественными объединениями), денежные, арендные и земельные пожалования, а также разнообразные драгоценные подарки, полученные чиновником в течение жизни. Особо отметим, что приобретению зарубежных наград предшествовала установленная процедура: пожалование иностранного государя или державы – отношение министра иностранных дел к министру императорского двора – высочайшее разрешение "принять и носить". В формуляре оставалась дата именно последнего акта. Поэтому указать параллельно более значимое для нас время реального награждения мы, за редчайшим исключением, не можем. Кроме того, в военное время право удаивать орденами иногда принадлежало главнокомандующему, с последующим высочайшим утверждением. В таких случаях мы, по возможности, приводим обе даты. Когда награждение последовало не за выслугу лет или добросовестное исполнение рутинных обязанностей, а за "особые заслуги", это также особо оговаривается.

В понятие "почетные звания" входят: а) постоянное почетное членство в российских и зарубежных научных, благотворительных и других организациях³²; б) временное почетное председательство, президентство, членство на различных съездах, конгрессах, конференциях; в) почетное гражданство (обычно для штатских, особенно министров внутренних дел); г) причисление к станицам казачьих войск в качестве "почетного казака" или "почетного старика" (для военных).

³² Хочется добавить "общественных", но это было бы неверно: Академия наук, университеты, ряд научных, просветительских и благотворительных обществ – все это учреждения государственные или финансируемые казной. Руководящий принцип для нас здесь – выборность членов. Именно поэтому назначения президентов, почетных председателей, попечителей в те же организации отнесены в раздел о прохождении службы.

Избрания по пунктам А и Б утверждению, за редким исключением, не подлежали, а по пунктам В и Г, наоборот, виза верховной власти была обязательна. Соответственно, в первых двух случаях в тексте указываются даты непосредственного избрания, а в двух последних – утверждения и, если известно (что случается редко), избрания. В особых случаях, когда используется диплом на звание (который оформлялся позже, иногда значительно позднее избрания) или иной косвенный источник, это специально отмечается. Принцип построения абзаца, как и предыдущего, хронологический.

Самая нестандартная часть статьи – раздел "Культурная и общественная деятельность". Сведения такого рода редко встречаются в официальной документации, которая является основным источником информации для справочника. Выдающихся, широко известных предпринимателей, политиков, ученых, писателей или благотворителей среди крупных бюрократов было немного. Причина понятна: их интерес – прежде всего служба. О рядовых же деятелях на благо общества что-нибудь узнать не всегда легко. Если удалось узнать, тогда есть раздел, если усилия были тщетны, тогда и раздела нет. Немало, наверное, и таких, кто всю жизнь всецело был поглощен государственными или чиновными работами.

Неоднородность источниковой основы наложила свой отпечаток на тексты: они разнятся по глубине и детальности изложения. Не всегда собранные по крупницам данные принципиально новы. Иногда они представляют собой лишь квинтэссенцию того, что уже известно читателю из литературы. В отличие от прочих, этот раздел задумывался не как исчерпывающее по полноте собрание фактов, а как набросок сюжетов возможных размышлений и исследований для пользователя.

Расположение информации в разделе произвольно и не имеет каких-либо технологических особенностей или "подводных камней". Если сведений много, они обычно объединяются в логические блоки: культурный, общественно-политический, благотворительный. Как и в предыдущем разделе, здесь иногда фигурирует членство в научных и других организациях. Разница (в значительной мере условная) заключается в том, что мы пытаемся отделить *реальное* участие в работе того или иного общества от номинального, от почетного представительства. Показателен пример Академии наук: на десятки почетных членов приходится лишь несколько настоящих академиков, а из общего числа первых едва ли половина вообще имела отношение к науке. Когда нет прямых указаний на причастность лица к деятельности объединения (например, избрание председателем, секретарем, казначеем), за таковую считается действительное членство, в противоположность почетному, хотя фактически такой подход не всегда верен.

Завершают раздел списки сочинений, публикаций и переводов сановного автора, а также отредактированных им трудов. Принцип построения этих перечней – хронологический. Внутри одного года книги и отдельные оттиски предшествуют статьям; последние группируются по периодическим изданиям. Из понятия "сочинения" нами исключены переписка и авторские документы служебного характера: доклады, записки, инструкции и т.д. Первая – сознательно, вследствие того, что этот громадный информационный блок нами еще не проработан. Вторые находятся в библиографическом разделе под заголовком "Разные материалы", так как принадлежность этих бумаг перу подписывавших их государственных деятелей зачастую сомнительна³³.

³³ Сами министры, как правило, докладов и приказов не сочиняли (на то были секретари и канцелярии), разве что иногда поправляли наиболее важные документы. Увлекающийся редактированием глава ведомства типа Д.Н. Блудова – случай из ряда вон выходящий. См. об этом: *Бартнев П.И. Воспоминания // Российский архив. М., 1991. Вып. 1. С. 79.*

Последний, обязательный для каждой статьи раздел – библиографический. Он включает в себя все известные нам источники и исследования о жизни и деятельности чиновника и подразделяется на девять параграфов-абзацев. В *первом* ("Генеалогические материалы") указываются архивные дела об утверждении в дворянском достоинстве, опубликованные родословные, надгробные надписи и прочие памятники, содержащие информацию о родственном окружении интересующей нас персоны. Архивные источники перечислены по фондам прежде печатных источников, печатные – по хронологии выхода в свет. *Второй* параграф ("Материалы о прохождении службы"), включает в себя, в основном, послужные и формулярные списки, а также личные дела служащих. Сведения расположены по порядку фондов. *Третий*, озаглавленный "Разные материалы", наиболее эклектичен. Сюда отнесены публицистические очерки, все виды изданных служебных документов, немногие письма и т.п., помещенные по хронологии опубликования. Название *четвертого* – "Некрологи" – четко выражает его содержание; принцип построения параграфа – по алфавиту изданий внутри одного года (но иностранные после всех русских). Мемуары (§ 5) перечисляются по алфавиту авторов. Отметим также, что здесь нами выбирались и указывались наиболее полные русские издания. Если таковых оказывалось несколько, то предпочтение отдавалось наиболее доступному (обычно последнее) или удобному (выпущенному отдельной книгой, с указателями и т.д.) для читателя. Статьи об архивах и списки портретов государственных деятелей (§ 6, 7) перечислены по хронологии публикации. В предпоследнем параграфе объединены энциклопедии и справочники, внутри него разделенные тремя наклонными чертами. Перечни энциклопедий расположены по хронологии, а справочников – по алфавиту изданий. Заключительный параграф библиографической справки – "Исследования" (книги и статьи). Они перечисляются по хронологии, а внутри одного года в следующем порядке: монографии, статьи в тематических сборниках, статьи в периодических изданиях на русском языке, а затем, в той же последовательности, на иностранных языках. Все – по алфавиту авторов.

Хотелось бы особо объяснить разные порядки изложения информации в параграфах: иногда хронологический, иногда алфавитный. Первый применялся в тех случаях (опубликованные генеалогические материалы, разные материалы, архивы, иконография, энциклопедии, исследования), когда была возможность подобным образом дать читателю представление о том, как развивалось во времени изучение судьбы того или иного государственного деятеля. В оставшихся же случаях хронологический ряд бесполезен. Архивные материалы не носят историографического характера, некрологи – одновременны. Мемуары бессмысленно выстраивать по времени публикации, которое может сильно разниться, а может и совпадать с моментом, когда они приобретают историографическую значимость. Что же касается справочников, то эта категория объединяет слишком разнотипные издания, объем полезной информации которых колеблется от десятков букв и цифр до десятков страниц.

Многочисленные сокращения в библиографических обзорах несложны для понимания. Особо отметим параграфы о мемуарах и исследованиях, из которых самые упоминаемые укорочены, в первом случае, до фамилии автора, во втором – то же плюс год выхода в свет. Все они разъяснены в специальных перечнях сокращений.

Таково строение каждой статьи справочника. На первый взгляд оно может показаться сложным. Но внимательно вчитавшись и разобрав одну-две биографии, даже не очень искушенный пользователь без труда проникнет в авторский замысел, суть которого можно выразить двумя словами – лаконичность и простота.

Т.В. Лохина

РУКОПИСНАЯ КУЛЬТУРА ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Источниковедческий аспект

Конец XVIII – первые десятилетия XIX в., образно определяемые как "пушкинская эпоха", очерчивают наиболее яркий период эволюции частных рукописей. Корпус источников личного происхождения формируется в это время во всем многообразии форм и жанров. В России в течение всего XVIII в. происходили значительные изменения в видовой структуре комплекса источников, обусловленные глубокими изменениями в обществе, в сознании отдельной личности, во взаимоотношениях человека и общества. Эти процессы характеризуют переход от средних веков к новому времени. В конце XVIII – первые десятилетия XIX в. отмеченные изменения в корпусе источников принимают характер законченной формы.

Несомненна многоаспектность происходящих перемен; включенность в общий "поток" перемен более кратких по длительности и локальных по значению явлений. Источники личного происхождения становятся наиболее точным индикатором процессов, связанных с самосознанием человека, его культурой. Одной из характеристик русского общества первой трети XIX в., воплощенной в источниках личного происхождения – роли процесса письма (как частного действия) в культуре общества – посвящена данная статья.

Отечественная историография источников личного происхождения многообразна. Без существующих обширных разработок в этой области постановка вопроса о рукописной культуре была бы невозможна, поэтому кратко отметим основные исследования частных рукописей, в особенности, посвященные вопросам их комплексного изучения, функционирования и эволюции.

Проблема исторической эволюции видовых комплексов источников сравнительно недавно привлекла к себе внимание в научной литературе, однако, как отмечал А.Г. Тартаковский, рассматривалась либо в общеметодологическом плане, либо по материалам средневековых памятников.

Особо отметим важный для данного исследования тезис М.Ф. Румянцевой о том, что "основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – наиболее последовательно отражает унифицирующее влияние социальной среды на индивидуума, а значит, свойства самой этой среды и ее эволюцию. Именно поэтому наблюдения над изменениями видов исторических источников и их систем позволяют уловить момент перехода от одной эпохи к другой"¹.

По праву наибольшее внимание среди источников личного происхождения привлекают мемуары; вопросы их эволюции рассмотрены в нескольких работах. Написанный С.С. Дмитриевым раздел в учебнике по источниковедению, посвященный воспоминаниям, дневникам и частной переписке, содержит ряд обобщающих характеристик, комплексно оценивающих развитие этих видов

¹ Румянцева М.Ф. Эволюционное и коэксистенциальное пространство истории: К вопросу об эволюции видов исторических источников как критерии периодизации исторического процесса // Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 3–5 февраля 1997 г.). М., 1997. С. 317.

источников личного происхождения². Впервые в историографии им были отмечены характерные черты эволюции русской мемуаристики XVIII – второй половины XIX в. Методические аспекты изучения эволюции мемуаристики рассматриваются в работах А.Г. Тартаковского³, обратившего внимание на мемуары как на феномен культуры, акт поведения человека конкретной эпохи. В социально-психологическом ключе рассматривается эволюция мемуаристики в работах С.С. Минц⁴. В последних монографиях А.Г. Тартаковского, прослеживающих историческую эволюцию мемуарного жанра в России⁵, автор исходит из того, что первичной социальной функцией мемуаристики является выраженное в мемуаротворчестве историческое самосознание личности. Он кладет в основу изучения эволюции жанра наблюдения над тем, как отражалось историческое самосознание личности на целевой установке мемуаротворчества и тенденции сближения мемуаристики с современной печатью. И приходит, в частности, к выводу, что в 60–70-е годы XVIII в. совершается переход от летописного способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному повествованию с выдвиганием на передний план индивидуальной биографии автора и его внутреннего духовного мира; а первая половина XIX в. ознаменована сближением мемуаристики с текущей печатью и окончательным складыванием видовых качеств мемуаристики "в адекватных ей формах"⁶. Важное значение имеет замечание исследователя о том, что XVIII в. является "эпохой развитой рукописной традиции, игравшей в культурном обиходе самостоятельную роль", причем бытование рукописной "словесности" объяснялось не только сравнительно ограниченными возможностями типографского дела, но "в очень большой мере – и культурно-психологической устойчивостью самой традиции распространения и чтения произведений письменности"⁷.

В работе, посвященной несколько иному хронологическому отрезку в истории отечественной мемуаристики, А.Е. Чекунова отмечает, в частности, что с 60-х годов XVIII в. начинается новый этап в истории мемуарных источников, связанный прежде всего с качественными изменениями в культурной жизни русского общества. Личная переписка, ведение дневника, составление воспоминаний становятся потребностью уже не отдельных лиц, а определенной части дворянства и других социальных групп – чиновников, купечества, писателей и др.⁸ Это последнее замечание представляет особую ценность, как комплексно оценивающее эволюционные процессы, проходившие в сфере источников личного происхождения с последних десятилетий XVIII в. Несомненную ценность имеет тезис А.Е. Чекуновой о непосредственной связи между возникновением нового вида (разновидности) источника и теми или иными изменениями в обществе. Она подчеркивает обусловленность появления источников

² Дмитриев С.С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 396–401.

³ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в. // ИСССР. 1979. № 6. С. 71–94; *Он же*. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

⁴ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // ИСССР. 1979. № 6. С. 55; *Она же*. Социальная психология Российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX века в освещении источников мемуарного характера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Она же*. Об отражении особенностей социальной психологии дворянства в мемуарных источниках последней трети XVIII – первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.

⁵ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; *Он же*. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

⁶ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XVIII в. ... С. 221.

⁷ Там же. С. 89, 90.

⁸ Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа. М., 1995. С. 130.

личного происхождения качественно новым уровнем национального самосознания народа (прежде всего его образованной части), его духовной культурой⁹. Аналогичные замечания присутствуют и в работах А.Г. Тартаковского, отмечавшего возникновение мемуарного жанра и широкое распространение родственных с ним видов источников – дневников, частной переписки, обретение ими нового качества – как воплощение возросшей духовной активности личности¹⁰.

В работах М.А. Крючковой впервые обозначается круг функций, которые выполняла мемуаристика в русской культуре второй половины XVIII в. При этом функции представляются через жанровые признаки мемуарных памятников¹¹.

Еще в 1920-е годы Ю.Н. Тынянов и Б.М. Эйхенбаум создали оригинальную концепцию письма как историко-литературного факта, ставшую основой работ Н.Л. Степанова, М.П. Алексева, М.И. Гиллельсона, Н.В. Фридмана. Так, Н.Л. Степанов рассматривал дружеское письмо начала XIX в. не только как новообретенную литературную форму, но и как явление культуры русского общества¹². В развитие этих исследований, но на материале частной переписки известных русских литераторов более раннего периода (второй половины XVIII в.) Р.М. Лазарчук устанавливает основные закономерности эволюции бытового письма, прослеживает становление и развитие традиции психологического анализа в письмах¹³. Важные вопросы изучения эпистолярной культуры поставлены в работах Е.Ю. Наумова¹⁴. По его мнению, осмысление эпистолярной культуры автора письма (и шире – социальной группы, слоя, класса, к которым он принадлежит) является неотъемлемым элементом источниковедческого анализа переписки. «Чем более познано письмо как общественное явление, как процесс и результат (либо условие) определенной видовой человеческой деятельности, тем более "внятно" оно и как носитель информации о других социальных явлениях»¹⁵. Типологическим особенностям эпистолярных источников, главным образом, последних десятилетий XVIII в., посвящены статьи Е.Н. Марасиновой¹⁶.

Работ, комплексно исследующих особенности развития дневников (первых десятилетий XIX в.) как исторических источников в отечественной историографии практически нет. Выделяется часть главы С.С. Дмитриева по источни-

⁹ Чекунова А.Е. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в. ... С. 73.

¹¹ Крючкова М.А. Русская мемуаристика второй половины XVIII в. как социокультурное явление // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 17–28; Она же. Процесс самореализации человека в русской культуре второй половины XVIII в. (по материалам источников личного происхождения) // Русская история: Проблемы менталитета: Тез. докл. науч. конф. Москва, 4–6 октября 1994 г. М., 1994. С. 113–116; Она же. Человек в русской культуре второй половины XVIII в. (по материалам источников личного происхождения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

¹² Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза: Сб. ст. / Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л., 1926. С. 74–101.

¹³ Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

¹⁴ Наумов Е.Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Он же. Семейная и дружеская переписка Чичериных как источник изучения их эпистолярной культуры // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры: Сб. ст. М., 1984. С. 83–105.

¹⁵ Наумов Е.Ю. Семейная и дружеская переписка Чичериных... С. 83.

¹⁶ Марасинова Е.Н. К вопросу о типологии и эволюции источников эпистолярного характера (на примере переписки представителей интеллектуально-аристократической среды российского дворянства последней трети XVIII в.) // Историографические и источниковедческие проблемы истории СССР. М., 1987; Она же. Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства (последняя треть XVIII в.) // ИСССР. 1990. № 4.

коведению источников личного происхождения, уже упомянутая, в которой кратко даются основные понятия о дневниках как виде источников и их истории в России¹⁷.

Здесь уместно отметить разработки зарубежных авторов, подробно анализирующих дневники как самостоятельное явление духовной культуры, разбирая цели их создания и различные аспекты восприятия современниками¹⁸. В этих работах особое внимание уделяется специфике подачи информации, сложной, многообразной функциональной нагрузке, которую несут дневники. Среди зарубежных исследований по литературоведению есть ряд работ, рассматривающих в этом ключе и переписку. Монография Дж. Альтман содержит ряд замечаний о специфической форме письма, особенностях его структуры, которые имеют значение не только для историка литературы, занимающегося, например, эпистолярными романами, но и для исследователя письма как такового в его историческом развитии¹⁹.

Коллективный труд французских авторов, посвященный переписке XIX в. охватывает самые различные аспекты этого явления: от организации почтовой сети до нюансов эпистолярных стилей и норм²⁰. При этом особенно важно, что ставится и исследуется вопрос об эпистолярных как одной из форм повседневного письма (как процесса). Авторы обращаются к функциональному подходу для изучения эпистолярной культуры. Руководитель коллектива авторов Р. Шартье отмечает, что "способы использования письменных текстов, при всем их разнообразии, имеют решающее значение для понимания того, как общества или индивиды формируют представления о мире"²¹.

Здесь же отметим исследование, посвященное письменной культуре и находящееся вне собственно источниковедческих разработок. В рамках культуры повседневной жизни процесс письма исследуют немецкие авторы. В сборнике "Hand-Schrift – Schreib-Werke: Schrift und Schreibkultur im Wandel..." письменная культура, взятая в изучении форм и функций письма, рассматривается на обширной источниковедческой базе²². Среди привлеченных для сборника работ – исследования по истории техники письма, обучению письму, по вопросам культуры письма. Осознание авторами сборника различных аспектов истории письма как характеристик письменной культуры в целом, придает изданию особую актуальность.

Менее известен, но необделен вниманием специалистов такой источник личного происхождения, как рукописные сборники нового типа. Изучение его в настоящее время идет, главным образом, в рамках проблем поздней рукописной книжности и литературоведения²³. Отметим особо лишь статью А.А. Севастьяновой о нескольких ярославских рукописных сборниках, где отмечается сопряженность бытования рукописных сборников нового типа и общих культурных процессов. Подчеркивается, что "для XVIII века рукописные сборники, ходившие в кругу единомышленников, читавшиеся и переписывавшиеся, вместе

¹⁷ Дмитриев С.С. Указ. соч. С. 396–401.

¹⁸ Abbot H. Porter. *Diary Fiction. Writing as Action*. L., 1984. Rousset Jean. *Le lecteur intime de Balzac ou journal*. P., 1986. См. также: Bagley J.J. *Historical Interpretation*. Vol. 2. *Sources of English History. 1540 to the present Day*. N.Y., 1971.

¹⁹ Altman Janet Gurkin. *Epistolarity: Approaches to a Form*. Columbus, 1982.

²⁰ La correspondance. *Les usages de la lettre au XIXe siècle / Sous la dir. de R. Chartier*. P., 1991.

²¹ La correspondance... P. 9.

²² Ziessow K.-H. у.а. *Hand-Schrift – Schreib-Werke: Schrift und Schreibkultur im Wandel in regionalen Beispielen des 18. bis 20. Jahrhunderts*. (Materialien zur Volkskultur nordwestliches Niedersachsen. Heft 16). Cloppenburg, 1991. См. также: Buchholz E. *Schriftgeschichte als Kulturgeschichte*. Bellnhausen, 1965.

²³ Обзор исследований рукописных сборников нового типа см.: Лохина Т.В. Светский рукописный сборник в России конца XVIII – первой половины XIX века: Происхождение и бытование источника // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 94–111.

с тем и в семье – проявление *книжной и светской рукописной культуры* (курсив мой. – Т.Л.), воспитывавшей литературные вкусы немногочисленного просвещенного слоя людей в жизни повседневной и даже будничной²⁴. Такая постановка вопроса свидетельствует об изменении угла зрения на подобные рукописи в отечественных исследованиях, в частности о восприятии сборников как проявления определенных культурных реалий.

Другим источником личного происхождения, важным для исследования пушкинской эпохи являются рукописные альбомы. Имеется целый ряд трудов, посвященных их характеристике. Для этого вида источников, активно бытовавшего не более полувека, разработаны классификации, периодизации истории, функционирования, а также историография исследований. Наиболее крупными и авторитетными исследованиями, которые посвящены альбомам, можно считать работы М.П. Алексева, Л.И. Петиной, А.В. Корниловой²⁵.

Необходимо отметить, что ряд исследователей, работающих с отдельными видами источников, публикующих те или иные памятники, отмечают в кратких обобщениях причастность данных рукописей к более общим процессам культуры, не выходя на уровень расширенного исследования этих процессов. Тем не менее исследования такого рода, глубокие и высокопрофессиональные, разрабатывающие отдельные источники, позволяют проводить обобщения и выявлять тенденции, посредством сопоставления результатов.

Опираясь на существующие исследования частных рукописей, можно рассмотреть как характеристики рукописной культуры конца XVIII – первых десятилетий XIX в. во-первых, изменения в содержании и функционировании уже традиционных к началу XIX в. видов источников: мемуаров, переписки, дневников; во-вторых, изменения в корпусе источников личного происхождения (возникновение и активное бытование альбомов, светских сборников – сборников нового типа).

Процессы развития человеческого самосознания, нашедшие свое выражение в источниках личного происхождения конца XVIII – первой трети XIX в., явились своеобразным итогом развития человека нового времени и создаваемых им частных рукописей.

Возникновение нового вида (разновидности) источника всегда связано с теми или иными изменениями в жизни страны. По мнению ряда исследователей, таким временем для России был XVII в., когда средневековое мышление стало постепенно сменяться мировоззрением, в основе которого лежало утверждение человека, свободы и достоинства человеческой личности²⁶. В этих условиях, когда человеческая личность освобождается от прежних средневековых традиций и догм, начинает осознавать себя, свою ценность в реальной жизни, у нее возникает потребность к созданию источников "личностного звучания", где постепенно основным стержнем повествования становится человек, его мысли и чувства, отношение к окружающей действительности. С середины XVIII в. эти процессы усиливаются. Если прежде мемуарист, как правило, не выделял себя из окружавших его людей и робко обращался к внутреннему миру и мыслям

²⁴ *Севастьянова А.А.* "Пиши! Мне музы все рекли единогласно..." (из истории бытования рукописных сборников в окружении Ярославского наместника А.П. Мельгунова в конце XVIII века) // *Ярославская старина*. 1994. Вып. 1. С. 31.

²⁵ *Алексеев М.П.* Из истории русских рукописных собраний // *Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков: Из ленинградских рукописных собраний*. М.; Л., 1960. С. 7–122; *Петина Л.И.* Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // *Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Проблемы типологии русской лит-ры. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*. Тарту, 1985. С. 21–36; *Корнилова А.В.* Мир альбомного рисунка. Русская альбомная графика конца XVIII – первой половины XIX века. Л., 1990.

²⁶ *Клибанов А.И.* К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // *ИСССР*. 1963. № 6. С. 87. См. также: *Чекунова А.Е.* Указ. соч. С. 9.

человека, то теперь размышления о себе, о прошлом своего рода становятся основным содержанием его воспоминаний²⁷.

В 60–70-е годы XVIII в. лишь для незначительной части образованного дворянства ведение дневника ("журнала", "журнальной тетради"), написание воспоминаний ("жития своего времени", "истории моей жизни" и т.д.), регулярная частная переписка становятся необходимой потребностью. По мнению С.С. Минц, о мемуарах как массовом источнике можно говорить начиная с последней трети XVIII в.: "Именно к этому времени подобный способ самовыражения перестал быть проявлением чьей-либо яркой индивидуальности и приобрел в достаточной степени массовый характер, правда, пока только среди определенного слоя привилегированного общества..."²⁸. Центральным моментом мемуарных произведений того времени был процесс самосознания личности, осознание ценности отдельного индивида.

С 60–70-х годов XVIII в. складываются видовые качества мемуаристики. А.Г. Тартаковский определял мемуары как повествование о прошлом, основанное "на личном опыте и собственной памяти автора"²⁹. Основные видовые свойства мемуаров – личностно-субъективное начало, ретроспективный характер воссоздания действительности и память мемуариста³⁰. Субъективность как неотъемлемая особенность мемуаров и их достоинство – это, по сути, степень осознания мемуаристом собственного "я" и реальных событий прошлого³¹.

С последней трети XVIII в. воспоминания начинают выделяться в самостоятельную группу источников личного происхождения. Эти изменения отразились и на социальных функциях мемуаров. Размышления о себе, о прошлом своей семьи и страны становятся основным содержанием воспоминаний (наряду с этим постепенно утверждается причинно-следственное описание системы фактов). Как отмечал А.Г. Тартаковский, "сам процесс закрепления на бумаге воспоминаний о детстве, юности и последующих этапах жизни, воскрешение в сознании ушедших в небытие дел, встреч, впечатлений обладало для мемуариста особой притягательной силой"³².

М.Ф. Румянцева указывает, что факт писания мемуаров чиновниками – выходцами из непривилегированных сословий – в конце XVIII – начале XIX в. однозначно говорит о самосознании личности, вне зависимости от содержания конкретных мемуаров³³.

Стимулом в развитии интимного, личного элемента в содержании частных рукописей стали веяния сентиментализма, обусловленные, в свою очередь, общекультурными процессами. Герой сентименталистов, "чувствительный человек", воплощал в себе гуманистический идеал своей эпохи; это человек, живущий сложной внутренней жизнью, замечательный не воинскими подвигами или государственными делами, а своими душевными качествами, умением "чувствовать". Авторы многих источников личного происхождения начинают соизмерять себя с этим идеалом, причем не столько в отношении стилистики своих рукописей, сколько в мировоззренческом плане.

В 10–20-е годы XIX в. в описаниях собственной жизни преимущественно обращают внимание на раскрытие и образование душевных способностей и

²⁷ Чекунова А.Е. Указ. соч. С. 12, 20.

²⁸ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера... С. 65.

²⁹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 22–23.

³⁰ Там же. С. 26–34.

³¹ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера... С. 57–61.

³² Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. ... С. 79.

³³ Румянцева М.Ф. Мемуары провинциальных чиновников конца XVIII – начала XIX в. как маргинальное явление русской культуры // Российская провинция XVIII–XX вв.: Реалии культурной жизни: Тез. докл. III Всерос. науч. конф. Пенза, 1995. С. 117–120.

качеств: в этом отношении жизнь всякого человека любопытна и занимательна. Хотя в этот период "внутренние", личностно-семейные цели мемуаротворчества уже не были абсолютно господствующими, как в XVIII в., тем не менее они еще преобладали до 30–40-х годов XIX в.³⁴

В 40–50-е годы XIX в. заметно усиливается сближение мемуаристики с современной печатью, устанавливается обычай писать воспоминания с прямым расчетом на обнародование, формируется литературное самосознание мемуаристов, мемуары приобретают ярко выраженные публицистические функции³⁵.

Эпистолярная форма подачи информации получила широкое распространение в литературе и периодике уже во второй половине XVIII в. Подобное явление отражало возросшее значение переписки как важного средства человеческого общения. Со второй половины XVIII в. письмо воспринимается как факт литературы, обращает на себя внимание сама культура хранения переписки, громадные эпистолярные архивы (Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского, А.И. Тургенева и др.). Есть сведения об упорной работе над письмом (черновики А.С. Пушкина, например), свидетельства того, что письма мастеров этого дела постоянно ходили по рукам и читались в литературском кругу.

Деловое и дружеское письмо, письмо, использующее канцелярский стиль, или письмо с ориентацией на устную интеллигентскую речь, – письмо, предназначенное писателем для печатания, и письмо малограмотного его современника, – все это, как подчеркивает Н.Л. Степанов, различные группы писем, часто даже не связанные друг с другом³⁶.

Если взять письма писателей начала XIX в., то можно обнаружить пеструю картину сосуществования различных групп писем (что объясняется, в том числе назначением письма – деловое, дружеское, семейное; содержанием – письмо с политическим, бытовым, литературным или иным материалом), но часто даже в пределах одного письма можно найти различные стилистические пласты. "В письмах начала XIX в. имеем следующие тенденции: письма "делового" стиля, повествовательно-книжного, проповеднического и дружески-разговорного"³⁷. Эта классификация представляет определенный интерес, однако нас особенно интересует последняя группа писем, наиболее полно соответствующая понятию частной переписки. Н.Л. Степанов полагает, что дружеские письма – группа писем, объединенных аналогичными стилистически-языковыми тенденциями – этим они выделяются в переписке начала XIX в. Он поднимает вопрос о формах "устной речи" и ее применении в письменной конструкции, которые особенно ясно могут быть вскрыты при анализе дружеского письма³⁸. Основные черты дружеского письма в его ориентации на устную речь, – пародийное использование поэтических и традиционно "высоких" стилистических штампов, мозаичность конструкции, вбирающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты, чередование прозы и стихов и т.п. Дружеское письмо, кроме того, записывало "устную литературу" – *causerie*, анекдоты, остроты. Потребность в этом создалась, отчасти в результате распада монументальных жанров, когда выдвигалась "мелочь" и неканонизированные виды литературы.

В дружеских письмах много "домашней" семантики, но в начале XIX в. уже мало психологического момента. Им присущи черты мозаики, пестрота разных тем, пластов материала и стиля. Одной из характернейших черт дружеского, – по мнению Н.Л. Степанова, – письма является обилие стиховых вставок и цитат.

³⁴ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX века // ИСССР... С. 91.

³⁵ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в... С. 221.

³⁶ Степанов Н.Л. Указ. соч. С. 77.

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Там же. С. 78, 101.

Иногда целое письмо представляет собой смесь из кусков прозы и стихов. Стиховые вставки Н.М. Карамзина (например, в первых письмах И.И. Дмитриеву) целиком принадлежат жанру альбомных стихов³⁹.

Преодолевая узость и замкнутость сферы частного документа, переставая жить только своей, камерной жизнью, становясь не только формой самопознания, самовыражения личности, но и шире – формой освоения действительности, – письмо, таким образом, оказывалось причастным к важнейшим историко-литературным процессам своего времени. Во второй половине XVIII в. письмо как жанр, как определенная стилистика активно утверждается в литературе⁴⁰. Такими "произведениями" раннего, едва зарождавшегося сентиментализма, чувствительности (в рационалистической еще оболочке) можно считать письма А.Т. Болотова и Н.Е. Тулубьеву 1760 г. В этих письмах, по мнению Р.М. Лазарчук, стихийно отразился психологический тип человека переходного времени⁴¹.

Аналогичные процессы происходят и в переписке Д.И. Фонвизина 1760-х годов. Его письма сестре преодолевают замкнутость сферы чисто бытового письма-"уведомления", "расписки", в них непреднамеренно и произвольно "отпечатывается" жизнь в ее моментальных снимках, "откладываются" идеи, чувствования героя. Для М.Н. Муравьева его переписка (1776–1781) – это тихий, сладостный разговор "сродственных душ", существующий для поэта в каких-то иных, более высоких, чем обычное бытовое письмо, измерениях – рядом с литературой, наравне с ней. Это требовало вдохновения, активизировало воображение, побуждало вводить диалог и жанровые сцены, а также портрет, пейзаж, описание, приближая тем самым частную переписку к литературе⁴². Р.М. Лазарчук полагает, что проза М.Н. Муравьева была несравненно уже, беднее, "обыкновеннее" его "романа" в письмах, так как самое сокровенное в нем не могло быть обнаружено⁴³. Такое замечание наводит на мысль, что все рукописные источники личного происхождения данной эпохи создавали в своем роде необнаружимый, личный "фонд" исканий своих авторов на пути самопознания. В письмах Радищева к А.Р. Воронцову (1790-х годов) и "Дневнике одной недели" этот психологический барьер преодолевается и миру доверяется то, что раньше поверялось лишь людям близким. Смысл обретенной им формы – в "возвращении" к письму, в "усвоении" его сути: интимного "ты", доверительных интонаций дружеского разговора, острого ощущения собеседника.

"Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина возвели в литературный принцип добытые частным письмом непринужденность интонаций, свободу и естественность разговора; они "воспроизвели" не только стилистику дружеского письма, его структуру, но и столь свойственное эпистолярному жанру ощущение личности его творца, индивидуальность восприятия и осмысления действительности.

Дружеское письмо, в наиболее ярких его проявлениях, вбирает в себя описание и повествование, отклики на события дня и политические доктрины, моральные и философские размышления, портреты-характеристики и бытовую живопись, представляя собой смелый сплав элементов лирики и сатиры, философской оды и стихотворения на случай бытовых картин и шуток в духе "poesie fugitive"⁴⁴. Частное письмо этой эпохи, тесно связанное с культом сентиментальной дружбы, рождалось как продолжение дружеской беседы. Из разговора пришло в письмо бесконечное разнообразие интонаций, нарушающее

³⁹ Там же. С. 87.

⁴⁰ См.: Лазарчук Р.М. Указ. соч.

⁴¹ Там же. С. 5.

⁴² Там же. С. 7–8.

⁴³ Там же. С. 8–9.

⁴⁴ Там же. С. 15.

единство эмоционального тона. Дружеское письмо узаконивало "болтовню", свободный переход от одной темы к другой.

В переписке А.Т. Болотова и Н.С. Арцыбышева (1808–1810) корреспонденты стремились "подать" заочному собеседнику "представление об образе" своих мыслей и "свойствах душевных", что являлось... единственным способом понять... понятие друг о друге"⁴⁵.

Высокая эпистолярная культура начала XIX в. (представленная перепиской К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, братьев Тургеневых, А.С. Пушкина и др.) живет в формах исповеди, путевого очерка, критического и публицистического письма, дружеского *causerie* в стихах и прозе, формах, созданных и опробованных XVIII в. "Эпистолярная словесность" начала XIX в., развивающаяся под безусловным влиянием французской "epistoliers", предстает как явление глубоко закономерное, имеющее свои собственные национальные истоки, свою историческую основу⁴⁶.

Примечательна одна из особенностей эпистолярий В.Г. Белинского – склонность к исповедальности дневникового характера. Многие письма, а порой и целые циклы – своеобразные дневники, запечатлевшие текущее события, мысли и чувства их автора. Таков, например, известный "Журнал моей поездки в Москву и пребывания в оной", – письмо чембарским друзьям А.П. и Е.П. Ивановым (23–31 декабря 1829 г.); горькая исповедь-автобиография звучит и в письме к родителям от 17 февраля 1831 г.⁴⁷

В целом, с начала XIX в. в России частное письмо вступает в новый этап своей истории, точно охарактеризованный Ю.М. Лотманом. "К концу XVIII в., – отмечал он – речь шла уже не о грамотности и не только о способности выражать в переписке свои интимные чувства. К этому времени частная переписка (семейная, любовная), постепенно разрастаясь, превратилась в неотъемлемую черту дворянского быта"⁴⁸. Аналогичные изменения на французском материале отмечают авторы книги "La correspondance. Les usages de la lettre au XIXe siècle": в сложном явлении переписки XIX в. ставится акцент на моменте, когда "новые" любители писать письма берутся за перо, принимаются за рукописные занятия, что в то время завоевывает звание сложного действия, новой привычки⁴⁹. Обмен письмами рассматривается вместе с частной практикой повседневного писания, в ее контексте, что позволяет делать заключения о проникновении привычки писать в повседневную жизнь.

На материалах середины и второй половины XIX в. Е.Ю. Наумов в рамках эпистолярной культуры Чичериных рассматривает характерное для многих образованных людей того времени отношение к частной переписке как явлению культуры, причем не только сознательно-оценочное, но и воплощенное в устойчивых эпистолярных привычках и установках мышления⁵⁰. По мнению Е.Ю. Наумова, опыт переписки дисциплинировал ум, учил самопознанию и самооценке, отбору, систематизации и анализу жизненных впечатлений, способствовал обогащению системы ценностей человека, способствовал развитию письменной речи, чувства стиля, формы⁵¹. Регулярный обмен письмами с родными и знакомыми был и привычкой, и душевной потребностью. Письмо

⁴⁵ ОР БАН. Ф. 69 (А.Т. Болотов). Ед. хр. 12. Л. 9, 10 об.

⁴⁶ Лазарчук Р.М. Указ. соч. С. 18.

⁴⁷ "Минувшее меня объемлет живо...": Воспоминания русских писателей XVIII – начала XX в. и их современников. М., 1989. С. 114.

⁴⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб., 1994. С. 48–49.

⁴⁹ La correspondance... P. 452.

⁵⁰ Наумов Е.Ю. Переписка Чичериных...

⁵¹ Там же. С. 55–56.

становилось и способом самовыражения, самоутверждения человека, способствовало сознанию самоотжественности личности и более полному вживанию ее в репертуар социальных ролей (этот двуединый процесс не отражается более ни в каких источниках). Культура переписки не могла не включать в себя культуру чувств и общения⁵². Частная переписка (с точки зрения ее социального функционирования) рассматривается как один из способов социального взаимодействия людей за пределами их официальных отношений (через письма осуществляются и личные контакты)⁵³.

Рядом с эпистолярными в ряду важнейших источников личного происхождения стоят дневники. В XIX в. они быстро распространяются в России и занимают почетное место в ряду частных рукописей. С.С. Дмитриев отмечал, что "велись дневники ради практической цели: закрепления автором для самого себя интересовавших его встреч, событий, разговоров... Пишутся дневниковые заметки обычно для самого себя, в поспешности, пишущие не следят за почерком, справедливо полагая, что сами-то они собственную руку, когда понадобится, прочтут и разберут"⁵⁴.

Общее восприятие дневников их авторами в первых десятилетиях XIX в., дневниковый стереотип записей "для себя лично", характеризуют замечания А.В. Чичерина: "Едва вступив в свет, я постарался завести себе друга. Каждый день, приходя домой, я поверял ему свои огорчения, свои тревоги и радость, каждый день раскрывал перед ним, как обещался, свое сердце. Вскоре привычка перешла в потребность: я полюбил его, привязанность моя возрастала день ото дня, выражаясь в признаниях, которые я ему поверял, и в нежных заботах... Пора признаться, что это был дневник – тайная тетрадь, не открывавшаяся ни перед кем из смертных, куда я заносил то, что хотел уберечь от чужих глаз, а себе сохранить на память"⁵⁵.

Замечания молодого человека, встречающегося в этом дневнике, отражают несколько парадоксальное для современного человека совмещение внешней несколько "книжной" формы с обращениями к читателю и изначальную установку записей, сделанных для себя. "Зачем эти постоянные обращения к читателю? К чему эти разговоры, когда пишешь для самого себя? В этой тетради сосредоточены для меня все удовольствия, плоды которых я буду пожинать в будущем; эта тетрадь только для меня, я не собираюсь ни поучать, ни просвещать кого бы то ни стало, никому не хочу давать советы; все, что написано здесь пишется только для меня самого... тут изложены мои самые тайные размышления, и в этом смысле я имею право сказать, что пишу только для себя. Но неужели я откажу своим родителям, своим лучшим друзьям в удовольствии познакомиться с моими ошибками и с тем, как я исправлял их... а все же я пишу только для себя... Не знаю, доставит ли им это чтение удовольствие, но они наверно познакомятся с моим дневником. А все же я пишу только для себя"⁵⁶.

Распространение навыков письменного общения с самим собой и размышления на эту тему в дневниках начала XIX в. – одна из характеристик рукописной культуры общества. "Если нам так приятно встречать давно знакомых людей, то еще приятнее встретиться с самим собою в прежней мысли, в прежнем чувстве или в прежнем происшествии", – писал в дневнике 1805 г. С.П. Жихарев⁵⁷.

⁵² Наумов Е.Ю. Семейная и дружеская переписка Чичериных... С. 88, 92.

⁵³ Наумов Е.Ю. Переписка Чичериных... С. 156.

⁵⁴ Дмитриев С.С. Дневники и записные книжки // Источниковедение истории СССР, XIX – начало XX в. М., 1970. С. 355.

⁵⁵ Чичерин А.В. Дневник Александра Чичерина. М., 1966. С. 13.

⁵⁶ Там же. С. 136–137.

⁵⁷ Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театрала / Под ред., с коммент. Б.М. Эйхенбаума. М.: Л., 1955. С. 7.

В этом контексте приобретают особую ценность замечания Ю.М. Лотмана о дневниках, как автокоммуникативных текстах, в которых автор "сообщает самому себе уже известную информацию". Такие записи ведутся "для уяснения внутреннего состояния пишущего, уяснения, которого *без записи не происходит*"⁵⁸. Лотман подчеркивает, что обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры. В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций от необходимого человеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самопознания⁵⁹.

Феномен писания дневников, отношений автора и его дневника, выходящий за рамки простого деления дневников по цели создания: "для себя" и "для других, для печати" в отечественной историографии еще подробно не исследован, поэтому уместно будет обратиться к результатам зарубежных исследований по данной проблематике.

Интересную сторону этой проблемы раскрывает французский автор Ж. Руссе, исследуя, главным образом, психологический аспект взаимоотношений человека и его дневника на материале дневников деятелей литературы второй половины XVIII–XX вв. Он приходит к ценным выводам относительно функций этих ежедневных записей и их роли в жизни владельца и автора⁶⁰. В центре его работы стоит вопрос об адресате, к которому обращается автор дневника и разрешение спора двух точек зрения: дневник пишется лишь для себя – дневник создается не только (не столько) для себя. Вместе с вопросом о *читателе* дневника, автор затрагивает и проблему функций рукописи такого рода.

На материале дневников Амьеля он четко выделяет ту важнейшую сторону функционирования дневника, которая связана с самопознанием личности. "Дневник как оценка для самого себя; способ самоанализа посредством *непрерывной практики повседневного письма* (курсив мой. – Т.Л.), частого перечитывания этих интимных листов", – по мнению Руссе, – характеристика, отражающая общие черты западной традиции создания дневников⁶¹.

Взаимоотношения человека и его автоадресованного текста могут быть как пассивные (дневник – зеркало, эхо, архив внутреннего состояния), так и активные (дневник – советник, друг, доверенное лицо). Такие рукописные занятия наедине с самим собой явно способствуют исцелению душевных ран автора и "выяснению отношений с самим собой".

Дневник – не монолог, а "непринужденная беседа пера в руке" с самим автором, и состоит из двух важных составляющих: внутреннего диалога и письменной активности, которая придает форму потоку мысли⁶². В этом же ключе идет работа английского автора П. Эббота, рассматривающего вопрос на английском материале⁶³.

Надо отметить, что во франкоязычной и англоязычной литературе, в частности, широко употребляются в различных словосочетаниях и комбинациях производные от понятия "письмо" (как процесс), что вместе с тематикой исследований, выходящих на английском и французском языках, характеризует угол

⁵⁸ Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 308. Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Т. 6. С. 228.

⁵⁹ Там же. С. 233, 237.

⁶⁰ Rousset Jean. Le lecteur intime...

⁶¹ Ibid. P. 16, 171.

⁶² Ibid. P. 172–173.

⁶³ Abbot H. Porter. Diary Fiction...

зрения, под которым рассматривается функционирование тех материалов, которые мы называем источниками личного происхождения⁶⁴.

Дж. Бэгли на материале английских дневников (имевших хождение с XVII в.) подчеркивает сложнейшую функциональную нагрузку, которую несли эти рукописи, "доверенные лица частных амбиций и суждений автора", необходимые для самовыражения, самопроверки; в которых запись зачастую служит *заменой действию*⁶⁵.

Необходимо отметить, что дневники этой эпохи (как и письма, другие виды частных рукописей) не имели жестко закрепленного стереотипа формы и содержания – все эти типы рукописаний оформлялись постепенно, до конца не обособляясь, и черты одних встречались в других и третьих. На эту особенность плодов повседневного письма XIX в. обращал внимание и Р. Шартье (говоря, в частности, о переписке, заимствовавшей особенности содержания у всех других жанров частных рукописаний)⁶⁶.

Классическим примером тому среди отечественных рукописей можно считать пример литературный – описанный Пушкиным "Альбом" Онегина (не вошедший в VII главу), который С.С. Дмитриев характеризует как *дневник*⁶⁷: "Он был исписан, изрисован / Рукой Онегина кругом / Меж непонятого маранья / Мелькали мысли, замечанья, / Портреты, числа, имена / Да буквы, тайны письмена, / Отрывки, письма черновые, / И, словом, искренний журнал, / В который душу изливал / Онегин в дни свои младые, / Дневник мечтаний и проказ"⁶⁸.

Значительно размытые границы между различными видами источников личного происхождения – одна из характеристик рукописей этой эпохи. Реалии функционирования их таковы, что в одном памятнике могли быть смешаны элементы всех бытовавших видов частных рукописей; письма были похожи на дневники, мемуары – на письма, а дневники – на альбомы. Осознание и изучение этого единства как системы и в то же время разделение его на отдельные виды, главным образом, через выделение функций той или иной рукописи – одна из основных задач исследователей.

Остановимся несколько подробнее на сопоставлении двух видов источников: рукописных сборников нового типа и рукописных альбомов и проследим их включение в круг традиционных источников личного происхождения: мемуаров, переписки, дневников.

Сборники и альбомы – рукописи, соседствующие как в быту русских дворянских семей первой половины XIX в., так и в современных исследованиях по литературе и культуре той эпохи. Сравнение этих источников выявляет интересные особенности рукописной культуры пушкинской поры.

Говоря о происхождении альбомов в России, можно утверждать, что прямых предшественников им в русской культуре начала XVIII или даже XVII в. не находится. В отличие от рукописных сборников, которые как форма рукописной книги активно функционировали в период средневековья, и претерпевали постепенные изменения в течение XVIII в., разделяясь на сосуществующие

⁶⁴ Интересно осмысление этих процессов в работах Р. Барта. Поздний Барт разграничивает "писание" (*écriture*) и "письмо" (*écriture*). Первым понятием, сближающимся также с понятием "речи" у Ж. Деррида, обозначается функциональная и внеличностная языковая деятельность – например, научное изложение; вторым – самоцельный и "сладоэмоциональный" процесс игры с означающими, не отсылающими к какому-либо окончательному означаемому". См. об этом: *Барт Р. Семнология как приключение. "Писать" – непереходный глагол? // Мировое древо. М., 1993. Вып. 2. С. 91.*

⁶⁵ *Bagley J.J. Historical Interpretation. Vol. 2. Sources of English History. 1540 to the present Day. N.Y., 1971. P. 87.*

⁶⁶ *La correspondance... P. 453, 456.*

⁶⁷ *Дмитриев С.С. Дневники и записные книжки... С. 355.*

⁶⁸ *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. V. С. 453.*

рядом сборники "старой" и "новой" традиции – альбомы были явлением привнесенным извне. Однако для них была "подготовлена почва", в значительной мере и ходившими в обществе рукописными сборниками "нового образца" что позволило альбомным формам быстро распространиться.

Появление альбомов в России наиболее тесно связано с западноевропейским, в частности, французским и немецким влиянием и относится исследователями ко второй половине XVIII в.

Особо в истории бытования русского альбома исследователи выделяют так называемый "пушкинский период" (1817–1833), на него приходится кульминация, расцвет альбома как специфического жанра непрофессионального творчества – поэтического, изобразительного, каллиграфического, как характерного атрибута светской культуры, как вещи чрезвычайно ёмкой и разноаспектной по своим эстетическим, социальным, культурно-воспитательным функциям в дворянской культуре России первой трети XIX в. Альбом был среди популярнейших предметов "культурного обихода" пушкинской поры, "в числе наиболее значимых факторов домашнего искусства"⁶⁹.

Альбомы и сборники нового типа сосуществуют в первой трети XIX в., обеспечивая две взаимодополняющие друг друга сферы деятельности образованного человека: самосознание и общение. Они обрисовывают нам круг интеллектуальных запросов, взгляды, литературные вкусы, а также характер общения и способность письменного самовыражения образованных людей первых десятилетий XIX в. Альбомы, принадлежащие усадебной, салонной культуре тесно связаны именно с дворянским бытом, предполагают, как правило, достаточно высокий уровень интеллектуальной культуры, литературные навыки, хотя и скромные. Сборники – более демократичный рукописный источник, доступный в повседневной житейской практике образованных людей различного состояния, не предполагающий широкого круга общения, не требующий творческих способностей (что не исключает создания сборников людьми высшего света).

Говоря о содержании альбомов, необходимо отметить, что для них, как и для сборников, характерно именно смешение жанров (отражающее черты культурной жизни в целом). При этом, если альбомные записи охватывают практически весь спектр литературных жанров (а к 1830-м годам в альбомах-коллекциях выходят и за его пределы), то светские сборники изначально включают в себя и нелитературные тексты различных видов (газетные статьи, государственные документы, домашние рецепты).

Светский рукописный сборник и рукописный альбом, при всех отличиях бытования и содержания, составляют одну группу исторических источников, отвечая, по сути своей, одной цели – закреплению для памяти (именно закреплению, а не осмыслению, пересказу) фактов духовной жизни человека (каковыми становятся узнавание новостей о жизни государства, общение, сопереживание литературным произведениям). Этой цели отвечает и структура источников: и рукописный сборник и альбом построены по принципу собирания различных, непосредственно не связанных друг с другом, текстов. При этом и в том и в другом случае ценность источника отнюдь не определяется суммой ценностей входящих в него текстов, наоборот (и это главная общая черта этих двух типов рукописей) она лежит в сфере комплексного изучения этой совокупности, как цельного образования. То же можно сказать и о содержании таких составных рукописей, которое складывается не только из содержаний записанных фрагментов, но и из различных аспектов их взаимодействия друг с другом в структуре рукописи.

⁶⁹ Авилова О.Б. Пушкинская эпоха домашнего альбома // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 39.

Если говорить о ценности отдельных записей, снова на первый план чаще всего будет выходить не фактическое их содержание. Ведь в сборнике – это переписанный откуда-либо текст (чаще всего – из печатного издания), а в альбоме запись – художественное произведение, обычно находящееся под сильным влиянием традиции, несущее значительный отпечаток условности. Важен будет сам факт создания таковой записи тем или иным человеком и причины, побудившие его к этому; иначе говоря, запись важна как свидетельство проявленного к чему-либо, кому-либо интереса. Хотя нельзя забывать и об уникальных автографах, произведениях великих литераторов, впервые представленных публике именно в альбомах.

В функционировании своем альбомы и сборники как бы дополняют друг друга, один – направленный "вовне", ориентированный на общение, другой – составленный лично для себя. Они постепенно оформляются в две самостоятельные линии в рамках рукописной традиции. Однако в реалиях культурной жизни первой трети XIX в. они еще зачастую не обособлены друг от друга, а потому встречается значительное количество промежуточных вариантов – рукописей, совмещающих черты альбомов и сборников, хотя и тяготеющих к тому или иному типу.

По форме эти источники малоотличимы друг от друга. Тем не менее различаются функциональное назначение альбомов и сборников, а также роль, которую они играли в обществе. В первой трети XIX в. сборники стремительно сближаются с такими источниками, как дневники, записки, материалы научных изысканий. Большинство из них – плод весьма серьезной, целенаправленной интеллектуальной деятельности одного человека или довольно узкого круга людей, деятельности, направленной на самообразование, самосознание человека. Альбомы же – часть иного процесса: культурного общения. Их существование и стало возможным с появлением широкого круга читающих и пишущих людей. В обществе, где столь развиты были письменная культура и искусства, они стали не только способом общения, но и развлечением, своеобразной игрой, чудесной возможностью оставить память о себе, выразить себя в малознакомом обществе.

Таким образом, по итогам рассмотрения результатов изучения функционирования различных видов источников личного происхождения можно говорить, что на рубеже XVIII–XIX в. частная рукопись наряду с событийной информацией, все более и более наполняется размышлениями и переживаниями ее создателя. Человек доверяет бумаге все проявления своей личности и в то же время не стесняется этих проявлений. Такие изменения, как и связанные с ними веяния сентиментализма, принесшие с собой обостренное внимание образованных людей к своему душевному и умственному миру, своими "корнями" уходят в глубинные процессы развития человека нового времени.

Эти процессы не одномоментны, для различных видов источников они активно развиваются с 60–70-х годов XVIII в., но к началу XIX в. выражены уже достаточно отчетливо. Включенные в новую культуру, они не замыкаются в рамках одного, дворянского, сословия, объединяя со временем, различные социальные группы в рамках одной рукописной культуры.

Частной переписке в первой половине XIX в. доверяют практически все нюансы богатого межличностного общения. Мемуаристика в начале XIX в. в отдельных памятниках уже сближается с современной печатью, катализатором этого процесса становятся события 1812 г., однако до 30-х годов XIX в. в ней еще значительны "внутреннеинтимные" цели⁷⁰, сочетающиеся с пристальным вниманием к внутреннему духовному миру мемуариста. Дневники, направленные в

⁷⁰ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. ... С. 220.

значительной степени на осознание автором самого себя в процессе письма, дополняют комплекс источников личного происхождения, создававшихся образованным человеком первой трети XIX в.

Рядом с этими видами источников личного происхождения с конца XVIII – начала XIX в. активно функционируют такие рукописи, как альбомы и светские сборники, не требовавшие столь высокого уровня интеллектуальной культуры для составления, однако способствовавшие тем самым письменной фиксации более простых форм человеческого самосознания и общения (что нередко сопровождалось или способствовало ведению, например, дневниковых записей). Таким образом, частное письмо (как осмысленный процесс самовыражения личности) сопровождает самые различные аспекты духовной жизни человека, способствует их реализации.

Эти процессы получают свое развитие на протяжении всего XVIII в. И если "русские люди первой половины XVIII в. не обладали средствами самовыражения, потребностью раскрыть свой внутренний мир, которая возникла у их внуков и правнуков"⁷¹, то к концу века для реализации этой потребности в обществе создавались тысячи рукописей, соответствовавших различным аспектам интеллектуальной деятельности.

Многообразие (и многочисленность) источников личного происхождения, общность процессов, идущих в их среде в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. позволяет делать ряд обобщений. Выделим понятие рукописной культуры как одну из характеристик русского общества той эпохи. В основе этого понятия будет лежать "письмо" – как процесс, как деятельность, воплощающая потребности человеческой личности и реализующая основные функции культуры.

Образованный человек первой трети XIX в. обретает привычку посредством письма давать себе ежедневный отчет о своей жизни (в дневниках) – ему недостаточно просто уединенных размышлений, он стремится записать и тем самым зачастую прояснить для себя происходящее, записать факты, события дня, зная, что через месяц-другой они потеряют всякое значение (хотя бывает и иначе). Человек пишет мемуары – стремится "запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем"⁷² – и опять-таки берется за перо (в первой трети XIX в. этот процесс мемуаротворчества самоценен и не связывается с последующей публикацией). Корреспонденция – письменный разговор – вбирает в себя процесс межличностного общения, выходит за рамки обмена конкретной информацией – письмо несет образ человека человеку. Легкость непосредственного общения на балах и в гостиных запечатлется в альбомных записях (где сам факт записи зачастую важнее содержания), которые затем служат пищей воспоминаниям. Интеллектуальный опыт не может довольствоваться простым прочтением новостей политики и литературы – и вновь кропотливое переписывание организует поток информации, поступающей из внешнего мира.

Процесс "рукописания" становится неременным этапом усвоения человеческого опыта и одним из основных способов его передачи. Он так сливается с образом человека XIX в., что ни развитие книжного дела, ни телеграф не могут изгнать из жизни привычку писать – записывать – выписывать – для себя ("Телеграф глуп, он передает известия, а не чувства", – писал Б. Чичерин⁷³), привычку, простирающуюся за пределы практической необходимости и уходящую в глубины формирования человеческой личности.

Естественно, явления такого рода идут в русле более широких процессов,

⁷¹ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 9.

⁷² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в. ... С. 72.

⁷³ Цит. по: Наумов Е.В. Переписка Чичеринных... С. 60.

отчасти обуславливаемые ими, отчасти их составляющие. Идеи эпохи Просвещения и рост числа европейски образованных людей среди отечественного дворянства (а также духовенства и разночинцев) – два фактора развития рукописной культуры.

Последние десятилетия XVIII в. отмечены напряженными духовными исканиями в среде образованной части русского общества. Остро встает проблема человеческой личности, ее долга, чести, права на собственное чувство и мнение, поиск адекватного выражения их в общественной и практической деятельности⁷⁴. При этом то, что "навык письма становится массовым, чрезвычайно распространенным во всех слоях общества"⁷⁵, позволяет говорить о начале русской пишущей публики. Его сопровождает на рубеже XVIII–XIX в. быстрая смена типа письма на более "естественное", следующее движениям руки курсивное письмо, ориентированное на европейские образцы.

Сама манера письма становится неотъемлемой характеристикой человека – по начертанию букв судят иногда об общекультурных идеалах, об "эпохе", к которой принадлежит пишущий; игра формой букв (в альбомах) наполняется особым смыслом; приобретает свое значение в суждениях о человеке и орфография (не столько ее правильность, сколько стиль, употребление определенных начертаний)⁷⁶.

Язык росчерков – это "мост между графикой слова" и графикой образа, причем "свойственный самой природе скорописи", – писал А.М. Эфрос⁷⁷, имея в виду под "скорописью", скорее всего, именно беглое письмо уже XIX в.

Естественно, свое значение для характеристики пишущего приобретает и бумага, причем не столько ее цена, сколько приверженность определенным сортам бумаги, выбор размера листа, и, в том числе, соответствие этих характеристик нормам письменного этикета.

Письменный прибор становится неперенным атрибутом не только кабинета, но и гостиной. В ту эпоху, замечает французский исследователь Э. Аман, на каждом столике в гостиной были альбомы, бумага, письменный прибор, карандаш. Альбомы, один для стихов и прозы, другие – для рисунков, третьи – для музыки сопровождали каждую хозяйку дома, каждую молодую девушку.

Вместе с тем, письмо занимает все более прочное место среди методов обучения. Одной из форм самостоятельной работы учащихся являлись письменные работы, особенно на уроках русского языка и словесности. "Письменные занятия (в том числе в рамках самостоятельной работы) стали новым веянием в педагогике (наравне с усилением светского элемента в образовании), стимулировавшим активность учащихся, вместо словесных и книжных методов "муштры и зубрежки"⁷⁸. Процесс письма, записывания стал неотъемлемой частью и в обучении иностранным языкам. Так, известный метод Жакото подразумевал сначала выучивание выбранного сочинения французского автора, а затем записывание выученного, сопровождаемое разбором написанного⁷⁹. Известный своими педагогическими начинаниями директор 1-го Кадетского корпуса Ф.Е. Ангальт ввел своеобразный обычай: в рекреационном зале стояло

⁷⁴ Вдовина Л.Н. Духовные искания в русском обществе в последней четверти XVIII в. // *Мировосприятие и самосознание русского общества*. М., 1994. С. 94.

⁷⁵ Белоконов Е.А. Развитие русского письма в конце XVIII – первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 10.

⁷⁶ См.: Пимен (Благово Д.Д.) *Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово*. Л., 1989. С. 205; Гусаров Ю.В. *Переписка А.Т. Болотова и Н.С. Арцыбышева (1808–1810)*. Чебоксары, 1990. Деп. в ИНИОН № 42596/20890. С. 24.

⁷⁷ Эфрос А.М. *Рисунки поэта*. М., 1930. С. 40–41.

⁷⁸ Аверьянова Г.Д. *Проблемы организации, содержания и методов обучения в русской гимназии первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. М., 1973.

⁷⁹ См.: *Фонвизин М.А. Сочинения и письма*. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 147.

несколько досок, на которые кадеты должны были заносить по очереди мысли писателей и ученых, обратившие на себя их внимание (мысли эти извлекали из книг, которые в изобилии были предоставлены кадетам для пользования). Под его же руководством кадеты вели рукописные журналы, куда выписывали запомнившиеся им изречения⁸⁰.

Все вместе эти штрихи времени и составляют явление рукописной культуры, применимое для русского образованного общества в целом. Рукописная культура не есть просто навыки письма, не традиции создания рукописей, не самореализация в письме, не один из основных способов передачи информации, не практика повседневного письма, не общение посредством письма, а все это вместе – характеристики культуры.

Эти культурные реалии интересно проступают в замечаниях современников Пушкина: "Что делать? Все прочитано, что было, даже Вестник Европы. Давай вспоминать старину! Давай писать на бело impromptu без самолюбия, и посмотрим что выльется, писать так скоро, как говоришь, без претензий... о чем писать? ...пиши о чем-нибудь..."⁸¹ Характерно замечание М.А. Фонвизина, писавшего И.Д. Якушкину из тобольской ссылки: "Ты слышал от меня, что я давно имею привычку, когда меня занимает какая-нибудь идея или вопрос, – политический ли то, религиозный ли – то, чтобы самому себе дать отчет в нем, я набросаю для себя на бумагу все, что придет в голову. После я почти всегда сжигаю мое маранье"⁸². "Человек, который не пишет, не может далеко пойти в умственном развитии, это странный факт", – констатировал в дневнике 28-летний В.Н. Чичерин в 1857 г.⁸³, имея в виду главным образом написание писем. И приступая к составлению воспоминаний, русский дворянин конца XVIII в. уже хорошо осознавал, что "в нынешнем веке, надобно вести о всяком важном приключении обстоятельное описание"⁸⁴.

П.А. Вяземский, оставивший богатое и разнообразное рукописное наследие, собиравший автографы знаменитых деятелей, отмечал в 1827 г.: "Глядя на рукописный памятник мы как будто присутствуем при работе мысли, при движении руки, ее начертанной: тут выражение ума, так сказать чувственный звук, действие человека, осуществленное и установленное. Вот отчего в наш испытанный век *fac simile* в таком употреблении"⁸⁵. Этот взгляд современника ярко характеризует обратную сторону процесса письма – момент восприятия чужого написания как "чувственного звука", графического воплощения действия со множеством значений. Недаром альбомы 1830-х годов, состоящие из "образцов рукописания" знаменитых деятелей на разных поприщах, позволяли их владельцам прежде всего публично засвидетельствовать свои умственные интересы, а альбомы, привозившиеся из заграничных странствований, пестреющие образцами зарубежных почерков, являли собой свидетельство прожитых в Западной Европе лет и состоявшихся там встреч, достойных общего любопытства⁸⁶.

Как характерную черту "русского в Париже" француз С.Л. Мерсье в начале XIX в. отмечал страсть к фиксированию на бумаге увиденного и услышанного, добавляя к образу нашего соотечественника ежевечерние рукописные труды, сопутствующие пребыванию за границей⁸⁷.

⁸⁰ Аурова Н.Н. Идеи Просвещения в 1-м Кадетском корпусе (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 1. С. 35, 38.

⁸¹ Цит. по: Степанов Н.Л. Дружеское письмо... С. 82.

⁸² Фонвизин М.А. Соч. ... С. 368.

⁸³ ОР РГБ. Ф. 334. К. 53. Д. 8. Л. 23. Цит. по: Наумов Е.Ю. Семейная и дружеская переписка... С. 86.

⁸⁴ Чекунова А.Е. Указ. соч. С. 21.

⁸⁵ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. II. С. 60.

⁸⁶ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 9.

⁸⁷ См. об этом: Из Путевого дневника Н.П. Голицыной / Подг. публ. В.А. Мильчиной // ЗОР ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 97.

Разумеется, нельзя говорить о том, что русская культура начала XIX в. была рукописной, а культура начала XVIII или XX вв. – нет, как нельзя говорить и о том, что культура рассматриваемой эпохи была только рукописной. Рукописная культура – лишь одна из характеристик культуры определенной эпохи, но не исчерпывающее ее определение.

С феноменом рукописной культуры сосуществуют такие явления, как альбомная культура, эпистолярная культура – они не входят в рукописную культуру целиком, но имеют значительную область соприкосновения. Понятие "альбомная культура" (вбирающее в себя и элемент изобразительной культуры) – еще не вполне определено, но уже встречается в исследованиях⁸⁸, и как культурный феномен осознано достаточно давно.

В заключение отметим, что в любую историческую эпоху рукописные занятия и рукописи (их создание, функционирование, рецепция) представляют собой особый социокультурный институт, достаточно целостный и при этом теснейшим образом связанный с распространенными в данное время культурными моделями, подвергающийся их влиянию и, в свою очередь, оказывающий на них значительное воздействие.

---

⁸⁸ Например, в докладе Н.И. Михайловой «"Евгений Онегин" и альбомная культура» (состоялся 17 декабря 1996 г. в музее-квартире А.С. Пушкина на Арбате). См. также: *Авилова О.Б.* Альбомная культура конца XVIII – начала XIX в. (дипломная работа). МГУ., 1981.

В.В. Морозов

ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД XVI ВЕКА:

Уроки историографии

Задача исследователя, взявшегося за изложение историографии Лицевого летописного свода XVI в. (далее: ЛС), чрезвычайно сложна ввиду многоаспектности проблематики предшествующей литературы, простой перечень которой мог бы составить приличную по объему брошюру с более чем 500 названий. Но так как к настоящему времени есть уже четыре работы, где самому процессу изучения этого памятника отведено значительное место, то прежде всего остановимся именно на них.

В труде О.И. Подобедовой¹, посвященном миниатюрам исторических рукописей, внимание акцентируется на вкладе Н.П. Лихачева и А.Е. Преснякова. Подчеркивая справедливость их положений, О.И. Подобедова тем не менее склонилась к преувеличению "эмоциональной окраски" и "полемической остроты" летописного текста, оживленно обсуждавшихся ее современниками, что в конечном счете привело к ограничению историографии полемикой по двум серьезным, но отнюдь не решающим, вопросам: время составления и личность редактора. Это сделало опубликованную в Приложении Таблицу последовательного хронологического чтения текста ЛС за период 1114–1553 гг. важным пособием, но лишь для будущего исследователя.

Таблица отразила взгляды И.О. Подобедовой на состав ЛС. Причиной такого временного ограничения стало убеждение в том, что именно с вокняжения Владимира Мономаха (1114) составители летописи начинали изложение отечественной истории. Вторая дата (1553) стала, скорее всего, следствием ошибочного представления о соотношении рукописей с известиями о времени правления Ивана Грозного (1533–1567), с одной стороны, и обилием литературы, где многие детали казалось бы выяснены окончательно, – с другой.

Сохраняя традиции предшествующей историографии, О.И. Подобедова видела в ней прямое и естественное развитие. А ведь к тому времени произошел фактический отказ от важнейших достижений науки рубежа XIX–XX вв. Упоминание работы Н.П. Лихачева стало по сути этикетным, тогда как его выводы игнорировались вовсе без аргументов, а попытки своеобразного "примирения" двух концепций (Н.П. Лихачева и исследователей 40–50-х годов XX в.) вылились в версию о повторных обращениях, предпринятых составителями ЛС для завершения своей работы, оставаясь лишь декларациями, своеобразными отговорками для возможных оппонентов, последних, за исключением М.Н. Тихомирова², Д.С. Лихачева³, Л.В. Черепни-

¹ Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. I. С. 130–131; *Он же*. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. I (с древнейших времен до конца XVIII в.) 256–259.

³ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 478. *Он же*. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. С. 110 (Д.С. Лихачев показал здесь на примере изучения водяных знаков бумаги ЛС "насколько данные филиграней точнее данных почерков").

на⁴ (в обзорных трудах) и С.О. Шмидта⁵ (в серии статей) не оказывалось. Ссылки на попытки "реанимации" интереса составителей ЛС к своему труду стали практически басенным медом, нарисованным на случай прихода медведя.

Через три десятилетия ситуация изменилась коренным образом. Одновременно несколько исследователей обратились к ЛС, явно переосмысливая тенденции, наметившиеся в 40-е годы. С этой позиции и написана была историография, составившая две главы книги А.А. Амосова⁶.

Склонность ученого к образности изложения сказалась в названиях разделов, где и была сформулирована оценка, даваемая предшественникам. Первая глава ("Век просвещения и его наследие") посвящена процессу выявления составных частей крупнейшей из известных русских летописей, характеристикам возникших гипотез и анализу методических прорывов А.Е. Преснякова и В.Н. Щепкина.

Вторая глава ("Продолжение традиции и рождение новых мифов") показывает трудности обретения и познания истины. В ней большое внимание уделено новому прорыву, совершенному Д.Н. Альшицем, в основу которого были положены редакторские приписки, внесенные в беловой текст летописи, что в конечном счете определило "круг используемых аргументов и доказательств"⁷. А.А. Амосов полагал, что "блестящие статьи" Д.Н. Альшица подвели черту под прежними подходами, но в вызванной ими полемике принципиально нового в области методики не появилось ничего, вплоть до второй половины 1970-х годов⁸.

На этом собственно историографическая часть монографии заканчивается, а работы исследователей последних десятилетий, в ряду которых А.А. Амосову принадлежит ведущее место, рассматриваются в ходе изложения концепции самого автора. Начало нового прорыва А.А. Амосов связывает с работами Т.Н. Протасевой⁹, полагая вместе с тем, что совокупность исследований 1970–1980-х годов составляет уже следующую, третью попытку перелома традиции. Такой разрыв не вполне правомерен, поскольку именно исследование Т.Н. Протасевой стало опорной точкой, а ее методика послужила инструментом для оформления новых взглядов на процесс складывания двух последних ЛС – Синодального (далее: С)¹⁰ и Царственной книги

⁴ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 417–418.

⁵ Шмидт С.О. Миниатюры Царственной книги как источник по истории московского восстания 1547 г. // Проблемы источниковедения. 1956. Т. V. С. 256–284; *Он же*. Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода // Культура Древней Руси: Сб. статей к 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М., 1966. С. 300–301; *Он же*. Когда и почему редактировались летописи времени Ивана Грозного // СА. 1966. № 1. С. 31–26; *Он же*. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 305–310; *Он же*. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 265–281; *Он же*. К изучению Лицевого летописного свода // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983; Сб. третий. С. 209–210.

⁶ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998 (в основу монографии положена докторская диссертация "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Опыт комплексного источниковедческого исследования", защищенная в 1991 г.).

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Там же.

⁹ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасева. М., 1970. Ч. 1. № 557–819; *Протасева Т.Н.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (син. № 962) // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. Посвящен памяти А.Н. Насонова. М., 1974. С. 271–285.

¹⁰ ГИМ. Син. 962.1^о. 626 л. 1125 миниатюр. Переплет XVII–XVIII вв. Содержит известия из русской истории 1535–1567 гг. со значительными пропусками (1542–1553, 1560–1563, 1565–1566), а также отдельные известия из римской (70-е годы I в. н.э.) и византийской истории (X в.). Порядок листов нарушен. В XVIII – начале XX в. рукопись находилась в Синодальной библиотеке. В ГИМ поступила в 1920-е годы. Впервые описана Саввой. См.: Савва (И.М. Тихомиров). Указатель для

(далее: Ц)¹¹. Затем шло вполне закономерное развитие плодотворной методики и распространение на изучение ЛС в целом.

Но если историографические разделы исследований О.И. Подобедовой и А.А. Амосова были обусловлены интересом авторов к ЛС, своеобразным концептуальным пристрастием, то в монографии М.В. Кукушкиной, посвященной книге XVI в. в целом, специальный раздел о ЛС¹² соответствует задачам работы – обобщению результатов научного постижения письменной культуры. Автором (вероятно, подспудно) предполагалась и еще одна задача (объективно вытекающая из первой) – создание учебного пособия, которая была выполнена превосходно. Действительно, М.В. Кукушкиной удалось в предельно сжатом виде и доступно изложить сведения о составе и содержании ЛС, внешнем облике отдельных его томов, постепенном введении их в научный оборот и истории изучения.

Естественно, рамки книги не позволили написать историографию достаточно полной, в ней рассмотрены лишь важнейшие аспекты изучения памятника в контексте развития письменности XVI в. Особо выделено мнение Н.П. Лихачева и О.И. Подобедовой о ЛС как обоснование теории "Москва – третий Рим" изложением мировой истории (в то же время признано обоснованным и предложение Б.М. Клосса и А.А. Амосова о существовавших когда-то, но утраченных листах с изложением событий начальной русской истории до 1114 г., что полностью опровергает эту версию), отмечена роль А.Е. Преснякова в выявлении источников рукописи, О.И. Подобедовой, связавшей ЛС с Посольским приказом и В.Ф. Покровской, обнаружившей непосредственный источник Хронологического сборника БАН (рукопись "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия), что позволило выявить непосредственные обстоятельства работы составителей ЛС с имевшимися в их распоряжении материалами. Высокую оценку и поддержку получили также исследования миниатюр ЛС, проведенные Ф.И. Буслаевым, В.Н. Щепкиным, А.В. Арциховским, О.И. Подобедовой, А.А. Амосовым, филогранологические исследования Н.П. Лихачева и А.А. Амосова, ставшие основой датирования ЛС.

Что касается состава ЛС, то здесь М.В. Кукушкина отметила (избегая полемики) источники, названные А.Е. Пресняковым, Б.М. Клоссом и В.В. Морозовым, а также согласилась с признанием ЛС совершенно новой летописью, а отнюдь не копией Никоновской летописи (далее: НЛ), и тезисом о двухвариантности изложения истории царствования Ивана Грозного, предложенного Т.Н. Протасьевой и развитого автором данной статьи.

Особняком в этом ряду стоит монография В.И. Буганова, где задача подробного рассмотрения позиции того или иного исследователя (в хронологических рамках 1918 – начало 1970-х годов) не ставилась. В обзоре изучения летописания XV–XVII вв. ЛС становился лишь одной из конкретных проблем, требующей специального исследования¹³. Впрочем, похоже, что В.И. Буганов считал ЛС "вариантом" НЛ¹⁴.

обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. Составлен рязинчим архимандритом Саввою. Изд. второе, значительно дополненное, с приложением Пояснительного словаря неудобопонятных слов и названий предметов, встречающихся в книге. М., 1858.

¹¹ ГИМ. Снн. 149.1^о. 687 л. 1281 миниатюра. Переплет XVIII–XIX вв. Содержит изложение событий российской истории 1533–1553 гг. Порядок листов нарушен, отдельные известия повторены дважды. Кодекс сформирован в 1760-е годы из "кипы" листов Синодальной библиотеки М.М. Щербатовым. В 1920-е годы рукопись поступила в ГИМ. Впервые подробно описана А.Е. Пресняковым. См.: *Пресняков А.Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение // *Зап. ист.-филол. ф-та Императорского Санкт-Петербургского ун-та.* СПб., 1893. С. 1–20.

¹² *Кукушкина М.В.* Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 24–49.

¹³ *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975.

¹⁴ Там же. С. 185.

Вернемся, однако, к исходной точке и попытаемся проследить историографию ЛС, памятуя прежде всего о положительном вкладе предшественников. Любые выводы, сколь ошибочными они не кажутся нам, вызывали необходимость их подтверждения или опровержения¹⁵, совершенствования методики, изменение направления поиска, привлечение дополнительных источников нелетописного свойства. Именно так, в противоборстве концепций и гипотез выявлялась картина создания ЛС.

Традиционно и вполне справедливо историография ЛС начинается с Предисловия издателя Ц.М.М. Щербатова, определившего время создания рукописи на том простом основании, что в кипе листов, обнаруженной им и переплетенной в кодекс, находились листы (в переплет не вошедшие) с описанием венчания на царство Федора Ивановича, а значит – "*до кончины сего государя*" (выделено мной. – В.М.). В более позднее время (при Борисе Годунове), полагал М.М. Щербатов, Иван Грозный "только похваляем не был и строгости ясней были описаны"¹⁶.

Но уже через три года, в Предисловии к изданию Голицынского тома¹⁷ М.М. Щербатов, связывая обе опубликованные им рукописи, датирует их временем малолетства Петра Алексеевича, "для науки" которого они были созданы, но не окончены ввиду сложности событий при дворе¹⁸.

Тем самым М.М. Щербатов дал жизнь устойчивым мифам, живущим и поныне. Отдельные тома ЛС, хотя и обнаруженные кипой листов, представляются сложившимися при их составителях. Что касается Ц, то она длительное время считалась оставленной незавершенной на событиях 1553 г. Известия, относящиеся к началу царствования Федора Ивановича, не воспринимались непосредственно связанными с рукописями. Исследователи относили их к более поздним попыткам создания летописи, посвященной истории царствования преемника Ивана Грозного.

Книги эти, как и опубликованные вскоре И.Е. Глебовским два Остермановских тома (1774–1775)¹⁹, не могли не привлечь внимание Н.И. Новикова,

¹⁵ Так, Д.Н. Альшиц считал, что в Синодальном томе на 1560 г. приходится изменение формы повествования. До этого времени текст дробится на множество мелких фрагментов (308 заголовков за 14 лет). В дальнейшем на 7 лет в публикации отмечено лишь 10 заголовков. См.: *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. М., 1947. Т. 21. С. 257–259. В действительности дело обстоит отнюдь не так. Исследователь пользовался публикацией летописи в XIII т. ПСРЛ, где после 1560 г. киноварные заголовки рукописи не отмечались. Это показала моя работа по полному описанию С, что, впрочем подтверждается и сопоставлением с его копией – Александро-Невской (РНБ. СПбДА. № 298) и Лебедевской (РНБ. Ф. IV. 792) летописей, сохранивших все киноварные заголовки оригинала. Ср.: ПСРЛ. Т. XIII (вторая половина). С. 328–408; Т. XXIX. С. 280–355). Упустил Д.Н. Альшиц и то обстоятельство, что в этом хронологическом фрагменте Синодального тома изложение событий почти трех лет утрачено (вместе с заголовками).

¹⁶ Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061 напечатан с писменнаго, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769. Предисл. С. 4.

¹⁷ РНБ. Ф. IV. 255. 1°. 1035 л. 1964 миниатюры. Переплет XVIII в. Содержит изложение российской истории за 1114–1149, 1155, 1180, 1225–1240, 1425–1472 гг. Порядок листов нарушен. В начале XVIII в. принадлежал подьячему Иванову, с 1728 г. – купцу А.Ф. Коробейщикову, в 1730-е годы попал в библиотеку князя Д.М. Голицына, после 1812 г. куплен графом А.Ф. Толстым, вместе с собранием которого в 1830 г. поступил в Публичную библиотеку. Описан П.М. Строевым. См.: *Строев П.М.* Первое прибавление к описанию славяно-русских рукописей... графа Федора Андреевича Толстого. СПб., 1825. С. 7.

¹⁸ Царственной летописец, содержащей Российскую историю от 6622/1114 году, то есть от начала царствования великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха до 6980/1472 года, то есть до покорения Новгорода под власть великаго князя Василья Ивановича, после учиненаго бунту в Новогороде проискама Марфы посадницы и ея детей. СПб., 1772. Предисл. (л. 3 об.).

¹⁹ БАН. 31.7.30-1. 1°. 802л. 1152 миниатюры. Переплет XVIII в. Содержит изложение российской истории за 1254–1378 гг. Порядок листов нарушен, отдельные листы утрачены. БАН. 31.7.30-2. 1°.

увидевшего в них "отрывки одного полного труда", собранного боярином Артемоном Матвеевым²⁰. Он полагал, что мнение М.М. Щербатова подтверждает "сию нашу догадку". Действительно, если царевичу Федору Алексеевичу была поднесена книга "в лицах с историями" о деяниях российских государей²¹, то вполне логично использование ее для обучения Петра. Человек проницательный, Н.И. Новиков каким-то образом упустил, что книги, поднесенные боярином Матвеевым царевичу Федору (т.е. до 1682 г.), были, скорее всего, завершенными, и, следовательно, не могли превратиться в незаконченные в годы малолетства Петра (род. в 1672 г.), как полагал М.М. Щербатов. Позже версию Н.И. Новикова повторили митрополит Евгений (Болховитинов)²², П.М. Строев²³ и Филарет (Гумилевский)²⁴, обративший внимание на причастность *Алексея Адашева* к официальному летописанию и считавший, что записи царского фаворита вошли в состав Ц²⁵.

ЛС стал достоянием науки, хотя еще до публикации им пользовался М.В. Ломоносов, маргиналии которого рассмотрены А.А. Амосовым²⁶, а по сему отметим лишь его вывод об опрометчивом отождествлении великим естествоиспытателем чернеца Игнатия, автора "Пименова хождения в Царьград" с автором ЛС.

Пользовался томами ЛС и Н.М. Карамзин, дополнивший сведения об уже известных томах открытием в Патриаршей (Синодальной) библиотеке летописи сходной, (и частично близкой по тексту) с Ц, названной впоследствии С или "Никоновской с рисунками". Обе летописи ученый однозначно датировал эпохой Ивана Грозного, а соотношение их определил хронологическими рамками текста: та, изложение событий которой продолжалось дольше (С), сочтена и более поздней²⁷. К середине XVI в. отнес ЛС и Я.И. Беренников²⁸.

Таким образом, оформились две точки зрения. Первая, начало которой положил М.М. Щербатов, – летопись создавалась в XVI в., но оставлена незавершенной в годы правления Федора Ивановича. По второй – она есть плод работы Посольского приказа, руководимого А. Матвеевым. Столетие разделяло эти датировки, а в основе их лежали палеографические наблюдения тех, кто датировал ЛС временем Ивана Грозного, и ошибочная интерпретация вполне достоверного извещения теми, кто относил памятник к XVII в. Для решения проблемы необходимы были исследования специалистов по летописанию.

887л. 1581 миниатюра. Переплет XVIII в. Содержит известия о событиях российской истории за 1378–1424 гг. Принадлежали Петру I, А.И. Остерману. В 1740-х годах поступили в БАН. Впервые подробно описаны А.А. Шиловым. См.: *Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты: Материалы для полного собрания русских летописей. Вып. I // ЛЗАК. СПб., 1910. Вып. 22. С. 26–27.*

²⁰ *Новиков Н.И.* Рецензия на издание Древнего летописца... Ч. 1–2 // Санкт-Петербургские ученые ведомости. 1777. № 19. С. 150.

²¹ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриарху, также из писем к разным особам, с приобщением объявления о причинах его заточения и возвращения из онога; изданная Николаем Новиковым, членом Великого Российского собрания при Императорском Московском университете. СПб., 1776. С. 35.

²² [*Евгений (Болховитинов)*]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1818. Ч. 1. С. 205; Ч. 2. С. 438; *Он же.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинения митрополита Евгения. М., 1845. Ч. 2. С. 51–52.

²³ См. об этом: Заседание Археографической комиссии 21 сентября 1843 г. // Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841–1849. СПб., 1886. Вып. 2. С. 180.

²⁴ *Филарет (Гумилевский Д.Г.)*. Обзор русской духовной литературы. 862–1720 // Уч. зап. Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн. 3, отд. 2.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ *Амосов А.А.* Указ. соч. С. 33–34.

²⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб, 1817. Т. 8. Примеч. 327, 564.

²⁸ См. об этом: Заседание Археографической комиссии 21 сентября 1843 г. С. 181.

Первым заявил о месте ЛС в системе летописания В.М. Перевошиков, установив сходство Голицынского тома (Царственный летописец) "с немногими весьма прибавлениями, с великими пропусками" и НЛ²⁹. Однако если бы исследователь обратился к Лаптевскому тому (находился тогда в собственности купца И.П. Лаптева, но ученому миру был известен)³⁰, "великие пропуски" исчезли бы, число добавлений увеличилось. Сдерживали хронологические рамки работы. Но несмотря на то, что *отличия ЛС от НЛ были уже ясно отмечены*, в сознании преемников отложилось восприятие общности текстов летописей, миф об их идентичности, который бытует до сих пор.

В этом можно убедиться, обратившись к любому курсу истории России, ее литературы или источниковедения³¹. А вот имя автора мифа практически выпало из историографии. Его нет даже в монографии Б.М. Клосса, где отдельный раздел посвящен источникам ЛС³². Что касается датирования, то В.М. Перевошиков, пользовавшийся, как полагал А.А. Амосов, изданием А. Шлецера и С. Башилова³³, включавшими в состав НЛ и Новый летописец, воспринимал Голицынский том именно как памятник XVII в.³⁴

Еще дальше пошел Д.В. Поленов. Он сравнивал тексты НЛ и ЛС и нашел, что лицевые рукописи могут послужить "полезным вариантом для Никоновской летописи"³⁵, так как дают более правильное чтение. Что же касается Ц, то она "имеет преимущество перед Никоновской летописью тем, что в сей последней встречаются весьма частые пропуски нескольких строк и даже целых происшествий. Собственные имена и многие слова написаны в Царственной книге правильнее, чем в Никоновской летописи"³⁶. Эти преимущества, казалось бы, должны поставить вопрос о поисках действительного соотношения обеих летописей – НЛ и ЛС, о соотношениях списков летописи и ее "вариантов".

Но, вероятно, для развития плодотворной гипотезы необходим инкубационный период. Пока же архимандрит Савва принял версию Н.М. Карамзина, относя Ц к XVI в., а С – как продолжение ее к рубежу XVI–XVII вв.³⁷

Интересовали исследователей ЛС и цели составителей иллюстрированной летописи. Создание ее лишь для обучения истории молодого царевича вызывало сомнение Д.В. Голохвастова, так как грандиозный труд требовал значительных затрат. Обоснованный интерес обнаруживался в грандиозных работах, предпринятых в Москве Ивана Грозного. К тому же, в Описи Царского архива упоминались списки, "что писати в летописец лет новых", это в свою очередь

²⁹ *Перевошиков В.М.* О русских летописях и летописателях по 1240 год: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836. С. 95.

³⁰ РНБ. F.IV.233. 1°. 1005л. 1951 миниатюра. Переплет XVII–XVIII вв. Содержит изложение российской истории за 1116–1117, 1149–1225, 1241–1252 гг. Порядок листов нарушен. В начале XIX в. находился у калужского купца Чернова, в 1819 г. был приобретен купцом И.П. Лаптевым, а в 1827 г. передан в Публичную библиотеку. Описан А.Ф. Бычковым (ПСРЛ. Т. XI. С. II). Об обстоятельствах передачи Лаптевым рукописи в Публичную библиотеку см.: *Андрюшайтте Ю.В.* И.П. Лаптев: У истоков отечественного филологического наследия. М., 2000 (в печати).

³¹ Приведем мнение А.И. Рогова: "Никоновская летопись в варианте, представленном списком Оболенского, в 70-е годы XVI в. подверглась некоторой переработке, следы которой видны в замечаниях и приписках составителей. Летопись была дополнена изложением всемирной истории в трех томах... Русская история представлена в новой летописи в 6 томах, но без Повести временных лет... Все девять томов были снабжены иллюстрациями – всего 16 000 миниатюр... Так образовался лицевой летописный свод..." (Источниковедение истории СССР / Под. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 71).

³² *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 206–214.

³³ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767–1792. Ч. I–VIII.

³⁴ См. об этом: *Амосов А.А.* Указ. соч. С. 45.

³⁵ *Поленов Д.В.* Библиографическое обозрение русских летописей // ЖМНП. 1849. Ч. 64. № 10. С. 38.

³⁶ Там же.

³⁷ *Савва (И.М. Тихомиров).* Указатель... С. 200, 268.

позволяло датировать летопись XVI в. и *косвенно связывало составление ЛС с царским двором*. Без сомнения его взгляды разделял и архимандрит Леонид (Кавелин), завершавший незаконченный труд Д.В. Голохвастова³⁸.

Материалы И.Е. Забелина о быте двора московских государей XVII в., с одной стороны, укрепили версию Н.И. Новикова. Действительно, так называемые "царственные книги" (летописи с миниатюрами) были использованы для обучения царевича Алексея почти за 40 лет до рождения будущего императора Петра I³⁹. Но с другой стороны, они давали основание для приближения поздней даты (70-е годы XVII в.) к XVI в.

В связи с попытками рассмотрения споров дьяка И.М. Висковатого с авторами росписей в Кремле, выполненных после пожара 1547 г., Ф.И. Буслаев обратил внимание и на книжную миниатюру. При этом он назвал Ц одним "из замечательнейших образцов русской исторической живописи"⁴⁰. Но в определении даты развел известные кодексы, отнеся Ц к XVI, а Лицевой хронограф⁴¹ к XVII в.⁴² Может быть тому есть оправдание в несколько различных художественных приемах миниатюристов⁴³.

К середине XIX в. назрела необходимость нового издания НЛ. Его подготовка была поручена А.Ф. Бычкову⁴⁴. Не вдаваясь в подробности рассуждений публикатора о соотношении списков летописи, отметим лишь, что для издания были привлечены Голицынский и Лаптевский тома ЛС, что вполне вписывается в рамки сложившихся представлений ученого мира, получивших тем самым своеобразное "освящение". А.Ф. Бычков отметил в Предисловии скромные расхождения НЛ и ЛС в изложении событий 1114–1176 гг. (всего восемь). Но даже **более 50 крупных вставок в текст ЛС**, заимствованных в ЛС из Степенной книги (в том числе Повесть о убиении князя Михаила Черниговского), не насторожили публикатора. ЛС надолго остался списком (лицевым) НЛ⁴⁵. Вместе с тем А.Ф. Бычков отказался от использования Остермановского тома⁴⁶.

³⁸ Голохвастов Д.П. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. Исследование, начатое Д.П. Голохвастовым в 1849 году и доконченное архимандритом Леонидом в 1873 году. М., 1874. С. 8–9.

³⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей прежнего времени: Статья седьмая // Отечеств. зап. 1854. Т. 97. № 12. Отд. 2. С. 108–109.

⁴⁰ Буслаев Ф.И. Для истории русской живописи XVI века: По поводу дела о дьяке Иване Висковатом... // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 308.

⁴¹ РНБ. Ф.И.V.151. 1°. 1217л. 2191 миниатюра. Переплет XVIII в. Содержит изложения истории Рима с 70-х годов I в. н.э. и византийской истории до X в. Порядок листов нарушен. В конце XVII в. передан Карионом Истоминным царевичу Алексею Петровичу, позднее находился в Типографской библиотеке, а затем – в Синодальной. В первой четверти XIX в. попал к З.П. Зосиме, который в 1827 г. передал рукопись в Публичную библиотеку. Описан А.Е. Пресняковым. См.: Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // Изв. ОРЯС Имп. АН СПб., 1990. Т. 5, кн. 3. С. 16–26.

⁴² Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 300–301.

⁴³ Во всяком случае, О.И. Подобедова также разделяла хронографическую и летописную части ЛС как по времени возникновения замысла, так и по его реализации. Она полагала, что мастера школы митрополита Макария – новгородцы отнюдь не механически вошли в царскую мастерскую, сформированную в ходе восстановительных работ в Московском Кремле после страшного пожара 1547 г. См.: Подобедова О.И. Миниатюры... С. 124–125.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологического комиссией. Том девятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862.

⁴⁵ См.: ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. Предисл.

⁴⁶ А.А. Амосов полагал, что публикатор руководствовался мнением Н.В. Калачова, считавшего Лаптевский и Остермановский тома частями разных лицевых летописей. См.: Амосов А.А. Указ. соч. С. 48; Калачов Н.В. О летописных сборниках с картинками в Археологической комиссии // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1859. Кн. I. С. 25–28.

А.Ф. Бычков попытался объяснить разночтения ЛС от других (нелицевых) списков утратой листов длительным процессом его хранения и последующим их восстановлением, но уже на основе текста другой летописи. Восстановленные листы показались публикатору отличными по почерку и манере миниатюристов⁴⁷. Это наблюдение (будь оно бесспорным или ошибочным) должно бы открыть путь к изучению *обстоятельств складывания ЛС, разновременности привлечения его источников*. Однако пока возобладало мнение о случайном использовании другой летописи.

Такое своеобразное самоограничение нашло отражение и в общих курсах А.Д. Галахова⁴⁸, И.Я. Порфирьева⁴⁹, Д.И. Иловайского⁵⁰. Предположение И.Н. Жданова о постоянной подготовке материалов, предназначенных для включения в официальную летопись⁵¹ оставалось пока неопубликованным (хотя нельзя утверждать, что оно не было известно коллегам-специалистам, не придавшим значения и замечанию Д.П. Голохвостова о существовании "черных списков" летописи, хранившихся в Царском архиве). Жданов указал также на Повесть о Казанском взятии, вошедшую в состав Ц.

На "летописную книгу" ссылался в свое время А.М. Курбский, бывший воеводой в Казанском подходе 1552 г. Широко известно, что близость князя к Ивану Грозному сменилась опалой и неожиданным для царя бегством за рубеж, где Курбский написал свою "Историю о великом князе Московском". Трактатка истории России (царского рода в его понимании), изложенная беглецом, существенно отличалась от официальной, несмотря на особенности, свойственные каждой отдельной из длинной череды московских летописей первой половины царствования Ивана Грозного.

Их редакций и списков действительно много, разобраться в них чрезвычайно сложно, прежде всего ввиду несомненной близости текста. Можно даже утверждать, что до сих пор нет исследования, удовлетворившего бы запросы взыскательного читателя. Поэтому отметим лишь выявленные А.Н. Ясинским при сравнении Ц и НЛ два десятка значительных разночтений, из которых более половины обнаружены *только в Ц*. Вывод Ясинского внешне скромнен (*обе летописи являются тенденциозно направленными списками официальной московской летописи*)⁵², но чрезвычайно дальновиден и продуктивен. Само же ведение официального летописания он связывает с А.Ф. Адашевым и И.М. Висковатым (с опалами которых совпадает, по мнению исследователя, время создания Львовской и Александро-Невской летописей)⁵³. Эти предположения в дальнейшем сыграют важную роль в формировании и утверждении концепции, сложившейся в конце 40 – начале 50-х годов XX в. Пока же они остаются невостребованными.

Итак, к концу XIX в. в изучении ЛС довольно четко сложилась традиция, приписывающая его составление к второй половине XVI в. (М.М. Щербатов и его последователи). Установлена связь всех составных частей и место в системе летописания XVI в.: ЛС считается списком (вариантом) НЛ (В.М. Перевощиков

⁴⁷ ПСРЛ. Т. X. Предисл.

⁴⁸ Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1863. Т. 1. История древней русской словесности. История новой до Карамзина. С. 70.

⁴⁹ Порфирьев И.Я. История русской словесности. Казань. 1876. Ч. 1. Древний период: Устная народная и книжная словесность до Петра Великого. С. 566–567.

⁵⁰ Иловайский Д.И. История России. М., 1890. Т. 3. Московско-царский период: Первая половина или XVI в. С. 493.

⁵¹ Жданов И.Н. Сочинения царя Ивана Васильевича // Жданов И.Н. Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 123–124.

⁵² Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал // Унив. изв. (Киев). 1889. № 10. Ч. 2. С. 7.

⁵³ Там же. С. 15.

и др.) или текста, послужившего ее протографом (А.Н. Ясинский). Выявлены отличия отдельных томов ЛС (Голицынского, Лаптевского, Ц) от НЛ и назван один из дополнительных источников – Степенная книга (А.Ф. Бычков). Наметилось изучение процесса складывания ЛС в связи с палеографическими особенностями "вставных" (с текстом Степенной книги) листов (А.Ф. Бычков). Названы имена двух предполагаемых руководителей официального летописания – А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого (А.Н. Ясинский). Все это могло определить пути дальнейшего исследования, основным условием которого должно бы стать непосредственное обращение к подлиннику и (на основе сопоставления с другими летописями) выявление состава ЛС, что и позволило бы поставить вопрос о его происхождении.

Именно такую задачу поставил перед собой А.Е. Пресняков, обратившись к Ц. Сразу же выявились недостатки издания, предпринятого М.М. Щербатовым, где интерполяции редактора летописи внесены (за редким исключением) в общий текст и даже частично опущены. Не был последователен М.М. Щербатов и в указаниях на места замены белого текста приписками⁵⁴. Впрочем, упрекать издателя Ц отнюдь нельзя. Он достойно отразил представления своего времени на публикацию исторического памятника. Более чем через 10 лет после выхода в свет работы А.Е. Преснякова появился очередной том ПСРЛ, где Александро-Невская летопись опубликована в составе НЛ (как ее список) и как ее Дополнение⁵⁵. Повторив ошибки (так казалось А.Е. Преснякову) М.М. Щербатова, издатели ПСРЛ сыграли злую шутку со многими исследователями ЛС (эту проблему мы рассмотрим несколько позднее).

При сопоставлении Ц и С А.Е. Пресняков установил палеографическое сходство обеих рукописей, тождественность почерка редакторской правки, а также то, что приписки С перебелены в Ц. Теперь уже в историографию прочно вошло положение о том, что Ц – исправленная копия С.

А.Е. Пресняков значительно расширил представления об источниках ЛС: к Степенной книге добавились Львовская летопись, Софийский временник и анонимный *письменный источник интерполяции*, основанный на переработке следственных материалов Царского архива⁵⁶. Удалось А.Е. Преснякову выявить и *тенденциозность редакторской правки*.

Вместе с тем, Ц выпала из комплекса рукописей, составлявших ЛС (Голицынский, Лаптевский, I и II Остермановские, Шумиловский⁵⁷ и С), представлявших "почти полный текст Никоновского свода"⁵⁸. А.Е. Пресняков полагал, что по завершении С и правки его редактором была (с привлечением круга новых источников) составлена Ц, которую редактор вновь подверг правке. К тому же, по мнению А.Е. Преснякова, существовала и промежуточная редакция, отраженная Александро-Невской летописью⁵⁹.

Но не будучи специалистом по палеографии, молодой исследователь согласился с мнением А.И. Соболевского, безусловно относившим ЛС ко второй половине XVII в.⁶⁰ Позднее Соболевский уточнил свою позицию: "Этот список

⁵⁴ Пресняков А.Е. Царственная книга... С. 7–9.

⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII (первая половина); СПб., 1906 (вторая половина).

⁵⁶ Пресняков А.Е. Царственная книга... С. 17.

⁵⁷ РНБ. F.IV.232. 1°. 986л. 1893 миниатюры. Переплет XIX в. Содержит изложение российской истории за 1425, 1472–1533 гг. Порядок листов нарушен. В 1814 г. передан купцом М. Шумиловым в Публичную библиотеку. Описан А.Е. Пресняковым. См.: Пресняков А.Е. Царственная книга... С. 24–25.

⁵⁸ Пресняков А.Е. Царственная книга... С. 22.

⁵⁹ Там же. С. 29–30.

⁶⁰ Там же. С. 6.

(Ц. – В.М.)... сделан уже в половине XVII века, но его оригинал – и текст и рисунки – был составлен современниками событий"⁶¹.

Сходную позицию занимал и А.А. Шахматов: редакция лицевой летописи возникла в XVII в. *на основе текста близкого к НЛ по списку Оболенского*, а Лебедевская и Александро-Невская летописи в свою очередь скопированы с ЛС. В этом разделе своей рецензии на труд И.А. Тихомирова он положился на мнение А.Е. Преснякова, но рассмотрение древнейшей части, в чем был (и остается) крупнейшим знатоком, привело к любопытному выводу, сделанному на основе публикации: *текст НЛ согласовывался с текстом Воскресенского*⁶². Вывод этот мог бы иметь далеко идущие последствия, но он по каким-то причинам не привлек внимания исследователей.

С рецензией на работу А.Е. Преснякова выступил С.А. Шумаков, развернувший свое (несколько путаное) видение летописания, по его убеждению, тесно связанного с духовенством: завершение ЛС довольно точно совпадает с деятельностью митрополита Макария (Ц), благовещенского священника Сильвестра (Львовская, Воскресенская по Карамзинскому списку и НЛ) и Филиппа Кольчева (С)⁶³. Сколь бы парадоксальными и противоречивыми не показались эти мысли, в них есть здоровое зерно: митрополичья кафедра с ее кремлевским Чудовым монастырем представляются более причастными к традициям летописания, нежели А.Ф. Адашев или И.М. Висковатый (уже называвшиеся в качестве составителей ЛС).

Своеобразной реакцией на работу А.Е. Преснякова можно, наверное, назвать включение С.Ф. Платоновым Остермановских томов (в качестве списков), продолжавший публикацию НЛ⁶⁴.

Вскоре с палеографическим обоснованием принадлежности ЛС времени Ивана Грозного выступил В.Н. Щепкин. Поначалу это было сделано с Хронографическим томом ГИМ⁶⁵ (Музейский сборник)⁶⁶, который позднее был связан с С манерой одного из миниатюристов и с Ц – общей организацией работы⁶⁷. Затем В.Н. Щепкин однозначно признал все три рукописи вышедшими из мастерской палаты Грозного⁶⁸.

Вместе с тем, В.Н. Щепкину удалось заметить смену филиграней бумаги: в каждом пласте рукописи преобладает один знак, изредка перемежающийся другими⁶⁹. Этим обстоятельством впоследствии блестяще воспользовался А.А. Амосов, еще до знакомства с С предсказавший его водяные знаки в месте разрыва общего с Ц и когда-то единого текста. В ходе полистного описания

⁶¹ *Соболевский А.И.* Мономахова шапка и царский венец // Археол. изв. и заметки (М.). 1897. № 3. С. 66.

⁶² *Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А. Тихомирова "Обозрение летописных сводов Руси северовосточной" // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 74–75.

⁶³ *Шумаков С.А.* К вопросу о московском официальном летописании: Несколько слов по поводу книги А.Е. Преснякова "Царственная книга, ее состав и происхождение". СПб., 1893 // Книговедение. 1894. № 5. С. 12–16.

⁶⁴ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI.

⁶⁵ ГИМ. Муз. 358 1°. 1031л. 1677 миниатюр. Переплет XVIII в. Содержит изложение священной и древнееврейской истории от сотворения мира до XII в. до н.э. и троянской истории. Порядок листов нарушен. В конце XVII – начале XVIII в. находился у князя М.В. Мещерского. Приобретен Историческим музеем в 1897 г. Подробно описан В.Н. Щепкиным. См.: *Щепкин В.Н.* Лицевой сборник Императорского исторического музея // Изв. ОРЯС. СПб., 1899. Т. IV, кн. 4. С. 1345–1385.

⁶⁶ *Щепкин В.Н.* Два лицевых сборника Императорского Исторического музея // Археол. изв. и заметки. 1897. Т. 5. № 4. С. 7–8.

⁶⁷ *Щепкин В.Н.* Лицевой сборник... С. 1350–1352.

⁶⁸ *Щепкин В.Н.* Трон или царское место Грозного в Московском Успенском соборе // Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1907 год. М., 1908. С. 71.

⁶⁹ *Щепкин В.Н.* Лицевой сборник... С. 1358.

рукописей с историей Грозного, подготовленного мной совместно с С.А. Морозовым, предположение А.А. Амосова полностью подтвердилось⁷⁰.

Таким образом, исследователи последнего десятилетия XIX в. существенно изменили представления о ЛС. Стали известны новые источники, выявлена тенденция изменения текста основного источника, аргументирована гипотеза о многократности редактирования (и его тенденции) истории царствования Ивана Грозного, намечена возможность раскрытия последовательности складывавшейся ЛС на основе использования бумаги с разными филигранями (т.е. стопы разновременной закупки) и, наконец, все сохранившиеся части ЛС обрели свое место в комплексе. Но осталась проблема датирования, которая совсем недавно казалась уже снятой.

Требовались убедительные доказательства. На основе широкого круга датированных документов и рукописных книг России и Европы их получил Н.П. Лихачев. Сопоставление водяных знаков показало, что бумага ЛС бытовала между 1566 и 1585 гг. (для Европы), а в делопроизводственной практике России – в 1570-е годы. К 1600 г. бумага с этими знаками исчезает⁷¹. Объективные аргументы Н.П. Лихачева закрыли версию о XVII в. как даты создания ЛС, но резюме исследователя – *"мы указываем на семидесятые годы XVI столетия как на время написания для большей части лицевого летописного свода"* (выделено мной. – В.М.). Для Царственной книги время определяется несколькими годами позднее⁷² – принято не было. А вот идею о царственном редакторе подхватили многие исследователи. Н.П. Лихачев полагал, что "печальные происшествия последних лет царствования Ивана Грозного отвлекли его внимание от переделываемой летописи (Ц. – В.М.), а кончина и совсем прекратила переделку... Когда же молодой царь (Федор Иванович. – В.М.) и этим не заинтересовался, все предприятие было брошено навсегда"⁷³. Историография знает немало несправедливо забытых идей, но такое пренебрежение, какое получили исследования Н.П. Лихачева о ЛС, найти трудно. Имя ученого упоминалось вскользь, с ним этикетно раскланивались, но мнение не принималось, возражения не приводились.

В это же время вновь о ЛС высказался А.Е. Пресняков: грандиозный летописный памятник "возник в эпоху, когда Московская Русь, упоенная высоким положением, которого достигла – по крайней мере, в сознании своих государственных людей и своих книжников – под властью Грозного царя, подводила итоги своим историческим воспоминаниям, ища в них оправдания притязаниям"⁷⁴. Эмоциональная образная характеристика, данная А.Е. Пресняковым ЛС, прочно вошла в историографию, связав ЛС с именем Ивана Грозного.

Опираясь на результаты Н.П. Лихачева и В.Н. Щепкина, исследователь уже не считал нужным дискутировать по вопросу о датировании памятника, об этом было заявлено уже в самом начале статьи (в приведенной выше цитате). Он попытался выявить источниковую базу составителей ЛС, что, в конечном счете, не менее важно для понимания обстоятельств и времени возникновения летописи. Для хронографической части ЛС, по мнению А.Е. Преснякова, были использованы: Еллинский летописец 2-го вида второй редакции, Хронограф 1-й редакции и славянский перевод "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия⁷⁵. Для летописной части основным источником стала НЛ в позднейшей переработке "на основании других источников"⁷⁶: Воскресенская, Львовская, Новго-

⁷⁰ Амосов А.А. Указ. соч. С. 177.

⁷¹ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков: Исследование и описание филиграней. СПб., 1899. Ч. I. С. CLXXX.

⁷² Там же. С. CLXIX.

⁷³ Там же. С. CLXXX.

⁷⁴ Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. С. 824.

⁷⁵ Там же. С. 855.

⁷⁶ Там же.

родская четвертая и Симоновская летописи, Степенная книга. Поздние известия (1560–1567) признаны "*продуктом самостоятельной работы* (выделено мной. – В.М.)"⁷⁷.

Что касается копии ЛС, сделанной в XVII в. (Александро-Невская и Лебедевская летописи), то здесь мнение исследователя не было столь определенным. Считая Ц и С самостоятельными частями ЛС, А.Е. Пресняков полагал, что Александро-Невская летопись является списком С ("Никоновская с рисунками", по его терминологии), а по сему рекомендовал воспользоваться ею для восполнения утраченных мест оригинала, как и Лебедевской (для известий 1560–1567 гг.).

В заключение работы А.Е. Пресняков, казалось бы, опирающийся на исследований Н.П. Лихачева, совершает неожиданный пассаж: известия о богомолье Федора Ивановича и описания его венчания на царство, содержащиеся в Александро-Невской летописи (копии "Никоновской с рисунками", завершающейся повествованием о событиях августа 1567 г.) зафиксировали неудачную попытку "вернуться к работе, брошенной в конце 60-х годов"⁷⁸.

Тем самым был завязан узел противоречий и положено начало долговременным попыткам их разрешения: С и Ц окончательно воспринимались самостоятельными работами, Лебедевская и Александро-Невская летописи утратили непосредственную связь с лицевым оригиналом, превратившись в копию промежуточной редакции, а деятельность редактора-автора приписок в С и Ц получила фантастическую интерпретацию. Коль скоро работа по составлению ЛС была "брошена в конце 60-х годов", то вследствие потери интереса к ней редактора. Оставалось лишь назвать его имя.

Это сделал в осторожной форме С.Ф. Платонов, предположивший, что интерпретации в ЛС были сделаны, по-видимому, "по указаниям самого Грозного", предостерегая при этом от не критического обращения с такого рода источниками во избежание "одностороннего понимания событий"⁷⁹. Однако продолжая публикацию НЛ, Платонов оказался в чрезвычайно сложной ситуации. С одной стороны, он, похоже разделял мнения А.Е. Преснякова и Н.П. Лихачева, а с другой, практика исследователя выводила его на иной путь: "Нельзя не признать, что... непосредственное знакомство с рукописным текстом есть неременное условие правильности и плодотворности всякого вывода о памятнике, и нельзя не пожалеть, что не всегда это условие осуществимо. Можно быть уверенным, что в данном случае многие частные разногласия между исследователями Никоновского свода были бы устранены, если бы им представилась возможность прямого и точного знакомства с различными мелочными отличиями списков свода"⁸⁰.

Из контекста статьи очевидно, что С.Ф. Платонов считает НЛ (по спискам Оболенского и Патриаршему) и ЛС списками одной летописи. Рамками этой концепции обусловлена подготовка издания ПСРЛ: т. XII (известия 1425–1506 гг., с привлечением Шумиловского тома ЛС) – 1901 г.; т. XIII, первая половина (известия 1506–1558 гг., с привлечением С) – 1904 г.; т. XIII, вторая половина (известия 1558–1567 гг. по С с привлечением Александро-Невской и Лебедевской летописей, так как текст собственно НЛ закончился, известия 1533–1553 гг. по Ц) – 1906 г. Текст Ц "в сомнительных случаях сличался с текстом Никоновского свода и Александро-Невского списка. Последний в виду его близости к Царственной книге послужил в одном месте для восстановления пробела, допущенного (sic – !) в Царственной книге. Однако приведение ва-

⁷⁷ Там же. С. 865.

⁷⁸ Там же. С. 875.

⁷⁹ Платонов С.Ф. Иван Грозный. СПб., 1924. С. 7.

⁸⁰ Платонов С.Ф. К вопросу о Никоновском своде // Изв. ОРЯС. СПб., 1903. Т. VII, кн. 3. С. 24–33 (перепеч.: Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 236–247).

риантов из Александро-Невского списка признано неудобным, так как нет возможности доказать (sic – !), что этот список имел своим оригиналом одну Царственную книгу и не воспроизводил в некоторых случаях иные редакции лицевого свода, нам неизвестных⁸¹.

Итак, подведем некоторые итоги историографии, сложившиеся к началу XX в. Не будем акцентировать внимание на очевидных достижениях в изучении ЛС (они подробно рассмотрены А.А. Амосовым⁸²). Попробуем обратиться к догадкам и предположениям, позволявшим значительно продвинуться в этом направлении, а потом выберем выделенные в предыдущем тексте места.

М.М. Щербатов, обнаружив кипу листов в Синодальной библиотеке, разобрал их в хронологической последовательности описываемых событий, но не включил в собранный им кодекс "многие" листы с расцвеченными миниатюрами, а также с описанием венчания Федора Ивановича на царство. Причину столь странного обращения с древней книгой князь-историк и философ не объяснил (они были "дранными" – ?), а датировал рукопись временем Федора Ивановича ("*до кончины сего государя*"), так как ранее, чем эти события произошли, написать о них нельзя, но "ибо естли бы она была сочиняема в позднейшие времена, то б царь Иоанн Васильевич толико похваляем не был, и строгости бы его яснее были описаны, или бы не толь непослушание и заговоры боярские, дабы самим править (курсив мой. – В.М.) были изъяснены"⁸³.

Прямых доказательств непрерывности работы по составлению ЛС нет, что и привело исследователей к версии о возвращении к ней после некоторого перерыва. Попытаемся рассмотреть косвенные. Обратимся к Александро-Невской летописи. Мы достоверно знаем, что ее переписчик копировал ЛС чрезвычайно добросовестно, сохраняя повторные листы, редакторскую правку, киноварные заголовки и инициалы. В Приложении к ее публикации дан текст (л. 229–232, 505, 529, 534–553), дважды (на л. 538 и 540 об.–541)⁸⁴ передана речь

Федора Ивановича, выразившего намерение "венчаться царским венцом" пришедшим после смерти Ивана Грозного митрополиту, епископам и боярам. Первый вариант текста (л. 540 об.–541) был исправлен, обращение молодого государя стало более торжественным, приличествующим ситуации (л. 538). Проистекающий отсюда вывод однозначен: редакторской правке подвергался и текст с изложением событий 1584 г.

Здесь следует напомнить, что Н.Л. Лихачев указывал "*на семидесятые годы XVI столетия как на время написания для большей части лицевого летописного свода*" (выделено мной. – В.М.). Заключительная часть ЛС (Ц, под которой понимался кодекс, собранный М.М. Щербатовым), по его мнению, создавалась несколькими годами позже, а правку ее редактором относил к 1580-м годам, когда перерабатывалась история царствования Ивана Грозного, "начиная с описания кончины Василия III"⁸⁵. Ученый полагал, что правку делали по указаниям Ивана Грозного, но ведь не событий, связанных с его смертью и восшествием на престол "великие государства нашего Российского царьствия" Федора Ивановича.

Уже В.М. Перевошиковым *были ясно отмечены отличия ЛС от НЛ*. Затем А.Е. Пресняковым и другими исследователями был выявлен ряд источников ЛС, основной из которых – *близкий к НЛ по списку Оболенского* (А.А. Шахматов), показано использование дух и даже трех летописей для составления новых редакций летописных повестей, замена известий одной летописи известиями другой (принципиально иной редакции), указано на то, что *текст НЛ согласовывался с текстом Воскресенской* (А.А. Шахматов), выдвинуто пред-

⁸¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. VIII.

⁸² Амосов А.А. Указ. соч. С. 82–84.

⁸³ Царственная книга, т.е. Летописец... Предисл.

⁸⁴ Ср.: ПСРЛ. Т. XXIX. С. 219 и 222–223.

⁸⁵ Лихачев Н.П. Указ. соч. Ч. I. С. CLXXX.

положение об использовании материалов Царского архива, ("вряд ли кто согласится допустить, чтобы лицевой свод был официальной летописью, которая велась изо дня в день, не задавая литературными целями"⁸⁶, что *косвенно связывало составление ЛС с царским двором* (Д.В. Голохвастов). Известия С за 1560–1567 гг. признаны *продуктом самостоятельной работы* (А.Е. Пресняков) составителей ЛС, и они менее всего (в рамках истории царствования Ивана Грозного) подвергнуты правке редактора.

А.Ф. Бычков, готовивший издание НЛ, обратил внимание на *обстоятельства складывания ЛС, разновременность привлечения его источников*, на что указывали отличия почерка писцов и манеры миниатюристов в местах заимствования текста из дополнительных источников (он выделил *более 50 крупных вставок в текст ЛС*). Он полагал, что произошло это вследствие утраты листов и восполнения текста уже на основе летописей других редакций, но не допускал мысли о преднамеренном использовании версии с иной тенденцией освещения событий. Но именно на это обстоятельство обратил внимание А.Я. Ясинский, сравнивший НЛ и Ц и установивший, что *обе летописи являются тенденциозно направленными списками*.

Это обстоятельство чревато признанием тенденциозности изменений на протяжении всего ЛС, т.е. признанием его самостоятельной летописью, в корне отличной от НЛ. Но миф, прочно сложившийся к середине XIX в., прочно держался в умах исследователей, в первую очередь благодаря освящению его публикаций в составе НЛ. Лишь значительные расхождения, выявленные *только в Ц* (А.Н. Ясинский), выделяли ее из состава ЛС и вынуждали к признанию ее особого состава и датирования более поздним временем, чем способствовали и водяные знаки, отмеченные в позднейших источниках (Н.Л. Лихачев).

Применительно к самой Ц был поставлен вопрос о *письменном источнике интерполяции*, которым пользовался редактор при *тенденциозной правке* (А.Е. Пресняков), но решить его сколько-нибудь доказательно еще не представлялось возможным, так как исследователи не располагали источниками официального или частного происхождения, освещавшими конкретные события и вошедшими в летопись. Известно было лишь о "черных списках" А.Ф. Адашева, предназначенных к включению в летопись.

Затем наступил длительный перерыв, когда ЛС оставался вне специального исследования, он упоминался в обобщающих трудах и учебных пособиях, где в общих чертах повторялась концепция А.Е. Преснякова и Н.П. Лихачева. Особняком на этом фоне стоят лишь работы А.В. Арциховского⁸⁷. Известный археолог обратился к миниатюрам ЛС, но со специфическим, вещеведческим подходом. Впрочем, исследователь выявил и одно немаловажное обстоятельство в изображении Ивана Грозного: если в С голову государя венчала княжеская шапка (до 1542 г.), то после венчания на царство – пятилучевой венец, с каким миниатюристы изображали восточных "царей". В Ц произошли изменения (вероятно, по указанию редактора): здесь Иван Грозный увенчан короной с самого рождения ("прирожденный государь").

Другой знаток средневекового искусства, а А.Н. Некрасов, относя составление ЛС к 60–70-м годам XVI в., считал Ц незавершенной переработкой его последней части (С), сделанной в "эпоху Бориса Годунова"⁸⁸.

(Продолжение следует)

⁸⁶ Шахматов А.А. Критический отзыв на книгу Н.П. Лихачева "Палеографическое значение бумажных водяных знаков" // Изв. ОРЯС. Т. 4, кн. 4. С. 1481.

⁸⁷ Арциховский А.В. Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 117–125; Он же. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

⁸⁸ Некрасов А.Н. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 303–304.

С.М. Каштанов

ДОКУМЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(IX Международный конгресс по дипломатике)*

Позднее средневековье, которое в новейшей западной историографии датируется 1200–1492/93 гг.¹, условно называют иногда "эпохой горожан" (Bürgerzeit), в отличие от раннего средневековья – "эпохи монашества" (Mönchzeit) и центрального, или классического средневековья, – "эпохи рыцарства" (Ritterzeit)².

В период позднего средневековья европейские города, постепенно освобождаясь от власти своих сеньоров, создают органы муниципального управления, которые начинают производить собственную документацию. Рассмотрению ее особенностей во всех основных регионах Европы был посвящен IX Международный конгресс по дипломатике, состоявшийся в Генте (Бельгия) в конце августа 1998 г.

В списке участников конгресса значилось 90 человек. На этом международном форуме были представлены ученые 18 стран Старого и Нового Света: Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Польши, Португалии, России, Словакии, США, Франции, Чехии, Швеции. По традиции доклады произносились без перевода на пяти языках: французском, английском, немецком, итальянском и испанском.

Всего на конгрессе прозвучали 33 доклада, которые были распределены по региональным группам в соответствии с их географической приуроченностью. Получила освещение история городской дипломатии Великобритании (3 доклада) и Португалии (1 доклад)³; Германии (4 доклада) и Австрии (1 доклад)⁴; Италии (5 докладов)⁵; Франции (5 докладов)⁶; Испании (3 доклада) и России (1 доклад)⁷; Венгрии и Словакии (2 доклада), Польши (2 доклада), Чехии (2 доклада)⁸; Нидерландов (1 доклад) и Бельгии (2 доклада)⁹. Кроме того, состоялся доклад о новых методах дипломатических исследований¹⁰.

В настоящем обзоре мы не будем придерживаться порядка произнесения докладов. Нашей целью не является также последовательная характеристика городской дипломатии по странам в том виде, в каком она предстала на конгрессе. Мы попытаемся выделить некоторых общие проблемы истории муниципальной дипломатии Европы периода позднего средневековья и

* Статья написана в рамках исследовательского проекта РГНФ № 99-01-00306а.

¹ Leuschner J. Deutschland im späten Mittelalter. Göttingen, 1975. S. 22.

² Ibid. S. 16.

³ Утро 25 августа 1998 г.

⁴ Вечер 25 августа 1998 г.

⁵ Утро 26 августа 1998 г.

⁶ Четыре из них были сделаны вечером 26 августа и один (о городских печатях) утром 28 августа 1998 г.

⁷ Утро 27 августа 1998 г.

⁸ Вечер 27 августа 1998 г.

⁹ Утро 28 августа 1998 г.

¹⁰ Вечер 26 августа 1998 г. Доклад Ф. Демонти (Бельгия).

рассмотреть их, сопоставляя материал, относящийся к разным городским центрам и регионам.

В докладах, прозвучавших на конгрессе, был поднят ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для понимания тенденций социально-экономического, политического и культурного развития городов в эпоху позднего средневековья и на пороге нового времени.

Городская автономия часто получала закрепление в грамотах светских властей, предоставлявших городам статус свободной городской общины. В свое время о грамотах такого рода, выданных графами Савойскими, писала Рут Мариот-Лёбер¹¹. На конгрессе наличие учредительных грамот английских королей и так называемых пограничных лордов (*marcher-lords*) отмечалось для городов Уэльса (доклад Р. Гриффитса, Великобритания)¹². Эти акты воспроизводили английский формуляр, не отражая всей специфики уэльских городов XII–XIV вв. Иначе обстояло дело в Брабанте. Касаясь городской привилегии, пожалованной в конце XII в. герцогом Брабанта г. Хертогенбос (Буа-ле-Дюк), Г. ван Сингель (Нидерланды)¹³ рассматривает ее как результат сотрудничества и согласия представителей города с герцогом. По мнению автора, юридические нормы, зафиксированные в герцогской грамоте, консолидировали систему прав, которые уже существовали ранее. Эта грамота оставалась, по крайней мере, в течение четырех десятилетий единственным документом, созданным в городской сфере, полагает докладчица. Город Регенсбург в Германии получил в период герцогского господства право иметь бурграфу (1198), а в 1245 г. император Фридрих II даровал городу автономию (доклад К.-О. Амбронна, Германия)¹⁴.

Довольно сложно складывались отношения городских коммун с органами церковной власти. Дж.Дж. Фиссоре (Италия)¹⁵ показал роль епископов в первоначальной истории коммунального делопроизводства. Так, в Милане в XI в. епископ участвовал в выдаче грамот. Автор подробно проанализировал договор 1170 г. между епископом и коммуной Турина. В заключительной части этого документа фигурируют епископские вассалы и представители горожан и консулата. Первые коммунальные органы начались с консульской магистратуры, соперничавшей с епископской властью. В докладе М. Париса (Франция)¹⁶ подчеркивалось, что еще в XII в. городская община Меца задыхалась под опекой епископа. В Регенсбурге между 1198 и 1245 г. верховная власть принадлежала епископам, и городское самоуправление сотрудничало с епископскими городскими министералами (К.-О. Амброн).

На севере Франции власть городских магистратов, вставленных в сеть сеньорий, утверждалась с трудом. Это показал в своем докладе А. Сен-Дени (Франция)¹⁷ на примере г. Лана, освободившегося в 1109 г. от власти епископа. В XIII в. главным конкурентом муниципалитетов был капитул кафедральных соборов. Конфликты с ним в г. Лане подрывали доверие горожан к представителям городского самоуправления. И это при том, что муниципалитет и его писцы выполняли многообразные функции, служившие интересам жителей

¹¹ *Mariotte-Löber R.* Ville et seigneurie. Les chartes de franchises des comtes de Savoie. Fin XIIe siècle – 1343. Annecy, Genève, 1973.

¹² *Griffiths. R.* The authors of urban records in medieval Wales. Gent, 1998.

¹³ *Van Syngel G.* Urban diplomatic in the Northern Netherlands. Gent, 1998.

¹⁴ *Ambronn K.-O.* Die Anfänge der städtischen Kanzlei in Regensburg im 13. Jahrhundert. Gent, 1998.

¹⁵ *Fissore G.G.* Notai, vescovi e comuni: interazioni e sinergie nell'elaborazione del documento (secc. X–XII). Gent, 1998.

¹⁶ *Paris M.* Pratiques d'écriture de la communauté urbaine de Metz au XIIIe siècle. Gent, 1998.

¹⁷ *Saint-Denis A.* La concurrence entre les différents centres de confection des actes dans les villes de commune du nord de la France au XIIIe siècle. Gent, 1998.

(фиксация сделок, определение порядка наследования, оформление приданого, осуществление опеки над малолетними и инвалидами, назначение кураторов для бедных семей, управление имуществом лиц, ушедших в монахи, и т.п.). С конца XIII в. соперниками муниципальных органов в оформлении частных актов горожан стали и королевские балы.

Т. Фогтхер (Германия)¹⁸ считает, что в Саксонии конкурентами муниципалитетов в области делопроизводства были ведомство комтура Немецкого ордена, в редких случаях – монастыри, а во Фрейберге – писец горного ведомства (Bergschreiber).

Развитию городского секретариата в Утрехте препятствовала власть епископа. Более благоприятные условия для становления муниципального делопроизводства сложились в XIII–XIV вв. в г. Хертгогенбос (Буа-ле-Дюк) в северном Брабанте (ныне в Нидерландах). Здесь у городского секретариата не было серьезных конкурентов: канцелярия брабантского герцогского дома только начинала формироваться (город даже брал на себя производство некоторых герцогских грамот); нотариусы, появившиеся лишь с 1317 г., не мешали развитию секретариата и были поставлены на службу городу, который являлся притягательной силой и для сельской округи, ибо в нем фиксировались имущественные сделки всего района (доклад Г. ван Сингель).

В историографии принято считать, что институт публичного нотариата характерен преимущественно для Италии и южной Франции, в то время как в северной Франции и Центральной Европе в XIII–XV вв. установилась система так называемой "жалованной" ("милостивой") или "добровольной" юрисдикции (*jurisdiction gracieuse = jurisdiction volontaire = freiwillige Gerichtsbarkeit = voluntary jurisprudence*). Суть ее была в том, что акты частных лиц составлялись от лица органов публичной власти (светской или церковной) и удостоверялись их печатью¹⁹. Название "жалованной" (*gracieuse*) эта "юрисдикция" получила потому, что публичная власть как бы жаловала свое согласие на сделку и признавала ее законной, уменьшая тем самым возможность оспорить акт в суде. Подобная "юрисдикция" могла считаться и "добровольной" (*freiwillige, volontaire, voluntary*), поскольку контрагенты добровольно позволяли публичной власти оформить и поставить под свой контроль сделку. "Добровольная" юрисдикция противопоставлялась "принудительной" – разбирающей споры (*jurisdiction contentieuse*).

Развитие "жалованной юрисдикции" не мешало различным органам власти прибегать также к услугам "публичных нотариусов"²⁰. Сочетание деятельности городских писцов и нотариусов отмечалось в ряде докладов конгресса. Вообще происхождение муниципального делопроизводства тесно связано с историей нотариата. Дж. Фиссоре подчеркнул, что фигура нотариуса была центральной в делопроизводстве еще раннего средневековья. Нотариусы имелись в королевских канцеляриях. Их находим в городе, вне города, во всех епископских резиденциях. В период классического средневековья наблюдается тенденция к полной свободе нотариусов. Исходной точкой развития нотариата в послекарولينгский период являлась епископская власть. Однако нотариусы в Италии обслуживали не только епископов, но и нарождающиеся коммуны. Уже в XII в., по наблюдениям Д. Пунчу (Италия)²¹, коммуна была не пассивным пользователем нотариусов, а в полной мере включала нотариат в систему коммунальных институтов.

¹⁸ *Vogtherr Th.* Die Entstehung des städtischen Urkundenwesens in Sachsen. Gent, 1998.

¹⁹ Подробнее см.: *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux et chancelleries: Études de diplomatique et de sigillographie médiévales. P., 1990. [Т.] 1. P. 269–436.

²⁰ *Ibid.* P. 303 etc.

²¹ *Puncuh D.* La diplomacia comunale in Italia: dal saggio di Torelli ai nostri giorni. Gent, 1998.

Вне классической зоны распространения нотариата (Италия и южная Франция до Альп) наличие нотариев в городах XIII–XV вв. прослеживается по докладам конгресса в Испании, северной и восточной Франции, Германии, Польше. В городах Астурии (Овьедо и Авилес) различались акты, написанные в канцелярии городского Совета и публичными нотариумами (доклад Марии Х. Санс Фуэнтес, Испания)²². В Лане в XIII в. группа "нотариумов" могла в те или иные периоды работать под руководством "скриптора" (доклад А. Сен-Дени). В Меце XIII в. наблюдается практика, которая смешивала нотариат и канцелярию (доклад М. Париса). Городской нотариум (*notarius civium*) отмечен в Регенсбурге в середине XIII в. (доклад К.-О. Амбрана). В XIV в. в г. Хертогенбос на севере Брабанта функцию городского писца исполняло большое количество нотариумов (доклад Г. ван Сингель). В Польше в конце XIII – середине XIV в. наблюдаются взаимодействие и конкуренция трех форм делопроизводства – церковного, нотариального и городской канцелярии. Здесь существовали понятия "*notarius civitatis*", "*scriptor*" (доклад К. Скупеньского, Польша)²³.

Близкими к нотариатам были странствующие и "независимые" писцы, которые в XIII в. имелись, например, в западной Фландрии (г. Брюгге, доклад М. Леруа, Бельгия)²⁴. На территории Тевтонского ордена городской писец часто переезжал из одного города в другой (доклад Я. Тандецкого, Польша)²⁵.

В докладах уделялось определенное внимание органам городского самоуправления, возглавлявшим систему муниципального делопроизводства. В большинстве случаев речь шла о городских советах, которые существовали в XIII–XV вв. в городах Португалии, Испании, Наварры, Саксонии, Австрии, Венгрии, Чехии, Моравии и др. М.Л. Пардо Родригес (Испания)²⁶ проанализировала работу Большого Совета Севильи. Главного писца Совета (*escribano mayor del Consejo*) она называет протонотариумом. Автор отмечает патримонизацию публичных должностей в Совете (господство родственных связей). Протонотариум мог назначить себе заместителя (обычно из числа родственников) – писца городского Совета (*escribano del Cabildo*), который имел подсобных писцов (в основном из родственников). Зарплата протонотариуму выдавалась деньгами и натурой (сукно, ячмень). Оплата труда его заместителя производилась сначала самим протонотариумом, а с начала XIV в. – непосредственно Советом. Кроме зарплаты, протонотариум получал от Совета деньги на покупку бумаги и чернил.

В Риме роль городского совета исполнял Сенат, возродившийся к жизни в 1144 г., но на практике входивший в структуру папской власти (Р. Косма, Италия)²⁷. В ряде докладов говорилось о деятельности мэров и эшевенгов, или ольдерменов, как представителей муниципалитета. Они имели под своим началом писцов. Институт эшевенгов явился продолжением более древнего института скабинов (*scabini*). И те, и другие исполняли в городе судебно-административные функции. Мэр и эшевенгы (ольдермены) играли главную роль в составлении актов "жалованной юрисдикции" на севере Франции (Эр-сюр-ля-Лис, доклад Б. Дельмера)²⁸, в Лотарингии (Мец, доклад М. Париса), в западной Фландрии (Брюгге, доклад М. Леруа), в северном Брабанте (г. Хертогенбос, доклад Г. ван Сингель) и др. М. Леруа отметила, что эшевенгы, вассалы и дуайены в Брюгге сначала упоминаются только как свидетели сделок, но затем они сами уже выдают грамоты заинтересованным сторонам. Эшевенгы сельских

²² *Sanz Fuentes M. J. Diplomática municipal asturiana. Gent, 1998.*

²³ *Skupieński K. Les chancelleries urbaines et l'Eglise en Pologne médiévale. Gent, 1998.*

²⁴ *Leroy M. Les débuts de la production d'actes urbains en Flandre au XIIIe siècle. Gent, 1998.*

²⁵ *Tandeci J. Anfänge und Entwicklung der Forschungen zur städtischen Diplomatie in Polen. Gent, 1998.*

²⁶ *Pardo Rodriguez M.L. Diplomática municipal de Sevilla: Las escribanías de Concejo. Gent, 1998.*

²⁷ *Cosma R. La prima documentazione del Senato di Roma. Gent, 1998.*

²⁸ *Delmaire B. La diplomatie urbaine des actes échevinaux d'Aire-sur-la-Lys au XIIIe siècle. Gent, 1998.*

сеньорий первоначально пользуются услугами публичных писцов, позднее же организуют городские бюро письма – секретариаты. А. Сен-Дени подчеркнул роль городских присяжных (*jurés*) и их помощников в противостоянии другим органам "жалованной юрисдикции" – *официалам* (представителям епископской власти) и *прево* (агентам короля).

Что касается самой организации городского делопроизводства, то далеко не все авторы докладов считают возможным говорить о раннем возникновении муниципальной "канцелярии". Некоторые исследователи подчеркивают значительный хронологический разрыв между появлением первых городских актов и образованием городской "канцелярии" в собственном смысле слова. Так, Т. Фогтхер указывает, что наиболее ранние городские грамоты в Саксонии датируются концом XIII в., но, по его мнению, они едва ли свидетельствуют о наличии городской канцелярии в это время. Поскольку городские писцы впервые упоминаются здесь в середине XIV в., автор относит зарождение городской канцелярии к XIV в.

Еще более осторожен в своих выводах П. Чендес (Австрия)²⁹, который сомневается в том, что писавшие городские документы в XIII в. были собственно городскими писцами. Появление городских писцов и городской канцелярии в Австрии он датирует XV в., когда в муниципалитетах формируется юридически образованный персонал. В то же время на западе Австрии уже в XIV в. встречаются, по словам автора, "династии писцов", а в венской городской "канцелярии" находятся документы, начиная с середины XIII в. В некаяжеских городах Австрии городские писцы были на службе не у самого города, а у его господина – епископа или графа.

М. Мерсьовский (Германия)³⁰ сосредоточил внимание на составе городских писцов Вестфалии до 1500 г. Наличие в 1211 г. в Регенсбурге городской печати (*sigillum civium*) К.-О. Амброн считает недостаточным для заключения, что в то время там существовала городская канцелярия. Возникновение последней он связывает с фактом свержения епископской власти в середине XIII в. Тогда канцелярия помещалась в ратуше, впервые упомянутой в 1244 г. (*domus civium*). В 1248 г. создается новая печать с надписью: "*Universitas civium*". Нам эта надпись напоминает новгородскую: "Весь Новгород".

По мнению Я. Тандецкого, в Польше формированию городских канцелярий предшествовало создание маленьких скрипториев.

Г. ван Сингель утверждает, что появление постоянного городского писца в г. Хертогенбос в северном Брабанте произошло, по крайней мере, через 100 лет после основания города, а первые шаги по созданию городского "секретариата" заметны лишь через 50 лет после выдачи наиболее ранней городской грамоты. Аналогичным образом шло развитие делопроизводства в городах Голландии и Зеландии. Только в XIV в. секретариат в г. Хертогенбос был расширен путем создания постоянного штата писцов. М. Леруа, отмечая деятельность писцов в Брюгге, заявляет, что о настоящей городской канцелярии в XIII в. говорить еще нельзя.

Более уверенно термин "канцелярия" употребляется в докладах, касающихся испанских городов ("канцелярия Совета"), Флоренции (доклад П. Херде, Германия)³¹, г. Брно в южной Моравии в 1526–1619 гг. (доклад Л. Сулитковой, Чехия)³². Изучение материалов архива г. Брно за XVI – начало XVII вв. позволило Л. Сулитковой нарисовать впечатляющую картину деятельности писцов внутри

²⁹ Csendes P. Die Anfänge des städtischen Urkundenwesens in Oesterreich. Gent, 1998.

³⁰ Mersiowsky M. Städtliches Urkundenwesen und Schriftgut in Westfalen vor 1500. Gent, 1998.

³¹ Herde P. La cancelleria fiorentina nel primo Rinascimento. Gent, 1998.

³² Sulitková L. Brüner Stadtkanzlei und Diplomatie an der Schwelle der Neuzeit. Gent, 1998.

и вне городской канцелярии. В составлении документов участвовали сами советники, получая за это вознаграждение. С 70-х годов XVI в. за фиксированное годовое жалование в канцелярии работали городской писец, подьячий, судебный и сиротский писцы, один или два вспомогательных писца. Имелся специальный "пивной писец", оплачиваемый городом. Кроме того, роль "таможенного" и "весового" писцов исполняли "присягнувшие" члены городской общины. Общее число лиц, занятых письмом в городском управлении и ведением судебных дел, достигало 15–20 человек в год. Некоторые из них были прямо связаны с городской канцелярией, другие находились в неустойчивых отношениях с ней.

По своей делопроизводственной форме документы городов делятся на грамоты, книги и свитки. Грамоты стали составляться раньше, чем книги. Для городов Саксонии насчитывается более 160 грамот конца XIII–XIV вв. Грамоты скреплялись печатями. Вследствие недостаточной самостоятельности саксонских муниципалитетов к грамотам наряду с городскими печатями привешивались и печати других властей. Город имел большую вислую печать (доклад Т. Фогтхера). Вспомним, что и в средневековом Новгороде акты скреплялись не только печатями органов местного самоуправления (посадников и др.), но и печатью архиепископа, а иногда и князя, причем наиболее ранние грамоты не имели печатей собственно городских властей.

Городские грамоты Регенсбурга по внешнему виду напоминали акты папской канцелярии – грамоты с шелковым шнуром (*litterae cum filo serico*). В отличие от австрийских муниципалитетов, регенсбургский совет не обладал монополией на документирование земельных сделок в городе (К.-О. Амброн). Правда, австрийских городских грамот XIII–XIV вв. сохранилось немного (П. Чендес). Лучше представлено актовое наследие городов северной Франции, Бельгии и Нидерландов.

Так, от небольшого городка Эр в Артуа (Эр-сюр-ля-Лис) дошло 100 актов XIII в., из них половина – оригиналы. В основном это акты "жалованной юрисдикции", фиксирующие продажу или сдачу имущества в аренду. Грамоты писались на латыни от лица мэра и нескольких эшевенгов (4–5). Их имена фигурируют либо в интитуляции, либо в перечне свидетелей. Составлялись грамоты не на открытом рынке, а в особом помещении. Материалом для письма служил пергамен. Акт скреплялся печатью на "двойном хвосте" из пергамена³³.

Грамоты другого типа писались на народном языке и в форме хирографа³⁴, не скрепленного печатью. Этот тип грамот был более новым по сравнению с эрским. Он характерен для больших городов (например, таких как Дуэ, Валансьенн, Турне), где применение "жалованной юрисдикции" приобрело широкий размах (доклад Б. Дельмера).

В Лане в середине XIII в. группой коммунальных нотариюв под руководством мэра и присяжных составлялись акты "жалованной юрисдикции". Сейчас их известно около 50. Текст этих грамот лаконичен, лишен сложных юридических формул, написан на маленьких листах пергамена на французском языке. Пергамен – посредственного качества, и письмо кажется небрежным. По сравнению с актами ведомства официалов стиль муниципальных грамот более

³³ О "двойном хвосте" см.: *Кацтанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 257–258.

³⁴ Хирографы – грамоты, написанные на одном листе бумаги в двух (или более) идентичных экземплярах, "вверх ногами" по отношению друг к другу. Они разделялись словом "CIROGRAPHUM", которое было выведено большими буквами и служило линией разреза, производившегося либо в форме волнистой черты, либо в виде зубцов пилы. Каждый экземпляр отдавался одной из сторон (См.: *Guyotjeannin O., Pysche J., Tock B.-M.* *Diplomatique médiévale.* Brepols, 1993. P. 191; *Vocabulaire international de la Diplomatie / Ed. M. Milagros Cárcel Ortí.* València. 1994. P. 30, art. 44).

шероховат. Вообще писец, оплачивавшийся в конце XII в. сдельно, и руководимые им нотариусы не всегда могли успешно конкурировать с другими бюро письма. Уровень образования присяжных был ниже, чем у членов кафедрального капитула – блестящих дипломированных юристов, стремившихся противопоставить муниципалитету свое влияние и делавших это всегда к пользе ведомства официалов. Королевские баллы, которые тоже могли прикладывать к частным актам свою печать³⁵, располагали компетентным персоналом и получали помощь со стороны крупной буржуазии, держателей почетных должностей (типа "блюстителя королевской башни" или "королевского раздатчика хлеба"). Эта конкуренция и волнения в большинстве коммун после 1270 г. нанесли, вероятно, очень серьезный удар по деятельности коммунальных нотариусов. Массовое же уничтожение составленных ими актов определялось преходящим (кратковременным) значением последних (доклад А. Сен-Дени).

В Севилье XIII–XV вв. городские указы – *ordenanzas* – касались широкого круга вопросов: о распределении налогов, взносе арендной платы и т.д. Акты городского совета (*Actas Capitulares*) скреплялись прикладной печатью, а торжественные документы – вислой восковой печатью (М.Л. Пардо Родригес). В городах Астурии различались акты внутреннего управления (*Actas de Cbildo*) и документы по сношениям с другими органами, написанные, во-первых, в канцелярии Совета, во-вторых, публичными нотариусами. Акты нотариусов скреплялись печатью Совета, которая была средством удостоверения документов, созданных вне его (М.Х. Санс Фуэнтес).

Городские писцы, составлявшие грамоты, довольно рано появились в Нидерландах: в Неймегене – с 1263 г., в Голландии и Зеландии – с 1260 г., в Утрехте – с 1330 г. В последней четверти XIII в. каждый значительный город имел своего писца. В Дордрехте в 1280–1290 гг. работало несколько писцов одновременно.

В Хертогенбосе число грамот увеличивалось на 100% в каждое десятилетие, начиная с 1260 г. От XIV–XV вв. дошло до нас около 1 тыс. оригиналов грамот. В XIII в. городская продукция состояла только из грамот – преимущественно "добровольной юрисдикции". Отмеченное выше процветание городского секретариата в Хертогенбосе было связано с тем, что в этом новооснованном городе отсутствовали другие центры производства грамот типа аббатства или церковного капитула. В Утрехте или Мидделбурге, например, каноники из местных капитулов и писцы аббатства переписывали грамоты по заказу городских органов. Главной причиной, почему люди из всей прилегающей округи предпочитали записывать и удостоверять сделки в г. Хертогенбос, являлось принадлежавшее ему право *ингебода* (*ingebod*), по которому на основании выданных здесь грамот кредиторы могли вызывать неисправных должников, живших вне города, в Судебную палату шерифа и требовать удовлетворения своих законных притязаний, в том числе посредством продажи с аукциона или конфискации имущества должника.

Подобно большинству актов нидерландских городов, грамоты Хертогенбоса имели печати. Лишены печатей были грамоты из "сундука" ольдермена г. Арнем и записи в городах Мидделбург и Кампен. В Арнеме грамоты не выдавались получателям, а сохранялись в "сундуке" ольдермена. Этот "сундук" напоминает нам "ларь", о котором говорится в Псковской судной грамоте. В городах Мидделбург и Кампен акты "добровольной юрисдикции" содержались в

³⁵ Систему "добровольной юрисдикции" ввел в 1270 г. Альфонс де Пуатье в своих сенешальствах. Тот же порядок, предусматривавший фиксацию частных сделок в письмах баллы, скрепленных его печатью и печатью двух выборных "лучших людей" ("*II preudhommes esleus*"), был распространен на все королевские балыжи Франции ордонансом Филиппа III, текст которого не сохранился, но известен в изложении Бомануара (" *Coutumes de Beauvaisis*"). Этот ордонанс относят к весне (предположительно до мая) 1281 г. См.: *Bautier R.-H. Op. cit. [Т.] 1. P. 353–354.*

регистрах. Хирографы, характерные для Нивеля и Турне, здесь не были в употреблении.

На первой стадии развития делопроизводства в Хертогенбосе все грамоты снабжались городской печатью. С 70-х годов XIII в. вместо нее на ольдерменских грамотах появились личные официальные печати ольдерменов, где указывались их имена и должность, которая определялась как "scabinus in Busco (или Buscoducis)". Подобное же явление наблюдалось в Маастрихте, однако в Голландии, Зеландии, Утрехте и юго-западном Брабанте указание должности ольдерменов на печать не выносилось. В западном Брабанте некоторые ольдермены не имели в XIII–XIV вв. собственной печати и просили, чтобы печати были приложены либо другими ольдерменами, либо местными агентами власти или представителями духовенства. Заметим, что личные печати ольдерменов сопоставимы с печатями новгородских посадников и тысяцких.

Грамоты Хертогенбоса датированы на пасхальном стилю, принятому в Брабанте, причем указывался и день недели по церковному календарю.

Что касается языка документов, то в грамотах городской администрации переход от латыни к голландскому совершился уже в первой половине XIV в., между тем как в актах "добровольной юрисдикции" писцы строго придерживались латыни до середины XVI в. Вообще в документах северного Брабанта народный язык появляется позднее, чем в Голландии и Зеландии, где он употреблялся уже во второй половине XIII в. и совершенно заменил латынь в грамотах XIV в. (Г. ван Сингель).

Относительно г. Монса, столицы графства Эно (на юго-западе Бельгии), известно, что городские акты составлялись здесь уже в первой половине XIII в. как в форме документов с печатью (с 1218 г.), так и в форме хирографов (с 1247 г.). К концу XIII в. принимают письменный вид так называемые полицейские баны – городские законы и распоряжения (*ordonnances communales*). Около 700 ордонансов XIII – начала XIV в., большей частью недатированных, сохранилось в свитках и регистрах. Они должны были провозглашаться устно и поэтому не имеют удостоверительных знаков. В подлинниках дошло до нас около 30 документов (грамоты с печатью и хирографы).

Исучавший "полицейские баны" г. Монса Э. Бусмар (Бельгия)³⁶ различает три периода в их развитии: 1) XIII – начало XIV вв.; 2) XIV в.; 3) конец XIV–XV вв. Баны первого периода (= первого типа) – это не имеющие выработанного формуляра приказания или запрещения, сопровождаемые санкцией. Баны второго периода (= второго типа) отличаются более устойчивым формуляром, построенным по определенной схеме; по форме они представляли собой либо грамоты с печатью (с 1315 г.), либо хирографы (с 1317 г.). Баны третьего периода (= третьего типа) начинались призывом к населению: "Ouyés" ("Слушайте!"). Далее они содержали изложение мотивов постановления, диспозитивную часть, разделенную на статьи, и конечные клаузулы (санкции). В них отсутствовали корроборация и дата. В третий период сосуществовали законодательные хирографы и акты с печатью. Для составления статей диспозиции банов третьего типа продолжала использоваться форма банов первого типа.

М. Леруа проанализировала акты г. Брюгге XIII–XIV вв., опубликованные в "Corpus van Middelnerlande teksten". Документы, проходившие перед эшевеннами, она разделила на три группы: 1) акты "добровольной" и "принудительной" юрисдикции (*actes de juridiction gracieuse et contentieuse*); 2) акты на установление пожизненной и наследственной ренты; 3) административные акты. Из 50 актов первой группы 44 имеют идентичную формулу подписи. Письма о наследствен-

³⁶ Bousmar E. La diplomatie urbaine montoise dans les textes législatifs: bans de police et ordonnances (fin XIIIe – début XVIe siècle). Une mutation, des permanences. Gent, 1998.

ной ренте составлялись строго по форме. Она же использовалась для документов о пожизненной ренте, но при этом были возможны некоторые отступления от принятой модели текста. Город вмешивался в составление административных документов, в особенности "keures" (местных законов, by-laws).

Активная деятельность эшевен и окружавших их писцов способствовала созданию особого "брюжского стиля" (style brugeois). Вместе с тем более половины актов первой группы (30 из 50) было написано не городскими, а "независимыми" писцами, которых нельзя связать ни с определенным автором, ни с определенным получателем. Кроме общей формулы подписи актов первой группы, нет других признаков общности формуляра этих документов, вследствие чего трудно усмотреть тут наличие канцелярии.

В Брюгге находились не только городские эшеваны, но также эшеваны двух больших сельских сеньорий: Franc de Bruges и Sijseele. Эшеваны были более близки к населению, чем другие центры документирования, и могли выдать акты быстрым и эффективным способом. В некоторых "keures" содержалось требование "проводить" акты перед местными эшеванами. Все это обеспечивало успех их деятельности.

Рассматривая эволюцию брюжских актов, автор доклада, М. Леруа, отмечает, что до конца XI в. устные показания свидетелей были достаточны для решения спорных вопросов частного права. Начиная с XII в. приобретают значение письменные свидетельства. Эшеваны, бывшие ранее лишь "послухами", становятся в XII в. соучастниками составления актов. Рост значения городского акта в Брюгге обуславливался, в частности, экономическим процветанием города, находившегося в XIII в. на путях оживленной международной торговли. Как говорит докладчица, торговля требовала создания определенной администрации и, следовательно, развития письменной деятельности.

Если первоначально эшеваны обращались к услугам публичных писцов, то со временем они организуют городские бюро письма (secrétariats). Некоторые писцы состояли на службе у определенных авторов. Большинство городов и сельских сеньорий конца XIII в. были еще слишком малого размера и не имели возможности создать настоящую канцелярию. Они продолжали призывать независимых писцов (как странствующих, так и оседлых) или писцов из церковного учреждения по содействию. Таков вывод докладчицы, несколько выходящий за рамки анализа только брюжских актов.

Доклад Р. Гриффитса был посвящен изучению городской документации Уэльса, где к 1300 г. насчитывалось до 100 городов. Автор рассмотрел различные записи финансового и судебного характера, а также городские указы – *ордонансы* (ordnances). Записи составлялись литературной элитой, главным образом последней четверти XIII в., когда процветали уэльские города. В записях нашли выражение поиски финансового контроля за доходами и расходами горожан. Записи судебных дел велись местными писцами. Записывались и показания, которые жители давали королевским и сеньориальным землемерам (межевщикам). Рост земельных сделок сопровождался записью и регистрацией их в городах. В ордонансах оформлялись отношения городов с королевской властью и местными сеньорами – лордами. Форма и содержание ордонансов и печатей отражают самосознание уэльских городских коммун. О независимости и самосознании английских городов говорил также Дж. Мартин (Великобритания)³⁷. В течение большей части средних веков в официальных документах городов Уэльса преобладали латынь и французский. В менее официальных текстах использовался уэльский язык. Английский язык вошел в употребление с середины XV в.

³⁷ Martin G. The diplomatic of English borough custumals. Gent, 1998.

В городах Саксонии, как показал Т. Фогтхер, городские уставы редко скреплялись печатью. В виде грамот с печатью выдавались обычно акты "добровольной юрисдикции". Акты сношений с внешним миром, например, с местными сеньорами, включали в себя иногда текст присяги на верность (Huldigungen). Формуляр сводился к самым необходимым составным частям. Инвокация, аренда, санкция почти всегда отсутствуют. Свидетели упоминались в грамотах ограниченного числа городов (Фрейберг, Гримма, Цвиккау). До 1300 г. нередко встречаются грамоты, написанные книжным письмом, позднее преобладает готический курсив. Удостоверительным знаком служила большая городская печать. В середине XIV в. встречается и так называемая секретная печать. Во второй трети XIV в. в городской документации совершился переход от латинского к немецкому языку. В отличие от больших городов в маленьких городах этот процесс шел быстрее.

В австрийских документах, по наблюдениям П. Чендеса, латынь сменилась немецким языком, начиная с 80-х годов XIII в., и тогда же формуляр городских актов приобрел значительную устойчивость. В документации Регенсбурга первой половины и середины XIII в. полностью господствовала латынь, но уже в 1259 г. впервые были изготовлены грамота на немецком языке, за которой последовали и другие немецкоязычные акты (К.-О. Амброн).

Интересный анализ миланского документа 1053 г. дал Дж. Фиссоре. Этот акт зафиксировал установление в Милане нового праздника, посвященного культу св. Креста, поддерживаемому патарским движением в северной Италии. Первая часть акта составлена в виде диплома с нарративом и арендой, выражающей принципы религиозности и морали. Вторая часть документа написана в форме нотариального акта (*charta notariale*), где помещены подписи представителей духовенства, судей и консульских семей. В эсхатоколе точно указаны место и время создания документа. В корроборации отмечены писцы. Приведена и традиционная формула завершения текста – *completio notariale*. После подписи нотариуса неожиданно идет подпись епископа Гвидо, который не фигурировал в предшествующем тексте и появился здесь в противоречии со своей функцией. Автор видит в этом проявление компромиссной политики коммуны.

Феодалный формуляр имел договор 1170 г. между епископом и коммуной Турина: некоторым членам коммуны епископ предоставлял замок (*castrum*) в обмен на оммаж и вассальную службу (ср. немецкие Huldigungen).

Очень важным является замечание Дж. Фиссоре о том, что итальянские городские институты были озабочены проблемой составлений копий, играющих роль оригинала. В этом размножении оригиналов и копий для раздачи заинтересованным сторонам и сохранения в учреждении нашло выражение типично коммунальное развитие "бюрократии" (термин автора доклада).

П. Херде, занимавшийся изучением флорентийских документов более позднего времени (XV в.), обратил особое внимание на смену типов письма в них (документальное готическое письмо, минускульное гуманистическое письмо, книжное гуманистическое письмо и т.п.).

Подробную схему взаимоотношений между городом и королевским двором в Чехии середины – второй половины XIV в. дал И. Главачек (Чехия)³⁸. Различным типам отношений соответствовали различные типы документов. Автор подчеркнул посредническую роль влиятельных городов в установлении связей менее значительных городских центров с королевским двором.

Л. Сулиткова изучила около 1 тыс. грамот, писем и других "отдельных документов" (*Einzelstücken*) архива г. Брно за XVI – начало XVII в. Внимание

³⁸ Hlaváček I. Die Kommunikation der Reichsstädte und der böhmisch-königlichen Städte mit der Zentralgewalt unter Karl IV und besonders unter Wenzel IV. Gent, 1998.

автора было сосредоточено на черновиках, неотправленных беловиках актов и канцелярских пометах на оборотах имеющихся оригиналов. Автор исследовала в первую очередь палеографические особенности документов для установления принадлежности их определенным писцам. Вопросы классификации, истории формуляра и содержания грамот в ее докладе не затрагивались.

В отдельных докладах авторы касались проблемы влияния той или иной канцелярии или традиции на складывающийся формуляр городских актов. Так, согласно Т. Фогтхеру, формуляр некоторых разновидностей грамот саксонских городов испытал влияние веттинской канцелярии³⁹, роль же монастырей в выдаче городских грамот кажется автору преувеличенной в литературе. Напротив, К.-О. Амброн отмечает сходство актов Регенсбурга с формуляром грамот монастыря св. Эмерама и делает отсюда вывод, что городские документы происходят не из епископской канцелярии.

Б.-М. Ток (Франция)⁴⁰, изучавший документацию северо-французских городов Компьена, Амьена и других, говорит о влиянии церковного формуляра в тех случаях, когда город зависел от церкви в изготовлении своих актов.

М. Парис указал, что в Меце в 1197 г. была введена кельнская практика регистрации контрактов о недвижимости в форме *Le l'amandellerie*. П. Херде наметил линии сравнения флорентийской республиканской канцелярии с имперской и папской канцеляриями.

Д. Дьёрфи (Венгрия)⁴¹ рассмотрел городскую дипломатику Восточной Европы в широкой ретроспективе. По его мнению, с XII в. в городском праве Чехии и Польши наблюдается восточнонемецкое влияние, в то время как Венгрия находилась с середины XII в. под влиянием итало-далматинского городского права. Это проявилось в литературном языке венгерских городских грамот и книг.

Вопрос о городских книгах (регистрах) поднимался во многих докладах конгресса. Так, Дж. Мартин изучал сборники местных правовых норм и финансовые книги английских городов. В городских книгах он отметил компактные массовые записи одной рукой, свидетельствующие о наличии постоянного писца. Э. Эванс (Канада)⁴² проанализировала содержание протокольных нотариальных книг шотландских городов. Она констатировала наличие в них записей земельных сделок в городе, брачных контрактов, завещаний, торговых соглашений, генеалогических справок и спорных дел. Регистры и записи, ведшиеся в городах Португалии и Наварры XIII–XV вв., рассматривались в общем докладе португальских историков Ж. Маркеса, Марии Элены да Крус Коельо и А. Карвальо Омема⁴³. Авторы демонстрировали образцы документов, в том числе с подписями еврейских купцов, снимки с печатей. Книга муниципального совета г. Порто носила название *Livro das vereações*.

В городах Саксонии городские книги появляются в первой трети XIV в. (Т. Фогтхер). В XIV в. начинают вестись городские книги разного характера и в Австрии: например, земельные и другие – по видам сделок (*Verfachbücher*), а также копиянные и бухгалтерские книги (П. Чендес).

В городах Италии при составлении новых регистров использовались протоколы покойных нотариусов (Дж. Фиссоре). Специально типологии городских книг коммунальной Италии (главным образом XV в.) был посвящен доклад

³⁹ Веттины – саксонский княжеский род.

⁴⁰ *Tock B.-M.* La diplomatie urbaine au XIIe s., dans le nord de la France. Gent, 1998.

⁴¹ *Györfy G.* Zum Kongress der CID in Gent am 27 Aug. 1998. Gent, 1998.

⁴² *Ewans E.* The diplomatics of Scottish cities in the late Middle Ages. Gent, 1998.

⁴³ *Marques J., Da Cruz Coelho M.H., Carvalho Homem A.* A diplomática municipal portuguesa nos séculos XIVe XV. Gent, 1998.

А. Ровере (Италия)⁴⁴, которая различает два типа регистров. В книгах первого типа собран материал, дающий общую картину развития коммуны. В книгах второго типа главное внимание уделяется актам, отражающим внутреннюю жизнь коммуны, ее устройство, принадлежность ей определенной территории, иногда – взаимоотношения с другими коммунами. Среди книг второго типа встречаются сборники уставных документов коммуны как юридического лица. Здесь на первом месте – императорские дипломы или папские документы, затем идут документы о связях с другими коммунами, зависимыми территориями, акты внутренней политики коммуны. П. Херде отмечает наличие административных документов и регистров во флорентийской канцелярии XV–XVI вв.

О городских книгах XV в. в Венгрии упомянул в своем докладе Д. Дьёрфи. К. Скупеньский рассматривал судебные регистры польских городов XV–XVIII вв. как главный инструмент общественного доверия, поскольку они служили средством разоблачения злоупотреблений. Городские судебные регистры он сопоставлял с церковными и дворянскими регистрами. Решающим фактором развития практики ведения судебных регистров в городе была, по мнению автора, западная тенденция использовать письменность в городской юрисдикции. Вмешательство церкви только ускорило воплощение этой тенденции в Польше. Вместе с тем докладчик признает, что внедрением судебных регистров тормозилось развитие публичного нотариата.

По словам Я. Танецкого, в польских и больших прусских городах регистр стал лишь с конца XIV в. основополагающей формой канцелярской продукции, и только тогда он отодвинул грамоты на задний план. Между тем в польской историографии городским книгам традиционно уделялось больше внимания, чем городским грамотам. Эту ситуацию до некоторой степени переломило появление в 1977 г. монографии М. Трояновской о люблинских грамотах.

В крупных венгерских городах Словакии делопроизводство зародилось во второй половине XIII в. Здесь имелись нотариусы и городской писец. Сначала появились грамоты, затем городские хозяйственные книги, в том числе приходно-расходные. Записей неденежного характера было меньше. Ведение книг являлось функцией городской канцелярии (доклад Ю. Рогача, Словакия)⁴⁵.

Л. Сулиткова, помимо грамот, подвергла дипломатическому и палеографическому анализу 407 городских книг брненского архива XVI – начала XVII в., на основании чего и сделала свои интересные выводы о механизме деятельности и штатах городской канцелярии столицы южной Моравии.

По наблюдениям Г. ван Сингель, в г. Хертогенбос в северном Брабанте отчеты, записи судебных постановлений, сделок по "добровольной юрисдикции", а также картулярии, гражданские регистры получают распространение только во второй половине XIV–XV вв.

Следует еще сказать и о применении в городском делопроизводстве такой формы организации материала, как свитки. В Меце сделки, касающиеся недвижимости, регистрировались каждый год в трех мэриях города на свитках («sur des "rouleaux de bans"»). Эти пергаменные свитки достигали 30 м в длину (М. Парис). Документальные свитки существовали в г. Хертогенбос в Брабанте (Г. ван Сингель) и г. Монсе в Эно (Э. Бусмар).

Методика работы авторов докладов по изучению истории городских канцелярий заслуживает особого внимания. Г. ван Сингель и Л. Сулиткова прямо говорят о палеографических приемах, с помощью которых только и можно идентифицировать писцов. Палеографический анализ служил для них путевод-

⁴⁴ Rovere A. *Tipologia documentale nei Libri iurium dell'Italia comunale*. Gent, 1998.

⁴⁵ Roháč J. *Les commencements des livres d'administration dans les villes en Slovaquie (Haute-Hongrie), XIIIe–XIVe siècle*. Gent, 1998.

ной нитью при реконструкции деятельности городских писцов и истории зарождения городских канцелярий. Так, Л. Сулиткова установила существование 314 почерков в документах г. Брно за период с 1520 по 1619 г. Из них $\frac{1}{10}$ принадлежит так называемым официальным делопроизводителям: 11 городским писцам, 3 подьячим, 5 канцеляристам и 12 писцам городского суда. Остальные 86 почерков идентифицированы частично. Примерно $\frac{1}{4}$ этого числа (21) связывается с конкретными лицами, среди которых 17 советников.

На конгрессе прозвучали и чисто методические доклады. Проблеме применения компьютеров были посвящены доклад Инго и Сусанны Кропач (Австрия), избравших в качестве материала данные по Регенсбургу⁴⁶, и доклад Ф. Демонти (Бельгия), поставившего вопросы транскрипции, перевода и фотографического воспроизведения документальных текстов с разной степенью увеличения, компьютерного поиска информации о лицах и др.⁴⁷

Методический по преимуществу характер носил и доклад американской исследовательницы Б. Бедо-Резак о роли печатей в городской дипломатике средневековой Франции⁴⁸.

Доклад автора настоящей статьи касался грамот Новгорода и Пскова периода их независимости⁴⁹. Эти документы не являются актами муниципального самоуправления. Они представляют собой акты внешней и внутренней политики города-государства. Следовательно, объект нашего исследования по природе своей существенно отличался от тех источников, которые изучались в большинстве других докладов конгресса. Теоретически этот объект можно сблизить лишь с документами Флоренции, также города-государства, канцелярская деятельность которого рассматривалась в докладе П. Херде. Однако будет ли правомерным такое сближение, еще следует выяснить.

Первую группу новгородских публично правовых актов составляют договоры с князьями. Их известно 27. В оригинале дошло 18 грамот. К древнейшей редакции принадлежат 9 грамот 60-х годов XIII – 20-х годов XIV вв. В XIII–XIV вв./новгородские договорные грамоты с князьями писались на пергамене. С новгородской стороны в составлении договоров участвовали носители высшей церковной и светской власти, причем церковная власть в лице архиепископа играла тут первенствующую роль. В Западной Европе становление городской дипломатии связано как раз с освобождением от епископской власти, чего мы в Новгороде не видим. Правда, в некоторых новгородских договорах с князьями архиепископ не упоминается. Так, грамота 1371 г. начинается с формулы "Поклонъ от посадника". Можно отметить еще два подобных случая. Один из них относится все к тем же 70-м годам XIV в., другой – к 1461 г.

В XV в. роль новгородского архиепископа в составлении договоров с князьями вообще несколько меняется. Вместо "Благословление от владыки..." в грамотах 1435, 1456 и 1471 гг. говорится: "По благословению владыки". Этот новый оборот может как будто свидетельствовать о том, что архиепископ уже не глава новгородского правительства, а его главный советник, освящающий своим пастырским авторитетом действия светских властей.

Прямая зависимость Новгорода от московских князей в XV в. прослеживается по некоторым формулам, особенно по начальному протоколу одной из грамот 1471 г., где сказано: "Се добиль челом великому князю... наречены на архи-

⁴⁶ *Kropac I. and S. Prolegomena zu einer städtischen Diplomatie des Spätmittelalters: das Beispiel Regensburg.* Gent, 1998.

⁴⁷ *Demonty Ph. Le Thesaurus diplomaticus, un instrument de travail pour une nouvelle approche en diplomatique médiévale.* Gent, 1998.

⁴⁸ *Bedos-Rezak B. L'enjeu des sceaux dans la diplomatie urbaine en France.* Gent, 1998.

⁴⁹ *Kachtanov S. Les actes des villes de la Russie du Nord-Ouest du XIIIe au début du XVIe siècle.* Gent, 1998.

епископство Великого Новгорода и Пскова священноинокъ Феофилъ и посадники новгородские..."⁵⁰

Бросается в глаза слабое развитие заключительных компонентов условного формуляра в тексте новгородско-княжеских договоров. Санкция (в виде роена spiritualis – угрозы наказания от Бога и св. Богородицы) встречается здесь всего один раз (грамота 1375 г.)⁵¹. Корроборацию находим лишь в грамоте 1456 г. об уплате посланниками Новгорода 1100 руб. казначею великого князя: "А запечатали есмя сю грамоту печатью посадничею степенного Ивана Лукинича и тысяцкого степенного печатью Михаиловою Андреевича"⁵². Конечный протокол отсутствует повсеместно, кроме новгородско-московских грамот 1471 г., однако в них указывается только время, но не место заключения договора.

Грамоты не подписывались. Они скреплялись печатями. Сохранившиеся печати – вислые свинцовые буллы. Самые ранние договоры скреплены со стороны Новгорода печатью архиепископа; с 1371 г. встречаются грамоты, скрепленные печатями посадника и тысяцкого. В XV в. для скрепления договоров с князьями употребляли также специальную городскую печать. Так, на грамоте Новгорода тверскому великому князю Борису Александровичу 1446–1447 гг. две городских печати: 1) "Печать Новг. родцкая" (на обороте ее изображен барс с поднятым хвостом); 2) "Печать Великого Новгорода" (на обороте – фигура зверя, схожего с барсом)⁵³.

Вторая группа новгородских публично-правовых актов – договоры с иностранными государствами и купеческими корпорациями. Их известно более 50. Из них 21 сохранились в форме пергаменных оригиналов. Ряд грамот представлен оригиналами или переводами на немецком и – реже – латинском языках. В конце XII–XIII вв. новгородские внешнеполитические акты писались от имени князя⁵⁴. Первенствующая роль князя в заключении договоров Новгорода с иностранцами наблюдается иногда и в XV в. (грамоты 1420–1421, 1448, 1474 гг.)⁵⁵. Собственно новгородские представители светской власти (посадник, тысяцкий) упоминаются в этих актах либо как советники князя, "сгадав" с которыми он составляет договор⁵⁶, либо как его соавторы⁵⁷.

С начала XIV в. прослеживается участие архиепископа в заключении новгородских внешнеполитических актов. В грамоту 1302 г. после упоминания князя и до упоминания посадника вставляется формула: "от владыкы благословение"⁵⁸. Грамота 1303–1307 гг. в Ригу – первый внешнеполитический акт Новгорода, составленный не от имени князя, а от имени только новгородских властей. Начальный протокол грамоты построен по формуляру новгородско-княжеских договоров: "Благословение от владыкы Феоклиста, и от посадника, и от тысяцкого, и от всего Новагорода"⁵⁹. Таким образом, первенство князя сменилось первенством архиепископа, что опять-таки свидетельствует о неразвитости собственно городского самоуправления. Система управления типа архиепископ–посадник–тысяцкий выступает также из договоров 1323 и 1326 гг.⁶⁰

⁵⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 25. С. 44. (Далее: ГВНП).

⁵¹ Там же. № 18. С. 34.

⁵² Там же. № 24. С. 44.

⁵³ Там же. № 20. С. 36.

⁵⁴ Там же. № 28, 29, 31, 32, 34, 38.

⁵⁵ Там же. № 59, 60, 72, 73, 78.

⁵⁶ Там же. № 28, 31.

⁵⁷ Там же. № 29, 32 (подложная), 34, 38, 59.

⁵⁸ Там же. № 35.

⁵⁹ Там же. № 36.

⁶⁰ Там же. № 37, 39.

В грамоте января 1342 г. после владыки указан наместник великого князя, затем тысяцкий (посадник отсутствует)⁶¹. Институт великокняжеского наместничества в Новгороде обладал, видимо, известной устойчивостью в середине XIV в. Архиепископ, наместник великого князя, посадник и тысяцкий фигурируют в двух грамотах 1371–1372 гг.⁶² В одной грамоте 1373 г. из этой системы выпадает владыка⁶³, зато другая грамота, близкая к первой по времени, не упоминает великокняжеского наместника, возвращаясь к триаде архиепископ–посадник–тысяцкий⁶⁴. Та же триада наблюдается в грамотах 1405, 1410–1411, 1436, 1440–1447, 1441, 1470–1471 гг.⁶⁵ Некоторые послания за рубеж были составлены от имени только архиепископа (1411, 1417, 1418–1421, 1435 гг.)⁶⁶.

В грамоте 1448 г. вместо формулы "Благословение от владыки" употреблено выражение "По благословию архиепископа... владыки..."⁶⁷ Оно, как мы уже отмечали при характеристике эволюции формуляра новгородско-княжеских докончаний, могло свидетельствовать о совещательной роли главы новгородской церкви. В начале XV в. и позже появляются грамоты, написанные от лица одних лишь светских властей Новгорода – посадника, тысяцкого и др. (1413–1433, 1439, 1452 гг.)⁶⁸. Еще в грамоте 1409 г. (немецкий текст) говорилось, что послы приехали в Новгород "к посаднику... и к тысяцкому... к старостам купеческим"⁶⁹. Аналогичная информация содержится в грамотах 1423 и 1448 гг.⁷⁰ Правда, в грамотах 1450 и 1466 гг. упоминанию посадника предшествует указание имени владыки⁷¹.

Следовательно, наметившаяся в XV в. тенденция освобождения новгородского самоуправления от верховенства церкви пробивала себе дорогу с трудом. С этой тенденцией, возможно, связано включение в текст договора указания о составлении его "на вече на Ярославовом дворе". Такое указание мы находим в грамоте 1439 г., написанной от лица посадника, тысяцкого и "всего господина Великого Новгорода"⁷².

Некоторые, но далеко не все новгородско-иностраные договоры имеют санкцию, корроборацию и конечный протокол. Последний содержится в большинстве случаев в актах, где применяется западная система летосчисления. Наиболее ранний пример – договор с Ливонским орденом 1323 г.⁷³ В Ореховецком договоре со Швецией 1323 г. дата дана по русской системе, но без указания года: "В пятницу за три дни передь Успениемъ святыя Богородица"⁷⁴.

Русские экземпляры договоров скреплялись свинцовыми, а в XV в. и восковыми печатями, экземпляры другой стороны – восковыми вислыми печатями послов. Наиболее ранний документ, скрепленный печатями архиепископа, князя и "всего Новагород" – договорная грамота 1262–1263 гг. с Готским берегом (о. Готланд)⁷⁵. На договорной грамоте 1301 г. с Любеком и

⁶¹ Там же. № 41. В 1388–1389 гг. – два наместника, посадник и тысяцкий (АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 272).

⁶² ГВНП. № 42, 43.

⁶³ Там же. № 44.

⁶⁴ Там же. № 45.

⁶⁵ Там же. № 48, 50, 66, 70, 71, 77.

⁶⁶ Там же. № 52, 54, 57, 65.

⁶⁷ Там же. № 73.

⁶⁸ Там же. № 53, 55, 56, 58, 68, 69, 75; АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 337–338.

⁶⁹ ГВНП. № 49.

⁷⁰ Там же. № 62, 67.

⁷¹ Там же. № 74, 76, С. 124, 127.

⁷² Там же. № 68. С. 113.

⁷³ Там же. № 37. С. 67.

⁷⁴ Там же. № 38. С. 68.

⁷⁵ Там же. № 29.

Готским берегом – печати князя, посадника и тысяцкого⁷⁶. На грамоте Риге 1303–1307 гг. – печати архиепископа, посадника и тысяцкого⁷⁷.

Грамота 1373 г., составленная от лица великокняжеского наместника, посадника и тысяцкого, имеет печати только двух последних⁷⁸. Другая грамота 1373 г., называющаяся в начальном протоколе архиепископа, посадника и тысяцкого, характеризуется тем же составом печатей, т.е. печать владыки при ней отсутствует⁷⁹. Нет ее и на грамоте 1410–1411 гг., которая начинается формулой "Благословенье от архиепископа...": здесь две черновосковские печати – посадника и тысяцкого⁸⁰. Таким образом, в последней трети XIV – начале XV в. намечается как будто ограничение права архиепископа скреплять своей печатью международные договоры Новгорода. Приоритет в этой области отдается печатям светских городских властей: посадника и тысяцкого. Правда, личные послания архиепископа скреплялись его печатью⁸¹.

К грамоте 1417 г., написанной от лица посадника, тысяцкого и "всего Великого Новагорода", были привешены две свинцовые общегородские печати: "Печать Великого Новагорода" и "Печать Новгородская"⁸². Другую грамоту того же времени с аналогичным начальным протоколом скрепила свинцовая "Новгородская печать"⁸³. Две восковые новгородские печати с этой надписью были привешены к грамоте Новгорода Риге 1418–1421 гг.⁸⁴

Тенденция заменять именные печати должностных лиц общегородскими (= общегосударственными) печатями была, возможно, прервана в 1421 г., когда в Новгороде сидел князь Константин Дмитриевич. На договоре 1421 г. с Ливонским орденом – шесть вислых восковых печатей: княжеского наместника, двух посадников и трех послов без титула⁸⁵. Возрождение роли архиепископа можно заметить в договоре 1440–1447 гг. с Казимиром, где имеются две свинцовые печати: посадника и владыки (в тексте договора владыка назван первым среди русских контрагентов литовского князя)⁸⁶. Восковыми печатями архиепископа, посадника и тысяцкого была скреплена грамота Новгорода Кольвани 1441 г.⁸⁷ На договоре Новгорода с Ливонским орденом 1448 г. – печать архиепископа и две новгородские общегородские (= государственные) печати⁸⁸.

Широкое распространение общегородских печатей в 1417–1448 гг. говорит о ярко выраженной тенденции развития городского самоуправления и, возможно, зарождении городской канцелярии или, по крайней мере, создании предпосылок для ее возникновения.

Третья группа новгородских публично правовых актов – грамоты внутреннего управления делами Новгорода и Новгородской земли. До XV в. эти вопросы решались в княжеских грамотах. Первый собственно новгородский административный акт – грамота о сиротах (крестьянах) Терпилова погоста, датированная издателями ГВНП 1411 гг.⁸⁹, а В.Л. Яниным – 1422–1423 гг.⁹⁰

⁷⁶ Там же. № 34.

⁷⁷ Там же. № 36.

⁷⁸ Там же. № 44.

⁷⁹ Там же. № 45.

⁸⁰ Там же. № 50.

⁸¹ Там же. № 57 (1418–1421 гг.).

⁸² Там же. № 53.

⁸³ Там же. № 56.

⁸⁴ Там же. № 58.

⁸⁵ Там же. № 60.

⁸⁶ Там же. № 70.

⁸⁷ Там же. № 71.

⁸⁸ Там же. № 72.

⁸⁹ Там же. № 89.

⁹⁰ Янин. В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронол. коммент. М., 1991. С. 304–306. № 234.

Всего актов управления, выданных в XV в. новгородскими властями, насчитывается 13, но четыре из них представляют собой грамоты архиепископа, составленные без участия светской администрации⁹¹. Правда, в трех архиепископских грамотах затрагиваются полномочия светских властей Новгорода: их агентам запрещалось вызывать в суд монастырских людей, юрисдикция над которыми оказывалась целиком в руках владыки⁹². Одна владычная грамота оформляет земельное пожалование монастырю⁹³. Жалованные грамоты архиепископов 50–70-х годов XV в., ограничивающие полномочия светских властей, свидетельствуют о возрождении в это время церковного верховенства в делах Новгорода, которое наблюдалось нами и по международным договорам.

Из 13 актов внутреннего управления 6 сохранились в виде подлинников на пергамене. Основная часть документов рассматриваемой группы представлена актами пожалования определенных прав и привилегий. Таковыми являются все архиепископские грамоты, а также жалованные грамоты Новгорода Палеостровскому, Саввино-Вишерскому, Соловецкому, Троице-Сергиеву монастырям, сиротам Терпилова погоста. Имеется один судебный акт (правая грамота)⁹⁴, одна откупная грамота на суд в Обонежье⁹⁵, грамота о сложении крестного целования Новгороду⁹⁶. Грамоты вызова в суд – "позовницы" или "позовные", упоминаемые в Новгородской и Псковской судных грамотах XV в., а также в архиепископских жалованных грамотах, до нас не дошли.

Жалованные грамоты выдавались от лица посадника, тысяцкого и различных социальных групп населения Новгорода, часто "на веце на Ярославле дворе"⁹⁷. Архиепископ не выступает обычно в качестве одного из юридических авторов светского документа, хотя он указан на первом месте в грамоте Соловецкому монастырю⁹⁸. В грамотах Троице-Сергиеву, Соловецкому монастырям и Двинской земле отмечено наличие владычного благословения: "По благословению господина преосвященнаго архиепископа богоспасаема Великаго Новагорода владыкы..."

Посадник, тысяцкий и другие жалователи фигурируют в начале документа иногда в именительном⁹⁹, иногда в дательном падеже¹⁰⁰. Своеобразная интитуляция в дательном падеже, известная нам также по некоторым сербским актам XIV в.¹⁰¹, как будто отражает челобитье заинтересованных лиц. В правой грамоте и в грамоте Двинской земле о сложении присяги Новгороду авторы документа указаны в родительном падеже с предлогом "от"¹⁰².

В жалованных актах Новгорода нередко встречается санкция. В одном случае это угроза небесного наказания (грамота Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю)¹⁰³, в других – установление денежного штрафа в размере 100 или 50 руб. в пользу Новгорода. Между прочим, впервые в этом регионе денежный штраф за нарушение документа был зафиксирован в псковском частном акте последней трети XIV в. – рядной Тешаты и Якима¹⁰⁴. Штраф равнялся

⁹¹ ГВНП. № 94, 97, 99, 100.

⁹² Там же. № 94, 97, 100.

⁹³ Там же. № 99.

⁹⁴ Там же. № 92.

⁹⁵ Там же. № 93.

⁹⁶ Там же. № 98.

⁹⁷ Там же. № 89, 95, 96, 101.

⁹⁸ Там же. № 96.

⁹⁹ Там же. № 90, 91, 95, 101.

¹⁰⁰ Там же. № 89, 96.

¹⁰¹ *Славева Л., Мошин В.* Српски грамоти од Душаново време. Прилеп, 1988. С. 102, 189, 201, № 36, 65, 71.

¹⁰² ГВНП. № 92, 98.

¹⁰³ Там же. № 91.

¹⁰⁴ Там же. № 331.

100 гривнам серебра – сумме, по-видимому, совпадающей с максимальным размером штрафа в новгородских актах.

Интересно, что сторублевый штраф предусматривался для нарушителей грамот, пожалованных местным, новгородским землевладельцам – обладателям Терпилова погоста и Соловецкому монастырю¹⁰⁵, в то время как за нарушение проезжих грамот подмосковному Троице-Сергиеву монастырю сумма штрафа была вдвое меньше¹⁰⁶.

В новгородские жалованные грамоты включалась и корроборация – свидетельство о скреплении документа печатями. Ее находим в грамоте Соловецкому монастырю и во второй грамоте Троице-Сергиеву монастырю¹⁰⁷.

Конечный протокол в большинстве новгородских административных грамот отсутствует. В откупной грамоте 1434 г. дата дана описательно: "А купиле тогда, коли былъ князь велики Василей Васильевич в Великомъ Новгороде, ино после того с того лета с того Петрова дни"¹⁰⁸. Прямая дата указана только во второй жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю: "698[5]" (последняя цифра отсутствует из-за повреждения текста, восстанавливается по списку¹⁰⁹).

Жалованные грамоты скреплялись вислыми свинцовыми печатями архиепископа, посадника, тысяцкого и новгородских концов – Неревского, Антоновского, Словенского, Людина, Загородского. В публикациях засвидетельствовано наличие этих 8 печатей на первой грамоте Троице-Сергиеву монастырю (две из них ныне отсутствуют) и на грамоте Соловецкому монастырю¹¹⁰. На второй грамоте Троице-Сергиеву монастырю сохранилось только 8 отверстий и обрывки шнурков, которыми печати были прикреплены к пергамену¹¹¹. На грамоте Палеостровскому монастырю имеется лишь печать архиепископа (не именная). Юридическими авторами этой грамоты являлись светские лица, в том числе посадник и тысяцкий, но грамота начиналась с преамбулы-богословия, наличие которого выдает участие архиепископа в выдаче документа: "Милостью божиею и пречистей его матери святеи Богородице"¹¹².

Одна дошедшая в оригинале грамота архиепископа Феофила, скреплена владычной печатью¹¹³ – такой же, какая имеется на грамоте Палеостровскому монастырю, хотя их и разделяет значительный промежуток времени: печать не именная. Правая грамота первой четверти XV в. (по В.Л. Янину, до 1418 г.), составлявшаяся без участия архиепископа, несет на себе вислые свинцовые печати двух посадников – юридических авторов документа¹¹⁴.

Акты внутреннего управления Новгорода, как и акты двух первых групп, не имеют подписей. Только в списке с одной грамоты архиепископа Феофила 1471–1482 гг. в конце текста читаем: "Се азъ преосвященный архиепископ Великаго Новаграда и Пскова владыка Феофиль"¹¹⁵. Возможно, в оригинале эта фраза представляла собой подпись иерарха. Ведь на документах Северо-Восточной Руси, сохранившихся в подлиннике, подпись митрополита встречается неоднократно.

¹⁰⁵ Там же. № 89, 96.

¹⁰⁶ Там же. № 95, 101.

¹⁰⁷ Там же. № 96, 101.

¹⁰⁸ Там же. № 93. С. 149.

¹⁰⁹ Там же. № 101. Ср.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 453. С. 340. (Далее: АСЭИ); Янин В.Л. Указ. соч. С. 344, № 345.

¹¹⁰ ГВНП. № 95, 96. Ср.: АСЭИ. Т. 1. № 220.

¹¹¹ ГВНП. № 101; АСЭИ. Т. 1. № 453.

¹¹² ГВНП. № 90.

¹¹³ Там же. № 99.

¹¹⁴ Там же. № 92.

¹¹⁵ Там же. № 100.

В новгородских актах мы не находим никаких упоминаний о писцах актов. Это ограничивает возможность предполагать, что в Новгороде могла сложиться городская канцелярия как определенное учреждение. Собственно городской *jurisdiction gracieuse* в Новгороде не было, но скрепление частных актов печатью владычных тиунов позволяет сопоставить новгородскую практику с юрисдикцией епископских официалов на Западе.

Среди псковских публично правовых документов различаются: 1) внешнеполитические договоры; 2) послания; 3) жалованные грамоты; 4) правые грамоты; 5) купчая князя Скиргайла у Пскова на землю. Известны договоры Пскова с Ливонским орденом 1417, 1503 и 1509 гг., с литовским великим князем Казимиром 1440 г.¹¹⁶; послания, направленные в Ригу (начало XIV в., 1463–1465 гг.)¹¹⁷, Ивану III (1477 г.)¹¹⁸, Казимиру (1480 г.)¹¹⁹; жалованная грамота Якову Голутвичичу 1308–1312 гг.¹²⁰; правая грамота рожичанам на спорный мох (без уверенной датировки)¹²¹ и правая грамота Снеогогорскому монастырю 1483 г.¹²²

В подлиннике дошли только грамоты Пскова Риге. В них речь ведется от лица псковского посадника и всех сотских в начале XIV в. и от лица псковского князя, посадника степенного и всех посадников псковских в 1463–1465 гг. Ивану III в 1477 г. писали псковские посадники, но к Казимиру в 1480 г. обращался уже князь псковский с посадниками, причем вопрос об отправке послов решался "на вечи". Грамота в Колывань была послана в 1418–1419 гг. от имени князя, посадских и сотских.

Договор с Ливонией составлялся в 1417 г. от лица псковского посадника и всего Пскова, в 1503 г. договор заключался по указу Ивана III, а представителями Пскова являлись великокняжеский наместник – князь псковский, степенные посадники и старые посадники. Переговоры с Казимиром в 1440 г. вел "сынъ посадничъ". Автор жалованной грамоты 1308–1312 гг. четко не обозначен. В начале документа употреблено безличное выражение "се жалуеса", однако в конце текста говорится: "То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече". Впрочем, степень подлинности рассматриваемого акта неясна. Есть в нем выражения, которые более характерны для XV в., чем для XIV в. Купчая князя Скиргайла 70–80-х годов XIV в. начинается словами: "От посадника Юрья и от соцких и от всех плесковиць"¹²³.

Правая грамота 1483 г. называется на первом месте "господина псковского" – князя Ярослава Васильевича, а затем посадников степенных и сотских. Суд происходил, видимо, в княжеской резиденции – "на сенехъ". Правая грамота на спорный мох, датировка которой неясна, начинается оборотом: "От великого князя Александра и от посадника Твердила". Грамоту относили и к XIII, и к XIV, и к XV вв. Не исключено, что текст ее, особенно начальный протокол, дошел с искажениями. Интересен заголовок списка XVI в. с этой грамоты: "Списокъ с указной харатеиной грамоте (зачеркнуто: великого) князя Александра (зачеркнуто: Васильевича Оболенского) и посадниковъ псковскихъ и Рожитцкога исаду"¹²⁴.

Возможно, под Александром надо подразумевать не великого князя, а псковского князя Александра Васильевича Чартгорыйского (1456–1460) или князя

¹¹⁶ Там же. № 334, 335, 347.

¹¹⁷ Там же. № 332, 336; ср. послание в Колывань 1418–1419 гг. (ИА. 1956. № 1. С. 234).

¹¹⁸ ГВНП. № 338.

¹¹⁹ Там же. № 339.

¹²⁰ Там же. № 333.

¹²¹ Там же. № 348.

¹²² Там же. № 340.

¹²³ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. С. 46, № 1.

¹²⁴ ГВНП. С. 337. № 348.

Александра Владимировича Ростовского (1496–1501). Князь и посадник начинают действовать в псковских актах совместно не раньше XV в. С 60-х годов XV в. псковское городское самоуправление осуществляется под эгидой великокняжеского наместника, выступающего в роли псковского князя.

В Пскове, по-видимому, не было должности тысяцкого. В псковских актах тысяцкие не фигурируют.

Санкция в псковских публичноправовых актах не встречается. Корроборация (свидетельство о приложении печати немецкими послами) читается в договоре с Ливонией 1503 г.¹²⁵ Интересной особенностью жалованной грамоты 1308–1312 гг. является наличие конечной статьи о послухах, среди которых первое место занимает посадник: "Послухи сему Борис посадник, да Петр збиручей, да Иван збиручей"¹²⁶.

Конечный протокол присутствует в договорах Пскова с Ливонией и Казимиром (всюду указаны место и время заключения соглашений), а также в правой грамоте 1483 г. (указана только дата). Нет эсхатокола в псковских посланиях, жалованной грамоте и правой грамоте на спорный мох.

О печатях изучаемых актов сведений мало. Послание Пскова Риге начала XIV в. имеет печать с изображением Богородицы "Знамение". Утверждение издателей ГВНП о близости этой печати по типу к печати князя Довмонта¹²⁷ представляется сомнительным. Изображение Богородицы "Знамение" на печати послания говорит о принадлежности ее не князю, а владычному наместнику. На печати Довмонта был изображен св. Тимофей¹²⁸. В псковском послании Риге Довмонт не упоминается.

В Пскове уже при Довмонте (в последней трети XIII в.) был княжеский писец. Он указан, хотя и не назван по имени, в конце текста древнейшего псковского частного акта – рядной Тешаты и Якима¹²⁹. Вновь княжеский писец, на сей раз уже с именем, появляется в правой грамоте 1483 г., последняя фраза которой гласит: "А грамоту правую писалъ князь Ярославъ Васильевича диякъ Ивашко Микитинъ в лете 6991 месяца июня в 11 день"¹³⁰.

Княжеские писцы в какой-то мере обслуживали городское делопроизводство. Сведений о существовании в Пскове собственно городских писцов у нас нет. Признаком наличия "добровольной юрисдикции", но не городской, а княжеской, может служить написание частных актов княжеским писцом и скрепление их княжеской печатью. Пример такого рода дает все та же рядная Тешаты и Якима, к которой была привешена печать князя Довмонта-Тимофея. В XIV–XV вв. частные акты скреплялись печатями городских властей Пскова. Косвенным проявлением "добровольной юрисдикции" города в отношении частных лиц было также существование в Пскове общественного ларя, в котором хранились документы, в том числе и частные акты. Этот знаменитый ларь упоминается в Псковской судной грамоте XV в.

Муниципального делопроизводства в городах Северо-Восточной Руси, по-видимому, вообще не было. Едва ли можно считать формой "городской дипломатики" делопроизводство воеводских изб XVII в. Русский "нотариат" в лице площадных подьячих появился в XVI в., но только создание при Петре I городских ратуш и магистратов открыло путь к муниципальному делопроизводству городов в России.

¹²⁵ Там же. С. 337. № 347.

¹²⁶ Там же. № 331.

¹²⁷ Там же. С. 317. № 332.

¹²⁸ Там же. № 331.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 328. № 340.

В.А. Ткаченко

**СПИСОК КНИГИ "ПИСМА И МЕРЫ" ТИМОФЕЯ ХЛОПОВА
"С ТОВАРЫЩИ" 1584–1586 гг. КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РАДОНЕЖСКИХ ЗЕМЕЛЬ**

Под радонежскими землями в настоящем случае понимаются волости Радонеж, Бели, Воря и Корзенов, которые с начала 70-х годов XV и по конец XVI в. входили в состав Радонежского уезда¹.

Волость Радонеж располагалась к востоку от р. Вори, между ее левыми притоками Пажей и Торгошей. С ней граничили дмитровский стан Инобаж и переславские станы Мишутин, Верхдубенский и Кинельский. Центром волости, а в последующем – уезда, было с. Радонежское, а с конца XIV в. – городок Радонеж на р. Паже (в настоящее время с. Радонеж Сергиево-Посадского района Московской области)².

Южнее волости Радонеж, также по левобережью р. Вори, между ее притоками Торгошей и Пруженкой, располагалась волость Корзенов. С ней граничили переславский стан Кинельский, московские волости Шеренка и Черноголовль и станы Объезжий (Отъезжий) и Бохов. Центром волости являлось с. Корзеново, находившееся между истоками рек Шеренки, Уленки и Козелки³.

Рядом с волостью Корзенов, но уже по правобережью р. Вори, между ее притоками Здеховкой и Махрой, тянулись земли волости Вори. С ней граничил московский стан Бохов. Центр волости располагался, предположительно, близ слияния р. Вори и ее притока Черниченки, где согласно документам XVI в. стояла д. Городок⁴.

Севернее волости Вори, на пространстве между р. Махрой и озерами Галицким (Белым; Озерецким) и Свинкиным, и верховьем р. Яхромы располагалась волость Бели. Она граничила с московским станом Боховым и дмитровскими станами Вышегородским и Инобаж. Центром волости было с. Бели на р. Талице (современная д. Данилово Пушкинского района Московской области)⁵.

Сведения о радонежских землях встречаются во многих документах XIV–XVIII вв. За эти пять столетий они входили в состав различных княжеств и уездов, частично менялись их границы и административное деление. С 80-х годов XVIII в. радонежские поселения и пустоши стали отмечаться в документах в составе земель Богородского и Воскресенского уездов, а с конца 90-х годов того же столетия по 10-е годы XX в. – в составе земель Богородского и Дмитровского уездов. В настоящее время бывшие радонежские земли входят в состав Сергиево-Посадского, Пушкинского, Щелковского, Мытищинского и Дмитровского районов Московской области.

¹ Первое упоминание в документах Радонежского уезда относится к марту 1473 г. (АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 417. С. 306), а последнее – к 1595 г. (ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 528. № 379. Л. 623об.). В то же время в писцовых книгах последней четверти XVI в. радонежские земли описаны как часть Московского уезда.

² Топографическая карта "Московская область". М., 1994. С. 13.

³ АРГ (М.), 1975. № 184. С. 182.

⁴ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 599. Л. 143.

⁵ Топографическая карта "Московская область". М., 1994. С. 13.

Список книги "писма и меры" Т. Хлопова "с товарыщи" 1584–1586 гг.⁶ – единственный среди подобного рода документов последней четверти XVI в., в котором сохранилось (хотя и частично) описание всех радонежских земель. Еще издатели писцовых книг Московского государства последней четверти XVI в. Н.Д. Чечулин, П.Н. Милюков и Ю.В. Готье отмечали, что в той части списка книги Т. Хлопова, где дано описание радонежских станов, имеются такие дефекты, как местами вырванный и стертый текст, наличие листа с описанием поместья, которое находится в других землях, отсутствие описания поместий стана Радонеж⁷. В.Б. Павлов-Сильванский, исследовавший архивные списки этих писцовых книг, в частности список книги Т. Хлопова, на основе анализа схемы описания станов дополнительно отмечал, что в описании радонежских станов отсутствуют итоги нескольких разделов, описания отдельных вотчинных сел и пустошей и отдельных вотчин, и утрачен текст раздела вотчин стана Радонеж и Корзенев⁸.

Определение дефектов списка книги Т. Хлопова путем внешнего наблюдения, а также выявление степени сохранности описаний его отдельных станов путем анализа структуры этих описаний и сравнений итоговых данных с материалами описаний не являются достаточным основанием для определения всех утрат и дефектов документа. Указанные приемы целесообразно дополнить анализом сведений, содержащихся в списке книги Т. Хлопова, на основе локализации всех описанных и упомянутых в нем поселений и пустошей. В настоящей статье представлены результаты попытки проведения подобного анализа той части списка, в которой дано описание радонежских земель.

Список включает в свой состав описание вотчин, поместий и порозжих земель станов Радонеж и Бели (Л. 410–431 об., 518–523 об.), Радонеж (Л. 524–528), Радонеж и Корзенев (Л. 528 об.–546 об.), Воря и Корзенев (Л. 547–586 об.).

Сразу после заголовка "Стан Радонеж и Бели, а в нем писаны поместные и вотчинные, и монастырские земли" под № 301–304 идут описания вотчин Степана Бруткова, Ивана Яковлева, Ивана Опочинина и Иева Скобельцына, которые располагались на пространстве от р. Сумери до р. Пажи. На листах имеются скрепы дьяка "Иван-Грязев" (Л. 410–412 об.).

Далее идет вставной лист без скрепы дьяка и на нем под № 613 следует описание поместья Мещенина Константинова сына Морозова, которое располагалось за пределами радонежских земель (Л. 413–413 об.). За этим листом под № 614–621 и № 612 идет описание поместий Петра Колычева, Василия Колычева, Олексея Дурнова, Андрея Васильева, Ивана Хитрого, Лопаты Хитрого, Игнатия Левашова, Бориса Голочелова и Данилы Салтыкова (Л. 414–421 об.), которые также не входили в состав радонежских поместий и вотчин. Все листы с описанием этих поместий имеют скрепы дьяка Ивана Грязева. В то же время, судя по нумерации поместий, листы с их описанием ранее находились в другом месте списка.

После описания поместья Данилы Салтыкова с нового листа под № 308–314 идут окончание описания поместья князя Дмитрия Палецкого и описания поместий Власа Урусова, Третьяка Суровцова, князя Григория Куракина, Федора Карпова, начало описания поместья князя Дмитрия Палецкого и описание поместья Якова Вольнского (Л. 422–426 об.)⁹. Скрепы дьяка Ивана Грязева нигде не прерываются. Поскольку на одном и том же листе дано начало описания поместья

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–728 (Далее ссылки на это дело даются в тексте статьи); публикация: ПКМГ / Под ред. Н.В. Качалова. СПб., 1872. Ч. I. Отд. 1. С. 96–277.

⁷ ПКМГ. Ч. I. Отд. 1. С. 233, 234, 238, 240, 242.

⁸ Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в. М., 1991. С. 30–35.

⁹ Издатели ПКМГ объединили обе части описания поместья князя Д. Палецкого (ПКМГ. Ч. I. Отд. 1. С. 236).

князя Д. Палецкого и описание поместья Я. Вольинского, а затем на ином листе идет окончание описания поместья князя Д. Палецкого и описание поместья Власа Урусова (Л. 426–426 об.; Л. 422–422 об.), следовательно, в данном случае путаница в текстах произошла при переписке подлинной книги Т. Хлопова. Нумерация же поместий была дана позже уже по списку книги. По этой причине начало и конец описания поместья князя Д. Палецкого имеют отдельные номера.

Все поместья за № 308–314 располагались в волости Бели между р. Подмаш, левым притоком р. Яхромы, и р. Ворей.

Далее под № 315–316 идут описания земель Троице-Сергиева и Чудова монастырей (Л. 427–431 об.; Л. 518–519), которые располагались в волостях Бели и Радонеж между реками Талицей и Пажей. Начало описания земель Чудова монастыря следует сразу же после окончания описания троицких владений, но его продолжение и итог по станам Радонеж и Бели разделены 85 листами с текстом иного содержания¹⁰. В то же время на листах с описанием троицких и чудовских земель скрепа дьяка Ивана Грязева идет без перерыва. Следовательно, в этом случае перед нами путаница листов самого списка книги.

Вслед за началом описания земель Чудова монастыря в списке книги идет описание вотчин и поместий стана Манатын, Быков и Коровин. В этот раздел под № 273–275 вклинились итог поместья князя Антона Михайловича Ромодановского и описания поместий Бориса Поливанова и Образца Руготина (Л. 448–448 об.)¹¹, располагавшихся в волости Бели.

Описания земель стана Радонеж и Бели встречаются также среди отрывков текста списка книги. Под № 422–423 частично описаны поместья Василия Беленицына и Беленицы Головина (Л. 697 об.–698 об.)¹², которые располагались в волости Бели между реками Яхромой, Сумерю, Талицей и Вязью. Далее под № 429–432 описаны полностью поместья Федора Бутурлина, Григория Нагого, князя Дмитрия Елецкого и частично поместье Петра Щетнева (Л. 702–705)¹³, которые располагались в западной части волости Бели. В еще одном отрывке под № 444–445 даны описания поместья Ивана Погожева, располагавшееся в волости Бели на р. Кокотке, и поместья Никиты Фуникова, располагавшееся в Радонежской волости на р. Паже (Л. 719–719 об.)¹⁴.

Помимо этого описания, части поместий и вотчин стана Радонеж и Бели оказались включенными в ту часть списка книги, где описаны земли Объезжего стана. Среди порозжих поместий этого стана под № 403 описано поместье Андрея Заболоцкого (Л. 677 об.), которое располагалось в волости Бели на правом берегу р. Вори. Пустоши, входившие в состав этого поместья, в списке книги А. Молчанова 1576–1578 гг. отмечены в стане Радонеж¹⁵, а в писцовых и отказных книгах XVII в. – в стане Радонеж и Бели¹⁶.

За описанием поместья А. Заболоцкого следует описание порозжих вотчин Объезжего стана. В этом разделе списка книги под № 404–414 описаны вотчины, которые находились в волостях Бели и Радонеж (Л. 678–685). Вотчина Протасия Васильевича Юрьева располагалась в волости Бели. Пустоши, входившие в ее состав, тянулись широкой полосой с правого берега р. Вязи по левый берег

¹⁰ Издатели ПКМГ объединили обе части описания (ПКМГ. Ч. I. Отд. 1. С. 239–240).

¹¹ Издатели ПКМГ не поместили данный отрывок в печатный текст.

¹² Издатели ПКМГ поместили этот отрывок в описание земель стана Радонеж, а вместе с ним описание поместий Улана Епанчина и Михаила Воронова, которые располагались вне радонежских земель (ПКМГ. Ч. I. Отд. 1. С. 242).

¹³ Издатели ПКМГ поместили этот отрывок в описание земель стана Радонеж (ПКМГ. Ч. I. Отд. 1. С. 243).

¹⁴ Издатели ПКМГ не включили этот отрывок в печатный текст.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 255. Л. 130 об.–131.

¹⁶ Там же. Д. 685. Л. 884; Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9831. № 206. Л. 1106 об.–1107.

р. Талицы. В 1618–1619 гг. она была пожалована частями нескольким владельцам в качестве поместий стана Радонеж и Бели¹⁷. Там же в волости Бели располагалась вотчина Будая Федорова, сына Скобельцына. Входившие в ее состав три пустоши лежали между реками Сумерью и Ворей. В волости Бели находилась и вотчина князя Бориса Васильевича Серебряного. Пустоши этой вотчины лежали по обоим берегам р. Сумери. Вотчина Михаила Борисова, сына Княжнина, и Хотена Борисова, сына Княжнина, возможно, располагались в Радонеже между реками Пажей и Торгошей, близ современной д. Варавино Сергиево-Посадского района, или же в волости Шеренке по правому берегу р. Дубенки, близ современного с. Беседы Щелковского района, где Княжнины владели землями в XV–XVI вв.¹⁸

Вотчина Бориса Сукина располагалась в волости Бели, на правом берегу р. Вори, в верховьях Щитниковского (с XVII в. – Сукина) оврага. В документах XVII в. она отмечена в стане Радонеж и Бели¹⁹. Вотчина Гриши Волохова (предположительно) располагалась в волости Бели между реками Иноршей и Яспушкой. Вотчина Олены Федоровой, жены Скобельцына, располагалась в волости Бели рядом с землями Б. Сукина и Б. Скобельцына, между реками Сумерью и Ворей. Впервые Олена Скобельцына была упомянута в документах в начале 40-х годов XVI в. в числе тех детей боярских, которые имели "отчины и купли" в Белях²⁰.

Вотчина Ивана Боровлева, сына Щелепина, располагалась в Радонеже на левом берегу р. Пажи. В документах XVII в. принадлежавшая ему пустошь Золотилово постоянно отмечалась в стане Радонеж и Бели²¹. Пустошь Юркино вотчины Андрея Огрызкова располагалась недалеко от д. Золотилово. Впервые она была упомянута в духовной грамоте Марии Копниной 1478 г.²² В документах концах XVII в. она указывается в стане Радонеж и Корзенев²³. Пустошь Корногино из вотчины Мити и Алексея находилась в Белях в верховьях р. Яспушки. В документах XVII в. она упоминается в стане Радонеж и Бели²⁴.

Описание порозжих земель Обьежского стана имеет скрепы дьяка Ивана Грязева. Следовательно, путаница в текстах была внесена при переписке подлинной книги Т. Хлопова.

Таким образом, часть описаний вотчин и поместий стана Радонеж и Бели была включена переписчиками книги Т. Хлопова в описании земель других станов. В связи с тем, что список книги неоднократно переплетался, часть листов с описанием земель стана Радонеж и Бели оказалась переплетенной вместе с листами, на которых было описание земель других станов. В результате только половина описаний поселений и пустошей стана Радонеж и Бели оказалась в соответствующем разделе списка книги. В то же время в этот раздел оказались включенными описания части пустошей, располагавшихся в иных станах.

Как указывалось выше, после начала описания земель Чудова монастыря стана Радонеж и Бели в списке книги следует описание земель стана Манатын, Быков и Коровин, а уже затем идет описание земель стана Радонеж. Но согласно нумерации владений и листов списка, а также порядка следования скреп дьяка

¹⁷ Там же. Д. 9806. № 548. Л. 750–752, № 584. Л. 796 об.–797.

¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 512. С. 114; ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 531 (Москва). № 116. Л. 82 об.–83 об.; Д. 637. Л. 433–449; Д. 637. Л. 286 об. Попытки локализовать вотчины Михаила и Хотена Княжнинных оказались безуспешными ввиду того, что сведения о них содержатся только в одном документе.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9835. № 116. Л. 679–680; Оп. 1. Д. 273. Л. 145 об.–146.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 637. Л. 293 об.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9806. Л. 797 об.; Д. 9809. Л. 354; Д. 273. Л. 148–148 об.

²² АСЭИ. Т. 1. № 457. С. 344.

²³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 273. Л. 542 об.; Д. 275. Л. 144 об.–145.

²⁴ Там же. Д. 685. Л. 903 об.; Оп. 2. Д. 9851. № 1. Л. 4 об.

Ивана Грязева, описание земель стана Радонеж раньше располагалось сразу за описанием земель стана Радонеж и Бели.

В списке писцовой книги А. Молчанова 1576–1578 гг. были описаны только поместья стана Радонеж. В списке книги Т. Хлопова описаны только вотчинные земли дворян и детей боярских стана Радонеж (№ 317–320. Л. 524–528). Из описанных в этом разделе трех вотчин, одна располагалась в Корзене в районе р. Дубенки, а две других – в волости Воре, по берегам р. Лашутки.

Вслед за описанием вотчин стана Радонеж начинается новый раздел, имеющий заголовок "В Радонеже и Корзене порозжие поместные земли" (Л. 528 об.). Переходящие на эту часть списка без внешне видимого перерыва скрепы дьяка Ивана Грязева, нумерация поместий, а также листов – все это говорит о том, что именно в такой последовательности был переписан подлинник книги Т. Хлопова. Но В.Б. Павлов-Сильванский на основе анализа структуры писцовых книг А. Молчанова и Т. Хлопова пришел к выводу, что, если заголовок представляет собой формулу "стан такой-то, а в нем писаны...", то в этом случае перед нами начало описания стана²⁵. Настоящий же заголовок свидетельствует о том, что перед нами продолжение описания земель стана Радонеж и Корзене и что его начало отсутствовало в подлиннике книги.

В разделе "В Радонеже и Корзене порозжие поместные земли" под № 321–327 описаны семь поместий (Л. 528 об.–530), которые в списке книги А. Молчанова были отнесены к Шеренскому стану²⁶. Владельцами шести поместий указаны те же лица, которые названы в списке книги А. Молчанова. Поместье, которым владел Г. Волинов, перешло к князю З. Сугорскому. По этой причине к его имени писцом было добавлено название пустоши Шемыревой, входившей в состав поместья Г. Волинова (Л. 528 об.)²⁷. В то же время перечислена часть пустошей, входивших в состав этого поместья, но не названных в списке книги А. Молчанова: Боранниково, Мамонкино и Льяниково, которые располагались рядом с пустошью Шемырево. Большинство пустошей других владельцев названо иначе, чем в списке книги А. Молчанова.

За описанием частных поместий стана Радонеж и Корзене следует под № 328 описание земель Троице-Сергиева монастыря, также располагавшихся в это стана (Л. 530 об.–544). Все перечисленные села, деревни и пустоши монастыря занимали территорию волости Радонеж.

Далее следует раздел, в котором за № 329–348 описаны светские вотчины стана Воря и Корзене (Л. 547–562 об.). Из них только три вотчины располагались в волости Воре. После этого за № 349 идет описание земель Троице-Сергиева монастыря в том же стана (Л. 562–583).

На всех листах, где имеются описания земель станов Радонеж, Радонеж и Корзене, Воря и Корзене, скрепы дьяка Ивана Грязева идут, не прерываясь нигде. Иначе говоря, за исключением описания земель стана Радонеж и Бели, описания земель остальных станов дошли до наших дней в том виде, в каком они были переписаны в начале XVII в. Объяснение плохого состояния описания лишь одного из радонежских станов содержится в послушной грамоте царей Ивана и Петра и царевны Софьи от 11 апреля 1688 г.²⁸ В этой грамоте вкратце изложена история многолетней борьбы Троице-Сергиева монастыря за возвращение незаконно захваченной у него дьяком Семеном Кудрявцевым пустоши Давыдовской, которая согласно административному делению второй половины XVI–XVII вв. располагалась в стана Радонеж и Бели. На основе тех сведений, что

²⁵ Павлов-Сильванский В.Б. Указ. соч. С. 34.

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 255. Л. 62–64.

²⁷ В другом месте книги имя князя Захара Ивановича Сугорского написано без искажений (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 230).

²⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 535. № 71. Д. 320–325 об.

содержатся в послушной грамоте и актах XVI–XVII вв. удастся восстановить основу тех событий, в результате которых оказался поврежденным список книги Т. Хлопова.

Пустошь Давыдовская лежала на левом берегу р. Вори, напротив пустоши Обрамцево. До 1544 г. она была дана старцем Нифонтом Скобельцыным Покровскому монастырю на Хотькове²⁹. В декабре 1675 г. Семен Степанович Кудрявцев, дьяк Приказа Большого Дворца³⁰, получил в качестве служебного оклада ряда пустошей по левому берегу р. Пажи³¹. За несколько последующих лет он сумел не только расширить свое поместье, приобретая различными путями несколько пустошей по правому берегу р. Пажи, но и превратить его в вотчину. В состав этой вотчины входили сельцо Митино, д. Суконниково и десять пустошей³². В междуречье Вори и Пажи его земли граничили с пустошами дворцового с. Воздвиженского и троицкой пустошью Давыдовской. С 1679 по 1684 г. дьяк через подставных лиц несколько раз подавал в царскую канцелярию челобитные с просьбой дать ему в поместье расположенную согласно "приправочным книгам Тимофея Хлопова Московского уезду 7093 и 94 году" в стане Радонеж и Бели обводную пустошь Медведкову, "наложу, – как писали троицкие власти, то прозвание на монастырскую... пустошь Давыдовское"³³. Благодаря этому обману, в 1684 г. дьяку, несмотря на сопротивление монастыря, удалось стать неофициальным владельцем пустоши. Но троицкие власти повели упорную борьбу за ее возвращение в состав монастырских владений. Монастырским подьячим удалось выяснить, что "... в тех Тимофеевых книгах Хлопова написана пустошь Медведева в Шеренском и Отъезжем стану князь Осиповского поместья Щербатова", но те листы перенесены в ту часть книги, где идет описание земель стана Радонеж и Бели, и, если их положить на свое место, то "дьячья припись и подьяческая рука и письмо Шеренского стану с теми перемешанными листами и речи будут сходны"³⁴.

Кроме того, им удалось выяснить, что «в том же ... Радонежском стану и Белях в тех листах, которые перенесены, написано было в то время в той приправочной книге Тимофея Хлопова пустошь, что была деревня Медведково, а в той речи в Медведеве перечищено и написано: "пустошь, что была деревня Медведково", и чернила и рука от старого письма стали отличны, да в другом месте в Шеренском и Отъезжем стану написана была знатно та же пустошь в двугорядь Медведково, и в той... в другой в статье также перечищено им, делано Медведковым»³⁵. Действительно, в тех разделах списка книги Т. Хлопова, где идет описание земель Шеренского стана, в двух местах исправлено название пустоши Медведевой: счищена середина слова и, в одном случае, вписаны буквы "дков" (Л. 649об.), а в другом – буквы "кое" (Л. 656). Но дьяк С. Кудрявцев был более предусмотрителен. И в списке книги А. Молчанова в разделе, где описаны порожие поместья Шеренского стана, в названии пустоши Медведково буквы "дведково" написаны по счищенному тексту. При этом первоначальное название пустоши выскабливали столь тщательно, что порвали в этом месте лист³⁶. Вероятно, благодаря стараниям того же дьяка в списке книги Т. Хлопова название пустоши Ковезино поместья Б. Поливанова оказалось счищенным и пере-

²⁹ Там же. Д. 520. Л. 188 об.–189. В августе 1544 г. Покровский Хотьковский монастырь перешел в ведение Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 528. № 289. Л. 411).

³⁰ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 272.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9840. № 93. Л. 702–704 об.

³² Там же. Д. 9843. № 211. Л. 1288–1294 об.

³³ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 535. № 71. Л. 320.

³⁴ Там же. Л. 322.

³⁵ Там же. Л. 322.

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 255. Л. 50 об.

писанным на "Медвко" (Л. 448), а в списке книги А. Молчанова название пустоши Своробинской поместья того же Б. Поливанова также было подчищено и подправлено, и стало читаться как "Своробаринская"³⁷.

Лишь в 1688 г., спустя три года после смерти С. Кудрявцева, Троице-Сергиеву монастырю удалось вернуть незаконно захваченную у него пустошь Давыдовскую. В то же время, хотя и было выяснено, что в списке книги Т. Хлопова "листы в переплете переменены и перенесены"³⁸, тем не менее книга в должный порядок не была приведена и в таком состоянии дошла до наших дней.

В списке книги Т. Хлопова, отсутствуют, в частности, описания земель в междуречье Вори и Пажи, севернее д. Репехово и Короськово, т.е. той территории, на которой располагалась пустошь Давыдовская. Поэтому можно предположить, что С. Кудрявцев также уничтожил ряд листов с описанием земель станов Радонеж и Бели, Радонеж и Корзенов.

В списке книги Т. Хлопова имеется дефект, незамеченный кем-либо из исследователей этого документа. В нем часть поселений и пустошей описаны дважды. Например, Золотилово описано в первом случае как деревня стана Радонеж и Бели, числящаяся за Степаном Ивановым, сыном Бруткова (№ 301. Л. 410), а во втором – в качестве пустоши Отъезжего стана, которой владеет Иван Боровлев, сын Щелепина (№ 411. Л. 684 об.).

Иванец Боров Тимофеев сын Щелепина впервые был упомянут в документах в 1510/11 г. как писец троицких купчей и меновой грамот на вотчины в Вышегородском стане Дмитровского уезда³⁹. В 1522 г. за ним числилась д. Кожевникова, располагавшаяся на правом берегу р. Пажи, к северо-западу от Золотилово⁴⁰. В 1542/43 г. Иван Щелепин выкупил у Семена Неклюдова, сына Дурова, вотчину своей матери, д. Юрьевскую, находившуюся в Радонежском уезде на левом берегу р. Пажи⁴¹. В 1560/61 г. троицкие власти купили эту деревню у Ивана, Василия Большого, Василия Меньшого, Шестака и Михаила Ивановых, детей Боровлева, Щелепина⁴². Следовательно, к 1560/61 г. Ивана Щелепина не было уже в живых.

Сытник Степан Брутков впервые был упомянут в документах 1584–1586 гг. в качестве временного владельца троицкой д. Жолобово стана Радонеж и Корзенов, а также старой своей вотчины д. Золотилово (Л. 540 об.). Не позже 1593 г. д. Жолобово была возвращена под прямое управление Троице-Сергиева монастыря, а д. Золотилово по-прежнему числилась за С. Брутковым (№ 301. Л. 410)⁴³. Таким образом, Иван Щелепин владел Золотиловым в первой половине XVI в., а Степан Брутков – во второй половине того же века. Соответственно, между двумя записями в списке книги Т. Хлопова о разных владельцах Золотилово не обнаруживается логического противоречия.

В одном случае Корногино указано в составе стана Радонеж и Бели, и владеет им подьячий Иван Яковлев, а прежде оно было в вотчине у Игната и Петра Михайловых, детей Скобельцына (№ 302. Л. 411). В другом случае отмечено, что оно с еще 14 безымянными пустошами Объезжего стана входит в вотчину неких Никиты и Алексея (№ 414. Л. 685). В списках книг Л. Кологривова и Д. Скирина 1622–1624 гг. перечисляются те же владельцы, которе указаны в первом случае⁴⁴. В Явочном же списке 1548–1586 гг. дополнительно сообщается, что до

³⁷ Там же. Л. 64 об.

³⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 535. № 71. Л. 325.

³⁹ АРГ. № 71. С. 77; № 74. С. 78.

⁴⁰ Там же. № 209. С. 212.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 536. № 195. Л. 279 об.–280 об.

⁴² Там же. № 207. Л. 295–296 об.

⁴³ Там же. Д. 599. Л. 209.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9806. № 579. Л. 789 об.

ее купли И. Яковлевым Корногино в качестве части вотчины в 1584/85 г. принадлежало Кириллу Орлову; Лукерье, жене Романа Орлова; Михаилу, Марии и Пелагее, детям Игната Скобельцына (№ 561. Л. 758). Ввиду неполноты записи о принадлежности Корногино неким Миките и Алексею, невозможно дать какую-либо оценку факту двойного описания этой пустоши в списке книги Т. Хлопова.

Семеновское в одном случае упомянуто как село стана Радожен и Бели, которым владел недоросль Степан Семенов, сын Скобельцына (Л. 412), а в другом – как село Отъезжего стана, которым владеет Олена, жена Федора Скобельцына (№ 411. Л. 684 об.). В Явочном списке 1584–1566 гг. уточняется, что Семеновское стана Радонеж и Бели принадлежит Степану Скобельцыну с сестрами (№ 563. Л. 758 об.). В списках книг Л. Кологривова и Д. Скирина в качестве владельца этого сельца указан Семен, сын Степана Скобельцына⁴⁵. Следы Олены Скобельцыной обнаруживаются в более ранних документах. Она действительно владела Семеновским, но в начале 1540-х годов⁴⁶. Таким образом, как и в случае с Золотиловым, вторая запись указывает на владельца первой половины XVI в., а первая – на владельца второй половины того века.

Относительно троицкой деревни Юрьевской стана Радонеж и Корзенов в первом случае отмечено, что она была вотчиной Андрея Огрызкова (Л. 531 об.). Во втором случае указано, что пустошь Юркино Отъезжего стана является вотчиной Андрея Огрызкова (№ 413. Л. 685). Деревня Машино стана Радонеж и Корзенов указана в составе троицких земель с пометой: "что была преж того Борисовская вотчина Елизарова" (Л. 540) и как пустошь Мокшинино Борисовского поместья Елизарова среди порозжих земель того же стана (№ 327. Л. 530). Пустошь Пятницыно поместья Ю. Кобякова отмечена среди порозжих земель стана Радонеж и Корзенов (№ 326. Л. 529 об.) и под названием Скобякино среди троицких земель того же стана (Л. 541 об.). Следовательно, и в этих трех случаях перед нами записи со сведениями, которые относятся к разным временным периодам.

Таким образом, шесть владений дважды описаны или упомянуты в списке книги Т. Хлопова. Разгадка этого казуса станет возможной после реконструкции истории написания книги Т. Хлопова. Пока можно предположить, что переписчики подлинника виноваты в случившемся лишь частично. Например, Золотилово было описано дважды уже в книге Т. Хлопова, о чем свидетельствует приписка переписчиков: "А в приправочных книгах та деревня написано вдвое" (Л. 410). В то же время можно указать несколько случаев механического переноса записей из одной писцовой книги в другую. Например, в списках книг Л. Кологривова и Д. Скирина сельцо Семеновское описано вначале в качестве вотчины Семена Скобельцына стана Радонеж и Бели⁴⁷, а затем в составе вотчины Олены Федоровой, жены Скобельцына, находящейся в Шеренском и Отъезжем стане⁴⁸. Среди порозжих земель стана Радонеж и Корзенов отмечены поместье князя Захара Сугорского Шамырева, состоящее из пустошей Боранниково, Момонкино и Ляникиво; поместье Тимофея Мошина с пустошью Реткиной; поместье Юрия Кобякова – пустошь Пятницыно; поместье Бориса Елизарова, в него входят пустошь Мокшинино⁴⁹, в то время как еще в октябре

⁴⁵ Там же. № 578. Л. 788об.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 637 (1542 г.). Л. 788об. О датировке документа см.: *Ивина Л.И.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XV–XVII вв. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1965. Вып. 27. С. 149–163.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9806. № 578. Л. 788 об.; Д. 685. № 33. Л. 902 об.

⁴⁸ Там же. Д. 9806. № 754. Л. 1018.

⁴⁹ Там же. № 661–664. Л. 880.

1595 г. пустоши Шемярево, Боранниково, Мамонкино и Лияниково были даны Троице-Сергиеву монастырю в обмен на его звенигородские пустоши⁵⁰, а поместья Т. Мошнина, К. Кобякова и Б. Елизарова, как указывалось выше, еще раньше вернулись в состав троицких земель. Реконструкция истории написания писцовых книг Московского уезда XVI–XVII вв. поможет также выяснить, что служило причиной внешне бездумного переноса устаревших сведений из одной книги в другую.

Попытаемся хотя бы в самых общих чертах определить в каком количестве после всех потерь сохранилось описание радонежских земель в списке книги Т. Хлопова. С этой целью сравним между собой число поселений и пустошей, описанных в этом списке и в списках книг Л. Кологривова и Д. Скирина. Поскольку последние также дошли до наших дней с определенными утратами, будем оперировать округленными цифрами. В списке книги Т. Хлопова насчитывается около 350 описанных и упомянутых поселений и пустошей, а в списках книг Л. Кологривова и Д. Скирина – около 620. Следовательно, в списке книги Т. Хлопова не хватает описания примерно 270 поселений и пустошей, что составляет свыше 40% от числа тех же поселений и пустошей списков книг Л. Кологривова и Д. Скирина.

Подводя итог анализу списка писцовой книги Т. Хлопова, отметим, что в той части этого документа, где дано описание радонежских земель, имеются утраты и путаницы листов, искажения текста, подчистки названий и неоднократное описание одних и тех же поселений и пустошей. Использование приема локализации поселений и пустошей при анализе всех сохранившихся частей списка, несомненно, позволит распределить его описания должным образом и восстановить, хотя и не в полной мере, историческую географию Московского уезда последней четверти XVI в.

---

⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 258. № 460. Л. 777 об.–778 об.

Д.А. Ширина

ИНСТРУКЦИИ АКАДЕМИИ НАУК – ОСОБЫЙ ВИД ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

Занимаясь изучением видов и типов исторических источников, авторы обобщающих работ по источниковедению обошли вопрос о значительном документальном комплексе, представленном "инструкциями" ведущих ученых России XVIII – начала XX в.

Между тем, еще в 40-х годах советские ученые, обращаясь к истории отдельных путешествий, ввели в научный оборот практически неисследованный прежде исторический источник – инструкции Академии наук. Публикации, изучение документов, составленных главным образом для Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. и экспедиции И.Г. Вознесенского 1845–1848 гг., свидетельствовали о широких возможностях этих источников в исследовании истории научного знания.

Попытаемся рассмотреть этот вид документального материала на примере некоторых инструкций, разработанных в Академии наук для экспедиций XVIII – начала XX в. на северо-восток России.

22 апреля 1765 г. состоялось заседание конференции Академии, положившее начало подготовки к астрономическим наблюдениям 1769 г. (ожидалось прохождение Венеры через диск Солнца). 23 марта 1767 г. Академия утвердила и направила на имя директора В.Г. Орлова "Представление", в котором ученые высказались по вопросам выбора мест для предполагаемых работ, подготовки и комплектования состава астрономических экспедиций. Здесь же находим перечни необходимых для обсерваторов инструментов, книг, карт¹. Одним из документов, отражающих деятельность Академии является и "Наказ обсерваторам, как на Север и на Восток отправлены были для наблюдения Венеры в Солнце". Астрономам предписывалось вести наблюдения за контурами Венеры, за наличием (либо отсутствием) атмосферы вокруг нее, фиксировать цвет планеты. "Наказом" предусматривались барометрические и температурные измерения, наблюдения "воздушных перемен"².

Второй комплекс научных задач содержала инструкция на имя руководителя одного из отрядов – И.И. Исленьева ("Напоминание господину поручику Исленьеву касательно собирания и сбережения замечания достойных сибирских зверей"). Названный документ имеет сложный состав. В нем можно выделить общую вступительную часть; перечни животных, птиц и рыб; раздел о способах сохранения и доставки экспонатов в Петербург; заключение, содержащее десять разнообразных вопросов-размышлений к наблюдателю. "Напоминанием" предписывались наблюдения на протяжении всего пути следования (Казань, Красноярск, Иркутск, Байкал, бассейн Лены); специальным предметом внимания должны были стать животные, птицы и рыбы. Перед экспедицией ставились также задачи сбора сведений о находках и наблюдения ископаемых животных,

¹ Румовский С. Наблюдения явления Венеры в Российской империи в 1769 г. учиненные. СПб., 1771. С. 8–12.

² Там же. С. 41, 46.

органической жизни в районе Ленского бассейна, миграций отдельных представителей животного мира Сибири и распространения болезней среди людей и способах их лечения³.

В 1785–1794 гг. состоялась экспедиция И.И. Биллингса–Г.А. Сарычева, или Северо-Восточная, которая вошла в науку преимущественно как географическая, астрономическая, секретная, организованная правительством.

Однако документальные публикации, работы советских ученых, в которых последовательно и кропотливо исследуется экспедиционное научное наследие, свидетельствуют об огромном разнообразии наблюдений по различным отраслям знаний.

Представляется, что разносторонняя деятельность членов путешествия 1785–1794 г. была обусловлена в значительной мере четкой развернутой постановкой научных задач, разработанных академиком П.С. Палласом и изложенных в документе 1786 г. – "Инструкции господину доктору Мерку, состоящему в службе в качестве натуралиста и путеописателя при господине капитане Биллингсе, командире тайной морской экспедиции"⁴.

Документ свидетельствует о глубоком интересе ученых к науке о Земле. Натуралист экспедиции должен был фиксировать направление горных цепей, их крутизну (либо пологость); описывать примечательность отдельных гор; залегающие горных пород, различных руд. К.Г. Мерк должен был отмечать наличие водных источников, лесов, кустарников, свойства почв, продукты действующих и потухших вулканов, останки ископаемых животных, характер поверхности земли, а также собирать данные о внешнем виде, физическом облике представителей коренного населения, об укладе их жизни, жилых постройках, одежде, занятиях, средствах передвижения, вере, идолах, обрядах. Особо оговаривалось внимание к сведениям о переселениях народов, их языках, положении женщин, воспитании детей, пище, лекарствах, употребляемых красителях. При этом рекомендовалось составлять подробные перечни ловушек на зверя и приспособлений для рыбной ловли, а также приобретать модели (либо оригиналы) некоторых из них; проводить температурные и барометрические измерения. Объектами исследования должны были стать ветры, течения морей, соленость и температура морской воды, отливы и приливы⁵.

Следовательно, в период организации Северо-Восточной экспедиции, кроме известных "Указа" Екатерины II и "Наставления" Адмиралтейств-коллегии, был подготовлен документ, который содержал обширную программу научной деятельности экспедиции 1785–1794 г. Ознакомление с текстом инструкции Мерку, ее сравнительное изучение позволяет заключить, что, по-видимому, ее содержание было учтено при написании 2-го пункта "Наставления" Адмиралтейств-коллегии, либо Паллас принял непосредственное участие в его составлении, что способствовало постановке задач научного изучения Северо-Востока перед всеми участниками путешествия и, несомненно, сказалось на разнообразии наблюдений, представленных в работах И.И. Биллингса, Г.А. Сарычева, К.Г. Мерка, М. Робека.

К концу XVIII столетия относится включение в сферу государственной политики России северо-западных и северных берегов Американского континента. Одновременно возникла необходимость отправки кораблей в Охотск и на Камчатку, к берегам восточной Сибири и Русской Америки с продовольствием, различными товарами; встал вопрос об охране этих районов, отыскании путей

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 534. Л. 109–120 об., 141–148 об.

⁴ Текст документа опубликован в кн.: *Ширина Д.А.* Академия наук и Северо-Восток, 1725–1917. Новосибирск, 1994. С. 263–269.

⁵ СПб. ФА РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7 об. Перевод текста "Инструкции" с немецкого языка для данной работы осуществлен физиком Ю.А. Ромащенко.

дальнейшего развития в них промыслов и новых рынков сбыта продуктов зверобойного промысла.

7 августа 1802 г. состоялось назначение И.Ф. Крузенштерна руководителем Первой русской кругосветной экспедиции. Круг научных задач экспедиции определялся рядом инструкций Академии наук. Авторами документов были академики Т.А. Смеловский, М.В. Севергин, А.Ф. Севастьянов.

Ученые писали о необходимости изучать народы; атмосферные явления, моря, ископаемых животных, реки, горы, долины, полезные ископаемые, вулканы, землетрясения; этапы заселения отдельных регионов; изменения материковой части суши и водных бассейнов. Т.А. Смеловский предлагал подходить к изучению флоры "со стороны философской, экономической, диетической и врачебной"; учитывать особенности почв, время цветения и климат, плодородие, развитость и способы земледелия, время и способы сбора урожая, сорные травы и меры борьбы с ними. Следовало также фиксировать растения, используемые для крашения; "способ добывания", употребление и хранение масла, приготовление еды и хлебных напитков. В инструкциях М.В. Севергина, А.Ф. Севастьянова, Т.А. Смеловского представлены обширные задачи научных исследований, разработанные для экспедиции И.Ф. Крузенштерна-Ю.Ф. Лисянского. Перед путешественниками были поставлены разнообразные вопросы, касающиеся изучения Мирового океана, суши, животного и растительного мира, атмосферы Земли, народов, населяющих различные страны мира⁶.

В 1806 г. состоялась экспедиция адъютанта по ботанике И.И. Редовского, которая рассматривается в существующей литературе, преимущественно, как ботаническая. В июне 1806 г. в Собрании Академии было зачитано письмо Редовского о предлагаемом маршруте путешествия (Камчатка-Курильские, Шакрарские острова-о. Сахалин).

Инструкция Т.А. Смеловского для этой экспедиции содержала основные, необходимые задачи в области изучения ботаники; А.Ф. Севастьянов разработал "Наставления" для Редовского, составил перечни рыб, птиц, "Роспись животных Сибири", текст "Об орудиях, нужных зоологу". "Примечания о Курильских и Алеутских островах", список книг, необходимых для исследователя. Он обращал внимание Редовского на необходимость точно и "в систематическом порядке" описать всех животных Камчатки. Академик Ф.И. Шуберт подготовил инструкцию, которой предписывалось проведение астрономических наблюдений⁷.

Особого внимания заслуживают "Записки", составленные Редовским и отправленные им в Верхоянск, Киренск, Олекму, Якутск, Амгу, Охотск, Гижигинск⁸. Он просил сообщить данные об административном устройстве областей, о городах, сельских поселениях, коренном населении. Автора "Записок" интересовали также сведения о природных богатствах края, возможностях судоходства, состоянии хлебопашества⁹.

Следовательно, участники экспедиции должны были заниматься комплексом различных вопросов, касающихся описания и систематизации растительности и животного мира, проведения метеорологических и астрономических наблюдений, изучения политико-административного и социально-экономического состояния некоторых областей Северо-Востока.

Для группы исследователей (Э.Х. Ленц, В. Прайс, Э.К. Гофман) в составе кругосветного путешествия А.Е. Коцебу 1823-1826 г. была написана инструкция

⁶ РГАДА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 89. Л. 19-19 об.; СПб. ФА РАН. Ф. 1. Оп. 2. 1803 г. Д. 5. Л. 1-10 об.; Оп. 1а. 1805 г. Д. 16. Л. 53; Оп. 2. 1805 г. Д. 526. Л. 2 об.-3 об.; Ф. 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-5.

⁷ СПб. ФА РАН. Ф. 1. Оп. 2. 1806 г. Д. 20. Л. 1-1 об.; Д. 22. Л. 1; Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-5 об.

⁸ Текст "Записки" Редовского о Якутской области см. в кн.: *Ширин Д.А.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983. С. 67.

⁹ СПб. ФА РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 13. Л. 2 об., 6, 17 об.

членом-корреспондентом Академии наук Е.И. Парротом. Ученый учитывал возможности разнообразных наблюдений в Мировом океане и на суше. Документом планировались исследования с целью выявить влияние давления (по мере погружения на различные глубины моря) на твердые, мягкие, упругие тела, чтобы изучить возможные взаимодействия между различными элементами. Физик экспедиции должен был исследовать влажность воздуха, вести журнал наблюдений за грозами, изучать атмосферу в зоне морей¹⁰.

Одной из блестящих по научным результатам экспедиций отечественной Академии наук прошлого столетия является путешествие в Сибирь во главе с А.Ф. Миддендорфом в 1843–1845 г. Среди наименее изученных в истории Сибирской экспедиции оставались вопросы ее организации, роли Академии наук в подготовке путешествия. Однако именно эта группа вопросов позволяет показать на конкретном материале связь экспедиции с деятельностью Академии наук, с теми научными проблемами, которые стояли перед отечественной наукой, а также познакомиться с рядом научных представлений того времени.

Для подготовки и проведения экспедиции Миддендорфа была сформирована специальная комиссия в составе академиков К.М. Бэра, Ф.Ф. Брандта, Э.Х. Ленца, К.А. Мейера, которые явились авторами ряда документов: "Allgemeine Instruction" ("Общая инструкция"), "Besondere Instruction für die botanischen Beobachtungen" ("Особая инструкция для ботанических наблюдений"), "Besondere Instruction für die zoologischen Beobachtungen" ("Особая инструкция для зоологических наблюдений"), "Antrag für die Fortsetzung der Reise bis nach Udskoi Ostrog" ("Предложение к продолжению путешествия до Удского острога")¹¹. Авторами "особых" инструкций были: Мейер (ботанической) и Брандт (зоологической). Остальные вышеназванные документы явились результатом работы всего состава комиссии.

Перевод и анализ "Общей инструкции" позволяют расширить и одновременно конкретизировать представление о научных наблюдениях, намеченных в Академии для участников экспедиции. Ученые, во-первых, высказывали пожелание, чтобы Миддендорф собирал естественно-исторические предметы, с записью обиходных в народе названий. Объектом наблюдений должны были стать образование гор, морские приливы и отливы, животный мир, границы распространения лесов и хлебопашества. Особо указывалось на необходимость уточнить карту Таймыра, проводить регулярные температурные и барометрические наблюдения. Авторы инструкции писали о "совершенной неосведомленности" ученого мира о естественных богатствах Таймырского полуострова, о расхождении имеющихся сведений о его населении.

Другой главной задачей экспедиции было исследование шахты Ф. Шергина в Якутске (установление ее глубины и температуры), проведение серии наблюдений над "вечномерзлой почвой" (толщина, температура, границы распространения).

Инструкцией для ботанических наблюдений ставилась задача изучения флоры с учетом изменений ее на различных широтах и установлением границ распространения ее отдельных видов. При этом следовало обращать внимание на корневую систему растений, на "угнетенный лес в арктических регионах". Брандт писал о необходимости изучать новые виды животных, их разновидности и приобретать экспонаты животных Сибири (в том числе морских), птиц, рыб, насекомых. В "Предложении к продолжению путешествия..." отмечалось важность накопления суммарных сведений о климате.

¹⁰ Ленц Э.Х. Избранные труды. М., 1950. С. 9–15.

¹¹ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Lander Asiens. St.-Petersburg, 1855. Bd. 9. Abth. 2. S. 417–449.

Перед экспедиций ставились задачи составления новых коллекций, установление географии распространения растительности, наблюдения возможных параллелей и отличий в развитии арктического мира Азии и Европы, Американского и Восточно-Азиатского континентов.

В XIX – начале XX в. состоялась американская Северо-Тихоокеанская экспедиция. Ф. Боаз, известный американский этнолог, считал необходимым сравнительное изучение народов Америки и Азии. По словам ученого, "план работ в арктической части Сибири был детально разработан с помощью императорской Академии наук в Санкт-Петербурге"¹². Согласно общей инструкции, основной задачей Сибирского отдела Северо-Тихоокеанской экспедиции было полное исследование чукчей, коряков, юкагиров в этнографическом, лингвистическом, соматологическом отношении; сбор коллекций, касающихся материальной и духовной истории этих народов; изготовление антропологических снимков и гипсовых масок, проведение антропологических измерений.

Таким образом, Академия наук разрабатывала для путешественников документы под названием "инструкции". К документам типа инструкций относятся и "напоминания", "наказы", "проекты", "представления", специальные "записки". Эти материалы, независимо от названия, отличаются предписывающим тоном изложения. Они разрабатывались ведущими учеными страны, рассматривались и утверждались Конференцией Академии наук.

Ведомство – научное учреждение – наложило на них свой отпечаток. Документы содержат противоречивые сведения о Северо-Востоке страны и ее народах, свидетельствуют о неопределенности существовавших представлений о регионе, о связи академических разработок с практическими вопросами развития хозяйства. Отдельные инструкции, были опубликованы, некоторые из них изучены. В целом же интерес ученых к ним носит в определенном смысле случайный характер; продиктован вниманием к тем или иным экспедициям, главным образом, ко Второй Камчаткой и И.Г. Вознесенского. Однако эта группа источников имеет самостоятельное значение. Их изучение позволяет показать развитие научных знаний, инициативу и непосредственное участие Академии наук в исследовании Северо-Востока России, подготовку экспедиций как научных предприятий, преемственность научных наблюдений в регионе.

Неразработанность вопроса о них в исследованиях по источниковедению и историографии объясняется рядом причин. Инструкции написаны сухим канцелярским языком, часть содержания представлена в форме перечней; большое количество документов не опубликовано (тексты отложились в разных фондах архивов). Кроме того, некоторые инструкции написаны на немецком языке. Документы этой группы выявлены автором в СПб. ФА РАН, РГИА и РГАДА. Удалось осуществить перевод с немецкого рукописного текста Палласа, написанного для Мерка в 1786 г. готическим шрифтом, неразборчивым почерком. В изданиях "Beitrag zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angranzenden Lander Asiens" и "Bulletin de la Classe Physico-mathematique de la Academie imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg" (St.-Petersburg. № 13. Т. 1. S. 177–192) были найдены материалы, разработанные Академией наук для путешествия Миддендорфа; переведены с немецкого языка инструкции Мейера, Брандта, Бэра, Ленца.

Анализ документов типа инструкций свидетельствует, что в основе изучения Северо-Востока лежало стремление "открыть" для науки новые народы, земли, акватории. Поводы для исследования северо-восточной части страны были различными: интерес к вопросу о взаимоотношении Азии и Америки (география, история Земли, общность и различия народов континентов), разыскания (в

¹² Boas F. The Jesup North Pacific Expedition // The American Museum Journal. N.Y., 1903. Vol. 3, Oct., N 5. P. 74, 77.

том числе международные) в области астрономических явлений и полярной зоны, изучение края в связи с организацией кругосветных плаваний и деятельностью Российско-Американской компании. Интерес к Северо-Востоку был обусловлен и значением Северного Ледовитого океана.

Выявление и изучение документов типа инструкций позволило достаточно полно показать задачи научного изучения Северо-Востока России XVIII – начала XX в.; уточнить, конкретизировать, расширить знания о целях путешествий И.И. Исленьева, И.И. Биллингса–Г.А. Сарычева, И.Ф. Крузенштерна–Ю.Ф. Лисянского, М.И. Адамса, И.И. Редовского, В.Ф. Врангеля–П.Ф. Анжу, О.Е. Коцебу, М.И. Станюковича–Ф.П. Литке, А.Ф. Миддендорфа, Г.Л. Майделя, А.А. Бунге–Э.В. Толля, И.Д. Черского, Э.В. Толля–Е.И. Шилейко, Русской полярной экспедиции и Северо-Тихоокеанской, К.А. Воллосовича, И.П. Толмачева–К.А. Воллосовича, "Таймыра"–"Вайгач"¹³.

В результате исследования академических документов установлена непосредственная связь между путешествиями и работой Академии наук, раскрыт комплексный характер задач предстоящих разысканий, пересмотрена оценка деятельности научного центра последней четверти XVIII в., впервые показана роль Академии в подготовке экспедиции Биллингса–Сарычева.

Следует отметить, что источниковый корпус, представленный документами типа инструкций, не только дополняет, порой изменяет представления об экспедициях и деятельности Академии наук в связи с изучением региона, но является самостоятельным эффективным и достоверным источником изучения широкого спектра вопросов по истории отечественной науки. Они знакомят с научными представлениями XVIII – начала XX в., их динамикой, методами работ, данными о механизмах, обеспечивавших преемственность в научных наблюдениях.

Изучение документов, в которых изложены цели наблюдений путешественников в регионе, подробно описаны методы исследований, определены маршруты и сроки работ, наконец, соответствие результатов деятельности экспедиций поставленным задачам, позволяет квалифицировать инструкции как программы Академии наук, разработанные для научного исследования Северо-Востока России. Создание академических программ являлось определяющим моментом в организации научных разысканий.

Инструкции являются особым типом исторического документа, особым видом источника. Их тексты полно отражают уровень знаний своего времени, подходы к изучению проблем, эрудицию и специализацию составителей, в определенной мере – технические возможности той поры. Из инструкций следует, что на протяжении XVIII – начала XX в. происходил постепенный переход от констатации того или иного факта к наблюдениям развития, взаимосвязи различных процессов, выявлению динамики явлений и установлению причинно-следственных связей. Множились, усложнялись объекты исследований. В XVIII в. научные задачи изучения региона представлены, в основном, в единых рамках "натуральной истории" (зоология, ботаника, минералогия, геогнозия, население). В начале XIX в. появляются и специальные инструкции, обусловленные профессиональной специализацией их авторов. В 40-х годах в Академии были разработаны документы по исследованию вечной мерзлоты. С 60-х годов значительное место в изучении края заняли поиски новой земли. В последние десятилетия XIX – начала XX в. научный центр проявлял усиленный интерес к геологической истории Земли и Северному Ледовитому океану. Инструкции позволяют показать общее направление в изучении края, характер разысканий, конкретные задачи и методы исследований, источники и способы формирования научного наследия о регионе.

¹³ *Ширина Д.А.* Петербургская Академия наук и Северо-Восток. С. 41–108.

В.А. Есипова

**БУМАГА СИБИРСКОГО ПРОИЗВОДСТВА XVIII века
В РУКОПИСЯХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Вопросы изготовления, маркировки и использования сибирской бумаги в XVIII в. изучены сравнительно мало. В работе М.В. Кукушкиной "Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. (обзор собрания П.А. Картавова)"¹ о сибирских бумажных мануфактурах говорится кратко, более подробно освещена эта проблема в статье З.В. Участкиной "Сибирская бумага и ее водяные знаки"².

Рассмотрим на примерах из коллекции славяно-русских рукописей отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского университета (далее ОР КР НБТУ) применение бумаги, произведенной на сибирских бумажных мануфактурах в XVIII в. Для этого необходимо сделать несколько замечаний по истории этих мануфактур.

Известно, что в XVIII в. в Сибири работали три мануфактуры, производившие бумагу. Первая из них была построена в 40-е годы XVIII в. в 15 верстах от Тобольска, вверх по р. Тоболу, на р. Суклеме. Владельцами были тобольский купец Иван Медведев, позже – его сыновья. В 1778 г. они продали половину мануфактуры, а в 1793 г. – оставшуюся ее часть тобольскому первой гильдии купцу Василию Корнильеву, известному тем, что он основал первую в Сибири частную типографию. После смерти Корнильева его вдова и сыновья в 1802 г. продали мануфактуру тобольскому купцу Алексею Григорьевичу Дьяконову. Затем она принадлежала его наследникам до 1861 г., когда ее купил купец третьей гильдии Михаил Данилович Плотников. Последнее упоминание об этом предприятии относится к 1879 г.

Вторая бумажная мануфактура в Сибири – Туринская – была основана в 1760 г. верхотурским купцом Осипом Коноваловым; в 1775 г. она перешла в собственность купца Максима Михайловича Походяшина, а с 1789 по 1855 г. принадлежала нескольким поколениям дворянской семьи Панаевых. Более поздние данные о деятельности этого предприятия неизвестны. Поскольку Походяшин будет неоднократно упоминаться ниже, приведем о нем некоторые данные. М.М. Походяшин (? – 1781) – уроженец Верхотурья, начал свою карьеру ямщиком, затем приобрел винокуренный завод, в 1752 г. записался в купечество, а с 1755 г. занимался рудным делом и основал ряд крупных заводов. По отзывам современников, он имел огромное состояние. Своим детям дал превосходное образование. В частности, известен его младший сын, Григорий Максимович Походяшин (1760–1820), который сотрудничал с Н.И. Новиковым и жертвовал значительные суммы на его просветительские проекты, в результате чего и растратил все свое состояние.

---

¹ См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II (XIX–XX вв.). С. 285–336.

² См.: Изв. АН СССР. Сиб. отд. Сер. обществ. наук. № 9. Новосибирск, 1965. Вып. 3. 89–96. См. об этом в других ее работах.

Кроме того, существовала Ачинская бумажная мануфактура, принадлежавшая ачинскому купцу второй гильдии Ивану Федоровичу Родионову. Первое упоминание о ней относится к 1832 г., последнее – к 1859 г. Какими водяными знаками метил свою продукцию Родионов, не выяснено.

Относительно же первых двух мануфактур довольно точно известно: какую бумагу, с какими водяными знаками и в какие периоды времени они выпускали. Очень важно, что составной частью водяного знака часто являлась так называемая "белая дата" – год отлива бумаги. Наличие "белой даты" часто помогает при датировке памятников письменности.

В коллекции славяно-русских рукописей ОРКР НБТУ выявлено восемь рукописей XVIII в., при написании которых использовалась сибирская бумага: Сборник выписок из Пролога (В-1126), Сборник смешанного содержания (В-777), Сборник смешанного содержания (В-820), Месяцеслов с Пасхалией и выписки из Устава (В-5465), Месяцеслов с Пасхалией (В-5459), Псалтирь (В-5524), Псалтирь с дополнительными статьями из Пролога и др. (В-5610), Сборник молитвенно-уставного характера (В-5503).

Наибольший интерес представляет, пожалуй, Сборник В-1126. Он составлен Василием Петровым Хавовым, который служил при Томской Богоявленской церкви, а затем при Христорождественской церкви с. Подгородного кузнецкого казачьего стана. Сборник представляет собой список "с печатного оригиналу" Пролога второй редакции за март–август. Видимо, священник Хавов отличался большой аккуратностью, так как после завершения переписки статей за соответствующий месяц он оставлял запись – когда, где и кем переписка была осуществлена.

Сборник написан на бумаге с двумя различными водяными знаками: "СТ | 1785 г. || ФП" (л. 49–56, 139–162); "СТ | 1786 г. || 1786 г. ФП" (л. 59–62, 123–138, 201–204); "СТ [год не читается] || ФП"³. Известно, что бумага с такими знаками выпускалась Туринской мануфактурой М.М. Походяшина. Соответственно литеры означают: Сибирь, Туринск, фабрика Походяшина. Другая бумага, использованная при написании этой рукописи, помечена литерами: "1786 год | ВМ || 1786 год | МК" (л. 1–48, 57–58, 63–122, 163–194, 197–200, 205–208, 219–301). Это фирменный знак Вологодской (Вельской) мануфактуры Матвея Колесова⁴. Какого-либо определенного порядка в использовании бумаги того и другого типа нет; листы с разными водяными знаками подшиты беспорядочно. Видимо, они были приобретены владельцем-переписчиком одновременно. Знаменателен тот факт, что даты производства туринской и вологодской бумаги практически совпадают. Рукопись же, по свидетельству писца, написана с февраля 1789 по март 1790 г. Таким образом, промежуток между производством и использованием бумаги около трех лет. Интересно, что срок залежности бумаги составляет при этом для вологодской бумаги три года, а для туринской даже больше – три-четыре года. Получается, что бумага с Европейского Севера России дошла до Томска за тот же и даже меньший срок, чем из более близкого Туринска.

Другая рукопись, содержащая записи, позволяющие судить о месте и времени ее написания – Сборник смешанного содержания (В-777)⁵. Он включает 42 статьи. Бумага четырех сортов: "ВФ [в волнистом прямоугольнике] || СТ [в

³ Все перечисленные филигрны расшифрованы З.В. Участкиной, описаны С.А. Клепиковым. См.: Филигрны на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. № 752. 1783–1789 гг. С. 82. Примеч. 442, 443.

⁴ Расшифрованы М.В. Кукушкиной (Указ. соч. С. 337, № 436. 1797 г.) и описаны С.А. Клепиковым (1978). С. 78. Примеч. 82, № 140. 1786–1787 гг.

⁵ См. о нем: *Климова М.Н.* "История о некоей купеческой дочери" – неизвестный памятник поздней рукописной традиции // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1995. С. 33–37; *Ромодановская Е.К.* Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 346. № 52.

волнистом прямоугольнике]" (л. 1–66) – это знак Вологодской фабрики содержателя Торунтаевского⁶; "ВСМ || СФР 1790, 1791" (л. 200–206, 215–216, 234–238, 265–305) – знак Вятской слободской мельницы содержателя Филата Рязанцева⁷; герб Ярославля (тип б, литеры и год не просматриваются) (л. 164–167, 174–176, 190–192, 207–214) – знак Ярославской фабрики, принадлежавшей семейству Яковлевых⁸, и уже знакомые литеры "СТ || ФП"⁹. В рукописи прослеживается три почерка, причем о времени и месте работы третьего из писцов¹⁰ можно составить определенное представление по его записям. Это позволяет приблизительно определить время, прошедшее между производством и использованием бумаги. В одном случае этот срок составляет три года: запись о переписке от 1788 г. сделана на л. 140 об. с "белой датой" 1785 г., в другом случае – пять лет: запись от 27 октября 1784 г. на л. 214 об. с "белой датой" 1779 г. Интересно, что часть последней статьи частично написана на туринской бумаге, а часть – на бумаге производства Вятской слободской мельницы, содержателя Филата Рязанцева. Кроме того, на л. 189 об. с "белой датой" 1789 г. присутствует владельческая запись от 12 января 1792 г. о краже у некоего Якова сундука, в котором, в числе прочего, была медная чернильница и две книги – Требник и Диоптра, т.е. залежные бумаги и здесь составляет не более трех лет. К сожалению, сказать что-нибудь о сроках залежности другой бумаги не представляется возможным. Обратим внимание лишь на то, что и при написании этой рукописи использовалась бумага как сибирского производства, так и произведенная в европейской части России – в Вологде, Вятке и Ярославле.

Сборник смешанного содержания (В-820) написан на бумаге четырех сортов. Два из них изготовлены на сибирских фабриках. "СТ || ФМП" (сложные вензели) с "белой датой" 1779 и 1780 гг.¹¹ – это одна из маркировок уже известной нам Туринской фабрики Походяшина. Другая бумага сибирского производства в этом сборнике со знаком "СТ [в волнистой рамке] || ФМ [в волнистой рамке]" (л. 240–250) выработана на Тобольской бумажной фабрике в период, когда она принадлежала Медведевым (соответственно литеры расшифровываются так: Сибирь, Тобольская фабрика Медведевых)¹². Это, пожалуй, самая ранняя по времени производства сибирская бумага, встречающаяся в рукописях нашей коллекции – и единственная, произведенная в Тобольске. Два других сорта бумаги из рассматриваемого сборника имеют водяные знаки: "ВФ [в волнистом прямоугольнике] || СТ [в волнистом прямоугольнике]" (л. 29, 30)¹³ и ВФСТ (л. 26–27, 49–50, 96, 101, 105, 108, 110–111, 114–116) – это маркировочные знаки Вологодской фабрики содержателя Торунтаевского¹⁴. В остальных рукописях отсутствуют какие-либо данные, указывающие на время написания текста. Кратко охарактеризуем бумагу, использованную для них.

⁶ Расшифровку литер см.: Клепиков С.А. Филигранные и штамповые знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века: М., 1959. № 151. 1765–1776 гг.; Кукушкина М.В. Указ. соч. 309.

⁷ Клепиков С.А. (1959). № 142. 1790, 1798, 1802 гг.

⁸ Там же. С. 20. № 6. 1781–1786 гг.

⁹ Клепиков С.А. (1978). № 752. 1783, 1784, 1785, 1786, 1788, 1789 гг. Внутри сборника В-777 бумага с "белой датой" распределяется следующим образом: л. 67–109 – 1782 г., л. 110–143 и 221–222 – 1785 г., л. 144–163, 177–189 и 223–233 – 1789 г., л. 168–173 – 1788 г., л. 193–199 – 1779 г., л. 217–220 и 239–264 – 1787 г.

¹⁰ Этим почерком написаны статьи на л. 110–304 об.

¹¹ Л. 1–22, 28–29, 31–30, 35, 51–65 с датой 1780 г., л. 24–25 с датой 1791 г., л. 34, 37 с датой 1787 г., л. 102–104, 106–107, 109, 112, 117–239 с датой 1779 г. Идентифицируется по: Клепиков (1959). № 576. 1779 г. На л. 38–39, 40–48, 97–100 дата не просматривается.

¹² Идентифицируется по: Клепиков (1978). № 744. 1758 г.

¹³ Идентифицируется по: Клепиков (1959). № 151. 1765–1776 г.

¹⁴ Идентифицируется по: Там же. № 153. 1780–1784 гг.

В Псалтири с дополнительными статьями из Пролога и др. (В-5610) бумага двух сортов: "СТ || ФП" с датами 1784, 1785 гг. (Л. 1–129, 139–185, 198–246 с "белой датой" 1784 г.; л. 130–138, 186–197 с "белой датой" 1785 г.) (это бумага туринской фабрики) и "БМ || ЯТ" (л. 247–275), расшифровки этих литер у С.А. Клепикова нет.

Псалтирь (В-5524) также написана на бумаге двух сортов: "СТ || ФП" с датами 1783, 1784 гг.¹⁵ и с гербом Ярославля (тип 5) и литерами "ЯМСЯ" (л. 1–39, 89–105) – это бумага Ярославской мануфактуры Саввы Яковлева¹⁶.

Месяцеслов с Пасхалией (В-5459) дает нам примеры Туринской бумаги с литерами "СТ || ФП" и "белой датой" 1797 г. (л. 1–56) и с литерами "ВСМ || СФР", "белой датой" 1795 г. и гербом Вятской губернии (л. 57–93). Это бумага Вятской слободской мельницы содержателя Филата Рязанцева¹⁷.

В Месяцеслове с Пасхалией и выписками из Устава (В-5465) возможно идентифицировать только одну из просматривающихся филиграней: это "СТ || ФМП" [сложные вензели] (л. 1–163, 182–197). Вторая филигрань (л. 164–181) не поддается идентификации, так как герб и литеры сильно обрезаны.

Наконец, Сборник молитвенно-уставного характера (В-5503). Здесь просматривается пять сортов бумаги. Во-первых, "Pro Patria H. Veyrlink || GR на щите под короной"¹⁸; кроме того, "ВМС || АПБ" с "белой датой" 1786 г. и гербом Вятской губернии (л. 24–49, 52–53, 56–57) – это знак Вятской мельницы содержателей А. Прасковьи Бедаревой¹⁹, а также герб Ярославля (тип 8) и литеры "ЯМВСЯ" (год не просматривается) – знак Ярославской мануфактуры внуков Саввы Яковлева²⁰. Филигрань: "орнамент в картуше" и лигатуры "РФ" и "ФК" (л. 79–82) у Клепикова не расшифрованы. И, наконец, имеется бумага с вензелями "СТ || ФМП" (л. 64–78), такими же, как и в рукописи В-5465. Отметим, что у Клепикова (1978. № 747. С. 82, примеч. 440) опубликованы более крупные вензели. Кроме того, в этой рукописи встречается бумага еще, как минимум, одного сорта, голубая, не поддающаяся идентификации (л. 1–19, 50–51, 54–55, 58, 63).

Попробуем теперь проследить закономерности применения сибирской бумаги в имеющихся в нашем распоряжении рукописях. Только в трех случаях сибирская бумага встречается в них в виде массивов: В-5459 (л. 1–56), В-5503 (л. 64–78) и В-5610 (л. 1–246), причем в последнем случае этот массив составляет наибольшую часть рукописи. В первом и третьем случаях (В-5459 и В-5610) имеем дело с рукописями, целиком написанными одним и тем же почерком. В рукописи В-5503 сибирская бумага использовалась только последним из четырех писцов вместе с бумагой и водяным знаком "РФ || ФК" (лигатуры в картушах).

Выделяется рукопись В-820, где массивом идет тобольская бумага (л. 240–250), на которой пишут два последние писца. Это часть рукописи явно инородна и подшита позже; более существенная по объему часть сборника (л. 1–239) написана писцом № 1 на бумаге разных сортов, в том числе и на туринской. В ней листы расположены без закономерности их чередования.

Отсутствует закономерность в расположении бумаги, различной по происхождению, и во всех остальных рукописях (В-5465, В-5524, В-1126 и В-777). Правда, несколько более упорядоченно бумага расположена в Уставе (В-5465): она составляет два больших массива (л. 1–163 и 182–197) с небольшим вкраплением бумаги с неидентифицированной филигранью (л. 164–181).

¹⁵ Л. 40–40, 106–135 с "белой датой" 1783 г. Л. 71–88, 136–162 с "белой датой" 1784 г.

¹⁶ Расшифровку литер см.: Клепиков (1959). С. 71.

¹⁷ Расшифровку литер см.: Там же. С. 43.

¹⁸ Л. 20–23. Расшифровки этих литер у Клепикова нет.

¹⁹ Расшифровку литер см.: Клепиков (1959). С. 43.

²⁰ Л. 59–62. Расшифровку литер см.: Там же. С. 70.

Как видно, в части рукописей (В-5459, В-5503, В-5610, часть В-820, возможно В-5465) изначально использовалась сибирская бумага, а потом к ней была докуплена бумага другого производства. В остальных же рукописях использование разных сортов бумаги носит явно хаотический характер.

Чаще встречается бумага Туринской бумажной фабрики, причем произведенная в тот период, когда она находилась в собственности М. Походяшина. Нет ни одной рукописи, которая была бы написана исключительно на сибирской бумаге. Вместе с ней применяется бумага, произведенная в Вологде, Вятке и Ярославле. Возможно, это было связано с тем, что торговая ориентация Сибири в европейской части России была традиционно направлена к северу от Москвы.

Наличие датированных рукописей, написанных на территории Сибири на бумаге как из Европейской части России, так и сибирского производства с "белой датой", дает некоторое представление о сроках залежности бумаги разных сортов в Сибири. Интересно, что в рассмотренных единичных случаях сроки залежности привезенной из европейской части России и сибирской бумаги совпадают, для сибирской бумаги они даже несколько больше.

Только одну из рассматриваемых рукописей (В-1126) можно с уверенностью определить как написанную на территории Сибири. Остальные могут быть признаны сибирскими по происхождению лишь с некоторой долей вероятности. Однако следует обратить внимание, что широкая продажа сибирской бумаги в европейской части России представляется маловероятной. Известно, например, что в 1833 г. вся продукция Туринской бумажной мануфактуры, находившейся тогда в собственности семьи Панаевых, разошлась в Туринске и на Ирбитской ярмарке²¹. В Сибири же сбывали свою продукцию владельцы Тобольской бумажной мануфактуры²². Следует помнить также и о сравнительно небольших размерах и масштабах производства сибирских мануфактур. К сожалению, нет данных относительно бумаги, вырабатываемой на Туринской фабрике в тот период, когда фабрика принадлежала М. Походяшину. Известно, однако, что при его предшественнике – Коновалове, – например, в 1765 г. было выработано 2300 стоп бумаги в год. При Панаевых, которым продал фабрику Походяшин, в 1797 г. вырабатывалось 2986 стоп бумаги в год²³.

Для сравнения можно сказать, что при продаже С.Я. Яковлеву П.И. Репниным бумажной фабрики в с. Плещеево Ярославской губернии, в 1776 г. была составлена опись фабричного имущества и в числе прочего там говорилось о наличии на складе "12118 стоп бумаги (из них 2612 готовой)"²⁴. В начале XIX в. эта фабрика, находившаяся уже в собственности Яковлева, выпускала десятки тысяч стоп бумаги в год. Как видим, размеры производства различаются на порядок. Если же учесть, что, помимо русской бумаги, в европейской части России имелась еще и бумага привозная, становится ясно, что вряд ли сибирские бумажные мануфактуры ставили в качестве серьезной цели завоевание рынка в европейской части России. Свою продукцию они сбывали все же, в основном, в Сибири. Поэтому рукописи на бумаге сибирского производства логичнее считать написанными на территории Сибири. Хотя, безусловно, этот сложный вопрос требует более детальной разработки.

Для дополнительной характеристики бумаги сибирских фабрик, находившейся в нашем распоряжении в составе рассматриваемых сборников, необходимо добавить следующее. Бумага с литерами "СТ II ФП" и вензелями "СТ II ФМП" и "белыми датами" с 1783 по 1786 г., встречающаяся практически во

²¹ Учаскина З.В. Указ. соч. С. 94.

²² Там же. С. 90.

²³ Там же. С. 93.

²⁴ Клепиков С.А. Филигранные бумажной фабрики в с. Плещеево Ярославской губернии и уезда (1753–1879) // СА. 1973. № С. 24.

всех перечисленных рукописях, – без понтюзо, с одними вержерами. Факт сам по себе достаточно примечательный. Имеются, как минимум, две разновидности бумаги без понтюзо. Одна характеризуется наличием 12 вержеров на 1 см, более тонкая и лучше обработана²⁵; другая – более плотная, более грубой выделки, с 7–8 вержерами на 1 см²⁶, интересно, что по 7 вержеров на 1 см приходится на крайние вержеры, а там, где приплетены литеры, обозначающие принадлежность фабрики, – 8 вержеров на 1 см.

Бумага без понтюзо встречается с "белыми датами": 1780, 1783–1789 гг., возможно 1791 и 1792 гг. (даты плохо просматриваются). За исключением двух последних дат, остальные целиком укладываются в период, когда владельцем фабрики был М.М. Походяшин. Встречается в этот период и бумага с понтюзо, но они нередко носят странный характер: например, слишком широко расставлены (до 5–6 см), либо просматриваются только на части листа, затем исчезают (видны как с края листа, так и в середине, как рядом с литерами и датой, так и достаточно далеко от них).

Не совсем понятно, чем было вызвано появление бумаги без понтюзо. Подобный шаг вызывает вопросы в первую очередь с точки зрения технологической целесообразности. Очевидно, что сетка из одних вержеров, не скрепленная понтюзо, будет гораздо менее устойчивой. Со временем вержеры должны расшататься, что приведет к быстрому ослаблению и распаду дна бумажной формы. Кстати, на многих листах прослеживаются начальные этапы этого процесса: отпечатки находящихся рядом вержеров разной степени четкости и разной толщины. К сожалению, в нашем распоряжении был слишком незначительный по объему материал, поэтому делать какие-либо обобщения пока невозможно, но сам по себе факт обнаружения бумаги без понтюзо в рукописях XVIII в. представляется достаточно редким.

Закончить этот краткий обзор хотелось бы предложением уделять больше внимания рассмотрению не только производства, но и использования бумаги провинциальных российских фабрик. Это может дать довольно интересные результаты.

²⁵ Пробные измерения произведены: В-1126. Л. 204, "белая дата" 1786 г.

²⁶ Пробные измерения произведены: В-777. Л. 239, 240, "белая дата" 1787 г.

Л.А. Кикнадзе

"СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ" И ЕГО ГРУЗИНСКИЙ ПЕРЕВОД

"Словарь Академии Российской" (САР), издание которого осуществилось в конце XVIII в. с участием известных ученых и писателей – Г. Державина, Д. Фонвизина, М. Хераскова, И. Болтина, Е. Дашковой, И. Елагина, И. Лепехина и других, представляет собой фундаментальный труд, отражающий "своеобразное описание системы" русского литературного языка второй половины XVIII в.¹ САР нормативный толковый словарь, состоит из шести частей и содержит свыше 40 тыс. слов. В.Г. Белинский считал создание словаря "истинным подвигом", а Н.М. Карамзин относил его "к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев"².

САР известен по двум изданиям. Первому изданию посвящается специальная работа И.Ф. Рудаковой, в которой подробно описывается история создания словаря, использованные источники, литература и принципы, которые легли в основу труда, и наконец, оценка словаря.

Во второй половине XVIII в. постепенно теряла свое значение и влияние теория о трех стилях М.В. Ломоносова и "лишь начинали складываться новые общелитературные нормы"³. В такой обстановке, по словам Рудаковой, составители "поставили перед собою труднейшую задачу – задачу стилистической характеристики слова в словаре"⁴. Практически это осуществлялось делением в словаре лексики разговорного языка на "просторечную" и "простонародную", противопоставляя им лексику высокого стиля, помеченную квалификацией "Сл[авянское]". В словаре встречаются также и другие квалификации: "устаревшее", "старинное", "ныне мало употребляется".

Основное ядро Словаря составляет нейтральная лексика, т.е. такая, которая применялась во всех стилях речи. В словаре много биологических и геологических терминов – названия животных, растений, минералов, камней. Там же зафиксированы лексика "этнографического плана", фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, много производных слов, в частности, глаголов несовершенного вида с инфинитивом, искусственных форм существительных, оканчивающихся на -не, -ние, -ик, -чик, -щик, -льщик. Обилие существительных на -не, -ние объясняется ориентацией составителей словаря на церковнославянские тексты, в которых такие формы встречаются довольно часто, но зато очень редко в разговорной речи. Так же редко применялась в разговоре лексика, помеченная в словаре квалификацией "Славянское" [Сл.], так как была необычной для языкового употребления. По определению Рудаковой, под квалификацией "Славянское" подразумевались старославянские, древнерусские и заимствованные слова из греческого и латинского языков, употребляемые в церковных книгах.

¹ Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6; 2-е изд. СПб., 1806–1822.

² Карамзин Н.М. Сочинения. СПб., 1835. Т. IX. С. 268.

³ Рудакова И.Ф. Словарь Академии Российской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. С. 19.

⁴ Там же.

В отличие от прежних традиций составления словарей в САР увеличено количество "просторечной" и "простонародной" лексики, т.е. устная разговорная речь "от слов нейтральных до слов с яркой, часто с грубой экспрессией"⁵ и диалектические формы.

Надо отметить, что составители словаря сознательно оставили без внимания иностранную лексику, эквивалент которой существовал в русском, и отразили в словаре только укоренившиеся иностранные слова, в том числе и галлицизмы, хотя в разговоре употреблялось множество французских слов. Эта ориентация составителей словаря на сокращение в употреблении иностранных слов была своевременной, хотя не соответствовала действительному положению вещей.

В словаре почти во всех случаях к иностранным словам приписаны происхождения, а к биологическим терминам – их латинские названия. Кроме того, дается грамматическая характеристика слова: к какой части речи оно относится, к именам существительным – род и родительный падеж. В первом издании основная форма глагола – 1-е лицо настоящего времени – напечатана крупным шрифтом.

По некоторым признакам издания отличаются друг от друга. Это в первую очередь касается расположения слов в словнике. В первом издании слова расположены по гнездовому принципу, т.е. вместе собраны и истолкованы слова, производные от одного корня. Гнездовой принцип усложнял пользование словарем, поскольку трудно было найти желаемое слово. Поэтому в конце каждой части (в первой части впереди) дается список входящих в словарь слов, расположенных по алфавиту, с указанием страниц и столбцов.

Во втором издании слова расположены по алфавитному порядку, что намного облегчало пользование словарем. По нашим наблюдениям, во втором издании меньше искусственных форм и славянских слов. Часть биологических терминов заменена другими терминами из "трех царств природы". Толкование целого ряда слов различны, некоторые сокращены или, наоборот, увеличены. К именам существительным добавлены виды склонения, к глаголам – спряжения.

Что касается толкования слов, в основном использованы различные типы смысловой характеристики. Встречаются и другие виды определений, например, одна часть имен существительных разъяснена филологическим определением, вторая – синонимами, третья – полуграмматическим определением, а четвертая часть (в большей степени производные слова) – грамматическим. Несмотря на то, что слова с одинаковыми структурно-семантическими особенностями толкуются по-разному, все же это считается недостатком словаря. И.Ф. Рудакова придает труду большое значение, так как "типы и модели смысловой характеристики слова, выработанные в Словаре Академии Российской, являлись базой для разработки более совершенных видов определений во всех последующих толковых словарях"⁶. Поэтому САР имеет не только историческое значение, он бесценен и сегодня. "Хотя Словарь Академии Российской 1789–1794 г. был первым русским толковым словарем, своего значения он не утратил до настоящего времени и не только как памятник, отражающий состояние литературного языка на определенном этапе его развития, но и как законодатель целого ряда лексикографических принципов, которые были использованы составителями всех последующих толковых словарей"⁷.

Из общей характеристики САР, видно, что дело имеем с уникальным трудом и не удивительно, что этот словарь сразу после издания оказался в центре внимания грузинских деятелей, в первую очередь царевичей, высланных после упразднения государственности Грузии царским правительством в Россию. Как

⁵ Рудакова И.Ф. Указ. соч. С. 12.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 18.

известно, деятельность грузинских царевичей в России совпадает с ростом влияния просветительской идеологии, изучением и распространением наследия французских энциклопедистов. В Петербурге, где просветительские идеи пользовались большой популярностью, грузинские царевичи, оторванные от государственного поприща, сразу по приезде в столицу России принялись за энциклопедическое образование. Углублено изучая многие отрасли науки и искусства, они расширили свои знания по философии, эстетике, медицине, математике, физике, химии, языкознанию, лексикографии, истории, праву, военному делу, музыке, живописи и др.

Интерес к словарю, которым еще с 1799 г. Давид и Иоанн царевичи (Багратиони) пользовались для пополнения грузинского словаря С.С. Орбелиани, перерос в желание перевести этот уникальный труд на грузинский язык. И вот в 1807 г. Иоанн Багратиони начинает эту кропотливую и трудоемкую работу, с целью быть полезным своим соотечественникам в освоении ими русского языка. В таком словаре особенно нуждались переводчики с русского языка на грузинский, которые под руководством царевича переводили важнейшие книги для Грузии: словари, учебники (по физике, математике, химии...), лечебники, философские сочинения, содержащие прогрессивные идеи французских просветителей, художественную литературу виднейших русских и европейских авторов. Иоанн царевич, руководивший культурно-просветительной работой грузинской колонии в Петербурге, искал и находил в бездне русской и переводной литературы полезные книги для грузинского читателя, к числу которых относился и САР.

Надо подчеркнуть, что с переводом САР грузинская словесность обогатилась двумя словарями: один Русско-грузинский, содержащий свыше 40 тыс. слов, другой Русско-грузинский толковый по природословию, содержащий около 2500 терминов⁸. Перевод этих словарей на протяжении 170 лет приписывался Иоанну царевичу. Как уже отмечалось, он начал перевод САР в 1807 г., но его работу продолжил и окончил не он. Собственно об этом пойдет речь ниже.

В 1984 г. в ЦГИА СССР нами был выявлен интересный материал, проливающий свет на весь процесс перевода САР. Из этого материала надо выделить официальные письма Иоанна царевича и Василия Чилаева (Чиладзе), в которых прямо назван переводчик этого уникального труда Василий Матвеевич Чиладзе. Несколько слов о нем. В истории грузинской письменности В. Чиладзе известен как переводчик ряда произведений с русского языка. Его знали и почитали как одного из приближенных Иоанна царевича, под руководством которого целая группа грузинских деятелей вела культурно-просветительную работу на благо родины. Из переводов Чиладзе заслуживает внимания: "Генеральный регламент Петра I-го" (1803); "Законы Российской империи" (1804) (за эти переводы, работая в Коллегии иностранных дел переводчиком, он дважды был награжден бриллиантовыми перстнями); "Краткое руководство к рисовальному искусству" С. Прейслера (1804); "О должностях человека и гражданина" С. Пуфендорфа (дата перевода неизвестна). Имеется сведение⁹, что Чиладзе перевел с грузинского на русский язык "Законы Вахтанга VI-го", что стоило ему "долговременного труда". К сожалению, рукопись пока не обнаружена.

После назначения Чиладзе на пост прокурора Грузино-Имеретинской Синодальной конторы (1814–1828) у него не оставалось времени для переводческой деятельности, так как он целиком был занят реформами в духовной сфере Грузии.

⁸ Русско-грузинский словарь сохранен в двух списках: один находится в Институте рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузии (Н 2328), второй – в Санкт-Петербурге, в РНБ (отделение рукописей, коллекция Иоанна царевича № 272 а, б, в, г, д, е). "Природословие" хранится в Институте рукописей АН Грузии (S 3986).

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1811 г. Кн. 32. Д. 296.

Вернемся к доказательствам авторства Василия Чиладзе. Из упомянутых выше особенно ценными являются три письма Иоанна царевича (т.е. особы, которому приписывался перевод "Словаря Академии Российской") к высшим чиновникам царской России: А.К. Разумовскому и О.П. Козодавлеву. Письмо, адресованное тогдашнему министру народного просвещения Разумовскому, приводим целиком:

1814 г. 3 марта

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Как поводом народного благополучия бывает всегда народное просвещение и образование умов, вводя людей в благоденствие, возводит их вместе с тем на верх счастья, то по сему из любви к Отечеству моему по скудности ученых или классических книг на грузинском языке, по причине частого разорения в прежние края того нашествием неприятелей, предположил я перевесть с российского на грузинский диалект словарь в шести томах состоящий, как первый фундамент или самонужнейший материал всей словесности, к исполнению чего возложил я сии дела на надв[орного] советника Чилаева, жительствоющего Кавказской губернии в гор. Моздоке, как на человека никакою службою не занятого и весьма основательно, по личной мне известности, сведущего в том и другом диалекте.

Г. Чилаев с самого прибытия своего в здешнюю столицу, т.е. с прошлого 1812 года, по поручению от меня занимался сим общепользным упражнением денно и ночью в виду моем, который расположил по новой лучшей системе алфавитного порядка и окончив совершенно, ныне представил ко мне.

Остается теперь мне распорядиться только к изданию сего перевода в свет в пользу российских раненых инвалидов, каковое предположение надеюсь я в непродолжительном времени произвесть в самое действо. Но прежде, нежели приступлю я к сему, первейшим и истинным долгом поставляю себе, Сия[ельнейший] Граф, отдавая истинную справедливость как долговременным, так и толико полезным трудам н[адворного] с[оветника] Чилаева, подъятым им в переводе шести книг Академического Словаря, составляющего общепользный предмет словесности для воспитывающегося юношества во всемиловейше открытом в Грузии для дворянства благородном училище, по неимению для воспитанников Лексикона с Российским переводом, толико в оном нуждающемся, всепокорнейше просить Ваше Сиятельство о исходатайствовании ему, Чилаеву, у Государя Императора приличного трудам его вознаграждения, как в воздаяние помянутых трудов его, так и в самое поощрение на будущее время к подобным упражнениям, тем более, что весьма мало имеется людей надежных, могущих переводить искусно на сии языки классические книги.

Н[надворный] с[оветник] Чилаев в настоящем его чине состоит с начала прошлого 1808 года, знака отличия никакого не имеет и с прибытия его в здешнюю столицу из Грузии, где он был советником в Палате Суда и Расправы, он уже не на службе. Поведение он прямо соответствующего званию своему, по сему, повторяя просьбу мою, всепокорнейше прошу, Ваше сиятельство, почтить меня исходатайствованием за сие соответственного ему воздаяния, каковое приму от Вашего Сиятельства одолжение.

В надежде Вашего снисхождения к справедливому моему о г. Чилаеве у Вашего С-а предстательству с совершеннейшим почтением и преданностью имею честь быть, Сиятельнейший граф, мой государь, В. Сиятельства покорнейший слуга

Царевич Грузинский Иоанн¹⁰

Как видно из письма, Василий Чиладзе, приехав в Петербург в 1812 г., начал работу над переводом¹¹. По поручению Иоанна царевича и, работая "денно и ночью", окончил его "с желаемым успехом". При этом расположил слова по

¹⁰ Там же.

¹¹ Изучение рукописи словаря (Н 2328) показывает, что прежде, чем продолжить начатую Иоанном работу, Чиладзе занялся правкой перевода царевича, многое перечеркнув, заново перевел русские толкования, в оставленное внес правку. Очевидно, что царевич в это время не владел русским языком в достаточной степени.

алфавиту (чего русский словарь не имел), и в законченном виде представил Иоанну для издания. Последний подчеркивает профессионализм переводчика – основательное знание обоих языков и малочисленность таких сведущих людей, "могущих переводить искусно на сии языки классические книги". За такой тяжкий и успешный труд, проделанный в невероятно сжатые сроки, Иоанн требует от русского правительства вознаграждения Чиладзе. Об этом просит он и О. Козодавлева в письме, по содержанию идентичном приведенному выше: "Осмеливаюсь просить... дабы не мог оставаться столь долговременный и общепользительный труд н[адворного] с[оветника] Чилаева без всемилостивейшего воззрения"¹².

Иоанн хорошо понимал, что награждение Чиладзе было бы и признанием результатов его трудов и большим стимулом для его дальнейшей переводческой деятельности. На прошение Иоанна Разумовский известил его (7 марта 1814 г.), что он хорошо понял заслугу Чиладзе, "исполнившего такое важное дело", и вошел в кабинет министров с предложением о награждении.

Как видно, прошение Иоанна царевича и попытки Разумовского не увенчались успехом, и в июле того же года Иоанн вновь отправляет письмо в соответствующее ведомство. Приведем фрагмент: "Не имея повода к новому возложению на сего преподобного чиновника других интересных поручений по неполучению им еще помянутые его достохвальные подвиги вознаграждения, осмеливаюсь повторить всепокорнейшую прежнюю мою просьбу..." И потом продолжает: "Дабы не терять времени можно было мне занять чиновника сего и другими полезными для общего блага Отечества препоручениями"¹³. Разумовский опять сообщает Иоанну о своих попытках с целью ускорения дела, но, как позже выяснилось, безуспешно.

В декабре того же года Иоанн царевич вновь отправляет письмо с просьбой о награждении переводчика САР Чиладзе и упоминает его, как назначенного прокурором в Грузино-Имеретинской святейшей Синодальной конторе г. Тбилиси.

Такое упорство Иоанна добиться награждения Чиладзе свидетельствует о том, что он прекрасно понимал тяжесть его "достохвальных подвигов" и значение результата перевода. Нам остается только удивляться, как смог Чиладзе в течение двух лет выполнить такую огромную работу. Видимо, слова Иоанна, что он работал "денно и ночью" – чистая правда. Это подтверждает и письмо самого В.М. Чиладзе к А.Н. Голицыну (министр духовных дел и просвещения) от 26 ноября 1815 г. в котором подробно описывает его труд в процессе перевода словаря:

"...Сиживал при сем упражнении для общей пользы по 18-ти часов в сутки, не вставая с места... Чрез которые не только получил я от обыкновенного сидения болезни, но и потерял половинного зрения...", и что этот русско-грузинский словарь создан "пóтом и неимоверными трудами..."¹⁴ О роли Иоанна царевича в создании русско-грузинского словаря Василий Чиладзе пишет следующее: "В преложении сего словаря трудился единственно я только один без всякого со стороны кого-либо пособия, кроме его самого Царевича, который отыскивал мне иногда некоторые слова грузинские..."¹⁵

Как уже отмечалось, перевод САР был окончен в марте 1814 г. и Иоанну оставалось "распорядиться только к изданию сего перевода". Это не пустые слова, подтверждением служит документ, адресованный Министерству просвещения, содержащий просьбу царевича о выделении ему займа или из его капитала 30 тыс. руб. для издания русско-грузинского словаря. В документе

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 118. 1814 г. Д. 283.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 796. Оп. 96. 1815 г. Д. 78.

¹⁵ Там же. Ф. 797. Оп. 2. 1818 г. Д. 9085.

переводчиком САР уже назван сам Иоанн царевич: "...Между прочими занятиями успел перевести на грузинский язык Академический словарь, переложил оный для удобнейшего изыскания всех слов по азбучному порядку, каковой словарь не имеет"¹⁶.

Это объявление Иоанна неудивительно по следующим причинам. В то время разрешение на издание словаря мог получить только известный и состоятельный человек, каким и был Иоанн царевич¹⁷. В отличие от царевича Чиладзе не имел ни имени, ни состояния и не мог даже мечтать об издании словаря под своим именем. Поэтому в прошении объявление перевода под именем Иоанна царевича нам представляется понятным и оправданным, тем более, что царевич имел определенную заслугу как инициатор и руководитель перевода.

Добавим, что Чиладзе не был против этого, если бы отметили его труд. Об этом он писал Голицыну: "Его Сиятельство имеет желание ...издать словарь сей под единственным своим именем, что охотно я с моей стороны ему и уступаю, лишь бы не были труды мои чрез то оставлены без внимания..."¹⁸ Подразумевалось, что в Предисловии словаря фигурировало бы имя В. Чиладзе. Это подтвердил новоявленный документ, представляющий собой Предисловие к словарю, написанное рукой самого Чиладзе. Приведем отрывок: "Предположил я перевести с российского на грузинский язык Словарь Российский, состоящий из шести частей, и первый фундамент всей словесности содействием г. надвornого советника Василия Чиладзе". Но словарь не был напечатан несмотря на неоднократные попытки¹⁹, неизвестным осталось и это Предисловие, где фигурировало имя подлинного переводчика. А в рукописях словарей по воле самого Чиладзе, перевод САР приписывался Иоанну царевичу в знак уважения и благодарности, так как Чиладзе с семьей (женой и детьми) жил в его доме на попечении царевича. Отсутствие имени подлинного переводчика в рукописях сулило Чиладзе полное забвение в грядущих поколениях (и это оправдалось), что прекрасно понимал и он сам. Чиладзе постарался вернуть себе потерянное авторство русско-грузинского словаря своими прошениями к высшим официальным лицам.

Благодаря этим новым документам, куда входят и письма Иоанна царевича, а так же дошедшие до нас некоторые высказывания современников В. Чиладзе (Экзарха Феофилакта и горийского епископа Досифея) о его работе над словарем, нам удалось восстановить подлинную картину перевода "Словаря Академии Российской", что и дало возможность отвести достойное место в истории грузинской лексикографии незаслуженно забытому переводчику этого словаря Василию Матвеевичу Чиладзе.

¹⁶ Там же. Ф. 1263. Оп. 1816 г. Д. 102.

¹⁷ Заметим, что русское правительство ему выделило 100 тыс. руб. для покупки поместья в России взамен утерянного состояния в Грузии.

¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. 1818 г. Д. 9085.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Кикнадзе Л.А.* Новые сведения о русско-грузинском словаре, приписываемом Иоанну царевичу // *Журнал Мацне. Сер. языка и лит-ры (Тбилиси).* 1984. № 4. С. 5–22 (на груз. яз.).

Н.Г. УСТРЯЛОВ КАК ПУБЛИКАТОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII ВЕКОВ

Русская историография XIX в. наполнена множеством сюжетов и персоналий, концептуальная значимость которых в "главных течениях исторической мысли" кажется несущественной или трудноуловимой. К числу подобных сумеречных, фоновых историографических стаффажей принадлежит Николай Герасимович Устрялов (1805–1870): таков незавидный удел "служителей Клио", нарекаемых эпигонами¹. Лишенные самостоятельного интереса, их труды покоятся на тихом "кладбище" исторической литературы. Но случай с Устряловым не столь однозначен.

При всей кажущейся маргинальности Устрялова надо признать – это все же не С.В. Руссов. Один из немногих настоящих профессиональных историков середины прошлого века, академик Устрялов стоял у истоков деятельности Археографической комиссии, четверть столетия занимал кафедру русской истории Петербургского университета; его издания долго служили настольными книгами для специалистов в России и за рубежом. Да и сам факт "эпигонства" Устрялова, чей опыт исторического письма некогда выставлялся за образец того, как не следует писать историю², бытует в качестве декларации, давно утратившей свою очевидность и первоначальный смысл.

Здесь появляются вопросы, в которых предстоит разбираться.

Как получилось, что Устрялов выпал из историографии даже того идейного направления, к которому принадлежал? Такой ли уж он "эпигон"? У него нет высоких интеллектуальных построений, но так ли он плох? Горстка рецензий или откликов современников и частных замечаний позднейших авторов³,

¹ См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.; Л., 1941. С. 414.

² Его третировали открыто и за глаза, особенно на закате карьеры, находя в нем козла отпущения официальной историографии. Известны и другие убийственные характеристики высшими учеными авторитетами XIX в. отдельных штудий Устрялова. А вот характерный образец антиустряловских инвектив, распространенных в среде просвещенных обывателей 1840-х годов: «Я очень уважаю... полезные книги, изданные вашим профессором: мастер издавать книги! Я помню, как он печатал перевод своего брата "Состояние Российской державы" Маржерета... [см. С. 17, примеч. 29]. Потом он издал переводы, сделанные для покойного историографа, двух весьма важных рукописей; одну Карамзин по ошибке (как теперь обнаружилось) назвал летописью Бера – под этим именем она напечатана и у г. Устрялова... – как же не благодарить за все это Николая Герасимовича? – Ну а записки Паерле? Они хотя и не так важны, но все же довольно замечательны. Не издай их г. Устрялов, они могли бы совсем утратиться, ибо подлинник доньше еще не издан и перевод их был делан для Карамзина с рукописи, находящейся в Германии. Спасибо, великое спасибо г. Устрялову за то, что он приобрел и напечатал все это... Высшая историческая критика не его предмет – он за нее и не брался; его дело было – издать, напечатать книгу, и он отлично исполнил это – даже присоединил кое-какие заметки, очень полезные, из примечаний к "Истории" Карамзина, а ко второму изданию несколько новых актов, отысканных в Литовской метрике. Если б у нас было таких почтенных издателей поболее, русская история приобрела бы множество препозлезных материалов. – Но что же вы ничего не скажете о собственных сочинениях г. Устрялова? – Из уважения к полезной деятельности его как *издателя*, я умолчу о его *сочинениях*...» (Современные исторические труды в России... Письма А.В. Александрова к издателю "Маяка". СПб., 1845. С. 2–3).

³ Последняя из них относится к 1909 г. См.: История исторической науки в СССР: Дюктябрьский период. Библиография. М., 1965. С. 398–399. Даже М.О. Коялович, "несмотря на большой вызов",

вырываемых из контекста меняющегося времени, только затемняют вопрос. Устрялов никогда не отвечал на критику и вообще не вступал ни в какие полемики (вещь в России сама по себе довольно редкая). Отчужденный, замкнутый образ жизни – следствие перенесенной психической травмы – не позволял ему близко сходить с людьми. Как это всегда бывает, отсутствие достоверных сведений о состоянии и личных делах коллеги питало в ученом сословии и за его пределами всяческие, впрочем не лишённые правдоподобия, слухи (компрометантные обстоятельства, якобы сопутствовавшие "баснословной" карьере Устрялова, "ермоловская история" и пр., некогда были притчей во языцех). Смерть уже давно ушедшего на покой историка оставила общество равнодушным; никому кроме сына не пришлось в голову напечатать о нем и строчки воспоминаний (два-три дежурных некролога не в счет): "de mortibus aut bene aut nihil". Даже Академия не проявила интереса к бумагам своего давнего члена. Его "Воспоминания", опубликованные посмертно (1877, 1880), похоже никто никогда не читал. С тех пор Устрялов становится фигурой умолчания; холодное безразличие к нему входит в прочную историографическую традицию.

И все же сделанное Устряловым вынуждало знатоков время от времени признавать за его трудами "высокие достоинства археографические". Действительно, ученая биография Устрялова неразрывно связана с публикаторской деятельностью. Устряловские издания ценнейших источников отечественной истории эпохи Ивана Грозного, Смуты, Петра Великого, сохраняли свое значение вплоть до самых последних десятилетий. Впрочем подобные признания всегда носили характер попутных, самых общих оценок, с которыми к тому же не особенно и считались. Более или менее очевидные черты профессионального мастерства ученого скрывала густая тень его сомнительной общественной репутации. Как бы то ни было, именно культура работы с историческим документом возносила Устрялова на высоту своего времени – эпохи классического позитивизма, с его задачей рассказать "как это было на самом деле".

* * *

О "трудах, заботах и попечениях", стбоящих в России издателю книги – публикации исторического памятника, прочувствованно писал на рубеже 20–30-х годов XIX в. М.П. Погодин: "Отыщи подлинник, который, добыча мышей и моли, хранится, разумеется, за семью замками; многими просьбами и поклонами достань его себе на подержание, исходатайствуй позволение перевести его, переведа, повтори те же искания за объяснениями и дополнениями, вытерпи несколько отказов и отлагательств, погуби множество драгоценных часов в напрасных унижительных ожиданиях. Потом выдержи тлетворный взгляд книгопродавца на твою рукопись, дай ответ на нелепые его возражения, рассмейся скромно на унижительное его предложение; потом объясни, кому следует, места сомнительные и напиши дрожащею рукою осуждение самому себе; наконец, натяни последние силы и напечатай на свой счет книгу; поклонись еще журналистам, чтоб объявили о ней с одобрением и дожидайся – сносного наклада"⁴. Горькие слова Михаила Петровича – отнюдь не литературное преувеличение. Однако интересно то, что публикаторская практика Устрялова служит их полным опровержением.

Все началось с перевода и издания осенью 1830 г. старинного сочинения о России служилого француза капитана Жака Маржерета. Небольшая книжка (200 с. в восьмерку, ценою 5 руб.) произвела впечатление на читающую публику

по его собственному выражению, не стал писать об Устрялове, сославшись на свою нерешительность. См.: Коялович М.О. История русского самосознания. 3-е изд. М., 1893. С. 584.

⁴ Погодин М. [Рец.] // Телескоп. 1832. Ч. I. Отд. VII. С. 438–439. Рец. на кн.: Сказания современников о Дмитриии Самозванце. СПб., 1831.

и была живо раскуплена. Поздравляя издателя и переводчика, скрывшегося за инициалами *Н.У.*, с блестящим успехом, "Северная пчела" торжественно возглашала: "Перевод сей книги составляет эпоху в нашей исторической литературе!"⁵ Записки Маржерета приносят Устрялову свыше 2 тыс. руб. дохода и становятся популярным пунктом его биографии, первой ступенью стремительной ученой карьеры, о которой прежде он и не помышлял.

К тому времени 25-летний чиновник IX класса Николай Устрялов, один из 13 детей крепостного управляющего орловскими поместьями князя И.Б. Куракина, Герасима Устрялова, успел закончить историко-филологический факультет Петербургского университета (1821–1824) и прослужить шесть лет в канцелярии Е.Ф. Канкринна по столу департамента внешней торговли, одновременно учительствуя в III-й петербургской гимназии⁶. Полное отсутствие каких бы то ни было перспектив тяготило молодого человека. Будни проходили за приготовлением перьев для министра, разбором корреспонденции, составлением экстрактов и прочей мелкобюрократической рутинной.

На дежурствах случалось коротать время за чтением. Как-то столоначальник "ссудил" его книжкой Маржерета; Устрялов "пленился" ею настолько, что задумал перевести ее на русский язык. Когда эта счастливая мысль пришла ему в голову и сколько времени ушло на перевод и ученую обработку текста, сказать трудно. Имеется лишь глухое упоминание историка о переводе всего Маржерета "еще в канцелярии"⁷, т.е. до весны 1828 г.

Решение публиковать перевод Устрялов принимает, по-видимому, незадолго до 1830 г. В контексте умственных интересов и увлечений тех лет, когда завершался "поворот общественно-литературного интереса в сторону народности" (А.Н. Пыпин), оно выглядит естественным, в какой-то степени дерзким, но вовсе не безрассудным.

Устрялов как раз и был одним из страстных любителей истории, всерьез вовлеченных в этот романтический поворот и искавших в прошлом коренные свойства "благословенного народа русского". "В эпоху самозванцев, – пишет Устрялов, – более, нежели когда-либо раскрылся характер народный: тут явился в полном блеске россиянин, непоколебимый в вере, в законе праотцов, непоколебимый в преданности царю и престолу, но враг всего не русского, ужасный на войне, в пылу страстей, добрый и приветливый в спокойной хижине. И ныне русский народ не изменил, по крайней мере, в главных чертах, сему характеру: его одушевляет та же преданность к вере, к престолу, к обычаям предков, которая спасла Россию от ига иноземцев... та же ненависть ко всему не родному, которая в начале XVII века одних ознаменовала подвигами доблести, других довела до слепого заблуждения, до мрачных злодейств. В истории самозванцев вы узнаете народ со всеми его добродетелями и недостатками"⁸. Для начала 30-х годов такие тексты звучали особенно актуально; не случайно в скором времени безвестный чиновник Устрялов делается любимцем и протеже министра народного просвещения С.С. Уварова.

Наконец, избранное Устряловым направление публикаторской деятельности совпало с всплеском общественного интереса в России к польской теме, вызванного очередным кризисом русско-польских отношений. Обстоятельства благо-

⁵ Северная пчела. 1830. 28 окт.

⁶ Место старшего учителя гимназии Устрялов занял весной 1828 г. На конкурсных учительских испытаниях в гимназии он обратил на себя внимание товарища министра народного просвещения Д.Н. Блудова, который привлек его к разбору кабинетских бумаг Александра I, однако болезнь глаз вынудила Устрялова отказаться от этой работы. См.: *Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 613, 616. (Далее: Устрялов Н.Г. Воспоминания.)*

⁷ *Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 615.*

⁸ Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1831. Ч. I. Предисл. С. IV. (Далее: Сказания.)

приятствовали Устрялову в его начинании, не исключавшим, быть может, и честолюбивые помыслы и конъюнктурные мотивы – прозаическую надежду на коммерческий успех, ввиду явных признаков читательского бума⁹.

Воспоминания историка содержат небезынтересные подробности издания записок Маржерета, якобы имевшие далеко идущие последствия. Готовая рукопись перевода была представлена попечителю Петербургского учебного округа и председателю Цензурного комитета К.М. Бороздину. По просьбе автора она цензуровалась университетским профессором Н.И. Бутырским. Вопреки ожиданиям, опытный Бутырский указал ему на многие "неудобные места" (известные рассуждения Маржерета о русских религиозных святынях, о мощах царевича Димитрия и т.д.), которые, "по их противности православию", следовало бы исключить. Устрялов наотрез отказался купировать текст, и рукопись перешла на рассмотрение в Цензурный комитет, откуда ее сочли за благо переправить министру просвещения. К.А. Ливен также предпочел уклониться от ответственности, передав дело в Комитет министров. В итоге Комитет постановил издавать все исторические сочинения, написанные до конца царствования Петра I, "без всякой перемены и исключений". Так неожиданно разрешилось дело о цензуре записок Маржерета¹⁰.

Детали финансовой стороны издания свидетельствуют о предпринимательских задатках будущего академика. Денег на вздорожавшую тогда бумагу не было¹¹; пришлось упрашивать казначея канцелярии выплатить жалованье за три месяца вперед. Младшему брату Федору, служившему в Главном управлении путей сообщения, удалось договориться с ведомственными типографщиками о наборе и печатании книги в кредит¹².

Сочинение Маржерета вышло в свет в октябре 1830 г.¹³ Десять экземпляров Устрялов сдал на комиссию в книжную лавку А.Ф. Смирдина, один ("в золотом обрезе") передал для поднесения сестре императора, вел. кн. Елене Павловне, два других – В.Ф. Булгарину и М.П. Погодину.

7 октября 1830 г. Устрялов обратился к последнему с просьбой о рецензии: "...благосклонное внимание публики для меня особенно важно: оно подкрепит мое намерение издать лучшие сочинения иноземных писателей XVI века о нашем отечестве, и преимущественно рукописные: Паерле, Бера и др. в подлиннике с русским переводом. Начало сему труду уже издано: продолжение оно будет зависеть от участи Маржерета" (ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 48. Ед. хр. 100. Л. 1–1 об.)

Успех книги превзошел все надежды. Из лавки присылали "непрестанно... за новыми десятью экземплярами на чистые деньги по 5 руб. ассигнациями, с уступкою 20%... Я был в восторге..." – вспоминал Устрялов. Первый издатель-

⁹ См.: Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. С. 144.

¹⁰ Никаких документальных подтверждений этому рассказу нет. Цензурное разрешение Н.И. Бутырского датировано 17 июня 1830 г.

¹¹ В канун 1830 г. Устрялов получил тревожное письмо от матери, сообщавшей о смертельной болезни отца. Экстренная поездка за тысячу верст, похороны ввели Устрялова в непредвиденные расходы. Хотя сразу по возвращении он был определен в университет "лектором русского языка", однако же – "без жалованья" (Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 617).

¹² Издание Маржерета (600 экз.) обошлось Устрялову почти в 500 руб. См.: Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 618.

¹³ Под заглавием: "Состояние Российской державы в начале XVII века. Сочинение Маржерета, капитана гвардии Димитрия Самозванца". (Далее: Записки Маржерета). Любопытно, что одновременно в Москве вышел анонимный кустарно-любительский перевод Маржерета без представления и примечаний: "Исторические записки, содержащие в себе повествование о знаменитейших происшествиях, случившихся в царствовании пяти государей, как-то: Иоанна Васильевича Грозного, сына его Феодора Иоанновича, Бориса Федоровича Годунова, Лжедимитрия и Василья Ивановича Шуйского, начиная с 1590 по 14-е сентября 1606 года, с присовокуплением описания нравов и обычаев двора Российского и нравов народа в то время. Сочиненные очевидцем Маржеретом". Книга прошла совершенно незамеченной. Как видно, для успеха предприятия одного энтузиазма здесь было мало.

ский опыт "молодого любителя истории", по крайней мере, в коммерческом отношении, оправдал себя целиком¹⁴.

Уже в этом первом труде Устрялова отчетливо проявилась его манера работы с текстом, ставшая характерной для публикаторской деятельности историка. Структура записок Маржерета сопоставима с типичными чертами классического издания, рассчитанного в то же время на рядового любознательного читателя: краткое (редакторское) заглавие книги, полное авторское название в переводе – на титульном листе, предисловие издателя-переводчика, перевод, критические и пояснительные примечания, указатель, оглавление, приложение (факсимиле автографов). Не хватает французского (аутентичного) текста Маржерета, но по условиям и целям издания его и не могло быть.

Устрялов глухо информирует об источнике текста своего перевода, мельком (но точно) ссылаясь на издание записок Маржерета 1607 г.¹⁵, упомянув далее о его перепечатке 1669 г. "без малейшей перемены, даже со всеми ошибками в правописании, которые нередко затемняют самый смысл сочинения", а также о "подобном издании" 1821 г. (парижском, А.-Ж. Клапрота)¹⁶. С каким именно изданием работал Устрялов, просматривал ли он их все *de visu* – из этого перечня заключить невозможно. Текстологический анализ сочинения Маржерета, проведенный Т.И. Шаскольской и Ю.А. Лимоновым (1982), позволил установить, что источником устряловского перевода мог быть текст второго или даже третьего, как выяснилось, не аутентичных изданий¹⁷. Впрочем, авторитет устряловской публикации из-за этой странной ошибки не особенно пострадал; на него по-прежнему продолжают ссылаться многие историки¹⁸.

Из "Предисловия" видно стремление публикатора настроить читателя записок

¹⁴ Тираж записок Маржерета разошелся в 9 месяцев.

¹⁵ *Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: a sçavoir depuis l'an 1590. Jusques en l'an 1606 en Septembre.* Par le Capitaine Margeret. [Paris]. 1607 (Записки Маржерета. С. XII).

¹⁶ Там же. С. XIII, сн. 16.

¹⁷ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. Ю.А. Лимонов; Отв. ред. В.И. Буганов. [Коммент. Ю.А. Лимонова и Т.И. Шаскольской]. М., 1982. Тираж издания – 500 экз. Во французских ("неполноценных") переизданиях и в устряловском переводе Маржерета нет "Предисловия читателю", не учтен перечень опечаток, помещенный в издании 1607 г., что привело к неверным чтениям. Ср.: "Тщательно наблюдают праздники, даже и субботу, наравне с воскресением" (Записки Маржерета. С. 20) и "Они точно соблюдают праздники, и самую пятницу также, как и воскресенье" (Россия начала XVII в. С. 154); за дукат давали "нередко и 2 руб." (Записки Маржерета. С. 47) и "...по полрубля" (Россия начала XVII в. С. 171); лошадиная болезнь под названием "*Naritse*" (Записки Маржерета. С. 59) и "*Maritse*" (Россия начала XVI в. С. 179).

Любопытно замечание Устрялова (крестьянина по происхождению): "Эта болезнь и ныне известна под таким же названием" (см. примеч. на с. 23). Главная ошибка Устрялова: перевод слова "*deïement*" (*надлежащим образом*) как "*притворно*", что "совершенно изменило смысл подлинника" (примеч. 19 на с. 227). Ср.: "Посему он [Годунов. – А.Б.] потребовал притворно создания государственных чинов, т.е. от каждого города по 8 или 10 человек, дабы весь народ решил единодушно, кого должно возвести на престол..." (Записки Маржерета. С. 16). "А для того он хотел надлежащим образом созвать сословия страны, именно по восемь или десять человек от каждого города, чтобы вся страна единодушно приняла решение, кого следует избрать..." (Россия начала XVII в. С. 152). По мнению комментаторов, ошибка перевода могла быть связана с тем обстоятельством, что слово "*deïement*" имело распространение главным образом в актах XVI в. и к XIX в. превратилось в глубокий архаизм. (См.: *Huget E. Dictionnaire de la langue française de XVI siècle.* P., 1933. P. 146.) Устранение этого ошибочного чтения позволило "по новому осветить вопрос о составе Земского собора 1598 г." (Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // ВИД. Л., 1978. Вып. X. С. 225). Впрочем, "за указание на правильное прочтение отрывка из Маржерета" А.П. Павлов благодарит И.П. Шаскольского (примеч. 87 на с. 224).

¹⁸ См., например: *Кристенсен Свен Оге.* История России XVII в. Обзор исследований и источников / Пер. с дат.; Вступ. статья и общ. ред. В.И. Буганова. М., 1989. С. 218. Следует оговориться: ввиду бытования множества концепций перевода, мы не берем на себя смелость судить о качестве устряловского Маржерета, заметив только что современников оно удовлетворяло вполне.

"француженина Якова Маржерета" не просто на занимательное чтение литературного раритета (это само собой разумеется), но и объяснить его значение как исторического источника. Отсюда – выразительные, снисходительно-ироничные штрихи к биографии-портрету автора записок ("храбрый капитан не имел, кажется, ни охоты, ни времени беседовать с музами..."); тема происхождения записок, их ценности, определяемой степенью достоверности сообщений, достоинств (длительное пребывание Маржерета в России, знание им русского языка, информированность очевидца, находившегося в самой гуще событий и их непосредственного участника); незамысловатый, без литературных излишеств, стиль повествования: рассказал "все, что он мог припомнить о России с откровенностью солдата, с любезностью и легкомыслием француза"), "недостатков" и "погрешностей" ("страшный беспорядок", тенденциозность суждений и ее причины: "неумышленное неведение, иногда предрассудки, нередко и самые страсти"), связанных большей частью с иными ценностями и религиозно-культурными установками личности капитана, заставлявшими его "быть несправедливым к нашим предкам"¹⁹.

Для указаний на "ошибки" и "промахи" Маржерета, "иногда в пояснение, иногда в оправдание" его, Устрялов использует примечания-комментарии. Среди этих 88 примечаний, занимающих четверть объема (44 с.) книги, обширную группу составляют выдержки из сочинений иностранных авторов, служащих дополнением к известиям Маржерета о быте, нравах, географии, государственном устройстве России (Майерберг, Олеарий, Герберштейн, Рейтенфельс, Лизек, Невиль, Стрейс, Петрей и др.). Из российских источников Устрялов привлек Судебник 1550 г., Уставную таможенную грамоту (1571) из "Собрания государственных грамот и договоров", новиковские "Идрографию" и "Вивлиофику", "Примечания" И.Н. Болтина на "Историю" Леклерка. Вообще в примечаниях Устрялов проявляет завидную осведомленность и начитанность, следуя преимущественно за своим несомненным образцом – Карамзиным²⁰.

Вложенный в издание записок Маржерета труд характеризует смешанный указатель (около 150 наименований) – "Алфавитный список главнейших предметов, упоминаемых в тексте сей книги", в котором воспроизводится правописание оригинала²¹. Наконец, обращает на себя внимание "Оглавление", где текст Маржерета разбит публикатором на XX рубрик и множество подрубрик (вместе с примечаниями они имеют отдельную пагинацию²²). Подобный прием Устрялов будет использовать при издании серии "Сказаний".

¹⁹ "Маржерет не принадлежит к числу тех писателей, которым можно верить безусловно... Просвещенный читатель заметит, что автор видел в нашем отечестве только худое, что он с каким-то удовольствием описывал мрачную сторону россиян, оставляя без внимания многие добродетели... Благочестие, беспредельная любовь к царю, гостеприимство, нежная привязанность к родителям, уважение к старцам – и все прекрасные качества, коими наши праотцы могли справедливо гордиться, не сделали никакого впечатления в Маржерете, может быть потому, что он привык судить о вещах по тем ложным правилам, которые были следствием его страннической жизни. Руководствуясь сими правилами, он находил смешное там, где мы видим глубокое, истинное чувство; на обряды же нашей церкви он смотрел без участия потому, что был католик, а в XVII веке фанатизм ослеплял самых благоразумных людей" (Записки Маржерета. С. XIX–XX). Ю.А. Лимонов не без оснований полагает, что книга Маржерета – сочинение гугенота (Россия начала XVII в. С. 31–36, 240. Примеч. 53).

²⁰ См. примеч. 3; 5; 7, 8, 12, 15, 18, 20, 24, 25. В заключении "Предисловия" Устрялов делает реверанс в адрес Н.М. Карамзина и "других мужей ученых", благодаря которым "мы читаем доказательства Маржерета с любопытством, но им не верим..." (Записки Маржерета. С. XXI–XXII).

²¹ В сомнительных случаях или при транслитерации Устрялов приводит слова, выражения и фрагменты оригинального текста – наивный, но небесполезный выход из положения. "Вообще, – замечает Устрялов, – Маржерет пишет русские слова довольно правильно – для иностранца" (Примеч. 50–56).

²² Текст "Предисловия", имеющий отдельную пагинацию, в книге "наезжает" на текст перевода (С. XXII–XXVI).

Как переводчик и публикатор Устрялов счел излишним распространяться о том, что он "старался передать каждую мысль, каждое издание автора без всякой перемены, не смягчая ни резких выражений, ни очевидных ошибок его..."²³ – свидетельство, во всяком случае, формальное, понимания необходимости соблюдения принципа источниковой полноценности издаваемого памятника. Но вот границы, за которыми это качество исчезало, предстояло определять еще долго. Как бы то ни было, при всех обстоятельствах, Устрялов честно сделал все, на что был способен.

Следующим опытом публикаторской деятельности Устрялова стала знаменитая серия "Сказаний современников о Димитрии Самозванце"²⁴.

Замысел издания переводов сочинений иностранцев о Смутном времени Устрялов относит к моменту сближения с бывшим секретарем Н.М. Карамзина К.С. Сербиновичем, оказавшимся, по словам мемуариста, в числе "ищущих" с ним знакомства после успеха перевода Маржерета. Сербинович, вспоминал Устрялов, и "сообщил мне в рукописи из библиотеки Карамзина сочинение Мартина Бера в русском переводе, очень нескладно; к счастью, множество главных мест приведены были в тексте на немецком языке"²⁵; сверх того попались два или три замечания Карамзина; дневник Паерле на немецком языке, очень дурно переписанный, дневник Маскевича на польском языке и два дневника польских послов"²⁶.

Здесь Устрялова или подвела память, или же он намеренно передвинул момент своего знакомства с Сербиновичем на конец 1830 г. Они сходятся, по крайней мере, за несколько месяцев до выхода в свет записок Маржерета: примечания к ним полны выписками "из Бера"²⁷. Тут возникает предположение: не Сербинович ли надумил Устрялова издать Маржерета? Они вполне могли познакомиться при посредничестве Блудова, выпускавшего XII том "Истории" Карамзина. Не собирался ли Сербинович заработать на карамзинских рукописях, используя для этого Устрялова²⁸? В таком случае издание записок Маржерета могло послужить "пробным камнем".

Большая часть 1831 г. ушла на подготовку издания "Сказаний". Когда тираж (1200 экз.) первых трех частей серии был отпечатан (январь 1832), Устрялов отправился в только открывшийся на Невском магазин А.Ф. Смирдина и сходу договорился с книгопродавцем об условиях реализации книг. Смирдин охотно

²³ Там же. С. XVIII–XIX.

²⁴ Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1832. Ч. I–III. (на обл. ч. I – 1831); 1834. Ч. IV–V; 2-е изд. СПб., 1837. Ч. I–V; 3-е изд. СПб., 1859. Ч. I–II.

²⁵ Карамзин ссылался на "Бера, коего летопись немецкую (т.е. на немецком языке. – А.Б.) с латинским заглавием..." получил от графа Н.П. Румянцева (*Карамзин Н.М. История государства Российского*. М., 1989. Кн. III, т. X. Примеч. 27. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.: В 3-х кн. с прил.).

²⁶ Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 619.

²⁷ Уже в "Предисловии" к запискам Маржерета Устрялов ссылается на "драгоценную, доселе не изданную рукопись летописи Московской Мартина Бера..." (Записки Маржерета. С. XIX). В примечаниях он поместил несколько обширных выписок "из Бера" и две из сочинения Г. Паерле, не сообщая никаких сведений об источниках текстов и каким образом рукописи оказались в его распоряжении. См.: Там же. С. X–XI (сн. 7, 9, 10), 24–26. Примеч. 73; С. 26–27. Примеч. 74; С. 30–31. Примеч. 75; С. 31–41. Примеч. 76; С. 41–42. Примеч. 77; С. 44–47. Примеч. 88. Кроме того, еще до публикации первого тома "Сказаний" Устрялов напечатал два отрывка из "Московской хроники" (см.: Великодушные Бориса Годунова. Отрывок из современной рукописи под заглавием... // *Сын отечества и Северный архив*. 1831. Ч. 139. Т. XVII. С. 104–112. [Подп.: Н.У.; цензурное разрешение – декабрь 1830]; Разрушение Москвы поляками в 1612 году. Отрывок из современной рукописи *летописи Московской Мартина Бера* // Там же. Ч. 144. Т. XXII. С. 353–369; Ч. 145. Т. XXIII. С. 26–32 [Подп.: Николай Устрялов; цензурное разрешение соответственно 4 августа и 20 сентября 1831 г.] и один фрагмент из Паерле (см.: Свадьба Отрельева. Из записок Георга Паерле // Там же. Ч. 145. Т. XXIII. С. 353–370; Ч. 146. Т. XXIV. С. 21–29).

²⁸ "Впоследствии, – добавляет Устрялов, – Сербинович вытребовал от меня за сообщение этих рукописей несколько сот рублей" (*Устрялов Н.Г. Воспоминания*. С. 619).

выплатил ему аванс. Принятый "с холодною благосклонностию" министром Ливеном, Устрялов передал для государя и государыни два экземпляра "Сказаний" в золотом обресе, получив через непродолжительное время подарки, традиционно причитающиеся по такому случаю.

Первая часть "Сказаний" – перевод "летописи Московской Мартина Бера"; вторая – перевод записок Ганса Георга Паерле с приложением собственного "Розыска о смерти царевича Димитрия Углицкого, составленного из государственных актов и современных записок"; в третью часть вошли переизданный перевод записок Маржерета и переведенный с латыни фрагмент исторического сочинения "История моего времени" французского государственного деятеля, президента Парижского парламента Жака де Ту (1553–1617)²⁹.

Общее предисловие к серии Устрялов целиком отводит изложению причин, побудивших его издать "Сказания" о времени "неустройств беспримерных", когда "имя Димитрия, как волшебный глас, как приговор судьбы, взволновало наше отечество, разорвало все узы, ниспровергло все законы", привело наших предков в "непонятное ослепление". Во всех дальнейших рассуждениях об истории Устрялов следует в целом карамзинскому дискурсу³⁰, находясь, впрочем, под влиянием языка исторической прозы Загоскина. Только в заключительной части публикатор решается напрямую затронуть историографа. Карамзин изобразил "картину пленительную", но все же в ней "многое... темно, не полно, не твердо", "много, много случаев сомнительных". А далее следуют вопросы от имени "читателя размышляющего" уже прямо в духе Н.С. Арцыбашева или П.М. Стрелева: "На чем основан его строгий приговор о Годунове? Разгадал ли он Димитрия Самозванца, Шуйского, Басманова? Почему он верит одному свидетелю и отвергает другого, даже ссылаясь на одного и того же автора, почему он говорит, что это сказание справедливо, а то ложно?" И здесь Устрялов решается на смелое антикарамзинское заявление: "Вся наша история представляет, по большей части, одни загадки", "явления непостижимые". Истина прояснится, когда мы предоставим слово документу, "когда сами выслушаем свидетелей, дадим им очную ставку... сличим их показания; тогда многие загадки исчезнут сами собою..."³¹ Таким образом, устряловский "исторический источник" коннотирует со "свидетельством" – установка, типичная для позитивистски ориентированной историографии.

Собрание "Сказаний" имеет точный адресат. Им выступает неудовлетворенный "Историей" Карамзина любознательный соотечественник "с умом испытательным", углубляющийся в минувшие века "с благородным желанием открыть истину, разгадать характер людей, дух времени, тайные пружины событий".

²⁹ Одновременно с этими частями "Сказаний" брат Н.Г. Устрялова, Федор, перевел с французского и издал сочинение Г. Боллана "Описание Украины" (СПб., 1832).

³⁰ «История, изображая судьбу царств и народов, должна вселять в нас покорность Провидению, уважение к святыне и законам, любовь к истине, красоте, добродетели... уроки ее тем сильнее, красноречивее, чем разительные примеры... Для нас, россиян, знать время самозванцев должно быть поучительнее и занимательнее чтения истории многих народов иноплемennых". Оно порождает "впечатления неизгладимые", "трепет сердечный"; "священные имена" его скрыты "в сумерке времен", в "преданиях темных", подобно "величественным теям", на "памятники" его мы смотрим "с каким-то беспримерным равнодушием", и они "истлевают в архивах". Кроме "пользы" ("спасительных уроков") история "смутного времени" есть "неисчерпаемый источник наслаждений", дающих "обильную пищу воображению: там найдет поэт или художник картины очаровательные; там увидит он и героев необыкновенных и злодеев невероятных, тем не менее истинных, каждого с выразительною физиогномиею. Пусть наши юные певцы, наши романисты познакомятся с Борисом Годуновым, с Димитрием Самозванцем, с Мариною, с вором Тушинским, а более всего пусть узнают Гермогена, Ляпунова, Минина, Пожарского, даже врагов наших...; пусть обрисуют их дела и характеры кистию верною, красками живыми, не изменяя духу времени в малейших подробностях – мы перестанем исключительно читать Вальтер Скотта, – по крайней мере, не променяем своего на чужое» (Сказания. Ч. I. С. III–V).

³¹ Сказания. Ч. I. С. VII.

Декларированной цели издания "Сказаний" соответствует его публикаторская конструкция (предисловие с изложением сведений об авторе и его сочинении, указание на способ публикации – перевод – примечания – указатель – оглавление – приложение).

Приведение в известность новых списков "Московской Хроники" уже в 1840-е годы сильно поколебало уверенность в том, что ее автор – пастор Бер³². Но только спустя более 100 лет И.И. Смирнову, мобилизовавшему все известные списки этого памятника для решения вопроса о его редакциях, удалось реконструировать историю текста Хроники и, тем самым, разрешить контраверзу Буссов–Бер³³. Текстологические наблюдения Смирнова над списком ГПБ F. IV. 320 и устряловским изданием Хроники выявили факт вмешательства Устрялова в текст; сокращение количества названий глав с 19 до 12 и соответствующее расчленение текста, и замена длинных названий глав своими собственными. Помимо этого публикатор убрал заголовки в главах III, VIII–XII, ввел рубрики. Что касается различий в транскрипциях личных имен и географических названий (последние приведены только в указателе и некоторых примечаниях)³⁴, то они могут быть отнесены на счет неизбежных опечаток и не особенно тщательной корректуры (из-за спешки).

В этом отношении симптоматично отсутствие в авторском представлении Хроники обычных заверений о точном воспроизведении в переводе всех атрибутов текста памятника. Не менее характерно указание на "перевод с немецкого" (слово "рукопись" отсутствует). Чем объяснить такое немислимое, без всяких оговорок, вмешательство в текст Хроники, в это "сокровище неоцененное"? Надо полагать, Устрялов хотя и выступал новичком в публикаторской деятельности, но все же понимал пагубность такого вмешательства. По-видимому, в этом случае сыграли роль какие-то обстоятельства внешнего порядка, возможно, связанные с типографским набором чрезвычайно громоздких заголовков Хроники, резко увеличивавших объем и стоимость книги.

³² Приведа, как и Карамзин, сокращенный заголовок Хроники, Устрялов говорит: "Подлинник писан старинным языком немецким с примесью латинских изречений и пословиц... Кельх и Трейер, имевшие Берову летопись, несправедливо называли сочинителя оной Конрадом Буссау, или Буссо: кроме современного свидетельства Петреева, мы находим в самой летописи ясные признаки, что автором ее был Мартин Бер" (Сказания. Ч. I. С. XIII). См.: *Herrmann E. Über Busso, Petrejus und Martin Beer // Herrmann E. Geschichte des Russischen Staates. Hamburg. 1846. S. 780–782; Грот Я.* Действительно ли Мартин Бер автор Хроники? // Журнал министерства народного просвещения. 1849. № 5. С. 100–130; *Kunik E. Aufklarungen über Konrad Busso und die verschiedenen Redaktionen seiner Moskowischen Chronik.* СПб., 1851. Подробнее об этом см.: *Смирнов И.И.* Конрад Буссов и его Хроника // Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 35–43. В третьем издании "Сказаний" (1859), сославшись на публикацию Археографической комиссией "летописи Московской Конрада Бусова", которую готовил А.А. Куник по Академическому списку рукописи (Сказания иностранных писателей о России. СПб., 1851. Т. I. Московские летописи Конрада Бусова и Петра Петрея), Устрялов, тем не менее, остался при своем старом мнении: "оригинал изданного нами перевода принадлежит Мартину Бери" (С. IV).

³³ Первоначальная редакция Хроники была составлена Буссовым при участии Бера (Рига, 1612) и в дальнейшем подверглась переработке в двойном направлении. Первое связано с Буссовым, второе – с авторизацией этой редакцией Бером, выразившейся в чистке текста от признаков авторства Буссова. Так создавалась возможность приписать авторство Хроники Бери. См.: *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 42–43; 59 (стемма "Редакции и списки Хроники Буссова"). Вопрос об источнике текста устряловского издания Хроники (о котором наш издатель умолчал, глухо упомянув: "мой список") потребовал от Смирнова немалых усилий. Обратись он к воспоминаниям историка, все было бы гораздо проще: во всяком случае отпала бы нужда в гипотетических оговорках о вероятной работе Устрялова с "независимой" от Румянцевского списка копией с Вольфенбюттельского I списка рукописи Хроники. Рукопись ГПБ. F. IV. 320 по всей вероятности и есть тот список (перевод) с Румянцевского, оставшийся в библиотеке Карамзина и переданный Сербиновичем Устрялову (см. примеч. 25).

³⁴ См.: *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 54. Примеч. 50.

Представляя Хронику, Устрялов следует излюбленной им оппозиции: достоинства – тенденциозность. Ценность Хроники как историко-литературного памятника заключается в том, что ее автор – очевидец событий, обладал не только "взором любопытным и проницательным", но также и "пером наблюдателя умного, опытного и нередко беспристрастного", "редкое известие" которого нельзя подтвердить "свидетельствами несомненными, например, государственными актами". Особенность Хроники – ее человеческое измерение (в ней "каждое лицо, имеет свою отличительную физиономию, а главные герои исполнены жизни и души"), позволяющее ощутить колорит времени и места событий. Пред нами – "сокровище, неоценимое для русской истории".

Устрялов не мог оставить без комментариев суждений автора Хроники о национальных чертах русских, который "слишком строго смотрел на слабости наших предков и не умел ценить их добродетелей", называя "россиян, непоколебимых в вере, в благочестии, в беспредельной преданности государю, варварами, идолопоклонниками, не находя в них ни одной добродетели..." Одновременно он пишет "с каким-то сердечным умилением" о немцах и поляках. Устрялов полагал, что в данном случае "пристрастие к немцам отчасти извинительно; но, выхваляя поляков и без пощады порицая россиян, автор обнаруживает явную несправедливость: ему нельзя было не знать, что истинными виновниками всех неурядиц и злополучия России были поляки..." Впрочем, замечает издатель, "не забудем, что он был лютеранин XVII века, когда невероятный фанатизм ослеплял все умы и готовил для Европы войну тридцатилетнюю; если самые католики в глазах лютеран казались хуже язычников, могли ли ожидать пощады мы, русские...? Отсюда же и упреки, коими автор осыпает наших праотцов в делах веры"³⁵.

Очевидная тенденциозность Хроники, разъясняет читателю Устрялов, не умаляет ее достоинства, ибо "потомство судит по фактам и не верит укори́знам, не подкрепленным доказательствами". Иными словами, разобравшись в национально-религиозных пристрастиях и эмоциях автора, "мы не будем затрудняться в суждении, кто был прав, а кто виноват", поскольку "факты же описаны... верно и точно". В этом и подобных ему комментариях отчетливо проявляется просветительски-дидактический подход публикатора к введению в общественный оборот источника, ориентированный на диалог с любителями занимательного исторического чтения.

129 примечаний к Московской летописи выделяются разноплановостью сюжетов: "идейно-патриотические"³⁶, лексические (в том числе относящиеся к воспроизведению ненормативной лексики)³⁷, информатив-

³⁵ "Мы смеемся его сказкам, – добавляет Устрялов, – и в самых укори́знах находим доказательства истинного благочестия, которое всегда одушевляло наших предков" (Сказания. Ч. I. С. XVII).

³⁶ Например, к тексту: "умер государь Московский Иоанн Васильевич Мучитель" (С. 1) следует примечание: "1. *Tyrann*. Так называют Иоанна IV все вообще иноземные современные писатели; потомство отвергло сие необосновательное прозвание, и согласно с характером Иоанна, именует сего государя *Грозным*" (С. 217. Примеч. 1). Переведа выражение "закоренелые в предрассудках москвитяне" (С. 63), Устрялов делает примечание: "В подлиннике *Große Moscovitische Bestien*. Предки наши, непоколебимые в православии, не заслужили такого упрека" (С. 259. Примеч. 68). В данном случае очевидна "литературная обработка" оригинала. Вот еще любопытное место Хроники: "...сам Бог карал [во время мятежа. – А.Б.] этот народ за его кровожадность, вероломство, лихоимство и разврат содомский!" (С. 208), на что переводчик замечает: "Так честит Бер наших предков за великий подвиг, которому удивляется потомство!" (С. 283. Примеч. 128).

³⁷ Бранные непечатные выражения в тексте Устрялов заменяет многоточием, но в примечаниях приводит на языке рукописи без комментариев: "Народ завопил: ... выдай самозванца" (С. 80 и 263. Примеч. 74), или, комментируя: "Непотребные! – закричали бояре, – где... царнца ваша?" – "На что вам царнца?" – спрашивает го́-мейстерина. Ей отвечает страшными угрозами" (С. 82). Устрялов ссылается на автора, который "объясняет на латинском языке ответ боярский", добавляя, от себя: "переводчик уверен, что "почтенный пастор клеветет на грозных карателей

ные³⁸, указывающие на степень достоверности сообщений³⁹, связанные с уточнением некоторых данных⁴⁰.

Работу с текстом существенно облегчает "Указатель собственных имен и главнейших предметов"⁴¹.

Следуя традициям европейских изданий старинных манускриптов, Устрялов сопроводил "Сказания" гравированным "с современной медали" профессором императорской Академии художеств Н.А. Уткиным портретом Самозванца с факсимиле его автографа ("потомству любопытно будет взглянуть на черты злодея, ознаменованного необыкновенною силою души")⁴².

21 февраля 1832 г. Устрялов писал Погодину о своих дальнейших планах: «...я узнал от В.Д. Комовского, что вы – по любви к отечественной истории – желаете доставить мне книгу о Димитрии Самозванце "Legende", и не посылаете оной ко мне только потому, что вы не получили на письмо ваше моего ответа. Прежде всего, позвольте принести вам, милостивый государь, душевную благодарность за столь лестное предложение. Вы можете сами судить, сколь оно меня обрадовало, если скажу, что, зная по примечаниям Карамзина все достоинство "Legende de la vie et de la mort de Demetrio", напеч[атанной] 1606 года, я уже с давнего времени ищу этой книги и нигде не могу сыскать, ни в императорской библиотеке, ни в Румянцевском музее, ни в самом Лондоне, куда писал по моей просьбе книгопр[одавец] Грэф. [...] Мне хочется перевести "Legende" на русский язык и, дополнив сочинением Мерика (которое я уже имею), составить четвертую часть "Сказ[аний] совр[еменников] о Д[имитрии] Сам[озванце]" в надежде, что это будет приятным подарком нашей публике» (ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 50. Ед. хр. 73. Л. 1–1 об.).

Спустя три дня Н.Г. Устрялов писал Н.А. Полевому, благодарил "за отзыв о Мартине Бере" и сообщал: "Думаю издать еще части две или три "Сказаний о Д[имитрии] С[амозванце], материалов множество, не знаю только, какого автора избрать для четвертой части: хотелось бы Мерика. Много и премного был бы я обязан, если бы вы навели меня на путь истинный добрым вашим

самозванца, но, следуя правилу не выпускать из подлинника ни единого слова, считает обязанностью привести также и сей ответ". Впрочем, и здесь принцип не всегда выдерживается (С. 263–264. Примеч. 78).

³⁸ В примечаниях помещены переводы (или сокращенные изложения) фрагментов сочинения о России шведского дипломата Петрея. Справедливо охарактеризовав Петрея как неудачного компилятора, Устрялов выбрал из его книги "все, чего не говорит Бер... в надежде оказать читателю двойную услугу". Таких примечаний около 50 (из 129). В каждом случае Устрялов старался указать на противоречия в известиях этих иностранцев (С. 238–239. Примеч. 31, 32).

³⁹ "Бер верит клевете"; "Петрей, кажется, баснословит"; "известие Бера подтверждается..."; "письмо сие, кажется, весьма сомнительно" и пр.

⁴⁰ Например, наблюдения за денежным счетом. См.: С. 225–226. Примеч. 17; С. 233. Примеч. 24; С. 244. Примеч. 49. В то же время оставлены без комментариев явно ошибочные данные. Расстояние от Москвы до Углича не 90 верст (С. 1), а 344. См.: *Погодин М. Указ. соч.* С. 441. Тот же М.П. Погодин замечает: "издатель меру Смоленской стены приводит из Сегуровой Histoire de la grande armée – тоазами! В Смоленске есть гимназия, в Смоленске губернатором литератор: должно б отнестись к ним с просьбою об измерении этой знаменитой стены... Смоленская стена тоазами! Из Сегюра! Это стыдно! Это грешно!" (Там же, С. 443–444). В тексте Хроники о прорыве Салегги в Кремль, о его смерти и о приходе в Москву Ходкевича ошибочно выставлен год (на полях): 1612 – вместо 1611 (Сказания. Ч. I. С. 212). На это обстоятельство обратил внимание еще И.И. Смирнов (Указ. соч. С. 31).

⁴¹ "Составляя сей указатель, – писал Устрялов, – я имел ввиду: 1. Облегчить желающим пользоваться Беровой летописью труд исследования; 2. Показать, как писал автор имена собственные... 3. Объяснить по мере возможности местоположение... небольших городов, сел, монастырей, о коих не сказано ничего в примечаниях, из опасения расплодить оные".

⁴² "Портрет приложен напрасно, – писал в рецензии М.П. Погодин, – зачем распространять изображение, которого верность сомнительна. Если ныне такие изображения на монетах не верны, то что ж тогда?" (*Погодин М. Указ. соч.* С. 440).

советом: я с своей стороны готов служить вам чем могу, объявите только свое желание" (ОР РГБ. Ф. 32. Оп. 17. Д. 37. Л. 1–1 об.).

Вторая часть "Сказаний" состоит из перевода записок аугсбургского купца Г. Паерле (*Peyerle*), известных Н.М. Карамзину по сокращенной публикации Шмидта-Физельдека (Опыт введения в русскую историю, 1773). Сообщив необходимые сведения о перипетиях московского вояжа Паерле и его спутников, Устрялов рассказывает о происхождении записок, приведя (в подстрочнике) полное название сочинения, сообщая, что место хранения подлинника не известно, и, что "лучший список" находится в библиотеке герцога Вольфенбюттельского. Далее следует стереотипное уверение в том, что перевод сделан "вполне, без малейшей перемены, не исключая ни погрешностей исторических, ни ложных умствований автора" (С. IX), однако о переведенной им рукописи, как обычно, сведений не сообщает.

Характеризуя структуру памятника в связи с его содержанием, Устрялов высказывает предположение об источниках сведений негоцианта, указывает на достоинства записок, заблуждения автора, его пристрастие ("злоба на москвитян") к теме "варварства" русских. И вновь он вынужден распространяться об этой скользкой теме повествований иноземцев, чьи "строгие приговоры... о грубых москвитянах XVI и XVII столетий, доказывают только большею частью их личность, мщение за претерпленные ими в России неудачи, за страдания, коим они подверглись, вмешавшись в тогдашние политические ее потрясения. Мы знаем наших предков: знаем, что они были не без слабостей, даже не без пороков, свойственных народу малообразованному; но отличались и добродетелями возвышенными: непоколебимым благочестием, безусловною покорностью властям, добрыми семейственными качествами, и особенно беспредельною преданностью царю государю, на коей основано величие и благоденствие России" (С. IX–X).

В примечаниях Устрялов перепечатал несколько документов из второго тома "Собрания государственных грамот и договоров" (дневник похода Лжедмитрия в Россию, манифест Лжедмитрия о вступлении на российский престол, описание обряда бракосочетания самозванца с Мариной, "манифесты" Годунова и Шуйского, показания Ю. Мнишка о его знакомстве с самозванцем и др.). Вместо искусственного увеличения объема примечаний Устрялов "счел полезнее присовокупить" собственный "Розыск о смерти царевича Димитрия Угличского, составленный из государственных актов и современных записок", в котором поместил "все, что говорили современники о смерти царевича, доселе еще не объясненной, удовлетворительно". Из "Розыска" читатель должен был "почерпнуть довольно пищи к размышлению".

Все источники историк делит на три группы: 1. "Акты государственные" – показания угличан, допрошенных комиссией Шуйского; 2. "Современные писатели русские" (патриарх Иов, Авраамий Палицын, летописцы); 3. "Современные писатели иностранные" (Маржерет, Петрей, Бер–Буссов, де Ту).

Приведя мнение Карамзина об угличском следствии, как "памятнике бесовестной лжи" Шуйского, "слабого, если не безбожного человекоугодника", смешавшего "ложь с истиною, чтобы дать силу первой" (С. 154–155), Устрялов замечает: историограф тем самым уничтожает силу акта, положенного в основу решения "Собора святителей" и Боярской думы. Карамзину в таком случае "надлежало бы подтвердить свидетельством несомненным, например, явною уликою" (признанием самого Годунова, синодик которого неизвестен, или, "по крайней мере, кого-либо из клеветов его"). У него таких улик нет, его обвинение Бориса основано исключительно на "летописях безымянных".

Хотя читателю предлагаются только "замечания", но видно, что Устрялов склоняется в пользу достоверности записей угличан (наличие подписей и "образ изложения: стоит только сравнить как говорят жильцы, архимандрит, кормили-

ца, пономарь"). Решающим для Устрялова является вопрос: действительно ли Геласий говорил на Соборе "согласно с волею царицы-матери?" Историк считает невероятным, чтобы Собор "легкомысленно поверил" митрополиту. А вот "по своей ли воле царица решила на такое объявление, – заключает Устрялов, – этого не объяснил бы и Юм" (С. 151). Как бы то ни было, следствие «не наводит и тени подозрения на "Бориса"». Но в официальных актах Лжедмитрия и Шуйского столько противоречий, что "читатель беспристрастный должен теряться в бесчисленных догадках".

На свидетельство Палицына "нельзя решительно и опираться", поскольку келарь следовал "всеобщей молве". Что касается летописных известий, на которые ссылался Карамзин, то "можно ли им верить безусловно?" Устрялов обращает внимание на их позднее происхождение, анонимность, тенденциозность ("явно нелепые выдумки" о Годунове, информированность относительно его "*самых тайных помышлениях и думах*"). И все же вопрос о достоверности летописей он благоразумно оставляет разрешать "самому читателю". Перебрав затем известия иностранцев, единодушно приписывающих Годунову преступный замысел "с такою решительною уверенностью, что потомство... не должно сомневаться", историк перечисляет в этих известиях "явные противоречия", продолжая сеять в читателе новые семена сомнений в виновности "бедного Бориса".

"Розыск" заключается туманным и многозначительным выводом: "Сообразив все показания свидетелей... каждый, вероятно, согласится, что Годунов если не совсем прав, по крайней мере, не кругом виноват, и что для каждой души благородной было бы утешительно снять проклятия с мужа великого, обвиняемого, *может быть*, только по стечению обстоятельств"⁴³.

В третьей части "Сказаний" Устрялов перепечатал с некоторыми исправлениями⁴⁴ записки Маржерета, убрав из примечаний выдержки из Московской летописи, записок Паерле и введя в оборот важный документ – письмо Маржерета из Гамбурга в Москву английскому резиденту Мериду (январь 1612)⁴⁵.

В январе 1832 г., сдавая в печать третью (как предполагалось, заключительную) часть "Сказаний", Устрялов сообщил публике о намерении в скором времени "стряхнуть пыль с творений князя Курбского".

(Продолжение следует)

⁴³ Сказания. Ч. II. С. 170. Через десять лет историк изменил свой взгляд. 10 января 1841 г. Археологическая комиссия слушала донесение Устрялова по поводу корректурного листа третьего тома "Повествования о России" Н.С. Арцыбашева, где речь шла о смерти царевича Димитрия. Устрялов остался недоволен тем, что автор в основание своего рассказа "принял одно только следственное дело... составленное очевидно в угождение Борису Годунову", оставив "без внимания все другие современные свидетельства, представляющие смерть царевича в ином виде". Возникает вопрос: какое из двух показаний Шуйского было истинным? "Отвечать на сей вопрос не так трудно, как многие полагают. Шуйский производил следствие в то время, когда все трепетало перед грозным временщиком; да и нелегко было обнаружить участие в его злодейском умерщвлении царевича юридическим образом за смертию клеветов его... Совсем иные были обстоятельства, когда Шуйский торжественно провозгласил Годунова убийцею Димитрия: тут он не имел повода скрывать истину и тем более должен был открыться, что вся Россия давно убеждена была в преступном деле Бориса Годунова... Это убеждение общее, решительное, выраженное во всех актах, во всех летописях, своих и чужеземных, как глас народа, служит самым громким обвинением Годунова, по крайней мере, наводит на него сильное подозрение".

Арцыбашев, таким образом, "изложил столь важное событие односторонним образом, несогласно с правилами исторической критики". Устрялов предлагал соответствующим образом переработать текст "Повествования". В третьем издании "Сказаний" нет никаких следов выступления 1841 г. См.: Протоколы заседаний Археологической комиссии. 1841–1849. СПб., 1866. Вып. II. С. 2–4.

⁴⁴ Устрялов пишет, что "старался только в некоторых местах исправить слог перевода и точнее выразить смысл подлинника" (Сказания. Ч. III. С. XVI).

⁴⁵ Публикатор обнаружил его в собрании путешествий: *Purchas S. Pilgrimes, containing a history of the world in Seavoyages and Landtravels by Englishmen and others. L., 1625. Vol. III. См.: Сказания. Ч. III. С. 219–220. Примеч. 93.*

С.Ф. ПЛАТОНОВ И "КРУЖОК РУССКИХ ИСТОРИКОВ"

Основательное знание деталей биографии ученого, среды его повседневной деятельности и научного творчества, является неперенным условием подлинно глубокого изучения его личности. Между тем, автору первой монографии о выдающемся русском историке С.Ф. Платонове пришлось констатировать, что наиболее важные результаты дало ему изучение не архивных источников, а уже опубликованных текстов С.Ф. Платонова и его научных оппонентов¹. Трудно не прийти к мысли, что на ограничение исследования историографическими рамками повлиял недостаток опубликованных источников по биографии С.Ф. Платонова, среди которых эпистолярные занимают одно из главных мест. Сохранившаяся переписка Платонова весьма обширна, значительную часть ее составляют письма к друзьям – участникам петербургского "кружка русских историков".

Изучение истории его возникновения и деятельности представляет исключительный интерес не только для воссоздания биографии С.Ф. Платонова: в общении с друзьями – "русскими историками" прошли все зрелые годы его жизни и научной деятельности, но и для реконструкции "особого мира научных сообществ", что справедливо отнесено к "назревшим задачам современной историографии"². Подлинный масштаб темы определен С.О. Шмидтом, писавшим, что в "кружке русских историков" "формировались основы исторической науки рубежа XIX и XX столетий"³.

Не претендуя на всестороннее исследование деятельности "кружка", ограничимся обзором источников о нем с тем, чтобы выявить материал для биографии С.Ф. Платонова.

В "Воспоминаниях" П.Н. Милюкова встречаем сведения о "кружке", главой которого назван Платонов. Сам Милюков имел к "кружку" лишь косвенное отношение, он принимал участие только в одном из его заседаний. Упомянув о тяготении к "кружку" учеников С.Ф. Платонова А.Е. Преснякова, С.А. Адрианова, М.А. Полиевктова⁴, Милюков все же воздерживается от причисления их к участникам "кружка". П.Н. Милюкова неудачно поправил А.С. Кан, отождествивший с "русскими историками" круг учеников С.Ф. Платонова, назвав в качестве участников "кружка" не только упомянутых П.Н. Милюковым А.Е. Преснякова и С.А. Адрианова, но также П.Г. Васенко, И.И. Лаппо, С.В. Рождественского⁵. С.В. Чирков был более осторожен, отметив, что старшие ученики Платонова лишь "примыкали" к "кружку русских историков"⁶. Действительно, в состав "кружка русских историков" ученики Платонова не входили.

История "кружка" отражена в двух видах источников: переписке "русских историков", их воспоминаниях. Из последних особый интерес представляют

¹ Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч. I. С. 9.

² Корзун В.П. Московская и Петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // О.И. 1999. № 2. С. 179.

³ Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Он же. Путь историка. М., 1997. С. 502.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 109.

⁵ См. об этом: Кан А.С. Историк Г.Ф. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 82–83, 122.

⁶ Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // АЕ. за 1989 год. М., 1990. С. 22.

неопубликованные "Воспоминания о литературных встречах и знакомствах" ближайшего друга Платонова Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936)⁷. Свои воспоминания Дружинин стал писать, находясь в ссылке в 1932–1935 гг., в Ростове (Ярославская область), куда попал по делу о "Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России", известном также как "Академическое дело". Первоначально воспоминания задумывались как краткие очерки о друзьях, которые к тому времени уже ушли из жизни: первый из них – о И.А. Шляпкине – датирован 15 июня 1933 г., затем последовали очерки о педагоге К.А. Иванове, археологах: графе И.И. Толстом, А.А. Спицыне, историках: С.М. Середонине, Н.Д. Чечулине. Хотя побудительным мотивом для Дружинина взяться за воспоминания стала, очевидно, смерть последнего и самого близкого его друга, С.Ф. Платонова, он сначала не решился написать о нем, мотивируя это тем, что "слишком свежа еще его могила"⁸. Впоследствии, однако, он включил в воспоминания фрагмент о Платонове (по мере развития повествования биографические очерки становятся его составной частью).

Следуя канве своей биографии, Дружинин сначала пишет о товарищах по "кружку русских историков" (М.А. Дьяконове, А.С. Лаппо-Данилевском, Е.Ф. Шмурло и др.), а затем о тех, кого знал по работе в составе Археологической комиссии и Русского археологического общества, Археологической комиссии, Общества любителей древней письменности, Комитета попечительства о русской иконописи. Сами участники "кружка" оставили разноречивые сведения относительно его состава. Дружинин называет С.Ф. Платонова, М.А. Дьяконова, Е.Ф. Шмурло, А.С. Лаппо-Данилевского, И.А. Шляпкина, Н.М. Бубнова, С.М. Середонина, Н.Д. Чечулина, А.И. Барбашева, И.А. Козеко, И.И. Симонова, Н.М. Лисовского и А.И. Савельева. Шмурло добавляет к ним С.Л. Степанова и И.Ф. Анненского и не упоминает И.И. Симонова⁹, у Платонова не упомянуты А.И. Савельев и И.Ф. Анненский¹⁰. Участие Анненского, если оно и имело место, было, вероятно, столь же фрагментарным, как и участие Милюкова.

Большую часть "кружка русских историков" составили выпускники Петербургской 3-й гимназии (К.А. Иванов, И.А. Шляпкин, А.И. Барбашев, Н.М. Бубнов, В.Г. Дружинин, С.Л. Степанов, И.И. Симонов). Гимназия пользовалась репутацией образцовой, историю в ней преподавал Я.Г. Гуревич, впоследствии приват-доцент Петербургского университета, возглавивший собственную гимназию и реальное училище на Лиговке и издававший журнал "Русская школа". Дружинин вспоминал: "Его уроки проходили с большим интересом; он внушал желание расширять знания чтением пособий по своему предмету и нередко обращал уроки в чтение выдающихся сочинений по истории. Он был очень отзывчивый человек, неутомимый труженик"¹¹. Дружеские связи сохранились и после поступления выпускников гимназии на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В одной гимназии (Екатеринбургской) училась М.А. Дьяконова и Е.Ф. Шмурло. В частной гимназии Ф.Ф. Бычкова (впоследствии перешедшей к Я.Г. Гуревичу) С.Ф. Платонов знакомится с В.Н. Латкиным, с которым поддерживает отношения и во время учебы в Петербургском университете¹², но затем сближа-

⁷ РГАЛИ. Ф. 167. (А.В. и В.Г. Дружинины). Оп. 1. Д. 6–10.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 116 об.

⁹ Демина Л.И. "Записки" Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // АЕ. за 1984 год. М., 1986. С. 254.

¹⁰ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2. С. 132.

¹¹ Цит. по Дружинин В.Г. Гимназические годы И.А. Шляпкина // За сто лет. Пг., 1923. С. 104.

¹² См.: Бухерт В.Г. "Вполне преданный революционной пропаганде" (С.Ф. Платонов под "негласным наблюдением" полиции) // АЕ. за 1995 год. М., 1997. С. 151–152.

ется с А.А. Спицыным. По версии Дружинина, Платонов и Спицын познакомились с ним в 1879 г., после лекции профессора К.Н. Бестужева-Рюмина¹³, а уже затем, в доме родителей Дружинина на Сергиевской улице (д. 45), состоялось знакомство Платонова с К.А. Ивановым и И.А. Шляпкиным. Дружинин занимал тогда комнату на антресолях, здесь и стали собираться его друзья. "Подался самовар в 8 часов вечера, – вспоминал Дружинин, – я заваривал и разливал чай, были булки, кое-какая холодная закуска и фрукты", расходились после одиннадцати¹⁴.

Встречи в доме Дружинина были дополнены собраниями в более широком составе, первое из которых, состоявшееся 2 января 1884 г., и положило начало "кружку русских историков". Формальным инициатором его создания Дружинин называет И.И. Симонова, предложившего своим товарищам собираться регулярно, один раз в месяц, чтобы знакомить друг друга со своими научными работами¹⁵. Собрания "кружка" стали проводиться с установленной периодичностью, преимущественно в доме Дружинина. На них захаживал хороший знакомый семьи Дружининых инженер-генерал А.И. Савельев, проявлявший интерес, несмотря на почтенный возраст, к общению с молодежью. В доме Дружинина независимо от собраний "кружка"¹⁶ раз в неделю проходили собрания кружковцев, "особенно близких между собой"¹⁷ (Дружинин, Дьяконов, Шляпкин, Иванов, а также Спицын, формально не принимавший участия в работе "кружка").

Объединяющим началом для "русских историков" стала, по свидетельству Платонова, любовь к "исторической книге"¹⁸. Некоторые из них (Дружинин, Шляпкин) являлись библиофилами, и в значительной мере деятельность кружковцев состояла в подготовке и обсуждении рецензий на вновь вышедшую историческую литературу. В одном из писем Дьяконова Дружинину сохранилось упоминание о трех сборниках рецензий участников кружка, хранившихся у Дружинина¹⁹. М.А. Дьяконов попытался связать "кружок" с редакцией журнала "Северный вестник"²⁰, сотрудничество ограничилось публикацией отзыва самого Дьяконова о диспуте В.Н. Латкина²¹, очерка Е.Ф. Шмурло о Кустанае²² и подготовкой нескольких рецензий (подобные рецензии публиковались в журнале анонимно).

Тем временем в личной жизни С.Ф. Платонова происходили важные перемены. В его письме Дружинину от 14 мая 1884 г. встречаем первое упоминание о слушательнице Высших женских курсов в Санкт-Петербурге Надежде Николаевне Шамониной. Платонов просил друга узнать ее адрес²³. 3 июля 1885 г. в Москве, в доме тетки Платонова (по материнской линии) в Лефортово состоялась свадьба С.Ф. Платонова и Н.Н. Шамониной. Шаферами на свадьбе были В.Г. Дружинин, его брат Михаил и С.М. Середонин²⁴. Дружинин же стал крестным отцом первенца четы Платоновых – дочери Нины, родившейся 26 мая 1886 г.²⁵ Выбор спутника жизни был сделан Платоновым весьма удачно. Будучи прекрасной хозяйкой, Надежда Николаевна слыла женщиной высокообразован-

¹³ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 236–236 об.

¹⁴ Там же. Л. 237 об.

¹⁵ Там же. Д. 7. Л. 115 об.

¹⁶ Там же. Л. 116.

¹⁷ Там же. Л. 117 об.

¹⁸ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 132.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 213. Л. 16 об.

²⁰ Там же. Д. 8. Л. 243 об.–244 об.

²¹ Дьяконов М.А. Несколько слов по поводу нового историко-юридического исследования // Сев. вестн. 1885. № 3. С. 173–185.

²² Шмурло Е.Ф. Новый город в Тургайской степи // Сев. вестн. 1887. № 5. С. 1–30.

²³ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 393. Л. 27а об.

²⁴ Там же. Д. 8. Л. 241–241 об.

²⁵ Там же. Д. 393. Л. 41.

ной, выпускница частной классической гимназии С.Н. Фишер, она прекрасно владела древними языками (ею был подготовлен опубликованный в 1894 г. перевод "Риторики" Аристотеля).

В письме К.А. Иванова В.Г. Дружинину от 3 ноября 1886 г.²⁶ упоминается, что "русским историкам" удалось заключить "контракт" с редактором журнала "Библиограф" Н.М. Лисовским, который, в обмен на материальную поддержку журнала согласился предоставить его страницы для научных работ участников "кружка".

Участие в "кружке русских историков" совпало для Платонова с работой над магистерской диссертацией, писать которую он начал 31 июля 1886 г.²⁷ и продолжал работать во время летнего отдыха в 1887 и 1888 гг. на даче у Н.Д. Чечулина в с. Борисоглебское Череповецкого уезда Новгородской губернии. Кроме семьи Платоновых, здесь отдыхал и Середонин. Каждый нашел занятие по душе. "Середонин, например, – пишет Платонов – возмутительно играет: бильярд, винт и крокет чуть не все сутки. Чечулин находит-таки время работать"²⁸. Сам Платонов следит за успехами подрастающей дочери, которая "разрожается еще двумя зубами", вместе с тем, «процветает и совершенствуется: стоит уже довольно твердо, на все вопросы без различия смысла отвечает "ддя!" и приобрела себе прочный румянец и много друзей»²⁹.

4 августа 1887 г. Платонов выехал в Ярославль, где открывался VII Археологический съезд. Он выступил с рефератом по теме диссертации³⁰. Реферат Чечулина "Начало в России переписей и ход их до XVII века" имел, по-видимому, большой успех, вызвав оживленную дискуссию с участием Д.И. Иловайского, Д.И. Багалея, И.Е. Забелина.

Следующее пребывание на даче у Чечулина позволило Платонову совершить долгожданную поездку в Кирилло-Белозерский монастырь, куда они выехали с Середониным 20 июня 1888 г. Своими впечатлениями Платонов делился с Дружининым в письме от 4 июля 1888 г.: "К сожалению, в монастыре нет ни малейших описаний и описей, нет и знающих монахов (теперь их всего 30). Те монахи, к[ото]рые были нашими чичероне, умели только удивляться, что мы с Серг[еем] Мих[айловичем] можем легко разбирать грамоты XVII в. (интересных нет) и вязь на сосудах и пеленах (если б ты видел эти пелены XVI века!). Несмотря на то, что мы могли лишь очень бегло осмотреть монастырь, впечатление у меня осталось подавляющее. Я не видывал из монастырей, кроме Троицы, ничего подобного по археологическому интересу, и, кроме Саввина, ничего равного по красоте"³¹.

В то лето произошло еще одно событие: "Прекрасная погода последних дней, – сообщал Платонов Дружинину 15 июля 1888 г., – подарила нам, однако, такую грозу, о к[ото]рой будем долго вспоминать. Удар грома пришелся уж очень близко. Все были в страхе и бросились смотреть, не загорелся ли дом. Огня не нашли, но в кухне нашли оглушенную громом кухарку без чувств, окруженную черепками суповой чаши. Она стояла у окна. Ее отбросило шага на два внутрь кухни, и когда сложили черепки разбитой чаши, то не досчитались ее половины. Куда исчезла эта половина, осталось неизвестным. Кухарка оправилась на другой день. Остальные отделались испугом, а Ниночка обошлась, по-видимому, без него"³².

²⁶ Там же. Д. 250. Л. 106.

²⁷ Там же. Д. 393. Л. 46.

²⁸ Там же. Л. 58 об.

²⁹ Там же. Л. 60–60 об.

³⁰ Известия о занятиях седьмого Археологического съезда в Ярославле. Ярославль, 1887. С. 7–8.

³¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 393. Л. 92–92 об.

³² Там же. Л. 97 об.–98.

Проходило лето, и кружковцы вновь собирались вместе. Собрания, по-видимому, не протоколировались (Дружинин, во-всяком случае, ничего об этом не сообщает), известно, однако, что кроме рецензий на книги на собраниях зачитывались и обсуждались выдержки из готовящихся диссертаций³³. Об одном из выступлений сохранилось упоминание Платонова в письме Дьяконову: «Если бы Вы знали, какой любопытный реферат читал историкам Середонин. Он утверждает: приказы в XVI в. никогда не назывались четвертями; четверть – есть финансовый округ под управлением думного дьяка; возникли четверти, вероятно, как следствие разделения "дворцового приказа", под к[ото]рым следует разуметь казначейство опричнины; это же последнее образовано было в 1564 г. изъятием из ведомства казначеев доходов с городов, к[ото]рые в опричнину поймал Грозный "наместничьим окупом". Если в этом и есть ошибки, каков все-таки "сэр Эдон"? Кто бы ожидал от него такой способности конструировать теории? Я просто был поражен и очень порадован: я его всегда считал умницей, а теперь убедился в этом»³⁴. О Середонине Платонов все же был того мнения, что "в жизни он остроумнее, чем в науке"³⁵.

"Русских историков" сближал интерес к искусству, прежде всего к поэзии. Писал и издавал сборники своих стихов Иванов, пробовал силы в стихотворчестве Шляпкин³⁶, "несомненным поэтическим даром" обладал Шмурло³⁷, "писал стихи и мечтал о карьере профессионального литератора" Платонов³⁸, одно из своих стихотворений Платонов посвятил магистерскому диспуту Шляпкина (17 марта 1891 г.). В ходу между "русскими историками" были шуточные прозвища: "Комар" (Платонов), "Аввакум" (Дружинин), "Скиф" (Бубнов). Шляпкина, вероятно, за его рано проявившуюся тучность, прозвали "Слоном". Этот образ и пытался обыграть Платонов.

Что так нахмурилась погода,
 Что так туманен небосклон?.....
 Ах! при стечении народа
 Сегодня стал магистром – Слон!

Ах! потому и утро хмуро!
 Ах! потому и неба вид,
 Как серый клок слоновьей шкуры,
 Однообразием томит!

Но пусть в душе не будет серо,
 Хотя погода и дурна.
 Друзья! не соблюдая меры,
 Пить будем здравие Слона!³⁹

Среди "русских историков" мы встречаем либо прямых учеников К.Н. Бестужева-Рюмина (Е.Ф. Шмурло, А.И. Барбашев, И.А. Козеко), либо тех, кто находился под влиянием его исторической школы (прежде всего С.Ф. Платонов). Е.Ф. Шмурло – любимый ученик К.Н. Бестужева-Рюмина – производил (по мнению Дружинина) впечатление человека неискреннего, который «часто вилял в своих мнениях, от чего образовался термин: "шмурление", "шмурлить", т.е. гово-

³³ Там же. Д. 7. Л. 136.

³⁴ АРАН. Ф. 639 (М.А. Дьяконов). Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 49–49. Более полная оценка мнения Середонина была дана в статье С.Ф. Платонова "Как возникли чети?" (ЖМНП. 1892. № 5. С. 158–171).

³⁵ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 60–60 об.

³⁶ Дружинин В.Г. Указ. соч. С. 99.

³⁷ Мильков П.Н. Указ. соч. С. 108.

³⁸ Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов: Ученый, Педагог, Человек. 2-е изд. СПб., 1997. С. 14.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1296 (И.А. Шляпкин). Оп. 1. Д. 79. Л. 150.

речь ни да, ни нет, и притом очень уклончиво»⁴⁰. Платонов воспринимал Шмурло несколько настороженно: преподавая в Александровском лицее, подозревал, что его хотят побудить уйти из него (что он в конце концов и сделал, перейдя в редакцию "Журнала Министерства народного просвещения", к своему учителю В.Г. Васильевскому), чтобы освободить место для Шмурло⁴¹. Платонов признавался Дьяконову в письме от 29 августа 1890 г.: "Больно доставалось мне и осторожное заглядывание в мой карман и душу Бестужева... к[ото]рый потихоньку заботится о своем возлюбленном Шмурле"⁴².

Склонность Шмурло к широким социологическим выводам вызывала у Платонова лишь иронию. Шмурло «читает пропедевтику истории, – писал он, – и не без слушателей, но над ним подтрунивают: он говорит о причинах, по к[ото]рым англичане носят фуфайки, а итальянцы яркий и изящный костюм и т.п. В этом нельзя не видеть манеры великого Бокля⁴³! Евгений Францевич метит в социологи, хотя при иной обстановке желает быть поэтом: по его словам он ездит в Италию "подучивать дорафаэловские школы", "не обходя" при сем и Рафаэля»⁴⁴.

Учеником Бестужева был и другой кружковец – А.И. Барбашев, по свидетельству Дружинина, "замкнутый в себя, малоразговорчивый человек"⁴⁵. По окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета он служил гувернером у сыновей президента Петербургской Академии наук графа Д.А. Толстого, пользовался его расположением и заведовал библиотекой графа. Барбашев написал диссертацию "Витовт и его время", которая хотя и "была слаба", но степень магистра все же он получил. Вторую часть своего труда он представил на степень доктора, но она оказалась еще слабее первой, факультет ее отклонил и это сильно подействовало на Барбашева, он заболел психическим расстройством. 7 января 1892 г. Дружинин сообщал Дьяконову: "Барбашев выздоровел вполне: опять бывает и в кружке историков, и у Серг[ея] Фед[оровича], и у меня, разницы в нем не заметно. По отзывам, его новая книга суха, но Бестужев ставит ее выше первой"⁴⁶.

Учеником Бестужева был и И.А. Козеко, по отзыву В.Г. Дружинина – человек "совершенно бесцветный"⁴⁷, оставивший след в науке, как составитель библиографии своего учителя.

Некоторые из "русских историков" настороженно отнеслись к попытке официально связать их с именем Бестужева-Рюмина. В начале 1889 г. Шмурло выступил с инициативой создания сборника статей учеников Бестужева-Рюмина "наподобие того", что сделали ученики В.И. Ламанского⁴⁸ и вел об этом переговоры с некоторыми из "русских историков". Дружинин, Лаппо-Данилевский и Середонин отказались участвовать в предприятии, поясняя, что "они более слушали Зам[ысловско]го, чем Бестужева"⁴⁹. Платонов также считал для себя "неудобным принять участие", отговариваясь, что в таком случае надо составлять сборник и для Замысловского⁵⁰. 21 сентября 1889 г. он писал Дьяконову:

⁴⁰ Там же. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.

⁴¹ Место С.Ф. Платонова в Александровском лицее занял В.А. Мякотин – ученик Н.И. Кареева.

⁴² АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 41 об.

⁴³ Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк и социолог-позитивист.

⁴⁴ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 53.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 135.

⁴⁶ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 440–477. Л. 53 об.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 131.

⁴⁸ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1513–1548. Л. 4 об.

⁴⁹ Там же. Л. 2, 4 об.

⁵⁰ Там же. Л. 2. Замысловский Егор Егорович (1841–1896) – историк, профессор Петербургского университета в 1884–1890 гг., чл.-кор. Петербургской Академии наук (с 1888 г.).

"Затея Шмурлинского сборника кружку не заявлена. Это – его предприятие и, – по-моему лишнее. Я, признаюсь, не участник этого сборника"⁵¹.

Отказ друзей не обескуражил Шмурло, он заручился согласием М.Н. Бережкова, А.И. Барбашева, И.А. Козеко, И.П. Филевича, рассчитывал на Н.Д. Чечулина, М.А. Дьяконова, Ф.И. Успенского, учениц Бестужева-Рюмина – Е.Н. Щепкину, и Р.Р. Бодуэн-де-Куртенз, но тщетно. "От Шмурло сбежали последние сотрудники по сборнику!" – сообщил Платонов Дьяконову 26 декабря 1889 г.⁵² В том же письме Платонов сообщал, что замещение им на кафедре русской истории тяжело заболевшего Замысловского породило ожидание (Васильевского и ректора Владиславлева. – В.Б.), что он будет работать над докторской диссертацией: «Все это заставляет задуматься и обращаться мыслью к Борису Годунову, к[ото]рый в данном случае может быть не "убийцею", а благоподателем»⁵³. Работу над диссертацией Платонов надеялся завершить менее чем за два года⁵⁴. Перспектива ухода Замысловского из Петербургского университета побудила Платонова подумывать о защите диссертации в Московском. Тему он намеревался согласовать с В.О. Ключевским, воспользовавшись посредничеством П.Н. Милюкова, которому писал 16 апреля 1890 г.: "Я по-прежнему между двух тем и в последнее время, сознаюсь, думаю больше о Борисе, чем об истории Москвы в XVI в. Борис для меня настолько яснее, что я уже теперь могу сообразить общую конструкцию труда: если дать характеристику Бориса, как деятеля, на фоне внутренней истории XVI в., то в пределах биографии уляжется монография о причинах Смуты довольно общего характера, дающая возможность обнаружить степень способности к синтезу и высказаться по поводу существенных процессов общественной жизни Московской эпохи. Тема о Москве неизбежно затянется в мелочи, а этого мне не хотелось бы. Выбор между темами пока довольно труден, и вот невольно является мысль посоветоваться с В[асилием] О[сиповичем]"⁵⁵.

"Русские историки" сыграли значительную роль в создании и деятельности Исторического общества при Петербургском университете. Среди инициаторов находим фамилии Платонова и Шмурло. Членами-учредителями стали и другие участники "кружка" (Бубнов, Дружинин, Козеко, Лаппо-Данилевский, Дьяконов, Чечулин), а действительными членами – Середонин, Лисовский, Иванов. В комитет Общества, избранный 26 ноября 1889 г., вошли Дружинин, Платонов, Шмурло, а также Бершадский, Кареев, Форстен и Васильевский, ставший председателем⁵⁶. Когда Васильевский принял пост председателя, Кареев, по выражению Платонова, "точно помешался"⁵⁷, он отказался от поста вице-председателя и при этом "обиделся напропалую, как дитя"⁵⁸ на Платонова: «Всего его недовольства не передать, – пишет Платонов Дьяконову, – но свинство то, что он по неостроумной догадке болтает, будто "русские историки" напросились в его Общество и его же стали выпирать"». Я, в его глазах, как-будто объявил ему войну от всех р[усских] историков. С этим гусем за себя объясняться не буду, а за кружок, м[ожет] б[ыть], придется"⁵⁹.

⁵¹ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 6.

⁵² Там же. Л. 22 об.

⁵³ Там же. Л. 21 об. 29 октября 1892 г. Платонов писал Дьяконову: "Копаясь над своим Борисом" (Л. 78).

⁵⁴ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбил. науч. сессии ЛГУ. Сек. ист. наук. Л., 1948. С. 52.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 579 (П.Н. Милюков). Оп. 1. Д. 5388. Л. 11 об.–12.

⁵⁶ Историческое обозрение. СПб., 1890. Т. 1 (протоколы). С. 16.

⁵⁷ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 16 об.

⁵⁸ Там же. Л. 18.

⁵⁹ Там же. Л. 14 об.

Формальное нарушение устава Общества давало основание требовать пере-выборов комитета, которые и прошли 6 декабря 1889 г. На этот раз председателем был выбран Кареев, а избранные в комитет Васильевский и Платонов отказались в него войти, что приобрело "вид протеста" но "не отразилось на челе г. Кареева"⁶⁰. Васильевского и Платонова заменили Дружинин и Лаппо-Данилевский⁶¹, таким образом трое из шести членов комитета (Шмурло, Дружинин, Лаппо-Данилевский) представляли "кружок русских историков", при этом Лаппо-Данилевский являлся (1889–1894) секретарем Общества.

Первые серьезные разногласия внутри "кружка русских историков" были вызваны именно выборами председателя Исторического общества. Лаппо-Данилевский считал, что Васильевский был избран в обход Кареева "чуть ли не по науськиваниям почтеннейшего Платонова и К^о". Отказ Васильевского и Платонова войти в комитет Общества не встретил у Лаппо-Данилевского ни одобрения, ни понимания: "Старику Васильевскому, – писал он Милюкову 6 декабря 1889 г., – не особенно извинительно капризничать, а уж молодому знаменитому ученому Платонову совсем не пристало вечно ссориться и вводить властолюбие и партийные расчеты в хорошее дело. Тяжелое, ужасно тяжелое впечатление получается от всех этих дрызг. Такая масса у нас флюгеров и тормозов, что мне в голову приходит завязать торговые сношения с азиатским востоком, куда можно будет сбывать эти произведения по очень выгодным ценам"⁶².

Между тем Платонов счел нужным пояснить Милюкову (в письме от 10 мая 1890 г.) свою позицию в отношении Кареева. Хотя, считал Платонов, его "скорее следует бранить или осмеивать" за то, как он руководит Обществом, однако "за Кареевым та честь, что он энергично начал почтенное дело собирания "рассыпанной храмины" наших петербургских историков, и это меня обезоруживает, как обезоруживает и то, что Кареева у нас достаточно гонят и травят вне его Общества: он пасынок своих сослуживцев"⁶³.

В конфликте Платонова с Кареевым Лаппо-Данилевский был явно на стороне последнего, однако сам Кареев, поглощенный председательскими обязанностями и личной обидой на "русских историков" вряд ли давал себе труд разбираться в оттенках их мнений. Он был назначен, "хотя и отнекивался", как свидетельствует Платонов, официальным оппонентом на диспут Лаппо-Данилевского (9 мая 1890 г.). «Если бы Вы видели, – писал Платонов Дьяконову, – его блаженное "мурло", когда дело решилось в его пользу!»⁶⁴. Интерес Кареева к сотрудничеству с "русскими историками" проявился, в частности, в его намерении придать журналу "Библиограф" статус издания Исторического общества. 2 декабря 1889 г. Платонов сообщал Дьяконову, что Кареев "заключил прелиминарный контракт с Лисовским на печатание протоколов" Общества в его "Библиографе"⁶⁵, однако на пути сотрудничества с Лисовским стали сами "русские историки". Сведения об этом находим в письме Дружинина Дьяконову от 12 января 1890 г. Он пишет о Лисовском: "Шмурло по отношению к нему вместе с Л[аппо]-Данилевским сделали большую пакость. Кареев предложил в совете Общества принять "Библиограф" за орган Общества, – но они оба восстали. К счастью, дело еще не решено окончательно. Я понимаю, взять Лисовского в руки и упорядочить его – это возможно; но, прямо топить – некрасиво"⁶⁶.

⁶⁰ Там же. Л. 22.

⁶¹ Историческое обозрение. Т. 1. С. 19.

⁶² ГАРФ. Ф. 579 (П.Н. Милюков). Оп. 1. Д. 4858. Л. 11 об.

⁶³ Там же. Д. 5388. Л. 13 об – 14.

⁶⁴ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 51–51 об.

⁶⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶⁶ Там же. Д. 440–477. Л. 76.

Тем не менее решением общего собрания Исторического общества 24 января 1890 г. соглашение Кареева с Лисовским об использовании "Библиографа" приобрело официальный характер⁶⁷. Настойчивость, проявленная Кареевым, диктовалась, очевидно, его убеждением, что Историческому обществу необходимо заняться в первую очередь составлением "систематического обзора русской библиографии". Для "русских историков", занятых подготовкой диссертационных исследований, библиографическая работа утратила прежний интерес. Это проявилось и в дальнейшем, когда Историческое общество решило готовить собственное издание. Шмурло высказался против, "по преимуществу, библиографического характера" будущего журнала⁶⁸, что, очевидно, не устраивало его (как и Лаппо-Данилевского) в журнале Лисовского. Однако средств на издание собственного журнала, по-видимому, не хватало, и Кареев начал отстаивать идею издания сборника, высказываясь в том смысле, что предлагаемый Шмурло "малый" журнал лишь "дискредитирует" Общество. Точка зрения Кареева возобладали и 25 апреля 1890 г. Историческое общество решило начать издание сборника, отложив издание журнала⁶⁹.

Тем временем в семейной жизни С.Ф. Платонова происходили перемены. После дочери Веры, родившейся в ночь накануне защиты Сергеем Федоровичем магистерской диссертации (11 сентября 1888 г.)⁷⁰, родилась третья дочь – Надежда (18 июня 1890 г., крестным отцом ее стал С.Л. Степанов)⁷¹. В августе того же года семья Платоновых переехала в шестикомнатную квартиру на углу улиц Ивановской и Ямской (д. 18/29). По случаю новоселья Сергей Федорович сообщал Дьяконову: "Все здоровы, цветут и шумят неистово. Под нами живет А.Н. Бекетов⁷²; узнает он, что значат наши дети!"⁷³ Платонов назначается товарищем главного редактора (В.Г. Васильевского) "Журнала Министерства народного просвещения" и членом Ученого комитета того же министерства, который возглавлял А.И. Георгиевский⁷⁴. "Из Уч[еного] ком[итета], – писал Платонов Дьяконову, – вынес я одно сильное впечатление от самого Георгиевского: это очень способный человек. Если бы Вы видели, как он мастерски ведет заседание и как непрерывно сам в заседании работает. По книге он следит за рецензией о книге и очень метко спрашивает и возражает; быстро осваивается со всяким новым вопросом и сразу смотрит в суть дела. Он достиг того, что ни минуты в заседании не теряется, и в два-три часа решается такая масса дел, – и с таким толком, – что диву даешься. Вот в чем секрет его карьеры – в этой деловитости! Васильевский говорит, что раньше, когда Георг[иевский] был свежее, это уметь делать дело поражало еще более". И хотя "дебаты ведутся свободно", Георгиевский "держит себя царственно"⁷⁵.

По воспоминаниям В.Г. Дружинина, С.Ф. Платонов легко сходил с людьми, был корректен в отношениях с ними и терпим, не порывал даже с теми, кто платил ему неблагодарностью, вместе с тем был чувствителен к словам окружающих, порой видел обидный смысл там, где его не было. Вообще, делал

⁶⁷ Историческое обозрение Т. 1. С. 23.

⁶⁸ Там же. С. 30.

⁶⁹ Там же. С. 38.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 245.

⁷¹ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 37.

⁷² Бекетов Андрей Николаевич (1825–1902) – ботаник, профессор Харьковского университета в 1859–1861 гг., ректор Петербургского университета в 1876–1883 гг., председатель Совета Высших женских курсов в 1882–1889 гг.

⁷³ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 42–43 об.

⁷⁴ Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) – редактор "Журнала Министерства народного просвещения" в 1868–1870 гг., председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1873–1898 гг.

⁷⁵ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 50об–51.

вывод Дружинин, "видав много людей, он плохо в них разбирался"⁷⁶. Тем ценнее для Платонова было общение с давними друзьями по "кружку русских историков". По мнению Дружинина, уступая Лаппо-Данилевскому "в эрудиции и общем образовании", Платонов, как историк, был "несравненно его талантливей"⁷⁷. Лаппо-Данилевский производил, по очевидно крайне субъективному мнению Дружинина, впечатление человека плохо воспитанного, был "очень угловат в обращении", держал себя с достоинством с равными или зависимыми от него людьми и надменно – по отношению к вышестоящим, впрочем, умея сменить тон на почтительный, когда это было нужно⁷⁸. Противоречия между двумя наиболее яркими представителями "кружка русских историков", Платоновым и Лаппо-Данилевским, выявились в оценке творчества их товарища Н.Д. Чечулина, с 1882 г. работавшего над основным трудом своей жизни – "Русская провинция во второй половине XVIII в."

"У Чечулина, – писал Лаппо-Данилевский Милюкову 24 сентября 1889 г., – как мне кажется, две коренные ошибки: во-первых, он берется судить об уровне нравственного развития прежнего общества, а между тем не определяет, что следует считать основными признаками такого уровня и поэтому смешивает психический аффект с взаимоотношением сознания к психическому аффекту, тогда как то и другое с динамической точки зрения представляются весьма разными. Не определив исходной точки зрения, он, во-вторых, не определяет и объекта, к которому она могла бы найти приложение. Что такое провинциальное общество XVIII в.? Есть ли это духовный, экономический или сословный союз и если да, то почему и в какой мере? И то и другое остается невыясненным, а поэтому в результате получается не здание, а полуразвалившаяся стена, на которой, однако, горделиво развивается флаг. Вы говорите, что этот флаг выставлен несознательно. Я в этом не уверен ... Только конец вашей рецензии ужасно страшный. Видно, что Вы крепилась, крепилась да и разразились-таки под конец. Читали ли вы другую книгу Чечулина о городах XVI в.? Тоже, по моему, необработанное сырье с кое-какими, не всегда верными примечаниями"⁷⁹. Об этой, второй, книге Чечулина Лаппо-Данилевский добавлял в другом письме: "Леонид Майков⁸⁰, человек бесспорно умный, хвалит книгу вообще и между прочим потому, что в ней видно умение располагать материал, есть система. Я как ни напрягаю зрения, не вижу в ней системы, а только довольно аляповатое, чисто механическое построение. Должно быть слепну от нестерпимого блеска бесконечного количества светил, рассеянных на петербургском небе. Правда, что при ближайшем знакомстве с последними многие напоминают пустые оловянные посуды; ну да что же делать? И где же их нет"⁸¹.

Отношение Платонова к Чечулину было мягче, проникнуто симпатией, что и сказалось на диспуте Чечулина 11 марта 1890 г., где Платонов выступал в качестве официального оппонента. Он подверг работу Чечулина развернутой критике, однако в его выступлении не содержалось ни слова о переделке, хотя, как писал с иронией Лаппо-Данилевский, "диспутант это замечательное свое мнение выставил в тезисах"⁸². Разница в оценках творчества Чечулина

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 9. Л. 26–26об.

⁷⁷ Там же. Д. 7. Л. 127. 16 ноября 1895 г. Дружинин писал Дьяконову: "Лап[по] – Данилевский подает уже 1 1/2 пальца (с января, говорят, будет подавать один); я, впрочем, составляю исключение и получаю всю десницу" (АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 440–477. Л. 4–4об).

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 121об–122.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 1 об–2.

⁸⁰ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – историк русской литературы, редактор "Журнала Министерства народного просвещения" в 1882–1890 гг., вице-президент Петербургской Академии наук в 1893–1900 г., председатель Археографической комиссии в 1899–1900 гг.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 10–10 об.

⁸² Там же. Л. 16.

Платоновым и Лаппо-Данилевским объяснялась различием в отношении каждого из них к задачам и методам исторического исследования⁸³, хотя и иные личные мотивы, вероятно, имели место. Впрочем, иногда, оценки Платонова и Лаппо-Данилевского совпадали. Сходные чувства вызвал у них дебют в Петербургском университете приват-доцента И.П. Сенигова⁸⁴ ("Иосифа Прекрасного", по выражению Платонова). «Этот господин, – писал о Сенигове Лаппо-Данилевский 12 октября 1889 г. – в одной из аудиторий решил совершить испражнение, которое назвал вступительной лекцией в историю Новгорода Великого. Я не пошел; боялся, что придется лечиться после этого от морской болезни несколько дней, но кое-что слышал о лекции. Лекция состояла в изложении "идеи русской истории", начиная от сотворения мира до Петра Великого. Лектор указал на то, что он идет по стопам Соловьева и Бестужева-Рюмина. Но дальнейшее изложение не совсем оправдало это скромное утверждение, так как оказалось совершенно непонятным для слушателей. Мне не могли разъяснить, в чем состояло содержание этой лекции, очевидно потому, что такового не оказалось»⁸⁵.

«Событие у нас – лекция Сенигова, – пишет Платонов Дьяконову 13 октября 1889 г. О ней нельзя писать: нужно переписать всю; а пересказать будет трудно, ибо трудно запомнить. Это невообразимый сумбур "географических" фактов, произвольных гаданий, противоречий и самого вопиющего невежества, обличенного в напыщенную оболочку "высокого штиля" с философскими притязаниями. Несчастный вызубрил лекцию наизусть, сказал ее с чувством, но монотонно, совершенно так, как по мертвым псалтирь (сравнение – не мое). Он верит, что "варяги жили за морем" и пришел Рюрик; что против него восстал Вадим и доказал этим, будто Новгороду суждено было развить у нас в истории "личное начало", что Новгород подарил Москве источники права в виде своей Судной грамоты, а Москва до тех пор была без правового сознания; что кое-какие "по-нятия о праве и юридических отношениях" все-таки были известны Древней Руси, хотя она и пребывала в "родственно-общинном" быту. И все это слушал Фойницкий⁸⁶, черт знает зачем пришедший на лекцию! На мое замечание Васильевскому, что Сенигов его враг в Варяжском вопросе, он ответил: "не мой он враг, а здравого смысла". Аудитория и аплодировала и шикала Сен[иго]ву, шикала явно. Признаться, сердце болело за безобразие, при котором пришлось быть!»⁸⁷

Единодушие Платонов и Лаппо-Данилевский проявили в оценке III тома "Истории России" Д.И. Иловайского: "Не задолго до меня, – писал Лаппо-Данилевский Милюкову, – был у него (Бестужева-Рюмина. – В.Б.) ваш московский генерал по русской истории сиречь аты-баты, воротило Гуннского вопроса и современных дел Д.И. Иловайский. Как вам нравится последнее печение сего мужа? Я пока только и успел прочесть одну главу из его III тома о государственном строе Московской Руси. И, правду сказать, удивился; все же не ожидал такой бедноты"⁸⁸. 2 декабря 1890 г. Платонов писал Милюкову: "Иловайского я от души хочу пощипать и, конечно, не утрушусь с его стороны инсинуаций, подобных тем, какими он попотчевал Герье⁸⁹ и Корелина⁹⁰ [...]"

⁸³ Чирков С.В. Указ. соч. С. 22–23.

⁸⁴ Сенигов Иосиф Петрович (род. в 1859 г.) – историк, приват-доцент Петербургского университета в 1889–1899 гг.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 306–4.

⁸⁶ Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) – юрист, профессор Петербургского университета.

⁸⁷ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 8–8 об., 10.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 14.

⁸⁹ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – профессор всеобщей истории Московского университета, организатор Московских высших женских курсов.

⁹⁰ Корелин Михаил Сергеевич (1855–1899) – историк-медиевист, профессор Московского университета в 1893–1899 гг.

Книжка-то местами просто возмутительна"⁹¹. Впрочем, Платонов отнюдь не разделял обвинений в адрес Иловайского в "плагиативном способе писания"⁹².

Отъезд Дьяконова, а затем Шмурло на преподавательскую работу в Дерпт, впоследствии Бубнова в Киев, различные житейские коллизии (болезнь Барбашева, Козеко) привели к ослаблению связей между "русскими историками". 15 октября 1890 г. Дружинин писал Дьяконову: "Историки собираются довольно туго; и ходят мало и сообщений нет. Думаем затеять какую-либо общую работу, это оживит деятельность"⁹³. Сказался на деятельности "кружка" и отход от него Лаппо-Данилевского. 28 октября 1891 г. Платонов писал Дьяконову: "Не имеете ли сведений о том, в каком настроении пребывает Александр Сергеевич относительно своих знакомых? Он ведет себя с таким невниманием, что приходится считать отношения прерванными. Впрочем, говорят, что он очень занят"⁹⁴.

Напротив, в деятельности Исторического общества, с которым Лаппо-Данилевский связал свою творческую судьбу, Платонов принял лишь ограниченное участие, которое свелось к его выступлению на заседании 13 февраля 1891 г. с рефератом по случаю выхода III тома "Истории России" Д.И. Иловайского⁹⁵. За различием в отношении к Историческому обществу, ставшему "в известной степени общественной трибуной для либеральной профессуры"⁹⁶, стояло несходство в общественных взглядах петербургских историков, усугублявшееся личными антипатиями. 10 февраля 1890 г. И.М. Гревс писал Дьяконову, которого считал своим политическим единомышленником: "Чечулину не симпатизирую, правда, как человеку малоинтеллигентному и грубому, с Платоновым также не стремлюсь водить постоянного знакомства, т.к. он представляется мне в значительной степени карьеристом и человеком неискренним; о Дружинине ничего кроме хорошего не знаю и не думаю"⁹⁷. Личной неприязнью к некоторым из "русских историков" диктовалось, очевидно, желание Гревса напомнить Дьяконову его будто бы высказывание, что в "кружке" имеет место "постоянный разлад и пересуды", а также истолкование в узко-карьерном смысле слов Шмурло о совместном достижении магистерских дипломов как цели "кружка"⁹⁸. Слишком буквально написанное Гревсом воспринял А.Г. Слонимский⁹⁹.

Для характеристики общественных взглядов С.Ф. Платонова интересно проследить эволюцию его отношений с П.Н. Милюковым. С "русскими историками" Милюкова познакомил Шмурло¹⁰⁰. В свою очередь Платонов через Милюкова познакомился с московскими историками. 10 февраля 1890 г. он писал Милюкову: "У вас я, кажется, видел Кизеветтера¹⁰¹, а здесь мельком слышал его имя с довольно лестными эпитетами; о нем говорилось, как об историке, подающем надежды. Кто этот Кизеветтер? Печатал ли он что-нибудь?"¹⁰²

⁹¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 27–27об.

⁹² Там же. Л. 31об–32.

⁹³ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 440–477. Л. 83.

⁹⁴ Там же. Д. 1073–1162. Л. 64 об.

⁹⁵ Историческое обозрение. СПб., 1891. Т. 2. С. 18.

⁹⁶ Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Вып. 2. С. 141.

⁹⁷ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 276. Л. 1об., 3.

⁹⁸ Там же. Л. 3–3об.

⁹⁹ См.: Слонимский А.Г. Основание Исторического общества при Петербургском университете // Уч. зап. Ист. фак-та Тадж. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Душанбе, 1973. Вып. 1. С. 28.

¹⁰⁰ Милюков П.Н. Три поколения // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага: Нарва, 1937. Кн. 3. С. 13.

¹⁰¹ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, общественный деятель, приват-доцент (с 1909 г. профессор) Московского университета в 1900–1911 гг.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 4об.

Платонов оказал Милюкову, по его словам, "большую услугу", добившись публикации его диссертации в "Журнале Министерства народного просвещения"¹⁰³. «Диссертация Милюкова, – писал Платонов Дьяконову, – мне, признаюсь, очень нравится – более, чем диссертация Лаппы; в ней больше здравого смысла и меньше "логических фигур"; притом она открывает горизонты, менее известные, и раз автор с ними справляется, ему больше чести»¹⁰⁴.

Впечатление от участия Милюкова в заседании "кружка" 2 января 1892 г. нашло отражение в переписке "русских историков". "Милюков стал как то общительней, чем прежде; мне, – писал Дружинин, – представляется, что у него сгладилась и та излишняя самоуверенность, которая несколько портила производимое им впечатление. Он теперь гораздо проще, хотя и не прочь свой научный товар показать лицом"¹⁰⁵. Милюков, отмечает Платонов, "по-прежнему любопытен и мил и ... себе на уме. Нет здесь лагеря (из ученых), где бы он не устроил дневки"¹⁰⁶.

Преподаванием в Александровском лицее Платонов удовлетворен не был, хотя и существовало мнение, что он "умел держать аудиторию в должном респекте", но большинство классов состояло, по его признанию, из "дряни", а преподаватели не были объединены между собой ничем, "кроме ссудно-сберегательной кассы" и потому уходил Платонов из Лицея "с удовольствием"¹⁰⁷. В 1891 г. в Педагогическом музее военно-учебных заведений, находившимся на территории Соляного городка в Санкт-Петербурге, "для систематической организации чтения публичных лекций", был организован научный отдел, членами которого стали Платонов и Шмурло¹⁰⁸. «Знаете ли Вы, – писал Платонов Милюкову 24 января 1891 г., – что и у нас начался "женский университет" в Соляном городке наподобие Вашего, но мы разные: Трачевский¹⁰⁹ и М. Семевский¹¹⁰ сходят за историков и связи с Университетом у этого женского университета мало, а порядка, системы там и вовсе нет»¹¹¹. В Соляном городке Платонов прочитал следующие лекции: "Русское общество перед реформой Петра Великого", "Соловьев и Кавелин, происхождение и падение их исторических взглядов".

Смерть в 1893 г. новорожденного сына, потрясая семью Платоновых, заставила искать забвения в дальней поездке. О своих путевых впечатлениях Платонов писал Дружинину: "Дорогою все восхищался: и долина Миасса, и горы около Златоуста, и далее – очень хороши! Около Златоуста утром мы вошли в туман, который, с солнечным теплом, превратился в облака, и эти облака поползли, подымаясь, по самому городу Златоусту и по горам. Это было удивительно хорошо. Я не спал ни ночь, ни день до самой Уфы"¹¹². Затем путь Платонова лежал в Самару, откуда он выехал пароходом в сторону Сызрани. Летняя поездка завершилась пребыванием Платонова в Вильно, где состоялся IX Археологический съезд. "Я починил свои нервы Уралом (что за прелесть!), Самарской степью и Вильною"¹¹³, – писал он Дьяконову 31 августа 1893 г.

¹⁰³ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 110.

¹⁰⁴ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 53–53 об.

¹⁰⁵ Там же. Д. 440–477. Л. 53–53 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1073–1162. Л. 70.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 45 об–46.

¹⁰⁸ Историческое обозрение. Т. 2. С. 187.

¹⁰⁹ Трачевский Александр Семенович (1838–1906) – профессор всеобщей истории Новороссийского (Одесского) университета, приват-доцент Петербургского университета (с 1890 г.).

¹¹⁰ Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – историк, журналист, основатель и издатель-редактор журнала "Русская старина".

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5388. Л. 38 об.

¹¹² РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 394. Л. 6–6 об.

¹¹³ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 94.

«Летом я отдыхал всюду, и виленский реферат¹¹⁴ – плод весеннего времени. Мне хотелось вызвать разговор об огнищанах – филологический. Я решился заявить, что *огн[ищанин]*. Р[усской] Правды и новгородские огнищанины – не одно и то же: первый – княжеский дворский, вторые – княжьи дворяне, что термин *libertus* не есть подделка Ганки¹¹⁵ и не противоречит двойной вине за огнищанина; наконец, что статья 20 *акад[емического списка]* должна переводиться приблизительно так: "если убьют огнищанина при (вверенных ему) клетки, конюшне, кладовой или скотном дворе, то (головника) убить как пса". Разговоров было много, но толку мало. Если бы мне добиться, что значит "тивуниц" в отличие от "тивуна", я бы живо написал статейку. Но ничего я на съезде не добился! Кроме указания, что в Новгородских краях "огнищанин" бранное слово и значит: доносчик, фискал»¹¹⁶.

Спад (с 1890 г.) в деятельности "кружка русских историков" побудил Платонова подумывать о новой форме ее возрождения. Сообщая Дьяконову 18 апреля 1894 г. о своем избрании управляющим отделением русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества, секретарем которого остался Лаппо-Данилевский, ставший, по выражению Платонова, "гораздо мягче и приличнее", Сергей Федорович писал: "Кружок р[усских] историков получает таким образом вид "отделения" и может предпринимать даже ученые издания"¹¹⁷. "Русские историки" собирались и впоследствии. 10 января 1895 г. Платонов сообщал Дьяконову: "На праздниках как-то все были в духе, и можно было по нашим разговорам и шуткам вспоминать лучшие дни исторического кружка"¹¹⁸. Получив известие о высылке Милюкова из Москвы в административном порядке, Платонов пишет Дьяконову 26 февраля 1895 г.: "О Милюкове, к сожалению, сведения верны; не одни нижегородские чтения, а все в нем не нравилось, и наше Министерство потому и не заступилось за него. Попытки побудить пересмотреть это дело пока даже не выслушиваются"¹¹⁹.

Вовлечение Милюкова в политическую деятельность привело к окончательному прекращению его отношений с Платоновым: "Слышали ли Вы, – писал он Дьяконову 4 февраля 1901 г., – что Милюков сильно компрометирован и задержан? Последний год он исчез с нашего горизонта и ушел в кружки. Я не видел его с марта и слышал о нем то, что вызывало недоумение и сожаление. Наука его потеряла"¹²⁰. "Общественно-идеологическая позиция С.Ф. Платонова, – отмечает Н.Н. Покровский, – не поддается четким дефинициям"¹²¹. Политика интересовала Платонова в той мере, в какой она сказывалась в области науки и образования. В 1902 г. он пишет Дьяконову: «Вы уже знаете, разумеется, что с 6 апреля Ванновского¹²² и Мещанинова¹²³ уже "нет", и Минис-

¹¹⁴ С рефератом "Об огнищанах" Платонов выступил 11 августа 1893 г. См.: Известия IX Археологического съезда в г. Вильне. Вильна, 1893. № 11. С. 9.

¹¹⁵ Ганка Вацлав (1791–1861) – чешский филолог-славист, писатель, автор талантливых литературных подделок, чл.-кор. Петербургской Академии наук (с 1840 г.).

¹¹⁶ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 95–95 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 106а об.

¹¹⁸ Там же. Л. 113 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 115.

¹²⁰ Л. 142 об. Последний раз Платонов встречался с Милюковым 11 марта 1900 г. См.: Корзун В.П. Указ. соч. С. 179.

¹²¹ Споры вокруг судьбы академика С.Ф. Платонова // ОИ. 1998. № 3. С. 143.

¹²² Ваинковский Петр Семенович (1822–1904) – генерал от инфантерии, военный министр в 1882–1898 гг., министр народного просвещения в 1901–1902 гг.

¹²³ Мещанинов Иван Васильевич (род. в 1846 г.) – начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции в 1900–1901 г., товарищ министра народного просвещения в 1901–1902 гг.

терство, по-видимому, перейдет в руки Зенгера¹²⁴ и П.В. Никитина¹²⁵. Это значит, что в Лазарево воскресение (6 апреля) воскрес классицизм, уже "смердевший" во гробе. Я лично горюю за историю. Она хорошо была поставлена в нашем проекте; жаль, если он останется втуне. Жаль и старика Ванновского. Насколько можно судить, его подкосила непригодность его ближайших помощников и исполнителей»¹²⁶.

От даже косвенного вовлечения в деятельность, носящую политический оттенок, Платонов не ждал ничего хорошего ни для себя, ни для друзей-историков. Часть переписки с Дьяконовым посвящена попытке предостеречь его от возможного участия в преподавании в созданной профессором М.М. Ковалевским и другими учеными русской Высшей школе общественных наук в Париже, находившейся "под контролем" русских эмигрантов-масонов¹²⁷. 19 ноября 1902 г. Платонов писал Дьяконову: «Я старался разведать желаемое Вами, говорил с тремя лицами и видел, что вопрос "смушал": точно никто ничего не хотел отвечать, улыбались и трунили над "университетом". Ясно одно, что сочувствия делу нет и его участники не одобряются. Но в то же время читавший в Париже Аничков¹²⁸ без зацепок утверждён приват-доцентом; значит, формальных последствий "не было"»¹²⁹.

6 мая 1903 г. Платонов вновь пишет Дьяконову: "Из очень хорошего источника я на днях узнал, что Министерство и сам г. Зенгер очень дурно относятся к Парижской школе. Считаю долгом сообщить Вам об этом, чтобы Вы знали, что возможны и последствия Вашего участия в Школе, для Вас нежелательные. Считаю Вашу поездку риском, ибо о Ваших лекциях здесь очень скоро узнают и оценят их по-своему"¹³⁰.

В следующем письме от 11 мая 1903 г. Платонов раскрыл источник полученной им информации: «Сведения, которые Вас так смутили, я получил в намеке 1 мая, а обстоятельно 3 мая. Раз они повлияли так решительно на Вашу волю, я считаю себя обязанным быть откровеннее. Пирлинг¹³¹, знающий Школу, у Нарышкиных говорил с самим Зенгером и удивился тому живому осуждению, с каким министр отнесся к Школе. Пирлинг думает, что Школа только либеральна и даже имеет целью отвлечение молодежи от анархизма. Министр не разделял такого оптимизма и, очевидно, считал Школу стоящей в прямой связи с "движением". Из его слов видно было, что за Школой есть бдительный надзор и что здесь знают все, что происходит в Школе. Это особенно поразило Пирлинга и он несколько раз возвращался к этой теме. Из всего, что было говорено, было совершенно ясно, что участие в Школе определило бы вашу физиономию для Министерства такими чертами, какие ей несвойственны и нежелательны для Вас в виду перехода в Москву. Поэтому-то я и решил написать Вам: Ваши слова о риске я помнил. Для меня теперь стало ясно, почему полгода тому назад на мои фразы о Школе чиновники настораживались, подтягивались и переходили на шуточки, не желая поддерживать "рискованного" разговора.

¹²⁴ Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919) – министр народного просвещения в 1903–1904 гг.

¹²⁵ Никитин Петр Васильевич (1849–1916) – филолог, ректор петербургского университета в 1890–1897 гг., вице-президент Петербургской академии наук (с 1900 г.).

¹²⁶ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 145 об–147.

¹²⁷ Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX в. СПб., 1997. С. 31.

¹²⁸ Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, приват-доцент Петербургского университета (с 1902 г.), один из основателей русской Высшей школы общественных наук в Париже.

¹²⁹ АРАН. Ф. 639. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

¹³⁰ Там же. Л. 4.

¹³¹ Пирлинг Павел (1840–1922) – историк, иезуит.

Я очень рад, что Вы не будете там, хотя и боюсь, что Вы сочтете меня виновником Вашего "уныния" и будете на меня пенять»¹³².

Узнав о решении Дьяконова отказаться от преподавания в Париже, 25 июля 1903 г. Платонов пишет ему: «Я сердечно рад, что Вы склонились в пользу моих предостережений. Париж послужил бы таким препятствием для перехода в Москву, в котором винить можно было бы Вас самих. Теперь же, если переход не состоится, нельзя будет слагать на Ваши "вины". Мудрено писать свои догадки, но при свидании я сообщу Вам, для кого, по моим догадкам, желательнее *взять Вас из Юрьева* хотя бы и не в Москву. Для этих по-видимому лиц и понадобилось приглашать Вас в Одессу, не решив еще дела о Москве. Вы не подались туда и хорошо сделали: теперь они не будут против ухода Вашего, хотя бы в Москву, раз Юрьев им "нужен". Я решаюсь высказать такого рода соображения пот[ому] что кое-что слышал о желаниях лиц, подписывающих Вам запросы, и их близких»¹³³.

С увольнением Кареева (1899) из Петербургского университета деятельность Исторического общества "почти полностью прекратилась"¹³⁴, но в 1903 г. она была вновь возрождена. Историческое общество разделилось на две самостоятельные секции: всеобщей истории (под председательством И.М. Гревса) и русской истории (под председательством А.С. Лаппо-Данилевского), который попытался привлечь С.Ф. Платонова, но вынужден был отступить. 21 января 1904 г. Лаппо-Данилевский писал Дьяконову: "Платонов отказался от участия, но ученики его ходят и даже хотят принимать участие в наших занятиях"¹³⁵.

Историческое общество действительно сыграло заметную роль в судьбе молодых ученых – учеников Платонова (Н.П. Павлова-Сильванского, А.Е. Преснякова, М.А. Полиевктова, С.В. Рождественского и др.): их становление происходило в тесном научном общении с Лаппо-Данилевским, Дьяконовым – товарищами Платонова по "кружку русских историков". Став в 1903 г. директором женского Педагогического института и переселившись на Малую Посадскую, Платонов завел у себя вечера ("среды"), охотно посещавшиеся петербургскими учеными, иногда здесь звучал рояль, на котором прекрасно играл профессор А.А. Васильев¹³⁶. Надежда Николаевна Платонова увлеклась игрой на фортепиано, а Дружинин – на скрипке. Они составляли дуэт¹³⁷. Близким друзьям Платонова трудно было беседовать с хозяином, занятым гостями, но они восполняли недостаток общения, собираясь ежемесячно тесным кругом, как и раньше, обычно у Дружинина.

С годами, по мере изменения общественного положения "русских историков", продвижения их по служебной лестнице, между ними, пишет В.В. Саханев, очевидно со слов Шмурло, "ослабела необходимость в постоянном живом обмене мыслями"¹³⁸, собрания "русских историков" все более стали походить на светское времяпрепровождение, чему способствовало участие в них известного археолога и востоковеда Н.И. Веселовского – человека соответствующих вкусов и привычек. «На столе, кроме чая, появился недурный херес, стал раскрываться и карточный столик, за которым шла игра в "тетку"¹³⁹. Чаше других играли

¹³² АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 153–154об.

¹³³ Там же. Л. 148–150.

¹³⁴ Кононова Н.Н. Указ. соч. С. 141.

¹³⁵ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698–779. Л. 104.

¹³⁶ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 249. Васильев Александр Александрович (1867–1953) – историк-византинист, профессор Юрьевского университета в 1904–1912 гг.

¹³⁷ Там же. Л. 240 об.

¹³⁸ Саханев В.В. Евгений Францевич Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага: Нарва, 1937. Кн. 3. С. 41.

¹³⁹ Саханев В.В. Указ. соч. С. 41.

Веселовский и Чечулин, к ним присоединялись Шмурло и Дружинин, только Платонов никогда не брал карт в руки. Традицию дружеского общения поддерживали совместно отмечаемые юбилеи. 27 февраля 1911 г. "русские историки" отметили 30-летие начала научной деятельности Платонова. "Решили устроить таким образом, – писал Дружинин Шляпкину, – предупредить [Сергея] Фед[оро-вича], приехать к нему часа в 2 дня. Н.И. Веселовский – старший из участников – скажет спич и поднесет сборник. Этим и окончили дело, устроив всякую закуску и выпивку»¹⁴⁰.

Важной составной частью образа жизни Платонова были поездки по стране. Из "русских историков" заядлым путешественником считался Шмурло, но и Платонову была введена страсть к путевым впечатлениям. Его старшая дочь, Нина Сергеевна, вспоминала: "В старое время все члены нашей семьи питали слабость к путешествиям по Волге и изъездили ее от Твери и до Астрахани очень основательно, ведя при этом жизнь купчих Островского или Кустодиева..."¹⁴¹ Попад в 1903 г. в дачное местечко Меррекуль (Везенбергский уезд, Эстляндская губерния), Платонов писал: "Меррекуль оказался лучше, чем мы ожидали, но все-таки – не по нас: вздыхаем о деревенском приволье"¹⁴². Волга, "Волгино верховье" – любимые места Платонова, впрочем, он был открыт для разнообразных впечатлений. Путешествие по Кавказу летом 1903 г. привело его в восхищение: особенно понравились Военно-грузинская дорога и Батум¹⁴³.

Летом 1909 г., после поездки во главе группы слушательниц женского Педагогического института в Константинополь, Пирей, Афины¹⁴⁴, Платонов с семьей направился в Валуйский уезд Воронежской губернии. "Я лично очень доволен тем, – писал Платонов Дружинину, – что дети увидели этот край, старое "дикое поле"¹⁴⁵. Сам он использовал лето для работы над "Учебником русской истории", но нашел время и для иного, о чем сообщал Дружинину: «Представь себе: я, пожалуй, здесь произведу раскопку заведомо плохого курганчика – для демонстрации сего дела, а равно существующих здесь "майданов", членам учительского съезда, существующего с 1-го августа в Валуйках»¹⁴⁶.

Лето следующего года Платоновы провели в д. Свапуца Осташковского уезда Тверской губернии, ездили (6–9 июля 1910 г.) в сопровождении председателя Тверской губернской ученой архивной комиссии И.А. Иванова к истокам Волги и Западной Двины, с посещением г. Торопца¹⁴⁷.

Летом 1911 г. Платонов с дочерью Верой побывали на Русском Севере, в Архангельске¹⁴⁸.

Лето следующего года семья Платоновых провела в Крыму, поселившись на даче Н.Д. Чечулина в Ялте (Балаклавский тупик, д. 8). 14 июля 1912 г. Платоновы отправились в путь: побывали в Севастополе, Георгиевском монастыре, Балаклаве, Бахчисарае, Чуфут-Кале¹⁴⁹.

Летом 1914 г. Платонов вновь путешествовал по Кавказу. "Ездили мы, – писал он Дружинину, – более 3 недель, добрались до Батума, были за облаками и

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 37. Л. 69об.

¹⁴¹ АРАН. Ф. 627 (Е.В. Тарле). Оп. 4. Д. 94. Л. 13. Письмо к Е.В. Тарле от 12 апреля 1934 г.

¹⁴² АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073–1162. Л. 150.

¹⁴³ Там же. Л. 148об–150.

¹⁴⁴ См.: Степанов С.Л. Экскурсия женского Педагогического института в Константинополь и Афины // ЖМНП. 1909. № 11. С. 51–61.

¹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 394. Л. 71 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 77об–78.

¹⁴⁷ Там же. Л. 81 об.

¹⁴⁸ Там же. Д. 395. Л. 4об–5.

¹⁴⁹ Там же. Д. 394. Л. 103.

линией снегов, счастливо избежали ливней, завалов, качки, забастовок и прочих современных возможностей и вернулись, к удивлению, мало устав"¹⁵⁰.

Многие из "русских историков" сочетали научную деятельность с преподавательской, но были среди них и педагоги по своей основной специальности: К.А. Иванов, С.Л. Степанов¹⁵¹. Константин Алексеевич Иванов (род. 1858 г.), по окончании Петербургского университета, многие годы преподавал в Петербургской 5-й гимназии, затем служил директором гимназий: Нарвской (1904–1906), Императорского человеколюбивого общества (1906–1907), Петербургской 12-й (1907–1913), николаевской Царскосельской (1913–1917). Во время пребывания в Царском Селе Иванов был назначен преподавателем истории к дочерям императора Николая II. К этому времени широкую известность получили учебники Иванова для средних школ по истории России, Древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории. Основанные на глубоком знакомстве автора с источниками, отличающиеся выразительным языком и хорошо иллюстрированные, именно эти учебники, выдержав несколько изданий, вытеснили из школ учебники Д.И. Иловайского.

По своим политическим взглядам Иванов, по-видимому, был либералом. 26 июня 1908 г. он писал Шляпкину в связи с завершением своей работы над "Учебником новейшей истории", что учебник выяснит "все то, что было смешным и даже глупым в нашем освободительном движении, но вместе с тем не закроет от него исторических перспектив, внедрит влечение к реформе и любовное отношение к тем, кто нуждается в нашей любви и заботах"¹⁵². Иванов являлся автором и ряда учебных пособий по истории средневековья, недавно переизданных¹⁵³, а также двух книг стихов и переводов: "Стихотворения" (1906), "Лепестки" (1912). Одно из опубликованных стихотворений Иванов посвятил Платонову, его героем является древнерусский иконописец Алимпий, продолжающий писать заказанную ему икону у своего смертного одра.

Уволенный в 1917 г. с должности директора гимназии, имея большую семью, Иванов вынужден был работать в Царском Селе истопником, одновременно занимаясь переводами с немецкого (закончил перевод "Фауста" Гете) и работая над книгой "Средневековый театр"¹⁵⁴, опубликовать которую не смог. Впоследствии Иванов занимался описанием архива Комитета попечительства о русской иконописи. Смерть С.М. Середонина (1914) – одного из наиболее близких Платонову людей, а также С.Л. Степанова (1914), Шляпкина (1918), Дьяконова (1919), Лаппо-Данилевского (1919) разрушила содружество, известное как "кружок русских историков".

¹⁵⁰ Там же. Л. 126.

¹⁵¹ В 1911–1915 гг. С.Л. Степанов был директором Петербургской 5-й гимназии.

¹⁵² РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 41. Л. 35–35 об.

¹⁵³ См.: Иванов К.А. Многоликое средневековье. М., 1996; Он же. Трубадуры, труверы, миннезингеры. СПб., 1997.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 251. Л. 124 об.

И.Б. Матяш

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО
В ОБЛАСТИ АРХИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УКРАИНЕ**

Известный историк, этнограф, фольклорист, источниковед, архивовед и археограф М.В. Довнар-Запольский (1867–1934) оставил заметный след в русской, украинской и белорусской исторической науке. Это одна из тех ярких личностей, гражданство которых определяется далеко не паспортными данными. Где бы ему ни приходилось жить – в Беларуси, Украине, Азербайджане или России – доминантами деятельности ученого были верность Клио, умение ценить архивный документ как уникальную ценность и неудержимое желание передать свои знания молодежи¹.

К проблеме архивного образования М.В. Довнар-Запольский впервые обратился во время "первого московского периода" жизни и деятельности (важного, кроме прочего, и установлением тесных творческих контактов с научным миром России), когда он работал в Московском архиве Министерства юстиции (ММЮ) старшим помощником архивариуса Литовской Метрики, развивая и углубляя навыки практической деятельности в области архивоведения и археографии. В 1899 г. М.В. Довнар-Запольский в качестве представителя Археографической комиссии (одним из деятельных создателей и секретарем которой он был с 1896 г.) Императорского Московского археологического общества (вместе с Д.М. Анучиным, В.А. Городцовым, Ю.В. Готье, Д.Я. Самоквасовым, В.К. Трутовским, графиней П.С. Уваровой и др.) приезжает в Киев для участия в работе XI Археологического съезда, председателем Ученого комитета которого был его наставник – профессор В.Б. Антонович. Об авторитете молодого ученого свидетельствовало его избрание секретарем (вместе с Н.Г. Николаевым) секции археографических памятников (председатель П.В. Голубовский) отдела памятников "искусства и художеств", где председательствовали А.И. Кирпичников и А.А. Павловский. Участие в работе съезда имело большое влияние на последующую научно-педагогическую карьеру М.В. Довнар-Запольского, ведь именно на этом съезде впервые прозвучала мысль о необходимости организации в Киеве "архивной профессуры" или археологического института, подобного Петербургскому (Д.Я. Самоквасов, П.С. Уварова). Более детально этот вопрос рассматривался на XII Археологическом съезде, участником которого тоже был М.В. Довнар-Запольский. И хотя от замысла до его воплощения прошло почти 20 лет, почетными и действительными членами созданного в Киеве учебного заведения архивно-библиотечно-музейного профиля стали многие участники XI Археологического съезда, коллеги ученого по Московскому археологическому обществу и ММЮ.

Заслуги ученого в организации Киевского археологического института трудно переоценить. Не ставя здесь задачу раскрыть историю создания этого вуза²,

¹ О жизни и деятельности М.В. Довнар-Запольского см.: *Михальченко С.И.* М.В. Довнар-Запольский: Историк и общественный деятель // ВИ. 1993. № 6. С. 162–170; *Он же.* Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.; Брянск, 1995; и др.

² См. об этом подробнее: *Константинеску Людмила.* Традиційна археографія в курсах Київського археологічного інституту (інформативне повідомлення) // Матеріали ювілейної конференції,

остановимся лишь на непосредственном участии в ней М.В. Довнар-Запольского. По возвращении в Киев (1901) и получении звания ординарного профессора Университета св. Владимира, он активно включился в наполненную бурными событиями университетскую жизнь, блестяще защитил магистерскую ("Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах" – 1901 г.) и докторскую диссертации ("Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI столетии" – 1905 г.), создал студенческий научный историко-этнографический семинарий – серьезную творческую школу, через которую "прошло более 100 членов" – будущих видных историков³. Имея особое пристрастие к архивному делу и археографии, он вошел в состав инициативной группы киевских ученых (К.Н. Антонович, Н.П. Василенко, В.Е. Данилевич, В.С. Иконников, В.А. Кордт, А.М. Лукьяненко, Г.Г. Павлуцкий, В.С. Перетц, Н.И. Петров, В.А. Розов, А.И. Сонни), которая с декабря 1909 по май 1910 г. разработала программу, устав и эскизы нагрудных знаков Киевского археологического института (КАИ), согласовала список основателей и подала в сентябре 1910 г. попечителю Киевского учебного округа "прошение", протокол итогового собрания основателей (от 23 мая 1910 г.), проект положения о КАИ с объяснительной запиской, учебный план и описание нагрудных знаков. Создатели КАИ опирались на уставы Петербургского (1877) и Московского (1907) археологических институтов, стремясь при этом воплотить свое видение нового для Украины "научно-учебного заведения" и учесть местную специфику. КАИ организовывался для разработки вопросов археологии, археографии, русской истории, специальных исторических дисциплин, библиотековедения, а также подготовки специалистов для "должностей в архивах, музеях и библиотеках, правительственных, общественных и частных"⁴. Среди подписавшихся под первым проектом положения об археологическом институте в Киеве – ординарный профессор М.В. Довнар-Запольский. Но на этот раз попытка была безуспешной – проект признан "неподлежащим утверждению".

Новый этап организации открытия КАИ инициировал собранный М.В. Довнар-Запольским кружок историков и археологов. Подготовленные документы планировалось передать в Министерство народного образования в феврале 1917 г., но бурные политические события снова задержали решение вопроса. "Точно злой рок тяготел над этой идеей", – вспоминала Н.Д. Полонская-Василенко⁵. Разрешение Временного правительства на создание в Киеве археологического института как частного учебного заведения было получено лишь 30 августа, и устав оставался неутвержденным. 27 октября 1917 г. на первом организационном заседании членов-основателей КАИ закрытой баллотировкой единогласно директором института был избран профессор В.М. Довнар-Запольский, ученым секретарем – его блестящая воспитанница, приват-доцент Н.Д. Полонская, казначеем – Л.П. Добровольский, а также члены-основатели, почетные и действительные члены, преподаватели основных курсов. Членами-основа-

---

присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії (Київ, Седнів, 18–21 жовтня 1993 р.). Київ, 1997. С. 103–123; *Матяш Ірина*. Перший український осередок фахової підготовки архівістів (до 80-ліття Київського археологічного інституту) // Київська старовина. 1998. № 6(324). С. 53–74; *Она же*. Джерельна база історії архівної освіти (Київський археологічний інститут) // Спеціальні галузі історичної науки: Збірник на пошану Марка Якимовича Варшавчика. Київ, 1999. С. 81–91.

³ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев, Ф. 262. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об. (Далее: ЦГИАК Украины); *Яницкий Н.Ф.* Отчет о десятилетней деятельности Кружка // Юбилейный сборник статей: Студенческий историко-этнографический кружок при Императорском университете Св. Владимира под руководством профессора М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1914. С. 1–12; См. также: *Михальченко С.И.* Личный фонд М.В. Довнар-Запольского в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 285–290.

⁴ ЦГИАК Украины. Ф. 707. Оп. 294. Д. 95. Л. 2.

⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3806. Оп. 1. Д. 43. Л. 62. (Далее: ЦГАВО Украины).

телями института стали архимандрит Амвросий, епископ Василий, Н.П. Василенко, Л.П. Добровольский, М.В. Довнар-Запольский, В.З. Завитневич, И.М. Корольков, С.С. Могилевцев, В.С. Иконников, Г.А. Максимович, Б.Г. Курц, В.Д. Прилуцкий, Г.Г. Павлуцкий, Н.Н. Пальмов, Н.Д. Полонская, В.А. Розов, Н.И. Петров, С.Ф. Платонов, П.П. Смирнов; почетными членами – академики Д.И. Багалей и А.И. Соболевский, профессор Д.В. Айналов, Д.Н. Анучин, А.А. Дмитриевский, П.И. Веселовский, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко, М.К. Любавский, граф А.А. Бобринский, графиня П.С. Уварова, князь В.С. Щербатов, С.Ф. Платонов, М.И. Петров и др.; действительными членами – В.А. Беднов, С.К. Богоявленский, В.В. Богданов, В.Е. Данилевич и др. Очевидно, в выборе кандидатур почетных членов КАИ директор руководствовался несколькими критериями: научными заслугами кандидата, вкладом (или заинтересованностью) в развитии украинской культуры и собственной интуицией. При этом весьма важно, что среди вошедших в состав членов КАИ – коллег М.В. Довнар-Запольского по университету или научным обществам (украинским и русским), случайных людей не было.

Деятельность КАИ началась 3 ноября 1918 г. "торжественным актом открытия" в помещении гимназии г. В.А. Перетяткович (ул. Большая Владимирская, 47), куда были приглашены "любители археологии и истории". Обращаясь к гостям и слушателям с докладом "Современные задачи в деле сохранения и изучения архивов", В.М. Довнар-Запольский акцентировал внимание на важном значении архивов для истории и необходимости охраны и собирания архивных материалов как одной из главных задач института⁶. Экскурс в историю создания КАИ сделала Н.Д. Полонская. Были зачитаны также приветственные телеграммы "новому светочу знаний" с пожеланиями процветания от "молодого Таврического университета"⁷, Одесского общества истории и древностей, письмо от Киевской духовной академии и др. Этот, на первый взгляд, не слишком существенный факт, свидетельствует о косвенной причастности М.В. Довнар-Запольского к созданию не только КАИ, но и Одесского археологического института (1921), поскольку представители одесских научных кругов были почетными членами КАИ, неоднократно обращались к руководству КАИ за советом и помощью, заимствовали опыт составления учебных планов и программ.

Первыми преподавателями нового "рассадника науки" стали Д.В. Айналов, А.Е. Крымский, М.В. Довнар-Запольский, Ф.А. Колодий, Г.Г. Павлуцкий, Ф.И. Шмит, В.М. Зуммер, И.М. Каманин, Ф.В. Клименко, В.А. Кордт, Б.Г. Курц, Г.А. Максимович, С.И. Маслов, В.Л. Модзалевский, Н.Д. Полонская и др. Правильность подбора кадров руководителем доказало количество желающих стать слушателями института, задачами которого были "изучение местного края в художественном и археологическом отношении", "подготовка ученых археологов, архивоведов и библиотекосведов"⁸, а также специалистов для архивов, музеев и библиотек⁹.

Архивные документы свидетельствуют, что большинство слушателей поступали не в институт вообще, а "на курс" конкретного преподавателя. Тем самым не только повышалась ответственность профессуры за качество лекций, но и создавались условия для рождения научных школ. Основатели института осознавали то, что количество слушателей не должно быть большим, ибо "специальные дисциплины не могут привлекать широких масс, в то же время подго-

⁶ Государственный архив Киевской области. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 24.

⁷ Известно, что Таврический университет был основан в 1918 г. как филиал Киевского университета св. Владимира.

⁸ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 33. Л. 2160. Л. 3. (Далее: ИРНБУВ).

⁹ ЦГАВО Украины. Ф. 3806. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

товка действительно знающих специалистов возможна лишь при детальной работе с ними преподавателей в небольшом кругу: палеография, архивоведение, библиотековедение и т.д. не могут читаться в большой аудитории, ибо требуют внимательного рассмотрения материала"¹⁰. Директор стремился собрать вокруг КАИ преданных делу людей, которые после окончания института способствовали бы развитию исторических исследований, архивному и библиотечному строительству. При непосредственном участии директора в институте создавались библиотека, архив, музей древностей и кабинет искусств; планировалось издание печатного органа института.

Изначально КАИ имел два отделения: археологическое с историей искусств и археографическое (архивное), спустя некоторое время отпочковалось отделение истории искусств, позже – было образовано этнографическое отделение. Таким образом, в первые годы существования институт, собирая от 80 до 100 слушателей (в 1918/1919 уч. г. обучалось 60 человек, в 1919/1920 – прибыло еще 36), засвидетельствовал свое право на существование в архисложное для развития науки время. В действительные слушатели КАИ с правом получения по окончании курса звания ученого археолога или архивиста принимали лиц обоего пола с высшим образованием. Курс обучения был рассчитан на три года. Первокурсники слушали лекции, второкурсники работали по семинарской системе, участвовали в "научно поставленных экскурсиях" для изучения памятников старины, искусства, ознакомления с фондами архивов и библиотек. В течение третьего года (необязательного) слушатели должны были написать диссертацию и защитить ее перед советом института.

Достаточно гибким, направленным на формирование профессиональных умений и навыков, был учебный план. В первые годы он включал 22 базовые дисциплины, из которых обязательными предметами для всех отделений в год открытия были история Украины, история Гетманщины, история украинского искусства, история промышленности и торговли Древней Руси, художественные памятники Киева, история внешнего быта Украины и России, нумизматика, историческая география, графические искусства, греческая эпиграфика. На археографическом отделении учебный план 1918 г. включал такие курсы: юридические памятники русские и литовско-русские, историческая география, государственное устройство Польши XIV–XVIII в., сословные и общественные отношения Украины, история экономического быта России, русская палеография, украинская палеография, латино-польская палеография, чтение памятников древнерусских, московских и литовско-русских, польских и латинских, которые касаются Украины и Литвы, нумизматика, генеалогия украинская, геральдика русская и западно-русская, дипломатика русская и польская, сфрагистика, метрология украинская и русская, история орнамента, библиотековедение, общее архивоведение, украинское музееведение, история Украины¹¹.

Об уникальном умении концентрироваться в деле, потрясающей трудоспособности М.В. Довнара-Запольского, руководившего, кроме КАИ, еще и Киевским коммерческим институтом, свидетельствует список преподаваемых им дисциплин: экономическая история, история торговли и промышленности, государственное право древнерусских земель, государственное право Московского царства, торговля и промышленность Древней Руси, история экономического быта России, юридические древности Юго-Западной России. При этом, по свидетельствам очевидцев, его лекции как прекрасного оратора и настоящего ученого были чрезвычайно популярны.

Высокий уровень преподавания в КАИ обеспечивался еще и тем, что лекции и практические занятия проводили известные специалисты, практические

¹⁰ Там же. Л. 51.

¹¹ ИР НБУВ. Ф. 33. Д. 2161. Л. 3 об.

занятия по архивоведению и палеографии (под руководством И.М. Каманина) проходили в помещении Центрального архива, а лекции по библиотековедению и общему книговедению приват-доцента В.А. Кордта – в помещении университетской библиотеки. Тем самым удачно связывались теории и практика.

Но субъективные и объективные причины препятствовали нормальной деятельности института. Протокол № 14 совета КАИ от 3 апреля 1919 г. зафиксировал немотивированный отказ В.М. Довнар-Запольского¹² от продолжения исполнения обязанностей директора КАИ, связанный с его новыми обязанностями управляющего Белорусской торговой палатой в Киеве. Вскоре его сменил профессор С.И. Маслов.

В 1920 г. М.В. Довнар-Запольский переехал в Харьков, где получил должность профессора в Харьковском университете и заведующего подотделом архивоведения Архивного отдела ВУКОПИСа. Круг его обязанностей на новом месте работы включал и вопросы архивного образования, без организации которого немыслимо было наладить эффективную работу архивных учреждений. Протокол заседания подотдела от 27 мая 1921 г.¹³ подтверждает, что именно В.М. Довнар-Запольский поднял вопрос о необходимости организации курсов архивоведения. Причиной упадка архивного дела того времени, по мысли ученого, было отсутствие понимания "широкими кругами населения" "ценности архивных материалов и необходимости их тщательного хранения", непосредственно связанные с тем, что в Украине "мало не только получивших специальное образование архивистов, могущих играть руководящую роль как в упорядочении архивного дела вообще, так и в приведении в систему отдельных архивов, но и людей, настолько знакомых с архивным делом, чтобы быть в состоянии занимать второстепенные должности в архивах, работая под руководством специалистов"¹⁴.

Поэтому, первостепенной задачей Архивного отдела ВУКОПИСа он считал пропаганду ценности архивных документов с целью "заинтересования общества" архивным делом. Соответственно речь шла о разных формах деятельности такого рода: а) организации популярных лекций по архивоведению; б) проведении архивных курсов (дифференцированно: для руководителей и среднего звена сотрудников) как краткосрочных (3 месяца), так и длительных (2 года).

На этом же заседании по докладу В.М. Довнар-Запольского было принято решение в кратчайшие сроки разработать программу курсов. Такой документ – программа краткосрочных трехнедельных (единственно возможных в то время) курсов обсуждалась на заседании подотдела архивоведения уже 7 июня 1921 г. Докладчик подчеркивал, что программа создана по примеру подобных курсов, существовавших в Западной Европе, которая "в области архивного строительства далеко опередила как Россию, так и Украину"¹⁵. Рассчитанная на 72 часа (18 дней по 4 часа) программа имела прикладной характер и охватывала основы теории и практики архивного дела в России и Украине, а также отдельные курсы: Харьковские архивы; провинциальные архивы Украины; Киевский центральный архив и материалы по истории украиноведения в московских архивах; московские, польские и западноевропейские архивы; новейшая палеография; история Слободской Украины (с элементами региональной истории); старые учреждения Право- и Левобережной Украины, архивы которых сохранились. Началом широкого внедрения такой формы архивного образования

¹² Причины отказа М.В. Довнар-Запольского, равно как и причины серьезнейшего конфликта между ним и В.Л. Модзалевским (см. письмо последнего к В.Е. Данилевичу от 31 октября 1919 г. "Из деятельности Комитета для разрушения памятников истории и искусства при Университете Св. Владимира" // Памятки. 1998. Т. 1. С. 140–143) требуют углубленного исследования.

¹³ ЦГАВО Украины. Ф. 14. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 3.

должны были послужить курсы, проводимые в Харькове, Полтаве, Киеве, Екатеринославе, Одессе, Херсоне. Учитывая трудности подбора лекторского состава для этих курсов по достаточно редкой узкой специализации и соответственно неизбежную перегруженность, предлагалось установить оплату "профессорского удвоенного часа" (70 мин.) в размере 10 тыс руб., "что составляло приблизительно 3 фунта хлеба"¹⁶. То есть, в сложное время послевоенной разрухи проявлялась забота не только о будущей рациональной цивилизованной постановке архивного дела, но и о социальном престиже историка-архивоведа.

В июне (протоколы от 14 и 21 июня 1921 г.) был обсужден план и программа организации двухгодичных курсов архивоведения для подготовки высококвалифицированных научных и руководящих кадров архивных учреждений Украины. Устав курсов, по утверждению В.М. Довнар-Запольского, основывался на принципах "Ecole de Chartes", а именно: минимум слушателей, бесплатное обучение, материальная обеспеченность курсантов. На курсы должны были допускаться кандидаты с высшим юридическим, историко-филологическим или экономическим образованием (как исключение без образования – по результатам коллоквиума) при условии обязательной работы в архивах во время обучения и написания дипломной работы. По окончании курсов слушателей предлагалось направлять в провинциальные архивы "для написания диссертации из области местной истории". Двухгодичные курсы архивоведения планировалось подчинить подотделу архивоведения Архивного отдела ВУКОПИСа (при этом заведующий подотдела должен был возглавить курсы, а секретарь – стать секретарем курсов, получая за свой труд дополнительное вознаграждение – "пайковое или денежное") с подачей ежегодного отчета в Главархив. Вполне понятно, что при разработке концепции деятельности курсов, фактически призванных исполнять функции учебного заведения для получения второго высшего образования, В.М. Довнар-Запольский опирался на собственный опыт создания КАИ и Коммерческого института, работы в МАМЮ и одновременно учитывал требования времени и проблемы архивного строительства. Важно, что он не намеревался действовать обособленно от других родственных учреждений. На заседании подотдела 14 июня было принято решение обратиться к КАИ с просьбой срочно прислать свой учебный план для согласования его с программой курсов и подчеркнуть желательность установления непосредственной связи с Архивным отделом ВУКОПИСа и соответственными – в КАИ. Но намеченные планы сотрудничества не были полностью реализованы.

Решением коллегии Наркомпроса УССР от 24 августа 1921 г. (протокол № 30) В.М. Довнар-Запольский был включен в состав коллегии Главархива (вместе с Гальпериным и Веретенниковым)¹⁷. Казалось бы, открывались новые перспективы внедрения дерзких идей с помощью академика Д.И. Багалая (заместителя председателя Главархива), который прекрасно понимал важность образовательных проблем. Но в 1922 г. В.М. Довнар-Запольский уезжает в Баку. Завершается украинский (харьковский) период его жизни и деятельности, одной из характерных черт которого была разработка теоретических основ создания в Украине конкурентоспособной системы архивного образования.

Нельзя обойти вниманием еще одну заслугу ученого в области подготовки архивных кадров. Как-то о своем наставнике он сказал: "Значение В.Б. Антоновича в русской исторической науке определяется не только оставленными им трудами, но и профессорскою деятельностью"¹⁸. Сказанное вполне относится и к самому М.В. Довнар-Запольскому. Его многочисленные воспитанники продол-

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Памятки. 1998. Т. 1. С. 197.

¹⁸ Довнар-Запольский М.В. Памяти В.Б. Антоновича // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1909. Кн. 21. С. 35.

жили начатое им дело. "Довнарята" (как шутя называли себя, по словам Н.Д. Полонской-Василенко, участники университетского семинара) преподавали архивоведческие дисциплины (В.М. Базилевич), организовывали специализированные кружки (И.Е. Гермайзе), создавали учебные пособия (В.А. Романовский) и пр.

В частности, один из активнейших кружковцев – В.М. Базилевич (1892–1942), в 1915 г. оставленный профессорским стипендиатом по кафедре русской истории, всесторонне ознакомился с фондами московских архивов во время научной командировки, 2 июня 1918 г. был избран ассистентом кафедры юридических древностей КАИ. Молодой ученый успешно преподавал следующие курсы: русские правительственные архивы, геральдика, сфрагистика, архивы Петрограда и Москвы с обзором украинских документов, генеалогия, метрология, украинские и русские архивы. В течение двух лет он не только защитил магистерскую диссертацию, но и получил звание профессора. Следует отметить, что, кроме В.М. Базилевича, в КАИ преподавали и другие воспитанники М.В. Довнар-Запольского: Ф.Я. Клименко, Б.Г. Курц, П.П. Смирнов, Н.Д. Полонская, В.А. Романовский, Н.Ф. Яницкий и др.

Интересную форму архивного образования (архивный семинар-кружок) апробировал в 1923 г. на базе Киевского центрального исторического архива им. В.Б. Антоновича еще один воспитанник М.В. Довнар-Запольского – профессор И.Е. Гермайзе (1892–1958). По примеру черниговского историко-архивного кружка под руководством В.В. Дубровского¹⁹, на занятиях семинара решались различные задачи: источниковедческое исследование архивных документов, составление карточного описания архивных дел; научное описание архивов; инвентарное описание; копирование отдельных дел и т.д. Таким образом, в условиях отсутствия иных форм подготовки кадров, кружки восполняли в определенной степени проблемы в подготовке тех, кто собирался пойти по архивной стезе.

Известен и ученик М.В. Довнар-Запольского В.А. Романовский (1890–1971) – автор первого в Украине учебника по архивоведению "Нариси з архівознавства. Історія архівної справи на Україні та принципи порядкування в архівах" (Харьков, 1927), получившего премию 1-й степени Всеукраинского комитета содействия ученым. Этим трудом он положил начало созданию учебно-методической литературы в области архивного дела в Украине.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что заслуги М.В. Довнар-Запольского в области архивного образования в Украине довольно весомы, несмотря на узкие хронологические рамки (1916–1921) рассматриваемой проблемы. Во-первых, он был активным участником инициативной группы организаторов Киевского археологического института – "учено-учебного" заведения для подготовки архивистов, археографов и других специалистов и первым его директором. Ученый не только сумел собрать высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, но проявлял всяческую заботу об условиях обучения, расширении материально-технической базы института, основании библиотеки, музея, архива. Во-вторых, работая на посту заведующего подотделом архивоведения архивного отдела ВУКОПИСа, М.В. Довнар-Запольский разработал программу подготовки и переподготовки кадров разной квалификации для архивных учреждений. Этот документ в определенной степени актуален и сегодня. В-третьих, профессор оставил достойную смену в науке и педагогике, которая продолжила его дело в области архивного образования.

¹⁹ См. об этом подробнее: *Матяш Ірина*. З історії і орахової архівної освіти в Україні (1918–1923 рр.) // Студії з архівної справи та документознавства. 1998. Т. 3. С. 27–44.

Л.Б. Вольфцун

А.Д. ЛЮБЛИНСКАЯ В ВАВИЛОВО

(По материалам переписки А.Д. и В.С. Люблинских
1941–1942 гг.)

В рукописном отделе РНБ находится переписка военных лет двух выдающихся ученых, сотрудников Публичной библиотеки Александры Дмитриевны (1902–1980) и Владимира Сергеевича (1903–1968) Люблинских¹. Это собрание писем было передано в 1997 г. другом и ученицей А.Д. Люблинской Еленой Викторовной Бернадской по поручению Е.Д. Стефанович (1905–1994), сестры Александры Дмитриевны.

В те годы их судьбы сложились по-разному. Владимир Сергеевич оставался в Ленинграде все 900 блокадных дней: он был мобилизован в местную противоздушную оборону Куйбышевского района, и с 1943 г. возглавлял штаб МПВО Публичной библиотеки². С августа 1941 г. Александра Дмитриевна находилась в эвакуации в Молотовской (Пермской) области, а затем была вызвана на работу в Москву и вернулась в Ленинград в 1944 г. Три года военной разлуки, отягощенные лишениями, тревогой за близких породили эту волнующую, уникальную в своем роде переписку. Письма писались часто, почти каждую неделю. Иногда это были настоящие повествования, иногда – коротенькие записки или самодельные открытки. В них рассказывалось о каждодневных проблемах, о сложностях быта и трудностях жизни. Есть строки полные любви и нежности; есть прекрасные поэтические описания природы. Боли и горечи утрат сопуствуют уверенности в победе и надежда на встречу. Но главной темой, пронизывающей всю переписку, стала тема вечности и бесконечной ценности науки. Вне научного труда, без любимого дела жизнь для Люблинских теряла многие из своих красок, и об этом тоже многие страницы писем. История для них – это не только избранная специальность, не только изучение прошлого, но и постижение современной им действительности, живой процесс, участниками которого они себя ощущают.

"Никогда еще не приходилось видеть историю собственными глазами так близко и непосредственно, даже в годы гражданской войны. Историк, сидящий во мне, конечно, удовлетворен – вроде, как помнишь, был в восторге тот геолог, который чуть ли не скакал от восторга в 1927 г. от того, что ему самому пришлось пережить землетрясение. Действительно, самые тяжелые дни, переживаемые страной и народом или даже населением одного города – это всегда самые лучшие страницы его истории (если только этот народ достоин своей истории)", – писал В.С. Люблинский 16 ноября 1941 г.

Собрание писем А.Д. и В.С. Люблинских насчитывает около 400 единиц и охватывает период с сентября 1941 по май 1944 г. Издание всего корпуса, подготовленного к печати, – дело будущего. Эта статья является попыткой дать

¹ Собрание писем поступило с разрешением публикации не ранее 15 лет после смерти А.Д. Люблинской. Оно не описано, переписка не имеет шифров (как не обработан и весь фонд Люблинских).

² Подробнее см.: *Люблинский В.С. Блокадные дневники: Воспоминания. Стихи. Письма* / Подг. текста, вступ. статья, примеч. П.Л. Вахтиной и Л.Б. Вольфцун // *В память ушедших и во славу живущих: Дневники. Воспоминания. Письма*. СПб., 1995. С. 147–200.

представление о жизни Александры Дмитриевны в эвакуации, передать ее основные мысли и переживания.

С самого начала войны Владимир Сергеевич, опасавшийся за слабое здоровье жены, настаивал на ее эвакуации. Через два месяца Александра Дмитриевна приняла решение, и 26 августа 1941 г. вместе с сестрой Еленой, ее маленьким сыном Лешей и домработницей Катей покинула Ленинград. Уже в дороге она начала писать Владимиру Сергеевичу.

2 сентября, днем. 100 км. до Перми.

"Милый и дорогой мой, сегодня ровно неделя как мы едем. Последние сутки едем очень медленно, т.к. долго стоим на станциях. Дорога не очень утомительна. Все мы здоровы. Я по-прежнему ужасно тоскую без тебя и Ленинграда и не могу отделаться от тягостных мыслей, особенно по вечерам и ночам. В Нытве³ обещают жилье и работу, но что будет на деле – неизвестно. Изредка нам дают в эшелон хлеб, а вообще питаемся, конечно, кое-как. Но об этом как-то не думаешь. Наибольшая тягость – это неизвестность и беспокойство о Ленинграде. С громадной жадностью буду ждать вестей от тебя. Чувствую себя как дерево, вырванное с корнями из родной почвы. Обнимаю и целую тебя, мой родной. Твоя Ш[ура]".

Через неделю Александра Дмитриевна и ее спутники добрались до места. Им стала Молотовская область, станция Чайковская, д. Вавилово. Поселились все в небольшом домике на краю деревушки из шести домов. Вавилово располагалось в живописном месте и красота природы помогла Александре Дмитриевне немного скрасить тоску и одиночество.

4 сентября 1941 г.

"Природа здесь прекрасна: широка и привольна. Пейзаж напоминает больше всего колтушский⁴, но гораздо грандиознее. Большие мягкие холмы и живописные овраги, поросшие пышными елками. Деревня расположена на пригорке, а внизу – речка, вроде лезьевской, но поуже. Красота природы, как ты знаешь, может утешить меня от многих горестей, и сердце немножко отходит от тоски, когда гляжу на широкую солнечную даль. Но, сказать по совести, ностальгия мучит несказанно с самого момента отъезда. Если бы я могла хотя бы предположить такую муку, то никогда не решилась бы уехать от тебя и от Ленинграда. Терзает и то, что столько времени ничего не знаю о тебе и милом, прекрасном городе".

Положение сестер было на первых порах довольно неопределенным. Перспективы будущей жизни были неясными, и Александра Дмитриевна писала в этом письме о предполагаемых вариантах:

"Мы будем работать в колхозе и получать за это продукты. Работы очень много. Вероятно, мы сделаем так: Катя и Ляля будут работать в колхозе, и Катя будет инструктировать Лялю, а я буду вести наше хозяйство и воспитывать Лешку. Но, может быть подвернется и более квалифицированная работа... Может быть, соберусь съездить в Пермь, в университет, хотя надежды мало".

Ни о какой квалифицированной работе всерьез думать не приходилось. Нужно было обустроиваться, налаживать деревенский быт. Взятые из дома деньги постепенно подходили к концу. Да и купить что-нибудь скоро стало совершенно невозможно. Продукты получали только из колхоза, и Александра Дмитриевна пошла работать на молотилку. Постепенно она освоила деревенскую жизнь: вставала с восходом солнца, ходила с ведрами за водой, топила русскую печь, орудовала ухватом. "Право это труднее, чем читать рукописи XVII века", – писала она Владимиру Сергеевичу. Однако надежда найти работу по специальности не оставляла ее. Она отправилась в Молотов,

³ Нытва – райцентр в Пермской области, где размещали эвакуированных ленинградцев.

⁴ Колтуши – городок вблизи Ленинграда.

чтобы попытаться устроиться в университет, либо в педагогический институт. В университете ее встретили приветливо и сразу же предложили читать курсы истории. Однако сам город произвел на Александру Дмитриевну удручающее впечатление. Грязь, голод, холод, невозможность найти даже небольшую отдельную комнату, не говоря уж о страхе одиночества, так как переехать всем вместе представлялось нереальным из-за отсутствия работы для сестры – все это склонило ее к тому, чтобы остаться в деревне. Она отказалась от штатного места, но согласилась на почасовую работу, что оказалось, впоследствии, тяжелым испытанием из-за трудной дороги и чрезвычайно морозной зимы. О своих впечатлениях от г. Молотова и от университета она рассказала Владимиру Сергеевичу в письме от 1 октября 1941 г.:

"Штатное место с предоставлением какой-то неопределенной жилплощади, мне предложили лишь при условии закрепления за Университетом до конца учебного года (1 авг. 1942 года), а может быть и дольше. Так как я сплю и вижу, как бы мне отсюда вернуться домой в *любые условия*^{*}, то я с ужасом отказалась от этого предложения. Тогда мы сошлись на поручении мне курса в 40 часов на литературном отделении в декабре–январе с почасовой оплатой. Вопрос о втором семестре, на котором нужно будет читать 160 часов истории средневековья для историков, остался пока открытым. Если я вынуждена буду остаться здесь так долго и должна буду зарабатывать деньги, то можно будет, я думаю, договориться о предоставлении мне этого курса уже при штатном месте. Сейчас эта перспектива внушает мне ужас, но кто знает, что будет дальше.

Я присутствовала на заседании (первом) кафедры всеобщей истории, на котором было зафиксировано поручение мне курса на литотделении. Ничего, заседание, как заседание; ничем не хуже ленинградского. Деканом историко-филологического факультета состоит некто Пьянков А.П.⁵, б[ывший] профессор Минского университета, окончивший Пермский во времена Оттокара⁶. О П.Н. Таркове⁷ я тебе уже писала. Еще на кафедре присутствовала Э.С. Литвин⁸, доцент филфака пединститута им. Герцена (Ленинград). Вот и вся (пока), кафедра. Мы нашли, разумеется, массу общих знакомых. Оказалось, что Тарков знает В[ладимира] В[ладимировича]⁹ и т.д. (...)"

И все же основной для Александры Дмитриевны в первые месяцы эвакуации стала тяжелая домашняя работа. Сестра и домработница Катя почти на целый день уходили в колхоз и все заботы по дому ложились на ее плечи. Непривычная физическая нагрузка отнимала столько времени и сил, что их почти не оставалось на серьезное чтение. Впрочем, книг тоже не было. Александра Дмитриевна не могла себе простить, что не захватила из дома книги и учебники по истории, поэтому приходилось читать то, что подвернется под руку.

1 октября 1941 г.

"...в библиотеке экс-юрьевского Университета нет ничего особенного. Главную ценность составляют два Дюканжа¹⁰ и серия переводов на современный язык с французских хроник, под редакцией Гизо. С таким фондом не очень-то обойдешься. Он

* Здесь и далее курсивом набраны слова, подчеркнутые автором в письмах.

⁵ Пьянков Алексей Петрович – историк, специалист по русскому феодализму.

⁶ Оттокар Николай Петрович (1884–1955) – историк-медиевист. До революции был приват-доцентом на кафедре всеобщей истории филиала Петербургского университета в Перми.

⁷ Тарков Павел Николаевич (1902–1962) – историк-античник.

⁸ Литвин Эсфирь Соломоновна (1910–?) – литературовед.

⁹ Бирюкович Владимир Владимирович (1895–1954) – историк, специалист по истории Франции. Его имя часто встречается в письмах Александры Дмитриевны. В течение многих лет он был ее старшим товарищем и другом. Их знакомство началось задолго до войны, еще с университетских времен, когда В.В. преподавал на кафедре всеобщей истории. Он помогал А.Д. в работе над Бастильским архивом и в исследованиях, посвященных эпохе Ришелье. Постоянно писал ей в Вавилово.

¹⁰ Дюканж Шарль (1610–1688) – французский историк, византист, медиевист. О каких книгах этого ученого идет речь, трудно определить так же, как и относительно издания упомянутого в этом письме Гизо Франсуа (1787–1874) – французского историка.

хранится в б[иблите]ке пединститута. В б[иблите]ке Университета я не нашла ничего: два тома Шлоссера¹¹ (по-русски) – 9–10 и 16 века в издании 1864 г. Ни о чем так не жалею, как об оставленных дома учебниках!

Для душевного утешения захватила еще в б[иблите]ке томик Дидро в изда[нии] Академии: письма к Софи Воллан¹².

К сожалению, такое чтение не всегда приносило утешение, а иногда вызывало и раздражение.

6 октября 1941 г.

«Больше всего корю себя за то, что не захватила учебника по средней истории. На меня тогда словно какое-то затмение нашло – ведь особенного весу они не прибавили бы. А как бы пригодились! Читаю Шлоссера и потрясаюсь. Какой-то наивный морализующий рассказ, а не история. Русский перевод тоже немало добавляет глупостей. А как тебе нравится, что в переводе писем Дидро к Софи Воллан (переводе п[од] ред[акцией] Луппола), фигурирует "государственный казначей в Габелле"!»¹³

Вскоре Александра Дмитриевна втянулась в новую жизнь. Здоровье ее окрепло, и когда в ноябре 1941 г. ей предложили место учителя истории в сельской школе, то она согласилась почти без колебаний. Преподавательская работа доставляла Александре Дмитриевне, особенно поначалу, большую радость.

5 декабря 1941 г.

«Пять дней преподавания в школе прошли вполне благополучно. Вначале я несколько "читала лекции", а не преподавала в средней школе, да еще в средних классах. Но уже на второй день я выправила этот дефект. Рассказываю, как мне кажется, просто и понятно. Дети слушают не то что внимательно, а прямо с жадностью. Со всех сторон видишь их устремленные на преподавателя глазенки. Поэтому, во время моего рассказа о дисциплине заботиться нечего: она превосходна. Другое дело при опросе, тут бывает болтовня. Но я не кричу и не повышаю голоса, и пока это действует. Вчера был педагогический совет, обсуждались итоги первой четверти... Совет, что твоя кафедра... Учебник древней истории я добросовестно зубрю к уроку и стараюсь вспомнить все красочные эпизоды и анекдоты из древней истории. Память здорово ими забита, т[ак] ч[то] в конечном счете навспоминаешь их в достаточном количестве. Со средней историей другое дело. Там всегда избыток материала, и трудно уложить его в отведенное время».

18 декабря 1941 г.

"И еще, когда я в 7-м классе увлекаюсь рассказыванием ребятам – теперь проходим великие географические открытия – я вижу, как загораются интересом их глаза, и в классе царит полная тишина – получаю большое удовлетворение. Кто знает, может быть хоть в одной из этих голов останется яркое воспоминание об образах и событиях прошлого, и хоть кому-нибудь передастся мой жар и моя любовь к истории".

Хотя эта работа давала выход потребности в интеллектуальном труде, все же мысли о настоящей науке постоянно занимали Александру Дмитриевну. В том же письме, отвечая Владимиру Сергеевичу, она писала:

"Голубчик мой, в твоём письме есть одно место, которое доставило мне глубочайшую радость. Это насчет науки. Ты пишешь, что история XV века и печатного дела стали для тебя своими, живыми, очень большой частью самого себя и, особенно своего будущего. Это и есть то, что я хотела для тебя пуще всего прочего, о чем твердила издавна, а ты тогда не понимал. Ты спрашивал, как могут жандеробы¹⁴ изменить жизнь, изменить

¹¹ Шлоссер Ф. Всемирная история: В 18 т. / Под ред. Н.Г. Чернышевского. СПб., 1861–1869.

¹² Дидро Дени. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1935–1947. М.; Л., 1937. Т. 8. Письма к Софи Воллан.

¹³ Габелла – вид косвенного налога во Франции.

¹⁴ Gens de gobe (фр.) – люди мантии, эчлейские. В данном контексте в слово "жаидеробы" вкладывается более широкий смысл.

отношение к жизни. Я тебе отвечала, что дело не в жандеробах, а в самой науке, которая не может быть абстрактной, но воплощается в разных вещах, в том числе и в жандеробах. Именно наука меняет жизнь и отношение к жизни, будит глубокие творческие подспудные силы, светит вдали блистательным маяком. Наука – это часть родины, т.е. самого глубокого и любимого, часть самого себя, даже большего, чем самого себя”.

В 1942 г. у Александры Дмитриевны появилась надежда выбраться из деревни и всерьез заняться научным трудом. В письме от 5 апреля она сообщала Владимиру Сергеевичу:

«26 марта пришла телеграмма: "Для представления в районный отдел народного образования случае отказа районному партийному комитету. Прошу командировать Люблинскую Академию наук для выполнения ответственного научного задания Академик секретарь отделения истории философии Деборин"¹⁵. Но по этой телеграмме ни РОНО, ни райком не отпустили, требуя официальной бумаги с вызовом. Ж[елезно]д[орожный] билет тоже дадут лишь по предъявлению вызова. Обо всем я телеграфировала Деборину, а 1 апреля получила письмо от Радовского¹⁶ из Казани такого содержания: "От Вайнштейна¹⁷ – он здесь в Казани и на днях собирается уехать в Саратов, куда эвакуирован Университет, я узнал Ваш адрес. Тотчас же я принял меры. Вам пишет Е.В. Тарле¹⁸, который готов Вам содействовать. Ваше присутствие необходимо здесь в Академии Наук. Направляюсь к Деборину, чтобы официально Вас вызвали для работы в Академию Наук в связи с юбилеем 700 л[етия] Ледового побоища. Может быть еще что-нибудь найдется"... Записочка Тарле гласит: "Только что узнал, уважаемая Александра Дмитриевна, о Вашем адресе. Хотелось бы видеть Вас здесь в Казани. Вы бы могли помочь в организации чествования юбилея Ледового побоища и в других наших здешних научных начинаниях. Крепко жму Вашу руку". Я телеграфировала Радовскому в тот же день об условиях моего увольнения и выезда и написала ему и Тарле...»

Но из-за сложностей с оформлением бумаг отъезд в Казань не состоялся, и Александра Дмитриевна осталась в Вавилово, продолжая преподавать в деревенской школе. Она могла читать книги из школьной библиотеки, иногда благодаря Павлу Николаевичу Таркову, ей удавалось получить литературу из университетской библиотеки. В письмах к Владимиру Сергеевичу она делилась своими впечатлениями о прочитанном.

14 мая 1942 г.

"Читаю второй том вузовского учебника по Новой истории. Интересно постольку, поскольку почти все события каким-то концом привязаны к нашей эпохе. Но поражает отсутствие исторической проблематики, как таковой и полное отсутствие почвы для применения исторического метода. Оба момента особенно характерны для эпохи империализма, история которого не выходит за рамки фактографии. Учебник написан исключительно сухо и бесцветно. Особенно понятен на этом фоне успех живого и фамильярного стиля Тарле. История западной литературы 20 века издана в 1935 году.

¹⁵ Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963) – философ, академик, находился с Академией наук в эвакуации в Казани.

¹⁶ Радовский Моисей Израилевич (1903–1964) – историк науки.

¹⁷ Вайнштейн Осип Львович (1894–1980) – историк-медиевист, был зав. кафедрой истории средних веков Ленинградского университета, эвакуированного в Саратов.

¹⁸ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) – историк нового времени, с симпатией относился к А.Д. Люблинской, следил за ее научным ростом и высоко оценивал ее работы. В 1939 г. в статье "Неопубликованные документы по истории Французской революции" (Правда. 1939. 9 янв.) дал прекрасный отзыв о подготовленном ею аннотированном каталоге Бастильского архива; в 1940 г. после защиты А.Д. Люблинской кандидатской диссертации на тему "Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Договор в Сент-Мену и Генеральные штаты в 1614 г." отметил, что "советская наука приобретает ученого работника и именно в заброшенной ею до сих пор области истории XVII в." В 1951 г., будучи оппонентом А.Д. Люблинской на защите докторской диссертации "Франция в начале XVII века (1610–1620)", сказал во вступительном слове: "Самое ценное в Вашей работе – это необычайный реализм".

Этим сказано все. Чистейший социологизм и бессовестное натягивание фактов для получения требуемого вывода, Пруст, оказывается, благоговел перед аристократией, считал ее прекрасной и непогрешимой. Он виноват даже в том, что любил свою мать и особенно бабушку, ибо как можно любить членов лицемерной и разлагающейся буржуазной семьи!"

Все, что касалось науки – истории, литературы, философии, общественной мысли, – было интересно для Александры Дмитриевны. Она читала много и жадно, но выбор литературы в Вавилово был невелик. С нетерпением она ждала того времени, когда сможет взяться за настоящую работу.

24 мая 1942 г.

«Одиночество тяготит меня чрезвычайно, давит тяжелым горем... Тоска по близким еще сильнее тоски по науке, хотя последняя вливается подчас прямо подкольной змеей. Но считаешь "Историю Востока" или "Новую историю" и станет немножко полегче. Думается: все не зря время провожу. Порой кажется, что в голове своя работа (Ришелье) уже так вызрела, что ясна в своих основных чертах, что ежели бы добраться до книг, то осталась бы только техническая сторона чтения и писания. Знаю, что на деле будет не так, готовлю силы к этому чудесному пиршеству... Впрочем, мне надо тебя и науку, а жить можно везде. Лишь бы с тобой и Ришелье!»

Впрочем жизнь иногда преподносит маленькие радости.

30 мая 1942 г.

«Имела вчера махонькое утешение. Читала "Дьявола" Неймана (помнишь, лет 15 тому назад мы читали его в оригинале), которого взяла у одной из наших учительниц. Возмущалась, разумеется, и с исторической, и с художественной точки зрения. Но в книжке помещено факсимиле одного письма Людовика XI, и с жадностью и удовольствием я его прочла. Чем черт не шутит! Читать французский почерк XV в. в Вавилово, кто бы мог ожидать!»

Возможность продолжить свои изыскания по истории XVII в. была для Александры Дмитриевны, пожалуй, самой большой мечтой того времени. В библиотеке Молотовского университета она взяла читать первый том Куно Фишера "История новой философии"¹⁹, посвященной Декарту.

5 июля 1942 г.

«Бог мой, как это плоско и скучно, как это бедно сделано! Есть Декарт, его жизнь и его книги. Есть общая линия философии и вовсе нет истории философии, вовсе нет самого живого Декарта, вовсе нет XVII века. Очень жалею, что до сих пор мне не удалось прочесть академической "Истории философии", но очень боюсь, что и там про XVII век достаточно набрехано. У меня теперь такое настроение, что подпусти меня к науке – я бы, кажется, горы своротила, не потеряла зря ни единой секунды. Порой, по вечерам, мысли так и теснятся в тесной голове, так и пляшут нескончаемым хороводом. Да и днем, окучиваю картошку, а думаю о Ришелье. Тоже будет книга, "развенчания" гения. Вернее, не развенчание, а подставление на место вымышленного реального гения. Кажется благодарная тема: воочию показать, как бедно воображение даже многих историков по сравнению с подлинной реальностью. Но когда еще я доберусь до Ришелье?!»

24 июля 1942 г.

"Читала сегодня Куно Фишера о Декарте²⁰ и не без интереса. Но, как и всегда – страстная жажда *самой* погрузиться в источники, т.е. явное недоверие к автору исследования. Как мало я успела в своей жизни прочесть и как была прежде глупа, что мало читала! Ты не смейся, это крик души безо всякой рисовки. Я отлично помню блаженный вечер, когда зачитавшись декартовским *Discours de la methode*, я не

¹⁹ Фишер Куно. История новой философии. СПб., 1901–1909. Т. 1–8; То же (в одном томе). Л., 1933.

²⁰ Фишер Куно. Декарт, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1906.

выключила чайника, и он сжег себя, клеенку и столик. А ведь я могла бы так читать *каждый* вечер (без несчастий). Ах, если б, если б снова получить к этому возможность, став такой осторожной, мудрой и жадной к науке, какова я теперь”.

Жадность к науке, стремление самой погрузиться в источники были характерны для Александры Дмитриевны. Она обладала удивительным даром видеть суть явления, отбросив все наносное. Пожалуй, наиболее ярким свидетельством тому может служить письмо Александры Дмитриевны к Евгении Эдуардовне Гранстрем, с которой ее связывали теплые дружеские отношения.

Евгения Эдуардовна Гранстрем (1911–1991), – Женя, Женечка, Женюра, как ее называет Александра Дмитриевна, была одной из ее самых любимых учениц (впоследствии выдающийся ученый-палеограф, знаток греческих рукописей). За годы совместной работы в Рукописном отделении Публичной библиотеки и в ходе занятий палеографией их отношения учителя и ученика переросли в дружбу. Почти в каждом письме к Владимиру Сергеевичу Александры Дмитриевна спрашивает о ней, просит поддержать ее. Между А.Д. Люблинской и Е.Э. Гранстрем, находившейся в блокадном Ленинграде, велась переписка, в которой также много места уделялось науке. Евгению Эдуардовну волновало и тревожило то, как часто жестокою реальность подменяют пафосом газетных статей, как за словами теряется правда жизни. Ее пугало, что новую историю будут писать также. Своими сомнениями и тревогами она делилась с Александрой Дмитриевной.

Ответом стало письмо А.Д. Люблинской²¹. Это письмо больше чем ответ. Видимо то, о чем она писала Е.Э. Гранстрем, сильно задело Александру Дмитриевну, и она не только высказалась по поводу сомнений, мучавших Евгению Эдуардовну, но и выразила свои убеждения, сформулировала свое кредо.

23 августа [1942 г.]

«...ты моложе меня и знаешь меньше моего, а истории тебя никто систематически не учил. Отсюда твое разочарование, которое переживает *всякий* историк в процессе своего созревания. Для тебя потеря иллюзий особенно мучительна, т[ак] к[ак] пришлось на очень уж тяжелое время. Но это всего лишь болезнь роста, а не обретение истины. Протрезвление от иллюзий юности.

Насколько я могу тебя понять, тебя особо мучает несоответствие переживаемой тобой действительности со словами о ней. Тебе кажется, что именно по последним историки будут сочинять историю, а другие современники воспринимать современность. Тебе тяжело, что вас называют героями, а вам отчаянно тяжело жить и никакой радости от этой тяжелой чертовой жизни ты не испытываешь...

Слова о современности не есть еще история. Они всего лишь телеологическая форма злободневности. Эта идеология абсолютно нужна для текущего настоящего и неразрывна с ним слита. Но потом она начнет отслаиваться и через некоторое время образует в историческом источнике легко снимаемую пленку. Лишь очень уж наивный историк (т.е., по существу, вовсе не историк, ибо историк не имеет права быть наивным) может принять ее за суть дела. Настоящий ученый обязан лишь ее уchemy. Исказить картину прошлого эта пленка не должна. В своей работе тебе не приходилось иметь дела с критикой источников. Ты критиковала литературу, а это совсем другое дело, другая техника. У тебя в качестве источника были живые рукописи и буквы, ты могла их наблюдать воочию и размышлять над своими впечатлениями от них. Ты проделывала работу палеографа, а не историка и обучена была технике дисциплины, а не науке в целом. Поэтому ты не знаешь, *как* воспринимает историк идеологию источника и какой трудный, но и интереснейший процесс – ее обезвреживание. Если бы ты продолжала учиться дальше – у меня или у кого другого – ты бы научилась и этому делу. Я уверена, что ты научишься ему и очень хотела бы дальше быть твоим учителем.

²¹ Письмо из личного архива М.П. Гранстрем. Публикуется с его любезного разрешения.

Причем тут твой ум или твоя глупость, милая? Ведь если бы дело было в уме, зачем мне было с тобой долго возиться, скажи мне. Глупых или даже только неумных людей я вовсе "не пужаю", как говорит моя Магдалина²². А неумным мне кажется всякий, у кого присутствует органическая (т.е. неисправимая) ограниченность горизонта, неумение выйти за пределы своего "Я" и своего микрокосма или неистребимое стремление видеть за этими пределами весь тот же, а не иной комплекс отношений или понятий, которые присущи этому микрокосму. Вероятно, мои слова не очень-то ясны. Поясню примером. С моей точки зрения многие люди, которых обычно считают умными, в этот разряд никак попасть не могут. Напр., наша М... Она и диссертацию напишет и инструкции, но все это дальше посредственности не пойдет, хотя м[ожет] б[ыть] и принесет пользу делу. Вклада в науку ее работа не сделает, в лучшем случае поможет другим собранным материалом, сэкономит для них время на черновую работу. Учить ее или ей подобных я не стала бы, я не умею учить таких людей. Ты знаешь, что я, кроме того, еще и не могу учить, не любя. Всех своих учеников, которых я действительно учила, я искренне и горячо любила и люблю и многие из них мне платили тем же.

Ты умна, но твой ум растет и зреет и даст в будущем больше, чем дает теперь. Также как и я, ты зреешь медленно и несамостоятельно, под воздействием другого. Это просто такой сорт ума, в этом ничего обидного. Есть люди – но их очень мало – в душе которых изначально заложены семена усовершенствования и не прорасти они не могут. Таких людей называют обычно гениями. Огромное же большинство должно пройти какой-то процесс оплодотворения, иначе я не умею сказать. Это делает учитель. Он проращивает семена, поит и кормит их, подвязывает слабые еще стебельки, пропалывает их от сорняков (это я и делаю сейчас с тобой) и видит – наконец-то! – здоровое, сильное, красивое растение. Вырос новый ученый, новый историк. Я, и в то же время, не я. Кто-то очень родной и близкий и в то же время не копия с меня. Был ученик, а стал товарищ в работе и друг в жизни.

Это не менее волнующе и радостно, чем вырастить свое собственное дитя. В обоих случаях со всей присущей страстью стремиться вложить в другого – ребенка или ученика – все самое лучшее, что в тебе есть, обогатить его всем наиболее ценным, отвратить его от ложной науки, легкого успеха, самомнения и многих других грехов ученого. Тебя мне приходилось много раз и теперь снова, отвращать от самоуничужения, от недооценки себя. Она тоже вредна.

Теперь насчет героизма. Почему ты героя представляешь себе – как мне сдается – в образе счастливого победителя на олимпийских играх или Геракла, упоенного, победой над Антеем или гидрой? Разный бывает героизм. Зачастую он – тяжелое бремя и приносит лишь страдания. Есть в героях одна любопытная черта – они все уверены, что в их делах нет ничего героического. Это настолько им присуще, что герой, уверенный в том, что он всамделишный герой и демонстрирующий эту уверенность, уже не кажется героем. Герои *поступков* обычно уверяют, что ничего особенного они не совершили. Магдалина, напр[имер], когда прививала себе чуму слышала, как ее называли героем, смеялась и твердила, что абсолютно ничего геройского в этом не было. А она рисковала жизнью. Герои *выносливости и воли к сопротивлению* – обычно жертвы тяжелой ситуации. Напр[имер], челюскинцы. Они тоже сердились, когда их называли героями. Также и вы. Враг хочет вас уничтожить. Он хотел вас разбомбить, уморить голодом, а вы жили. Вы жили вопреки ему, вы жили и стремились жить, спасти своих родных, помочь окружающим, некоторые стремились спасти себя. Все равно, *всем этим* вы срывали замыслы врага, вы помогали родине куда более тяжким и мучительным образом, чем мужчины на фронте, ибо те активны и защищены, а вы слабые женщины и дети могли лишь пассивно сопротивляться голоду, бомбежке, т.е. вещам для вас куда более опасным (я знаю об активной вашей обороне, но вы других не убивали, как бойцы). Ты не хочешь этой геройской жизни, хочешь отдать ее за спокойное и сытое существование. Это понятно и законно. И тем не менее ты сохранила себя, маму, Мишуту в таких условиях, когда много других погибло. А ведь родине нужно сохранить как можно больше людей и хоть ты и не хочешь жить сама и для сына жизни не хочешь, объективно ты делаешь большое и истинно героическое, т.е. отчаянно трудное дело, когда речь идет о жизни и смерти.

²² Покровская Магдалина Петровна (1901 – после 1976) – врач-иммунолог.

У Толстого в "Войне и мире" есть правильная мысль. Точных слов я не помню, но суть в том, что в ту Отечественную войну, тысячи людей жили *своими* мечтами и повседневными заботами и нуждами, а все взятое вместе образовывало крепость обороны и ее волю к победе над Наполеоном. Так и теперь. Субъективно ты возражаешь против геройства и не хочешь его. Объективно, ты и все вы, сделали героическое дело – выжили "рассудку вопреки, наперекор стихиям" и Гитлеру.

Что касается истории (еще раз!), то без закономерностей она не наука, а утонченное удовольствие для любителей, как в жару сладкий лимонад. Все дело в том, чтобы отбросить море лжи, о котором ты пишешь. Но оно кажется тебе куда более громадным, чем есть в действительности. Люди лгут очень однообразно, поверь мне, и раньше лгали также скучно, как и теперь. Потому и понять эту ложь не так уж трудно. А закономерность не исключает и случайностей (т.е. слепой судьбы). Индивидуальная судьба большей частью слепа...

Отсюда двойственное отношение к действительности: бодрость и уверенность в том, что касается закономерности исторического процесса (ведь мы теперь имеем возможность его наблюдать почти как экспериментатор – опытного кролика) и горе тяжких утрат, т.е. тяжесть случайностей и слепой судьбы (...)

Понимание исторического процесса давало Александре Дмитриевне надежду и веру в будущее, но сама жизнь от этого легче не становилась. Пребывание в эвакуации, хотя и было несравненно легче жизни в осажденном Ленинграде, тем не менее было довольно тяжелым. Нужно было думать о том, как выжить, как избежать второй голодной зимы. Чтобы прокормить семью Александра Дмитриевна с сестрой решили посадить овощи в огороде и обеспечить себя картошкой. Времени для чтения и для научных занятий (в виде конспектирования) практически не оставалось.

10 июля 1942 г.

"Лишь дождь дает мне теперь возможность читать книги, писать письма... В хорошую погоду – а она теперь, как будто, установилась – все время уходит на колхозную работу и на свой огород, доставляющий массу хлопот и огорчений. Картошку мы сажали поздно, она еще мала, даже не цветет. Горох весь повыватаскивали проклятые соседские куры. Морковь оказалась невсхожей, помидорам не хватает солнца. Хороши лишь репка, турнепс и брюква... У меня по-прежнему все помыслы и надежды лишь в будущем...(...)"

В середине августа 1942 г. у Александры Дмитриевны появилась еще одна надежда выбраться из Вавилова. Она получила телеграмму за подписью вице-президента Академии наук Л.А. Орбели с вызовом в Москву для работы над докладом и выставкой к 300-летию юбилею Ньютона. Она сразу же отправилась в Молотов за разрешением на выезд, но облисполком счел эту телеграмму недостаточной. И все же, несмотря на многочисленные препятствия, в начале октября ей удалось поехать в Москву. С 12 октября 1942 г. начался новый, московский период жизни Александры Дмитриевны Люблинской.

И.В. Онучина

КАРГОПОЛЬСКИЙ КРАЕВЕД К.А. ДОКУЧАЕВ-БАСКОВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

(К 150-летию со дня рождения)

В конце XIX – начале XX вв. среди исследователей Русского Севера был хорошо известен каргопольский краевед Карп Андреевич Докучаев-Басков (1849–1916), на счету которого свыше 30 публикаций по истории и культуре края в различных губернских и столичных изданиях*. Карп Андреевич сотрудничал с научно-историческими обществами Петрозаводска и Архангельска, комиссией по исследованию кустарной промышленности в России; в течение многих лет состоял членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.

Каргополь – один из старинных русских городов, значительный торговый центр средневековой России, в XIX – начале XX в. – уездный город Олонецкой губернии, ныне районный центр Архангельской области. До сегодняшнего дня в городе и его окрестностях сохраняются замечательные памятники каменного и деревянного зодчества XVI–XIX вв., создающие неповторимый образ северорусского города. Памятники древнерусского и народного искусства Каргополя, рукописные книги, материалы уездных архивов, труды местных краеведов представлены в собрании Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (КИАХМЗ).

Фонд Докучаева-Баскова сформировался из печатных трудов исследователя, в том числе происходящих из личной библиотеки, его переписки с издателями и государственными чиновниками. Среди предметов имеется личная круглая печать К.А. Первые поступления датируются 1920 г., последние – 1998 г.

Отдельные книги были найдены на чердаке в помещениях расформированного Ошевенского монастыря, другие происходят из собраний каргопольских краеведов. Личные вещи Карпа Андреевича подарены музеем семьей, унаследовавшей дом Докучаевых. Публикации и документы каргопольского историка хранятся также в центральных библиотеках страны, государственных архивах Архангельской области и Республики Карелия (в том числе, его переписка по судебным делам), научном архиве Архангельского областного краеведческого музея, ОР РГБ (переписка с ОИДР, 1896–1913).

Первые статьи о Докучаеве появились еще при его жизни, в начале XX в., историк не был обойден вниманием и в советский период, но труды его никогда не переиздавались и потому малоизвестны¹. В Каргопольском музее изучением

* См. Приложение к статье.

¹ [В.И. Крылов]. К.А. Докучаев-Басков: К 40-летию его историко-литературной деятельности // Изв. Об-ва изучения Олонецкой губ. Петрозаводск, 1913. № 2/3. С. 197–201. (Далее: Изв. ОИОГ); *Он же*. К.А. Докучаев-Басков: Некролог // Изв. ОИОГ (Петрозаводск). 1916. № 3/4. С. 164–165; *Унин Л.* Наша невнимательность // Изв. Арханг. об-ва изучения Русского Севера (Архангельск). 1910. № 20. С. 1–5. (Далее: Изв. АОИРС); *Он же*. Критика и библиография: Общество изучения Олонецкой губернии // Изв. АОИРС (Архангельск). 1913. № 20. С. 917–921; *Чистяков О.* Жизнь Карпа Докучаева // Коммунист (Каргополь). 1984. 16 окт.; Строитель коммунизма (Плесецк). 1984. 15 дек.; *Он же*. Дело учителя Докучаева // Правда Севера (Архангельск). 1985. 3 дек.; *Никитин А.Л.* Цветок папоротника. Возвращение к Северу. М., 1972. С. 141–151; *Он же*. Возвращение к Северу. М., 1979. С. 195–203; *Он же*. Дороги веков. М., 1980. С. 429–450.

наследия Докучаева начала заниматься И.Л. Федоринова. Ей удалось обнаружить неизвестные ранее документы². Сегодня имеются источники, позволяющие раскрыть творческую деятельность этого неординарного человека.

Судьба К.А. Докучаева, полная тягот, лишений и унижений, типична для провинциального интеллигента того времени, образ которого нам хорошо знаком из русской классической литературы. Несколько штрихов к биографии нашего героя рисуют его выразительный портрет. Он из крестьян. Его отец, сельский заседатель в уездном суде, по бедности своей, не смог определить сына в школу, но, понимая значение грамотности, обучил его сам, точно так же, как и других своих сыновей. Уже в 8 лет Карп пристрастился к чтению, а затем самостоятельно продолжил свое образование, изучив в объеме курса средних учебных заведений русский язык, арифметику, историю, географию, овладел навыками рисования. На хлеб насущный зарабатывал с малых лет, будучи отданным в мастерскую по обработке беличьих шкурок на обучение. Как человек любознательный, он не только постиг мастерство беличьего промысла, но и написал позднее об этом книгу. Его мать умерла, когда Карпу было 8 лет, а в 15 лет он потерял отца. Несомненно, на формирование характера, круга интересов молодого человека оказали влияние старшие братья, один из которых впоследствии стал управляющим Палеостровским монастырем, а также мастера-грамотеи, которых уважительно, как и книжников-староверцев, именовали "начетчиками".

Достаточно рано К.А. заинтересовался стариной: стал собирать и записывать народные песни, духовные стихи, предания. В 12 лет совершил первое в своей жизни паломничество в Ошевенский монастырь. Впоследствии он исходил Олонию вдоль и поперек, посетив при этом многие иноческие обители. В 1875 г., выдержав экзамен на звание народного учителя, Карп Андреевич получил назначение в земское сельское училище Кенорецкой волости. Но три года спустя его увольняют за якобы "неблаговидные отзывы" и "малоуспешность" по неизвестному предмету³. На самом деле причиной послужила тяжба начинающего учителя с инспектором народных училищ, присвоившим его 10-летний литературный труд. Ни заступничество крестьян, жителей деревни, ни прошения самого учителя делу не помогли. Карп Андреевич тяжело перенес случившееся, но больше всего для него оказалась утрата рукописи под общим названием "Сборник", куда вошли описание Муромского монастыря, список жития преподобного Никодима Кожеозерского, около 100 народных песен и другие материалы. "Сборник" представлял для автора, как он писал, "заветную святыню", которую "лелеял и берег, как свое родное дитя"⁴. Верный своему принципу доводить любое начатое дело до конца, он обращается в суд. Но Фемида была к нему неблагоприятна, судебная тяжба длилась несколько лет, и, хотя постановлением судебного следователя его обидчика в 1889 г. признали в качестве обвиняемого, но за давностью лет к ответственности не привлекли⁵.

Прожив какое-то время в деревне, К.А. выезжает на непродолжительный срок в Петербург, но уже в 1882 г. навсегда возвращается в Каргополье. Умер он в 1916 г. в возрасте 66 лет. Похоронен на городском кладбище.

Докучаев имел троих детей. Антиох и Муза умерли в детском возрасте, до зрелых лет дожил только Философ. Он продолжил дело отца, выпустив несколько краеведческих очерков о Каргополье.

² Федоринова И.Л. Архивная одиссея // Каргополье (Каргополь). 1992. 28, 30 апр.; Она же. Наследие К.А. Докучаева-Баскова: По материалам из фондов Краеведческого музея // Там же. 4, 6, 9 июля.

³ ЦГА Республики Карелия. Ф. 9. Оп. 1. Д. 364/3656. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3об.

⁵ Там же. Л. 42об.

Вернувшись на родину, Докучаев пишет историю родного края. Издание же очерков становится средством к существованию. Издатели, большей частью, расплачивались с автором экземплярами опубликованных работ. Нужда и бедность, отсутствие собственного угла часто вынуждают его выступать в роли просителя, причем не только за себя, но и за других. Свидетельством заступничества за бедняков служит обращение Докучаева к начальнику Олонечкой губернии в 1892 г. относительно расходовавшихся не по назначению капиталов по духовному завещанию каргопольского благотворителя М.С. Тельнихина⁶. Обостренное чувство справедливости и постоянное правдоискательство делают его уязвимым; он конфликтует с соседом, властями. Для городских обывателей он был смешным и непонятным, некоторые считали его сумасшедшим.

Каждодневная борьба за жизнь, болезнь очень изменили его характер. За строками поздних его писем рисуется фигура язвительного и желчного старика, но гордого и не сломленного, преданного делу изучения родного края.

Эта преданность побуждала его к выполнению многих важных работ без всякой оплаты. Так, он обработал монастырский архив в Каргополе, безвозмездно, только лишь за право использования документов для написания истории того же монастыря. Этот факт, был отмечен в периодической печати: "Архив мужского Каргопольского Преображенского монастыря разобран... [...] и приведен в такую систему, что подобный труд в годичный срок под силу выполнить комиссиям"⁷. Работая в различных архивах, К.А. Докучаев-Басков встретил много довольно неожиданных препятствий. В работе "Об архивах" он пишет: "Зависть, а главное боязнь, если не за собственную шкуру, то за своих предшественников, заставляли чиновников и чернецов противодействовать, употребляя всевозможные козни [...] чтоб даже близко не допустить ненавистное лицо писателя, пытающегося проникнуть в заветное святилище, узнать их тайны: поднять край завесы"⁸. По результатам исследования архива монастыря была написана работа "Строкина пустыня и ее чернецы: Опыт исследования жизни монашествующих". Обработка архива имела и практическую значимость. Опираясь на выявленные и систематизированные документы, монастырь вскоре смог выиграть судебный процесс по спорному земельному вопросу.

Приоритетными темами научных изысканий исследователя являлись история северных монастырей, жития северорусских святых, старообрядчество. Первые сочинения автор подписывал своей фамилией: Докучаев. Иногда можно встретить такие подписи: "народный учитель", "мужик". Предлагаемая одно из ранних своих произведений о беличьем промысле и не будучи уверен в себе ("невежда словом", как он пишет), просит не указывать ни имени, ни фамилии, а просто подписать: "каргопол". А в случае грамматических ошибок "покорнейше" просит "оные исправить"⁹. Постепенно он оттачивает свое мастерство и уже возражает против каких бы то ни было правок редакторов. Литературный псевдоним "Басков" у Карпа Андреевича появился не ранее 1880 г. Когда в "Христианских чтениях" стала публиковаться его серия "Подвижники и монастыри Крайнего Севера", то в очерке о Диодоре Юрьегорском было уже подписано: "Карп А. Докучаев-Басков". Под всеми последующими произведениями он всегда указывал двойную фамилию, сохраняя свое настоящее имя в деловой переписке. Псевдоним отца использует и сын, Философ. "Басков" от русского слова "бась", "баско" в значении красиво, нарядно, приятно для

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90/5. Л. 44–47.

⁷ Биржа. 1876. № 50.

⁸ Докучаев-Басков К.А. Об архивах // Изв. АОРИС (Архангельск). 1910. № 23. С. 32.

⁹ Докучаев-Басков К.А. Описание каргопольского беличьего промысла. Б/н, черновик с правкой // Архангельский областной краеведческий музей. Научный архив.

глаз¹⁰. Карп Андреевич, как человек оригинальный и не лишенный честолюбия, цену себе знал, слог свой литературный считал красивым, что, в сущности, так и было, а потому "Басков" – красиво, хорошо, складно пишущий.

В течение нескольких лет Докучаев-Басков пишет серию очерков "Подвижники и монастыри Крайнего Севера", куда вошли 14 статей, содержащие всестороннее исследование различных монастырей и их основателей. Опираясь на документы, он дополняет источники, а также исправляет неточности, допущенные в исследованиях его предшественников, причем вносит исправления доказательно, с большим знанием дела. Иногда эти дополнения существенны. В частности, Докучаев-Басков описывает Елгомскую пустынь Олонецкой епархии, не упоминая Е.В. Барсовым¹¹. Относительно других монастырей он дает обширную историческую информацию, дополняя архивные сведения народными преданиями и рассказами. Его исследования показывают, что северные монастыри не владели бесчисленными богатствами, накопленными веками, наоборот их имущество было достаточно скромным. Он описывал жизнь, деятельность, хозяйственный уклад, архитектуру, иконы северных монастырей, издавал документы, грамоты и описи монастырского имущества, приходо-расходные книги, что является важным источником для ученых, дает достаточно полное представление о хозяйстве, формах и способах его ведения. Докучаев-Басков проявил себя и как археограф. Его описания рукописных и старопечатных книг – своего рода каталог книжных собраний, монастырских и крестьянских.

В своих работах он поднимает вопрос о необходимости фиксирования деятельности известных в крае лиц, с сожалением отмечает, что за многие годы существования монастырей (с XV по XIX в.) известны имена 55 основателей монастырей и пустыней, а жития написаны только о пяти.

Труд Докучаева-Баскова о подвижниках и монастырях признавался его современниками полезным вкладом в исследование истории русской церкви и был представлен на соискание Уваровской премии Академии наук¹². К сожалению, премия так и не была присуждена, автор получил лишь "почетный отзыв".

Рассматривая какую-либо проблему, краевед не ограничивался односторонним исследованием, а шел на откровенный разговор с теми, кто не разделял его позицию. Так изучая вероучение старообрядцев-странников и не признавая его, обращался к ним с письменным словом. Выбрав из журнала "Истина" вопросы с символическим числом 33, которые касались сущности вероучения странников, направляет их вероучителям, призывая ответить. Причиной обращения к ним исследователя, как нам кажется, с одной стороны, явилось его стремление во всем докопаться до сути, до правды, до истины, чему он поклонялся всю жизнь. С другой стороны, не следует забывать о происхождении Карпа Андреевича. Человеку из низов, ему все время приходилось доказывать очевидное. Публичное же состязание – своего рода самоутверждение. А оно, безусловно, состоялось. В письмах к странникам Докучаев-Басков обнаруживает знание Священного писания, умение вести полемику. Вероучители же старообрядчества, ограничивавшиеся отписками, в его глазах многое потеряли. Особые отношения Докучаева-Баскова со странниками нашли отражение в его статьях. Он не идеа-

¹⁰ См.: Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1. С. 118–120; *Ивановский И.* [Сборник рукописей по истории и этнографии края]. Каргополь, 1861–1872 (рукопись) // КИАХМЗ. Ф. К.П. Коренева.

¹¹ *Барсов Е.В.* Алфавитный указатель монастырей Олонецкой епархии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск. 1867.

¹² *Некрасов И. К.А.* Докучаев-Басков: "Подвижники и монастыри Крайнего Севера" // Отчет о тридцать четвертом присуждении награды Уварова. СПб., 1892. С. 1–16.

лизировал старообрядчество вообще и странничество в частности, но, вместе с тем, упрощал это явление, видя в нем только социальные корни.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что работы К.А. Докучаева-Баскова сохраняют свою функцию историографического источника. Несомненна его талантливость и самобытность. Достоинно подражанию его стремление к бескорыстному познанию края и распространению знаний. Это подвижничество и характеризует русский народ, ярким представителем которого является каргопольский краевед Карп Андреевич Докучаев-Басков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список печатных трудов К.А. Докучаева-Баскова*

- 1873**
Публ.: "Стих плача Иосифа Прекрасного, егда продаша братия его в Египет", "О Борисе и Глебе", "Милостивая жена" (Духовные песни) // Олонецкие губернские ведомости. № 53, 55. С. 624, 646–647.
- 1878**
Странническая секта в Каргопольских пределах // Истина. (Псков). Кн. 59. С. 1–32.
- 1879**
Отдельное издание. Псков.
Странническая секта в Каргопольских пределах // Истина. (Псков). Кн. 61. С. 33–71.
- 1880**
Беличий промысел в Каргополе и окрестных селениях // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб. Вып. 4. С. 210–317.
Отношение народа к школе // Российский начальный учитель. № 5, 6.
- 1883**
Съезд учителей Повенецкого уезда // Народное образование. № 8, 9.
- 1885**
Преподобные Олонецко-Каргопольские чудотворцы // Русский паломник. СПб. № 16. С. 121–123.
- 1886**
Преподобные Олонецко-Каргопольские чудотворцы // Русский паломник. СПб. № 21. С. 189–192; № 22. С. 201–203.
- 1887**
Преподобные Каргопольско-Олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб. № 5. С. 64–66; № 6. С. 77–81.
- 1889**
Преподобные Каргопольско-Олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб. № 49. С. 586; № 50. С. 598–599; № 51. С. 611.
- Памяти Аркадия, бывшего архиепископа Олонецкого // Христианское чтение. № 1. С. 570.
- 1890**
Своеобразные народные праздники // Церковный вестник. № 16. С. 283–284.
- 1892**
Раскол в Каргопольском крае // Живая старина. № 2. С. 154–162.
- 1894**
Преподобный Иона Климецкий и основанная им обитель // Русский паломник. СПб. № 13. С. 200–206; № 14. С. 218–220.
Странническая секта в Каргопольских пределах // Истина. Псков. 71 с.
- 1896**
Преподобный Александр Ошевенский и основанная им Ошевенская обитель // Русский паломник. СПб. № 40. С. 630–631; № 41. С. 645–647; № 42. С. 666–667.
- 1899**
Святыня города Каргополя // Олонецкие епархиальные ведомости. № 11. С. 18–23; № 12. С. 23–25; № 13. С. 17–21.
То же. Отд. отд. Петрозаводск.
- 1900**
Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX веках. М. 43 с.
- 1902**
Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыни от иконы Преподобного Макария Унженского и Желтоводского. М. 34 с.
- 1910**
Об архивах // Изв. АОИРС (Архангельск). № 23. С. 1078–1093.
- 1912**
Чаженский раскольнический скит (1810–1854) // ЧОИДР. Кн. 1, отд. 5. С. 40–68.

* Подготовлен по материалам фонда Докучаева-Баскова в КИАХМЗ. Отдельно выделены работы, опубликованные в серии "Подвижники и монастыри Крайнего Севера".

Грибной промысел в Каргопольском уезде (Олонечкая губерния) // Изв. АОИРС (Архангельск). № 12. С. 546–555.
Записки рыбакова: Из этнографических наблюдений в Каргопольском уезде // Там же. № 22. С. 1023–1039.

1913

Из жизни каргопольских странников-бегунов // То же. М. 16 с. ЧОИДР. Кн. 3, отд. 4. С. 14–27.

Каргополь (Беглый обзор) // Изв. АОИРС (Архангельск). № 8. С. 355–377.

1914

"Строкина пустыня и ее чернецы": Опыт исследования жизни монашествующих // Изв. ОИОГ. Петрозаводск. № 3. Прил. С. 1–16; № 4. Прил. С. 33–48; № 6/7. Прил. С. 49–64; № 8. Прил. С. 65–80.

Из путешествий по Олонии: Пещеры (скрытники) и минеральные источники // Там же. № 8. С. 131–139.

Пуб. Частушки Каргополя, записанные в Каргопольском уезде // Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елсонфской. М. С. 35–40.

Путевые заметки: От Каргополя до Александровского монастыря и обратно // Изв. АОИРС. № 2. С. 49–58; № 3. С. 84–91; № 4. С. 107–122; № 5. С. 139–146; № 7. С. 198–205; № 9. С. 271–280; № 10. С. 307–315.

Каргополь (перензд.) / Подг. В.Я. Дерягин, Архангельск, 1996. 108 с.

1915

"Строкина пустыня и ее чернецы": Опыт исследования жизни монашествующих // Изв. ОИОГ (Петрозаводск). № 1/4. С. 81–96.

Серия "Подвижники и монастыри Крайнего Севера".

1874

Веретьевская Благовещенская пустынь // Олонечские губернские ведомости. 11 сент. С. 853–855.

1885

Веретьевская Благовещенская пустынь // Христианское чтение. № 5/6. С. 747–756.

Преподобный Диодор Юрьегорский и основанный им монастырь // Там же. С. 771–812.

"Емецкого волока Благовещенская убогая пустыня" // Там же. № 7/8. С. 226–240.

Кодлозерская пустынь // Там же. № 11/12. С. 506–528.

1886

Елгомская Богоявленская пустынь // Христианское чтение. № 5/6. С. 846–889.

Кожеозерский монастырь // Там же. № 1/2. С. 266–291.

То же. Отд. отд. Ф. Елеонского и К°. СПб.

Муромский монастырь. Отд. отд. // Там же. С. 163–207.

1887

"Кенский монастырь, Пахомьева пустыня" // Христианское чтение. № 7/8. С. 254–298; № 9/10. С. 477–517.

1889

Пуб.: Челменский пустынный, преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь // Христианское чтение. № 3/4. С. 469–510.

История Челменской пустыни // Там же. № 9/10. С. 477–512.

То же. Отд. оттиск.

1890

Пустынь Иоанна Волосатого, Каргопольский Успенский женский монастырь // Христианское чтение. № 1/2. С. 239–278.

"Монастырь Никольский, Корнильева (Паданская) пустыня" // Там же. № 7/8. С. 239–251.

То же. Отд. отт.

Хергозерская Макарьевская пустынь // Там же. № 11/12. С. 787–814.

1895

Наглиозерская-Артова пустынь // Христианское чтение. № 7/8. С. 131–169.

Б.Ф. Егоров

В.В. ДОРОФЕЕВ – ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЕВЕД

(К 40-летию научной и 20-летию краеведческой деятельности)

После того, как на грани 30-х годов "краеведение" стало таким же враждебным для советской власти термином, как "Россия", "патриот", "офицер", почти полностью прекратилась и краеведческая деятельность, поощрялось лишь изучение истории революционного движения. "Шлейф" негатива протянулся до послевоенного, хрущевского времени. Один знаток московской старины попросил однажды автора настоящей статьи снять в статье, где он почтительно был назван краеведом, этот "эпитет", заменив его "историком".

Но именно после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., после официального возрождения патриотизма стали открыто просачиваться краеведческие деяния и публикации. Правда, много было и тогда всяких ограничений (боялись местного сепаратизма и идеализации старины), но все-таки краеведение стало неуклонно развиваться. Сейчас трудно найти какой-либо областной и значительный районный центр, где бы не существовал краеведческий музей, где не трудились бы энтузиасты, настоящие, а не поддельные патриоты своей "малой родины".

Финансовые неурядицы нынешнего перестроечного времени не сломили энтузиастов, они устраивают конференции, виртуозно добывают средства на издание книг и сборников. Недавно мне прислали большого объема книгу А.П. Никулова "Старый Оскол: историческое исследование Оскольского края" (Старый Оскол; Курск, 1997) с подробнейшим очерком истории города, а также всех его храмов и наиболее значительных светских зданий. А ведь Старый Оскол – всего лишь районный центр Белгородской области.

Во многих городах России трудятся как бы их главные историки и краеведы, много лет посвятившие изучению родных мест и создавшие фундаментальные работы. В Оренбурге таковым является *Виктор Васильевич Дорофеев*. Его интересная родословная и непростая личная судьба вкратце изложены в его письме ко мне от 17 мая 1998 г., из которого позволю привести большую выдержку:

«Родился 2 декабря 1927 г. в Питере. Отец – врач-окулист, мать – учительница математики. Отец – Василий Николаевич (1900–1943), мать – Нора Оттовна, девичья фамилия – Зоргенфрай (1902–1968). Крещен я в лютеранской вере в Петрикирхе, крестный отец – Вильгельм Александрович Зоргенфрай (1882–1938; фамилия чаще произносилась Зоргенфрей), поэт, переводчик, был близок с А. Блоком; видимо, он – двоюродный брат моего деда Отто Густавовича Зоргенфрея (умер перед войной 1914 г.); брат деда Густав преподавал в гимназии и пединституте в Питере (помню его хорошо). Линию Зоргенфреев дальше не знаю. Бабушкину же – частично до середины XVIII в. Бабушка – Гедвига Адольфовна, урожд. Ширер. Родина – Псков. Было их шесть сестер. Прадед Адольф Вильгельм Ширер родился в Альтдамме, рядом со Штеттином; вся эта линия связана с севером Германии. Прабабка Луиза, урожд. Берблингер, родом из южной Германии (Карлсруэ, Нюрнберг, где предки были патрициями).

Отцовскую линию знаю плохо, так как тогда умные люди не рассказывали детям о предках. Дед – Николай Кузьмич, был смотрителем народных училищ в Ченстохове, где родился и отец. Бабка – Лидия Васильевна, урожд. Максимова. Прадед – Василий Максимович Максимов (1844–1911), художник-передвижник (из его картин люблю "Все в прошлом", остальные сюжеты мне как-то не интересны). Род его идет, как узнал из моно-

графии о нем, от попа-расстриги Ивана (XVIII в.). Прабабка родом из графов Измайловых; ее отец – генерал Александр Измайлов; у ее матери Надежды Константиновны было поместье Любша, Новоладожского уезда, Санкт-Петербургской губернии. Эти данные из той же монографии.

Жили мы в Питере на Фонтанке, 126, кв. 34. Сейчас там живет семья брата моего друга детства, Всеволода Овчинникова, впоследствии известного журналиста. Они жили под нами, а когда вернулись из эвакуации, их квартира была занята, наша пустовала. С братом Всеволода, Кириллом Овчинниковым, переписываемся, дружим. Отец его Владимир Федорович был отличный архитектор, писал стихи. У него интереснейшие мемуары, которые Кирилл никак не может издать.

В первом классе я учился в немецкой школе, в следующих классах – в русской, так как первую закрыли. Дома писал длинные немецкие диктанты, занимался английским языком, учила бабушка. На роляе меня учила играть старенькая Вера Ильинична, одна из учениц Рубинштейна. Ходил в студию рисования во Дворец пионеров. В выходные дни в теплое время года ходил с отцом на этюды. Однажды нас милиционер попросил с набережной Невы, где мы уселись рисовать Петропавловскую крепость (предлог – там военный объект!). Мы тогда уселись за окном в Доме ученых и все-таки нарисовали (отец был членом Дома, работал над диссертацией, я же имел гостевой билет, который со мной и ныне).

По воскресеньям с Всеволодом (его прозвище было Севач) ходили чаще всего в Военно-морской музей, который тогда был в Адмиралтействе. Мы оба не мыслили себя без моря, делали макеты и пр. Я представлял себя либо военным моряком, либо кораблестроителем.

Летом ездили на дачу: сначала, до 1932 г., в Ижоры, пока там не сделали запретную зону, потом, до 1938 г., на Сиверскую, потом под Лугу, в 12 км. от нее, сначала на хуторах, а после ликвидации оных – в деревне Вяжищи, где нас в июне 1941 г. застала война.

Затем наступила блокадная зима, прилагаю свою газетную статью об этом времени (В.В. Дорофеев в статье "А день был солнечный" – "Оренбургская неделя" от 21 января 1994 г. – подробно рассказал о жизни семьи в блокаду; его отец, тогда военврач второго ранга, работал в госпитале, помещавшемся в Александро-Невской лавре, и взял туда в качестве подсобника подростка-сына; В.В. иногда удавалось носить еду матери и бабушке. – *Б.Е.*).

1 июля 1942 г. эвакуировались: бабушка и ее сестра Дагмара – принудительно, так как были немки; мама, жена военнослужащего, могла остаться, но поехала тоже, взяв меня с собой. Направление было в Йошкар-Олу, но по пути его изменили на Сибирь или г. Чкалов (Оренбург); выбрали Чкалов, так как здесь жили Мазуровские (Ольга Эрнестовна, урожд. Берблиндер, – двоюродная сестра бабушки), и мы поселились у них. С декабря 1942 г. перестали получать письма от отца. На запрос пришел ответ: "Доктор Дорофеев из госпиталя выбыл, где находится, неизвестно". Весной 1943 г. маму вызвали в определенное заведение и показали документ: отец осужден; велено было выехать из города. Мы выбрали село Сакмарск, где жила в то время тетя (так я ее называл) Дагмара, которой с самого начала было запрещено жить в городе. В Оренбурге я полгода учился в 7-м классе, так как много болел, в Сакмарске пошел в 8-й. Бабушка и мама осенью 1943 г. заболели брюшным тифом, и бабушка умерла. Мама стала работать в школе (математика, астрономия). В армию меня не взяли, оказался нестроевой. С августа 1944 по август 1946 и с сентября 1947 по март 1948 г. – монтер радиозула и телефонной станции в Сакмарске, а в перерыве закончил 9-й класс школы. С марта по август 1948 г. – худрук районного дома культуры, в следующем учебном году окончил среднюю школу, в 1949/50 учебном году – студент строительного факультета (отделение архитектуры) Уральского политехнического института; в марте 1950 г. из-за болезни легких ушел в академический отпуск, но так и не вернулся. С апреля 1950 по август 1952 г. – массовик и директор районного дома культуры в Сакмарске.

В 1952–1956 гг. учился в Оренбургском пединституте на отделении английского языка, по окончании оставлен ассистентом кафедры английского языка (преподавал и немецкий язык, который в институте не учил). С 1961 по 1974 г. – старший преподаватель кафедры, а из них последние три года еще и декан факультета иностранных языков. Затем до 1980 г. – зав. кафедрой (общеевропейской) иностранных языков, потом – доцент этой кафедры. В 1972 г. целый месяц был на курсах повышения квалификации в Кембридже и Лондоне.

Благодаря краеведческой работе с 1978 г. – член президиума областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, вхожу от этого общества в градостроительный совет».

Как видно, в истории жизни и деятельности В.В. Дорофеева скрестились талантливые гены предков, дух творческого универсализма, характерный для интеллигентной советской молодежи предвоенных лет, и давление тяжелого пресса деспотического государства, которое выдерживали не все.

Научные труды по специальности у В.В. Дорофеева многочисленны. Нормальной работе мешала прежде всего бытовая неустроенность: женитьба и рождение сына на фоне скитаний по частным квартирам. Морально мешало и общественное "изгойство": сын репрессированного и сосланной (реабилитация отца произошла довольно поздно). Основных трудов девять: Из наблюдений над говором немецких переселенцев села Егорьевка Оренбургской области // Материалы конференции вузов Урала. Уфа. 1962. С. 69–78; О некоторых особенностях структуры простых предложений // Уч. зап. ОГПИ. Оренбург. 1970. № 28. С. 39–43; Методические рекомендации, учебные материалы и задания к ним. [На нем. яз.; тексты по истории Оренбурга и пр.] ОГПИ. 1984. 40 с.; Методические рекомендации, учебные материалы и задания к ним. [На англ. яз.; тексты по истории Оренбурга и пр.] ОГПИ. 1987. 57 с.; Выражение сигнификативного значения "самозванец" в некоторых европейских языках. Оренбург, 1989. 18 с. (Депонировано в ИНИОН); Возможности отражения содержания текста в дистрибуции основных моделей предложений. Оренбург, 1990. 15 с. (Депонировано в ИНИОН); К изменению статуса исторических долгих и кратких фонем в английском языке. Оренбург, 1991. 10 с. (Депонировано в ИНИОН); Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994. 31 с.; Наиболее распространенные в Евразии религии: Уч. пособие для домашнего чтения на англ. яз. Оренбург, 1996. 23 с.

Увлечшись последние два десятилетия местным краеведением, В.В. Дорофеев создал множество трудов в этой области¹. Именно здесь – основное богатство его научного наследия. Скрупулезная работа в местных библиотеках и архивах позволила сделать много открытий в сложной истории оренбургского градостроительства, в хронологии и топографии пребывания в губернии выдающихся администраторов, деятелей культуры, военных людей и вообще в истории Оренбуржья. Умение рисовать и учеба в архитектурном институте способствовали созданию прекрасных иллюстративных материалов, приложенных к научным трудам ученого: почти все его работы сопровождаются четкими и точными картами, схемами, планами зданий и улиц, восстановленными видами прежнего Оренбурга.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список печатных трудов В.В. Дорофеева

1981	1983
Крепость на Яике [буклет]. Оренбург. 8 с.	Оренбург в трех столетиях [буклет]. 8 с. Особенности урбонима Оренбург и исторической топонимии города-крепости // Топонимика Оренбуржья: Тез. докл. науч.-практ. конф. Оренбург. С. 8–10.
1982	Оренбургская крепость в период основания города и ее описания в дореволюционных публикациях // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII–XX вв.:
Оренбург 1833 [буклет]. Оренбург. 10 с.	
Берда и Берды // Блокнот агитатора (Оренбург). № 5. С. 28–32.	
Первенцы [О первых постройках советского Оренбурга] // Там же. № 10. С. 12–16.	
Оренбург – Орымбор // Там же. № 15. С. 15–18.	

¹ Всего по краеведческой тематике им написано 79 трудов (см. Приложение).

Материалы регион. науч. конф. Свердловск. С. 33–35.

Оренбург пушкинского времени // 27-я Пушкинская конференция: К 150-летию поездки А.С. Пушкина: Тез. докл. Оренбург. С. 15–16.

Улицы исторического города [18 очерков по истории улиц] // Блокнот агитатора. № 8. С. 14–16; № 19. С. 27–29; 1984. № 5. С. 16–17; № 6. С. 15–16; № 11. С. 18–19; № 14. С. 30–31; № 21. С. 30–31; 1985. № 3. С. 30–32; № 10. С. 14–16; № 12. С. 18–21; № 24. С. 14–16; 1986. № 13. С. 27–30; 1987. № 6. С. 25–27; № 19. С. 21–25; 1988. № 8. С. 13–15; № 10/11. С. 45–48; № 19. С. 30–31; № 20. С. 12–14.

1985

По Оренбургу: Справочник. Челябинск. 175 с. (в соавторстве с А.Н. Жилиным).

Перспектива Ригельмана как источник информации об Оренбурге XVIII века // Памятники культуры – новые открытия. М., 1987. С. 481–486.

1987

Архитектурный Оренбург [буклет]. Оренбург. 11 с.

Оренбург: Туристская схема. М.

Оренбург в работах А.Ф. Рязанова // Советские исследования и исследователи Оренбургского края: Тез. докл. науч. конф. Оренбург. С. 16–17.

1988

Оренбург начала XX века // Научные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А.С. Хоментовского: Тез. докл. Оренбург. С. 45–48.

Оренбург в трех веках: Туристская схема. М.

Оренбургская область: Туристская карта. М. (в соавторстве с Ю.С. Зобовым).

Над Уралом-рекой. Челябинск. 270 с.

1989

"Топография" П.И. Рычкова на немецком языке // Рычковские чтения: Материалы первых регион. науч. чтений, посвящ. жизни и деятельности П.И. Рычкова. Оренбург. С. 65–67.

О роли исторической топографии в краеведении // Краеведение и перестройка: Материалы первого обл. совещания краеведов Оренбуржья. Оренбург. С. 23–24.

Оренбургские переписи. 1 // Блокнот агитатора (Оренбург). № 19/20. С. 40–42.

То же. 2 // Там же. № 23/24. С. 36–39.

1990

То же. 3 // Диалог (Оренбург). № 3/4. С. 40.

Оренбург многонациональный // Ленинская национальная политика КПСС в современных условиях и актуальные задачи интернационального воспитания: Тез. докл. науч.-практ. конф. Оренбург. С. 11–15.

Немного о Караван-Сарае // Диалог (Оренбург). № 3/4. С. 29–32.

1991

Символ города. Оренбург. 39 с.

1992

Оренбургская казачья слобода // Казачество Оренбургского края XVI–XX вв.: Материалы регион. науч. конф. Оренбург. С. 23–25.

Перекидной [первый в Оренбурге] календарь. 1993 год: Оренбургу 250 лет. Оренбург.

1993

Перекидной календарь. 1994 год. Оренбуржье: 250 лет губернии, 60 – области. Оренбург [В № 46, 47 местное время восхода и захода солнца – по вычислениям астронома В.А. Баканова].

Оренбург – 250 [плакат]. Оренбург.

Атлас Оренбургской области. М. С. 33–35 [туристская карта, план Оренбурга и его исторического центра]

Город на Яике. Оренбург. 47 с.

Оренбург Шевченковский // Научные записки Института Тараса Шевченко. 1-я тетрадь. Оренбург. С. 4–37.

Символ города. 2-е изд. доп. Оренбург. 43 с.

Оренбург. Челябинск. 270 с. (в соавторстве).

Проблемы достоверности картографических материалов // ВИД. СПб., XXIV. С. 282–291.

Причины ряда заблуждений, касающихся застройки Оренбурга // Оренбургу 250 лет: Материалы науч. конф. Оренбург. С. 30–32.

1994

Оборонительные ограды крепостей Оренбургской линии // Оренбургскому краю – 250 лет: Материалы юбил. науч. конф. Оренбург. С. 26–29.

Оренбург XVIII в. и немцы // Немцы и Оренбургский край: Сб. материалов обл. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург. С. 9–10 [статья на нем. яз.].

Любовь и восток: Сборник. М. 445 с. (в соавторстве).

Улица вела к храму. Оренбург. 48 с.

Сакмарский городок // Оренбургский край. Вып. 2. Оренбург. С. 80–100.

1995

Василий Перовский и Оренбуржье. Оренбург. 48 с.

Имя и Время // Гостиный двор [альманах]. № 2. Калуга. С. 115–118.

Улицы Оренбурга. Справочник. Оренбург. 158 с.

1996

Оренбург фотоальбом [тексты на англ. и нем. яз.: с. 42–54]. Оренбург.

Династия Мазуровских // Оренбуржье и Польша: Проблемы истории и культуры: Сб. материалов обл. науч. конф., посвященной Дням польской культуры в Оренбуржье (18–26 апреля 1996 г.). Оренбург. С. 38–41.

- Место здания музея в XVIII – нач. XIX вв. // Музей и современность: Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Оренбург. С. 5–7.
- Перовский и Караван-Сарай // Башкиры и Оренбуржье: история и современность. (К 150-летию Караван-Сарая). Уфа; Оренбург. С. 24–27.
- Два церковных здания в Оренбурге XVIII века // Международная конференция "Интеркультурная коммуникация": Сб. тезисов. Оренбург. С. 48.
- Роль печати в возрождении культуры немцев Оренбуржья // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной региональной политики: Межрегион. науч. практ. конф. Оренбург. С. 324–325.
- К истории появления мечети "Хусаиния" // Татары в Оренбургском крае: Тез. науч.-практ. конф. Оренбург. С. 30–32.
- История Никольской церкви // Никольский кафедральный собор. 1997–1998. Оренбург. [Календарь-плакат].
- Русские первопоселенцы на р. Сакмаре // Русская нация и русская идея: история и современность: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Оренбург. С. 138–140.

1997

- Грен, Клюмп и другие (Оренбург второй пол. XIX – нач. XX вв.) // Многонациональ-

ный мир Оренбуржья. Вып. 7. Оренбург. С. 28–31.

- Евреи в Оренбуржье и российские законодательные акты XVIII – начала XIX в. // Евреи в Оренбургском крае: Материалы науч.-практ. конф. Оренбург. С. 14–23.
- К вопросу о сохранении архитектурной среды исторического города // Проблемы изучения, сохранения и использования природного и историко-культурного наследия Оренбургской области. Оренбург. С. 73–76.
- Начало Орска // Гостиный двор. № 4. Калуга. С. 234–240.
- Пушкинские места Оренбурга. Оренбург. 32 с.

1998

- Оренбург Пушкинский. Оренбург. 32 с.
- Мечети Оренбуржья и его центра // Христианство и ислам на рубеже веков: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург. С. 215–221.
- Кроме того, перу В.В. Дорофеева принадлежат свыше 250 газетных статей и заметок по краеведению Оренбуржья. Весь этот громадный комплект научных трудов – незаменимый источник для историков, краеведов, культурологов, литературоведов, лингвистов, изучающих Оренбургский край.

70-ЛЕТИЕ АКАДЕМИКА ВАЛЕНТИНА ЛАВРЕНТЬЕВИЧА ЯНИНА

Валентину Лаврентьевичу Янину – крупнейшему отечественному историку, многостороннему исследователю, профессору – создателю научной школы, выдающемуся организатору науки и блистательному ее пропагандисту, неутомимому защитнику памятников истории и культуры, всемирно известному ученому и общественному деятелю 6 февраля 1999 г. исполнилось 70 лет.

Свершенное академиком В.Л. Яниным получило наивысшее для ученого-гуманитария его поколения признание – В.Л. Янин – лауреат Ленинской и Государственных премий, премии Ломоносова первой степени, Демидовской премии за достижения в области гуманитарных наук. Он первым удостоен высшей награды Академии наук за труды по истории – золотой медали С.М. Соловьева. Янин – почетный гражданин Великого Новгорода, член

президиума Российской Академии наук (по избранию), председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда, заслуженный профессор родного ему Московского университета, где преподает с 1954 г., а с 1978 г. возглавляет кафедру археологии исторического факультета. Он – главный редактор энциклопедии "Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 г.", председатель серийного издания "Университетская библиотека", член многих государственных и общественных советов, экспертных комиссий и редакционных коллегий. Отраднo, что В.Л. Янин является членом бюро и нашей Археографической комиссии, членом редколлегии ежегодника "Вспомогательные исторические дисциплины" и "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг".

В 1997 г. к 45-летию научного творчества В.Л. Янина и 50-летию изучения истории и археологии Новгорода возглавляемой им не одно десятилетие Новгородской археологической экспедицией был издан биобиблиографический указатель "Валентин Лаврентьевич Янин", включающий огромное число авторских номинаций и перечень диссертаций, написанных под руководством ученого. Сейчас с особой приятностью и удивлением можно убедиться в том, что сведения этого научно-справочного издания, тщательно составленного П.Г. Гайдуковым, кажутся уже устаревшими, так как в последующее время вышло в свет еще немало трудов.

Среди них и книги: "Актовые печати Древней Руси. X–XV вв." (М., 1998. Т. 3, в соавторстве с П.Г. Гайдуковым), "Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв." (М., 1998), "Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв." (М., 1999), третья, исправленная и существенно расширенная издание очень популярной

среди читателей разного возраста и разной степени подготовленности книги "Я послал тебе бересту" (М., 1998). В этой увлекательной по форме изложения книге читателя вводят в самую лабораторию исследовательского труда, источниковедческих изысканий ученого-эрудита. В печати – очередной том комментированного издания новгородских берестяных грамот.

Исследования В.Л. Янина (как и приемы его преподавания) – изначально на стыке наук.

Во второй половине XX в. крупнейшие научные достижения обычно – на стыке наук. И не только традиционной (по проблематике и методике) истории с археологией, но и с географией, филологией, специальными историческими дисциплинами. Блестящий археолог-практик академик Янин таким путем существенно обогащает и методику археологических раскопок, и описания археологических предметов.

В.Л. Янин и обосновал представления о предмете "комплексное источниковедение" (его книга "Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород" (М., 1977), в основе которой лекционный курс, следовательно, имеет и учебное значение), и продемонстрировал возможности такого подхода при разностороннем – и по темам, и по особенностям разных классов источников – изучении прошлого Новгородской земли и вообще российского средневековья.

В то же время это – и методологические рекомендации исследователям иной проблематики, очень важные и для краеведения. Такое источниковедческое новаторство характерно и для руководимых Яниным коллективных работ по истории и городской (он – ответственный редактор изданий о русском городе и о городах Подмосковья), и аграрной (несколько лет В.Л. Янин был председателем Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы), и по истории культуры. В.Л. Янин – автор особо ценных и в методическом плане специальных солидных исследований о денежной системе Древней Руси, о летописях, по сфрагистике, о берестяных грамотах, средневековых актах, планах и картах, о топографии некрополя Софийского собора, даже об исторических памятниках недавнего времени – о грамофонных пластинках и их описании – (и здесь он – один из первопроходцев!), об историографических источниках (он – ответственный редактор Собрания сочинений В.О. Ключевского, публикатор трудов Н.П. Лихачева, автор статей об историках XX в.), не говоря уж об описании и публикации берестяных грамот (а открытие их Новгородской экспедицией – едва ли не важнейшее для изучения средневековья событие в истории археологии в нашем столетии!) на стыке и археологии, и археографии. С докладом "О взаимосвязи археографии и археологии" В.Л. Янин выступил на Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии в 1976 г.

Мы горды тем, что В.Л. Янин принимает доброе и постоянное творческое участие в работе Археографической комиссии – выступает с докладами на заседаниях и организуемых ею конференциях, публикует статьи в изданиях комиссии, помогает в осуществлении ее начинаний. В.Л. Янин писал и об организаторе Археографической комиссии и основателе "Археографического ежегодника" академике Михаиле Николаевиче Тихомирове.

Многосторонняя исследовательская культурно-просветительская, общественная деятельность В.Л. Янина существенно способствует закреплению в сознании представлений о значении специальных исторических дисциплин и памятниковедения в развитии культуры, распространению подлинно исторических знаний, воспитанию историей, а "история – наука нравственная" (это – заглавие статьи академика в журнале 1988 г., рассчитанном на массового читателя). Поэтому имя Янина известно не только ученым нашей страны и зарубежья, но и широкой публике. Имя его – один из символов славы современной российской науки.

Пожелаем же Валентину Лаврентьевичу здоровья и новых больших творческих свершений.

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

В.А. Мильчина

ПУШКИН И БАРАНТ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БЕСЕДЫ В САЛОНЕ ФИКЕЛЬМОНОВ 6 ЯНВАРЯ 1837 г.*

Пушкинисты, как правило, упоминают историка и дипломата, французского посла в России в 1835–1841 гг. Амабля Гийома Проспера барона де Баранта (1782–1866) наряду с другими представителями новейшей французской исторической школы: Тьерри, Минье и проч., к которым Пушкин питал несомненный интерес¹. Кроме того, имя Баранта непременно называют авторы, исследующие историю защиты авторских прав в России, так как именно Баранту адресовано письмо Пушкина от 16 декабря 1836 г., характеризующее русские законы об авторском праве². Наконец, делались попытки сопоставить творчество двух авторов, отыскать в сочинениях Пушкина реминисценции из Барантовой "Истории герцогов Бургундских" (1824–1826)³. Что же касается личных контактов Пушкина и Баранта, то отрывки из дневника А.И. Тургенева за январь 1837 г. (самое полное свидетельство об этих контактах) известны с 1916 г., когда их впервые опубликовал П.Е. Щеголев в книге "Дуэль и смерть Пушкина", однако они ни разу не были подробно откомментированы и проанализированы. Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел.

Впрочем, прежде чем перейти к комментированию тургеневских записей, следует коснуться еще двух практически неизвестных свидетельств о личных контактах Пушкина и Баранта. Одно из них принадлежит самому Баранту.

В его "Заметках о России" (записях, которые делались, по-видимому, еще во время пребывания дипломата в России, опубликованы же были лишь посмертно его зятем бароном де Нерво) содержится рассуждение, на которое пушкинисты до сих пор не обращали должного внимания. Приведа сначала весьма благоприятные сведения о положении крепостных крестьян в Российской империи, полученные от таких различных информаторов, как шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф⁴ и с 1810 г. живущий в России французский генерал

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на конференции "Всемирность Пушкина" (Colloque international "L'Universalité de Pouchkine"), которая проходила в Париже с 29 сентября по 2 октября 1999 г.

¹ См., например: *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 96, 164; *Левкович Я.Л.* Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 172.

² См.: *Meunieux A.* Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. P., 1966. P. 336, 573–576; *Шальман Е.С.* "План статьи о правах писателя" Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 6. С. 531–538.

³ См.: *Серман И.З.* Пушкин и новая школа историков (Пушкин и П. де Барант) // Рус. лит. 1993. № 2. С. 132–137. О Баранте как историке см.: *Реизов Б.Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956. С. 123–172.

⁴ Бенкендорф уверял Баранта, что крепостные из его имения в Тамбовской губернии "довольны и счастливы" и так хотят принадлежать ему, Бенкендорфу, что "сами предложили ему увеличить

Потье⁵, Барант, однако, высказывает сомнения в существовании подобного социального мира между крестьянами и помещиками⁶ и фиксирует в своих заметках мнение противоположного свойства:

"Каковы настроения крепостных крестьян и вообще низших сословий общества в этих обстоятельствах? Чувствуют ли они себя несчастными и угнетенными? Зреют ли в их груди недовольство и немая ненависть? Питают ли они тайные, инстинктивные мысли о бунте и мести? Наверное нам это не известно. Некоторые умные люди, чье воображение чересчур спешит приблизить будущее к настоящему, объята страхом жакерии. Это, говорят они, единственная революция, которая может грозить России. Г-н Пушкин, поэт, написал историю пугачевского бунта, где изображает этот бунт именно с такой точки зрения, и я не раз слышал от него, что при определенных условиях резня может начаться снова. Восстание, происшедшее в 1831 году в военных поселениях, относилось, бесспорно, к явлениям того же порядка. Солдаты резали самых любимых своих офицеров, на которых не имели никаких оснований жаловаться, исключительно ради того, чтобы выполнить всеобщее намерение истребить представителей высшего сословия всех до единого. Впрочем, судя по внешней стороне жизни и речам большинства здравомыслящих людей, опасность отнюдь нельзя назвать неизбежной"⁷.

Таким образом, очевидно, что намерение Баранта переводить "Капитанскую дочку", о котором мы знаем из дневника и писем А.И. Тургенева, объяснялось не только и не столько интересом французского дипломата к литературной новинке, достоинства которой он, по незнанию русского языка, не мог оценить в полной мере⁸, сколько тем обстоятельством, что в повести Пушкина изображен пугачевский бунт, т.е. затронута та самая тема крестьянских восстаний в России, которую Барант "не раз" обсуждал с Пушкиным. Если учесть, что "История Пугачева", которую упоминает Барант в своей заметке, была воспринята современными читателями крайне холодно⁹, то можно сказать, что Барант был одним из редких собеседников Пушкина, склонных внимательно прислушиваться к его рассуждениям об угрозе, которую таит в себе крестьянский бунт¹⁰.

оброк, лишь бы он отказался от намерения их продать" (*Barante P. de. Notes sur la Russie. P., 1875. P. 34, 36*).

⁵ Потье "нимало не сожалеет" об участи русских крестьян и "почитает их не только весьма счастливыми, но и вполне свободными" (*Barante P. Op. cit. P. 57*).

⁶ Он, в частности, подчеркивает отсутствие у крестьян социальных прав: "Некоторые крестьяне, зарабатывающие на жизнь ремеслами, нажили значительное состояние [...] однако официальными собственниками считаются помещики, которым они принадлежат" (*Barante P. de. Op. cit. P. 44–45*). Ср. в другом месте рассуждение Баранта (явно учитывающего опыт Великой французской революции) об отсутствии прав у низших сословий, как вероятном источнике грядущей революции в России: "Основная масса нации, ныне униженная и покорная, постепенно становясь богаче, просвещеннее, увереннее в себе, пожелает – причем, вполне обоснованно – для себя лучшего положения. В то же время правительство и высшие сословия общества будут упорно держаться за прежние различия, будут отказывать низшим сословиям в правах, теми уже давно заслуженных. Они пожелают сохранить старый порядок силой. Именно от этого и происходит революции. Чем теснее они связаны с переменами не власти, а самого общества, тем они ужаснее" (*Ibid. P. 315*).

⁷ *Barante P. de. Op. cit. P. 47–48*.

⁸ Ср. в письме А.И. Тургенева к А.Я. Булгакову от 9 января 1837 г.: «Повесть Пушкина: "Капитанская дочь" так здесь прославилась, что Барант, не шутя, предлагал автору, при мне, перевести ее на франц[узский] с его помощью...» (*Тургенев А.И. Письма Булгаковым. М., 1939. С. 204*).

⁹ См.: *Петрунина Н.Н. Вокруг "Истории Пугачева" // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. С. 229–251*.

¹⁰ Между прочим, страницы, посвященные Барантом в "Заметках о России" крестьянским восстаниям, позволяют сделать парадоксальный вывод о том, что Барант послужил посредником между Пушкиным и Астольфом де Кюстином, автором нашумевшей книги "Россия в 1839 году" (Р., 1843). Поскольку Барант специально подчеркивает, что русское правительство держит

Другое свидетельство тесных интеллектуальных контактов Пушкина и Баранта содержится в дневниковой записи А.И. Тургенева от 7(19) февраля 1838 г. (Тургенев в это время находился в Париже): "...к Баранту: с ним о рукописях: он читал Пушкина экз[емпляр], но ни Mignet, ни Broglio, с коими говорил о них, не слыхали о них. Думает, что их не печатают"¹¹. На следующий день, 8 (20) февраля, Тургенев пишет письмо Вяземскому, из которого следует, что рукопись, которую Пушкин дал для прочтения Баранту, не что иное, как записки Екатерины II: "Вчера был я у Баранта и спрашивал его, не слыхал ли он чего о печатании записок Екат[ерины] II в Париже: он читал в П[етер]бурге пушкинский экз[емпляр] оных и здесь разговаривал с Дюком Броглио и с Mignet об этих записках, спросил их, слыхали ли они о них? Ни тот ни другой в первый раз слыхали от Баранта, что Екат[ерина] писала записки..."¹² Здесь не время и не место подробно говорить о причинах, заставивших Тургенева наводить справки о степени знакомства парижских литераторов с воспоминаниями русской императрицы¹³. Для нашей темы гораздо важнее другое: Пушкин дал Баранту для прочтения свой собственный экземпляр такого конфиденциального сочинения, как "Записки", что, безусловно, свидетельствует о большом доверии к французскому послу. Как мы скоро увидим, тема неопубликованных мемуаров великих людей занимала обоих, и Пушкина и Баранта, и неоднократно становилась предметом их бесед.

Собственно, об этих беседах нам известно не слишком много; им посвящены две дневниковые записи А.И. Тургенева и один пассаж из его письма к А.Я. Булгакову. Первая дневниковая запись относится к 6 января 1837 г., в этот день интересующие нас лица встретились в салоне австрийского посла в Петербурге графа Шарля Луи Фикельмона (1777–1857)¹⁴. Тургенев пишет: "...в 10 час[ов] вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкин[ым], Барантом, кн[язем] Вязем[ски]м [...] Барант рассказывал о записках Талейрана, кои он читал, с глазу на глаз с Тал[ейраном], о первой его молодости и детстве. Много нежного, прекрасного, напоминающего les Confessions de J.J. Rousseau. В статье о Шуазеле, коего не любит Тал[ейран],

---

крестьянские восстания в секрете, а частные лица не любят о них говорить (*Barante P. de. Op. cit. P. 298–299*), для Кюстина, который, по собственному признанию, вообще не общался в России ни с кем из русских, кроме горстки придворных, едва ли не единственным возможным источником информации об этих восстаниях мог быть сам Барант, что и подтверждается почти дословными совпадениями описания крестьянского бунта в Симбирской губернии, которое "по свежим следам" было сделано Барантом в "Заметках о России", и соответствующими страницами в книге Кюстина (см. *Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 295–296, 303–332, 510*; подробнее см.: *Miltchina V. "La Russie en 1839" du marquis de Custine et ses sources contemporaines // Cahiers du Monde russ. P., 2000. Т. 41. Fasa. 1. P. 23–36*). Восстание в Симбирской губернии, о котором ведут речь Барант и Кюстин, произошло летом 1839 г., однако Барант услышал – по-видимому, впервые – о подобных сценах три года назад от Пушкина, таким образом, сведения, полученные Кюстином от Баранта, косвенным образом восходят к Пушкину – о чем сам Кюстин, разумеется, не подозревал.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 309. № 318. Л. 26.

¹² Там же. № 127. Л. 74–74 об.

¹³ Достаточно будет сказать, что в начале 1838 г. российские власти, испуганные слухом (как довольно скоро выяснилось, ложным) о том, что записки Екатерины скоро будут опубликованы в Париже, заподозрили Тургенева в причастности к этой публикации и приказали ему срочно выслать принадлежавший ему список в Россию, что он и сделал, одновременно, однако, принявшись опрашивать французских литераторов на предмет достоверности известия о скором издании записок. О депечатной судьбе "Записок" Екатерины II см.: *Теребенина Р.Е.* Копия "Записок" Екатерины из архива Пушкина // *Временник пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С. 8–22*; *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века: От рукописи к книге. М., 1991. С. 212–214, 217–218; *Эйдельман Н.Я.* Свободное слово Герцена. М., 1999. С. 462–463; *Мильчина В.А., Основат А.Л.* Пушкин и "Записки" Екатерины II // *Новые безделки. М., 1995. С. 303–312.*

¹⁴ Об отношении Баранта к Фикельмону см. его предисловие к кн.: *Pensées et réflexions morales et politiques du comte de Ficquelmont. P., 1859.*

много против Шуазеля. Шуазель дурно принял Талейрана и не любил его. Бакур будет издателем записок его. О Лудвиге 18, как редакторе писем и записок. Письмо к Дофину, отданное Деказу. О записках Екате[рины], Потемкине. Письмо Монтескье по смерти Орлеанского. После Монтескье осталось много бумаг, они были у Лене, для разборки и издания; вероятно, возвращены внуку Монтескье, недавно умершему в Англии, и пропали [...] Вечер хоть бы в Париже! Барант предлагал Пушкину перевести Капитанскую дочь"¹⁵.

Три дня спустя, 9 января, Тургенев описал тот же вечер в письме к московскому почтдиректору А.Я. Булгакову: "Два дня тому назад провели мы очаровательный вечер у австрийского посла: вечер этот напомнил мне собрания в самом тесном кругу в салонах парижских. Составился маленький кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра [Либермана] и вашего покорнейшего слуги. Мы *беседовали*, что в настоящее время редкость. Беседа была разнообразная, блестящая и чрезвычайно интересная, ибо Барант поведал нам занимательные подробности из жизни Талейрана и говорил о его мемуарах, коих читал он первые части; Вяз[емский] вносил свою лепту, и речи его были достойные самобытного его ума. Пушкин рассказывал анекдоты, черты из жизни Петра I и Екатерины II, да и я на сей раз не уступил этих корифеям салонов петербургских; однако подобные случаи редки; большая часть времени проходит в пируэтах"¹⁶.

Без специальных разъяснений очевидно, что в тот вечер Барант в полной мере выказал то свойство своего таланта, о котором писал Кюстин: "Но какие же разнообразные беседы ведет наш посол! Какой острый у него ум – для делового человека даже чересчур острый – и какой урон понесла бы литература, если бы время, отданное политике, не оборачивалось изучением жизни, плодами которого еще воспользуется когда-нибудь словесность!"¹⁷

Однако подробность тургеневских записей дает возможность конкретизировать наши представления о Баранте-рассказчике и реконструировать (в том, что касается тем, развитых Барантом) самый ход беседы, состоявшейся в салоне Фикельмона. Наиболее существенны, на наш взгляд, три сюжета.

1. Талейран и его мемуары

Мемуары Талейрана, о которых Барант рассказывал 6 января своим русским собеседникам, принадлежат к числу произведений, в течение многих лет интриговавших европейскую публику. Хотя они не были опубликованы, существование их не составляло ни для кого секрета; кроме того, в свете начиная с середины 1820-х годов распространялись их копии, достоверность которых, впрочем, оставалась под большим сомнением. Появление этих копий было связано со скандалом: в 1827 г. секретарь Талейрана Габриэль Перре после 21 года службы у князя покинул его дом, прихватив с собой кое-какие бумаги, в том числе и мемуары, текст которых немедленно сделался известным светской публике. Талейран, впрочем, своего авторства не признавал, замечая, что "нынче в свете ходит около дюжины рукописей моих записок, одна глупее и фальшивее другой"¹⁸. Один из примеров обсуждения мемуаров Талейрана в

¹⁵ Цит. по: *Шеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 265–266.

¹⁶ *Тургенев А.И.* Письма Булгаковым. С. 201; ориг. по-фр.

¹⁷ *Кюстин А. де.* Указ. соч. Т. 1. С. 201; ср. в письме Кюстина к г-же Рекамье от 3 сентября 1830 г. из Нижнего Новгорода: "Его [Баранта] любезный ум живо напомнил мне Францию доброго старого времени, а тонкость его замечаний делает разговор с ним о здешней жизни чрезвычайно любопытным" (цит. по: *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française. P., 1967. P. 221).

¹⁸ См.: *Lacour-Gayet G.* Talleyrand. P., 1990. С. 1037–1039 (слова Талейрана взяты из его письма к г-же Жантиль де Шаваньяк от 26 августа 1827 г.). О допечатной судьбе мемуаров Талейрана см.: *Mémoires du prince de Talleyrand.* P., 1891. Т. 1. P. III–XXXII; Т. 5. P. III–XVIII.

европейском свете содержится в письме А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу из Парижа от 20 июня 1830 г.:

«Опять провел вечер у одной дамы, родом гречанки, с редактором "Revue britannique", и слушал его рассказы с большим любопытством. Он случайно читал записки Талейрана, коего секретарь и писец списал тайно для себя копию не только с полного экземпляра записок, но даже с вариантов, ибо по сие время было уже три издания или три редакции рукописей: первое было при Наполеоне и в смысле императорском, потом другое с переменами, в смысле совершенно аристократическом; третье и теперешнее в смысле либеральном. Талейран хочет выставить себя перед потомством великим гражданином, без предрассудков, всегда тайно доброжелательствовавшим гражданской и политической свободе, другим Лафайетом, но дальновидным и применявшим действия свои к обстоятельствам, но всегда к пользе свободы. Так он себя высказывает *теперь*, и, вероятно, этот произвольный портрет уже он не переменит, ибо до его кончины главный характер века и главные черты тех, кои дают ему сей характер, не переменятся. Но секретарь его, оставивший Талейрана по неудовольствию, намерен издать со временем не только текст записок Талейрана, но и самые варианты. Я спросил, не помешают ли наследники? Но он имеет средства заставить их молчать...»¹⁹

В самом деле, наследники Талейрана выполнили его волю, которая заключалась в том, чтобы опубликовать мемуары через 30 лет после смерти автора, а если в этот момент публикация покажется неуместной, то и позже²⁰. Свои распоряжения на сей счет Талейран дал в завещании, написанном 1 октября 1836 г., так что в январе 1837 г., когда состоялся разговор в салоне Фикельмона, этот сюжет представлял собой свежайшую новость²¹, Барант же мог рассуждать на эту тему со знанием дела, поскольку уже много лет был другом, политическим союзником и корреспондентом Талейрана²² и имел возможность познакомиться с некоторыми фрагментами мемуаров князя²³. Если вспомнить, что, судя по записи Тургенева, в той же беседе 6 января 1837 г. речь шла и о записках Екатерины²⁴, то становится возможным выделить первую сквозную тему разго-

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 309. № 314. Л. 92.

²⁰ Текст этого завещания см.: *Mémoires du prince de Talleyrand*. P., 1891. Т. 1. P. III–V. После смерти герцогини де Дино, многолетней возлюбленной Талейрана (и жены его племянника), бумаги князя перешли к его секретарю, дипломату Адольфу де Фурье де Бакуру (1801–1865), а затем к его душеприказчикам, изданы же они были позже, в 1891–1892 гг.

²¹ Тургенев, в частности, беседовал в этот период о Талейране не только с Барантом. Ср. в его дневниковой записи от 3 января: "...у князя А.Н. [Голицына]; много о Талейране и о пр." (*Шеголев П.Е.* Указ. соч. С. 265), а с Барантом вновь вернулся к разговору о Талейране через день, 8 января: "Был у Хитровой [...] Там с Барантом [...] опять о Тальер[ане]" (Там же. С. 266).

²² Полтора года спустя, накануне смерти Талейрана, Барант не случайно оказался в числе пяти самых близких друзей, присутствовавших при подписании князем окончательного варианта завещания, в котором он отреклся от своего безбожного прошлого (см.: *La Conversion et la mort de M. de Talleyrand, récit de l'un des cinq témoins, le baron de Barante, recueilli par son petit-fils le baron de Nervo*. P., 1910). Именно Барант 8 июня 1838 г. произнес в Палате пэров речь, посвященную памяти покойного (см.: *Chambre des Pairs, séance du 8 juin 1838. Discours prononcé par le baron de Barante, à l'occasion du décès de M. le prince duc de Talleyrand*. P. 1838; рус. пер.: *Сын отечества*. 1839. Т. VII. С. 1–15).

²³ Так, оказавшись в 1826 г. в замке Талейрана Валансе, он прочел главу, посвященную Эрфуртской встрече Наполеона и Александра I, и с удивлением заметил, что, "если верить запискам, г-н де Талейран вовсе не предавал ни Наполеона, ни Александра. Он давал советы тому и другому, с тем чтобы восстановить мир в Европе... Г-н де Талейран, нимало не смущенный той ролью, которую он играл во время этого эрфуртского свидания, подумывал даже о том, чтобы опубликовать эти строки при жизни" (*Barante P. de Souvenirs*. P., 1890. Т. 1. P. 282); упомянутый фрагмент впервые был напечатан вместе со всем текстом мемуаров в 1891 г.

²⁴ Между прочим, упомянутые в разговоре "нежные, прекрасные" страницы мемуаров Талейрана могли быть поставлены в параллель к началу записок Екатерины в том отношении, что в обоих текстах люди, сделавшиеся в дальнейшем могущественными и всевластными, претерпевали в

вора – неизданные мемуары (и вообще неизданные сочинения) великих людей (см. ниже о письмах Людовика XVIII и Монтескье, которые к моменту, когда происходил разговор, также не были опубликованы)²⁵.

Упоминание же части записок, посвященной Шуазелю (в издании 1891–1892 гг. она напечатана в последнем томе в качестве приложения), позволяет предположить, что в том же разговоре присутствовала и другая, может быть, даже еще более важная сквозная тема – ответственность монархов и политических деятелей за судьбу страны и подданных.

Дело в том, что о своем общении с герцогом де Шуазелем (1719–1785), министром иностранных дел в 1758–1770 гг., Талейран говорит в записках весьма скупое, зато самым подробным образом характеризует его внешнею и внутреннюю политику, причем если действия Шуазеля в бытность его министром Талейран оценивает по-разному (иногда критически, иногда одобрительно), то поведение его после отставки, которое описано в финале очерка, вызывает у Талейрана безоговорочное осуждение. Ничто не мешает нам предположить, что резюме Тургенева ("Много против Шуазеля") относится именно к этим страницам талейрановского очерка. Страницы же эти посвящены прежде всего взаимоотношениями общества и власти: "Отставка г-на де Шуазеля была вовсе не похожа на отставку других министров Людовика XV. Министры, ввавшие в немилость прежде г-на де Шуазеля, могли рассчитывать на утешения и изъявления привязанности и благодарности только от своих родственников [...] Никто не осмеливался произносить их имя в присутствии короля, который охотно принимал это всеобщее молчание за всеобщее одобрение принятого им решения. С г-ном де Шуазелем все обстоит иначе. В течение его долгого правления хорошим тоном сделалось угождать не столько королю, сколько министру [...] Несколько друзей г-на де Шуазеля [...] дерзнули испросить дозволения навестить его в Шантелу. [...] Затем нашлись дамы, которые отправились в Шантелу без разрешения; другие дамы, а затем и кавалеры, не связанные с двором узами службы, последовали их примеру. В результате Шантелу наполнилось толпою посетителей, и там образовался новый двор, который, казалось, мог соперничать с двором версальским. [...] Тут-то и возникла мода на неповиновение, разрушившая могущество власти. [...] Дело дошло до того, что в садах Шантелу возвели пирамиду, на которой люди, отдавшие дань почтения модному изгнаннику, запечатлели, движимые тщеславием, свои имена, и если мы примем во внимание, что через двадцать лет те же самые имена вошли в знаменитый список эмигрантов, то, возможно, придем к выводу, что действия французской знати той поры отличались немалым легкомыслием, а суждения – немалой несправедливостью. [...] Г-н де Шуазель не понял, что при абсолютной монархии этот критический дух, не имеющий законного выхода, становится существеннейшим источником беспорядка. Революция, которую столь долго готовили все те, которые могли бы и должны были ее предупредить, – страшное тому доказательство. Генрих IV – последний из наших королей, который умел при необходимости не только уступать, но и оказывать сопротивление"²⁶.

ранней юности страдания оттого, что родственники приносили их в жертву интересам "семьи": Талейрана родители отдали в семинарию, хотя никакого желания идти по духовной части он не испытывал, Екатерину выдали замуж за "урода".

²⁵ Между прочим, этот "исторический" уклон отличает разговор 6 января от других бесед, которые вели в этот период Тургенев и Барант и которые, судя по тургеневским дневниковым записям, были посвящены преимущественно современной политической жизни Франции: "у меня сидел Барант: о короле и о Франции" (5 декабря 1836 г.); "с Барантом о Париже" (6 декабря 1836 г.); "разговор с франц[узским] послом о Гизо, о балах в Тюльери, о Ламеие..." (26 декабря 1836 г.).

²⁶ Цит. по.: *Шеголев П.Е.* Указ. соч. С. 257, 258, 263.
Mémoires du prince de Talleyrand. P., 1892. Т. 5. P. 586–591.

Эта же самая тематика, безусловно, интересовавшая не только Баранта, но и Пушкина, по всей вероятности была затронута и при обсуждении следующего сюжета.

2. Письмо Людовика XVIII к дофину

Скорее всего, в данном случае имелся в виду текст, известный под названием "Обязанности короля", который Людовик XVIII написал в 1797 или 1798 гг., в бытность свою в Митаве, и адресовал своему племяннику герцогу Ангулемскому, получившему титул дофина в 1824 г., после смерти дяди-короля (таким образом, именование его дофином применительно к 1797–1798 гг. представляет собой анахронизм – впрочем, вполне объяснимый). В письме, которое современная исследовательница называет "законченным манифестом консерватизма"²⁷, Людовик XVIII подтверждает свою верность старинным, дореволюционным установлениям, в которых видит воплощение французского духа, и косвенно критикует своего покойного брата Людовика XVI за чрезмерную мягкотелость (ср. в финале приведенного выше фрагмента из очерка о Галейране похвалу королям, "которые умеют при необходимости не только уступать, но и оказывать сопротивление"):

"Самая большая опасность из всех, какие подстерегают добродетельного короля, это желание из самых добрых побуждений вводить новшества. Нельзя не согласиться, что это весьма соблазнительно и что, видя в своей стране установления, которые представляются порочными, а в чужих странах – установления, которые не только сами по себе представляются полезными, но и хорошо себя зарекомендовали за многие годы своего существования, трудно удержаться от желания отменить первые и ввести вторые. Однако прежде, чем на это решиться, следует задать себе несколько вопросов, и если хотя бы на один из них вы не сможете ответить утвердительно, вы обязаны найти в себе силы отказаться от своего намерения.

Вот эти вопросы:

Дурно ли по своей сущности установление, которое я собираюсь отменить?

Хорошо ли по своей сущности то установление, которое я собираюсь ввести вместо отмененного?

Соответствует ли первое установление, будь оно даже дурно, духу нации?

Не противоречит ли этому духу второе установление?

Имею ли я право изменять основные законы своей страны?

Если я имею это право, стоят ли подобные перемены тех опасностей, коими они чреваты?"²⁸

Редакторы газеты "Страницы истории" предварили публикацию справедливой ремаркой: "Если вспомнить, что государь, написавший эти строки, пятнадцать лет спустя даровал французам Хартию 1814 года, следует признать, что возраст и опытность сильно переменяли его взгляды на государственное управление"²⁹. В самом деле, став королем не только *de jure*, но и *de facto*, Людовик XVIII счел, что "имеет право изменять основные законы своей страны", и сделал это. И если он передал текст, написанный без малого два десятка лет назад, своему любимцу Эли Деказу (1780–1860), министру полиции (1815–1818), министру иностранных дел (1818–1819) и главе кабинета (1819–1820), занимавшему относительно либеральную позицию³⁰, то жест этот можно истолковать двояко – с одной стороны, как признание короля в том, что он,

²⁷ Lever E. Louis XVIII. P., 1988. P. 241.

²⁸ Les Feuilles d'histoire. 1909. 1 septembre. P. 229–230 (первая публикация).

²⁹ Ibid. P. 221.

³⁰ См. о нем: Daudet E. Louis XVIII et le duc Decazes, 1815–1820. P. 1899; Langeron R. Decazes, ministre du roi. P., 1960; Yvert B. Decazes et la politique du juste-milieu // Colloque Revolution und Gegenrevolution. Oldenburg, 1991; Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration, 1814–1830. P., 1996. P. 257–294.

несмотря ни на что, не изменил своим старинным убеждениям, с другой – как свидетельство отказа от прежних, консервативных взглядов и желания быть на уровне новой эпохи. В любом случае не подлежит сомнению, что письмо об "обязанностях короля" логически продолжает предыдущую тему разговора 6 января 1837 г. (записки Талейрана и его очерк о Шуазеле) – в данном случае речь также идет о неизданном тексте знаменитого исторического лица и о том, как обязаны себя вести люди, наделенные властью, чтобы уберечь свою страну от потрясений.

Что же касается источника, откуда об этом неизданном тексте мог знать Барант, то им скорее всего был сам Деказ, во второй половине 1810-х годов политический союзник и близкий друг пушкинского собеседника³¹. Деказ мог рассказать Баранту и о "Лудвиге 18 как редакторе писем и записок": послания короля к своему фавориту, опубликованные в конце прошлого столетия Эрнестом Доде, подтверждают репутацию короля как знатока старинной литературы, который охотно уснащал текст пришедший на память цитатой (из самых разных произведений, от латинских поэтов до "Дон Кихота" Сервантеса) или историческим анекдотом³², но, отпуская шуточки, ни на минуту не утрачивал "сознания своих королевских прав и, неустанно стремясь подтвердить свою солидарность со всеми своими предшественниками, не снимал с себя ответственности за все, что было сделано в предыдущие царствования"³³. В этом отношении весьма многозначительна цитата из «Дюсисовой трагедии "Гамлет"», поставленная Людовиком XVIII перед письмом к дофину в качестве эпитафии:

Nos mains se sécheraient en touchant la couronne,
Si nous savions, mon fils, à quel prix Dieu la donne.
Vivant, du rang suprême on sent mal le fardeau,
Mais qu'un sceptre est pesant quand on entre au tombeau!³⁴

Наконец, третий сюжет беседы в салоне Фикельмона также связан с неизданным текстом прославленного автора и также посвящен "обязанностям короля".

3. «Письмо Монтескье по смерти Орлеанского»

Здесь, как нам кажется, речь идет о письме от 1 января 1724 г. к графу де Балклею (Bulkeley), впервые опубликованном лишь в 1914 г.; в нем Монтескье, среди прочего, пишет: "Смерть г-на герцога Орлеанского впервые в жизни заставила меня сожалеть о кончине государя. Было в нем некое свойство, которое я не могу выразить по-французски, Тацит же называл его *imperiū facilitatem*; если уж суждено нам иметь государей, следовало бы им всем быть такими, как этот. Мне только что сказали о нем одну вещь, приведшую меня в восторг; когда Лагранж, тем одним и прославившийся, что сочинял против него филиппики³⁵, сбежал с острова Святой Маргариты, Регент тотчас приказал

³¹ "Дружеские отношения, связывавшие меня с г-ном Деказом, были, пожалуй, более тесными, более личными, чем у всех прочих" (*Barante P. de. Souvenirs. P., 1892. T. 2. P. 348*).

³² Ср.: "Людовик XVIII всегда любил литературу и чтение, а эта любовь всегда предполагает известную терпимость в сфере идей. Он знает наизусть сочинения многих латинских авторов, в особенности Горация, чья проповедь умеренности, впрочем, близка его характеру" (*Козловский П.Б. Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. М., 1997. С. 20*).

³³ *Daudet E. Op. cit. P. 325.*

³⁴ *Les Feuilles d'histoire. 1909. 1 septembre. P. 221.* Перевод: "Наши руки иссохли бы от первого же прикосновения к короне, /Знай мы, сын мой, какой ценой Господь нам ее дарует. /Пока мы живы, мы не ощущаем всей тяжести скипетра, / Но как же много он весит, когда мы сходим в гроб!"

³⁵ Драматург Франсуа-Жозеф де Лагранж-Шансель (1667–1758) сочинил против герцога Орлеанского три филиппики (сатирических стихотворения), в которых, среди прочего, обвинил Регента в

отослать ему пожитки и небольшую сумму денег, которые он там оставил, и запретил его преследовать. Людовик XIV посадил бы его в железную клетку и повелел бы разыскивать его по всей Голландии"³⁶.

Вообще Филипп II, герцог Орлеанский (1674–1723), регент Франции в 1715–1723 гг., запомнился современникам скорее оргиями и развратом, чем милосердием, однако Монтескье счел нужным подчеркнуть в характере покойного государя именно эту черту, что, по-видимому, должно было особенно заинтересовать Пушкина, как известно, много размышлявшего над соотношением милости и правосудия³⁷. Судя по записи Тургенева, Барант не только пересказал своим русским собеседникам содержание письма Монтескье, но и объяснил, каким образом сам он получил возможность с ним познакомиться.

Дело в том, что сын Монтескье, Жан-Батист де Секонда, заботясь о сохранности неизданных рукописей отца, передал большую их часть виконту Луи Жоашену Лене (1767–1835), впоследствии министру внутренних дел в кабинете Ришелье (1816–1818)³⁸. После Революции рукописи хранились у внуков Монтескье; в 1818 г. внук Монтескье Шарль-Луи увез принадлежавшую ему часть в Англию; в 1824 г. он умер, и бумаги перешли по наследству к его племяннику Просперу, а тот, привезя архив из Англии во Францию, вновь отдал его Лене, с тем чтобы последний подготовил публикацию неизданных текстов Монтескье; наконец, после смерти Лене бумаги вновь вернулись в родовое имение Монтескье Ла Бред³⁹. Для нас во всей этой истории существенно то, что в течение двух более или менее продолжительных периодов бумаги Монтескье находились у Лене, который имел возможность с ними познакомиться и даже готовил их к печати; между тем Лене, так же как и Деказ, входил (особенно в конце 1810-х годов) в число друзей Баранта и вполне мог рассказать ему о содержании архива великого философа XVIII в.

Итак, три французских сюжета, затронутых Барантом в беседе с Пушкиным, Вяземским, Тургеневым 6 января 1837 г., связаны одним лейтмотивом: всякий раз речь шла о неизданных текстах великих людей, и всякий раз тексты эти так или иначе касались ответственности власть имущих за судьбу страны; Баранта интересовало – и этот интерес безусловно разделял с ним Пушкин, – как должен вести себя монарх или представитель высшего сословия, чтобы уберечь свое отечество от революционных катаклизмов⁴⁰. Но мало того, сама форма, в

намерении отравить малолетнего короля Людовика XV. Рукописные копии этих стихов начали распространяться в феврале 1719 г., после чего их автор был арестован и выслан на остров Святой Маргариты (остров в Средиземном море, где во времена кардинала Ришелье была построена крепость, служившая тюрьмой), откуда спасся бегством 26 марта 1722 г. и добрался до Голландии, где сочинил еще две филиппики и издал их вместе с тремя предыдущими.

³⁶ *Montesquieu Ch.de. Correspondance. P., 1914. T. 1. P. 46.*

³⁷ См. *Лотман Ю.М. Идеальная структура "Капитанской дочки"; Идеальная структура поэмы Пушкина "Анжело" // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 212–227, 237–252; Основат А.Л. К источникам пушкинской темы "милость–правосудие" // Полутропоя: К 70-летию В.Н. Топорова. М., 1998. С. 591–595; Неклюдова М.С. "Милость правосудия": О французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту. 2. Тарту, 2000. С. 204–215. Заметим, что тема милосердия как истинно королевского свойства присутствует также и в упоминавшемся выше письме Людовика XVIII к дофину: "Есть ли на свете что-нибудь более приятное, нежели возможность прощать? Есть ли привилегия более прекрасная, нежели возможность даровать, так сказать, второе рождение себе подобному? Привилегия эта сближает королей с самим Господом" (*Feuilles d'histoire. 1909. 1 septembre. P. 225*).*

³⁸ Ср. упоминание этого "мужа доблестного и красноречивого, сохранившего всеобщее уважение даже и в отдалении от дел", в финале речи Вильмена, воспроизведенной в статье Пушкина "Французская академия" (1836).

³⁹ См.: *Teisseyre Ch. Les publications des inédits de Montesquieu au XIX et au XX siècles // Revue d'histoire du livre. 1999. N 102/103. P. 157–158.*

⁴⁰ Барант, в эпоху Реставрации член либеральной оппозиции, при Июльской монархии представитель партии "Золотой середины", был убежденным врагом революционных катаклизмов, причем вину

которой Барант излагал своим русским собеседникам эпизоды из недавней истории Франции, наверняка импонировала Пушкину; это были те самые исторические анекдоты, которые он так ценил и которые – пользуясь, естественно, преимущественно русским материалом, – собирал в пачку под названием "Table-Talk".

Это последнее обстоятельство хорошо видно по другому устному рассказу Баранта, также запечатленному в дневнике А.И. Тургенева, причем в более подробной форме. В записи от 15 января 1837 г. Тургенев рассказывает о своем пребывании на бале у Вяземского: «Барант о Benj[amin] Constant и его характере; хотел занимать душу сильными ощущениями и для того якобинствовал. Письма его после 100 jours к Лудвигу 18. Прекрасно, увлекательно и – подействовало на Лудвига; он вычеркнул имя его из реестра ссылаемых. Барант подошел к нему и сказал que sa lettre a persuadé Louis. "Elle m'a presque persuadé moi-même", – отвечал Constant»⁴¹.

Процитированный фрагмент особенно ценен тем, что позволяет удостовериться в абсолютной, почти стенографической точности тургеньевских записей. Дело в том, что в своих воспоминаниях сам Барант также рассказал о том, как Констан, который во время Ста дней активно сотрудничал с Наполеоном, а в начале Второй Реставрации был включен за это в список людей, подлежащих высылке из Франции, написал оправдательное письмо и через Деказа, в эту пору префекта полиции, передал его Людовику XVIII: «Письмо это было так изобретательно, так прекрасно, что король по-настоящему растрогался и собственноручно вычеркнул имя г-на Констан из списка. Несколько дней спустя я встретил этого последнего и, заверив, что рад столь счастливому исходу дела, похвалил сочиненное им письмо. "Вы убедили короля", – сказал я ему. – "Охотно верю, ведь я почти убедил и самого себя"»⁴².

В воспоминаниях Баранта есть и другие характеристики Констана, развивающие тему "сильных ощущений" и противоречивого темперамента писателя:

«Речи его были остроумны, убедительны, опасны для противников, однако они ни у кого не создавали ощущения, что произносящий их имеет выношенные, искренние убеждения. Деловая практика, опытность, приобретаемая благодаря службе в правительственном учреждении, в адвокатской конторе, в суде, отсутствовали у него полностью, и на лице у него было написано, что он литератор, а это обычно вызывает в собраниях предубеждения самые неблагоприятные. Пыл его, взращенный духом партий, был силен, но не правдив. Он это знал; знали об этом и другие. Политика одушевляла его жизнь, волновала его, заставляла биться пресыщенное сердце, действовала на него как азартные игры, которые он по-прежнему любил и в которых по-прежнему нуждался. Он затевал в палате и газетах процессы, дуэли, споры. Все это создавало ему существование, не ведающее ни пустоты, ни скуки, но лихорадочное. Впрочем, несмотря на беспокойную

за подобные происшествия он возлагал не только на простоллюдинов – непосредственных творцов революций, – но и на высшие сословия, доводящие народ до бунта своей неразумной политикой. «Хотел бы я, – писал Барант к графу де Монлозье 15 декабря 1814 г., – чтобы, когда живые комплименты и пошлые похвалы наконец исчерпаются, кто-нибудь произнес с трибуны или напечатал в газете следующую мысль, которая и составляет самую суть вопроса об эмигрантах: "Вы покинули Францию, потому что оказались самыми слабыми; разве с тех пор вы сделали сильнее? Что явилось причиной революции – старания простоллюдинов или то состояние разложения, в котором находилась Франция? [...] А раз так, сидите тихо и не дразните мощного тигра, именуемого народом"» (*Barante P. de. Souvenirs. T. 2. P. 95*).

⁴¹ Цит. по.: *Шеголев П.Е.* Указ. соч. С. 268. Перевод французских слов: "что его письмо убедило Людовика. – "Оно почти убедило и меня самого".

⁴² *Barante P. de. Souvenirs. T. 2. P. 190–191.* Об обстоятельствах перехода Констана на сторону Наполеона при Ста днях см.: *Ibid. P. 125–129, 135; Daudet E. Op. cit. P. 68–69;* о положении Констана в начале Второй Реставрации см. также: *Bastid P. Benjamin Constant et sa doctrine. P., 1966. T. 1. P. 293–294.* Барант был знаком с Констаном с середины 1800-х годов, в это время они общались преимущественно в Коппе, швейцарском замке г-жи де Сталь. Об их первой встрече см.: *Barante P. de. Souvenirs. T. 1. P. 160–163.*

жизнь, ум его оставался свободен, независим и погружен в созерцание самого себя. Более скептический, чем когда-либо, – что его не столько успокаивало, сколько мучило, – он по доброй воле ввязывался в самые страстные споры. "Я в ярости! а впрочем, мне это безразлично", – вот фраза, рисующая его сполна»⁴³.

Мы не можем утверждать наверняка, что Пушкин слышал рассказы Баранта о Констане в доме Вяземского 15 января 1837 г. (в тот вечер его больше волновало присутствие на балу Дантеса с молодой женой⁴⁴), однако если слышал, то его наверняка привлек не только предмет разговора⁴⁵, но и форма исторических анекдотов, в которую этот разговор был облечен⁴⁶.

* * *

Известно, что Пушкин, по не зависящим от него причинам так и не сумевший побывать в Европе, в последние годы жизни особенно дорожил общением с просвещенными космополитами, знавшими европейскую ученость и "общезительность" не только по книгам, но и по личному опыту, – такими, как А.И. Тургенев и П.Б. Козловский. Реконструкция предполагаемых тем, которые обсуждал в беседах с Пушкиным Барант (крестьянский вопрос, неизданные записки Екатерины и Талейрана, ответственность монархов за судьбы страны и способы избежать революций), дают основания предполагать, что в число таких близких и высоко ценимых собеседников-европейцев входил в последние месяцы жизни поэта и барон Проспер де Барант.

А.С. ПУШКИН В ПИСЬМАХ П.А. ПЛЕТНЕВА К ЦЕСАРЕВИЧУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

... Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

(А.С. Пушкин. Из письма
к Плетневу. Октябрь 1824 г.)

Издатель, редактор, чуткий и блистательный критик Петр Александрович Плетнев (1792–1872), по собственному признанию, был для А.С. Пушкина "и родственником, и другом, и издателем, и кассиром". Преданным другом Пушкина он и остался в истории русской литературы и благодарной памяти потомков. Но, кроме того, П.А. Плетнев всю жизнь преподавал русскую словесность, был профессором, а позже ректором Санкт-Петербургского университета, академиком, председательствовавшим в Отделении русского языка и словесности Академии наук. В числе его учеников были и дети императора Николая I,

⁴³ Barante P. de. Souvenirs. Т. 2. Р. 312–313. Ср. также письмо Баранта к жене от 15 мая 1815 года: «Я долго беседовал с г-ном Константином, он добрый малый, терпеливо выслушивает все, что ему говорят, и, следуя своей обычной методе, кажется, насмехается над тем делом, которое отстаивает. Он пересказывает статьи из "Монитера" и сам же первый над ними хохочет» (Ibid. Р. 146) или фразу Баранта о постаревшем Констане, приводимую в воспоминаниях Шарля де Ремюза: "Это шлюха, которая когда-то была очень хорошенькой, а теперь кончает жизнь в больнице" (Rémusat Ch. de. Mémoires de ma vie. Р., 1959. Т. 2. Р. 422).

⁴⁴ См.: Абрамович С.А. Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994. С. 251.

⁴⁵ Об интересе Пушкина к Констану см.: Ахматова А.А. О Пушкине. М., 1989. С. 51–89.

⁴⁶ Ср. в письме А.И. Тургенева к А.Я. Булгакову от 16 января 1837 г. о бале у Вяземского: "Барант пленял нас своею тихою, классическою разговорностию (causerie), оживотворяя ее анекдотами" (Тургенев А.И. Письма Булгаковым. С. 205).

прежде всего, наследник цесаревич Александр Николаевич. Эта сторона деятельности П.А. Плетнева известна сравнительно мало¹, а между тем и на ниве просвещения он, будучи приближен к трону, много сделал для русской литературы.

С высочайшим воспитанником у Плетнева сложились дружеские и доверительные отношения, о чем свидетельствуют и письма профессора к своему ученику, сохранившиеся в личном фонде императора Александра II в ГА РФ. Дело № 831 этого фонда, озаглавленное "Письма П.А. Плетнева", содержит 26 писем с 1837 по 1865 г. Первые шесть писем, одно из которых публикуется ниже, относятся к весне–осени 1837 г., когда наследник престола по распоряжению отца, императора Николая I, отправился в путешествие по России. За полгода странствий цесаревич объехал губернии Центра страны, Поволжья, Урала, юго-восточную Украину, Киев, Крым, приазовские степи и пр. В поездке Александра Николаевича сопровождали его воспитатель В.А. Жуковский, преподаватель истории и статистики К.И. Арсеньев, генерал-адъютант А.А. Кавелин и др.

П.А. Плетнев, оставшийся в Петербурге, сообщал Александру Николаевичу о событиях столичной жизни в подробных письмах, составленных наподобие дневника. Значительное место среди описываемых событий занимали новости литературной жизни. Плетнев писал о появлении книжных новинок². Не пренебрегал он и передачей анекдотов околелитературного быта. В первом же письме 6 мая он писал: «... В литературном свете есть новость. Булгарин обронил где-то записку: "Прошу покорнейше г. корректора в статистике, везде, где стоит сей, сия, сие, сих и проч. ставить этот, эта, это, этих и проч." Библиотека для чтения напечатала ее у себя и вследствие такого факта публикует, что переворот в русской литературе совершился; Озеров стал дик и нестерпим; Батюшков и Карамзин устарели; Пушкин тоже скоро устаревает» (л. 2об.).

Имя Пушкина неоднократно появлялось на страницах писем Плетнева. Так, он сообщал, что 28 мая во время визита в Царское Село «у великой княжны Марии Николаевны мы говорили много о Пушкине и читали из него. Государыня (императрица Александра Федоровна, жена Николая I) изволила читать наизусть некоторые места из поэмы "Цыганы"» (Л. 7). Сообщая в том же письме о посещении 4 июля Петергофа, куда переехало царское семейство, Плетнев писал: "Государыня изволила спросить меня, привез ли я Полтаву, которую ее величество теперь и читает" (Л. 7об.).

11 августа Плетнев радостно уведомлял цесаревича, что "государь император позволил мне издавать Современник на будущее время. От [камер-фрейлины] А.А. Окуловой, получившей изустное повеление его величества, узнал я, что В.А. Жуковскому назначено поднести государю бумагу для подписания, кою буду я уполномочен произвести публикацию о продолжении Современника. Осмеливаюсь вновь прибегнуть к покровительству Вашего Высочества, чтобы это дело, столь меня занимающее, от чего-нибудь не замедлилось. Я теперь весь отдался этой мысли, чтобы составить издание, где бы соединилось все чистое, благородное и истинно дельное" (Л. 16об.). В ноябре Плетнев сообщал о получении письма вел. кн. Марии Николаевны, в котором "ее высочество столь живое изъявила участие в издании Современника, что я принимаюсь за него с каким-то вдохновением" (Л. 18).

¹ В последние годы большой вклад внес в изучение истории такой специфической области педагогики, как воспитание и образование наследников русского престола и великих князей, академик РАО С.О. Шмидт. См.: Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника царского престола // Русское подвижничество. М., 1996. С. 187–221; Он же. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000.

² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 831. Л. 16. Далее ссылки на листы дела даются в тексте.

Выходец из духовного звания, тверской семинарист, достигший высокого положения трудом и способностями, П.А. Плетнев был всей душой предан русской литературе. Этой беззаветной преданностью и любовью от щедро делился с высочайшей аудиторией, и не его вина, что спустя почти полвека император Александр II сделает помету "весьма справедливо" на перлюстрированном письме некоего А. Владимирова о дурном влиянии на юных читателей пушкинских строк "Выпьем, добрая подружка бедной юности моей"³.

Публикуемое ниже письмо печатается по автографу, хранящемуся в ГАРФ, в соответствии с правилами издания исторических документов.

Е.А. Чиркова

4 августа 1837. С.П[етер]бург.

Сегодня Ваше императорское высочество покидает Москву. Я воображаю живо, как сладостны были для Вас последние дни, дни свидания после столь долгой разлуки. Чувство, которое я испытал, получив письмо Вашего высочества, было похоже на радость свидания, и потому я несколько понимаю состояние души Вашей. Как мне благодарить Вас? При стольких занятиях, при непрерывных переездах и при ежедневной Вашей переписке, где столько подробностей передать Вам надобно, Вы и меня не забыли осчастливить приветом Вашим, в котором, как в Ваших глазах, как в Вашем голосе, изобразилась вся душа Ваша. Но я не буду больше об этом говорить, потому что не умею.

Промежуток между последним письмом моим и нынешним очень велик. Но Вы изволите помнить, что здесь был целый месяц, в который я не ездил в Петергоф, и, следовательно, в дневнике моем Ваше высочество ничего не нашли бы для себя занимательного. Сверх того, в этот же промежуток я успел съездить в Финляндию на Иматру, о чем буду иметь честь донести, когда до этого обстоятельства дойдет очередь.

С 24 по 29 июня весь я жил в воспоминании о покойном Пушкине, потому что в это время читал и перечитывал я первый номер "Современника". Кажется, с каждою новою его пьесою сильнее начинаешь чувствовать, чего мы в нем лишились. В трех последних его стихотворениях "Лицейской годовщине", "Молитве" и "Посещении родины" будто слышишь человека, уже знающего близость кончины своей.

Кстати о "Современнике". А.А. Окулова¹ объявила мне, что государь император всемиловитвейше соизволяет на то, чтобы издавать этот журнал. Так как его превосходительство Александр Александрович² и Ваше императорское высочество были в этом деле ходатаями за меня, то прошу принять изъявление моей совершенной благодарности. Александра Александровича имею честь поздравить с царскою милостию, которая всех знающих и, следовательно, уважающих его превосходительство, привела в восторг.

29 июня (в день Петра и Павла) происходило освящение церкви во вновь устроенном для университета доме. Это здание теперь блистательно, а галерея при нем, в которой помещены будут кабинеты натуральной истории и физики, также библиотека университетская и Педагогического института, ничего не имеет подобного в Европе. Вообразите одну комнату, необыкновенно светлую, высокую и соразмерной ширины длиною в 185 сажен. Все залы прекрасны, но две особенно замечательны: одна в два света с колоннами для публичных собраний, другая – для университетского совета, в последней (где прекрасные два бюста нынешнего императора и покойного Александра I) все украшения сохранены, как они были изобретены при Петре I. Для украшения университетской церкви купец Пивоваров (только не сахарный заводчик) пожертвовал 25 т. рублей.

О петергофском празднике Ваше высочество без сомнения все знаете подробно. Первый день не удался, потому что проливной был дождь, зато во второй иллюминация горела чудесно и народу было необыкновенно много, так как все были предуведомлены на случай погоды.

5 июля, в понедельник, возвратился из путешествия в. к. Михаил Павлович³. После обеда великая княгиня с детьми⁴ находилась вместе, когда доложили, что "Геркулес" показался. Они все бросились на первый катер, какой попался у пристани. С ними

³ ГАРФ. Ф. 109 (III отделение с.е. и. в. к. Секретный архив). Оп. 3. Д. 1038.

находилась только фрейлина и ген. Вишняков. На "Геркулесе", откуда увидели катер, никто и не подозревал, что великая княгиня тут. Один офицер с "Геркулеса" вскричал: "Ах, Боже мой, да никак жена моя вздумала встречать меня". В эту минуту великий князь узнал свое семейство и сказал: "Нет, брат, это, кажется, не твоя жена, а моя", и с этими словами он прямо прыгнул к ним в катер. На возвратном пути встретилась им лодка с Виртембергским принцем Фридрихом⁵, а у пристани их ожидали уже государь и императрица. В Ораниенбауме я часто вижу нашего Гау⁶. Он там и живет, пишет множество портретов. Великую княгиню и великих княжон нарисовал очень удачно, также многих кавалеров и фрейлин ораниенбаумских.

7 июля, в среду, принц Ольденбургский⁷ возвратился из Петергофа к себе на дачу, где и теперь остается. С ее светлостью случилось несчастье. Она преждевременно разрешилась от бремени, шестью месяцами ранее срока. Я видел его светлость после этого случая. Принцесса, слава Богу, поправляется в здоровье, но принц (как мне показалось) заметно похудел. Они живут у себя в верхнем этаже. Нижний оставлен для парадных приемов. Кабинет его светлости над тою же комнатою, где был его кабинет и внизу. Меня один предмет самым приятным образом поразил, когда я вошел в кабинет принца, на столе стояла корзинка с женским рукоделем.

14 июля, в среду, утром в 10 часов я имел счастье получить письмо Вашего высочества. Мы собирались ехать в Осиновую рощу. Можете представить, Ваше высочество, как это обстоятельство оживило удовольствие моей прогулки.

18 июля, когда был я в Ораниенбауме, великая княгиня поручила мне собрать известнейшие и занимательнейшие книги на французском и русском языках, где говорится о Крыме. Это обстоятельство дало мне мысль указать Вашему высочеству на некоторые сочинения, полезные для поездки Вашей в Крым, и которых нельзя нигде приобрести теперь, разве только в Одессе; потому что большая часть из них там печатаны и там только продаются.

25 июля, в воскресенье, утром в 7 часов, я с моим семейством и еще другим, которое многочисленнее моего, отправился в Финляндию. Мы предположили доехать до Иматры, что составляет от СПб. 200 верст. Все поместились в одной линейке, закрывающейся с боков и сверху. Во время этой поездки два раза видел я Выборг, город весьма замечательный по своему местоположению и древней архитектуре. Подле Выборга дача барона Николаи, место, которому подобного я ничего не видывал. Здесь дикость и величие финляндской природы соединены с прихотями обзавоженной вкуса. В этом саду громады цельного гранита столь великолепны и изящны, что никакие усилия человеческих рук приблизиться не могут к тому, чтобы где-нибудь сделать украшения, хоть похожие на них. Это имение в прежние времена составляло собственность шведских королей. Теперь оно сделалось майоратством в фамилии баронов Николаи⁸. Вообще вся Финляндия удивительно любопытна. Для одних тамошних дорог хотелось бы там поселиться навсегда. Путешествие по Финляндии можно сравнить с прогулкою по Царскосельскому саду. Но ничто никогда столько не восхищало меня в жизни из явлений природы, как Иматра. Это собственно не водопад, а соединение множества порогов. Река Вокса богата ими. Но в одном месте на расстоянии полуверсты или более берега, состоящие из протяжения цельного гранита, суживаются, а дно реки, покрытое скалами и пропастями, возбуждает в стремительно текущей воде такое неистовство, что она превращается в тысячу бешеных и разнообразных водопадов, которые все вместе ревут и воют, крутятся подымаются в высоту и тут же под землю низвергаются в бездну. Но всего поразительнее, что в этой огромной и восхитительной картине ни одно явление не остается однообразным: в этом вечном движении каждая часть поминутно принимает новый образ, и взор ваш никогда не может не только утомиться зрелищем сим, но никогда к нему и не привыкнет.

Смотря на это чудное украшение Финляндии, я вдруг испуган был ничтожеством окрестных мест. Вообразите, Ваше высочество, что на берегах Иматры, уже и тем восхитительных, что они лежат, как два страшные исполина, почерневшие и окаменелые, нет ни пристанища для любопытных посетителей, нет ни сообщения одного берега с другим, нет ни жилья, ничего, чтобы показывало, что человек благодарен природе за ее украшения этого места. Мне, признаюсь, невольно пришло на мысль, что если бы канцлер Финляндского университета, сделав приобретение в собственность свою обоих теперь пустых берегов Иматры, оживил их некоторыми хоть удобствами для приезжающих. Как бы благословляли его путешественники, которых, несмотря на все неудобства местопребывания там, всякий день бывает много, особенно иностранцев.

3 августа, вторник. Опять начались мои поездки в Царское Село. Ее высочество в. к. Ольга Николаевна⁹ устроила для себя по собственному вкусу гостиную из учебной комнаты в. кн. Марии Николаевны¹⁰. Это меня прежде всего поразило. Множество больших растений и цветов, содвинутые диваны придают этой комнате вид фантастический. Я нашел ее высочество в расположении духа очень приятном. Мы вместе прочитали письмо Ваше ко мне и речь митрополита Филарета¹¹ к Вам. Все это перенесло нас далеко от Царского Села.

Не удивляйтесь, Ваше высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами. Будучи лишен счастья видеть Вас и говорить с Вами (как это было столько лет!), я этим только себя и вознаграждаю.

Вашего императорского высочества всепреданнейший

П. Плетнев

Примечания

¹ Анна Алексеевна Окулова (1794–1861) – камер-фрейлина, знакомая А.С. Пушкина.

² Александр Александрович Кавелин – генерал-адъютант, входил в свиту наследника во время путешествия по России в 1837 г.

³ Михаил Павлович (1798–1849) – великий князь, младший брат императора Николая I.

⁴ Имеется в виду великая княгиня Елена Павловна (1806–1870), урожденная Фредерика-Шарлотта-Мария, принцесса Вюртембергская, с 1824 г. жена вел. кн. Михаила Павловича. Их дети – Екатерина, Елизавета и Мария.

⁵ Фридрих-Карл принц Виртембергский (Вюртембергский) – с 1846 г. муж великой княжны Ольги Николаевны, впоследствии первый король Вюртемберга Карл I.

⁶ Вольдемар (Владимир) Иванович Гау (1816–1895) в 1836 г. окончил Академию художеств, с 1849 г. – академик портретной живописи.

⁷ Петр Георгиевич – принц Ольденбургский (1812–1881), близкий друг цесаревича Александра Николаевича, с 1837 г. женат на дочери герцога Вильгельма Нассауского принцессе Терезии-Вильгельмине-Фредерике-Изabelle-Шарлотте (1817–1871).

⁸ Николаи – баронский род, происходил из Швеции, в российский Гербовник внесен в 1813 г.

⁹ Ольга Николаевна (1822–1892) – вторая дочь императора Николая I, получила образование под руководством П.А. Плетнева и В.А. Жуковского, с 1846 г. – жена Вюртембергского наследного принца Фридриха-Карла.

¹⁰ Мария Николаевна (1819–1876) – старшая дочь Николая I, с 1839 г. жена Максимилиана герцога Лейхтенбергского.

¹¹ Филарет (Дроздов, 1782–1867) – митрополит Московский, влиятельный религиозный деятель.

Л.И. Шохин

ПЕРЕПИСКА ГРАФА С.Д. ШЕРЕМЕТЕВА О ПУШКИНСКИХ МАТЕРИАЛАХ В ОСТАФЬЕВСКОМ АРХИВЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) был женат на княжне Екатерине Павловне Вяземской (1849–1929), внучке поэта князя Петра Андревича Вяземского, дочери поэта князя Павла Петровича Вяземского, владевших знаменитой усадьбой Остафьево в Подольском уезде Московской губернии. В 1898 г. С.Д. Шереметев купил Остафьево вместе с Остафьевским архивом у князя Петра Павловича Вяземского, своего шурина, и превратил это имение в музей. В дневнике С.Д. Шереметева 21 августа 1900 г. записано: "Остафьево. Утром возился в доме, расставлял мебель. Ходили в саду и до Кар[амзинской] рощи. Потом все время разбирали бумаги. Много нового неожиданно нашлось. Очень интересно. Письма Пушкина. До самого ужина разбирали"¹. Будучи пред-

¹ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5046. Л. 117.

седателем Общества любителей древней письменности (основанного князем П.П. Вяземским в 1878 г.), председателем Императорской Археографической комиссии (1900–1917), С.Д. Шереметев лично наблюдал за разбором Остафьевского архива, перевезенного в находящееся неподалеку Михайловское – основную летнюю резиденцию Шереметевых. Им же издавался "Остафьевский архив князей Вяземских"; некоторые пушкинские документы публиковались в продолжающемся издании "Старина и новизна" – органе основанного С.Д. Шереметевым Общества любителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

В Остафьево проводились заседания комиссии по изданию "Старины и новизны". С.О. Долгов, один из членов этой комиссии, по приглашению С.Д. Шереметева жил на даче в Остафьево. Определяя состав готовившейся книги, он писал хозяину: "Так как Остафьевский дом освящен пребыванием и реликвиями Пушкина, то позвольте, Ваше Сиятельство, огласить там одно неизданное письмо Пушкина к И.А. Яковлеву"².

О значении только что появившегося "Остафьевского архива" свидетельствует отклик В.С. Иконникова в письме С.Д. Шереметеву 30 января 1900 г.: «На днях я получил II, III и IV томы "Остафьевского архива" и в настоящее время уже прочел их. Для освещения эпохи 20-х–30-х годов весьма ценный материал; для выяснения направления мыслей Пушкина (как не ему одному принадлежащего) архив дает незаменимые сведения. Надеюсь ими воспользоваться (I томом я уже пользовался) при печатании своей монографии об исторических воззрениях Пушкина, написанной по поводу бывших торжеств»³.

В 1908 г. С.А. Венгеров обращался «с покорнейшей просьбой: не отказать в присылке библиотеке Пушкинского семинария при Петербургском университете "Остафьевского архива", столь важного для изучения Пушкина»⁴.

В V книге "Старины и новизны" (СПб., 1902) опубликованы письма А.С. Пушкина, барона А.А. Дельвига, Е.А. Баратынского и П.А. Плетнева кн. П.А. Вяземскому 1824–1843 гг. из Остафьевского архива, в том числе письмо Пушкина 1 сентября 1828 г. с отрицанием авторства неприличной поэмы "Гаврилада" (публикатор письма и составитель примечаний Н.П. Барсуков). В.С. Иконников коснулся этого в письме С.Д. Шереметеву 17 марта 1902 г.: «Среди материалов, напечатанных в V-й книге "Старины и новизны", помещена переписка по поводу "Гаврилады", приписываемой Пушкину. Между тем осенью прошлого года я читал в газетах (перепеч. в "Истор. вестн.", 1901, № 9, стр. 1138), что Вами было найдено в одном архиве письмо Пушкина, в котором он называет автором названного произведения кн. Горчакова (поэта). Хотелось бы выяснить вопрос, имеет ли это упоминание газеты какое-либо основание? Извиняюсь за поставленный вопросительный знак, но он напрашивается после напечатанных документов»⁵.

Вероятно, о том же писал 24 августа 1900 г. С.Д. Шереметеву И.Ф. Тютчев, сын поэта Ф.И. Тютчева: «Весьма и весьма утешен, что А.С. Пушкин – не автор "Гаврилады". Было скорбно думать, что наш великий поэт замарал себя такою мерзостью. Надеюсь, что Вы огласите Вашу счастливую находку в печати. Пушкин этого заслуживает»⁶. В XIII книге "Старины и новизны" (СПб., 1909) В.В. Щеглов опубликовал «Новые документы о "Гавриладе" из архива Собственной его императорского величества канцелярии» (записка 21 августа

² Там же. Д. 578. Л. 22 об.

³ Там же. Д. 718. Л. 5–5об.

⁴ Там же. Д. 5089. Л. 172.

⁵ Там же. Д. 718. Л. 13–13об.

⁶ Там же. Д. 1754. Л. 63.

1828(?) г., в которой Пушкин письменно отрекался от авторства богохульной поэмы).

К вопросу о "Гаврииаде" относится и письмо Н.П. Барсукова 30 июля 1904 г. «Милостивый государь, граф Сергей Дмитриевич. Напрасно гг. Суворины, Бартеневы и их доблестные сотрудники поторопились обвинить всенародно Пушкина лжецом и уверять публику, что "поверить, будто автором "Гаврииады" был князь Горчаков, не может ни один мало-мальски смыслящий в поэзии человек". Вчера Чечулин сообщил мне 3-ю книжку "Известий Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук" 1903 г., в которой г. Каллаш напечатал кощунственную сатиру (еще гаже "Гаврииады") князя Д.П. Горчакова под заглавием "Святки" (Noël), где воплотившийся Столп Мира именуется "амурчиком", а Пресвятая Богородица – Венерою. В этой сатире одна строфа (стр. 362) открывает и автора "Гаврииады": "К Венере с извиненьем // подкрался Горчаков, // удобривая чтеньем // нахальных ей стихов". Она ему в ответ: "Прошу, не извиняйся! // Я знаю, ты ругал меня – // ругай и впредь – позволю я, // но только убирайся!" К стиху "Я знаю, ты ругал меня" Каллаш сделал следующее примечание: "Намек на "Гаврииаду", см. мои статьи в "Рус. мысли", 1903, XI и "Литер. вестн.", 1902, П". Сатира написана около 1816–1817 гг. "Об изложенном" долгом почитаю донести Вам»⁷.

По-видимому, определение авторства "Гаврииады" оставалось злободневным и через три года вновь затрагивалось в письме составителя "Остафьевского архива" П.Н. Шеффера. «Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич! Позвольте принести Вам искреннюю благодарность за то, что Вы были добры поделиться известием о вновь найденном документе, касающемся Пушкина. Очень, очень интересно будет ознакомиться с содержанием этого документа, так как, каюсь, для меня лично в вопросе о "Гаврииаде" многое еще остается неясным. Мне вполне понятна та горячность, с которой покойный Николай Платонович [Барсуков] отвергал принадлежность этого произведения Пушкину. Для всех нас, кому дорог Пушкин, образ его невольно рисуется с его лучшими чертами, чертами Пушкина позднейшего периода, и среди них, конечно, нет места настроению, которое могло дать "Гаврииаду". Но я бы не решился при наличных данных сказать, что нет никаких точек соприкосновения между "Гаврииадой" и Пушкиным юношеских "безумных", как он сам называл их, лет. Пушкиным, увлекшимся "Орлеанской девственницей" Вольтера. Может быть, новый документ прольет определенный свет на весь вопрос. С нетерпением буду ждать заседания комиссии "Старины и новизны", о котором Вы упомянули в Вашем письме»⁸.

Ф.Д. Самарин благодарил С.Д. Шереметева за публикацию письма В.А. Жуковского в XII книге "Старины и новизны" (СПб., 1907). «Не меньшее удовольствие доставили мне, хоть и в другом роде, письма Пушкина, извлеченные Вами из "Остафьевского архива". Они совершенно подрывают все, что проводил Якушкин в своих работах о Пушкине. В искренности настроения, выразившегося в его "Клеветникам России", теперь никто уже не может сомневаться»⁹.

О собирании источников для "Старины и новизны" можно судить по письму 1907 г. внучки Н.М. Карамзина, графини М.Н. Толстой: «В Пскове живет приятельница моей сестры, П.Н. Зубова, у матери которой есть письма Пушкина и посланное им [сочинение] "Евгений Онегин" с надписью его рукой. Я просила сестру, Васильчикову, выхлопотать эти письма для "Старины и новизны".

⁷ Там же. Д. 72. Л. 66–66об.

⁸ Там же. Д. 6218. Л. 45–45об.

⁹ Там же. Д. 5079. Л. 324.

В крайнем случае сама бы съездила туда, очень бы хотелось их получить»¹⁰.

С.Д. Шереметев не только печатал пушкинские материалы, но и предоставлял их для изучения заинтересованным ученым и научным учреждениям, о чем свидетельствует его ответ на запрос президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича в 1902 г.: "Большая часть бумаг пушкинских Остафьевского архива уже обнародована, но осталось еще кое-что, равно и в архиве Соболевского сохранилось еще несколько пушкинских писем. Все это в течение лета будет приведено в порядок и представлено мною согласно желанию Вашего Императорского Высочества"¹¹. Однако у С.Д. Шереметева не сложились одинаково хорошие отношения со всеми пушкинистами, некоторые из которых относились к нему потребительски и злоупотребляли его любезностью. С годами разочарование нарастало.

В 1908 г. С.Д. Шереметев писал П.Н. Шефферу: "Прилагая при сем полученную мною из Академии бумагу, я обращаюсь к Вам с просьбою помочь в отклонении этого дела. Сделав то, что было для издания Пушкина, я считаю, что этим и закончил. Если же для каждого писателя у меня будут выпрашивать бумаги Остафьевского архива, до него касающиеся, то в конце концов обезличится и Остафьевский архив, и я уже лишен буду возможности отказывать другим. Ввиду этого я отвечу, что мною уже приступлено к изданию Остафьевского архива, а потому лишен возможности им поделиться. Желательно бы предупредить возможность воздействия на меня чрез августейшего президента, ибо ответ мой будет неизменно тот же. Кроме того, мне известно лицо, побудившее написать мне эту бумагу. Он лично ко мне приставал с подобным предложением, но не видя успеха, предупредил, что сумеет оказать на меня давление. Забыл его фамилию. Моя к Вам просьба в том, чтобы разъяснить Шахматову истинное положение дела и невозможность мою и впредь делиться бумагами Остафьевского архива"¹².

На это П.Н. Шеффер отвечал: "Бумага, которую Вы прислали мне при Вашем письме от 19 июня, и которую я при сем возвращаю, подписана А.А. Шахматовым, но, к сожалению, его в Петербурге уже нет. Он около половины мая уехал к себе в Саратовскую губернию, говорят, до половины сентября. Будь Шахматов здесь, я попытался бы вследствие Вашего письма поскорее увидаться с ним. Отсутствие его очень осложняет дело, потому что путем переписки невозможно подойти к вопросу так, как это можно было бы сделать при личном разговоре, а главное: переписка не будет иметь практического результата, т.к. переговорить с августейшим президентом Шахматов уже не имеет возможности до своего возвращения. Советую задержать ответ на академическую бумагу, чтобы не дать повода к повторению просьбы теперь уже от имени президента"¹³.

Новые неприятности начались в 1911 г. 9 февраля С.Д. Шереметев писал вел. кн. Константину Константиновичу: «Получив благодарственный рескрипт Ваш от 3 февраля, долгом почитаю с полной откровенностью высказать глубокое сочувствие мое предполагаемому основанию Пушкинского Дома, в котором, вероятно, поместится и личная библиотека поэта. С своей стороны готов буду поднести и некоторые издания мои, имеющие отношение к Пушкину, а также и фотографические снимки с многих предметов, ему принадлежавших и ныне составляющих неприкосновенную собственность музея в доме села Остафьева, в

¹⁰ Там же. Д. 5080. Л. 77–77об.

¹¹ Там же. Д. 2995. Л. 72об.

¹² Там же. Д. 3003. Л. 259–260.

¹³ Там же. Д. 5085. Л. 347–347об.

котором среди своих друзей нередко пребывал Александр Сергеевич Пушкин. Там написаны им и некоторые известные стихотворения. Не могу не высказать, что крайне затрудняюсь пересылкою самих предметов, представляющей большое неудобство и тем более ввиду предстоящего в нынешнем году открытия памятника в с. Остафьево историографу Карамзину, написавшему в Остафьевском доме семь томов своей "Истории государства Российского"¹⁴. В кабинете его и помещены все пушкинские предметы вместе с вещественными воспоминаниями о других поэтах и писателях, собиравшихся у хозяина дома, князя Петра Андреевича Вяземского, о котором в посвященном ему стихотворении поэт Баратынский сказал: "Звезда разрозненной плеяды"¹⁵.

22 мая 1911 г. С.Д. Шереметев опять обратился к П.Н. Шефферу: «При сем посылаю Вам только что полученное письмо от Шахматова, которое прошу мне потом возвратить. Я несколько затрудняюсь ответом, не зная Щеголева и не имея особых причин ожидать иного от него, чем от Модзалевского. Все, что у меня пушкинского, напечатано, а внимания к напечатанному никакого, доказательством чему служит "Старина и новизна", где постоянно печатается о Пушкине при гробовом молчании. Я даже не усвоиваю себе, что, собственно, ему нужно. Все, что издает Отделение словесности Академии наук, мне недоступно, а я несколько избалован вниманием многих дорогих мне лиц. Что скажете? Пушкину не везет»¹⁶. Как видим, С.Д. Шереметев получал частные письма с благодарностью за издание документов Остафьевского архива, но был раздражен почти всеобщим молчанием прессы. Одной из причин можно считать известные ультраправые взгляды С.Д. Шереметева, с одной стороны и господство либеральных литераторов в российской печати, с другой.

П.Н. Шеффер прислал большое письмо о П.Е. Щеголеве и о поручении, данном ему Академией наук.

«Щеголева я несколько знаю, лично очень мало, больше немного по университету и по работам. Человек он, несомненно, знающий и на вопрос, как он выполнит работу, задуманную редакцией "Академической библиотеки русских писателей", я ответил бы – хорошо. Слишком мало я знаю Щеголева лично, чтобы вполне определенно ответить и по вопросу о желательных для него занятиях пушкинскими рукописями в Михайловском. Но я не могу ограничиться таким ответом на Ваш вопрос и не могу не высказать Вам своих соображений.

Щеголев – человек левого лагеря, один из бывших редакторов журнала "Былое". Это обстоятельство само по себе при искренности убеждений (а Щеголев не прятался за других и принимал на себя последствия, иногда очень тяжелые, своих убеждений), конечно, не есть основание для какого-либо укора. Но я выношу убеждение, что редко встречаются люди, с которыми легко живется в домашней обстановке, если они других политических убеждений. Чаше при этом является необходимость во избежание бесконечных споров и какого-то тягостного состояния обходить ряд вопросов и чувствовать себя мучительно стесненным в свободе откровенно говорить дома, а это – условия, при которых едва ли может быть речь об отдыхе и душевном покое. Что за человек в этом отношении Щеголев – мягкий и тактичный или страстный и нетерпимый – я не знаю, но знаю, что Вы ищете в Михайловском отдыха от Петербурга, а в этом году предполагали и лечиться. Простите, если я вышел из рамок фактического ответа, но ответить Вам внешним образом я не мог.

Что касается самой задачи, поставленной редакцией "Академической библиотеки русских писателей", то она очень важна. Типографское воспроизведение текста не дает представления о многих особенностях пушкинского творчества, и было бы очень желательно иметь хорошее описание его автографов, вроде тех описаний, какие делаются для

¹⁴ См.: Шохин Л.И. Архивные материалы С.Д. Шереметева об открытии памятника Н.М. Карамзину в Остафьево в 1911 году // Венки Карамзину. М., 1992. С. 100–112.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3006. Л. 65; машинописная копия в Д. 5101, Л. 69.

¹⁶ Там же. Д. 3006. Л. 198–199.

старых рукописей. Так как пушкинские автографы в Вашем архиве выделены из других материалов, может быть Вы признаете возможным переправить их осенью в Общество любителей древней письменности, где Щеголев и мог бы описать их?»¹⁷.

15 мая 1913 г. С.А. Венгеров вновь поднял вопрос об Остафьевском архиве. "Ваше Сиятельство, граф Сергей Дмитриевич. Обращаюсь к Вам с просьбою разрешить мне ознакомиться с оригиналами принадлежащих Вам писем Пушкина. Я в настоящее время занят редактированием VI тома Собрания сочинений Пушкина (роскошное издание Брокгауз–Ефрон). В состав этого тома войдут письма. Правда, все принадлежащие Вам письма своевременно были в распоряжении редактора академического издания В.И. Саитова. Владимир Иванович и Б.Л. Модзалевский исполнили свою задачу превосходно, но ведь и они люди и могли кое-где ошибиться. Вот почему я проверяю переписку Пушкина по всем доступным мне материалам Публичной библиотеки, Академии наук, Румянцевского музея и т.д. Очень хотелось бы исполнить свой редакторский долг и по отношению к письмам, принадлежащим Вам. Хочу надеяться, что Вы найдете возможным исполнить мою просьбу"¹⁸. Не удалось обнаружить прямого ответа на этот запрос, но вскоре последовал аналогичный запрос относительно Баратынского.

20 июня 1913 г. С.Д. Шереметев вновь вынужден был побеспокоить П.Н. Шеффера: «У меня к Вам большая просьба. Вы увидите из прилагаемых при сем документов, что мне грозит нашествие академическое и притом в самое неудобное для меня время. Нельзя ли просить содействия Вашего к ограждению меня от наступательных действий? Наученный опытом, с каким невниманием Академия отнеслась к пушкинским письмам, напечатанным без всякого указания на их происхождение, да и, кроме того, не имея намерения раздавать остафьевские документы по частям различным лицам, ввиду возможности повторения наездов (тем более, что издание "Остафьевского архива", мною предпринятое, не может быть неизвестным), я в интересах целости его и согласно правилам князя Павла Петровича Вяземского лишен возможности удовлетворить желание получить бумаги Баратынского»¹⁹.

Для С.Д. Шереметева и его окружения изучение и пропаганда пушкинского наследия не ограничивались научным интересом, а идейно противостояли преобладавшему в начале XX в. декадентскому направлению, связанному с "нигилизмом" во всех сферах общественной жизни. Лучшие традиции отечественной культуры питали консервативное мировоззрение такого просвещенного русского аристократа, как граф С.Д. Шереметев. Малоизвестные до сих пор эпистолярные материалы из огромного фонда Шереметевых в РГАДА содержат неустаревавшую современными исследователями информацию по многим вопросам, включая пушкиноведение; они могут принести пользу в совокупности с другими историографическими источниками. 15 июля 1913 г. в Остафьево появился памятник А.С. Пушкину, созданный по инициативе и на средства С.Д. Шереметева²⁰.

¹⁷ Там же. Д. 5103. Л. 190–190об.

¹⁸ Там же. Д. 2219. Л. 35–35об.

¹⁹ Там же. Д. 3009. Л. 313–314.

²⁰ См. подробнее: *Шохин Л.И.* Об открытии памятника А.С. Пушкину в Остафьево в 1913 г. // ОА. 1999. № 2.

ПУШКИНИАНА "РУССКОЙ СТАРИНЫ"

Произведения А.С. Пушкина и материалы его биографии активно публиковались в периодической печати второй половины XIX – начала XX в. "Русский вестник", "Исторический вестник", "Вестник Европы", газета "Новое время" и многие другие издания создавали свою пушкиниану. Большую роль в этом сыграл П.И. Бартенев и его "Русский архив"¹.

Одним из ведущих направлений деятельности журнала "Русская старина" было соби́рание и публикация материалов по истории русской словесности, в том числе и пушкинских материалов. Основатель журнала – М.И. Семевский – осознавая величие гения Пушкина, ощущал, вероятно, особую связь с ним. Семевский не только родился в январе 1837 г., ставшем роковым для поэта, но и был уроженцем с. Федорцево Великолуцкого уезда Псковской губернии, которое находится не так далеко от Михайловского. "Для меня Пушкин все еще гордость, честь и краса нашего Парнаса!"² – писал он. Возможность приобщиться к пушкинской теме Семевский получил благодаря своему знакомству с псковским помещиком А.Н. Вульфom – приятелем А.С. Пушкина. По приглашению Вульфа, владевшего в 1860-е годы Тригорским, Семевский вместе с друзьями совершил в мае–июне 1866 г. "паломничество" по пушкинским местам Псковского края. Историком посчастливилось ехать от железнодорожной станции до Тригорского на той самой коляске, которая некогда принадлежала Пушкину, а после смерти поэта была куплена А.Н. Вульфom у Н.Н. Пушкиной. Семевский проезжал мимо развалин дома в Михайловском, в Тригорском он с увлечением записывал рассказы Вульфа и его сводной сестры, М.И. Осиповой, о Пушкине, перелистывал альбомы постаревших уездных барышень... Вульф предоставил в распоряжение Семевского письма, полученные им и его матерью, П.А. Осиповой-Вульф, от Пушкина, письма и стихи друга Пушкина и Вульфа – Н.М. Языкова. Семевский к людям, знавшим "великого жреца всероссийского Парнаса", обращался с чувством особенного уважения и благоговения. Впечатления об этой поездке стали основой очерка Семевского "Прогулка в Тригорское"³.

В октябре 1866 г. М.И. Семевский предложил П.И. Бартеневу опубликовать в "Русском архиве" письма и стихи Н.М. Языкова. Бартенев заинтересовался не столько материалами одного из приятелей Пушкина, сколько очерком "Прогулка в Тригорское": "Статья о Языкове мною просмотрена. Само собою разумеется, что я очень рад поместить ее; но вы не сказываете Ваших условий, щедрого же гонорария я не могу предложить Вам. У меня покамест плата весьма скудная. С истинным удовольствием читал я Ваши статьи *Тригорское* и всякий раз приобретал для себя эти номера СПб. Ведомостей; но последние два упустил купить и не могу достать. Если имеются у Вас отдельные оттиски или лишние эти два последние номера, много бы одолжили, поменявшись на какой Вам угодно год Р[усского] Архива"⁴.

Семевский, выразив полную "готовность быть усердным вкладчиком в Рус[ский] Архив", предложил Бартеневу опубликовать письма Пушкина: «По поводу "Тригорского" я имею сделать Вам предложение: не хотите ли

¹ См. об этом: *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев. М., 1989; *Бартенев П.И.* О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / Сост., вступит. статья и примеч. А.М. Гордина. М., 1992; и др.

² *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское. Псков, 1999. С. 11.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 24 мая. С. 1–2; 31 мая. С. 1–2; 11 июня. С. 1–2; 17 июня. С. 1–2; 22 июня. С. 1–2; 29 июня. С. 1–2.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. № 70. Л. 1–1 об.

напечатать письма Пушкина к П.А. Осиповой у себя вполне, притом, как у Вас прекрасно и заведено, – сначала французск[ий] подлинник, потом русский перевод. Так как письма эти напечатаны в СПб. Вед[омостях] только в переводе, притом – с урезками окончаний или начал (урезками весьма впрочем неважными), наконец – как всегда это водится при печатании газетных статей не безошибочен, то мне казалось бы, что напечатать все эти 20 писем вновь, притом во французском тексте и в русском, было бы весьма полезно. Я пересмотрю потщательнее свой перевод, сделаю в несколько строк предисловие, и связка писем этих (в тщательно снятой копии) явится у Вас немедленно. Притом скажите, нужно ли прилагать 4 русских письма Пушкина к Вульффу?»⁵

Бартенев отвечал: "К искреннему сожалению моему, не могу поместить статьи о Языкове в нынешнем году: так расположились статьи, что не предвидится возможности раньше будущего года. Письма же Пушкина к П.А. Осиповой и к *Вульффу* были бы кстати и появились бы в Ноябре, в подлиннике и в переводе: в этом номере я их непременно помещу и буду ждать нетерпеливо. Само собою разумеется, что их надо печатать вполне и со всею подобающею точностью"⁶. Письма Пушкина к П.А. Осиповой и к Вульффу были опубликованы в январе 1867 г. в "Русском архиве" (к 30-летию со дня смерти Пушкина).

В год 70-летия со дня рождения Пушкина Семевский опубликовал в "Русском вестнике" материалы к биографии поэта. В статье он, отказавшись от попыток представить цельный биографический очерк, дабы "не повторять слишком хорошо известных из печатных биографий Пушкина фактов", поместил выдержки из своей записной книжки – заметку из "Псковских губернских ведомостей" за 1868 г., составленную по делам архива Псковского губернского правления 1824 г. о ссылке Пушкина в деревню в Псковскую губернию; описание альбома П.А. Осиповой с автографами А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова; записанный М.И. Семевским рассказ М.А. Бестужева об условиях печатания в "Полярной звезде" отрывка из "Евгения Онегина"; фрагменты из не опубликованных тогда дополнений И.И. Пущина к своим запискам; рассказ о несостоявшейся дуэли и записка Пушкина с вызовом на дуэль некоего М*** (В.Д. Соломирского); стихи С.Л. Пушкина из альбомов Тригорского; выдержки из писем Н.О. Пушкиной к баронессе Е.Н. Вревской с упоминаниями о Пушкине и его семье; отзывы современников на смерть Пушкина, собранные обитательницами Тригорского.

Помимо традиционно лестных отзывов о Пушкине Семевский обнародовал и свидетельство декабриста И.И. Горбачевского об отношении некоторых членов тайного общества к поэту ("он [Пушкин], по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает тотчас донос о существовании тайного общества").

Семевский писал о необходимости достойным образом увековечить память Пушкина. Описывая его могилу в Святогорском монастыре, Семевский вопрошал: "Когда-то Россия дождется монумента Пушкину? Когда-то по общественной инициативе и на пожертвованные обществом же суммы сооружен будет памятник поэту, так много послужившему и русскому слову, и русской мысли?"⁷

Описывая пушкинские места Псковской губернии, Семевский сравнивал Михайловское, принадлежавшее тогда детям Пушкина, с домом Шиллера в Веймаре или с домиком Шекспира в Страттфорде, которые сохраняются в течение десятилетий или столетий и посещаются тысячами туристов. Семевский с сожалением восклицал: "А у нас: едва прошло тридцать лет, и если вы *случайно*

⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 560. Л. 359.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. № 70. Л. 3–3 об.

⁷ Рус. вестн. 1869. Т. 84. № 11. С. 94.

забредете (нарочно никто не поедет!) в село Михайловское, в котором так много создано, а еще более задумано лучших произведений нашего поэта, вы не найдете не только ни одного предмета, который бы вам его напомнил, но не увидите даже его портрета"⁸. В заключении Семевский обратился с призывом подготовить достойные памяти Пушкина полное собрание его сочинений на основании накопленного за последние годы богатого материала. Итак: собрание свидетельств биографического характера, издание полного собрания сочинений Пушкина, памятник ему и музей – такова была программа Семевского в ноябре 1869 г., накануне выхода в свет первой книжки задуманного им исторического журнала "Русская старина".

Пушкиниана "Русской старины" началась с публикации небольшого письма поэта начальнику типографии II Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, лицейскому товарищу, М.Л. Яковлеву, о печатании "Истории Пугачевского бунта", подлинник которого был подарен Семевскому Е.Я. Корневым (1870. Т. 1. № 2. 1-е изд. С. 162)⁹. В следующей – мартовской – книжке "Русской старины" пушкинских документов не было, но публиковались документы его ближайшего окружения – воспоминания А.П. Керн "Три встречи с императором Александром" (в них мельком упоминается первая встреча с поэтом) и стихотворение В.К. Кюхельбекера "Лицейская годовщина 19 октября 1838 г." В апреле "Русская старина" напечатала рассказы Вульфа о Пушкине в записи Семевского, в мае – анекдот о Пушкине Терпигорева. Несмотря на настойчивое желание Семевского публиковать на страницах "Русской старины" материалы о Пушкине, они для редакции 1870-х годов были мало доступны: то, что удалось накопить редактору журнала, было им уже использовано в других изданиях, кроме того, сказывалась известная конкуренция с "Русским архивом" и Бартевым, лично знавшим многих современников Пушкина и занимавшимся собиранием мемуарной литературы о поэте.

Редактор "Русской старины" живо откликнулся на письмо академика Я.К. Грота о сборе средств на сооружение памятника Пушкину, опубликовав его письмо в журнале (1871. Т. 3. № 5. С. 648–650). Редакция участвовала в сборе пожертвований для Комитета по сооружению памятника и в 1871–1873 гг. информировала о людях, сделавших посильные взносы в это "общерусское дело" (от имени редакции Семевский внес 25 руб.). В журнале было опубликовано и письмо симферопольского читателя Ф. Шатова, предлагавшего широко обсудить вопрос о выборе места для памятника Пушкину (1871. Т. 4. № 8. С. 173–176), но поскольку решение было принято на высочайшем уровне, такого обсуждения не последовало.

В 1870-е годы в "Русской старине" было опубликовано немного материалов о Пушкине. Сам Семевский особо выделял (1879. Т. 24. № 4. С. 775) лишь две публикации: статью А.А. Ивановского (чиновника по секретным делам III Отделения Собственной е.и.в. канцелярии) "А.С. Пушкин: эпизод из его жизни, 21 и 23 апреля 1828 г." (1874. Т. 9. № 2. С. 392–399) и статью без подписи "А.С. Пушкин, 1799–1837 гг. Новые материалы для его биографии, 1826–1836 гг." (1874. Т. 10. № 8. С. 683–714). Эти материалы открыли одну из ведущих тем в пушкинистике – "Поэт под опекой шефа корпуса жандармов". Ивановский впервые в литературе привел отрывки из писем Пушкина А.Х. Бенкендорфу. Статья была написана для журнала "Северная пчела" в 1846 г., когда "о поэте Пушкине, как о человеке, вспоминать не позволялось". Автор представил статью на просмотр тогдашнему шефу жандармов А.Ф. Орлову, она была возвращена с пометами Л.В. Дубельта и отправлена в архив. Во вступительной заметке ко второй статье говорилось, что она сообщалась покойным П.А. Му-

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Здесь и далее в тексте статьи даются ссылки на "Русскую старину".

хановым и ее автор – "ныне также уже умерший старик, тайный советник", фамилия которого якобы редакции неизвестна. Однако позже, в 1879 г., Семевский назвал автора: им оказался чиновник III Отделения М.М. Попов, непосредственный начальник А.А. Ивановского. В статье пересказывалось и цитировалось содержание переписки Пушкина и Бенкендорфа, обнародовались сведения о финансовом положении семьи Пушкиных после смерти поэта (сумма долга в казну и частным лицам, размер пенсии вдове и т.п.) и об учреждении опеки над семьей.

К 1879 г. редакция "Русской старины" располагала новыми материалами, связанными с именем Пушкина: черновыми набросками неотправленного письма Пушкина барону Л.-Б. Геккерну (ноябрь 1836 г.), сообщенными в редакцию А.П. Заблоцким-Десятковским, который в свою очередь получил их от человека, принимавшего участие в разборке бумаг Пушкина после его смерти; письмами Пушкина к брату Льву Сергеевичу (1820–1826) и к А.П. Керн (1825–1826), полученными от П.А. Ефремова и А.П. Керн, ранее публиковавшимися "небрежно" – либо с пропусками, либо в отрывках. На основании этих документов и материалов о Пушкине из периодической печати предшествовавших 20 лет в редакции был составлен обширный биографический очерк "Александр Сергеевич Пушкин. Его дружба, любовь и ненависть. 1799–1837 гг.", появившийся на страницах "Русской старины" с июня 1879 по июль 1880 г. В предисловии Семевский отмечал, что "какая-то тайна" продолжала тяготеть «над подробностями о поводах к его [Пушкина] поединку с бездушным убийцею, не постыдившимся взять на себя (может быть, даже и бессознательно) роль итальянского "браво". Кем были писаны безымянные пасквили? чье ядовитое дыхание раздуло ничтожную искру в пламень, поглотивший жизнь Пушкина? На эти вопросы потомства доньше нет ответа. Немногие из находящихся в живых современников Пушкина высказывают догадки, подозрения, а имена действительных убийц Пушкина все же доньше еще не известны» (1879. Т. 24. № 4. С. 777). Автором первой части очерка о 1799–1820 гг. был П.П. Каратыгин, писатель, происходивший из известной актерской семьи. В новых материалах он опубликовал выписку из метрических книг Богоявленской церкви о крещении поэта, версию неизвестной эпитафии "Все пленяет нас в Эсфири...", записанную со слов актрисы А.М. Каратыгиной (Колосовой) – тетки Каратыгина. В дальнейшем очерк публиковался под общей редакцией П.А. Ефремова¹⁰. Очерк привлек внимание цензурного ведомства. Так, из части о периоде 1824–1825 гг., были исключены примечания Ефремова¹¹. Редакции пришлось столкнуться со сложнейшими текстологическими проблемами при подготовке к печати черновиков писем Геккерну: соединить разорванный Пушкиным вариант письма, восстановить зачеркнутые автором места, как можно точнее перевести сохранившиеся обрывки фраз с французского языка на русский. Публикация сопровождалась факсимильным воспроизведением писем (1880. Т. 28. № 7. С. 516–522).

Благодаря Ефремову, занимавшемуся подготовкой нового собрания сочинений Пушкина, читатели "Русской старины" первыми смогли прочитать напечатанные по подлинным рукописям и без пропусков стихи Пушкина "Моя родословная" и "Послание к Всеволожскому" (1879. Т. 26. № 12. С. 729–737; 1880. Т. 27. № 1. С. 191–193). Текст послания был сообщен в редакцию, вероятно, в декабре. Семевский в связи с этим писал Ефремову: "Неприменно благодарю Вас, Петр Александрович, за присланное стихотворение Пушкина. Как ни затруднительно втиснуть его в окончательно отпечатанную *Январскую* книгу, тем не менее я велел это сделать немедленно, хотя уже в пятницу – книга непре-

¹⁰ См. письма М.И. Семевского П.А. Ефремову: РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 340.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. № 22. Л. 268–269.

менно пойдет в цензуру"¹². Несмотря на непредвиденное дополнение, январская 1880 г. книжка вышла в свет своевременно – 1 января.

Кроме этого, в 1879 г. были опубликованы два портрета Пушкина – с гравюры Г.-И. Гейтмана (Т. 24. № 4) и Н.И. Уткина (Т. 25. № 7).

Открытие памятника Пушкину в Москве не прошло незамеченным для читателей "Русской старины": одна треть июльской 1880 г. книжки была посвящена Пушкину. Семевский еще в конце 1860-х годов, писавший о необходимости такого монумента, чрезвычайно сожалел, что не мог лично присутствовать на торжествах в Москве. Он писал Н.С. Тихонравову, ректору Московского университета, одному из организаторов торжественных мероприятий: "Служебные занятия по Канцел[яр]ии Госуд[арственного] Совета¹³ и другие работы не пустили меня на праздник открытия памятника Пушкина. Сегодня я послал Ф.П. Корнилову¹⁴ в гостиницу "Дрезден", в Москву – мой привет. Копию прилагаю. Если признаете уместным прочесть ее своевременно, в ряду прочих писем и телеграмм, то, пожалуйста, прочтите"¹⁵. В июне 1880 г. Семевский писал Тихонравову: «Половина *Июльской* книги [Русской] С[тарин]ы, имеющей своевременно выйти в свет 1-го Июля, наполнена интересными новыми данными по отношению к А.С. Пушкину. Тем не менее я намерен и в последующих книгах "Русской старины" представить еще несколько статей и материалов о гениальном нашем поэте [...]»¹⁶.

В пушкинскую 1880 г. книжку "Русской старины" были включены следующие материалы: редакционная статья об открытии памятника в Москве и обзор материалов о Пушкине, опубликованных в "Русской старине"; речь профессора Петербургского университета О.Ф. Миллера "6-е июня 1880 г.", произнесенная на "помянках" Пушкина в Петербурге; окончание биографического очерка, посвященное последним месяцам жизни поэта, дуэли и смерти, откликам современников на нее; стихотворное послание Пушкина А.Ф. Орлову, письмо А.И. Тургеневу 1823 г., 9 писем Н.И. Гнедичу 1820–1830 гг. (сообщил П.А. Ефремов); письмо П.Б. Мансурову 1819 г. (сообщил Я.К. Грот); статья В.В. Никольского "Жобар и Пушкин", написанная на основании документов, полученных от М.А. Веневитинова, в том числе и письма Пушкина А.–Ж.–Б. Жобару; воспоминания А.М. Каратыгиной "Мое знакомство с А.С. Пушкиным" и Н.Б. Потокского "Встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1824 и 1829 гг."; обзор первого и шестого томов собрания сочинений Пушкина под редакцией Ефремова, выполненный Семевским, с перечнем мнимых стихотворений Пушкина, не включенных Ефремовым в новое издание, и списком стихотворений, опубликованных там впервые.

В редакционной статье, предваряющей пушкинские материалы, Семевский написал: «[...] "Русская старина", по-прежнему, с особенною любовью будет обращаться к бессмертной личности Александра Сергеевича Пушкина. Ввиду этого мы обращаемся ко всем его почитателям, иначе сказать ко всем нашим грамотным соотечественникам с убедительною просьбою, дабы все, у кого имеются, рукописи Пушкина (подлинники): письма, стихи, отрывки – хотя бы и когда-либо *напечатанные* – присылали бы в редакцию "Русской старины" для проверки с *напечатанным текстом*. Многое и в особенности в прежних журналах, а также в собраниях сочинений Пушкина печаталось довольно небрежно, с умышленными и неумышленными искажениями и требует тщательного пере-

¹² РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 96.

¹³ С 1878 г. Семевский исправлял должность помощника статс-секретаря Государственного Совета; вышел в отставку в 1882 г. в чине тайного советника.

¹⁴ Ф.П. Корнилов – секретарь Комитета по сооружению памятника А.С. Пушкину в Москве, воспитанник лицейского пансиона, выпускник 1829 г., управляющий делами Комитета министров.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 7. Ед. хр. 27. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2.

смотра: каждое слово Пушкина драгоценно. Все доставленное в редакцию будет свято сбережено и своевременно возвращено» (1880. Т. 28. № 7. С. 504). Таким образом, текстологические проблемы пушкинского наследия были обозначены редакцией как важнейшие для "Русской старины". Однако для подлинной текстологической работы на страницах "Русской старины" время еще не пришло.

Удалось опубликовать лишь небольшой отрывок без авторского заглавия, названный "Взгляд на царствования Петра I и Екатерины II", сообщенный по подлинной рукописи П.А. Ефремовым из собрания известного коллекционера П.Я. Дашкова (1880. Т. 29. № 12. С. 1043–1047). Публикация привлекла внимание Петербургского цензурного комитета, потребовавшего сделать многочисленные купюры¹⁷.

Большой интерес вызвала заметка "М.Д. Деларю и А.С. Пушкин" (1880. Т. 29. № 9. С. 217–219), сообщенная сыном Деларю, в которой содержались сведения о том, как М.Д. Деларю (лицеист, поэт, переводчик, чиновник Министерства внутренних дел) в 1834 г. вернул Пушкину его письмо жене, перлюстрированное и отправленное в III Отделение московским обер-почтмейстером А.Я. Булгаковым для передачи Бенкендорфу. Из газеты "Новое время" была перепечатана заметка участника событий, секретаря Бенкендорфа П.И. Миллера, а также дополнительные сведения об обстоятельствах выхода в отставку Деларю, сообщенные в журнал Н.Н. Мурзакевичем и А.П. Петровым (1880. Т. 29. № 10. С. 423–426). Тогда же В.В. Никольским были опубликованы некоторые материалы о Ж.-К. Дантесе-Геккерне: материалы из архивов Главного штаба, бывшего Аудиторского департамента, Кавалергардского полка – приказы по полку, выписки из формулярного списка, рапорты; заметка из "Русского курьера" о судьбе Дантеса после высылки его из России, выписка из документов Петербургского Консistorского архива о бракосочетании Дантеса с Е.Н. Гончаровой (Там же. С. 426–431, 458).

Председатель Археографической комиссии академик А.Ф. Бычков сообщил в "Русскую старину" 5 писем А.С. Пушкина Н.А. Полевому, Н.М. Коншину, П.В. Нащокину, Н.И. Гречу 1830–1831 и 1836 гг. (1880. Т. 28. № 8. С. 806–808). Об этих письмах Семеновский писал Бычкову: "Как они ни кратки, а есть строки оч[ень] интересные"¹⁸.

В год 20-летия кончины Н.Н. Пушкиной в журнале были опубликованы ее портрет и очерк Каратыгина "Наталья Николаевна Пушкина в 1829–1837 гг." (1883. Т. 37. № 1. С. 47–74), заметка К.Н. Ермолина об ее деле – А.А. Гончарове (1883. Т. 38. № 6. С. 693–694).

В 1884 г. "Русской старине" по-настоящему повезло: журналу удалось получить материал, позволивший опубликовать по подлинным рукописям не известные ранее произведения А.С. Пушкина. Речь идет о работе приват-доцента Московского университета, историка В.Е. Якушкина "Рукописи А.С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве" (1884. Т. 41. № 2. С. 413–436; № 3. С. 647–662; Т. 42. № 4. С. 87–110; № 5. С. 325–354; № 6. С. 533–572; Т. 43. № 7. С. 1–54; № 8. С. 313–330; № 9. С. 641–653; Т. 44. № 10. С. 75–92; № 11. С. 335–374; № 12. С. 515–588).

Якушкин сделал подробное описание 32 тетрадей Пушкина, пожертвованных в Румянцевский музей А.А. Пушкиным после Пушкинской выставки 1880 г. Тетради мало использовались исследователями и издателями сочинений поэта. В предисловии к описанию Якушкин высказал определенные претензии в адрес Бартенева, что объясняет опубликование этой работы в издании петербургском, а не в московском "Русском архиве". По словам Якушкина со ссылкой на хранителя Румянцевского музея А.Е. Викторова, у Бартенева первоначально

¹⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1869 г. Д. 65. Ч. 1. № 149. Л. 172–182.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 120. Оп. 1. № 1223. Л. 70.

были исключительные права пользования этими рукописями после поступления их в музей. Викторов, как сотрудник музея, был одним из первых исследователей рукописей поэта, подготовил краткий указатель к тетрадам, включенный в публикацию "Русской старины", и уговорил А.А. Пушкина сделать тетради общедоступными, что и произошло осенью 1882 г.

Несмотря на то, что Бартнев имел репутацию знатока произведений Пушкина и его биографии, профессионального археографа, при издании выдержек из тетрадей он, по мнению Якушкина, "вовсе не ставил себе задачей исправить искажения Пушкинского текста". "Некоторые странности текста в этих отрывках, сравнение их с печатной редакцией и некоторые другие соображения" заставили Якушкина относиться "в высшей степени подозрительно" к публикациям "Русского архива" и изданной Бартневым в 1881 г. книге "А.С. Пушкин", что побудило Якушкина заняться изучением рукописей. После знакомства с подлинниками Якушкин пришел к выводу, что "его [Бартнева] небрежность в воспроизведении Пушкинского текста оставляет за собой почти все возможное, достигает почти необъяснимых размеров" (1884. Т. 41. № 2. С. 417–418). Аналогичные претензии можно было отнести и к другим изданиям, поэтому, по мнению Якушкина, "почти весь *посмертный* Пушкинский текст требует исправлений и дополнений: с такими неточностями и ошибками он издан" (Там же. С. 418–419). Якушкин сформулировал новые принципы издания пушкинских рукописей: "Понятно, что Пушкин не находил нужным их печатать, но у посмертных издателей взгляд должен был быть другой; все черновые наброски и отрывки должны были найти место в посмертном издании: по словам Белинского, всякая строка, написанная Пушкиным, для нас драгоценна" (Там же. С. 415). В описании были полностью приведены ранее не публиковавшиеся тексты и черновики писем, а для известных текстов давалось краткое описание и указывались встреченные разночтения автографа с опубликованным текстом, явные описки Пушкина исправлялись безоговорочно.

В "Русском архиве" за подписью "г. Любитель" появился отклик на публикацию "Русской старины", в котором в частности говорилось: "[...] цели его [Якушкина] и г-на Бартнева не одинакие¹⁹. Ему дорога каждая описка Пушкина; тот, напротив, извлекал только то, что, по его мнению, заслуживало извлечения"²⁰.

Публикация не осталась без внимания и цензурного ведомства. Редакции и автору пришлось в ряде случаев особо оговаривать пропуски, сделанные самим Пушкиным, дабы читатели не путали их с пропусками, сделанными по требованию цензуры. А в майской книжке Петербургский цензурный комитет потребовал изъять начало стихотворения "В Альбом" [Иностранке]. В публикации в ряде мест, скорее всего, сам Семевский по согласованию с Якушкиным предполагал заменить отточиями наиболее неудобные в цензурном отношении слова, но и в урезанном виде цензурный комитет счел ее неуместной²¹.

¹⁹ Так в "Русском архиве".

²⁰ Рус. архив. 1884. № 2. С. 474.

²¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1869 г. Д. 65. Ч. 1. № 149. Л. 262, 265–269.

Стихотворение должно было появиться в "Русской старине" в следующем виде (в квадратные скобки заключены слова, обозначенные в публикации отточиями):

Ты [бого]матерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только д[ух святой],
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая [Христа]
Родила, не спросясь супруга,
Есть бог другой, земного круга
(1884. Т. 42. № 5. С. 343).

Якушкиным была проделана огромная почерковедческая и текстологическая работа, благодаря которой читатели "Русской старины" смогли познакомиться со 195 произведениями Пушкина (стихотворениями, эпиграммами, набросками, вариантами и т.п.), никогда не опубликованными ранее²². Некоторые тексты последующими поколениями пушкинистов были исправлены, уточнены, другие до сих пор печатаются в таком виде, в каком они появились на страницах "Русской старины".

Работу по изучению пушкинских тетрадей Якушкин продолжил и в 1887 г. сообщил новые выдержки: документ, явившийся реальной основой сюжета повести "Дубровский" – "Резолюция Козловского суда по делу подполковника Крюкова против поручика Муратова", которую Пушкин, вероятно, намеревался включить в текст самого произведения, а также выписки из "Преставления Преподобного отца нашего Саввы, и игумена святые обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца", которое привлекло внимание Пушкина и было переписано им в тетрадь (1887. Т. 55. № 9. С. 545–552).

Большой удачей для "Русской старины" было и то, что с подачи академика А.Ф. Бычкова были опубликованы вновь открытые строки из бывшей восьмой главы "Евгения Онегина" – "Путешествие Онегина" (1888. Т. 57. № 1. С. 231–258). Публикация имела значительный общественный резонанс, ее отметили в целом ряде изданий²³.

В 1880-е – начале 1890-х годов в "Русской старине" публиковались письма А.С. Пушкина А.А. Бестужеву и К.Ф. Рылеву (1882. Т. 33. № 2. С. 449–464), В.Д. Вольховскому (1890. Т. 65. № 1. С. 104), М.Н. Загоскину (1890. Т. 67. № 8. С. 292), А.А. Александрову (Н.А. Дуровой) и В.А. Дурову (Там же. № 9. С. 665–666). Была продолжена тема о секретном надзоре за поэтом, цензурных преследованиях его произведений, о ссылке на юг России (1881. Т. 30. № 3. С. 714; 1882. Т. 33. № 1. С. 223–226; № 2. С. 465–469; 1883. Т. 37. № 1. С. 77–78; Т. 38. № 6. С. 690–692; Т. 40. № 12. С. 654–657; 1884. Т. 42. № 6. С. 636); опубликована переписка о допущении Пушкина в архив Сената для изучения документов к "Истории Пугачевского бунта" (1889. Т. 61. № 1. С. 137–140). Свои воспоминания о встречах с Пушкиным в "Русскую старину" прислал Н.И. Куликов (1880. Т. 29. № 12. С. 989–998; 1881. Т. 31. № 8. С. 599–622). Это один из немногих мемуарных документов, непосредственно посвященных Пушкину, который удалось получить для своего журнала Семеvскому.

В дневнике А.В. Никитенко, публиковавшемся в "Русской старине" с 1888 по 1892 г., содержатся сведения о его встречах с Пушкиным у А.П. Керн и П.А. Плетнева (1889. Т. 62. № 4. С. 115; Т. 63. № 7. С. 47, 48, 51, 52; № 8. С. 286. № 9. С. 535–536), об откликах на публикацию эпиграммы "Выздоровление Лукулла" (Т. 63. № 9. С. 536–537), о прохождении через цензуру поэмы "Анжело", журнала "Современник" (Там же. № 8. С. 281–283; № 9. С. 537, 539). Никитенко сделал подробные записи о смерти Пушкина, обстоятельствах дуэли, похоронах поэта, о высочайших распоряжениях по поводу цензуры посмертного издания его произведений (№ 9. С. 549–555; 1890. Т. 65. № 3. С. 643–644). В условиях, когда материалы цензурного ведомства были еще не доступны для исследователей, дневник Никитенко прежде всего привлек внимание тем, что он содержал информацию о прохождении некоторых сочинений Пушкина через цензуру²⁴. Новые документы к биографии Пушкина из Московского главного архива Министерства иностранных дел сообщил Л.И. Поливанов, директор частной

²² См.: *Богаевская К.П.* Пушкин в печати за сто лет (1837–1937) / Под. ред. М.А. Цявловского. М., 1938. С. 83–97 (№ 648–675, 678–770, 772–846).

²³ Пантеон литературы. 1888. Т. 1. № 1–4. Современная летопись. С. 21–23; Рус. мысль. 1888. № 4. С. 217; Новое время. 1888. 2 янв. С. 2 и др.

²⁴ Эта мысль была высказана в отклике "Московских ведомостей" (1889. 20 авг. С. 3–4).

гимназии в Москве (1887. Т. 53. № 1. С. 235–248). На страницах "Русской старины" публиковались сообщения о пушкинских местах России: о пребывании его в Тверском крае (1888. Т. 60. № 10. С. 85–100), в Малоархангельске Орловской губернии (1890. Т. 66. № 5. С. 410–412). В журнале систематически помещались рецензии на вновь вышедшие издания, связанные с именем Пушкина. Было продолжено собрание пушкинских иконографий и опубликованы снимки: с рисунка А.Н. Мокрицкого "Пушкин в гробу" (1880. Т. 28. № 8), с акварельного портрета П.Ф. Соколовского (1884. Т. 41. № 3), с группового портрета писателей И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.И. Гнедича, выполненного Г.Г. Чернецовым (1892. Т. 73. № 2).

После перехода "Русской старины" в 1892 г. в связи с кончиной основателя журнала М.И. Семевского к новым издателям интерес к публикациям пушкинских материалов не был утрачен, однако программных задач при этом уже не ставилось.

В 1893 г. (когда редактором журнала был Н.К. Шильдер) в "Русской старине" были опубликованы, правда с некоторыми неточностями, пушкинские тексты (стихотворения "На холмах Грузии..." и "Весна, весна, пора любви"; "Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях", письмо А.С. Пушкина Ф.В. Булгарину), обнаруженные профессором Петербургского университета, филологом И.А. Шляпкиным в Берлинской королевской библиотеке. Тексты сопровождались комментарием с указанием вариантов (1893. Т. 77. № 1. С. 221–240).

На рубеже XIX–XX вв. с "Русской стариной" (ее редактором был тогда непреременный секретарь Императорской Академии наук, академик Н.Ф. Дубровин) активно сотрудничал профессор Московского университета, историк литературы А.И. Кирпичников. В числе публикаций Кирпичникова была основанная на материалах Румянцевского музея и Публичной библиотеки статья "Жуковский и Дельвиг в изображении современника (Н.Я. Коншина)", в которой приводился неизвестное пушкинское стихотворение "Штабс-капитану, Гете, Грею...", адресованное Жуковскому (1897. Т. 89. № 2. С. 275). Несмотря на то, что В.Е. Якушкин на страницах газеты "Русский вестник" подверг сомнению авторство Пушкина²⁵, это стихотворение с 1903 г. включают в собрание сочинений поэта.

В 1890-е годы в "Русской старине" публиковались в основном материалы к биографии Пушкина и изучались вопросы, связанные с пушкинским окружением. Среди них выделяются, пожалуй, публикации о знакомстве Пушкина и Гоголя, сообщенные В.И. Авенариусом, Ф.А. Витбергом и В.И. Шенроком (Там же. С. 327–332; Т. 90. № 6. С. 611–618; Т. 91. № 8. С. 441–447).

"Русская старина" приняла участие в праздновании 100-летия со дня рождения Пушкина. Редактор "Русской старины" академик Н.Ф. Дубровин и постоянные авторы журнала – вице-президент Императорской Академии наук Л.Н. Майков и академик А.Ф. Бычков – были членами юбилейных комиссий – Комиссии по устройству чествования 100-летия со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина и Комиссии для обсуждения вопроса о сооружении памятника Пушкину в Санкт-Петербурге, которые, вместе с тем, стали родоначальницами Пушкинского Дома²⁶.

Более половины майской 1899 г. книжки "Русской старины" в значительной части было посвящено юбилею Пушкина. Объем пушкинских материалов был в 2 раза больше, чем в аналогичной июльской 1880 г. книжке, однако в основном это были материалы к биографии поэта и статьи. Публикаций ранее не известных текстов Пушкина практически не было.

В состав юбилейной книжки вошли: рассказы адъютанта Н.Н. Раевского, А.В. Капниста в записи племянника П.[И.] Капниста "К эпизоду о высылке

²⁵ Рус. ведомости. 1897. 15 февр. С. 2–3.

²⁶ См.: Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Ист. очерк. Л., 1924.

Пушкина из Одессы в его имение Псковской губ." (сообщил Л.Н. Майков); приказ по Инженерному корпусу о секунданте Пушкина, подполковнике Б.К. Данзасе от 20 марта 1837 г. (сообщил С.М. Радкевич); переписка Пушкина и А.Х. Бенкендорфа, причем из четырех писем Пушкина и семи писем Бенкендорфа, включенных в публикацию, только одно письмо Пушкина от 10 ноября 1829 г. ранее не было известно, остальные публиковались – полностью, частично или в пересказе (автор публикации не указан, скорее всего ее подготовил Н.Ф. Дубровин); очерк хозяйки литературного салона А.А. Фукс "А.С. Пушкин в Казани", перепечатанный из "Казанских губернских ведомостей" 1844 г.; письма С.Л. Пушкина Н.Н. Раевскому и А.И. Тургеневу по поводу смерти сына (сообщил Л.Н. Майков); рассказ И.А. Гончарова об отношении к Пушкину в записи А.Ф. Кони; письмо С.С. Уварова Пушкину при посылке ему французского перевода "Клеветникам России" и законы общества "Арзамас" из Пореченского архива графов Уваровых (сообщил А.И. Кирпичников); под заглавием "Могила Пушкина и село Михайловское, было перепечатано письмо К.А. Тимофеева редактору "Журнала Министерства народного просвещения" А.В. Никитенко, публиковавшееся уже в 1859 г.; мнения современников (В.Н. Каразина, С.О. Бурачека и цензора А.И. Фрейганга) об А.С. Пушкине и о его произведениях (сообщил А.Ф. Бычков); начала статей А.Н. Залдкина "Литературно-критические воззрения А.С. Пушкина" и В.В. Сиповского «Татьяна, Онегин и Ленский (К литературной истории Пушкинских "типов")», заметка И.А. Кубасова "А.С. Пушкин – член Санкт-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств"; «Новые материалы для истории "Арзамаса" (по документам Пореченского архива)» (сообщил А.И. Кирпичников); А.И. Кирпичников и Н.Ф. Сумцов сообщили "Мелкие заметки об А.С. Пушкине и его произведениях"; материалы о родственниках – дяде П.И. Ганнибале и о братьях бабушки Марии Алексеевне Ганнибал (урожд. Пушкиной) – Михаиле и Сергее Пушкиных – сообщили И.Г. Блинов по материалам Архангельского губернского архива.

В отзывах на майскую книжку "Русской старины" как наиболее интересная отмечалась публикация А.Ф. Кони об отношении к А.С. Пушкину И.А. Гончарова²⁷. В юбилейную книжку "Русской старины" были включены материалы, использованные и другими изданиями. Например, в "Историческом вестнике" была напечатана статья Н.П. Загоскина "Пушкин в Казани (Из истории казанской общественности 30-х и 40-х годов)", написанная на основании очерка А.А. Фукс²⁸. В. В. Сиповский в своей книге о литературе Пушкинского юбилея отмечал и то, что письмо К.А. Тимофеева о Михайловском появлялось в печати в 1899 г., но при этом "нисколько не потеряло ни свежести, ни интереса"²⁹.

В том же, 1899 г., читатели "Русской старины" познакомились с публикациями двух документов, вызвавших значительный интерес. В марте и апреле Л.Н. Майковым были опубликованы выдержки из дневника А.Н. Вульфа о Пушкине, того самого Вульфа, которого в свое время "открыл" для широкой публики основатель "Русской старины" М.И. Семевский. Дневник был получен от родственников Вульфа – С.Б. и П.А. Вревских. Во вступительной статье Л.Н. Майков писал: "Как ни скучно, в общем смысле, содержание записных тетрадей А.Н. Вульфа, мы, однако, не хотим отвергать возможного к ним внимания. Напротив того, мы охотно признаем, что записи этого дневника все-таки знакомят до некоторой степени с личностью его автора и с тою средой, в

²⁷ См.: Моск. ведомости. 1899. 2 июля. С. 4; Новости дня. 1899. 13 мая. С. 3; С.-Петерб. ведомости. 1899. 2 мая. С. 1 и др.

²⁸ Ист. вестн. 1899. Т. 76, № 5. С. 586–609.

²⁹ Сиповский В.В. Пушкинская юбилейная литература 1899–1900 гг.: Критико-библиогр. обзор. СПб., 1902. С. 48.

которой он вращался в свои молодые годы. Уже одно то обстоятельство, что Алексей Николаевич принадлежал к числу ближайших приятелей Пушкина и что в свои тетради он занес несколько таких сведений о великом поэте, которые не встречаются в других источниках, может возбуждать наше любопытство" (1899. Т.97. № 3. С.504).

В столичной и провинциальной печати появилось около двух десятков откликов и перепечаток из дневника приятеля Пушкина. Это, пожалуй, единственная публикация "Русской старины", вызвавшая подобный интерес. В.Е. Якушкин в обзоре исторических журналов отметил "Русскую старину" как журнал, на страницах которого первыми появились новые данные о Пушкине в связи с приближавшимся юбилеем. "Напечатанные теперь записки Вульфа, – писал Якушкин, – подтверждают отзыв Пушкина о серьезном, вдумчивом отношении Вульфа к некоторым вопросам жизни [...] впечатление, производимое записками, вполне благоприятно для Вульфа. Тон записок искренний, показания автора представляются достоверными"³⁰. "Московские ведомости" подчеркивали, что "рассказы Вульфа отличались искренностью и простотой, а порой и своеобразной наблюдательностью"³¹; "Новое время" дневник привлек тем, что "Вульф касается и слабостей поэта"³²; "Книжки недели" вслед за Майковым характеризовали дневник Вульфа как малосодержательный, замечая, однако, что "местами этот дневник рисует [...] нам живого Пушкина"³³. П.Е. Щеголев, издававший дневник Вульфа через 30 лет после Майкова, писал: «По совести сказать, работы Л.Н. Майкова о Вульфе должны быть отнесены к слабейшим и поверхностнейшим работам этого академика. Он просто недомыслил, проглядел колоритную фигуру дерптского студента и русского дворянина А.Н. Вульфа. Самые "выдержки" из дневника, представленные академиком, были отобраны рукой, чересчур скромной и целомудренной, уничтожившей весь вульфовский букет и сумевший из этого букета сохранить лишь опресненные запахи»³⁴.

В августе и сентябре 1899 г. в "Русской старине" Л.Н. Майков опубликовал работу "Пушкин в изображении М.А. Корфа". Воспоминания Корфа, резкие по отношению к Пушкину, были известны и ранее; однако публикация Майкова была основана на имевшейся у него "пространной редакции" воспоминаний, составленной до середины 1852 г. и ранее не печатавшейся. Публикация также не прошла незамеченной. В "Правительственном вестнике" отмечалось: "Заметка эта звучит неприятным диссонансом среди воспоминаний, дневников и монографий, посвященных памяти поэта. Она оставляет по себе тяжелое и грустное впечатление враждебным, озлобленным тоном и односторонним направлением, в котором она написана"³⁵. В "Книжках недели" оправдывалось появление записок Корфа в печати: "Конечно, во всей этой характеристике слишком много преднамеренного яду. Но без него истинная слава не полна"³⁶. В.В. Сиповский также писал, что "на записки Корфа надо смотреть все-таки как на ценный материал для спокойного изучения души Пушкина, для уяснения той борьбы, которая вознесла вулканическую натуру поэта из тьмы хаоса, тревог и плотской суеты на чистые, безоблачные высоты божественно-уравновешенного, просветленного духа"³⁷.

³⁰ Рус. ведомости. 1899. 19 марта С. 3.

³¹ Моск. ведомости. 1899. 3 мая. С. 3.

³² Новое время. 1899. 2 марта. С. 3.

³³ Книжки недели. 1899. № 4. С. 219.

³⁴ Вульф А.Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 5.

³⁵ Правит. вестн. 1899. 7 нояб. С. 2.

³⁶ Книжки недели. 1899. № 9. С. 229.

³⁷ Сиповский В.В. Указ. соч. С. 96.

К юбилейным примыкают публикации о Пушкине 1900–1901 гг. В "Русской старине" в это время были опубликованы неизвестная редакция стихотворения "Альфонс" (1900. Т. 101. № 2. С. 309–315) и черновой набросок письма Пушкина О. д'Аршиаку от 27 января 1837 г. с его факсимильным воспроизведением (Там же. № 3. С. 589–592), обнаруженные И.А. Кубасовым в семейном архиве Брюлловых. М.А. Веневитинов поместил в "Русской старине" две статьи, написанные на основании коллекции вырезок из немецкой периодической печати, полученной в дар Московским Румянцевским музеем. В первой статье "Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г." Веневитинов пришел к выводу, что, несмотря на многочисленные немецкие отклики на эту тему, смерть Пушкина не произвела особенно сильного впечатления, интересовали, главным образом, скандальные подробности романтических походов Дантеса и обстоятельства состоявшейся дуэли (Там же. № 1. С. 67–95). Во второй статье "Немцы об А.С. Пушкине в 1899 г." Веневитинов сделал обзор переводов произведений Пушкина на немецкий язык и немецких публикаций, посвященных 100-летию юбилею (1900. Т. 102. № 5. С. 369–412; Т. 103. № 7. С. 83–111). В отклике на обзор немецкой юбилейной литературы отмечалось, что в Германии о первом русском поэте писали больше, чем в других странах, однако немецкие авторы "оказались более или менее невеждами в отношении подлинных событий его жизни"³⁸.

На рубеже XIX–XX в. на страницах "Русской старины" в основном продолжали появляться материалы к биографии Пушкина или публикации на тему "Пушкин и его окружение". Так, был опубликован рапорт фельдъегера П.Г. Подгорного дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту А.Н. Потапову от 28 октября 1827 г., в котором сообщалось о последней встрече Пушкина с В.К. Кюхельбекером, состоявшейся на станции Залазы Псковской губернии, когда Кюхельбекера везли в Динабургскую крепость (1901. Т. 105. № 3. С. 578). Были продолжены публикации о дуэли и смерти Пушкина. Сведения об отношении к поэту и о событиях, связанных с дуэлью, имеются в записках М.А. Корфа (1900. Т. 101. № 3. С. 574; 1904. Т. 118. № 6. С. 551, 554), а также в дневниках М.К. Мердер (1900. Т. 103. № 8. С. 383–389) и П.Г. Дивова (1900. Т. 104. № 11. С. 487–488).

Февральская 1901 г. книжка "Русской старины" открывалась сообщенным В.А. Бильбасовым материалом под названием "Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу", который был записан в 1887 г. со слов однополчанина Дантеса князя А.В. Трубецкого (1901. Т. 105. № 2. С. 257–262). Если дневник фрейлины М.К. Мердер, уже известный в литературе по публикациям в "Русском вестнике"³⁹, не имел откликов, то публикация рассказа Трубецкого, открывавшая февральскую книгу "Русской старины" и содержащая сведения, близкие к дневнику Мердер, была замечена и в отрывках перепечатана несколькими периодическими изданиями. Газета "Новое время" назвала рассказ Трубецкого "интересным по своим подробностям, хотя и не новым"⁴⁰ и продолжила тему, опубликовав в одном из последующих номеров другой вариант предания о саже Пушкина и поцелуе Натальи Николаевны с Дантесом⁴¹. Журнал "Научное обозрение" расценил рассказ Трубецкого как "светские сплетни" со множеством хронологических неточностей и неверный в главном своем тезисе – о "безумной страсти Пушкина к сестре жены – Александре"⁴². Обозреватель газеты "Приднестровский край" рассматривал публикацию в ряду других литературных

³⁸ Книжки недели. 1900. № 6. С. 232–233.

³⁹ Рус. вестн. 1893. № 3. С. 292–304.

⁴⁰ Новое время. 1901. 2 февр. С. 3.

⁴¹ Там же. 4 февр. С. 4.

⁴² Научн. обозрение. 1901. № 5. С. 189–190.

фальсификаций: «И такой печальной истории, сильно смахивавшей на фальсификацию, дает место на своих страницах такой почтенный журнал, как "Русская старина"»⁴³. В "Русской старине" была опубликована статья Кирпичникова, содержавшая опровержение рассказа Трубецкого (1901. Т. 106. № 4. С. 77–81). Не осталась незамеченной и публикация, подготовленная Р.А. Гриммом, письма императора Николая I брату – великому князю Михаилу Павловичу в Рим о дуэли Пушкина от 3(15) февраля 1837 г. и письма Михаила Павловича от 2(14) июня 1837 г. из Баден-Бадена о пребывании там Дантеса (1902. Т. 110. № 5. С. 225–230). Отрывок из письма Николая I был перепечатан в журналах "Научное обозрение" и "Мир божий"⁴⁴.

В "Русской старине" были опубликованы письмо члена Опекы гр. Г.А. Строганова в редакцию "Отечественных записок" с возражением против печатания в журнале произведений Пушкина и ответ А.А. Краевского, 1841–1842 гг. (1901. Т. 105. № 1. С. 21–25). Эти письма под заглавием "Опека над произведениями Пушкина" сообщили в редакцию из своего рукописного собрания В.А. Бильбасов (который, кстати сказать, был зятем Краевского). Во вступительной статье к публикации Бильбасов писал, что "опека над детьми и имуществом Пушкина" очень скоро превратилась в опеку над произведениями Пушкина. Редактор "Русской старины" Дубровин познакомился с этими письмами и с рассказом Трубецкого, вероятно, через академика Л.Н. Майкова, которому незадолго до его кончины, в 1900 г., Бильбасов сообщил имевшиеся у него материалы о Пушкине для использования их при подготовке академического собрания сочинений Пушкина.

Сам Дубровин уделил внимание теме "Пушкин и цензура" в работе "Цензура в царствование императора Николая I" (1901. Т. 107. № 9. С. 649–656; 1903. Т. 114, № 4. С. 174–175; № 6. С. 645–647), а в статье "В.А. Жуковский и его отношения к декабристам" опубликовал письма: Пушкина А.Н. Мордвинову от 28 апреля 1836 г. и В.К. Кюхельбекера Пушкину от 3 августа того же года (1902. Т. 110. № 4. С. 95–96). Постоянный автор журнала В.И. Шенрок продолжил публикации о взаимоотношениях Пушкина и Гоголя (1900. Т. 101. № 2. С. 383–392; 1902. Т. 109. № 2. С. 257–282). В "Русской старине" также были опубликованы статьи, заметки, письма о взаимоотношениях Пушкина с другими современниками: Дж. Виллоком (1903. Т. 115, № 8. С.320), А.Е. Измайловым (1901. Т. 105. № 2. С. 451–463), П.А. Плетневым и Е.А. Баратынским (1904. Т. 118. № 6. С. 511–522; Т. 119. № 9. С. 594–627), М.Л. и П.Л. Яковлевыми (1903. Т. 114. № 6. С. 629–642; Т. 115. № 7. С. 214), Н.М. Языковым (1903. Т. 113. № 3. С. 483–484, 531; Т. 114. № 4. С. 153) и др. Имя Пушкина упоминается в публикации документов из архива И.Е. Великопольского, сообщенной в "Русскую старину" Б.Л. Модзалевским (1901. Т. 106. № 6. С. 625–626), в статье бывшего преподавателя Казанского университета Е.А. Боброва "А.А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х гг." (1904. Т.118. № 6. С. 481–509; Т. 119. № 7. С. 5–35), а также в переписке В.Ф. Одоевского, публиковавшейся с февраля по июль 1904 г. с подачи И.А. Бычкова – сына давнего сотрудника журнала А.Ф. Бычкова.

В 1905–1906 гг. в "Русской старине" резко сократилось количество публикаций о Пушкине, что связано с уходом с поста редактора, а затем и из журнала по состоянию здоровья академика Н.Ф. Дубровина (умер 12 июня 1904 г.). Место редактора "Русской старины" занял ее ответственный издатель, генерал С.П. Зыков, в прошлом – редактор военных изданий – газеты "Русский инвалид", журнала для солдат "Досуг и дело", "Военного сборника" и др. В 1907 г. в составе редакции вновь произошли изменения и редактором журнала стал один из его пайщиков, вышедший в отставку генерал П.Н. Воронов, всеми силами

⁴³ Приднестровский край (Екатеринослав). 1901. 14 февр. С. 2.

⁴⁴ Науч. обозрение. 1902. № 5. С.224–225; Мир божий. 1902. № 6. С. 35.

старавшийся возвратить журнал к традициям его основателя – М.И. Семева. С предложениями сотрудничать с "Русской стариной" Воронов обратился к ряду историков и литературоведов. Например, подобное предложение было сделано М.О. Гершензону, который, однако, в "Русскую старину" материалов сообщал очень мало, а свои работы о Пушкине печатал в других изданиях. Воронов, познакомившись с одной из работ Гершензона, писал: «С истинным наслаждением прочел в Вестнике Европы превосходную работу Вашего творческого дарования – "Северная любовь Пушкина"»⁴⁵. В.О. Ключевский в марте 1909 г. обещал подготовить к публикации в "Русской старине" имевшиеся в его распоряжении записки сенатора Н.М. Смирнова – мужа А.О. Смирновой-Россет, доброй знакомой Пушкина и его жены – за 1833, 1834 и 1841 гг. с "надлежащим" предисловием. «Вот это предисловие, – писал Ключевский Воронову, – и есть моя запятая: в "Русскую старину" я не решусь бросить свои первые черновые слова. Дайте мне время и будьте человеколюбиво-сострадательны к моему медленному, неповоротливому перу»⁴⁶. Намерение это не было реализовано, поскольку Ключевский в последние годы жизни был занят изданием своего "Курса русской истории".

Пушкиниана "Русской старины" 1907–1916 гг. создавалась главным образом усилиями одного автора – Н.О. Лернера⁴⁷, составителя первой подробной хроники жизни и творчества Пушкина – "Труды и дни Пушкина", участника подготовки к изданию собрания сочинений Пушкина под редакцией С.А. Венгерова. Сотрудничество Лернера в "Русской старине" началось с заметки "Три молитвы", которая явилась откликом на исследование о Пушкине профессора Харьковского университета Н.Ф. Сумцова, полагавшего, что стихотворение М.Ю. Лермонтова "Молитва" написано под влиянием стихотворения Пушкина "Нет, нет, не должен я, не смею..." Лернер же считал, что Лермонтов, когда писал свою "Молитву", со стихотворением Пушкина знаком не был, а написал ее, находясь под влиянием молитв Ф.А. Туманского и Н.М. Языкова, близких к стихотворению А.С. Пушкина (1901. Т. 108. № 12. С. 529–532). В связи со статьей Е.А. Боброва об А.А. Фукс Н.О. Лернер напечатал заметку "Ревность Н.Н. Пушкиной" (1905. Т. 124. № 11. С. 421–425). По мнению Лернера, Бобров выдвигал против Пушкина тяжкое обвинение в лицемерии, поскольку на основании отрывка из письма Пушкина к жене с отзывом о Фукс Бобров писал о том, что Пушкин "вылил целый ушат помоев" на женщину, оказавшую поэту радушный прием в Казани. Опираясь на письма Пушкина и свидетельства современников, Лернер доказывал, что Наталья Николаевна была очень ревнивой женой, чем и объясняется нелестная характеристика, содержащаяся в пушкинском письме.

Воронов плохо разбирался в истории литературы, поэтому обращался к Лернеру за консультациями по вопросам публикации тех или иных материалов в журнале, с просьбой сделать вступительные заметки к документам и пр. Так, в декабре 1909 г. Воронов просил Лернера написать за подписью "ред." заметку к публикации резолюции Николая I на деле о дуэли Пушкина, сообщенной в редакцию М.К. Соколовским⁴⁸. Лернер отвечал: "Глубокоуважаемый Павел Николаевич! Хорошо сделали Вы, что сообщили мне о заметке г. Соколовского. Считаю долгом предохранить Вас от новой неприятности, вроде прежних [...] Высочайшая конфирмация, кою имп[ератор] Николай I 18 марта 1837 г. утвердил приговор генерал-адъютанта по делу о дуэли Пушкина, давно известна в литературе"⁴⁹. Самым неприятным в этой истории было то, что предложенную

⁴⁵ Рос. архив. М., 1994. Вып. V. С. 329.

⁴⁶ Там же. С. 331.

⁴⁷ См. 47 писем П.Н. Воронова Н.О. Лернеру за 1907–1915 гг.: РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 43.

⁴⁸ Там же. Л. 27.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 253. Оп. 1. Д. 183.

резолюцию Соколовский уже публиковал в "Русской старине" в статье "Император Николай I в военно-судных подтверждениях (Историко-юридический этюд)" (Там же. С. 419).

Свои материалы, публикуемые в "Русской старине", Лернер подписывал не только полным именем, но и ввиду нескольких публикаций в пределах одного номера – "Н.Л." и "Ред." Открытия, интересные находки и наблюдения, заблуждения, досадные ошибки и промахи – все это делалось не только Лернером, но и становилось достоянием журнала в целом. Самой большой удачей "Русской старины" XX в. стало то, что Лернер опубликовал на ее страницах небольшую вступительную заметку Пушкина к переводам на русский язык речей Э. Скриба и А.-Ф. Вильмена на одном из заседаний Французской академии (1911. Т. 148. № 10. С. 3–33)⁵⁰. Заметка впервые была напечатана без подписи в журнале "Современник" в 1836 г. Авторство Пушкина, установленное в данном случае Лернером, не вызвало возражений, и этот текст включается теперь в Собрания сочинений поэта. Правда, не всегда новооткрытые Лернером пушкинские статьи действительно принадлежали Пушкину. В "Русской старине" им была опубликована рецензия на книгу французского автора К. Нодье. Рецензия также впервые появилась в печати без подписи – в "Литературной газете" А.А. Дельвига в 1830 г., что дало Лернеру повод ошибочно причислить ее к пушкинским произведениям (1913. Т. 156. № 12. С. 534–542). Это не единичный случай, когда Лернер, выявлял в периодической печати пушкинского времени статьи без подписи, многие из них приписал Пушкину и на этом основании включил их в Собрание сочинений под редакцией Венгерова. Подобные "открытия" не остались незамеченными. В.Я. Брюсов, будучи сотрудником "Русского архива", писал в связи с одним из таких открытий: «В области пушкиноведения за г. Лернером числятся некоторые заслуги и, прежде всего, составленная им подробная хронологическая канва жизни Пушкина. Но с некоторого времени г. Лернер, оставив в стороне кропотливые исследования, усердно занимается тем, что легким путем "обогащает" русскую литературу все новыми и новыми страницами будто бы Пушкина»⁵¹.

В "Библиотеке для чтения" за 1839 г. Лернер встретил рассказ "Маскарад" (его автор скрылся за псевдонимом "Н. Неверин"), в герое которого угадывался Пушкин и который перепечатала "Русская старина" (Т. 154. № 4. С. 122–141). Публикация привлекла внимание Н.С. Ашукина, который в библиографическом отделе религиозно-философского журнала "Путь" писал о том, что в беллетристике Пушкин выводился чрезвычайно редко и довольно неудачно. По словам Ашукина, "забытый и разысканный в старом журнале рассказ интересен для нас тем, что в нем выступает Пушкин в качестве светского человека и главного действующего лица хитро задуманной маскарадной интриги"⁵².

С 1907 по 1913 г. Лернер регулярно публиковал в журнале "Русская старина" материалы к биографии Пушкина, заметки о его и о приписываемых ему произведениях и т.п. под общей рубрикой "Из неизданных материалов для биографии Пушкина" и "Заметки о Пушкине". Среди этих материалов самыми интересными были публикации воспоминаний Н.И. Тарасенкова-Отрешкова (человека сомнительной репутации, с которым Пушкин в 1832 г. намеревался издавать газету секретного агента III Отделения) из собрания Ф.А. Бычкова (1908. Т. 133. № 2. С. 428–433). и записок В.И. Даля из собрания Императорской Публичной библиотеки о поединках Пушкина, о пребывании поэта в Оренбурге, которые впервые были использованы П.И. Бартевым в книге "Пушкин в

⁵⁰ Правда, до "Русской старины" Лернер напечатал пушкинский текст в газете "Речь" (1911. 1 авг. С. 2).

⁵¹ Рус. архив. 1916. Кн. 1. Вып. 1–3. С. 173–174.

⁵² Путь. 1913. № 5/6. С. 66.

Южной России" (1907. Т. 132. № 10. С. 63–67). Лернер опубликовал также документы, приобретенные Публичной библиотекой в 1900–1901 гг. – дело Архива канцелярии Министерства внутренних дел "О перевозке тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию" (Т. 129. № 2. С. 453–457) и дело "О высланном из столицы коллежск[ом] секретаре Пушкине, 1824 г." (1908. Т. 136. № 10. С. 109–118). Лернер писал отзывы на книги для библиографического листка, прежде всего – на вновь выходявшие издания Пушкина и о Пушкине, в том числе и на такие издания, в которых принимал непосредственное участие. Последней его публикацией в "Русской старине" был не известный ранее полный текст оды А.И. Полежаева "Венок на гроб Пушкина" из тетради стихотворений "Урна", присланной после смерти Полежаева в Московский цензурный комитет, которая была разыскана в Московском губернском архиве старых дел А. Дуниным и передана для подготовки к публикации Лернеру (1916. Т. 167. № 7. С. 48–58).

Материалы о Пушкине сообщали в "Русскую старину" при Воронове и другие авторы, но чаще всего они имели второстепенный характер. Например, в 1908 г. была опубликована заметка "Один из прототипов Пушкинской Татьяны" за подписью "А.Е.К." (Т. 133. № 1. С. 237–238) и отклик на нее Н.Ф. Быковского "Действительный прототип Пушкинской Татьяны" (Т. 136. № 11. С. 491–492), в 1912 г. – статья А.Г. Слезкинского "Тайный друг Пушкина" об А.Ф. Леопольдове в связи с делом об элегии Пушкина "Андрей Шенье" (Т. 149. № 3. С. 500–508), в 1914 г. из "Журнала Императорского Русского военно-исторического общества, была перепечатана выдержка из дневника Д.Е. Келера⁵³ под заголовком "Разговор Пушкина с Келлером о дневнике Гордона и истории Петра Великого" (Т. 157. № 3. С. 534–535) и др. "Русской стариной" был отмечен выход в свет отдельным изданием работы П.И. Бартенева "Пушкин в Южной России". В рецензии без подписи, помещенной на обложке июньской 1914 г. книги "Русской старины" подчеркивалась полезность этого исследования для "лиц, занимающихся Пушкиным", но вместе с тем, поскольку оно в некоторых отношениях устарело, отмечались недостатки редакторской подготовки книги к печати – "не исправлены давно раскрытые ошибки, не объяснены различные инициалы".

Пушкиниана "Русской старины" завершилась в декабрьской книжке 1916 г., где были опубликованы сообщенное Э.П. Юргенсоном письмо И.А. Гончарова П.Н. Полевому с упоминанием о том влиянии, которое оказал Пушкин на Гончарова (С. 341) и заметка "К вопросу о браке Дантеса со свояченицей А.С. Пушкина", автор которой скрылся за неподдающимся расшифровке псевдонимом "Eremita" (от лат. – отшельник, пустынный) (С. 465–466). В заметке содержалась запись рассказа некоей гр. Толстой из Одессы, услышанного в свое время В.А. Бильбасовым (умер в 1904 г.) и пересказывавшегося им своим знакомым. Это одна из широко распространенных (в свое время подвергшаяся критике в самой "Русской старине") версий о том, что инициатором брака Дантеса с Е.Н. Гончаровой была Н.Н. Пушкина, которая якобы придумала это для того, чтобы выйти из неловкого положения, когда однажды муж застал Дантеса целующим ей руки.

* * *

"Русская старина" занимает достойное место в отечественной пушкиниане. На ее страницах были опубликованы значительная часть рукописного наследия поэта, материалы к биографии, большой комплекс переписки современников и многое другое. Даже после закрытия журнала продолжала существовать незри-

⁵³ Написание фамилии Келера приведено в соответствии со справочником Л.А. Черейского "Пушкин и его окружение" (Л., 1989), тогда как в "Русской старине" фамилия написана с двумя "л".

мая связь между этим изданием и рукописным наследием Пушкина. Богатейший архив "Русской старины" и личные архивные фонды его редакторов М.И. Семевского и П.Н. Воронова хранятся в Пушкинском Доме, одним из организаторов которого был еще один редактор журнала – Н.Ф. Дубровин.

О.И. Малышев, В.П. Ярошецкая

ДОКУМЕНТЫ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА (1931–1952) В ФОНДАХ ЦГАЛИ СПБ.

Пушкинское общество было организовано в конце 1931 г. в Ленинграде на базе Общества друзей Пушкинского заповедника по инициативе президента Академии наук СССР профессора А.П. Карпинского и писателя А.М. Горького. Среди учредителей общества – писатели К.А. Федин, Ю.Н. Тынянов, С.А. Семенов, А.П. Чапыгин, Е.П. Султанова-Леткова.

В ЦГАЛИ СПб. хранится фонд Пушкинского общества (Ф. 308). Он был передан в 1971 г. Ленинградским государственным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства (ныне ЦГА СПб.), документы туда поступили из ликвидационной комиссии Пушкинского общества в декабре 1952 г. В фонде содержится 95 дел за 1940–1942 и 1946–1952 гг. Состав документов неполный. Отсутствуют документы (за небольшим исключением) за весь довоенный период деятельности общества. Этот пробел частично можно восстановить в фондах литературоведов Виктора Андрониковича Мануйлова (1903–1987) и Людмилы Николаевны Назаровой (р. 1910). В.А. Мануйлов стоял у истоков создания общества, с 1934 г. был его научным секретарем, а с 1937 г. – заместителем председателя общества; активным членом общества на протяжении всей его деятельности была Л.Н. Назарова.

В составе фондов В.А. Мануйлова и Л.Н. Назаровой имеются отчеты о работе Пушкинского общества с 5 июня 1935 по 10 марта 1937 г., месячные календарные планы работы за 1936–1941 гг., письма членов Пушкинского общества к В.А. Мануйлову и Л.Н. Назаровой; воспоминания В.А. Мануйлова и Л.Н. Назаровой о Пушкинском обществе и его активных членах: В.Е. Евгеньеве-Максимове, И.А. Оксенове, А.Г. Яцевиче, Д.Н. Ефимове-Фридберге и др.

В фонде В.А. Мануйлова (Ф. 440) хранится листовка, в которой сообщается о цели и задачах Пушкинского общества.

"Из всего наследия старой русской культуры и литературы личность и творчество Пушкина – наиболее ценное достояние.

Пропаганда Пушкинского творчества – одна из постоянных больших задач советской культуры и непосредственная цель вновь организованного Пушкинского общества.

Деятельность Пушкинского общества идет по двум главным линиям: продвижение творчества Пушкина в массы трудящихся путем устройства чтений и лекций в рабочих клубах и Домах культуры; охрана всех Пушкинских мест (с. Михайловское, Тригорское, могила Пушкина в Государственном заповеднике, с. Болдино, пушкинская квартира в Ленинграде, место дуэли и др.), литературных и других памятников, тесно связанных с именем Пушкина. Наряду с этим в задачи общества входит изучение жизни и творчества Пушкина и выпуск изданий для массового использования (брошюры, листовки, снимки).

Пушкинское общество обращается к культурно-просветительным организациям и ячейкам, литературным и научным объединениям и вузам с призывом вступать коллективно в члены общества. С тем же призывом общество обращается и к отдельным писателям, просвещенцам и другим работникам, участвующим в создании и укреплении новой социалистической культуры.

Желающие вступить в члены общества подают в Правление заявление и анкету. Члены бывшего Общества друзей Пушкинского заповедника, в порядке обязательной регистрации, подают только анкету.

Прием заявлений и регистраций производится в четные числа месяца (за исключением 6, 12 и т.д. чисел) в помещении Федераций объединений советских писателей, ул. Толмачева, 4 от 4 до 6 час. вечера.

Президиум правления общества
Председатель: Сергей Семенов
Зам. председателя: Ал. Черешков
Секретарь: Инн. Оксенов
Евг. Давыдов
Фед. Медведев¹

30 декабря 1931 г. состоялось первое собрание Пушкинского общества. Повестка дня включала сообщение правления о плане работы на 1932 г. и доклад В.А. Мануйлова "Об изданиях сочинений А.С. Пушкина". В стенограмме доклада, который хранится в фонде В.А. Мануйлова, читаем: "...без критически изданного канонического текста нельзя детально изучить и социально осмыслить творчество Пушкина... Нет надобности сейчас обосновывать значение текста и изданий сочинений Пушкина. Ведь по существу с текста начинается и текстом заканчивается его изучение... Как это ни странно, но удовлетворительного издания сочинений Пушкина у нас еще нет".

В фонде Л.Н. Назаровой (Ф. 641) имеется программа Пушкинского вечера в филармонии, проведенного Пушкинским обществом 12 апреля 1932 г. с участием артистов Московского художественного театра (О.Л. Книппер-Чехова, И.М. Москвин, А.К. Тарасова) и артистов Ленинградского государственного академического театра оперы и балета (П.З. Андреев, А.Т. Фомин). Вступительное слово произнес академик Н.С. Державин, с докладом о Пушкине выступил профессор Д.Д. Благой. Л.Н. Назарова в своих воспоминаниях пишет: «На этом вечере в Филармонии все присутствующие могли, заполнив анкеты, вступить в число членов Пушкинского общества. Так поступила и я, тогда молодой инженер. К этому вечеру тогда была выпущена специальная памятка, которая открывалась вступлением И.А. Оксенова, а затем следовали статьи "К программе Пушкинского вечера 12 апреля 1932 г." (автор – Е.В. Давыдов) и о "Капитанской дочке" Д.П. Якубовича. Все трое являлись активными членами правления Пушкинского общества»².

В 1931 г. в обществе насчитывалось только 90 человек, в 1932 г. – 173, а к концу 1936 г. – уже 1030. Основная часть членов общества – педагоги, библиотекари, рабочие, учащиеся. Характерно, что с каждым годом Пушкинское общество "молодело". Если в 1932 г. средний возраст членов общества равнялся 38–40 годам, то в 1936 г. он снизился до 25–28 лет³.

В состав правления общества в 1935 г. входили академик Н.С. Державин (председатель правления); ученый секретарь Пушкинской комиссии АН СССР Д.П. Якубович; писатель С.А. Семенов (заместители председателя правления); писатели Ю.Н. Тынянов, К.А. Федин, А.П. Чапыгин, композитор Б.В. Асафьев, артистка Е.И. Тиме, литературоведы И.А. Оксенов, А.Г. Яцевич, Л.Б. Модзалевский, В.А. Мануйлов (ученый секретарь) и другие, всего 24 человека. В следующем году в состав правления вошли литературоведы Б.В. Томашевский,

¹ Здесь и далее цитаты из документов, хранящихся в фондах В.А. Мануйлова (Ф. 440) и Л.Н. Назаровой (Ф. 641), приводятся без указания легенды. Фонды не прошли научное описание, поскольку их комплектование не завершено.

² Назарова Л.Н. Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х гг.: Памяти В.А. Мануйлова // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. трудов. СПб., 1996. Вып. 27. С. 211.

³ См.: Мануйлов В.А. Дела и дни Пушкинского общества // Ленингр. правда. 1937. 5 февр.

М.А. Цявловский, С.А. Гессен, поэты В.А. Рождественский, Н.С. Тихонов, режиссер С.Э. Радлов. В 1938 г. председателем общества стал писатель А.Н. Толстой. В письме А.Н. Толстого в президиум АН СССР от 24 декабря 1940 г., проект которого хранится в фонде В.А. Мануйлова, подводится как бы итог деятельности общества за довоенный период: "В годы, предшествовавшие столетию со дня смерти А.С. Пушкина и в юбилейный 1937 г., Пушкинское общество развернуло большую работу в клубах, домах культуры, в частях Красной Армии и Флота, в цехах фабрик и заводов по пропаганде классического наследия русской литературы XIX века и по преимуществу литературного наследия Пушкина. За последние годы работа Пушкинского общества расширилась не только количественно, но и тематически. В настоящее время Пушкинское общество научно разрабатывает и пропагандирует в широких массах трудящихся не только русскую классическую литературу, но и советскую литературу народов Советского Союза".

В архивном фонде Пушкинского общества за 30-е–начало 40-х годов сохранились лишь Устав общества, утвержденный президиумом Леноблисполкома 11 февраля 1934 г.; материалы, связанные с организацией драматического театра при Бюро литературно-художественной пропаганды Пушкинского общества за февраль–август 1941 г.; справки и характеристики, выданные концертным бюро Пушкинского общества актерам в 1942 г. Интересна характеристика на артиста концертного бюро Пушкинского общества от 17 августа 1942 г.: "Пугач (Ларский) Леонид Нахимович за период своей работы в Пушкинском обществе проявил себя как талантливый артист и как изобретательный режиссер и бригадир спектакля при любых условиях военного времени, включая фронтovou полосу, где концерты при участии тов. Ларского проходили и в землянках, и на передовой линии"⁴.

19 февраля 1946 г. состоялось первое послевоенное совещание актива Пушкинского общества, на котором присутствовало 27 человек, в том числе представители Института русской литературы АН СССР, Пушкинского заповедника, ленинградских академических театров, ленинградского отделения ВТО и др. Собравшиеся почтили память скончавшегося председателя общества А.Н. Толстого. Вступительное слово произнесла народная артистка СССР Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова, которая весь период блокады оставалась в Ленинграде. "В дни войны и блокады Ленинграда мне пришлось приложить много усилий, чтобы сохранить Пушкинское общество, – говорила Вера Аркадьевна. – Я не хочу сейчас называть лиц, с которыми мне пришлось вести борьбу за сохранение общества, ни перечислять всех перепитий с этими лицами. Дело сейчас не в них. Дело сейчас в том, что мы должны развернуть большую работу Пушкинского общества, чтобы оно было достойно имени великого поэта. Мы должны продолжить дело, созданное покойным президентом Академии наук СССР А.П. Карпинским и Максимом Горьким" (Д. 10. Л. 3).

По просьбе В.А. Мичуриной-Самойловой Ленинградский горком партии назначил вернувшегося с фронта партийного работника Сергея Александровича Лощенкова в Пушкинское общество для организационно-административной работы. Стенограмма совещания 19 февраля 1946 г. содержит доклад С.А. Лощенкова, в котором давалась характеристика состояния Пушкинского общества и предлагались основные направления работы на период, предшествующий юбилею – 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выступавшие в прениях по докладу говорили о необходимости продолжать работу общества.

"Б.П. Городецкий. – Интерес к Пушкину поистине громадный. Я читал в Выборгском доме культуры, и я не представлял себе, что такое количество людей придет на Пушкина.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 308. Оп. 1. Д. 5. Л. 14. Далее ссылки на дела этого фонда даются в тексте.

Л.А. Плоткин. – Я читал на избирательном участке, и тоже слушали с большим интересом". (Д. 10. Л. 28).

В то же время профессора Б.П. Мейлах, Л.А. Плоткин, Б.М. Эйхенбаум критиковали коммерческую направленность деятельности общества в предвоенные годы, когда функции Бюро литературно-художественной пропаганды были неправомерно расширены, началась погоня за денежными поступлениями от концертов, конкуренция с городскими концертными организациями. Репертуар чтецов и певцов зачастую не имел ничего общего с пушкинской тематикой.

Член Пушкинского общества с 1939 г. профессор Б.М. Эйхенбаум предложил, "чтобы было ядро внутри общества, которое бы само росло и тем самым имело бы право и основание пропагандировать. Я представляю, что такое общество должно использовать не только силы чтецов, набирая их из имеющихся учреждений, но оно должно заняться созданием собственных чтецов, может быть, театральных постановок внутри общества" (Д. 10. Л. 24).

Профессор Б.П. Городецкий рассказал о том, что при Ленинградском горкоме комсомола создана общегородская Пушкинская комиссия, план работы которой составлен в ИРЛИ (Д. 10. Л. 27).

В решении собрания было записано: "Установить систематический контакт в работе с ИРЛИ (Пушкинский Дом), Академическим театром драмы им. А.С. Пушкина, Союзом советских писателей, Горкомом ВЛКСМ, ВТО, областным Домом учителя, вовлекая в круг деятельности общества широкие массы трудящихся путем увеличения числа членов общества". (Д. 10. Л. 45).

Председателем правления Пушкинского общества, избранного на совещании актива 19 февраля 1946 г., стала В.А. Мичурина-Самойлова.

12 марта 1946 г. исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся принял решение: "Разрешить Пушкинскому обществу возобновить свою деятельность в Ленинграде в 1946 г." (Д. 9. Л. 2).

На первом заседании президиума правления Пушкинского общества 23 мая 1946 г. обязанности среди членов президиума распределялись следующим образом: В.А. Мичурина-Самойлова – общее руководство и связь с членами правительства и с АН СССР; профессор Б.В. Томашевский – ответственный редактор издательской комиссии и руководитель экскурсионно-лекционной секции; профессор Б.М. Эйхенбаум – руководитель репертуарно-творческой секции; актриса Е.И. Тиме – руководитель художественно-исполнительской комиссии и председатель художественного совета общества; С.А. Лощенко – директор-распорядитель кредитов, штатов и дел общества; Л.Б. Модзалевский – руководитель секции охраны памятных мест и председатель комиссии по созданию новых памятников А.С. Пушкину; К.К. Миронов – руководитель юношеской секции (Д. 8. Л. 1, 1об.).

Одной из основных задач президиума стала перерегистрация членов общества и привлечение новой массы, в основном, за счет молодежи. По довоенной картотеке общество насчитывало около 1 тыс. человек, в 1947 г. на учете состояло 700 человек, в 1948 г. – 822 (Д. 31. Л. 10). Члены общества платили вступительный и членские взносы. Значительную часть архивного фонда Пушкинского общества составляли списки членов общества, лекторского состава; личные дела руководителей пушкинских кружков, а также бухгалтерские документы – годовые приходные-расходные сметы, финансовые отчеты, счета рабочих и служащих общества.

Протоколы заседаний правления и президиума за 1947 и 1948 гг. содержат сведения о различных формах массовой работы, которое проводило общество. Уже в 1946 г. в домах культуры демонстрировалась передвижная выставка (160 экспонатов), посвященная А.С. Пушкину, с января по март 1947 г. ее посетили 3998 человек (Д. 19. Л. 6).

Пушкинские кружки (их участники становились членами Пушкинского общества) организовывались на заводах, в учебных заведениях – Ленинградском государственном университете, Консерватории. Интересную работу проводили пушкинские кружки Дома учителя и Дворца пионеров, о чем свидетельствуют стенограммы выступлений руководителей кружков на общем собрании членов Пушкинского общества 15 апреля 1949 г. С сентября 1947 по июль 1948 г. в помещении Дома учителя регулярно проходили пушкинские четверги (четверг – день рождения А.С. Пушкина), на которых с лекциями выступали доктора филологических наук Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум, Г.С. Гуковский, В.С. Спиридонов, Н.И. Мордовченко, профессора Б.П. Городецкий, В.А. Мануйлов и др. (Д. 31. Л. 59). 12 февраля в актовом зале Ленинградского университета состоялся вечер, посвященный 111-й годовщине гибели А.С. Пушкина. Вступительное слово сделал Г.А. Гуковский, театральный коллектив показал постановку "Моцарт и Сальери" (режиссер С.А. Морщихин – Д. 31. Л. 18). Пушкинское общество подготовило проспект пушкинских чтений с использованием специально подготовленных диапозитивов.

В архивном фонде Пушкинского общества имеются положения, планы работ, протоколы заседаний секций: библиографической (октябрь 1946–апрель 1951 гг.), юношеской (декабрь 1949–май 1952 гг.), охраны памятников и памятных пушкинских мест (декабрь 1949–июнь 1952 гг.), научно-исследовательской (январь 1950–июнь 1952 гг.), искусств (январь 1950–май 1952 гг.), а также тезисы, рецензии и отзывы по проведенным лекциям.

Издательская деятельность являлась предметом обсуждения всех заседаний президиума правления общества. В протоколе № 3 заседания от 22 октября 1946 г. имеется запись сообщения Б.В. Томашевского: «Издательская работа Пушкинского общества развернулась в очень больших размерах. Начатая совершенно без средств и фондов выпуском фотооткрыток "Пушкинский Петербург" и Госзаповедник АН СССР в настоящее время работа имеет следующие реальные издания: 1) Выпущено фотовыставок "Медный всадник" и "Капитанская дочка" около 700 комплектов и подготовлено к выпуску около 1000 комплектов. 2) Подготовлено к печати и выходит в свет тиражом по 25 тыс. экземпляров альбомы-выставки для Министерства просвещения РСФСР. 3) Готовится к печати "Евгений Онегин", "Дубровский", "Борис Годунов" и "Пиковая дама". 4) Подготовлено к печати три серии из 12 альбомов "Жизнь и творчество А.С. Пушкина", причем ведутся переговоры с ВОКСом об издании этих работ для Англии и Америки на английском языке. 5) Для изданий альбомов-выставок получено от Министерства просвещения РСФСР 22 тыс. кг бумаги, которая находится уже в Ленинграде в типографии и на складе Пушкинского общества. Все издания дают совершенно реальный доход Пушкинскому обществу и служат одновременно задачам общества по популяризации наследия великого поэта А.С. Пушкина» (Д. 8. Л. 12, 12об.).

Суммы от продажи изданий направлялись на культурно-просветительную работу. Издательский план на 1948–1949 гг. включал подготовку Пушкинской энциклопедии (100 л.), альбомов "Пушкинская Россия" (150 л.) и "Пушкин в изобразительном искусстве" (100 л.) – Д. 31. Л. 35. Однако реализовать этот план не удалось.

В начале 1948 г. контрольно-ревизионное управление Горфинотдела, проверив финансовую деятельность общества, нашло ряд нарушений; произошла смена руководства административно-хозяйственной работой. Председатель Пушкинского общества В.А. Мичурина-Самойлова в то время была уже тяжело больна. Из президиума правления вышли ряд видных ученых, и организация оказалась под угрозой самороспуска.

В целях сохранения общества 15 апреля 1949 г., по настоянию активистов общества, состоялось общее собрание, на котором было избрано новое правление и контрольно-ревизионная комиссия. В правление вошли академик И.И. Мещанинов (председатель правления); член-кор. АН СССР Н.К. Пиксанов; профессор Б.П. Городецкий, доктора филологических наук В.С. Спиридонов, Н.И. Мордовченко, Б.В. Томашевский, зав. научной библиотекой Государственного Эрмитажа О.Э. Вольценбург, зав. литературным музеем М.М. Калаушин, поэт В.А. Рождественский, актриса Е.И. Тиме, архитектор Б.А. Альмединген, а также представители заводов и учебных заведений (Д. 39. Л. 4).

Принятый на собрании Наказ правлению и ревизионной комиссии Пушкинского общества одним из требований включал следующее: "Общее собрание решительно предлагает правлению обеспечить подлинную коллективность при решении всех основных принципиальных вопросов и планов работы общества, возобновить работу секций, регулярно собирать общие собрания и собрания актива, обеспечить действительную отчетность правления перед членами общества и возможность широкой критики его работы» (Д. 39. Л. 9).

10 октября 1949 г. исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся утвердил новый Устав Пушкинского общества, разработанный президиумом общества и утвержденный общим собранием членов общества 30 мая 1949 г. Контроль за работой общества становился обязанностью отдела культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета (Д. 38. Л. 30).

Стенограммы общих собраний членов Пушкинского общества от 15 апреля и 30 мая 1949 г. (Д. 39) содержат ценные предложения, связанные с организацией пропаганды творческого наследия А.С. Пушкина. Лишь немногое из того, что намечалось, удалось осуществить за период с 1950 по 1952 г. Издательская деятельность общества испытывала все большие трудности. Протокол № 1 от 20 марта 1952 г. заседания правления общества совместно с ревизионной комиссией содержит следующую информацию академика И.И. Мещанинова: «Ленгорлитом задержаны 4 отпечатанных нами издания: "Сказка о золотом петушке" и три путеводителя⁵. Кроме того, запрещена допечатка поэмы "Руслан и Людмила" до полного тиража (в 100 тыс. экз.) – было выпущено всего 30 тыс. экз. ... Задержка всех этих работ привела к отсутствию денежных поступлений и законсервированию вложенных в работу средств. Расходы между тем продолжались, поскольку общество не могло остановить культурно-просветительную работу, строительство... Таким образом, на сегодня финансовое положение общества очень тяжелое» (Д. 73. Л. 18).

Это последний протокол заседания правления общества, хранящийся в архивном фонде. 28 июля 1952 г. исполком Ленгорсовета принял решение о ликвидации Пушкинского общества. В соответствии с этим решением лекционная работа по пушкинской тематике на заводах должна была продолжаться через городское лекционное бюро (Д. 89. Л. 2).

Протоколы заседаний ликвидационной комиссии с № 1 от 7 августа 1952 г. по № 6 от 24 октября 1952 г. раскрывают последние страницы деятельности Пушкинского общества. 4 октября 1952 г. во дворе последней квартиры А.С. Пушкина был установлен бронзовый памятник поэту (скульптор Н.В. Дыдыкин, автор гранитного пьедестала архитектор Н.А. Медведев), изготовленный по заказу Пушкинского общества в мастерских Академии Художеств СССР. Бронзовые буквы для надписи на пьедестале "Пушкину – Пушкинское общество" по ряду обстоятельств установить не удалось (Д. 91. Л. 14, Д. 73. Л. 11об.).

⁵ Имеются в виду путеводители "Лицей", "Лицейский садик", "Музей-квартира А.С. Пушкина".

ПУШКИНСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. ШЕБУНИНА

Ленинградский историк Андрей Николаевич Шебунин (1887–1940), прожил недолгую и крайне нелегкую жизнь. В начале 30-х годов после приговора по делу академика С.Ф. Платонова его имя было фактически изъято из научного обращения, оно почти не упоминалось и позднее, вплоть до 70-х годов уходящего столетия. Лишь в последние годы была произведена попытка историографической оценки его творчества¹.

Это был ученый яркого и разностороннего дарования, признанный знаток движения декабристов, истории российской и западноевропейской общественной мысли XIX в., археограф, пушкинист, краевед. В конце 20-х годов ему приходилось руководить заседаниями ленинградской секции Общества по изучению декабристов и их времени, он сотрудничал также в группе по подготовке "Истории Академии наук". В 1936 г. А.Н. Шебунин стал членом Пушкинского общества, в начале 1938 г. был избран заведующим его научно-исследовательского сектора, состоял в комиссии, образованной в связи с 100-летней годовщиной гибели поэта. Его высоко ценили учителя и коллеги: А.Е. Пресняков, Е.В. Тарле, С.Н. Валк, С.Н. Чернов, Ю.Г. Оксман, ленинградские пушкинисты.

То, что известно из биографии и творчества Шебунина, поражает трагизмом переломов, объяснимых в контексте жесткой эпохи 20–30-х годов. Не желая того, историк оказывался в конфликте с властью и до, и после 1917 г. Так еще в 1912 г., в год окончания Петербургского университета, подающий надежды исследователь, потомственный дворянин, Шебунин был выслан административным порядком в Вильно за участие в студенческих волнениях. В 1914 г. он вновь был арестован и сослан в Енисейскую губернию за принадлежность к социал-демократической студенческой организации. В 1929 г. Шебунин был осужден по "академическому делу" на пять лет лагерей. В Ленинград он смог вернуться только в конце 1933 г. В феврале 1938 г. историк был снова арестован и сгинул в мрачных пропастях ГУЛАГа. Неизвестны и, наверное, уже не установимы обстоятельства и точная дата его смерти.

Со студенческих лет ведущей темой в научном творчестве А.Н. Шебунина была история общественного движения при Александре I, в частности, политические биографии "либералистов" и "русских европейцев" по взглядам братьев Александра, Николая и Сергея Тургеневых. Историк рано сформулировал оригинальную концепцию дворянского либерализма периода "проправительственных надежд" 1810–начала 1820-х годов и следовал ей во всех своих работах². К опубликованным исследованиям примыкают те материалы, что по разным причинам остались в архиве историка. В основу научной концепции А.Н. Шебунина легло представление о преобладающем западном влиянии на мировоззрение российских "либералистов", об активной общественной позиции последних, что позволило автору скорректировать расхожую формулу о начале "дворян-

¹ См.: *Каганович Б.С.* Андрей Николаевич Шебунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 205–229; *Он же.* Русские историки западного Средневековья и Нового времени. Конец XIX – первая половина XX в. СПб., 1995; *Жуковская Т.Н.* Правительственная политика и общество при Александре I в трудах А.Н. Шебунина (глава канд. дис.). СПб., 1992.

² См. его работы: *Западноевропейские влияния в мировоззрении Н.И. Тургенева* // *Анналы.* 1923. № 3. С. 191–219; *Из истории дворянских настроений 20-х гг.* // *Борьба классов.* 1924. № 1/2. С. 50–90; *Николай Иванович Тургенев.* М., 1925; *Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов* // *Декабристы и их время.* М., 1929. Т. 1. С. 109–164; *Братья Тургеневы и русское общество александровской эпохи* // *Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. 1811–1824.* М.; Л., 1936; и др.

ского этапа" освободительного движения с революционной постановкой вопроса о ликвидации самодержавной власти 14 декабря 1825 г. Авторитет Шебунина как историка общественной мысли первой четверти XIX в., знатока архивов того времени, был неоспорим. Именно такую оценку выносил хорошо знавший его А.В. Предтеченский в своей докторской диссертации, защищенной в 1941 г.³ Заметим, что А.Н. Шебунин был к тому времени репрессирован, а имя его фактически изъято из истории науки.

В поле постоянного внимания Шебунина как исследователя общественного движения александровской эпохи находилась и фигура А.С. Пушкина, тем более, что он то и дело сталкивался с фактами литературных и идейных контактов поэта с представителями "тургеневского круга", "арзамасцами", политиками умеренно-либеральной ориентации.

Шебунин открыл свою "пушкиниану" еще в 20-е годы популярными статьями. До нас дошла его статья "Декабрист и поэт", опубликованная 1 апреля 1925 г. в вечернем выпуске ленинградской "Красной газеты". Она представляет собой рецензию на книгу "Записок И.И. Пущина о Пушкине", подготовленную С.Я. Штрайхом. Статья напечатана под псевдонимом "А. Сабинин". Автор обращался к теме "лицейской дружбы" Пущина и Пушкина, возражая декабристу И.И. Горбачевскому, считавшему, что из Лицея с его привилегированным статусом и составом учеников не могли выйти "народные поэты, республиканцы и патриоты". Историк, опровергая это суждение, писал о великой гражданской миссии Лицея, который поставлял для России не просто государственных чиновников, а граждан и патриотов, способных и одаренных людей, по крайней мере, в пушкинском поколении. Говоря о Пушкине и Пущине, Шебунин подчеркивает: «Лицей возжег в них "чистую лампаду" гражданского сознания, а товарищество и чтение углубили это сознание. Им было, чем помянуть свой Лицей. И оба они по-своему выполнили его заветы»⁴.

В середине 30-х годов А.Н. Шебунин создает около десятка научных и популярных статей о Пушкине, при этом сталкивается с многочисленными фактами биографического и идейного соприкосновения с Пушкиным своих главных "героев" – братьев Тургеневых. Эти факты вырастают в самостоятельные сюжеты в процессе многолетней работы с материалами Тургеневского архива, которые Шебунин готовит к публикации. В 1936 г. выходит первый из девяти задуманных им томов, содержащий письма Н.И. Тургенева брату Сергею, в которых Пушкин появляется не раз.

Однако критика не только не удостоила эту публикацию серьезным вниманием, но и обвинила публикатора в идеологических упущениях. Рецензент И.В. Сергиевский нашел в шебунинской вводной статье "привкус упрощенческого экономизма в стиле школы Покровского" и "ложное понимание декабризма"⁵.

Одновременно с изданием писем Н.И. Тургенева А.Н. Шебунин готовит материал для следующего тома серии, который предполагалось целиком отвести мемуарному и эпистолярному наследию младшего из братьев – Сергея Ивановича. Шебунин переводит и комментирует его знаменитый "Парижский дневник" 1815 г. и дневники за 1813–1820 гг. Этот источник содержит живые и яркие впечатления бурной политической жизни Франции первых лет Реставрации, зафиксированные рукой "русского европейца" по воспитанию и мировосприя-

³ Предтеченский А.В. Политические настроения в России в начале XIX в. и отражение их в правительственной деятельности. Л., 1941. Т. 1. С. 9.

⁴ Мы пользовались вырезкой из упомянутой газеты, сохранившейся в архиве А.Н. Шебунина в ОР РНБ (Ф. 849. Д. 69. Л. 1).

⁵ Сергиевский И.В. Рец. на кн.: Декабрист Н.И. Тургенев: Письма к брату... // Лит. обозрение. 1937. № 4. С. 52–54.

тию, отражает широкий круг знакомств мемуариста среди европейских политиков, дипломатов, литераторов. В орбите интересов Тургенева-младшего – снова Пушкин. Его имя упоминается в тургеневских "тетрадах" не раз по случаю получения петербургских "новостей" или чтения Пушкина⁶.

К сожалению, материалы С.И. Тургенева, подготовленные А.Н. Шебуниным, не уцелели полностью. Фрагменты текста дневников и часть комментариев подготовленные к печати, сохранились в личном архиве историка в машинописи и рукописи⁷.

Публикаторская деятельность Шебунина распространялась и на пушкинистику. В приближении 100-летия со дня гибели поэта историк создает собственную "пушкиниану", составленную из десятка добротных работ⁸. Три из них были опубликованы во "Временнике Пушкинской комиссии" в 1936–1937 гг. В рукописи остались не менее замечательные статьи "Пушкин как историк и критик", "К вопросу о генезисе исторических воззрений Пушкина", "Пушкин и николаевская реакция", "Пушкин и братья Тургеневы"⁹ и несколько более мелких работ. Частью они тоже предназначались для "Временника..."¹⁰, но после ареста Шебунина в феврале 1938 г. вопрос об их публикации был снят. К неосуществленным замыслам Шебунина-пушкиниста относится участие в подготовке альбома юбилейной пушкинской выставки в Ленинграде, вместе с Д.П. Якубовичем и директором Государственного Эрмитажа И.А. Орбели¹¹.

В своих пушкиноведческих исследованиях Шебунин, без предвзятости, рисует политические представления поэта в их эволюции и по мере возможного противостоит форсируемому в советской литературе тех лет взгляду о его "тайном декабризме" чуть ли не с лицейских времен, исследует проблемы историософии Пушкина. Наша задача – познакомить современного читателя с "пушкинскими" страницами творчества Шебунина. Думается, что знакомство, благодаря качеству исходного материала, выйдет за узко мемориальные рамки.

Пушкин появился в орбите внимания Шебунина при публикации им переписки братьев Тургеневых. Уже на этом этапе историк исследует отношение каждого из братьев к Пушкину в его развитии. Прежде всего им отмечаются факты деятельного участия Александра и Николая Тургеневых не только в судьбе, но и в формировании у Пушкина определенных политических воззрений.

Старший из Тургеневых, Александр Иванович, раньше всех узнал Пушкина-мальчика и "принял в нем участие". Решение отдать Пушкина в Лицей вместо иезуитского пансиона было принято во многом благодаря ему¹². «Пушкин был обязан А.И. Тургеневу, этому "уполномоченному и аккредитованному поверенному в делах русской литературы", – пишет Шебунин. – [...] А.И. Тургенев в юности поддерживал в нем его литературные интересы, в зрелые годы сближал его с Западом и открывал ему пути к овладению сокровищами исторической

⁶ См. об этом: *Шебунин А.Н.* Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // *Временник Пушкинской комиссии.* М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 196–200.

⁷ Архив А.Н. Шебунина с 1943 г. находится в ОР РНБ (Ф. 849). Далее ссылки на этот архив приводятся без указания места хранения и номера фонда.

⁸ См. работы А.Н. Шебунина: «Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // *Временник...* Вып. 1. С. 196–201; «Пушкин и "Общество Елизаветы"» // Там же. С. 58–96; «История Пугачева» // *Лит. обозрение.* 1937. № 2. С. 48–55 (то же: Д. 131); Пушкин и декабристы. Обзор литературы // *Временник...* М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 457–462 (вариант рукописи: Д. 123) и др.

⁹ Д. 128, 137, 125, 131.

¹⁰ Об этом можно судить на основании пометы на полях статьи "К вопросу о генезисе исторических воззрений Пушкина", оставленной членом редакции "Временника..." Д.П. Якубовичем: «Б.С. Мейлаху. Для "Временника". IV. Основ[ные] замеч[ания] мои сделаны и здесь уже учтены. 10.VI. 1937».

¹¹ Проект указанного издания. См.: Д. 231. Л. 1.

¹² Пушкин и братья Тургеневы (Д. 121. Л. 16).

науки. Правда, Тургенев многого не понимал в юном Пушкине, с высоты своего тогдашнего консервативного благоразумия поругивал его за "площадное волнодумство". Но в зрелые годы он его понял и оценил. Он же, может быть, больнее других друзей почувствовал, какие возможности были навсегда потеряны с этой смертью. "В Пушкине, – писал он брату, – мы лишились великого поэта, который готовился быть и хорошим историком. Я виделся с ним почти ежедневно; он был сосед мой, и жалею, что не записывал всего, что от него слыхивал"»¹³.

В отличие от Александра, Николай Тургенев никогда не был дружески близок с Пушкиным. Однако, считал Шебунин, авторитет Н.И. Тургенева для поэта был неоспорим, ибо "геттингенец" Тургенев, для только что вышедшего из лица Пушкина был образцом европейской образованности. Благодаря этому знакомству мировоззрение поэта в 1817–1818 гг. приобретает более отчетливые очертания, ибо "политическим своим развитием поэт не в малой степени был обязан Николаю Ивановичу Тургеневу"¹⁴. Сам же Н.И. Тургенев высоко ценил Пушкина не только как поэта. Не раз он пересказывает в письмах братьям новости о Пушкине или его остроты. 16 октября 1817 г. в письме брату Сергею во Францию он сообщает: "У нас есть теперь молодой поэт, Пушкин, который точно стоит удивления по чистоте слога, воображению и вкусу, и все это в 18 лет от роду"¹⁵. В письме Сергею 13 октября 1818 г., рассуждая о политическом положении России, Н.И. Тургенев цитирует удачную остроту Пушкина: «Беда, как мы и в просвещении пойдем назад. По крайней мере, идти недалеко. "Мы на первой станции образованности", – сказал я недавно молодому Пушкину. "Да, – отвечал он, – мы в Черной грязи". Впрочем, у нас можно довольно смело говорить; но зато писать совсем нельзя»¹⁶.

И в дальнейшем Н.И. Тургенев продолжал следить за судьбой поэта. В письме Сергею от 23 апреля 1820 г. он сообщает о том, чем кончились подзрения Пушкина в "неблагонадежности": "Пушкина дело кончилось очень хорошо. У него требовали его оды и стихи. Он написал их в кабинете графа Милорадовича. Как сей последний, так и сам Государь, сказали, что он ничего не должен опасаться, и что это ему не повредит и по службе. Он теперь собирается ехать с молодым Раевским в Киев и Крым"¹⁷. 11 мая 1820 г. Тургенев сообщал об отъезде Пушкина "курьером к генералу Инзову"¹⁸.

Именно Н.И. Тургенев, "либералист-западник" и человек государственной складки мог, по мнению историка, участвовать в формировании взглядов молодого Пушкина, по крайней мере, их содержательной стороны. Заметным было его воздействие на эволюцию представлений Пушкина об исторической роли самодержавия, судьбах дворянства и особенностях феодализма в России. Вместе с тем Н.И. Тургенев был готов внушить Пушкину свою убежденность в том, что правительство способно на либеральные реформы, в первую очередь, на освобождение крестьян. В противном случае неизбежным представлялось соединение "всех состояний" против "общего зла", т.е. самодержавия¹⁹.

Шебунин стремился представить политические взгляды Пушкина в разные годы более адекватно и точно, насколько это вообще возможно. Он писал: «Нас уже не могут удовлетворить теперь общие фразы о "либерализме" или "консерватизме" Пушкина, как не можем мы теперь принять старого деления

¹³ Там же. Л. 38–38 об.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Декабрист Н.И. Тургенев. Письма... С. 235.

¹⁶ Там же. С. 267.

¹⁷ Там же. С. 299.

¹⁸ Там же. С. 302.

¹⁹ Д. 128. Л. 3.

александровской эпохи на две половины – либеральную или реакционную, или свести историю николаевского царствования к истории цензурных притеснений и деятельности жандармерии [...] Сложность и многогранность образа Пушкина, глубоко и всесторонне отразившего эпоху, требуют детального исследования, свободного от историографических шаблонов...»²⁰

Фактически Шебунин предлагал новое истолкование "мировоззренческих" вопросов пушкиноведения, опираясь на собственное понимание эпохи Александра I и общественного контекста пушкинского творчества.

Самым трудным для историка в ситуации "пушкинского бума" середины 30-х годов было уклонение от прямого отождествления знакомств и связей поэта в декабристских кругах с принадлежностью к декабризму, в которой "подозревались" многие "прогрессивные" современники. Но издержки "героико-революционного" истолкования декабризма, мешали объективному и всестороннему изучению его эволюции. То и другое Шебунин сознательно преодолевал, о чем свидетельствуют концептуальные положения его работ. Самоценной для него оставалась фактическая сторона пушкиноведения: обнаружение новых фактов политической биографии поэта или новое их истолкование.

В первом выпуске академического "Временника Пушкинской комиссии" Шебунин выступил с новаторской статьей «Пушкин и "Общество Елизаветы"», где исследовалась история поисков умеренными деятелями "Союза Благоденствия" во главе с Ф.Н. Глинкой контактов в высших правительственных кругах. В частности, консолидации либеральных общественных настроений должно было послужить и написанное Пушкиным стихотворение, посвященное Елизавете Алексеевне.

Создание Пушкиным панегирика Елизавете Алексеевне как идеальной представительнице двора (а в перспективе идеальной кандидатуре на конституционный трон) – лишь повод для Шебунина обратиться к проблемам формирования декабристской идеологии, точнее – генезису либеральных идей в декабризме, связи умеренных декабристов (в данном случае – Ф.Н. Глинки и Н.И. Тургенева) с либерально мыслящими представителями высших кругов, констатировать стремления членов тайного общества использовать оппозиционные настроения в высших сферах. Главный сюжет этой статьи – не пушкинский. Но контекст, в который помещен пушкинский текст, подтверждает точку зрения о том, что творчество Пушкина в разные периоды использовалось декабристами в агитационных целях. Это далеко не единственный пример. Можно вспомнить исследованный А.Н. Шебуниным и другими проект Н.И. Тургенева об издании политического журнала в России под названием "Россиянин XIX века", в состав редакции которого предполагалось ввести и Пушкина. Вопрос же о том, насколько разделял идеи декабристов или "либералистов" Пушкин, сознательно ли сам он "агитировал" за либеральность в пору своего "республиканизма и тираноборчества", по мнению Шебунина, трудноразрешим, однако он и не несет в себе той остроты, какая приписывалась ему в литературе 20–30-х годов.

Есть основания считать, что замысел статьи «Пушкин и "Общество Елизаветы"» родился во второй половине 20-х годов, по крайней мере, до ареста Шебунина в сентябре 1929 г. существовала рукопись работы, близкой по содержанию. Очевидно, именно она упоминается Н.М. Дружининым в глухой ссылке в книге "Декабрист Никита Муравьев", выпущенный в 1930 г.²¹

Наиболее обстоятельной и интересной из неопубликованных работ Шебунина все же можно назвать статью под названием "Пушкин и николаевская реакция"²².

²⁰ Шебунин А.Н. Пушкин и "Общество Елизаветы" // Временник... Вып. 1. С. 53.

²¹ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Избранные труды. М., 1985. Т. 1. Революционное движение в России. С. 231.

²² Д. 125. Машинопись, 29 л.

Здесь поведение и творчество поэта на каждом отрезке его биографии и творчества встраиваются в общен исторический контекст. Шебунин считает, что 1826 год, год восшествия Николая на престол, оказался переломным для Пушкина в связи с попыткой правительства привлечь его на свою сторону и обнаруженной поэтом готовностью "улаживаться" с правительством о сотрудничестве, если оно будет следовать той программе реформ, которая в общем виде имела у умеренно-либеральной части общества еще в годы Александра I. Шебунин, обращаясь к деятельности Комитета 6 декабря 1826 г., учрежденного для разработки проектов реформ, показывает, что первые шаги Николая I порождали впечатление о реализации хотя бы некоторых общественных "надежд". Это суждение корректировало представление о мере "добровольности", если так можно сказать, в решении Пушкина сотрудничать с Николаем. В советской же историографии тех лет преобладал крайний негативизм в оценках политики самодержавия, особенно в изображении "николаевской реакции". Так что объективное изложение А.Н. Шебуниным конфликта между Пушкиным и правительством Николая I в его развитии с 1826 по 1837 г. заслуживает внимания.

Состав Комитета 6 декабря, его ближайшие задачи, по мнению Шебунина, свидетельствовали о том, что «в основу намечающихся мероприятий должны были лечь реформистские проекты предыдущего царствования. Но с одним крупным отличием: тогда конечной целью реформ мыслилось введение "законно-свободных учреждений", теперь никакое посягательство, даже самое скромное, на самодержавный образ правления не допускалось. Это делало задачу особенно трудной: надо было бороться с бюрократией [...], и надо было оставить в неприкосновенности бюрократический строй; надо было улучшить положение крестьян и не посягать на основы крепостного строя»²³. О программе "законов о состояниях", разработанной в Комитете, Шебунин говорит как о выражении принципов "торизма", специфического общественного и политического направления, заявившего о себе еще в александровское царствование и отличающегося умеренно-либеральными (в английском духе) принципами. «Тористы выступали за развитие "среднего состояния", создание преград "пагубному размножению дворянства", постепенное уничтожение крепостного права, — пишет Шебунин. — Венцом этой программы была аристократическая (с каким-то минимумом прав для буржуазии) конституция».

Но если в системе "законно-свободных учреждений", проектируемых Александром I в 1818–1820-х гг., монархическая власть рассматривалась наравне с другими политическими силами, между которыми надо установить равновесие, то в программе Николая I, замечает Шебунин, этого уже нет. "Теперь о конституции мечтать было нельзя, и монархия мыслилась как система, стоящая над классами, между которыми она должна была установить равновесие. Да и по своей сущности люди 1826 года были прежде всего чиновники, а не люди идей и реформаторских программ"²⁴. Проекты Комитета, по заключению Шебунина, "предусматривали развитие сословной обособленности аристократии и даже расширение крупного феодального землевладения (за счет казны) наряду с постепенным превращением крестьян в полусвободных фермеров-арендаторов. [...] Политически речь шла прежде всего об укреплении социальной базы самодержавия при помощи восстановления доверия к нему со стороны аристократии и буржуазии"²⁵. В составе Комитета, однако, оказались "тористы"-арзамасцы, например, Д.Н. Блудов, только что назначенный статс-секретарем и товарищем министра внутренних дел, что создавало иллюзию «сближения с пра-

²³ Там же. Л. 13.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 15.

вительством основных групп умеренной дворянской оппозиции прошлого царствования. При таких условиях были основания рассчитывать на осуществление в ближайшие годы "тористской" программы реформ и на дальнейшую эволюцию в умеренно-прогрессивном направлении»²⁶.

В свете этих общественных ожиданий и расстановки сил в новом правительстве Шебунин рассматривает отношения Пушкина с правительством в первые годы нового царствования. Он замечает, что, поставив перед собой задачу "направления общественного мнения", пристального наблюдения за литературой, правительство нуждалось в союзниках из числа самих литераторов, отчетливо стремилось вменить им в обязанность "направлять умы к цели, предназначенной правительством". Агенты правительства должны были решить, может ли Пушкин быть привлечен в качестве такого союзника, если он, говоря словами Ф.В. Булгарина, будет признан "исправимым", или нет. О поведении Пушкина, как отмечает Шебунин, правительство получало в это время весьма неутешительные донесения. И все же Николай I решил заключить с ним своеобразный "договор", руководствуясь не советами Булгарина, а соображениями наблюдавшего за Пушкиным жандармского полковника Бибикова, который писал: "Пусть постараются польстить тщеславию этих непризнанных мудрецов — и они изменят свое мнение"²⁷.

Следствие по делу декабристов вскрыло революционное влияние поэзии Пушкина. В июне петербургский агент Локателли отмечал распространенное в обществе удивление по поводу того, что "знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков". Но поскольку наблюдения за поведением Пушкина в деревне не дали никакого "результата", о чем в свое время писал Б.Л. Модзалевский²⁸, его сочли возможным причислить к группе "исправимых"²⁹.

Другая сторона проблемы "приближения" Пушкина к правительству состояла в том, как было мотивировано это приближение для него самого. Шебунин считает отправной точкой изменения позиции поэта по отношению к новому правительству эволюцию его политических настроений в годы ссылки. Он пишет о Пушкине: "1823 год был для него годом поворота. Крах испанской революции для него, как и для многих других, принес глубокое разочарование. Дело было не столько в военном поражении революции, сколько в пассивности и равнодушии масс. [...] А разочарование в испанской революции влекло за собой и падение надежд на подобные пронунциаменто в России". Эту смену настроений испытали одновременно с А.С. Пушкиным Н.И. Тургенев, П.А. Вяземский и другие "умеренные либералы"³⁰. Однажды найденная Шебуниным характеристика основ политической идеологии Пушкина здесь приобретает более определенное звучание.

Шебунин пишет, что уже в 1824 г. Пушкин "искал какой-нибудь возможности перейти от оппозиции к лояльности [...] Такой возможностью, минимумом, которого он хотел от власти, было бы смягчение цензуры..." Однако, некоторое "поправление" Пушкина, которое выразилось, например, в апологии "шестисотлетнего дворянства" в конфликте с М.С. Воронцовым, "придавало новый оттенок оппозиционности Пушкина, но не уменьшало ее"³¹. Шебунин разбирает полемику А.С. Пушкина с П.А. Вяземским в их переписке 1825–1826 гг. о возможности далее "оппонировать" правительству. Пушкин, наконец, принимает

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 15–16.

²⁸ Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925.

²⁹ Д. 125. Л. 17–17 об.

³⁰ Там же. Л. 17 об.—... (последние два слова в тексте зачеркнуты). То же: Д. 131. Л. 1 об.

³¹ Д. 125. Л. 18.

сторону Вяземского, который зывал к благоразумию и советовал Пушкину "войти погреться в избу и поваляться на лежанке...", т.е. примириться с настоящим политическим "климатом", не только российским, но и европейским, установившимся после поражения революций в южной Европе и 14 декабря в России.

Однако, продолжает Шебунин, "соглашаясь с оценкой общего положения, данной Вяземским, Пушкин все же отстаивал свое право на самостоятельную мысль [...], не отказывался от своих убеждений, не хотел продавать своей независимости. Смерть Александра I и слухи о воцарении Константина подали ему надежду на перемену политики"³².

Далее Шебунину приходится высказаться и по вопросу о "тайном декабризме" поэта, т.е. о его готовности присоединиться к декабристам и даже имевших место, якобы, его попытках "прорваться в декабрьские дни в Петербург для участия в восстании". Подобные версии он считает необоснованными, а саму проблему "окончательно решенной". Он пишет о настроении Пушкина в это время: «Восстание было для него неожиданным. Поражение восстания и разгром всего либерального движения александровской эпохи, арест друзей – должны были лечь тяжелым камнем на душу Пушкина на всю жизнь. Но все случившееся только оправдывало в его глазах его позицию после 1823 г. Вопрос о поведении по отношению к правительству для него оставался открытым. Осторожно запрашивая Жуковского о возможности перемены в его судьбе, он просит своих друзей не ручаться за него. Если правительство захочет его освободить, он готов с ним "условливаться". [...] В письме к Плетневу вместе с надеждой на "милость царскую" для арестованных друзей – осторожный вопрос о возможности для него перемены климата, если нельзя вернуться в Петербург. В письмах к Дельвигу те же надежды на "милость царскую" для друзей, призыв к объективному, шекспировскому взгляду на происходящую трагедию, а о себе заявление: "я желал бы *вполне искренно* примириться с правительством, и, конечно, это ни от кого, кроме него не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны". По существу это – готовность к примирению на каких-то условиях. [...] Иными словами, отказываясь от оппозиционного поведения, Пушкин не отказывался от своих убеждений»³³.

Далее историк рассматривает обстоятельства обоюдного (со стороны правительства и со стороны Пушкина) стремления положить конец его положению ссыльного заключением договора о лояльности поэта на условии каких-то гарантий со стороны правительства. Для Пушкина это примирение осложнилось осуждением декабристов на смерть и каторгу, т.е. откровенными репрессиями. Шебунин подчеркивает, что Пушкин с большим достоинством вступает в переписку с царем о смягчении собственной участи, и еще надеясь на возможность смягчения положения осужденных в каторгу. В чувствах Пушкина к "победителю в битве при Сенате" не было ни "сервилизма", ни отречения от своих убеждений; здесь была глубокая горечь и обида за "друзей, братьев, товарищей".

Причина вызова Пушкина в Москву, по убеждению Шебунина, состояла в необходимости получения от него личных объяснений по поводу стихов "Из Андрея Шенье", ходивших в публике с вольной припиской "На 14 декабря". "Для Пушкина, – пишет Шебунин, – итоги свидания определили все. Он освобожден, несмотря на то, что не скрыл от Николая своих отношений к декабристам, освобожден только потому, что царь не хочет преследования литературы, потому что он сам берет на себя осуществление необходимых реформ. При таких усло-

³² Там же. Л. 18 об.–19.

³³ Там же. Л. 19–19 об.

виях Пушкин мог считать свое присоединение к правительству договором, заключенным на определенных условиях"³⁴.

Впечатление Пушкина от свидания с царем, по мнению Шебунина, должно было закрепиться фактом высочайшего поручения ему составить записку о народном воспитании. Шебунин анализирует основные положения записки, считая, что основная мысль ее – "защита просвещения от обвинений реакционеров". Шебунин пишет: «Усвоив себе здесь официальный стиль по отношению к событиям 14 декабря и цитируя манифест от 13 июля, Пушкин заявляет: "одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия". Он восстает против домашнего воспитания и частных пансионов, рекомендуя обучение в правительственных учебных заведениях, и защищает заграничные университеты. Здесь он приводит пример Н.И. Тургенева, отличавшегося "посреди буйных своих сообщников нравственностью и умеренностью, следствием просвещения истинного и положительных познаний", думая, может быть, этим упоминанием привлечь внимание правительства к программе тургеневского умеренного буржуазного либерализма. [...] Пушкин в этой записке старался целиком стоять на почве правительственной программы, как он ее понимал: борьба с революционными настроениями и одновременно "великий подвиг улучшения государственных постановлений"»³⁵.

Среди других причин, приближающих поэта к правительству, Шебуниным названы «война с Персией и вообще активная политика на Востоке, за отказ от которой прогрессивное дворянство порицало Александра I, "надежды", т.е. Комитет 6 декабря и "труды", т.е. борьба с злоупотреблениями, наконец, внимание к литературе и мысли в лице Пушкина». Пушкинские "Стансы" рассматриваются при этом как набросок политической программы нового царствования. "Социальное содержание программы [...] целиком вытекает из исторической концепции Пушкина", – делает вывод Шебунин, имея в виду известные положения Пушкина об особой исторической роли российского дворянства, об отличиях русского исторического процесса от европейского, заключающихся в признании отсутствия здесь классического феодализма ("Феодализма у нас не было – и тем хуже"). Шебунин резюмирует высказывания Пушкина: «Самодержавие в России было, таким образом, силой одновременно революционной и деспотической. Оно подавило те общественные силы, из которых при ином характере исторического процесса могли бы развиться "учреждения независимости": феодализм, т.е. аристократия, и "общины", т.е. буржуазия, постепенно ограничили бы монархию, как это было в Англии».

Взгляд на историческую миссию самодержавия отражается и в творчестве поэта, или, как выразился Шебунин, «Апофеоз Петра в поэзии Пушкина этих лет – не что иное как апофеоз сильной самодержавной власти, идущей по пути "европейского просвещения"»³⁶. Шебунин заключает, что реформаторская программа Пушкина сводится к организации крепких общественных сил, к борьбе при помощи самодержавия, петровских приемов управления, против бюрократической сущности самодержавия, к ограждению интересов родового дворянства при помощи компромисса с интересами буржуазии и крестьянства. Это – "тористское" "равновесие всех политических сил"³⁷. Таким образом еще раз обозначается политическая основа той "платформы примирения" Пушкина с самодержавием, которую он занял в 1826 г.

Но состояние "примирения" не было прочным. Оно зависело от отношения Пушкина к правительственным мероприятиям: законам о состояниях, закреп-

³⁴ Там же. Л. 20–21 об.

³⁵ Там же. Л. 22 об.

³⁶ Там же. Л. 23 об.

³⁷ Там же. Л. 23–23 об.

ляющих сословную структуру общества (что было определено Пушкиным как "контрреволюция революции Петра)", цензорской опеке Николая, и выразилось в попытках уехать за границу или в самовольной поездке в Арзрум. Но конфликт, несмотря на видимое соблюдение обеими сторонами "условий" 1826 г., становится все очевиднее. Положительная оценка Пушкиным европейских революций, натянутые отношения с III отделением и Бенкендорфом, отклонение правительством его просьбы о заграничной поездке и самовольное путешествие в Арзрум, отторжение уваровской "официальной народности" – все это видимые факты все большего "расхождения с правительством"³⁸.

Несколько статей было специально посвящено Шебуниным историческим взглядам Пушкина. Первая из них "Пушкин как историк и критик", оконченная в декабре 1936 г., писалась в популярном жанре. Однако это не снижает нашего интереса к рассуждениям Шебунина о генезисе воззрений Пушкина на основные проблемы русской истории, о зависимости их, с одной стороны, от традиции лицейского преподавания, а с другой – от размышлений поэта о текущей политике и современности³⁹.

Наиболее объемной работой из неопубликованной "пушкинианы" Шебунина является статья "Исторические интересы Пушкина"⁴⁰. Шебунин начинает разговор о формировании общеисторических представлений Пушкина с оценки содержания и уровня преподавания истории в Царскосельском лицее. "Как видно из программы лицейского курса, в задачи преподавания входило не только изучение исторических событий, но и их философское осмысление", – заключает он.

О лицейском историке И.К. Кайданове А.Н. Шебунин пишет как о представителе школы геттингенской историографии, ученике Геерена, Гаттерера и Шлёцера. Эта фигура, полагает он, не была случайной на лицейской кафедре: «Геттингенское направление соответствовало и официальным заданиям русского правительства. Задача была поставлена в начале александровского царствования: воспитание общества для будущих "законно-свободных учреждений". Соответственно этому история должна была воспитывать гражданские добродетели и знакомить с внутренним процессом общественного развития. Развитие внешней торговли России, опыты капитализации помещичьего хозяйства также повышали интерес к экономике. Сверх того патриотический подъем 1812–14 гг. также отразился на лицейском преподавании»⁴¹.

Для подтверждения своей мысли о "геттингенском" духе и методе преподавания истории в лицее, Шебунин анализирует печатные курсы Кайданова 1814 и 1821 гг. и отзывы о его преподавании лицейстов разных выпусков, определяя, насколько соответствовала кайдановская история своему "геттингенскому аналогу", насколько подробно тот излагал древнюю, средневековую и новую историю стран Европы. В целом, заключает Шебунин, изложение выдерживалось в умеренно-либеральном духе, так как симпатии Кайданова оставались на стороне английских конституционных учреждений, доктрины Монтескье. «Что же давал своим ученикам Кайданов? Конечно, историков он из них не воспитывал и знаний давал им не очень много. Но он давал им несомненное понятие о геттингенской школе и определенное представление о западно-историческом процессе, в котором развитию "среднего состояния" отводится преимущественное место, история торговли, колоний и внутреннего развития госу-

³⁸ Там же. Л. 24–27.

³⁹ Пушкин как историк и критик (Д. 128. Л. 1 об.–2 об.). Текст рукописи имеет дату – 14 декабря 1936 г.

⁴⁰ Эта работа представляет собой законченный текст, напечатанный на 39 листах с обеих сторон. Датируется предположительно 1937 г. (Д. 134).

⁴¹ Там же. Л. 2–3 об.

дарств ставится на почетное место. С другой стороны, политико-экономические взгляды Кайданова отражают влиятельные течения в правящих кругах и умеренно-либеральной оппозиции. Программой была сильная царская власть, ведущая страну к "законно-свободным учреждениям" [...] Кайданов определенно отрицательно относится к феодализму и аристократии и симпатизирует буржуазному строю, в котором, однако, преимущественное значение он дает не промышленности, а торговле и сельскому хозяйству. Это вполне совпадает с мнениями "Опыта теории налогов" Н.И. Тургенева, "Письмами русского офицера" Ф.Н. Глинки и, следовательно, со всей программой буржуазно-помещичьего либерализма, т.е. правого крыла декабристов»⁴².

Отмечая вслед за этим поверхностное изложение русской истории в имеющихся печатных курсах Кайданова, Шебунин предполагает, что для первого выпуска русскую историю Кайданов читал иначе⁴³. Опираясь на отчеты Конференции лица, он считает, что о характере русского исторического процесса Кайданов тоже давал лицеистам представление, заимствованное от своего учителя Геерена. «Последний говорил, что в России не было "феодалного начала, состоявшего в иерархии вассальных отношений", что "дворянство привело народ к состоянию рабства", что история не знала "торговых городов" и потому "там было невозможно образование буржуазии". (В новейшей истории, по словам Геерена, внешняя политика правительства была проникнута страстью к завоеваниям, а внутренняя – жестоким деспотизмом.) Осторожный Кайданов, вероятно, менее резко говорил о дворянстве. Но основные мысли, заимствованные у Геерена, навсегда вошли в историческое мировоззрение Пушкина»⁴⁴.

Отношение лицейской молодежи к русской действительности не исчерпывалось, как выражается Шебунин, "прививаемым профессорами полуофициальным либерализмом", и свою лепту в историческое образование Пушкина внесли и Бурцов, и Чаадаев, и Каверин, в общении с которыми Пушкин "усиленно черпал из источника вольнодумства". Исторические темы, продолжает Шебунин, «обступили Пушкина, когда, сойдя с лицейской скамьи, он сделался постоянным посетителем братьев Тургеневых. Здесь в значительной мере веял тот же геттингенский дух, с которым Пушкин соприкоснулся в лицее. А.И. Тургенев – ученик Шлёцера, Николай Иванович – один из учителей Пушкина в области политики, – слушатель Геерена, товарищ Куницына и Кайданова [...] О России здесь в основном были те же суждения, которые Пушкин должен был слышать от Кайданова»⁴⁵.

Еще одним формирующим толчком историософии А.С. Пушкина было чтение Н.М. Карамзина. Шебунин отмечает, что восприятие "Истории государства Российского" Пушкиным и Николаем Тургеневым было сходно. Оба читателя порицали Карамзина за избыточное преклонение перед самодержавием⁴⁶.

В статье "Исторические интересы Пушкина", написанной примерно в то же время, Шебунин анализирует "Исторические замечания" Пушкина 1822 г., концепция которых "не отличается от прежнего взгляда, сложившегося на лицейской скамье и в петербургских беседах с Тургеневым". Оценка в "замечаниях" царствования Екатерины II в значительной степени повторяет оценки Ш. Массона и авторов других источников, известных Пушкину. (Шебунин предлагает текстуальное сопоставление ряда мест.)⁴⁷

⁴² Там же. Л. 6–7.

⁴³ Там же. Л. 7.

⁴⁴ Там же. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Л. 9 об.–10.

⁴⁶ Там же. Л. 3 об.

⁴⁷ Там же. Л. 11 об.–13.

Шебунин анализирует заметки Пушкина о французских историках Вольтере, Лемонте (имеется в виду сочинение последнего "Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV", опубликованное в 1818 г.), отмечая не только его направленный интерес к концептуальным построениям, но и критическое мышление. Историк сопоставляет пушкинские оценки с более профессиональными суждениями А.И. Тургенева, зафиксированными в дневнике последнего⁴⁸.

В архиве историка сохранился также вариант статьи "История Пугачева"⁴⁹, которая была опубликована в 1937 г. в "Литературном обозрении". Центральной темой статьи становится трактовка Пушкиным "народного бунта". Шебунин показывает, что интерес Пушкина к этой проблеме формировался постепенно и органично: «В Михайловском он собирает материалы песен и сказаний "о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории", просит прислать ему "Жизнь Емельки Пугачева". И в "Борисе Годунове", одним из первоначальных названий которого было "Летопись о многих мятежах", проблеме народного бунта отводится немалое место. Пассивная народная масса, глубоко чуждая и равнодушная к вопросам престолонаследия, живо волнующим правящие классы, остается такой же чуждой уже избранному царю, несмотря на все его старания заслужить ее любовь. Она упорно не доверяет ему и все его действия истолковывает в дурном смысле»⁵⁰.

Шебунин пишет о том, что после поражения декабристов Пушкин с еще большим рвением уходит в изучение истории, и у него складывается определенное представление об особенностях русского исторического процесса, которые не в лучшую сторону отличали Россию от Запада. Гений Пушкина состоял в способности подчинить ресурсы разума и творчества одновременно задаче создания исторического повествования, или, как пишет Шебунин, "Пушкин-историк все более ставит перед собой задачу объективного познания, тогда как Пушкин-художник – задачу объективного творчества. По его мнению, не дело художника, изображающего борьбу двух исторических сил, становиться на ту или другую сторону". Сближая подход Пушкина к историческому познанию и метод исторического исследования М.П. Погодина, Шебунин приводит суждение последнего из «Заметок о народной драме и о "Марфе Посаднице"» о праве и обязанности историка: "Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно [...] говорить в трагедии, – но люди минувших дней, умы их, предраассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине"⁵¹.

«В лице Погодина, – пишет Шебунин в другой работе, – Пушкин встретился с человеком, исторические занятия которого протекали вне дороги, проложенной Карамзиным. Погодин – слушатель, но не поклонник непримиримого критика Карамзина – Каченовского, а, вместе с тем, друг Калайдовича и Строева, тружеников на ниве русского исторического источниковедения. Еще в 1820 г. студент Погодин находил, что "русскую историю писать рано, а надо предварительно напечатать и критически изучить летописи и другие источники". В 1826 г. во время встречи с Пушкиным в Москве Погодин имел уже вполне установившиеся взгляды на задачи исторического исследования»⁵².

Сближая представления Пушкина о задачах и средствах исторического познания с погодинскими, Шебунин замечает: «Погодин предъявлял исторической науке два требования: 1) работы над источниками, 2) работы над философско-историческими вопросами, в частности, над вопросом об отличии истории

⁴⁸ Там же. Л. 13 об.–14.

⁴⁹ Д. 131. Автограф в тетради (9 л.).

⁵⁰ Там же. Л. 1 об.–2.

⁵¹ Там же. Л. 2 об.

⁵² Д. 134. Л. 18–19.

России от истории других стран. Все это вполне сходилось со стремлениями Пушкина. Размышляя над историческими судьбами России, Погодин приходил к мысли, что "у нас нет среднего состояния, которое везде производило революцию, что у нас крестьянин может сделаться дворянином". Это приводило к выводам об отсутствии у нас замкнутого дворянства и о самодержавии как о реальной силе в русской истории. Эти свои "афоризмы" Погодин читал Пушкину. "Здесь есть глубокие мысли", – сказал Пушкин».

Шебунин таким образом выделяет преобладающее влияние во второй половине 1820-х годов именно Погодина, который находился на пути от школы Геерена к школе Гизо и Тьерри. "Для Пушкина, – пишет он, – общение с Погодиным имело громадное значение. Он встречался с человеком одинакового образа мыслей и притом историком, знавшим и ценившим исторический источник и звавшим к критической работе над ним [...] По-видимому, одновременно Пушкин познакомился и с Калайдовичем и Строевым [...] Неудивительно, что уже в начале знакомства Пушкин ухватился за предложение Погодина о совместной работе с ним и сделался деятельным сотрудником его "Московского вестника". Работая с лояльным и независимым Погодиным, Пушкин думал о борьбе против зависевшей от правительства и угоднической печати [...]»⁵³.

Еще одним мотивом к сближению Пушкина с Погодиным, подчеркивает Шебунин, было тяготение Погодина к воплощению исторических деятелей и событий в художественные образы. Пушкин же «отнесся с большим сочувствием к драме Погодина "Марфа Посадница", порицая только слог и язык автора [...] В своих заметках о "Марфе-посаднице" Пушкин высказал свой взгляд на задачи исторической драмы».

Понимание различия между *политическими* и *собственно историческими* задачами произведения, посвященного тому или иному историческому сюжету, пришло к Пушкину во второй половине 1820-х годов, его углубили "годы работы над образом Петра и напряженного изучения истории, в особенности, трудов знаменитых представителей новой французской историко-социологической школы Гизо и Тьерри"⁵⁴. Шебунин подробно анализирует роль французской романтической историографии в развитии объективного знания о прошлом, отмечая стремление к достижению этой объективности и у представителей русской исторической мысли, прежде всего Н.А. Полевого. Но попытка Полевого применить "образ мыслей" новой школы к русскому историческому процессу, Пушкину показалась неудачной⁵⁵. Дальнейшее изложение эволюции исторических интересов Пушкина в 30-е годы и отдельных его произведений, таких как "Полтава", "Арап Петра Великого", заметки о французской истории, написанные под влиянием событий июльской революции 1830 г., показано Шебуниным на фоне дискуссии в русской историографии о методе и предмете истории.

Анализ неоконченного романа "Арап Петра Великого" позволяет Шебунину разделить "политические" мотивы художника от собственно художественного историописания и констатирует, что в этом случае "историк победил политика". Иное дело – "Полтава". Историк предполагает, что война, предпринятая Николаем на Ближнем Востоке, вдохновила Пушкина на воспевание "героя Полтавы", воздвигшего "огромный памятник себе"⁵⁶.

Следующий сюжет, разбираемый Шебуниным, – пушкинские размышления 30-х годов о революции русской – 14 декабря, развитые в тех же категориях.

⁵³ Там же. Л. 20.

⁵⁴ Там же. Л. 21–22.

⁵⁵ Там же. Л. 23–26.

⁵⁶ Там же. Л. 22.

Шебунин внимательно анализирует записи в "Дневнике" Пушкина – о дворянстве в связи с традицией оппозиционности власти, к которой отнесены и декабристы, о результатах подавления в 1825 г. тех элементов, из которых могли бы возникнуть вполне европейские "учреждения независимости"⁵⁷.

Шебунин подробно анализирует этапы работы Пушкина над "Историей Петра", источники этого труда, круг чтения Пушкина в то время, степень влияния на него Погодина, которого Пушкин просил дать ему "в сотрудники". Шебунин пытается реконструировать замысел "Петра", элементы концепции петровского царствования, складывающейся у Пушкина-историка постепенно, теперь уже на новом уровне погружения в материал. «Можно предполагать, – пишет Шебунин, – что "История Петра" Пушкина дала бы оценку реформы, как явления прогрессивного, отметив вместе с тем крайний деспотизм Петра. Работа Пушкина должна была помочь уяснению двух давно интересовавших его проблем: отношения народных масс и правящих классов и отношения дворянства к царской власти. И ответ ясен: самодержавие было двигателем прогресса, но прогресс этот совершался за счет единственной независимой силы – родового дворянства – и за счет угнетенных народных масс»⁵⁸.

«И все же в воззрениях Пушкина 30-х гг. самодержавие было не единственной реальной силой в русской жизни. Другой силой все более становилась революция. Это – "страшная стихия мятежей", воплощенная в обедневшем и угнетенном родовом дворянстве. Это, наконец, народные массы»⁵⁹.

«Интерес Пушкина к проблеме народного бунта был подогрет холерными бунтами и солдатскими восстаниями 1831 г., – пишет Шебунин. – Восстания, грозившие всей дворянской государственности, гибели которой Пушкин не хотел [...] внушают ему серьезные опасения⁶⁰. Отсюда и родилась работа над "Пугачевым"».

Определяя документальную основу пушкинского повествования, Шебунин касается безуспешных попыток Пушкина получить следственное дело о Пугачеве или переписку генералов, подавлявших восстание, и выходе, найденном им в собирании собственных свидетельств: рукописных повествований о бунте (вроде истории действий Пугачева в Оренбургском крае, составленной современником восстания П.И. Рычковым), устных преданий, показав себя при этом тонким и вдумчивым источниковедом⁶¹.

Шебунин уделяет много внимания анализу жанра и стиля "Истории Пугачева", отмечая, с одной стороны, упреки в "сухости" и "бесстрастности" повествования, с другой стороны, выступая против неумеренных поисков в творчестве Пушкина социально-экономического подтекста как такового и призывая советского читателя понять, что Пушкин не оперировал классовыми категориями, что "писать социально-экономическую историю эпохи тогда было еще совершенно невозможно: не написана она еще и сейчас. Но внимательное чтение покажет, что Пушкин не только понимал сущность движения, но и старался, насколько это было возможно по цензурным условиям, дать почувствовать это читателю"⁶².

«Вряд ли можно утверждать, – резюмирует Шебунин, – что Пушкин не понял и не оттенил в своей работе классового характера происходившей в России борьбы. Напротив, надо признать, что он сделал в этом отношении все, что

⁵⁷ Там же. Л. 26–29.

⁵⁸ Там же. Л. 30–32.

⁵⁹ Там же. 32 об.

⁶⁰ Там же. Д. 131. Л. 3 об. Та же мысль проводится в неопубликованной работе "Пушкин как историк и критик" (Д. 128. Л. 7 об.–8).

⁶¹ Там же. Л. 4–4 об.

⁶² Там же. Л. 5.

было в его распоряжении при наличных условиях [...] Нельзя же было прямо сказать о притеснении помещиками крестьян и о крепостном праве или еще больше распространиться об угнетении "инородцев", чем это сделал Пушкин, открыто подчеркнувший свою симпатию к *мирным* калмыкам и отметивший активность их и других народов в "пугачевщине". Шебунин, таким образом, подтверждает предельную объективность Пушкина-историка.

Далее Шебунин подвергает разбору приложению, которым Пушкин придавал самостоятельное значение и где помещены ценнейшие манифесты, извлеченные из архивов, среди которых уже тогда ему известная рукопись "Записок" Екатерины II. Пушкин использовал и все опубликованные источники, как-то "Записки о жизни и службе А.И. Бибикова", труд французского историка Феррана, к которому Пушкин отнесся в высшей степени критично, лондонские издания анекдотов и рассказов из жизни разных народов России, историю казаков Лезюра и др.⁶³

Свой очерк об "Истории Пугачева" Шебунин закончил следующей фразой: «Следует признать, что Пушкин своей "Историей Пугачева" прежде всего выполнил гражданский долг, обратив внимание правительства и господствующего класса на большие вопросы русской истории и современности, а, с другой стороны, обнаружил способности настоящего историка, которым преждевременная смерть не дала развиваться»⁶⁴. Мы с полным правом можем сказать то же и о самом Шебунине, подразумевая его не до конца воплощенный и все еще недостаточно оцененный дар историка. Долгом современных исследователей могло бы стать опубликование не известных широкому читателю текстов А.Н. Шебунина или переиздание его забытых работ, таких как "Европейская контрреволюция в первой половине XIX в." и др. В этом ряду достойное место займет и неизвестная "пушкиниана".

Е.А. Савостина

ОБЗОР ПУШКИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ М.А. ЦЯВЛОВСКОГО (ИЗ ФОНДА ЦЯВЛОВСКИХ В РГАЛИ)

Мстислав Александрович Цявловский (1883–1947) – фигура в литературном мире легендарная – доктор филологических наук, литературовед, один из крупнейших советских историков литературы, признанный специалист по общественно-политической истории России конца XIX–начала XX в., автор работ по генеалогии, истории искусств¹. Прежде всего, Цявловский известен как иссле-

⁶³ Там же. Л. 8 об.-9.

⁶⁴ Там же. Л. 10.

¹ См. о нем: *Цявловская Т.Г.* Предисловие // *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826.* М., 1951. С. 3–12; *Она же.* О работе над "Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина" // *Пушкин: исследования и материалы: Тр. 3-й Всесоюз. пушкинской конф.* М.; Л., 1953. С. 372–386; *Бонди С.М.* М.А. Цявловский и его статьи о Пушкине // *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 3–10; *Горелик Л.* М.А. Цявловский в Смоленском университете // *Рабочий путь (Смоленск).* 1967. 4 апр. С. 3; *Вересаев В.В.* Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 309–315; *Богаевская К.П.* "Я прирожденный библиограф..." // *Сов. библиография.* 1983. № 3. С. 69–70; М.А. Цявловский – член РСДРП (воспоминания о встрече с В.И. Лениным) / Предисл. и подг. публ. А.Д. Зайцева // *Встречи с прошлым.* М., 1984. Вып. 5. С. 139–143; *Фейнберг И.* Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 659–664; *Овчинникова С., Рысина Ф., Светлова Г.* Музей "Квартира Пушкина на Арбате". М., 1989. С. 13–15; *Богаевская К.П.* Слово о М.А. Цявловском. [Предисл. к публ.] // *Пути в неизвестное.* М., 1990. Сб. 22. С. 514–523; *Она же.* Воспоминания о М.А. Цявловском // *Лит. обозрение.* 1991. № 6. С. 102–112; *Пушкин А.С.* "Тень Баркова": Контами-

дователь жизни и творчества А.С. Пушкина. «Около двадцати лет он с исключительным блеском представлял "науку о Пушкине" – активный участник всех научных и массовых изданий произведений поэта, неутомимый организатор различных коллективных работ по собиранию и изучению материалов о жизни и творчестве Пушкина, его рукописей, библиографии его произведений, отзывов критики, воспоминаний о нем. М.А. Цявловский сумел объединить вокруг себя исследователей и популяризаторов литературного наследия Пушкина»². Ученый оставил более 100 работ по пушкинской тематике: текстологические и литературоведческие исследования, статьи, заметки; многочисленные публикации не известных ранее автографов Пушкина, документов, писем, дневников, связанных с Пушкиным и его эпохой³. Они до сих пор не потеряли своей актуальности, благодаря высокой научной культуре, богатству фактического материала, точности и аргументированности каждого факта. О признании трудов М.А. Цявловского в науке свидетельствует издание некоторых из них в последнее время⁴.

Большая часть документального наследия М.А. Цявловского, около 1000 дел, хранится в РГАЛИ, в родовом фонде Цявловских (Ф. 2558. Оп. 1–2. 2491 д.)⁵. Материалы, вошедшие в первую опись (Д. 1–441), были переданы в ЦГАЛИ вдовой ученого, Татьяной Григорьевной Цявловской, в 1969–1970 гг., во вторую (Д. 1–2050) – ею же в 1978 г., а после ее смерти К.П. Богаевской – в 1979–1981 гг.⁶

Состав материалов, связанных с работой Цявловского по Пушкину, в фонде РГАЛИ разнообразен. Это – рукописи и машинописные тексты исследований, статей, заметок, публикаций, рецензий, комментариев ученого и подготовительные материалы к ним; черновики и стенограммы его лекций, выступлений; дневники; обширнейшая переписка по пушкинской тематике, а так же документы служебной и общественной деятельности Цявловского, материалы о нем (воспоминания, рецензии на его работы), фотографии, рисунки.

Самые ранние исследования по пушкинской тематике – три студенческие работы М.А. Цявловского (1907–1910 гг., автографы, в том числе черновые): "Биография Пушкина" (Оп. 2. Д. 1), "Байронизм Пушкина" (Оп. 2. Д. 2), "Народность у Пушкина" (Оп. 2. Д. 6–8). Они не известны читателям, но методы его подхода к освещаемым проблемам сформировались уже тогда. В их разработке он превыше всего ценил точные и выверенные данные, тщательно собранные и строго отсеянные факты, подлинные свидетельства мемуаристов и неопровержимые показания архивов.

В диссертации 1910–1911 гг. "Князь П.А. Вяземский и его отношение к Пушкину" (Оп. 2. Д. 9–11) М.А. Цявловский определил основные проблемы пушкиноведения – отсутствие у исследователей действительно полного Собрания

нированная редакция М.А. Цявловского в сопоставлении с новообнаруженным списком 1821 г. / Предисл. и подг. публ. Е. Шальмана // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 133–157; *Шмидт С.О.* Классика отечественной археологии // Материалы к "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина. 1826–1837: Картотеки М.А. и Т.Г. Цявловских. М., 1998. Т. 1. С. 7–12; *Михайлова Н.И.* Пушкинисты Мстислав Александрович и Татьяна Григорьевна Цявловские // Там же. С. 13–17; *Гарбер Е.В.* Судьба незавершенного труда: Работа М.А. и Т.Г. Цявловских над "Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина" // Там же. С. 18–23; *Она же.* Предисловие // Там же. С. 24–27; и др.

² *Бонди С.М.* Указ. соч. С. 3.

³ Библиография трудов М.А. Цявловского / Сост. Т.Г. Цявловская // *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. С. 409–419.

⁴ Материалы к "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина". 1826–1837: Картотеки М.А. и Т.Г. Цявловских; в издательстве "Новое литературное обозрение" готовится к печати книга М.А. и Т.Г. Цявловских "Вокруг Пушкина".

⁵ Фонд содержит документы пяти поколений Цявловских, в том числе материалы Т.Г. Цявловской. Ссылки на материалы фонда даются в тексте.

⁶ ЦГАЛИ СССР: Путеводитель. М., 1982. Вып. 5. С. 256–257.

сочинений, достойной биографии Пушкина – и начал разработку биографии поэта, справедливо полагая, что "полной биографии нашего великого поэта нельзя написать раньше, чем будут написаны биографии тех из его современников, с которыми он находился в более или менее тесных отношениях" (Оп. 2. Д. 10. Л. 4).

Идею исследования архива А.М. Горчакова подал М.А. Цявловскому Ю.Г. Оксман. В ноябре 1928 г. Оксман писал: «Вчера я познакомился с частью архива Горчакова, где оказалось полтора десятка неизвестных автографов Пушкина, много новых стихов и вариантов "Монаха", о которых мы знали только по названию, громадная тетрадь лицейских авторов, десятки неизвестных стихов Дельвига...» (Оп. 1. Д. 133. Л. 9). В РГАЛИ сохранилось описание материалов "Архив А.М. Горчакова. Т. 1. Литературные материалы" (1929) с примечаниями и комментариями М.А. Цявловского. Работа не была окончена (Оп. 2. Д. 73–76). Сохранились также описание рукописных сборников стихов Пушкина из собрания В.Е. Якушкина (Оп. 2. Д. 78) и описание рисунков Пушкина, хранящихся ныне в РГБ, ИРЛИ, РНБ, выполненное в 1935–1937 гг., в сотрудничестве с Л.Б. Модзалевским и Т.Г. Цявловской (Оп. 2. Д. 123–125).

Исследование М.А. Цявловского "История рукописей Пушкина" – крупная работа объемом 10 печ. л. (Оп. 2. Д. 100–115). Написана она при участии Т.Г. Цявловской в 1933–1937 гг.; опубликована лишь частично⁷. В фонде имеется машинопись трех глав исследования и их вариантов, черновые наброски и выписки из литературы и архивных источников, материалы для приложений. Работа рассказывает о судьбе рукописного наследия Пушкина. По замыслу авторов все рукописи разделены на две группы: тексты, написанные Пушкиным для себя; и предназначенные для других, так как именно характер рукописи определял ее историю: "В то время как рукописи первой категории оставались у Пушкина до его смерти, рукописи второй категории уже при его жизни разошлись по многим частным лицам и государственным учреждениям" (Оп. 2. Д. 103. Л. 3). В соответствии с этим был разработан и план работы. В первую главу вошли творческие рукописи Пушкина 1815–1837 гг.; во вторую – рукописи, разошедшиеся по разным лицам и учреждениям еще при жизни Пушкина; третья глава – история творческих рукописей после смерти А.С. Пушкина (Оп. 2. Д. 100–107). Сохранились также приложения к исследованию (Оп. 2. Д. 108–115): наброски списков произведений А.С. Пушкина, списки владельцев рукописей Пушкина; картотека автографов Пушкина и их владельцев; схема распределения рукописей Пушкина, бывших в его кабинете в день смерти, по частным лицам и государственным хранилищам (Оп. 2. Д. 109. Л. 13); список рукописей, ошибочно считавшихся автографами Пушкина – это единственное свидетельство в фонде большой работы по псевдопушкиниане, которой Цявловский занимался всю свою жизнь, и результаты которой после смерти М.А. и Т.Г. Цявловских были переданы в ИРЛИ К.П. Богаевской (Оп. 2. Д. 105. Л. 131–149).

М.А. Цявловский первый в истории пушкиноведения стал выявлять и изучать списки вольнолюбивых стихотворений Пушкина, ходивших по рукам его современников. Им было задумано и самостоятельное исследование "Политическая лирика Пушкина 1817–1820 гг." ("Политические стихотворения Пушкина")⁸. Работа над ним началась в 1939 г., но не была закончена: написаны лишь отдельные главы, посвященные полному литературоведческому анализу оды

⁷ Материалы исследования вошли в статьи М.А. Цявловского: Судьба рукописного наследия Пушкина // Вестн. АН СССР. 1937. № 2–3. С. 109–127; Судьба рукописного наследия Пушкина // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. С. 260–275; Посмертный обыск у Пушкина // Там же. С. 276–334.

⁸ Это было важно и при работе по подготовке в середине 1930-х годов академического Полного собрания сочинений Пушкина.

"Вольность", "Деревни", некоторым стихотворениям Пушкина (Оп. 2. Д. 152–159). Фрагменты исследования опубликованы⁹.

В последние годы жизни Цявловский работал над темой "Пушкин и Отечественная война 1812 г." Сохранились черновики, планы, наброски отдельных глав исследования, выписки из источников и литературы (Оп. 2. Д. 196–199). Основная идея исследования – описать эти годы в жизни Пушкина. Оно включало исторические и литературоведческие главы. Первые три главы должны были по замыслу автора погрузить читателя в историческую обстановку тех лет, где ход событий, их восприятие воссозданы по официальным документам, воспоминаниям и дневникам современников. Литературоведческие (задумывалось четыре главы) должны были от изучения литературных направлений через анализ творчества лицеистов привести читателя к особенностям творчества Пушкина того времени (Оп. 2. Д. 196. Л. 6–7). Вспомогательные материалы к исследованию представлены двумя картотеками участников войны 1812 г. (Оп. 2. Д. 199).

Фонд Цявловских в РГАЛИ содержит исследования М.А. Цявловского по истории России, генеалогии, истории искусств. Некоторые из этих работ взаимосвязаны с трудами по пушкиноведению. Таковы два небольших исторических исследования "Декабристы" конца 1910-х годов (Оп. 2. Д. 31) и "Военные поселения и бунт 1831 года" 1940-х годов. (Оп. 2. Д. 180).

Генеалогия и генеалогические изыскания для Цявловского еще одна возможность углубленно рассмотреть биографию того или иного лица: проследить принадлежность его рода к определенному сословию, определиться в вопросе расового происхождения, проследить родство с выдающимися деятелями России. В РГАЛИ сохранилась Генеалогическая таблица родов Пушкиных-Ганнибалов (Оп. 2. Д. 34); Поколенная роспись рода Пушкиных (Оп. 2. Д. 35); Поколенная роспись потомства Пушкина в СССР (по данным на декабрь 1925 г., июнь 1935 г.) (Оп. 2. Д. 60).

За свою жизнь М.А. Цявловский написал и опубликовал около 80 статей и заметок, посвященных Пушкину. Это и крупные статьи в специальных сборниках, и небольшие сообщения для журналов, газет, заметки для словарей и энциклопедий. В РГАЛИ сохранилась лишь небольшая их часть. Статьи, как правило, составляют самостоятельные дела, заметки сгруппированы по тематическому признаку.

Из ранних статей М.А. Цявловского, отложившихся в РГАЛИ отметим его первую печатную работу "Пушкин и английский язык" (Оп. 2. Д. 3–5, автограф, гранки, 1911–1914 гг.) и статью "Попытки Пушкина уехать из России" (Оп. 2. Д. 20, автограф), под другим названием – "Тоска по чужбине у Пушкина" она была опубликована в 1916 г., затем вошла в сборник "Статьи о Пушкине" 1962 г. Интересен метод этих работ ученого, который лег в основу многих других его трудов – он выражается в стремлении дать окончательное решение важной проблемы, уже поставленной, но еще полностью не решенной пушкиноведением.

Цявловский не раз возвращался в своих статьях и заметках к уже сформулированным им ранее проблемам. Таковы статьи и заметки "Николай I в преддуэльной истории" (1921), "Дуэль и смерть Пушкина в свете новых данных" (1931), "Судьба рукописного наследия Пушкина" (1936), "Пушкин в Лицее" (1937), "Пушкин и Мицкевич" (1939), "Бунт 1831 г." (1940) (Оп. 2. Д. 42, 96, 129, 138, 150, 178, черновые автографы).

"Пушкин и Москва" – тема, над которой Цявловский работал в течение всей жизни. Статью с таким названием он начал писать в 1921 г. в Смоленске, именно

⁹ См.: Цявловский М.А. Хронология оды "Вольность"; Представление "Деревни" Александру I (Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. С. 66–81, 365–369).

эта тема стала предметом последнего выступления Цявловского в сентябре 1947 г. Сохранились черновые наброски статьи и интереснейшие рабочие материалы: списки лиц и мест, которые посещал Пушкин в Москве, метеорологические наблюдения сентября–октября 1826 г., хронология коронационных торжеств 1826 г. в Москве (Оп. 2. Д. 49).

Некоторые исследования последних лет жизни Цявловского имеют аналоги в виде статей, так как опубликование материала в таком виде было более вероятным. В РГАЛИ сохранились материалы статьи "Политические стихотворения Пушкина" (Оп. 2. Д. 140), "Пушкин и Отечественная война 1812 г." (Оп. 2. Д. 208). Статьи повторяли план исследований, в них использовались те же источники, формулировались такие же выводы. Только объем работы был значительно меньше. Автору пришлось отказаться от полного цитирования документов, сохранив лишь фрагменты, от подробного анализа историографии вопроса остались лишь краткие ссылки. Тем не менее размер статей остался довольно объемным (около 1,5 печ. л.).

Большинство заметок Цявловского о Пушкине и его эпохе, отложившихся в фонде, опубликованы¹⁰: "Пушкин и графиня Фикельмон" (Оп. 2. Д. 52), "И.В. Малиновский о Пушкине в Лицее" (Оп. 2. Д. 59), "Пушкин – великий поэт-патриот" (Оп. 2. Д. 150) и др. Целые циклы заметок Цявловский писал в 1930-х годах для сборников. Таковы материалы для пушкинского календаря в 1937 г. – "Пушкин в Лицее", "Дело о Гавриладице", "Преддуэльная история" и др. (Оп. 2. Д. 138) и для Путеводителя по Пушкину 1938–1939 гг. (Оп. 2. Д. 148). Сохранились их черновые наброски.

Особо следует отметить материалы для готовившейся публикации "Пушкин в дороге" (1910-е годы): текст публикации, вступительную статью, черновые наброски примечаний (Оп. 2. Д. 26). Они свидетельствуют о начале разработки Цявловским вопроса о путешествиях и переездах Пушкина. Он считал его чрезвычайно значимым, дающим возможность уточнять многие факты биографии поэта.

Наиболее разработанной публикацией в фонде Цявловского, важной и для изучения пушкинской эпохи является "Дневник Долгорукова" (1937), сохранился машинописный вариант публикации, примечания, вступительная статья, а также материалы, собранные для работы: выписки из книг и архивных источников, библиография (Оп. 2. Д. 213–217). В печати работа появилась только в 1951 г., после смерти ученого.

Примечания и комментарии Цявловского, как правило, являются черновиками и черновыми набросками и хранятся в РГАЛИ без основного текста, который должны сопровождать. Это затрудняет их использование исследователями. Таковы комментарии 1928–1935 гг. к отдельным произведениям Пушкина (Оп. 2. Д. 68, 92, 131, 133). Комментарии 1930-х годов к собраниям сочинений поэта представлены автографами М.А. и Т.Г. Цявловских и содержат описание рукописных сборников стихотворений Пушкина (Оп. 2. Д. 164–166).

Большинство отзывов и рецензий М.А. Цявловского, посвященных пушкинской тематике, относятся к 1920–1940-м годам, после того как он уже приобрел авторитет прекрасного знатока Пушкина и пушкинианы. Практически все они являются черновиками, некоторые написаны Т.Г. Цявловской или Н.Г. Антокольской (секретарь Цявловского) под диктовку. Сохранились отзывы-характеристики Цявловского об отдельных людях, их заслугах перед наукой: в отзыве 1940 г. он оценивал Б.В. Томашевского, как блестящего текстолога, археографа, редактора произведений классиков (Оп. 2. Д. 661); в ответах на отзывы Н.О. Лернера, Б.В. Томашевского о своих работах, М.А. Цявловский

¹⁰ См.: Библиография трудов М.А. Цявловского. С. 409–412.

полемиически отстаивал и обосновывал выработанные им принципы и методы подхода к материалу (Оп. 2. Д. 17, 118).

В отзывах и рецензиях на научные работы И.Э. Грабаря, Н.В. Богословского, П.Е. Щеголева¹¹, В.Т. Базанова, Г.Э. Лейтнекера; художественные произведения В.В. Вересаева, Б.А. Вадецкого, И.А. Новикова, Б.В. Казанского; театральные постановки и сценарии фильмов, проекты памятников М.А. Цявловский предельно резок и критичен. Прекрасное знание эпохи позволяло ему видеть даже мелкие недочеты и промахи, и это делало его отзывы особенно полезными для авторов, а его рекомендация к печати говорила о высоком классе произведения (Оп. 1 Д. 229; Оп. 2. Д. 67, 118, 127, 128, 141, 192, 200). В рецензии о фильме Е.В. Червякова и В.Р. Гардина "Поэт и царь" (1927) Цявловский писал: «Нужно отдать справедливость авторам сценария, отнеслись они к своей задаче с поразительным неизменяемым легкомыслием, количество, выражаясь деликатно, "отступлений" от истории, на мой взгляд, превосходит самую высокую норму допустимых даже в кинематографических интерпретациях прошлого» (Оп. 2. Д. 64. Л. 4, черновой автограф); он резко раскритиковал и трактовку исторических образов актерами.

В фонде так же сохранились критические статьи и отзывы литературоведов на работы Цявловского. Эти отзывы не публиковались. Они являются рекомендациями к печати его работ (Оп. 2. Д. 677, 678). Так, Л.Б. Каменев в отзыве 1933 г. о сборнике "Рукописи Пушкина" писал: «Прочел и просмотрел обе папки "Рукописей Пушкина", представленных Цявловским и должен признать работу в целом замечательной по ценности материала, по тщательности выполнения, по возможному значению для русской литературы» (Оп. 2. Д. 677. Л. 2). Каменев особо отметил транскрипция и комментарии к тексту, несколько сухо, но содержательную вступительную статью Цявловского, рекомендовал данную работу к печати. Сохранился машинописный текст отзыва с подписью Л.Б. Каменева и письмо из издательства "Academia" на фирменном бланке о готовности издательства заключить договор и напечатать работу (Там же. Л. 1)¹².

Ранние доклады (лекции) М.А. Цявловского, как правило, основательно проработаны. Всегда имеется полный текст выступления или хотя бы его конспект. Таковы курсы лекций "История пушкиноведения" и "Пушкин и его время", прочитанные в Нижегородском университете в 1916–1919 гг. (Оп. 2. Д. 225–227). Текст последнего в жизни доклада М.А. Цявловского "Пушкин в Москве", прочитанного на заседании по поводу 800-летия Москвы 9 сентября 1947 г., сохранился полностью (Оп. 2. Д. 277) и был позднее опубликован¹³.

Лекции, доклады, выступления 1920–1940-х годов являют собой совершенно противоположную картину. Большинство выступлений тех лет остались ненаписанными. М.А. Цявловский подробно разрабатывал только план выступления, список используемых источников и литературу. Сохранилась целая группа таких разработок Цявловского. Среди них доклады 1925–1928 гг. "Щеголев – пушкинист", "Модзалевский – пушкинист" (Оп. 2. Д. 236), доклады о Пиксанове и Сакулине, представленные в Пушкинской комиссии в 1928–1929 гг. (Оп. 2. Д. 239), а также курс лекций "История русской литературы 19 в." (Оп. 2. Д. 266) и "1812 г. в художественной литературе" (Оп. 2. Д. 273, сохранился только фрагмент введения), которые ученый читал в Ташкенте в 1942–1943 гг.

¹¹ См. рец. М.А. Цявловского на кн.: *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина // Печать и революция. 1928. № 4. С. 187–188.

¹² См.: Каменевская пушкиниана. 1933 г. / Предисл. и публ. В.В. Крылова, Л.Ф. Кадика // ИА. 1999. № 3. С. 25–37.

¹³ Пушкин в Москве: Реферат доклада // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1947. Т. 6, вып. 5. С. 533–534; Пушкин в Москве: Доклад // Октябрь. 1994. № 6. С. 184–189.

Упоминания о занятиях Пушкиным встречаются у Цявловского в ранних дневниках (Оп. 2. Д. 278, 281). Первое из них: «15 апреля [1900 г.] сел писать, вернее, списывать... сочинение на тему "Под какими литературными явлениями развивалась поэтическая деятельность Пушкина"» (Оп. 2. Д. 278. Л. 6). Существует дневник о поездке М.А. Цявловского в 1924 г. в Михайловское (Оп. 2. Д. 283)¹⁴. С 1933 г. дневники М.А. Цявловского превращаются в строгий календарь записей, в который ежедневно записываются встречи, поездки, доклады, научная работа (от посещения библиотек до правок корректур, написания отзывов), все предельно коротко, строго. Они ведутся в тетрадях и представлены автографами самого Мстислава Александровича и его жены (Оп. 2. Д. 286–288). Сведения дневников дополняются, иногда дублируются "Календарями работ с дневниковыми записями" 1933–1941 гг. (Оп. 2. Д. 287–292). Здесь отражен процесс создания "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина".

Эпистолярное наследие М.А. Цявловского является самостоятельной темой и по объему требует отдельного исследования. К сожалению, его переписка не издавалась. Переписка – наибольшая по объему группа документов в фонде – 499 дел за 1898–1947 гг. Писем Цявловского, сохранившихся в черновиках, копиях, подлинниках, насчитывается около 108 дел; писем Цявловскому – 391. Деловая переписка с издательствами, редакциями журналов и газет незначительна.

Среди писем, посвященных пушкинской тематике, письма пушкинистов, литературоведов, с которыми его связывали не только общие научные интересы, но зачастую, и близкие дружеские отношения. С Борисом Львовичем Модзалевским М.А. Цявловский вел переписку с января 1912 г., еще до личного знакомства (Оп. 1. Д. 115). Она сохранила деловой характер на протяжении последующих 15 лет. Модзалевский писал Цявловскому о своих планах работ по пушкинской тематике, просил присылать новые работы, давал рецензии на них, сообщал о находках и даже спрашивал совета.

Переписка М.А. Цявловского с Н.О. Лернером началась в январе 1914 г. Сохранились шесть писем Н.О. Лернера (Оп. 1. Д. 106, автографы). Но полноценного сотрудничества не получилось. Связано это, прежде всего, со скандальной, злобной рецензией Лернера на первую книгу Цявловского (совм. с Н.А. Синявским)¹⁵.

Годы переписки связывали М.А. Цявловского и В.Д. Бонч-Бруевича. Комплекс писем последнего – один из самых крупных в этой группе фонда – 91 письмо на бланках Государственного Литературного музея и личных бланках В.Д. Бонч-Бруевича (Оп. 1. Д. 46; Оп. 2. Д. 397, машинопись с подписью автора). В письме от 20 мая 1935 г. он писал о необходимости отпраздновать пушкинский юбилей не только публикациями, но и большой выставкой, "которая должна быть именно в Москве, и которую надо начинать делать именно сейчас" (Оп. 1. Д. 46. Л. 45–45 об.).

Писем Юлиана Григорьевича Оксмана М.А. Цявловскому так же 91 (Оп. 1. Д. 133–136). Первое письмо датируется 29 марта 1928 г., последнее – 23 октября 1936 г., т.е. отправлено незадолго до ареста Оксмана¹⁶. Письма Оксмана к Цявловскому в основном касаются вопросов их совместной деятельности по изданию, редакции, комментированию собраний сочинений Пушкина (Оп. 1. Д. 134), организации издания пушкинской энциклопедии (Оп. 1. Д. 135).

¹⁴ Цявловский М.А. Поездка в Михайловское / Предисл. и публ. С. Панова // Новое лит. обозрение. 1999. № 37. С. 151–172.

¹⁵ Синявский Н.А., Цявловский М.А. Пушкин в печати 1814–1837 гг.: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. М., 1914.

¹⁶ Азадовский К. Письма ученых как зеркало эпохи [Предисловие] // Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. 1944–1954. М., 1998. С. 11.

Ю.Г. Оксман сообщает про постановление о создании Московского филиала Пушкинской комиссии, в бюро которого вошел М.А. Цявловский вместе с Г.О. Винокуром и Н.Ф. Бельчиковым (Оп. 1. Д. 134. Л. 13 об.).

Письма Сергея Михайловича Бонди, адресованные М.А. и Т.Г. Цявловским, представлены автографами (Оп. 2. Д. 396). Писем мало – 11. Это обусловлено тем, что оба ученых жили в Москве, много общались, Бонди был частым гостем у Цявловских. Необходимость в письмах возникала лишь в периоды длительных отъездов из Москвы. Самые драматичные письма относятся к военному времени, Цявловские эвакуировались в Ташкент, Бонди остался в Москве. Одно из них (от 2 ноября 1941 г.) повествует об истории рукописей некоторых исследований Цявловского: «Я упаковал в ящики (3 ящика) и послал... "Материалы пушкинской группы". Перечислю все, что я туда упаковал: Летопись жизни и творчества Пушкина (35 пачек), Академическое издание Пушкина (96 пачек), Путеводитель по Пушкину (4 пачки), Цявловский М. История рукописей (1 пачка), Цявловский М. Дневник Долгорукова (1 пачка) [...] Я долго колебался, отправлять ли все это или безопаснее оставить в Москве. Наконец решил отправить, кто его знает, что будет с институтом и вообще Москвой» (Оп. 2. Д. 396. Л. 15–16).

Однако переписка М.А. Цявловского не ограничивается только кругом ученых-пушкинистов. Ряд корреспондентов Мстислава Александровича извещают его о неопубликованных материалах о Пушкине. А.И. Белецкий – известный украинский литературовед, пишет об обнаруженном им в Государственном историческом архиве в Харькове неизвестном письме Пушкина и о портрете А.О. Смирновой (Оп. 1. Д. 39). П.И. Доброхотов сообщает о списке стихотворения "Царь Никита", просит, по возможности, опубликовать его и сообщить о месте публикации. Это письмо связано с интересом Цявловского к нецензурной лирике Пушкина (Оп. 1. Д. 98). К этой же группе относятся письма Л.В. Михайловой (Оп. 1. Д. 114), Е.И. Шведера (Оп. 1. Д. 214), А.А. Назаревского (Оп. 1. Д. 123), А.П. Савельева (Оп. 1. Д. 160).

В ряде писем излагаются сведения, необходимые Цявловскому для комментариев к сочинениям Пушкина. Востоковеды Ю.Н. Марр и Е.Э. Бертельс в письмах 1931 г. сообщают об отрывке стихов Саади, приводимом Пушкиным (Оп. 1. Д. 43, 109). Информацию о зарубежной пушкинской историографии М.А. Цявловский получал из писем Лесли Блэнш (на англ. языке), А.М. Глаголевой, С.Я. Забелло (Оп. 1. Д. 45, 64, 91).

О своих работах, посвященных Пушкину, уже вышедших в свет или готовящихся к печати, М.А. Цявловскому писали П.Н. Берков, Б.В. Нейман, М.Д. Семенов-Тянь-Шанский, М.П. Самарин. Многие авторы просили его высказать своё мнение о произведениях, дать письменный отзыв, порекомендовать литературу для работы (Оп. 1. Д. 42, 125, 167, 172).

М.А. Цявловский переписывался и с потомками Пушкина. В фонде сохранилось письмо внучки Пушкина Софьи Николаевны Данилевской (Оп. 1. Д. 81).

Деловая переписка М.А. Цявловского с издательствами, редакциями журналов и газет, научными обществами связана с вопросами издания произведений Пушкина, публикацией работ Цявловского на страницах разных изданий, получения гонораров за издания. Документы подобного рода он получал из общества друзей заповедника "Пушкинский уголок", Главнауки, Государственной академии художественных наук (Оп. 1. Д. 225).

Естественно, большая часть писем М.А. Цявловского находится в фондах других лиц и учреждений. Отличительной особенностью писем Цявловского, сохранившихся в составе фонда в РГАЛИ, является официальный характер основной их части. Это черновики или машинописные копии писем Цявловского, отправленные должностным лицам, или в качестве должностного

лица. Сохранились черновик официального письма М.А. Цявловского Юрию Николаевичу Тынянову от 15 апреля 1937 г. о юбилейном издании Собрания сочинений Пушкина (Оп. 1. Д. 27), машинописная копия письма 31 марта 1938 г. в редакцию русской литературы Государственного издательства художественной литературы на имя П.И. Лебедева-Полянского (Оп. 2. Д. 300).

Письма М.А. Цявловского знакомым литературоведам также имеют свою особенность. Это, как правило, ответы, в которых он откликается на поставленные в письмах вопросы, советует литературу и источники В.Д. Бонч-Бруевичу – Оп. 1. Д. 3; Оп. 2. Д. 304; Л.Э. Бухгейму – Оп. 1. Д. 4; Б.Л. Модзалевскому – Оп. 1. Д. 16; Оп. 2. Д. 335.

В фонде имеются договоры М.А. Цявловского с издательствами, театрами за 1935–1938 гг. (Оп. 2. Д. 605–607, машинопись с подписью должностного лица). Среди них: договор с издательством Академии наук от 22 февраля 1938 г. об издании и переиздании текста лицейской баллады Пушкина "Тень Баркова" и примечаний к ней тиражом в 35 тыс. экз. и о гонораре за работу. (Оп. 2. Д. 605. Л. 23–24); приглашение Цявловского в Московский Реалистический театр для консультаций по написанию пьесы "Евгений Онегин" (Оп. 2. Д. 605. Л. 41).

Представлены в фонде и материалы общественной деятельности М.А. Цявловского – по истории создания и работе Пушкинской комиссии при секции "Старая Москва" Общества изучения Московской губернии 1929 г. (Оп. 2. Д. 621). Особое место занимают документы, связанные с его работой во Всесоюзном пушкинском комитете по подготовке и проведению 100-летнего юбилея со дня смерти Пушкина в 1937 г.

Круг документов, собранных ученым, позволяет проникнуть в его творческую лабораторию, понять методы его работы: как он делал архивные выписки, систематизировал их, рабтал с историческими источниками, какие материалы привлекал для исследования.

Из материалов Пушкина и о нем, собранных М.А. Цявловским, следует, прежде всего, отметить список стихотворения Пушкина "Ноэль на лейб-гусарский полк", сделанный П.И. Бартеневым в 1850-х годах и тетрадь Бартенева с копиями писем Пушкина к П.В. Нащокину и писем П.А. Вяземского А.Я. Булгакову о дуэли и последних днях жизни А. Пушкина. К Цявловскому эта тетрадь попала в 1925 г. (Оп. 2. Д. 1715). Несомненный интерес представляют воспоминания А.П. Араповой "Наталья Николаевна Пушкина-Ланская", подготовленные к печати и прокомментированные М.А. Цявловским. Сохранилась рукопись воспоминаний 1907–1908 гг. (Оп. 2. Д. 1702, 1703). Включены также работы о Пушкине разных авторов, подаренные Цявловскому. Таковы стихотворения 1930-х годов П.Г. Антокольского, М.Ю. Авиновой (Оп. 1. Д. 232, 233, автографы). Свои исследования о Пушкине Цявловскому присылали В.Я. Брюсов, В.Ф. Ходасевич, А.А. Ахматова (Оп. 1. Д. 234, 235; Оп. 2. Д. 1825). Особый интерес представляет работа В.Ф. Ходасевича "Явление музыки", которая была написана для одного из выпусков "Московского пушкиниста" в 1918–1922 гг., но не опубликована (Оп. 2. Д. 1825).

Среди изобразительных материалов с работой М.А. Цявловского по Пушкину связаны присланные ему из ИМЛИ в 1940 г. фоторепродукции каталога Пушкинской выставки в Париже в 1937 г. ("Centenaire de Pouchkine 1837–1937", exposition "Pouchkin et son époque"). Сюда вошли фоторепродукции портретов Н.Н. Гончаровой, М.А. Щербинина, В.А. Жуковского, а также залов выставки. Название каждой фотографии дано на оборотной стороне по-французски (Оп. 2. Д. 1951). Кроме того, в фонде имеется гравюра П.К. Константинова (1830–1890) "Портрет А.С. Пушкина" (Оп. 2. Д. 1916), сохранившийся портрет является отпечатком с оригинальной авторской доски, гравирован по типу известного портрета О.А. Кипренского, находящегося в Третьяковской галерее.

В фонде Цявловских в РГАЛИ сосредоточен значительный комплекс материалов М.А. Цявловского по пушкиноведению, важный не только для изучения проблематики, которой занимался ученый, его методов и подходов, но и для исследования эпохи, в которой он жил, его места в научном мире. Свою задачу как исследователя М.А. Цявловский видел в том, чтобы обогащать науку объективными, независимыми от точки зрения самого исследователя, тщательно проверенными фактами. Благодаря этому Цявловский стал превосходным текстологом, библиографом, мастером публикации; его работы по методам и принципам могут считаться образцовыми, сделанные им наблюдения актуальны и по сей день.

Пушкиноведение в наши дни продолжает интенсивно развиваться. Не ослабевает интерес к изучению жизни и творчества А.С. Пушкина, открываются новые факты, расширяются знания о Пушкине и его эпохе. С этих позиций считается, что данные о Пушкине, доступные в период научного творчества Цявловского, не полны. Но современники ученого говорили иначе: "М.А. Цявловский ...знает о Пушкине все. Чего он не знает, того уже никто не знает"¹⁷.

РАЗГОВОРЫ О ПУШКИНЕ

(Два эпизода из литературной жизни начала 1930-х годов)*

Мемуары Н.Г. Чулковой¹, равно как и собрание писем Иванова-Разумника² к М.М. Пришвину, еще ждут своего издателя. Возможно, поэтому, публикуемые ниже тексты привлекут внимание филологов и историков в качестве "информации к размышлению".

Так, отрывок из воспоминаний Н.Г. Чулковой может послужить для кого-то ключиком в поисках упоминаемых в нем записей сокровенных бесед о Пушкине. А строки Иванова-Разумника, несомненно, привлекут внимание "беловедов". В любом случае, перефразируя народную мудрость, можно сказать: на юбилейном пушкинском пиру всяк дар в строку.

Если имена адресата и оппонента Иванова-Разумника в дополнительном представлении не нуждаются, то о его занятиях пушкинистикой необходимо сказать несколько слов. Помимо страниц, посвященных Пушкину в широко известной "Истории русской общественной мысли", перу Иванова-Разумника принадлежит одна из первых комментаторских работ "Евгения Онегина", опубликованная сначала в пушкинском Собрании сочинений под редакцией С.А. Венгерова (СПб., 1909. Т. 3), а затем вышедшая отдельным изданием в серии "Историко-литературная библиотека" (СПб., 1911), и пятый том Собрания сочинений Иванова-Разумника "Пушкин и Белинский: Статьи историко-литературные" (СПб., 1916)³.

Публикуемый ниже фрагмент из письма Иванова-Разумника к М.М. Пришвину от 30 января 1934 г. извлечен из необработанного фонда, последнего, в

¹⁷ Вересаев В.В. Указ. соч. С. 309.

* Выражаем благодарность А.И. Серкову, Л.А. Рязановой и М.А. Рашковской за предоставленную возможность ознакомиться с данными архивными материалами.

¹ Чулкова Надежда Григорьевна (урожденная Петрова, в первом браке Степанова; 1875–1961) – жена Георгия Ивановича Чулкова, его деятельная помощница и муза, – занималась литературным и историко-архивным трудом. Она выступала в печати как переводчица Э. Верхарна и А. Франса, составила неопубликованный некрополь Оптиной пустыни. Ее воспоминания хранятся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1) и полностью еще не публиковались.

² Псевдоним литературного критика и публициста Разумника Васильевича Иванова (1878–1946).

³ См.: Иванов-Разумник: Биобиблиография / Сост. Я.В. Леонтьев // Библиография. 1993. № 3. С. 64–73.

РГАЛИ, пока еще не доступного исследователям. В общей сложности в архиве Пришвина находится более 220 посланий его ближайшего друга Иванова-Разумника, которые со временем станут подлинной сенсацией, как это случилось после опубликования тома превосходной переписки Андрея Белого и Иванова-Разумника (СПб.: Atheneum/Феникс, 1998).

Я.В. Леонтьев

Из воспоминаний Н.Г. Чулковой

Кажется в 1932 (или 33) году^{1*} несколько писателей-пушкинистов стали собираться для беседы о Пушкине. Собирались раз в неделю вечером по очереди у каждого из участников этого кружка. Это были все наши соседи: Цявловский Мстислав Александрович, Гроссман Леонид Петрович, Новиков Иван Алексеевич, Вересаев Викентий Викентьевич, артист Художественного театра Василий Васильевич Лужский и Юрий Никандрович Верховский. Только один Верховский жил далеко от нас – в Каретной Садовой, а остальные приходили к нам пешком. Читали "Евгения Онегина". Разговаривали о Пушкине, об особенностях его творчества, о его темах, его философии, мировоззрении и т.п. Каждый освещал по-своему тот или иной вопрос и это вызывало много споров. Беседы были очень оживленны и не бесплодны. Вересаев особенно горячо относился к высказываниям товарищей. Он предложил вести записи этих бесед (я уверена, что вдова Вересаева, М.Г. Сидович, сохранила эти записи) [*подстрочное примечание Н.Г. Чулковой*]. Беседы затягивались до утра. Перед беседой предлагался ужин, причем в этом ужине по программе должно было быть какое-нибудь оригинальное блюдо, смотря по фантазии хозяина.

Не знаю как было у других, а у нас Г[еоргий] И[ванович]^{2*} не доверял мне инициативу исполнения этого номера и сам покупал угощение, стараясь удивить своей выдумкой. Однажды он притащил мне за ноги огромного краба, которого я с трудом поместила в большой рыбный котел, чтобы сварить его. Все ахнули, увидев на столе это красное чудовище.

Участники этих собраний были сфотографированы в квартире В.В. Лужского. Теперь, когда я это пишу, четверо из них уже умерли – Цявловский, Вересаев, Лужский и Чулков^{3*}.

ОР РГБ. Ф. 371. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 197–198. Авторизованная машинопись.

Отрывок из письма Иванова-Разумника М.М. Пришвину

30 января 1934 г.

Пушкин и Гоголь – величайшие полярности, мировоззрительные и литературные, но Белинский и АП. Григорьев надполярно оценили творчество и того и другого. В наших масштабах – я про себя нескромно думаю, что я сумел оценить Пришвина и Белого; по крайней мере, лучшими своими статьями за все 30 лет работы считаю свои статьи о Пришвине (в сборнике "Творчество и критика") и о Белом (в сборнике "Вершины"). К этому прибавлю еще Блока и свою статью о его "Двенадцати"^{4*}.

Но тут открою Вам один свой секрет, который как-то к случаю открыл и Белому (а он не обиделся. Белый с женой жил у нас целый год (Вы помните) и писал исследование о Гоголе (замечательное!), читая его нам с В[арварой] Н[иколаевной]^{5*} главу за главой по мере написания^{6*}. У меня бывало много возражений, иной раз острых; кое с чем он соглашался и исправлял, кое-что отстаивал до конца. Как-то раз за вечерним чаем вспыхнул жаркий бой: Белый, весь "огоголенный", вдруг опрокинулся и всею яростью (а в ярости он бывал великолепен) на прозу Пушкина, считая ее мертвой, сухой, безжизненной – и

восторгаясь ритмически певучей и образной фразой Гоголя. Я принял вызов и у нас состоялась своеобразная дуэль, при наших женах-секундантах: каждый из нас должен был прочесть вслух страницу прозы "своего" автора, а потом честно признаться в своем впечатлении. Он выбрал первую страницу "Страшной мести", построенную на сложнейшей ритмике, и прочитал ее, как только он умел читать. Я всецело признал то, чего никогда и не отрицал: изумительнейшее мастерство! но честно признался: оно оставляет меня внутренне холодным; восторгаюсь я им от ума, а не от чувства. Потом я выбрал (наугад) страницу из "Пиковой Дамы", разговор Германа с Лизой после смерти старухи-графини. И на этот раз – представьте! – Белый, как громадный художник, был потрясен простотой, силой, величавостью сцены; какие простые приемы и какое проникновение! Он честно признал себя побежденным и взял назад все свои нападки на прозу Пушкина. – Тут-то к слову я и открыл ему свой секрет, который никому не открывал, а теперь второму открываю Вам: для меня Белый – безмерно усложненный Гоголь наших дней (говорю о прозе); я изумляюсь, восторгаюсь, изучаю его слово за словом, даже букву за буквой (в статье о "Петербурге" в сборнике "Вершины), – но все это мне, в конце концов, враждебно, как, между нами говоря, и весь Гоголь^{7*}.

РГАЛИ. Ф. 1125 (М.М. Пришвина). Не обработан.

Примечания

- ^{1*} Очевидно мемуаристка ошибочно сместила эти встречи на более позднее время, так как упомянутый здесь В.В. Лужский (наст. фамилия Калужский) скончался в 1931 г.
- ^{2*} Следует отметить, что участие в беседах не прошло для Чулкова даром, и вылилось в создание книги "Жизнь Пушкина" (М., 1938).
- ^{3*} Г.И. Чулков умер в 1939 г., В.В. Вересаев – в 1945 г., М.А. Цявловский – в 1947 г. Все трое похоронены на Новодевичьем кладбище. Принимая во внимание годы смерти упоминающихся в отрывке Ю.Н. Верховского (1956) и И.А. Новикова (1959), а также самой мемуаристки, можно датировать время написания воспоминаний между 1947 и 1956 гг.
- ^{4*} Речь идет о статьях "Великий Пан", "Пылающий (Андрей Белый)", "Весть весны" и "Испытание в грозе и буре".
- ^{5*} Иванова Варвара Николаевна (1881–1946) – жена Иванова-Разумника.
- ^{6*} А. Белый и его жена (с 18 июля 1932 г.), К.Н. Васильева, жили у Иванова-Разумника в Детском селе (ныне г. Пушкин) с 10 апреля по 23 июня, и с 7 сентября по 30 декабря 1932 г. Во время этого приезда Андрей Белый работал над книгой "Мастерство Гоголя" (опубликована ОГИЗ ГИХЛ в 1934 г.).
- ^{7*} Письмо было отправлено адресату из Саратова, где Иванов-Разумник отбывал ссылку, и представляло собой отклик на смерть А. Белого 8 января 1934 г.

Л.Д. Агранович

ИЗДАНИЕ "БОРИСА ГОДУНОВА" 1935 г. НА СТОЛЕ В.Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

К 200-летию юбилею А.С. Пушкина в серии "Классика отечественной гуманитарной мысли" вышла книга из собрания трудов знаменитого филолога Григория Осиповича Винокура «Комментарии к "Борису Годунову" А.С. Пушкина»¹ под научной редакцией и со вступительной статьей С.О. Шмидта. Это – перепечатанные текст трагедии Пушкина, подготовленный к публикации Г.О. Винокуром, его статьи и комментарии из седьмого тома ("Драматические

¹ Винокур Г.О. Собрание трудов. Комментарии к "Борису Годунову" А.С. Пушкина. М.: "Лабиринт"; "Брайдес", 1999. 415 с.

произведения") Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, ([М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1935]) и другие работы ученого той же тематики. Издание 1935 г. стало библиографической редкостью, так как этот пробный том Полного собрания сочинений Пушкина не понравился Сталину; последующие тома стали готовить, руководствуясь иными принципами – без самостоятельного значения научных комментариев (без подобных комментариев выходили и последующие полные собрания сочинений поэта).

Весной–зимой 1936 г. седьмой том академического издания, испещренный пометками, со множеством закладок лежал раскрытый на рабочем столе В.Э. Мейерхольда². Тогда шли репетиции "Бориса Годунова", в которых довелось пробовать актерские силы и автору этих строк, а потому видеть и даже держать в руках этот том. Сохранились и недавно изданы их стенограммы, а также воспоминания участников³. Каждый актер вспоминает свое, подробности, детали, краски не повторяются, а дополняют друг друга, и все-таки не исчерпывают темы. Это надо было видеть, слышать, пережить.

К "Борису Годунову" Мейерхольд подступал несколько раз, начиная с 1911 г., а в 1919 г. вышел интересный сборник, включавший режиссерские планы студентов Цеха Мастеров сценических постановок, а также высказывания Пушкина об этой драме, цитаты из его переписки, отзывы современников и список «Что читать о "Борисе Годунове"»⁴. К пушкинским юбилейным дням 1937 г. Мастер готовил спектакль грандиозный (ни до него, ни после эта трагедия в полной мере на сцене осуществлена не была). С Пушкиным у Всеволода Эмильевича, вообще, отношения были особые. В битком набитых залах Ленинграда и Москвы публика заворожено слушала его доклады-лекции: "Пушкин – режиссер", "Пушкин – драматург", рассказ о постановке "Пиковой дамы" в Малеготе – двух-трехчасовой моноспектакль, у рояля сидел Паппе... "Насытить атмосферу чудесной музыки Чайковского озоном еще более чудесной повести Пушкина..."

Времена были страшные. Выстрел в Смольном донесся до репетиционного зала Малого оперного в тот же день, 1 декабря 1934 г. Мейерхольд не мог знать, что последует за убийством Кирова, не знал и о том, что его дни сочтены, что до закрытия театра, до гибели его самого, его жены и музы Зинаиды Николаевны Райх – остались считанные месяцы. Но в этой ужасной атмосфере процессов, арестов – исчезали, обвинялись, гибли близкие ему люди, – он работал, яростно, вдохновенно. По свидетельству его приемной дочери, Татьяны Сергеевны Есениной: "Мейерхольд спасался Пушкиным".

Репетиции "Бориса". В отличие от "Леса" и "Ревизора", Мастер не тронул в пушкинской трагедии ни единой строчки. По академическому изданию 1935 г. вывёрялся текст. Мейерхольд нуждался в самом достоверном – пушкинском варианте, не испорченном ни цензурой, ни другим посторонним вмешательством. Товарищ Мастера по серебряному веку, поэт Владимир Пяст, учил исполнителей читать стихи. "Борис Годунов" написан пятистопным ямбом, правила классического чтения требуют цезуры (паузы, остановки) после второй стопы:

Тебе свою
он милость обещает
И первый сан
по нем в Московском царстве!

² К сожалению, не удалось выяснить, где он хранится.

³ Мейерхольд репетирует: В 2 т. / Сост. и авт. коммент. М.М. Ситковецкая. М., 1993. Т. 2. Спектакли 30-х годов. С. 211–306; Гладков А.К. Мейерхольд. М., 1990. Т. 2. Пять лет с Мейерхольдом. Встречи с Пастернаком; Вахтангов С., Бархин М. Незавершенный замысел // Встречи с Мейерхольдом: Сб. восп. М., 1967. С. 540–579.

⁴ "Борис Годунов" А.С. Пушкина: Материалы к постановке / Под ред. В. Мейерхольда и К. Державина. М., 1919.

Так вот выяснилось, что во всем тексте трагедии, не то, что строчки – цезуры нет случайной. По этим строчкам и цезурам открывались режиссеру все тайны пушкинского письма, в этих торможениях, остановочках, ускорениях таилась духота эпохи, с ее доносами, интригами, страхами, и страсти, и пластика, характерная для мужей Возрождения, всадников, только что соскочивших с коней – мизансцены рождались от цезур.

Мейерхольд вчитывался в комментарии Г.О. Винокура к седьмому тому, находя в них подтверждение собственным мыслям, а может быть и открывал что-то новое для себя. Ученый и режиссер, одинаково влюбленные в Пушкина, шли в своих исследованиях одним путем – по страницам "Истории" Карамзина, письмам Пушкина, вариантам сцен, черновым наброскам. Комментатор облегчал режиссеру его поиск истины, собрав вместе в один том огромный исследовательский материал, словно вся его работа предназначалась Мейерхольду.

"Изучить, забыть, и вспомнить невзначай", – Мастер цитировал кого-то из древних персов. Он говорил: "Я хочу в глазах актера видеть, что он читал" (Подразумевалось, что часто видна одна младенческая голубоватая муть, т.е. ничего человек не читал). В других случаях предостерегал от опасности зарыться в материалах, теориях. Он мог об одной и той же сцене, том или ином характере говорить по-разному в разные дни, в зависимости от того, что требовалось, чтобы поднять именно данного исполнителя на необходимую высоту. И на репетициях возникало чудо рождения образа эпохи, ветер Возрождения шевелил хохолок на затылке, хрипели голоса, кипели страсти, иссушающие, убивающие... Ничего похожего не пришлось мне видеть во всех последующих постановках трагедии⁵.

Мейерхольд говорил: «Я хочу, чтобы мой некролог начинался так: Умер человек, которому не привелось ни сыграть, ни поставить "Гамлета"».

"Борисом Годуновым" и "Гамлетом" должен был открыться новый, невиданный, замечательно приспособленный для откровений Мастера, для актера, для Шекспира и Пушкина, полный воздуха и света, Театр на Триумфальной – творение Мейерхольда, Сергея Вахтангова и Михаила Бархина.

Сбылось только то, что умер, не сыграв, не поставив. Не было ни премьер, ни Театра, ни некролога. Победил страшный, кровавый Театр Сталина. Репрессированным оказался даже этот седьмой том – комментарии, такие важные для Мейерхольда, они показались совершенно ненужными, излишними Сталину.

Тем бережнее листаем нынче эти страницы.

В.А. Плотникова

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА (К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ)

Мысль о создании Словаря языка Пушкина возникла у русских филологов очень давно. Примерно сто лет назад, в 70–80-х годах прошлого века, была предпринята не имевшая успеха попытка составления такого словаря под руководством академика И.И. Срезневского.

20 декабря 1898 г. известный адвокат, театровед и писатель князь А.И. Урусов, напоминая о предстоящем 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина, писал в газете "Биржевые ведомости": "Для изучения поэта, его психологии, его

⁵ Подробнее об этом – в только что завершённых воспоминаниях автора статьи.

темперамента, его гения нужно, между прочим, основательное знание его языка, нужно знать запас слов, как материал его мыслей. Вот почему для Шекспира, Шелли и других давно уже составлены специальные словари. Такие словари дают материал для интереснейших работ о богатстве языка того или другого поэта. Следовало бы предпринять ту же работу для Пушкина".

Предложение Урусова встретили одобрительно, предполагалось напечатать к пушкинскому юбилею первый выпуск словаря (букву А). 5 января 1899 г. он писал А.П. Чехову в Ялту: "Занимаюсь пушкинским словарем. Мне нужны 600 000 осьмушек бумаги. В Пушкине будет около миллиона слов"¹. По данным Словаря в сочинениях Пушкина оказалось 21 330 слов и 544 777 словоупотреблений.

"Я читаю газеты, читаю про словарь Пушкина, – отвечал Урусову Чехов 1 февраля 1899 г. – и, конечно, завидую тем, кто помогает Вам"².

Поэт К.Д. Бальмонт в 1899 г. обратился в Отделение русского языка и словесности Академии наук с просьбой "прийти на помощь ассигнованием небольшой суммы, размером до 200 рублей" на расходы, связанные с составлением карточек и другими подготовительными работами к словарю. Отделение постановило выдать такую сумму. Но... издание словаря не осуществилось.

В 1901–1905 гг. в "Филологических записках" печатались составленные В.А. Водарским "Материалы для словаря пушкинского прозаического языка". В 1904 г. Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности при Московском университете заслушала доклад В.Ф. Саводника о существующих словарях к сочинениям античных и западноевропейских писателей, он доложил комиссии свой план составления пушкинского словаря. Но и это начинание осталось нереализованным.

В 1905 г. дважды на соединенном заседании Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности Академии наук ставился вопрос о составлении словаря (в первую очередь, словаря пушкинских рифм), были даже заслушаны доклады академика А.И. Соболевского (краткий) "План словаря языка А.С. Пушкина" и академика Ф.Е. Корша (подробный) "План исследования о стихосложении Пушкина и словаря пушкинских рифм". Но этим все и ограничилось. Осуществлению планов препятствовало и чрезвычайно медленное издание Сочинений Пушкина, которое должно было стать основой намечаемых словарей.

Следующую попытку составления словаря в 1910 г. сделал С.А. Венгеров, редактор Собрания сочинений Пушкина и руководитель знаменитых литературоведческих семинариев. В 1910 г. вышел уже четвертый том Собрания сочинений Пушкина. Была выработана "Программа составления словаря поэтического языка Пушкина" и к 1920 г., через 10 лет с перерывами, расписано около половины стихотворных текстов Пушкина. Со смертью Венгерова работа прекратилась.

Естественно напрашивается вопрос: а стоило ли возобновлять работу над составлением Словаря, тем более что фактически она еще и не начиналась? Были только планы и наброски отдельных статей. И вообще кому и для чего мог быть нужен словарь Пушкина? Ответом на этот вопрос могут служить следующие высказывания крупнейших поэтов начала XX в. – В.Я. Брюсова и Андрея Белого.

«Понимаем ли мы Пушкина? – спрашивал В.Я. Брюсов. – Большинство ответит, что Пушкин всем понятен в отличие от декадентов и футуристов, и это будет неверно. Для среднего читателя в сочинениях Пушкина три элемента

¹ Цит. по: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма, 1899. М., 1980. Т. 8. С. 409.

² Там же. С. 67.

"непонятности". Во-первых, чтобы вполне понимать Пушкина, необходимо хорошо знать его эпоху, исторические факты, подробности биографии поэта и т.п. Для несведущего читателя, например, пропадет выражение...: "Надев широкий боливар" ... Во-вторых, необходимо знать язык Пушкина, его словоупотребление. Не зная, например, что для Пушкина "пустынный" значило "одинокий", нельзя понять стихов: "Звезда пустынная сияла", "Свободы сеятель пустынный" и др ... В-третьих, необходимо знать все мирозерцание Пушкина...»³

Другой крупный поэт и филолог начала XX в. Андрей Белый спрашивал: "Как поэты видят природу? Краски зрения их – изобразительность слова: эпитет, метафора и т.д. Необходимо их знать; необходима статистика; необходим словарь слов: Баратынского, Пушкина, Тютчева. В руках чуткого критика словари – ключи к тайнам духа поэтов..."⁴

Идея создания пушкинского словаря снова возродилась в 1933 г. На совещании инициативной группы пушкиноведов и лингвистов под председательством профессора М.А. Цявловского были выработаны основные принципы работы над словарем, признано целесообразным составление словарей к отдельным произведениям Пушкина. В совещании принимали участие академик В.В. Виноградов и профессор Г.О. Винокур. В 1936 г. В.В. Виноградов опубликовал в Приложении к шеститомному Собранию сочинений Пушкина небольшой словарь непонятных слов (гlossарий) с их толкованиями и примерами. Г.О. Винокур вскоре после совещания со своими учениками продолжил начатый С.А. Венгеровым опыт составления словарей к отдельным произведениям Пушкина. Незадолго до Великой Отечественной войны группа лиц во главе с поэтом Г.А. Шенгели, опираясь на поддержку Союза советских писателей, составила словарь-конкорданцию (полный перечень слов – словник- с цитатами) к стихотворным произведениям Пушкина.

Прочную базу подготовка пушкинского словаря получила в 1938 г., когда над ним развернулась работа при музее А.С. Пушкина Института мировой литературы им. М. Горького (руководитель проф. Г.О. Винокур)⁵. Прерванная в 1941 г. Великой Отечественной войной, она возобновилась в 1945 г. в Институте русского языка АН СССР. Вдохновителем и инициатором работы снова стал Г.О. Винокур, именно он был первым руководителем организованной им группы по составлению словаря. В июне 1945 г. в Институте русского языка Г.О. Винокур в докладе "О словаре языка Пушкина" перечислил принципы, которые легли в основу работы:

1. Словарь основывается на тексте последнего академического издания Сочинений Пушкина.
2. Он должен быть словарем языка Пушкина и включать исчерпывающий лексический запас всех произведений и писем поэта, за исключением их черновых редакций и вариантов.
3. По своему типу словарь должен быть таким лингвистическим справочником по языку Пушкина, в котором читатель мог бы получить необходимые сведения о значениях слов, особенностях их употребления и изменения.

Формирование картотеки заняло почти 6 лет и продолжалось одновременно с работой над Инструкцией по составлению словаря и пробными словарными статьями.

В январе 1947 г. на совещании в Институте была рассмотрена "Инструкция по составлению словаря" и обсуждены пробные образцы словарных статей. В мае

³ Брюсов В.Я. Miscellanea // Избр. соч.: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 547–548.

⁴ Белый А. Из книги "Поэзия слова" // Семиотика. Приложение. М., 1983. С. 551.

⁵ См. об этом: Винокур Г.О. Словарь языка Пушкина // О языке художественной литературы. М., 1991.

1947 г., в тот момент, когда, казалось, давняя мечта филологов после стольких неудачных и незавершенных попыток в прошлом была близка к осуществлению, скоротечно скончался Г.О. Винокур. Он так и не увидел труда, которому отдал годы своей короткой жизни. Первый том словаря вышел через девять лет после его смерти, в 1956 г.

После смерти Г.О. Винокура работу по составлению Словаря языка Пушкина возглавил академик В.В. Виноградов, он же был главным редактором "Проекта словаря языка Пушкина" и всех четырех томов "Словаря".

"Словарь языка Пушкина" в 1947 г. как рабочая группа и картотечное "хозяйство", представлял собой, по шутливому выражению Г.О. Винокура, "три шкафа и две девушки". Эти картотечные шкафы были более, чем наполовину пусты, а "две девушки" – два научных сотрудника, И.С. Ильинская и А.Д. Григорьева, недостаточно опытные в лексикографическом деле (в результате работы над "Словарем языка Пушкина" впоследствии обе стали известными пушкинистками и с успехом защитили докторские диссертации на пушкинские темы).

Чтобы спасти положение и не дать погибнуть работе в самом начале, надо было укрепить группу. В июне 1947 г. в нее на постоянную работу был переведен Владимир Николаевич Сидоров, широкий специалист в области исторической фонетики и диалектологии, грамматики и фонологии, до этого бывший одним из основных сотрудников сектора исторической грамматики и диалектологии. С увеличением картотеки "росла" и группа Словаря. В работе над первым томом участвовали уже известные лингвисты и лексикографы, такие, как С.И. Ожегов, С.И. Бернштейн, М.Н. Петерсон, В.Д. Левин и молодые сотрудники, только что закончившие вуз или аспирантуру: И.И. Ковтунова, Н.Н. Иванова, Л.А. Капанадзе, Г.В. Артемьева, Е.Ф. Петрищева, В.В. Пчелкина, В.А. Плотникова (Робинсон), Е.П. Ходакова.

Прекрасно понимая лексикографическую необразованность большей части сотрудников, а также слабую пушкинистскую их подготовленность, академик В.В. Виноградов почти два года (часть 1948 и 1949 гг.) вел как бы пушкинский семинарий. Семинарий строился на демократических началах: каждый участник, независимо от звания, степени и должности мог предложить свое толкование слова или сочетания. Все члены семинария очень любили эти занятия, дорожили встречами, беседами с В.В. Виноградовым и хранят о них благодарные воспоминания.

В 1951 г. первый том "Словаря языка Пушкина" – давняя мечта филологов, писателей и русской общественности, был готов. В него были включены слова на буквы **А-Ж**. В главную редакцию Словаря вошли крупнейшие филологи-пушкинисты и лингвисты, многие из которых принимали участие в подготовке и издании Собрания сочинений Пушкина в 16 томах (1937–1949). Это – академик В.В. Виноградов (ответственный редактор), член-корреспондент АН СССР С.Г. Бархударов и Д.Д. Благой, доктор филологических наук Б.В. Томашевский. Кроме того, издательством был приглашен в помощь редакторам отдельных томов профессор, доктор филологических наук С.М. Бонди, участие которого в работе над словарем было неоценимо. За редактированием томов внимательно наблюдал В.В. Виноградов, активно участвовали члены главной редакции Д.Д. Благой и особенно Б.В. Томашевский. Но основная редакторская работа лежала на И.С. Ильинской (редактор первого тома), В.Н. Сидорове (редактор второго и третьего томов), А.Д. Григорьевой (редактор четвертого тома).

Издание четырех томов "Словаря языка Пушкина" заняло пять лет (1956–1961). С тех пор прошло почти 40 лет. Оно разошлось, и, к сожалению, в результате недостаточно хорошо организованной рекламы, постепенно сокращались его тиражи: 1-й том – 30 тыс., а 4-й – 19 тыс. Таким образом, тысячи

экземпляров 1–3 томов оказались "лишними". Сейчас об этом сожалеют. Издание желательно было бы повторить; оно давно уже стало библиографической редкостью, и даже отсутствует в периферийных городских библиотеках России.

А ведь "Словарь языка Пушкина" – это первый в нашей стране полный словарь конца XVIII – начала XIX в., составленный на основе сочинений одного автора – Пушкина – Великого поэта, историческая заслуга которого, по словам академика В.В. Виноградова, "заключается в том, что силой своего творческого гения он мощно содействовал развертыванию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка"⁶.

---

⁶ Виноградов В.В. Предисловие // Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 6.

К 80-ЛЕТИЮ Б.Г. ЛИТВАКА

6 апреля 1999 г. исполнилось 80 лет доктору исторических наук, профессору Борису Григорьевичу Литваку, многолетнему члену Бюро Археографической комиссии, заместителю председателя комиссии в 1988–1999 гг., члену редколлегии "Археографического ежегодника", ныне проживающему в Канаде

(Торонто). К его 70-летию в АЕ за 1989 год были помещены статья И.Д. Ковальченко и В.Ф. Кутьева "Б.Г. Литвак – архивист, археограф, источниковед" и список печатных трудов за 1956–1989 гг. В данном издании, помимо ниже-следующей статьи, публикуется оглавление новой книги автора, включающей статьи последнего времени и свидетельствующей о продолжающемся научном и историко-публицистическом творчестве юбиляра.

Б.Г. Литвак

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Т.И. ХОРХОРДИНОЙ "КОРНИ И КРОНА"

Друзья переслали мне в далекую Канаду эту книгу. Редкая удача – встретиться столь неожиданно со своей, скажем так, зрелой молодостью, поскольку я поступил в МГИАИ после фронта, в возрасте 27 лет. Я благодарен автору, которую озарила счастливая мысль написать историю моей alma mater "в лицах" (правда, у меня их было две, до войны я окончил учительское отделение

* *Хорхордина Т.И.* Корни и корона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М., 1997. 112 с. Тир. 200 экз.

Одесского педагогического института – была такая "сковарка" для быстрой подготовки учителей стремительно разрастающейся школьной сети).

Решение поставленной задачи диктовало скорее лирико-импрессионистскую, чем фундаментально-исследовательскую манеру письма. Это сказано не в упрек, а в одобрение. Целиком разделяю и генеральную мысль автора: нынешний РГГУ с важнейшей своей составной частью – ИАИ – завершил на новом "спиральном витке" развитие архивного образования, начатое Московским и Петербургским археологическими институтами. Я, сокращая, конечно, упрощая концепцию автора, но суть ее, думаю, уловил верно. Вдалеке от Москвы не могу проследить за отзывами на эту уникальную книгу, поэтому если в моих заметках читатель найдет повторение уже сказанного, пусть он не воспринимает это как примитивный плагиат.

С точки зрения генеральной мысли автора, она упустила очень важный, чтобы не сказать важнейший, этап в жизни МГИАИ, который, как это ни странно, падает на "годы правления" Николая Алексеевича (а не Васильевича, как в книге) Елистратова. Те четыре страницы (78–81), на которых присутствует Елистратов, дают точный его образ. Это действительно был тупой бюрократ сталинского призыва и выучки, но его заместителем по научной работе вскоре стал молодой, энергичный, европейски образованный (и, кстати, красивый, что сделало его любимцем наших студенток) Алексей Дмитриевич Никонов. Он-то и был основным "мотором", перетавившим институт из-под опеки учебного отдела (или управления) МВД в управление университетов ВКВШ или даже Министерства высшего образования (и почему я имел отличную отметку по предмету "История государственных учреждений" при таком нетвердом знании?). Эта формальная передвижка отражала очень глубокие перемены: срок обучения в институте был продлен на год, пятилетний учебный план предусматривал ряд дисциплин общегуманитарного значения: древнерусский язык, историю философии, факультативы по латинскому языку, литературе, увеличение учебных часов по иностранному языку, всеобщей истории, расширение тематики семинарских занятий и написание дипломных работ наряду с государственными выпускными экзаменами. Вот когда начали формироваться "университетские параметры" МГИАИ, задолго до 1987 г. и Ю.Н. Афанасьева, как полагает автор (с. 97). Елистратов шел на все эти новшества не потому, что понимал их значение, а только руководствуясь бюрократическим интересом: ему было выгодней иметь дело с управлением университетов министерства, где сидели его давние знакомцы по службе. Но объективно эти мероприятия увеличивали потенциал гуманитарных знаний студентов. Даже неудачный опыт создания двух факультетов – дореволюционных и советских архивов – углублял учебный процесс.

Поскольку все это происходило на моих глазах, я хорошо помню их. Неверно, что в конце 40-х начале 50-х годов наблюдался отток высококвалифицированных преподавателей (с. 78). Да, действительно, весной 1947 г. умер П.П. Смирнов, но приход А.А. Новосельского ничуть не снизил уровень преподавания истории СССР. Да, появился доцент И.В. Кузнецов, но оставался С.С. Дмитриев, были В.К. Яцунский, Л.В. Черепнин, А.И. Андреев и другие, если говорить о неархивных кафедрах. Конечно, размеренный, обстоятельный и чуть-чуть флегматичный Новосельский по темпераменту не был похож на Смирнова, но и он, и блистательный знаток Н.В. Устюгов были любимцами студентов. То же следует сказать о М.С. Себенцовой, Владимир Капитонович Никольский – вообще легенда. Нет, коллектив преподавателей был отменный.

Кстати, тогдашнюю смелость Смирнова в оценке Ивана Грозного могу подтвердить собственным опытом. П.П. как-то после своей лекции, которые он читал импульсивно, увлекаясь и почти всегда отклоняясь от темы (поэтому на

самом большом послевоенном нашем курсе – свыше 150 студентов – его конспектировать могли только Ваня Угаров и я), пригласил желающих прийти в его кружок по истории дореволюционной России. Мы, группа студентов, преимущественно бывших фронтовиков, пришли. П.П. предложил темы рефератов. Я выбрал записки опричника Генриха Штадена "О Москве Ивана Грозного" и на следующем заседании кружка прочел реферат, конечно же, в духе восхваления Ивана Грозного, как тогда было принято. Нужно было видеть побледневшее лицо П.П. и дергающуюся верхнюю губу с аккуратно подстриженными усиками: "Как вам не стыдно, молодой человек, так говорить об этом изверге, который на жгучем морозе сажал женщин и детей в прорубь, залил кровью страну? Если вы хотите быть настоящими историками, вы должны помнить, что верховной власти чаще всего достигают подонки и мерзавцы!" Я беру эти слова в кавычки, потому что помню их более 50 лет как завещание и предупреждение. Мы, сидевшие во фронтовых гимнастерках и сапогах и видевшие много страшного на войне, буквально оцепенели – ведь говорилось это в двухстах метрах от Кремля, где обитал "вождь всех времен и народов".

Если бы на курсе тогда были стукачи, то любой семинар А.И. Андреева или В.К. Яцунского можно было представить как "вражескую пропаганду монархизма, абстрактного гуманизма, буржуазного объективизма". Так что далеко неверно утверждение автора о конце "вольностей" с приходом Елистратова. Даже борьба против "преклонения перед Западом", найденного в выпуске книги о Петре I и печатании в Трудах МГИАИ воспоминаний В.В. Соловьева о своем знаменитом отце – историке, вменявшиеся в вину Андрееву, не нашли одобрительного отклика студентов, среди которых было немало членов партии, вступивших в нее в годы войны.

И здесь я назову другой изъян книги: коль скоро это история "в лицах", то в ней должен был присутствовать такой немаловажный компонент в жизни института, как его студенты. О них – ни слова. Правда, о некоторых выдающихся выпускниках института говорится кое-где, но о студенчестве, не как о греческом хоре, а как о реальной силе, творившей облик института, сведений нет. А жаль, думаю, что серьезный сдвиг МГИАИ в сторону будущего РГГУ, не осознанный еще с той четкостью, как это сделал последний ректор МГИАИ и первый РГГУ, не мог бы произойти не будь того студенчества, которое заполнило аудитории в первые послевоенные годы. А было оно, насколько могу судить, открыто для свободомыслия, достаточно трезво и непредвзято оценивало все происходящее в стране, в Москве, в институте. Вспоминаются горячие до хрипоты дискуссии 17 обитателей большой мужской комнаты общежития во дворе института на Никольской (тогда 25-го Октября), которые порой тянулись до 2–3 час. ночи, любая из них давала бы достаточно поводов, чтобы всех дискутировавших "замести". Этот человеческий материал был особенно восприимчив ко всему новому, неприлизанному и отшлифованному по принципу "так надо" (два эти слова были последним доводом одного студента, ставшего впоследствии доктором исторических наук (ныне покойного), тогда стойко защищавшим генеральную линию). Именно из этой студенческой среды вышла ироническая характеристика казавшегося нам тогда глубоким стариком заведующего кафедрой марксизма-ленинизма К.А. Попова – "призрак коммунизма". А был он великолепным знатоком текстов Ленина и высокообразованным человеком. Так что под чугунным колпаком тоталитарного режима и его адепта Елистратова "бурлила" живая среда думающих людей. "Академию свободомыслия", как выражается автор (с. 58), она "закрывает" в 1949 г., я бы эту жесткую грань продвинул дальше.

У автора несколько идеализирован образ А.С. Рословой, сменившей Елистратова. Но она была той же "чеканки", что Елистратов и Мурашов, однако тонкая

по-женски натура ее сглаживала эти черты и она вошла в сознание автора (и не только его) со знаком плюс. В ее правлении не было ничего такого, что приближало перерастание МГИАИ в РГГУ, она только закрепляла достигнутое переводом МГИАИ на пятилетний курс обучения.

И, наконец, последнее замечание. Автор пишет: «Изучение отложившихся в разных архивах документов дает картину непрерывного "стравливания" историков и архивистов на протяжении шести десятилетий» (с. 59). Еще будучи студентом я имел возможность наблюдать это противостояние. Тогда мне казалось, что под ним кроется прозаическая вещь – борьба за учебные часы, отсюда и расширение состава кафедр и т.д. Сейчас я думаю иначе: то, что автор называет "стравливанием" было естественное желание преподавателей архивных дисциплин завоевать прочное "место под солнцем". И это было прогрессивное желание, потому что означало суверенизацию и укрепление дисциплин, по настоящему только рождавшихся в МГИАИ. Я сказал бы, что эта конкурентная борьба сродни борьбе "методистов" и "предметников" в педагогических вузах.

Несколько частных замечаний. На с. 52 автор приводит цифры образовательного уровня работников различных архивов: все 15 сотрудников Древлехранилища к середине 30-х годов были с высшим образованием, а в коллективах ЦАОР и ЦАКА (конечно, членов партии и ВЛКСМ) – ни одного. Факт показательный, а вывод из него неоправданный: «Таковы печальные результаты "коммунизирования", "орабочивания" и, "вливания свежей крови"...» Сравниваются несравнимые вещи: Древлехранилище (ныне РГАДА), возникшее еще в 1852 г., и архивы, едва отметившие свое десятилетие. Конечно же, не в архивы посылались люди "пролетарского происхождения", окончившие Коммунистический университет. Кроме того, старые специалисты прибывали к удобном для них "приличным" местам службы ради хлеба насущного, а такими новые советские архивы для них не были. Можно ли отсутствие образованных "пролетарских кадров" подавать как результат "классовой селекции"? Архивам было "без году неделя", и рядовых сотрудников еще не могли просветить. Мое замечание нельзя квалифицировать как апологию "классовой селекции", но нельзя и все валить на нее. В конце-концов за плечами первого директора ЦАОР В.В. Максакова был университет Шаняевского.

На с. 67 автор, касаясь воспоминаний П.П. Смирнова "Война и Историко-архивный институт в 1941 году", безусловно, уникальных по содержанию, пишет, что "в опубликованных текстах изъяты самые драматичные эпизоды", но не указывает эти издания.

Впрочем, все указанные огрехи (как и неуказанные) можно ликвидировать во втором, исправленном издании, которого эта книга заслуживает.

Новый сборник статей Б.Г. Литвака. "Американо-канадский дневник" (М., 1998)

Оглавление

От автора	3	Археография и историческое исследование	32
Московские публикации		Сталин цинично предал Тельмана	45
Социальные катаклизмы и общественный прогресс (реплика к постановке и изучению проблемы)	5	Документы о Кирилло-Мифодиевском обществе	47
К 100-летию Виктора Корнельевича Яцунского	12	<i>С.Н. Валк.</i> Избранные труды по археографии. Научное наследие	52
Маленькая картина для разъяснения больших вопросов	26	<i>О.Е. Глаголева.</i> Русская провинциальная старина	57
		Новый краеведческий сборник	60

Нью-Йоркские публикации

К дискуссии об "украинизации"	63
Пока – лишь портрет откровенного хищника	65
Рождение или возрождение?	66
"Мальчик" был и есть	75
"Оптимистическая трагедия" видных диссидентов	82
Послесловие к интервью Феликса Розинера	90
Годятся ли рецепты Столыпина современной России?.....	93
Исчезающая история. О методологии истории и культуре полемики	101
Почему же столь "долгое прощание"?	105
Об основополагающих ошибках "полемистов"	114
Катастрофа – не тема для полемики	116
Странная реплика	118
За здравый смысл	120
Куда ведут Россию?	123
Не надо ополчений!	132
"Дед Борис" и зайцы	135
О нержавеющей оружии	138
Прелюдия второй мировой	141
Екатерина Великая и современная Россия	144
Судьба российских реформ	151
Черно-белый дальтонизм	160
Гимн этнической чистке?	164
Оглянуться не во гневе	168
Горбачев – "человек-луковица"?	172
Читая интервью со знаменитостями	174

Статьи, отвергнутые редакцией "Нового русского слова" и публикуемые впервые

Корни и плоды	176
Образчик "холуяжа"	185
Особая папка Сталина	190
Кое-что о топонимике	194
Юпитер сердится	199
Последний аккорд	205
Сороковые, роковые	210
Средний класс в России	215
О национальной идее в России	220
Ложь во спасение	224
Непричесанные мысли	226

Торонтские публикации

Катастрофа Восточно-Европейского еврейства в середине XVII века	230
Евреи-земледельцы в России	235
Евреи в истории Канады	239
Застарелая болезнь. К истории антисемитизма в СССР	253
Россия и Холокост	258
К истории Холокоста и его трубадуров ...	262

Рецензии

Исповедь поколения	266
Евреи на Балканах	267
Сказание о еврейской трагедии середины XVII века	269
Приложение	274
Список сокращений	284

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1999 ГОДА¹

Хроника заседания:

Из опыта составления "Летописей жизни и творчества"

8 июня состоялись традиционно проводимые Археографической комиссией РАН Тихомировские чтения. В этом году они были посвящены теме составления и издания летописей жизни и творчества. В кратком вступительном слове председатель Археографической комиссии *С.О. Шмидт* указал на то, что Тихомировские чтения посвящаются, как правило, актуальным или представляющим общий интерес темам. Темой очередных чтений стала проблематика, демонстрирующая взаимопроникновение истории и других гуманитарных дисциплин, в частности, филологии. Сам жанр летописи жизни и творчества имеет давнюю историю. Так, по инициативе Д.Б. Рязанова предпринималась работа по созданию летописей жизни и творчества К. Маркса и Ф. Энгельса. Широко известна летопись жизни и деятельности В.И. Ленина. Академик М.М. Богословский в своем труде "Петр Великий: Материалы для биографии" (который сейчас готовится к изданию по рукописи с устранением цензурной правки издания 1940-х гг. сотрудником АК А.В. Мельниковым) вплотную подошел к изложению биографических фактов день за днем. В подготовке летописей принимали участие такие яркие личности, как В.А. Мануйлов² (М.Ю. Лермонтов), Ю.Г. Оксман³ (В.Г. Белинский). Издания "Летописи жизни и творчества" удавались не только политические деятели и писатели (Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.М. Горький, В.В. Маяковский), но и ученые (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев), композиторы (М.И. Глинка, А.Н. Скрябин) и т.д. Но подлинной школой подобного труда стала незавершенная, к сожалению, работа М.А. и Т.Г. Цявловских, по составлению Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина⁴.

Е.В. Гарбер (Музей А.С. Пушкина) в течение многих лет занималась и продолжает заниматься завершением труда, начало которому было положено М.А. Цявловским. Рассказывая о работе над летописью жизни и творчества А.С. Пушкина, она особое внимание сосредоточила на структуре и методологии этого труда. В ее выступлении первый (и далеко не последний на Чтениях) раз прозвучали слова о недопустимости включения в летопись жизни и творчества каких-либо сведений, не подтвержденных документально, как бы правдоподобны они ни были. Летопись жизни и творчества должна состоять только из фактов, но не из догадок и даже не из умозаключений. Значительная часть выступления была посвящена рассказу о работе с источниками, научная тщательность которой была заложена еще М.А. Цявловским. Все факты, по возможности, подвергались перекрестным проверкам по различным источникам. Доклад был проиллюстрирован многочисленными примерами, свидетельствующими о том, что многое, считавшееся фактами, таковыми на деле не является.

¹ См. об этом также: *Смирнова И.М.* Тихомировские чтения 1999 г. // ОА. 1999. № 4.

² *Мануйлов В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.: Л., 1964.

³ *Оксман Ю.Г.* Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М., 1958.

⁴ *Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М., 1951. Т. 1; 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991.

Е.Э. Лямина (МГУ), один из авторов-составителей Летописи жизни и творчества Е.А. Боратынского⁵, продолжила тему, подчеркнув сложность, с которой сталкиваются исследователи, работая над летописью жизни и творчества человека, который избегал публичности. Студенты-архивисты, историки и литературоведы могли бы поучиться кропотливой работе по установлению фактов биографии поэта. Источниками могут служить знания о почтовых днях, штемпели на конвертах, цензорские разрешения и т.п. Внимание собравшихся было обращено на недостоверность мемуарных источников, даже если мемуары, казалось бы, опираются на дневниковые записи. Авторы-составители летописи проиллюстрировали "сухую" фактографию сохранившимися портретами поэта: собранные и расположенные в хронологической последовательности факты оказываются своеобразными звеньями, связывающими меняющийся облик человека в единое целое.

Доклад Е.Э. Ляминой вызвал живой интерес собравшихся. Об источниковой базе работы задал вопрос Ю.М. Эскин (РГАДА), указавший на хранящийся в фондах РГАДА хозяйственный архив Боратынских. С.О. Шмидт предложил докладчику подготовить материал к 200-летию юбилею Е.А. Боратынского для АЕ за 2000 год.

Тему источников продолжила И.Г. Птушкина (ИМЛИ), рассказавшая о длительной работе по составлению Летописи жизни и творчества А.И. Герцена⁶. С одной стороны, положение исследователей было облегчено тем, что уже существовало академическое Собрание сочинений Герцена, изданы письма к Герцену и Огареву, увидело свет факсимильное издание "Колокола". С другой стороны, не имея возможности поехать в Великобританию, авторы-составители вынуждены были довольствоваться теми материалами, которые получал в свое время Институт марксизма-ленинизма. Особую сложность составляло то, что современники старались избегать упоминания А.И. Герцена даже в дневниковых записях. Эмоциональную достоверность тяжелейшей и кропотливейшей работе придал парافраз строчки В.В. Маяковского: "... единого слова ради тысячи тонн архивной руды..." Сочувственная реакция присутствующих подтвердила, что всем хорошо знакома работа с "архивной рудой". По словам выступавшего, летопись жизни и творчества – не только основа для биографии, не только справочник, но и самостоятельный научный труд, одной из особенностей которого является равная значимость, равная ценность всех известных фактов. "Летописи жизни и творчества" должна быть свойственна универсальность, разнообразие, богатство и точность материала, отсутствие идеологических пристрастий. В связи с последним замечанием было сказано о тенденциозности многих подобных исследований советского периода. И.Г. Птушкина особо выделила роль академической среды, академического института, без которых работа по составлению летописи невозможна. Как невозможна она и без группы единомышленников, понимающих друг друга с полуслова.

В.А. Черных (АК) начал свое выступление с того, что представляемая им работа является скорее материалами для летописи жизни и творчества А.А. Ахматовой⁷, поскольку до настоящего времени нет ни академического издания, ни надежной текстологии многих ахматовских текстов, а архив поэта сохранился только за последние 8–9 лет. В качестве основных требований к рассматриваемому жанру В.А. Черных назвал максимальную полноту отражения биогра-

⁵ Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков; подгот. Е.Э. Лямина, А.М. Песков. М., 1998.

⁶ Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. М., 1974–1990. Кн. 1–5.

⁷ Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 1996. Ч. I (1889–1917); М., 1998. Ч. II (1918–1934).

фических фактов и обязательность ссылок на их источники. Отдельно был выделен вопрос о месте такого рода летописей среди других историко-филологических изданий. Летопись жизни и творчества А.А. Ахматовой, задумывавшаяся как справочник-"скелет" биографии, к удивлению автора-составителя оказалась интересной для самостоятельного чтения. Видимо, в этом сказывается усталость общества от концепций и интерпретаций, зачастую не основанных на реальных фактах. Быть может, для читателя ценной является возможность самостоятельного построения биографии выдающейся личности, основываясь на беспристрастных дискретных фактах, которые часто гораздо красноречивей иных концепций.

По окончании основной части чтений слово взяла *Н.Б. Волкова* (РГАЛИ), которая нашла, вероятно, самое точное определение для настоящих Тихомировских чтений: "Это был чрезвычайно полезный творческий семинар", – сказала она. Интерес к рассматриваемому жанру побуждает сотрудников РГАЛИ продолжить начатую *К.Н. Суворовой* работу по составлению Летописи жизни и творчества А.А. Блока.

А.Д. Степанский (РГГУ) указал на две составляющие исторической науки: фактографию и концептуализацию фактов. В связи с этим летописи жизни и творчества замечательных людей – лишь одно из направлений исторической фактографии наряду с исследованиями, посвященными, например, хронике жизни одного города, уезда и т.п.

В связи с выступлением *В.А. Черных* *А.В. Елпатьевский* (ВНИИДАД) затронул вопрос о попытках разработки закона по персональным данным и сказал, что в связи с этим для исследователя доступ к документам, освящающим жизнь людей, ушедших не так давно, как *А.С. Пушкин* или *А.И. Герцен*, может стать проблематичным. *В.А. Черных* поддержал тему, сказав, что вопрос о возможности ограничения такого рода доступа может отрицательно сказаться на результатах научных исследований. К сожалению, нередко возникает ситуация, при которой "газетчику" бывает позволено то, что оказывается запретным для ученого. Было отмечено, что вообще любое гуманитарное исследование, особенно на стыке дисциплин, обязательно сталкивается с проблемой гражданской культуры и воспитания общественного мнения. *Е.В. Гарбер* обратила внимание собравшихся на важность разнообразных указателей, выполняющих роль единственно возможного комментария к отраженным в летописи жизни и творчества фактам.

В заключительном слове *С.О. Шмидт* сказал, что Тихомировские чтения получились достойными памяти *М.Н. Тихомирова* и памяти *А.С. Пушкина*, чей юбилей отмечался недавно. Время требует от исследователя максимальной объективности. Толкования меняются, факты остаются. В этом, по словам *С.О. Шмидта*, профессиональный и нравственный урок *М.А.* и *Т.Г. Цявловских*, открывших эту страницу истории культуры.

А.Л. Лифшиц

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Е.И. Малето

РУССКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХОЖДЕНИЯ

(издания и публикации)

Отмечая 2000-летие христианства, историки вновь обращаются к истории Русской Православной церкви, духовности и культуры. В сокровищнице исторических источников, которыми мы сегодня располагаем, есть немало ярких образцов подлинной народности и патриотизма. Среди них путевые записки русских средневековых путешественников о Византии, Палестине, Египте и других заморских землях или так называемые хождения (по-древнерусски – хожения).

Судьба их в отечественной науке не была простой. Вначале они пользовались пристальным вниманием исследователей, затем перестали вызывать интерес, были практически забыты, главным образом, по причинам идеологическим, и, наконец, после долгих лет безвестности и забвения вновь получают заслуженную научную оценку. Возникнув как описания путешествий на христианский восток ко "святым местам", имевшие не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение (читатели должны были мысленно проделать то же путешествие и получить пользу для души, что и путешественник), хождения дают возможность широкого видения Русской земли, восприятия ее как части Вселенной, или во всяком случае – как части христианского мира. Цель настоящей статьи – не только поставить вопрос о более широком введении этих материалов в научный оборот, но и показать необходимость переиздания текстов с учетом достижений современной археографии и текстологии.

В статье рассматриваются издания 12 древнерусских хождений¹: Хождение Даниила, игумена Русской земли – XII в.; Хождение Добрыни Ядрейковича – XII–XIII вв.; Анонимное хождение в Царьград – конец XIII – начало XIV в.; Из странника Стефана Новгородца – XIV в.; Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград – XIV в.; Хождение дьяка Александра в Царьград – XIV в.; Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину – XV в.; Хождение на Ферраро-Флорентийский собор Неизвестного Суздальца – XV в.; Хождение Авраамия Суз-

¹ См.: Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. Сост., подг. текста, вст.ст., коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1984; Книга Паломник-Сказание мест святых во Царьграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. СПб., 1899. Вып. 51, т. 17. (Далее: ППС); *Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth centuries.* Washington. 1984; "Хождение за три моря" Афанасия Никитина / Под ред. Я.С. Лурье, Л.С. Семенова. Л., 1986.

Все выбранные для анализа тексты дают наглядное представление о том, на каком текстологическом и археографическом уровне находится сегодня изучение Хождений. Важно при этом подчеркнуть, что многие путевые записки русских средневековых авторов (например, Житийное сообщение о хождении Евфросинии Полоцкой 1173 г. в Иерусалим; путешествие 1370 г. Агрения из Москвы в Тверь и далее в Константинополь и др.) уже давно не переиздавались и еще ждут своих исследователей.

дальского; Хождение Варсонофия в Египет, Синай и Палестину – XV в.; Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину – XV в.; Хождение за три моря Афанасия Никитина – XV в.

Характеризуя хождения, нельзя оставить без внимания историю их изучения.

Одним из первых на древнерусские хождения обратил внимание исследователей Н.Г. Устрялов². Он указал, что хождения содержат обширный материал исторического, географического, метеорологического, этнографического и топографического характера.

Первые издания (1837, 1839, 1849) хождений появились на свет благодаря деятельности неутомимого этнографа и библиографа И.П. Сахарова³. Обычно издания И.П. Сахарова подвергаются заслуженной критике. Исследователи доказали, что он вносил необоснованные дополнения в памятники древней письменности⁴.

Важным событием 70-х годов XIX в. стала публикация И.Я. Порфирьева "Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях"⁵ и особенно появление специального библиографического справочника С. Пономарева "Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах"⁶, опубликованного в сборнике Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. В уникальной и достаточно большой по объему работе впервые давался источниковедческий анализ хождений как исторического источника.

С 80-х годов XIX в. Православное Палестинское общество приступило к изданию Православного Палестинского сборника и в последующие десятилетия развернуло работу по публикации паломнических хождений. В подготовке текстов участвовали М.В. Веневитинов, Х.М. Лопарев, С.О. Долгов, С.Р. Розанов, архимандрит Леонид и другие ученые. В результате их деятельности с 1883 по 1914 г. многие памятники древнерусской литературы впервые увидели свет. Издания хождений сопровождалось вступительными статьями историко-филологического характера. В них можно найти попытки сопоставить тексты записок русских и западноевропейских путешественников, а также рассмотреть маршруты их следования на Восток.

Значение Православного Палестинского сборника в изучении хождений велико, но, как правило, сводилось к текстологическим и историко-религиозным

² Устрялов Н.Г. Памятники словесности // ЖМНП. 1837. Ч. XIII. № 2. С. 337–343. В 1837 г., пытаясь систематизировать записки о путешествиях по их происхождению, Н.Г. Устрялов впервые выделил группу "Описания путешествий", где сказания иностранцев оказались объединенными с русскими сказаниями. Таким образом, ученый подчеркнул ценность и необходимость тщательного научного анализа записок русских путешественников. См. также: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 139.

³ Сахаров И.П. Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837; Он же. Путешествия русских людей по Святой земле. СПб., 1839; Он же. Путешествия русских людей // Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 8.

⁴ Пытин А.Н. Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. С. 31. См. также: Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934. С. 8, 26–27.

⁵ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872.

⁶ Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах / Сб. ОРЯС. СПб. 1877. Т. XVII. С. 3–30. В 1873 г. С.И. Пономарев совершил путешествие в Святую землю и прожил там год с небольшим. Он общался с архимандритом Антонином (Капустиним), в его обширной библиотеке познакомился с трудами по палестиноведению и начал составлять библиографию. См. об этом: Дмитриевский А.А. Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой земли С.И. Пономарева (по переписке его с о. архим. Антонином и В.Н. Хитрово). Пг., 1915.

Очередную попытку систематизировать данные о русских путешественниках предпринял уже в начале XX в. С.Р. Минцлов. См.: Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к России и напечатанных на русском языке / Сост. С.Р. Минцлов. Новгород, 1911. Вып. I. С. 1–24.

разысканиям. Среди первых текстов, опубликованных здесь, было "Житие и хоженье Даниила Русския земли игумена..."⁷ Это сочинение принадлежит к числу книг, наиболее читавшихся на Руси, о чем говорит наличие большого количества рукописных списков. Сегодня известно 159 списков XV–XIX вв.⁸

Написанное в начале XII столетия, приблизительно в 1106–1108 гг., во время составления первой редакции летописного свода "Повесть временных лет", хождение игумена Даниила представляет собой ценный исторический источник, в котором нашли отражение события политической истории стран Запада и Востока, в частности – Палестины и Сирии. В период путешествия Даниила там шли военные действия между крестоносцами и арабами, а в 1099 г. было провозглашено Иерусалимское королевство, возглавил которое предводитель 1-го крестового похода Балдуин (Бодуэн) I. Не вмешиваясь в борьбу арабов с крестоносцами и избегая давать ей оценку, русский паломник заносил в свои путевые записки как отдельные сведения об этой борьбе, так и другие наблюдения над повседневной жизнью страны. Кроме точных и выразительных описаний экономики, природы, памятников христианской культуры стран Ближнего Востока, в хождении содержатся упоминания или пересказы событий библейской и христианской истории (повествование о царе Давиде, о жизни Авессалома, о переселении Авраама, о ловле рыбы в Тивериадском озере и др.). Структурно хождение игумена Даниила можно подразделить на следующие части: Введение; Описание пути до Иерусалима; Описание самого Иерусалима с окрестностями; Описание Галилеи и Поморья; Описание страстной субботы с последующим Эпилогом⁹.

Впервые отрывки из Даниилова хождения были напечатаны Н.М. Карамзиным в примечаниях ко второму тому "Истории государства Российского"¹⁰. Затем А.Н. Муравьевым в "Путешествии по Святым местам", а целиком оно впервые было издано И.П. Сахаровым в 1837 г.¹¹ Затем он же переиздавал его еще три раза в течение 12 лет, а в 1864 г. хождение игумена Даниила было вновь издано Археографической комиссией под редакцией А.С. Норова¹².

В основу издания, предпринятого Православным Палестинским обществом, был положен старший (1496) список первой редакции. Эта редакция оставалась не изданной до этого времени, так как И.П. Сахаровым был принят за основу список третьей редакции, а А.С. Норовым – список второй редакции, текст которой вошел в состав Макариевских миней (середина XVI в.). Следующим шагом в изучении текста записок Даниила был его перевод и публикация в 60–80-е годы XIX в. на французском, греческом, немецком и английском языках¹³. Новые издания источника осуществили отечественные ученые М.С. Возняк, Г.М. Прохоров, Н.И. Прокофьев¹⁴.

⁷ Житие и хоженье Даниила Русския земли игумена (1106–1108). Ч. 1 / Под ред. М.В. Вeneвитинова // ППС. СПб., 1883. Вып. 3, т. 1; Ч. 2 / Под ред. М.В. Вeneвитинова // ППС. СПб., 1885. Вып. 9, т. 3.

⁸ См.: Подскальски Герхард. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / Рус. пер. А.В. Назаренко: 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 321.

⁹ Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домонгольского периода. Пг., 1922. С. 161; Гудзий Н.К. История древнерусской литературы. М., 1966. С. 116–117.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816, т. 2. Примеч. 211.

¹¹ Сахаров И.П. Путешествие игумена Даниила по святым местам в начале XII столетия // Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837. Ч. 1. С. 1–19, 1–90.

¹² Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. (1113–1115) / Изд. Археогр. комис. под ред. А.С. Норова. СПб., 1864 (по списку Макариевских миней ГИМ. Усп. 995. и вариантам из 7 списков).

¹³ См. библиографию: Творогов С.В. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 109–112. (Далее: СКЖДР).

¹⁴ Возняк М.С. Старе українське письменство. Львів, 1922. С. 108–116 (сокращ. укр. пер.); Хождение игумена Даниила / Подг. текста, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // Памятники литературы

Хождение Добрыни Ядрейковича (Антония) представляет собой описание Царьграда и его основных христианских святынь, составленное вскоре после 1200 г., накануне латинского завоевания и разграбления византийской столицы крестоносцами (1204). Это – важный источник для изучения русско-византийских связей начала XIII в. Он содержит богатый материал по истории искусства и архитектуры Византии, а также для изучения политической идеологии Руси¹⁵. Ряд сообщений хождения уникален. Это сведения о блюде кн. Ольги Руской в Софийском соборе, о посольстве в Царьград волынского кн. Романа, о полоцком кн. Борисе и кн. Ксении Брючиславне, похороненных в Царьградских церквях Платона и Даниила. На протяжении последних ста лет к тексту "Книги Паломник" Антония не раз обращались историки византийской культуры Н.П. Кондаков¹⁶, Х.М. Лопарев¹⁷, Д.В. Айналов¹⁸ и др. Первым издателем текста хождения был П.И. Савваитов¹⁹. В дальнейшем изучению рукописных традиций этого источника уделяли внимание П.М. Строев, И.И. Срезневский, Х.М. Лопарев, М.Н. Сперанский, а также О.А. Белоброва и Н.И. Прокофьев²⁰. Текст источника сохранился в рукописях не ранее XVI в. Из сохранившихся 9 списков к XVI в. относятся 3 (остальные 6 датируются XVII и XVIII вв.). Таким образом, списки хождения известны в трех редакциях. В первой из них ("Книга Паломник. Зъ Богом почитаем. Сказание мест святых во Царьграде. Благослови отче". Начало: "Се аз, недостойный многогрешный Антоний, архиепископ Новгородский...")²¹ отсутствует упоминание о латинянах. *Вторая* редакция озаглавлена: "Повесть о Цари граде, колико было драгих вещей". Начало: "Царский град стоит на три угла крестообразно..."²² Она завершается известием о разграблении и порче царьградских святынь крестоносцами. *Третья* редакция представляет значительное сокращение текста: здесь отсутствует имя Антония, нет сведений о блюде Ольги Руской и о посольстве в Царьград волынского кн. Романа²³. Х.М. Лопарев считал две первые редакции авторскими²⁴. Ученый Дж. Врун видит во второй редакции компиляцию труда нескольких авторов²⁵.

Древней Руси XII в. М., 1980. С. 24–115, 627–645. (Далее: ПЛДР); Хождение Даниила игумена Русской земли // Книга хождений... С. 27–79, 204–254, 387–386 (сокращ. изд. текста по М.В. Венивотинову).

¹⁵ См. подробнее: Белоброва О.А. Антоний // СККДР. Вып. 1. С. 39–40; Флоря Б.Н. К генезису легенды о дарах Мономаха // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 187–188; Matsuki E. Novgorodian Travelers to the Mediterranean world // Past and Present. (Tokyo). 1988. № XI. P. 3–7.

¹⁶ Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1887; *Он же*. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 48–50.

¹⁷ Книга Паломник-Сказание мест святых во Царьграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. / Под ред. Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1899. Вып. 3, т. 17.

¹⁸ Айналов Д.В. Примечания к тексту "Книги Паломник" Антония Новгородца // ЖМНП. 1906. № 6. С. 233–276; 1908. № 2. С. 81–106; *Он же*. Два примечания к тексту Антония Новгородского // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1912. С. 181–186.

¹⁹ Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия // Предисл. и примеч. П.И. Савваитова. СПб., 1872. С. 13–63, 64–184 (прил. ГПБ, собр. П.И. Савваитова, второй половины XVI в.).

²⁰ См. подробнее: Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1970. Т. 363. С. 64–95; Белоброва О.А. "Книга Паломник" Антония Новгородского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX. С. 178–185.

²¹ Книга Паломник-Сказание мест святых во Царьграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. / Под ред. Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1899. Вып. 3, т. 17. С. 71.

²² Там же. С. 40.

²³ Белоброва О.А. О "Книге Паломник" Антония Новгородского // Византийские очерки. М., 1977. С. 226–235 (изд. сокращ. текста списка из сборника: ГИМ. Собр. И.Е. Забелина, № 416).

²⁴ Книга Паломник-Сказание мест святых во Царьграде... С. 219–220.

²⁵ Vroon G.L. The Making of the Medieval Russian Journey. Dissertation. University of Michigan. 1978. P. 140–141.

Анонимное хождение конца XIII – начала XIV в. – источник, состоящий только из вступления и описания Святых мест. Здесь описывается собор св. Софии, близлежащие церкви, монастыри и другие достопримечательности на побережье Босфора (Ипподром, Константинов форум, Колюянов городок и т.д.). Важное место в тексте занимают легенды. Анонимное хождение – прекрасный путеводитель по святым местам для паломников²⁶. Этот источник дошел до нас в переработанном виде в двух памятниках, известных под названием "Беседа о святых Царьграда" и "Сказание о святых местах о Костянтинеграде". Текст "Беседы" был найден и издан Л.Н. Майковым по трем спискам²⁷. Анализируя памятник, Л.Н. Майков пришел к выводу, что "Беседа" имела своим основным источником какое-то ближе ему не известное анонимное описание Константинополя²⁸.

Изучением текста этого хождения длительное время занимался М.Н. Сперанский. Им было обнаружено, а позднее опубликовано Анонимное хождение "Сказание о святых местах, о Костянтинеграде" из рукописи ГИМ, собрание И.Е. Забелина № 416(ранее № 314)²⁹. На основе тщательного сравнения текстов "Беседы" и "Сказания" М.Н. Сперанский пришел к следующим выводам: во-первых, ни "Сказание" не зависит от "Беседы", ни "Беседа" от "Сказания". Во-вторых, текстуальное сходство обоих памятников на значительном протяжении их, заставляя предполагать один общий источник, делает возможной попытку восстановления, если и не во всех деталях, то в основном содержании этого общего их источника – первоначального памятника, от которого идут "Сказание" и "Беседа"³⁰. В 70-е годы XX столетия Н.И. Прокофьев создал реконструкцию этого литературного памятника³¹. За исходный им был взят текст "Сказания", менее искаживший Анонимное хождение.

В четвертой Новгородской летописи содержится сообщение дьяка Александра о его путешествии в Царьград (Константинополь) от 6903(1335) г.³² Хождение состоит из вступления, описания святых Константинополя XIV в. и короткого заключения, которое завершает описание путешествия русского паломника. Дьяк Александр подробно рассказывает о святых местах, точно указывая при этом расположение монастырей и церквей Константинополя. Цитаты из Библии или каких-либо житий святых немногочисленны. О времени своего прихода в Царьград путешественник ничего не сообщает, но упоминает патриарха Антония (1389–1390, 1391–1397) и царя Мануила (1391–1425). Все это позволило приблизительно датировать путешествие дьяка Александра и предположить, что оно было осуществлено между 1391 и 1396 гг. Отдельные тексты описания путешествия дьяка Александра, находящиеся в рукописях, до сих пор не известны и не изучены. В большинстве рукописных хроник это произведение помещено под заголовком "О Цариграде". Записки дьяка Александра носят характер самостоятельных хроникальных описаний и отличаются точностью изложения. При этом они в более или менее подробных редакциях передаются и другими русскими летописями³³. Происхождение этих сообщений,

²⁶ Книга хожений... С. 255–267.

²⁷ См.: *Майков Л.Н.* Материалы и исследования по старинной русской литературе. 1. Беседа о славянских и других достопримечательностях Царьграда // Сб. ОРЯС. СПб., 1890. Т. 51. № 4.

²⁸ Там же. С. 34–35.

²⁹ *Сперанский М.Н.* Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934. С. 35, 83, 126–137.

³⁰ Там же. С. 103–104.

³¹ *Прокофьев Н.И.* Хождения конца XII – начала XIV в. // Литература Древней Руси и XVIII в. / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1970. Т. 363. С. 160–170.

³² Новгородская IV летопись. (Далее: НIVЛ) // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 376.

³³ См. НIVЛ // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 357; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 376–378; Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 161; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 65; Никаноровская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 27. С. 88.

так же, как и описания путешествия дьяка Александра, еще не выявлено до конца, хотя данной проблемой в отечественной исторической науке длительное время занимались А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев, а также Н.И. Прокофьев³⁴.

Хождение Стефана Новгородца, написанное в 1348–1349 гг., дошло до нас в 12 списках. Это – самое раннее, сохранившееся в период после монгольского нашествия описание Константинополя, составленное русским путешественником. Оно свидетельствует о возрождении в середине XIV в. связей Руси с иноземными странами, которые были прерваны монгольским нашествием. Произведение дает представление о Константинополе того времени, подробное описание мест, которые посетил автор (церковь св. Софии, монастырь Пантократор (Вседержитель) и другие достопримечательности). Важность сведений, приводимых Стефаном, определяется тем, что многие памятники скульптуры и архитектуры Константинополя вследствие турецких завоеваний были разрушены. Таким образом, хождение Стефана Новгородца – один из редких источников, зафиксировавших сведения о достопримечательностях Византийской столицы. Изучение текста источника показывает, что Стефан мастерски владел приемами детального описания, обращая внимание на украшения и архитектуру церкви (в этом плане интересно описание Студийского монастыря). Не случайно Д.С. Лихачев отмечал, что особенностью хождения Стефана Новгородца является компетентность автора при описании различных событий, а также живость и образность повествования³⁵.

"Когда этот источник стал известен исследователям русской письменности, сказать трудно, – писал М.Н. Сперанский, – около 1820 г. наиболее осведомленный в те времена в области рукописей и памятников древней литературы митрополит Евгений (Болховитинов) уже имел в руках текст хождения Стефана, определил время его путешествия и до известной степени уже оценил его значение в ряду других путешественников"³⁶. В 1827 г. во втором издании "Словаря писателей духовного чина" Е. Болховитинов поместил краткое, но обстоятельное известие о Стефане. Затем в 1837 г., когда И.П. Сахаров издал "Путешествия русских людей", новых списков Стефана отмечено не было. И.П. Сахаров привлек к своему изданию, кроме копии с Софийской рукописи, еще два списка XVII в., принадлежавшие, по его словам, купцам П.В. Басову и Р.Е. Черникову. Позднее он же перепечатал этот текст во втором томе "Сказаний русского народа"³⁷. Такова в немногих словах история открытия и первоначальной известности в науке "Странника" Стефана Новгородца, кончая первым изданием его текста. Новая публикация источника была осуществлена в 1934 г. М.Н. Сперанским³⁸.

Позднее вопросами его изучения занимались Н.И. Прокофьев и Л.А. Дмитриев³⁹.

Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград (1389 г.) известно в 24 списках, относящихся к двум редакциям – краткой (ранней) и полной (летописной). Это – ценный исторический источник, проливающий свет на русско-византийские отношения конца XIV столетия. По содержанию хождение – сообщение оче-

³⁴ Шахматов А.А. Обзор русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 157. См. также: Лихачев Д.С. Русские летописи. М.; Л., 1947. С. 306; Прокофьев Н.И. Хождения конца XII – начала XIV в. // Литература Древней Руси и XVIII в. ... С. 170.

³⁵ Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 40.

³⁶ Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы... С. 5–8.

³⁷ Сахаров И.П. Путешествия русских людей // Сказания... С. 48–50.

³⁸ Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы XIV в.

³⁹ См. подробнее: Прокофьев Н.И. Хождение конца XII – начала XIV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1970. Т. 363; Дмитриев Л.А. Хождение Стефана Новгородца // ПЛДР. XIV – середина XV вв. М., 1981. С. 28–41, 529–531.

видца о восстании Иоанна VII против Иоанна V и о коронации Мануила II Палеолога. В хождении помещено также описание пути от Москвы до Константинополя. Кроме того, здесь есть важная информация о транспортных средствах и скорости передвижения путешественников по Дону и его притокам. Все это дает возможность детально проследить один из важнейших путей следования русских путешественников на Восток. Описанное Игнатием путешествие из Рязани по р. Дон в Азов, без преувеличения можно назвать уникальным, поскольку это – первое русское описание маршрута по Дону к Черному морю и в Средиземноморье. Четкий рассказ Игнатия о местности, прилегающей к Дону, позволяет предположить, что его путешествие вниз по реке не было редкостью. Очевидно, на лодках с Игнатием и митрополитом Пименом плыли люди, знавшие местности в бассейне Дона и называвшие их Игнатию, что может служить доказательством регулярного использования Донского пути в XIV в. и оживленных торговых контактов Москвы с Азовом и даже Константинополем в те времена.

Рассказ Игнатия о трудностях, с которыми путешественники столкнулись из-за генуэзцев в Азове, подтверждает идею о том, что русские были далеко не редкими посетителями этого международного порта и дает возможность расширить наши представления о роли итальянских купцов (венцианцев и генуэзцев) в бассейне Черного моря. Среди наиболее важных сведений хождения можно отметить упоминание о русской колонии в Византии, ценность которого определяется тем, что других источников, которые столь подробно описывали бы колонию русских в Константинополе, нет. К сожалению, Игнатий не рассказывает о том, кто были находившиеся там его соотечественники: купцы или служители одного из соборов Византийской столицы?

Описание Игнатием борьбы между Иоанном V и Иоанном VII за овладение византийским тронном также чрезвычайно ценно. Представляя основной источник о династических спорах в Константинополе в 1390 и 1391 гг., хождение позволяет изучить ту общественно-политическую обстановку, которая царил в Византии XIV в. Если бы не хождение Игнатия Смольнянина, наши знания об этой борьбе свелись бы к минимуму. Рассказ о коронации Мануила II в 1392 г. также представляет собой единственное свидетельство о коронации в Византии в период правления Палеологов. Какова же история изучения текста этого источника? Впервые хождение было издано И.П. Сахаровым в "Сказаниях русского народа"⁴⁰.

Новым этапом на пути его изучения стало издание на страницах Православного Палестинского сборника под редакцией С.В. Арсеньева⁴¹. В его основу положен Софийский список. Чуть позднее, в 1898 г. текст хождения был издан в составе Никоновской летописи⁴² и "Русского временника"⁴³. В отечественной науке изучением хождения занимался Н.И. Прокофьев. Одна из его работ, посвященная этому памятнику, была опубликована в 1973 г.⁴⁴

"Книга Ксенос" иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы 1419–1422 гг. представляет собой источник, содержащий важные сведения для изучения маршрутов путешествий из Восточной Руси в восточное Средиземноморье в начале XV столетия. Здесь имеется подробный рассказ о маршруте путешествия Зосимы из Москвы через Киев, по Днестру в Белгород – Днест-

⁴⁰ Сахаров И.П. Путешествия русских людей // Сказания... С. 96–107.

⁴¹ Хождение Игнатия Смольнянина 1389–1405 гг. / Под ред. С.В. Арсеньева // ППС. СПб., 1887. Вып. 12, т. 4.

⁴² Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 95–104.

⁴³ Русский временник. М., 1820. Ч. 1. С. 290–304.

⁴⁴ Прокофьев Н.И. Игнатий Смолянин – древнерусский мастер литературного слова // Рус. речь. 1973. № 1. С. 128–133.

ровский, Константинополь, оттуда – на Афон и в Палестину, с описанием обратного пути следования. Это – последнее в русской литературе описание Константинополя как столицы Византии перед ее падением от турок в 1453 г. Впервые текст хождения был опубликован в 1889 г. в "Православном Палестинском сборнике" под редакцией Х.М. Лопарева, который обратил внимание, что несколько мест путевых заметок Зосимы почти буквально сходны с записками игумена Даниила. По его мнению, это особенно заметно в заключении⁴⁵. За основу этого издания был принят Толстовский список, были отмечены разночтения с Уваровской рукописью и Сахаровским изданием 1849 г.⁴⁶ Хождение инока Зосимы известно по семи спискам XV–XVIII вв. Самый ранний и наиболее полный – список XV в. хранится в РГАДА (Ф. 196. Собр. Мазурина. № 344). Его использовал Н.И. Прокофьев, работая над текстом, помещенном в специальном исследовании об этом источнике⁴⁷.

Два хождения: хождение на Ферраро-Флорентийский собор Неизвестного Суздальца и хождение Авраамия Суздальского XV в. описывают не Восток, а Запад.

Хождение Неизвестного Суздальца представляет собой описание пути следования митрополита Исидора и его свиты из Москвы через Тверь, Торжок, Волочок, Великий Новгород, Псков к городам Литвы, Германии, Италии на восьмой Ферраро-Флорентийский собор, где обсуждался вопрос относительно объединения (унии) двух основных христианских церквей – православной и католической. Митрополит Исидор, грек по национальности, ставленник византийских правителей, являлся участником Флорентийской унии, цель которой заключалась в укреплении связей Византии с Западной Европой. Слияние церквей вселяло в ослабевшую Византию надежду на военную помощь в борьбе с турками. Это хождение проливает свет на события политической истории Византии и Русской церкви, в частности, на противоборство православного и католического мира. А кроме того, является прекрасной иллюстрацией широты международных контактов Руси. Хождение Неизвестного Суздальца – это первые древнерусские путевые очерки о Западной Европе, об экономике, культуре, искусстве, быте и природе западноевропейских стран.

Хождение Неизвестного Суздальца сохранилось в 17 списках (из которых семь – XVI в., а остальные – XVII в.) и в двух редакциях: первоначальной, напечатанной в XVIII в. Н.И. Новиковым в "Древней Российской вивлиофике" под названием "Путешествие митрополита Исидора на Флорентийский собор в 1439 году"⁴⁸, и поздней, напечатанной И.П. Сахаровым в "Сказаниях русского народа"⁴⁹. В первоначальной редакции содержится описание самого путешествия из Москвы до Твери в Новгород, Псков, Ригу, по городам Германии, Италии до Флоренции, перечисляются многочисленные заседания собора, рассказывается об обратном пути через Хорватию, Сербию, Венгрию, Литву до Москвы, а в некоторых списках – до Суздаля. Вторая редакция (сокращенная) представляет собой позднюю переработку записок Неизвестного Суздальца. В ней подробно рассказывается о ходе самого собора.

В 1901 г. В. Малинин в работе "Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания" опубликовал текст Неизвестного Суздальца по Софийскому списку

⁴⁵ Хождение инока Зосимы 1419–1422 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1889. Вып. 24, т. 8. С. 10–12.

⁴⁶ Сахаров И.П. Путешествия русских людей // Сказания... С. 58–59.

⁴⁷ Прокофьев Н.И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Вопросы русской литературы / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1971. Т. 455. С. 12–42. Этот же список хождения Н.И. Прокофьев использовал при издании "Книги хожений..." (С. 120–136, 298–315, 406–409).

⁴⁸ Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Т. VI. С. 27–48.

⁴⁹ Сахаров И.П. Путешествия русских людей // Сказания... С. 77–79.

№ 1464, который оканчивался на описании Будина⁵⁰. Продолжила работу в данном направлении Н.А. Казакова, напечатавшая в своем исследовании текст хождения по списку БАН 16.8.13. без указаний на разночтения других рукописных списков⁵¹. По справедливому замечанию Н.В. Мощинской, издание текста первоначального варианта имело большое значение, но все же не могло отразить основные этапы литературной истории этого памятника⁵². Дальнейшее исследование рукописной традиции текста хождения привело Н.А. Казакову к выводу о существовании четырех редакций: первоначальной (полной), сокращенной (доводящей повествование только до Будина – Будапешта), антиновгородской ("Сказание о градех от Великаго Новаграда и до Рима") и второй сокращенной⁵³.

Хождение Авраамия Суздальского, также входящего в состав русской делегации на Ферраро-Флорентийский собор, дает детальное представление о Флорентийских соборах, с подробным описанием церкви пречистой Богородицы и церкви Вознесения во Флоренции, а также мистериальных представлений "Вознесения" и "Благовещения", свидетелем которых стал русский путешественник. Хождение не дошло до нас в целом виде, поэтому изучение его было затруднено. Впервые довольно большой отрывок из записок Авраамия, заключающий в себе рассказ о мистерии Благовещения, был издан Н.И. Новиковым в "Древней Российской вивлиофике"⁵⁴. Во второй половине XIX в. наиболее интересная научная публикация этого хождения была осуществлена Н.С. Тихонравовым⁵⁵. В отечественной исторической науке проблемами изучения этого источника занимался Н.И. Прокофьев⁵⁶, Н.А. Казакова⁵⁷, И.Е. Данилова⁵⁸.

В середине XV в. дважды совершил путешествие на Восток инок Варсонофий: первое в 1456 г. в Палестину и Иерусалим, второе – в Египет, Синай и повторно в Палестину. Эти путешествия описаны Варсонофием в двух хождениях. При описании Иерусалима и Палестины в первом хождении Варсонофий в значительной мере повторяет своих предшественников, рассказывая о тех же святых и святых местах, о которых не мог не говорить каждый паломник. Поэтому наиболее интересно второе хождение, которое выгодно отличается от первого богатством и разнообразием информации.

Второе хождение священноинюка Варсонофия (1461–1462) содержит подробные сведения о маршруте его путешествия от Киева до Каира и далее до Синая, прерываясь на описании обратного пути, а также интересный материал для анализа мировосприятия автора XV в. Это первые на Руси записки о Египте

⁵⁰ *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прил. С. 76–87.

⁵¹ *Казакова Н.А.* Памятники русской литературы XV–XVI вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 62–72. См. также: "Хождение" на Ферраро-Флорентийский собор / Подг. текста, пер. и коммент. Н.А. Казаковой // ПЛДР. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 458–492.

⁵² *Мощинская Н.В.* "Повесть об осьмом соборе" Симеона Суздальского и «"Хождение" на Ферраро-Флорентийский собор Неизвестного Суздальца» как литературные памятники середины XV в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. С. 10–15.

⁵³ Подробнее о истории изучения этого текста в отечественной и зарубежной историографии см.: *Acta Slavica Concilii Florentini. Documenta et Scriptores* // J. Kraicag. Roma, 1976; *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980. С. 8–22; *Дробленкова Н.Ф.* Хождение во Флоренцию 1437–1440 гг. // СККДР. Л., 1989. Ч. 2. С. 486–489; *Ломизи Е.М.* Письменные источники сведений о Флорентийской унии на Московской Руси в середине XV в. // Россия и православный Восток. М., 1996. Вып. 1.

⁵⁴ *Древняя Российская вивлиофика.* СПб., 1788. Т. XVII. С. 178–185.

⁵⁵ *Тихонравов Н.С.* Древнерусская литература: Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Авраамия 1439 г. // Соч. М., 1898. Т. 1. С. 276–281.

⁵⁶ *Исхождение Авраамия Суздальского / Подг. текста и примеч. Н.И. Прокофьева // Литература Древней Руси и XVIII в. / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 363. С. 252–258.*

⁵⁷ *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности... С. 53–63.

⁵⁸ *Данилова И.Е.* Искусство средних веков и Возрождения. М., 1984. С. 154–165.

и Синае. Структурно хождение можно разделить на две части. В первой описываются церкви Каира и его окрестности (прежде всего места, с которыми связаны легенды о бегстве Иисуса Христа в Египет). Во второй части, которая носит характер путевого дневника, Варсонофий описывает свое восхождение на три вершины святой горы Синайской. Эта часть начинается перечислением в общей сложности 40 церквей Синае, с дальнейшим описанием Синайского монастыря, его соборов и определением их расположения по отношению к трем вершинам. Хождение дошло до нас в единственном списке, входившем в состав рукописного сборника первой половины XVII в., принадлежавшего Н.С. Тихонравову. По этому списку хождение было издано в 1896 г. в Православном Палестинском сборнике под редакцией С.О. Долгова⁵⁹. Текст хождения, опубликованный в этом сборнике, был взят Н.И. Прокофьевым для публикации⁶⁰.

Хождение гостя Василия 1465–1466 гг. в Малую Азию, Египет и Палестину состоит из вступления, описания пути от Брусы до Каира, самого Каира, дороги в Иерусалим, города и его окрестностей. В этом источнике отсутствуют библейские сюжеты. Хождение показывает, что посещение русскими людьми Брусы, Каира и других восточных городов не было редкостью.

Впервые текст данного памятника был опубликован на страницах Православного Палестинского сборника под редакцией архимандрита Леонида в 1884 г.⁶¹ Во вступительной статье к изданию архим. Леонид писал, что сообщение гостя Василия дошло до нас в единственной рукописи XVI в., хотя она и была известна архивистам, но за исключением кратких из нее извлечений, помещенных А.Н. Муравьевым в его "Путешествии по святым местам в 1830 году" (СПб., 1848. С. XXXV), напечатана не была⁶².

"Хождение за три моря" Афанасия Никитина содержит подробную информацию о пути в Индию, о маршрутах передвижения по заморским землям, политических и экономических событиях XV в. в данном регионе. Этот источник можно разделить на несколько частей, которые тесным образом связаны с этапами путешествия: Описание пути из Твери до Индии; Наибольший по объему и обстоятельности рассказ о пребывании в Индии; Короткие путевые заметки о возвращении из Индии на Родину.

Хождение стало известно ученым сравнительно рано: уже в 1817 г. Н.М. Карамзин писал о нем в VI томе "Истории государства Российского". Впервые оно было издано П.М. Строевым в 1821 г. во второй части "Софийского временника", заключавшей в себе, начиная с 1425 г., летопись, названную впоследствии Софийской II летописью⁶³. В 1849 г. хождение Афанасия Никитина в Индию опубликовал И.П. Сахаров⁶⁴. В 1853 г. источник был опубликован вместе с Софийской II летописью в шестом томе Полного собрания русских летописей⁶⁵. Помещено хождение было не в тексте, а в "Прибавлении" и издано не по одному списку, где содержалась сама Софийская II летопись, а по Троицкой рукописи, открытой и процитированной Н.М. Карамзиным. В том же приложении был опубликован текст "Хождения" по списку XVII в. из собрания В.М. Ундольского. В 1910 г. в составе Львовской летописи, близкой к Софийской II этот источник также был опубликован⁶⁶.

⁵⁹ Хождение священноинок Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456–1462 гг. / Под ред. С.О. Долгова // ППС. СПб., 1896. Вып. 45, т. 15.

⁶⁰ Книга хожений... С. 162–168, 343–349.

⁶¹ Хождение гостя Василия 1465–1466 гг. / Под ред. архим. Леонида // ППС. СПб., 1884. Вып. 6, т. 2.

⁶² Там же. С. 1–3.

⁶³ Софийский временник. СПб., 1821. Ч. 2. С. 145–164.

⁶⁴ Сахаров И.П. Путешествия русских людей // Сказания... С. 170–182.

⁶⁵ Софийская летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 330–358.

⁶⁶ Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. С. 302–313.

Первое отдельное издание было осуществлено под редакцией Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц в 1948 г.⁶⁷. Здесь опубликовано два вида памятника: "Троицкий список XVI в." с разночтениями по летописным текстам и "Список Ундольского XVII в." В 1958 г. под редакцией В.П. Адриановой-Перетц вышло второе, дополненное и переработанное издание "Хождения за три моря"⁶⁸. В ходе работы по подготовке текста источника к публикации был сделан вывод о том, что ни редакцию, представленную Троицким списком, ни летописную редакцию нельзя вывести одну из другой, что они восходят к единому протографу (оригиналу или его копии). Эти наблюдения дали основание публиковать "Хождение" не по двум, а по трем версиям, представленным "Троицким списком конца XV – нач. XVI вв.", "Эттеровым списком XVI в." (список Львовской летописи с разночтениями по Софийской II летописи) и "Списком Ундольского XVII в."

В издании 1980⁶⁹ и 1982 гг.⁷⁰ в основу был положен текст летописной редакции (Эттерова списка), как наиболее близкий к первоначальному тексту Хождения; в текст были внесены лишь необходимые исправления по Троицкому списку. Но оба эти издания не имели научного аппарата. Важным событием стала публикация хождения Афанасия Никитина в 1986 г., осуществленная под редакцией Я.С. Лурье и Л.С. Семенова⁷¹. В отличие от предшествующих изданий здесь за основу был взят не Троицкий, а летописный извод. Я.С. Лурье, проделавший заново текстологическую работу над всеми рукописями, пришел к выводу, что именно летописный извод ближе всего к протографу, несмотря на то, что текст Троицкого извода в некоторых местах его существенно дополняет. Приведенная в обзоре Я.С. Лурье графическая схема происхождения списков различных изводов хождения значительно облегчает уяснение археографической истории текста⁷².

За последние два десятилетия значительный вклад в изучение текстов древнерусских хождений был внесен представителями зарубежной исторической науки. В 1976 г. в Мюнхене был опубликован труд западногерманского ученого К.Д. Зееманна "Древнерусская паломническая литература. Теория и история литературного жанра"⁷³. Объектом исследования явились 29 текстов, а также оригиналов сообщений русских паломников допетровского времени, с использованием ряда византийских хождений вместе со славянскими переводами (например, путешествие Иоханна Прокаса через Сирию, Финикию и Палестину в 1177 г., путешествие патриарха Максима из Константинополя в Египет, Синай и Палестину, о котором сообщает митрополит Даниил из Эфеса и др.⁷⁴ К.Д. Зееманн провел большую текстологическую работу с хождениями XII–XVIII вв., проанализировав в числе прочих путевых записок хождение игумена Даниила (из Чернигова в Палестину), хождение Стефана Новгородца (из

⁶⁷ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. акад. Б.Д. Грекова и чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1948. С. 9–50.

⁶⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., доп., перераб. М.; Л., 1958. С. 13–67.

⁶⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Предисл., подг. текста, перевод, коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1980. С. 45–77.

⁷⁰ Хождение за три моря Афанасия Никитина / ПЛДР. Вторая половина XVI в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1982. С. 443–477.

⁷¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Я.С. Лурье, Л.С. Семенова. Л., 1986. С. 108–111.

⁷² Кудрявцев М.К. Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986 // ВИ. 1988. № 2. С. 128–131.

⁷³ *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976.

⁷⁴ *Ibid.* S. 20–23.

Новгорода в Константинополь), дьяка Александра (из Новгорода в Царьград), хождение Игнатия Смольнянина (из Смоленска в Царьград), хождение гостя Василия (из Москвы в Каир и Палестину), Анонимное хождение в Константинополь и два путешествия священноинока Варсонофия (из Полоцка или Новгорода в Палестину)⁷⁵. Исследователь проследил историю изучения каждого текста памятника, уделив пристальное внимание вопросам датировки и авторства отдельных памятников древнерусской литературы. Представляет интерес версия К.Д. Зееманна в отношении Анонимного описания Константинополя. В отечественной литературе признается, что автором Анонимного хождения является новгородский архиепископ Василий Калика⁷⁶. К.Д. Зееман полагает, что точность в описаниях и интерес Анонима к истории Константинополя дают основание думать, что русский памятник восходит к некоему греческому путеводителю⁷⁷.

В 1984 г. новое критическое издание хождений осуществил профессор Мэрилендского университета (США) Дж. Маджеска в книге "Русские путешественники и паломники в Константинополь в XIV–XV веках"⁷⁸. В этот труд вошли записки о путешествиях за время с 1261 г., когда Константинополь был отвоеван греками у крестоносцев, до взятия его турками в 1453 г. Уже в предисловии, определяя задачи исследования, автор писал: "Цель настоящей работы – дать научное издание и перевод позднесредневековых русских путешествий в Константинополь, а также сопроводить их подробными примечаниями"⁷⁹. Ученым были реконструированы оригинальные тексты, переведены и прокомментированы хождения Стефана Новгородца, Игнатия Смольнянина, дьяка Александра, дьякона Зосимы и Анонимное описание Константинополя. Каждому из публикуемых памятников предпослано введение, в котором рассматриваются проблемы датировки, авторства и литературные особенности текста произведения.

Воссоздавая историю текста, Дж. Маджеска описывает состав рукописных сборников, содержащих тексты хождений, прослеживает их рукописные традиции, для ряда хождений составляет генеалогические таблицы (стеммы)⁸⁰. Так, составляя генеалогическую таблицу списков хождения Игнатия Смольнянина, Дж. Маджеска положил в основу публикации рукопись с наиболее архаичными лингвистическими особенностями⁸¹. Отечественные ученые в хождении Игнатия Смольнянина выделяют краткую и пространную редакцию⁸². Дж. Маджеска выделяет еще и третью, "независимую" редакцию: относящиеся к ней десять списков XV–XVII вв. содержат лишь один фрагмент – описание венчания византийского императора. В отличие от Н.И. Прокофьева, предпринявшего публикацию обоих хождений, американский исследователь идет по пути, принятому в западной историографии, и восстанавливает текст, используя чтения различных списков независимо от их редакций⁸³. В основу текста хождения

⁷⁵ Seemann K.D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S. 173–270.

⁷⁶ Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы... С. 128–137. См. также: Рыбаков Б.А. Просвещение // Очерки литературы XIII–XV вв. М., 1970. Ч. 2. С. 25.

⁷⁷ Seemann K.D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S.231–236.

⁷⁸ Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople...

⁷⁹ Ibid. P. 3.

⁸⁰ Ibid. P. 27, 124, 174.

⁸¹ Ibid. P. 173–175.

⁸² Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 363. С. 145–147; Он же. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. М., 1978. Вып. 2. С. 136–145.

⁸³ Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople... P. 63–73. См. также: Вин Ю.Я. Рец. на кн.: Маджеска Дж. Русские путешественники в Константинополь в XIV–XV вв. Вашингтон, 1984 // ВИ. 1987. № 9. С. 161–162.

Стефана Новгородца Дж. Маджеска, как и Л.А. Дмитриев, положил древнейший и наиболее полный список второй половины XVI в., известный как Академический⁸⁴. Подготовка текста "Анонимного хождения" также вызвала определенные трудности. Считая, что "Сказание" лучше, чем "Беседа" отражает текст Анонимного хождения, Дж. Маджеска вслед за Н.И. Прокофьевым берет за основу Анонимного описания текст "Сказания". При этом, однако, имеют место существенные различия: Н.И. Прокофьев реконструирует текст историка, базируясь на предшествующих изданиях "Беседы" и "Сказания", а Дж. Маджеска – непосредственно на материалах рукописей⁸⁵.

Существенные уточнения были сделаны американским ученым при анализе "Анонимного хождения". В отечественной литературе обычно считают, что этот источник относится к концу XIII – началу XIV в., а составленные на его основе "Сказания" – к первой четверти XIV в. "Беседа" же – ко второй половине XIV – началу XV в. Дж. Маджеска в датировке "Анонимного хождения" разделяет мнение К. Манго⁸⁶: упоминание о "Колюяновом городке", построенном по распоряжению императора Иоанна V Палеолога (1341–1391), служит весомым доводом для датировки "Анонимного хождения" концом XIV в. В вопросе об его авторстве Дж. Маджеска поддерживает точку зрения К.Д. Зеemannна, не аргументируя ее дополнительно⁸⁷. Анализируя хождение инока Зосимы и Игнатия Смольнянина, Дж. Маджеска выдвигает свои версии маршрутов русских путешественников, скорости и сроков их передвижения. В первом случае он составляет карту⁸⁸, во втором – таблицы о скорости их путешествий⁸⁹.

Сегодня зарубежные коллеги в отличие от российских ученых находятся в более комфортных для творчества условиях и эта тенденция будет сохраняться в ближайшие годы. Но несмотря на очевидные трудности, медиевистам многое еще предстоит сделать. Задача выявления новых списков хождений в архивах, музеях, а также их публикация по-прежнему актуальна и для тех, и для других. Наш краткий археографический обзор и, в частности, сопоставление результатов изучения хождений XII–XV вв. в отечественной и зарубежной историографии, показывает, что изучение этих материалов еще далеко не завершено. Однако успешное исследование не может быть осуществлено силами немногих, разобщенно работающих ученых. Нам представляется, что для пользы дела было бы важным создание в этот юбилейный для всех христиан год специальной программы (может быть и международной), которая в изучении хождений XII–XV вв. и последующих столетий объединила бы историков, литераторов, культурологов.

⁸⁴ См.: Хождение Стефана Новгородца / Комментарий Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XIV–XV вв. М., 1981. С. 529.

⁸⁵ Ср.: Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. // Литература... С. 145–147; Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople... P. 123–125.

⁸⁶ Mango C. The date of the Anonymous Russian description of Constantinople // Byzantinische Zeitschrift. 1952. Bd. 45. S. 380–385.

⁸⁷ Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople... P. 119.

⁸⁸ Ibid. P. 2.

⁸⁹ Ibid. P. 401–403.

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II, ХРАНЯЩАЯСЯ В РГАДА

Масштабность документального наследия Екатерины II, его ценность как исторического источника и литературные достоинства общеизвестны. Столь же бесспорно, что при значительном объеме материалов законодательных, исторических или филологических трудов императрицы главную в количественном отношении часть ее собраний образует разнообразная переписка, крупнейший комплекс которой находится в РГАДА. Поэтому настоящей обзор не касается содержательной стороны хранимых здесь эпистолярных подборок и ограничивается рассмотрением их структур и состояния с точки зрения проблем предполагаемого издания "Письма и бумаги императрицы Екатерины Великой".

В целом екатерининский архив аналогичен по своему составу другим так называемым лично-служебным архивам эпохи. Он включает: варианты текстов распоряжений подчиненным учреждениям и лицам, их донесения, мнения, просьбы, собственные и чужие проекты, выписки из всевозможных сочинений, этикетную и интимную переписку с родственниками и знакомыми, журналы путешествий, записки мемуарного характера, описания технических изобретений, каталоги библиотек и коллекций произведений искусства, архитектурные планы, счета, отрывочные заметки, – но все это с безусловным преобладанием "бумаг" если и не строго официальных, то определенно деловых.

В силу самого положения императрицы как государственного деятеля – и в какой-то мере присущей лично ей привычке думать с пером в руках – ее архив изначально был обширнее и богаче архивов ее самых активных сподвижников. Он отличается также замечательной физической сохранностью и весьма аккуратным оформлением даже черновиков и записок "для памяти", благодаря чему практически не возникает традиционных трудностей при их прочтении.

Другой важной особенностью бумаг Екатерины II при ее жизни была их чрезвычайно высокая для того времени упорядоченность. Ее секретарь Г.Н. Теплов уже не позднее середины ноября 1763 г. получил инструкцию о собирании челобитных с высочайшими резолюциями, на основании которой требовал от Сената возвращения оригиналов после копирования¹. С 1768 г. чиновники "кабинетного" архива наряду с обработкой петровских комплексов, стали регулярно принимать оконченные "производства" секретарей императрицы, зачастую уже снабженные необходимыми реестрами, и снабжать таковыми не имевшие их новейшие поступления². В начале 1780-х годов сложилась практика "взятия ко двору" документов, оставшихся после смерти крупных сановников³. Иногда они просто присоединялись к "кабинетному" архиву (как, в частности, произошло с наследием С.К. Грейга, И.П. Елагина или кн. Г.А. Потемкина)⁴, в других случаях с возвращенных наследникам подлинников снимались копии, которые включались в уже имевшиеся там подборки. Такие факты редко отмечались особо⁵, но о них не менее убедительно свидетельствует наличие в известной коллекции "Переписка высочайших особ с частными лицами" многочисленных "списков" конца XVIII в.

¹ ПСЗ. Т. 16. № 11 972.

² РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 6 об.–7 об.; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109. Ед.хр. 51 977. Л. 164–169.

³ См., например, записку Екатерины II графу А.А. Безбородко о "бумагах... кои нам принадлежат" покойного генерал-инженера Ф.В. (А.А.) Боура и эти бумаги в внутренней "кабинетной" описью того времени // Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 233; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Ед.хр. 1041. Ч. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед.хр. 436. Л. 33 об., 75 об. – 77; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109. Ед.хр. 51 977. Л. 178–178 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Ед.хр. 137^а. Л. 25 об.

В 1787 г. стал разбираться и новейший (с 1777 г.) раздел "секретных бумаг" Екатерины, которые, в отличие от секретарских, именовались "собственной архивой". Их опись, составленная между 1797 и 1799 г.⁶, позволяет судить о том, как шла разборка, оказавшая прямое влияние на дальнейшую судьбу наследия императрицы. Документы "из комнаты" поступали (в 1788–1792 гг. ежегодно) в распоряжение фактически руководившего "кабинетным" архивом графа А.А. Безбородко уже в частично систематизированном виде. Из них подборки "собственных ее величества записок", переписки с "владельцами особами" и "их высочествами", "бумаг министерских, касающихся до разных дворов", перлюстраций писем иностранных дипломатов и реляций дипломатов русских, "челобитчиковых дел" оставались нетронутыми. Они только закладывались в карты и снабжались номерами и реестрами.

Состав остальных "пакетов" и "связок" пересматривался в целях сокращения и упрощения их общей номенклатуры. Именно, доклады по Сенату, губерниям и центральным учреждениям расписывали по персоналиям и объединяли в "донесения, письма и записки разных особ", в которые не включали лишь материалы таких корреспондентов императрицы, как принц Ш.-Ж. Де Линь или братья Орловы. Дробность "дел по разным материям" значительно преодолелась путем перегруппировки их уже не по упомянутым событиям и предметам управления ("дело Гомово с приложениями", "академические бумаги"), а по его отраслям – военные дела, коммерция, суд, географические экспедиции и т.д. В результате комплексы 1777–1792 гг. удалось объединить в 62 картона⁷. Но и не успевшие пройти подобную обработку 194 картона, в которых находились в том числе и бумаги императорских канцелярий первой половины XVIII в.⁸, тоже получили валовую нумерацию и описи.

Полный учет, как это нередко бывает, позволил сразу же после смерти Екатерины начать расформирование "собственной архивы". К счастью, из намеченного Павлом I и Александром I к переносу в свои личные "кабинеты" и раздаче "по ведомствам"⁹ в Главный штаб, Морское министерство и Эрмитажную библиотеку фактически попало немного. Эти компактные подборки, в основном сохранившие первоначальную целостность, а иногда и справочный аппарат, ныне распределены между ГАРФ, РГА ВМФ, РГВИА и РНБ. Главный массив "кабинетной" документации в начале 30-х годов XIX в. воссоединился во вновь созданном Государственном архиве Министерства иностранных дел (Госархив), "разряды" (фонды) которого и образуют ядро екатерининских собраний в современном РГАДА.

Здесь при разборе перечисленных материалов опять были использованы приемы, которые относительно "собственных дел" императрицы сложились и устоялись в последней четверти XVIII в. Но тогда возникла своеобразная рабочая картотека сравнительно ограниченного круга всегда бывших под рукой дел, которая обеспечивала их эффективный поиск и использование в текущей политике¹⁰. В 1860-е годы попытка распространить принципы этой картотеки на наследие "кабинетов" всего предшествующего столетия привела к результатам прямо противоположным, что, в свою очередь, предопределило специфику последующих исследований и публикаций.

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед.хр. 436. Л. 1–103.

⁷ Там же. Л. 1–67 об.

⁸ Там же. Л. 77 об. – 79.

⁹ См. соответствующие пометы на листах вышеупомянутой описи, а также: Кононов Ю.Ф. Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи // ТМГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 284–285.

¹⁰ См., например, книгу регистрации выдачи (А.Н. Самойлову, графу Н.И. Панину и др.) и возвращения в "кабинетный" архив секретарских и "собственных" дел за 1780–1788 гг. (РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед.хр. 155. Л. 1–8 об.).

Казалось бы, систематизация Госархива по образцу систематизации "собственных бумаг" Екатерины не должна была повредить последним. Действительно, переписку с европейскими монархами просто переименовали в "Переписку лиц императорской фамилии и других высочайших особ" (ныне: РГАДА. Ф. 4), переписку официальную и дружескую – в "Переписку высочайших особ с частными лицами" (Ф. 5), "министерские бумаги" – в "Дипломатический отдел" (Ф. 15). Донесения 70–80-х годов XVIII в. (дополненные во второй половине 1790-х годов несколькими более ранними и поздними комплексами) превратились в "Переписку разных лиц", а те, которые к моменту передачи в Госархив еще не были расписаны поименно, вошли во "Внутреннее управление" (Ф. 16). За "собственноручными записками" государыни закрепили название ее "Кабинета" (Ф. 10. Оп. 1), а изъятые ее преемниками в качестве лично памятных или не подлежащих разглашению предстали перед учеными конца XIX в. как "Секретные пакеты" (Ф. 1).

Остальные документы, как и прежде, сливались в особые, возможно более крупные группы. Разница в том, что служащие канцелярии императрицы и ее архива в формировании подобных групп руководствовались потребностями и навыками административной практики. Историки же XIX в., пользуясь понятием "ведомство", имели в виду не организацию управления, а его предмет или, точнее, тематику сложившейся в процессе управления документации, выделение которой и считалось главным критерием научной систематизации архивных бумаг. Так возникли коллекции "придворного" (Ф. 14), "духовного" (Ф. 18), "военного" (Ф. 20) и "морского" (Ф. 21) "ведомств", "дел" – "собственно до императорской фамилии относящихся" (Ф. 2), "о Польше и Литве" (Ф. 12), "о Малороссии" (Ф. 13), "судных" (Ф. 22), а также связанных с "науками, литературой, художествами и искусствами" (Ф. 17), "финансами" (Ф. 19).

По тем же принципам построили собрания, которые находились в "кабинетном" архиве, не смешиваясь с екатерининскими материалами, или вообще поступили в Госархив из других хранилищ. Это: "Сибирские дела" Московской экспедиции Кабинета е.и.в. о продаже мягкой рухляди, которая унаследовала акты Сибирского приказа XVIII в. (Ф. 24); "кавказские дела" канцелярий командующих Моздокской укрепленной линией (Ф. 23); "Уголовные дела по государственным преступлениям" (Ф. 6) и аналогичный им по происхождению и содержанию комплекс "Преображенского приказа, Тайной канцелярии и Тайной экспедиции" (Ф. 7); наконец, "Калинкинская комиссия и дела о преступлениях против нравственности" (Ф. 8). Сюда, согласно подходу П.П. Пекарского и Н.А. Гиббенета, вместе с документами "Калинкинской" комиссии, борющейся с проституцией в Петербурге 1750-х годов, вошли "кабинетные" документы о семейных неурядицах придворных и масонстве, вплоть до конца XVIII в. Но подобные включения, более или менее курьезные с современной точки зрения, имеются не только во вновь созданных комплексах.

Тематической перетасовке подверглись в Госархиве все составные части автономных разделов "кабинетного" архива екатерининского времени – и "собственные бумаги", и материалы секретарей, и отложившиеся в императорских канцеляриях акты других учреждений и эпох. И повсюду укрупнение учетных групп достигалось не объединением "производств" однородного происхождения, как это было при гр. А.А. Безбородко (при соотношении в среднем первоначальной и конечной численности картонов как 3:1). Напротив, органически сложившиеся дела разрушались либо на единичном уровне ради реконструкции ярких политических событий¹¹, либо путем сведения в данный

¹¹ Таково, в частности, "дело" о движении в гвардии против братьев Орловых, куда вместе с подлинным производством 1763 г. Следственной комиссии в составе кн. М.Н. Волконского и В.И. Суворова (включая автографы Екатерины) вошла переписка Кабинета е.и.в. с Сенатом о

"разряд" отдельных подборок по признаку какого-либо сюжета при отрыве их от остальных (вроде изъятия реляций послов, ведущих переговоры о браках великих князей, из дипломатической переписки определенного периода ради слияния в "Дела, собственно до императорской фамилии относящиеся").

Коренная перестройка структуры прежнего "кабинетного" архива, естественно, потребовала создания нового справочного аппарата, причем ее характер не мог стимулировать детализации описательных статей. Правда, Госархив приобрел неведомую его историческому предшественнику стройность, а его однотипные описи (всего 21) заменили около тысячи разноплановых реестров¹². Но внешней простоты и единообразия удалось добиться ценой не только существенной утраты целостности, но и предельного обобщения характеристик – вплоть до превращения состоявшейся в 1784 г. экспедиции "для осмотра на р. Эмбе назначенных к крепостному строению мест" в недатированное "заселение берегов р. Эмбы"¹³.

Переписку Екатерины перекомплектовывали реже, чем "дела", но все сказанное относится и к ней. Она есть во всех перечисленных фондах Госархива, а качество ее описания таково, что можно быть уверенным лишь в сосредоточении большинства писем императрицы (чуть менее 77 тыс. листов вместе с ответными письмами корреспондентов¹⁴) в "Переписке высочайших особ с частными лицами" и "Переписке лиц императорской фамилии и других высочайших особ". Число ее адресатов устанавливается только приблизительно – кроме монархов и высшего духовенства – около 150 персон во всех коллекциях (при учтенных здесь свыше 2,5 тыс. единиц хранения за 1762–1796 гг.). А сколько всего писем заключают в себе эти "разряды", каковы их листаж, соотношение автографов, беловых и черновых вариантов, отпусков, позднейших копий – неясно даже примерно.

Содержание писем не освещается в указанных описях почти никогда, а даты приводятся не всегда и часто ошибочны. Но и одно перечисление имен много говорит историкам и ориентирует в поиске отразивших события царствования документов более надежно, чем лаконичные заголовки других подборок, в которых за "сожжением присяжных листов Иоанну Антоновичу" могут скрываться и присяги Петру III и Екатерине II руководящего персонала подчиненных "кабинету" фарфорового завода и "бриллиантовой и агатовой мельницы"¹⁵. Однако нужно помнить и то, что в 80-е годы XVIII в. письма императрицы сознательно соединяли с докладами ей¹⁶, ее автографы, полученные от наследников, – с "кабинетными" черновиками¹⁷, "кабинетные" подлинники – со снятыми с документов личных архивов копиями¹⁸ и т.д. Реконструкция таким образом переписки Екатерины с ее виднейшими сподвижниками тоже представляет собой в какой-то мере фундамент для воссоздания в хронологической последовательности упомянутых в них обстоятельств государственной и частной жизни.

дальнейшей судьбе Ф.А. Хитрово, его смерти и именах его наследников 1770, 1774 и 1794 гг. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 398).

¹² Об их примерной численности, кроме вышеупомянутой описи "собственной архивы", позволяют судить (неясно, насколько достоверно) фрагментарные выписки из "секретарских дел" разбиравшего их в начале 1830-х годов статс-секретаря Д.Н. Блудова (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 560. Л. 56–165 об.).

¹³ Ср.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед.хр. 436. Л. 18 об.; РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед.хр. 209.

¹⁴ Здесь и далее подсчеты мои. – М.Б.

¹⁵ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 62. Л. 7–12.

¹⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Ед.хр. 119. Переписка Екатерины II с Г.Н. Тепловым.

¹⁷ Там же. Ед.хр. 102–102^а. Письма Екатерины II А.Н. Сенявину.

¹⁸ Там же. Ед.хр. 94. Письма Екатерины II Н.И. Панину.

Неудивительно, что именно "Переписка высочайших особ с частными лицами" с присоединением к ней записок из фонда "Кабинета" и затем "Переписки лиц императорской фамилии и других высочайших особ" легла в основу публикации данного архива в "Сборниках Русского исторического общества", а сама эта публикация приобрела, соответственно, отчетливо персональный характер¹⁹. В частности, в первом выпуске "Бумаг" рескрипты, письма и записки императрицы разным лицам примерно шестикратно преобладают над манифестами, указами учреждениям, отдельными донесениями и проектами, а также буквально единичными "расписаниями" и "ведомостями", которые изначально являлись приложениями к тем же самым источникам эпистолярного характера.

Остальной массив деловых материалов, включая "указные книги" секретарей, а также официальные или полуофициальные доклады на высочайшее имя, составители, по-видимому, просто не смогли последовательно обзреть. Соответственно, в печать из фондов Госархива и тогда, и впоследствии попадали лишь отдельные, целенаправленно выявляемые документы – о перевороте 28 июня 1762 г., о "княжне Таракановой", А.Н. Радищеве и т.п.

Со времени издания, предпринятого Русским историческим обществом, справочный аппарат упомянутых собраний пополнился, главным образом, подокументным описанием "Дел, собственно до императорской фамилии относящихся"²⁰. Здесь были освещены переписка самой Екатерины и ее дипломатов в 1770–1790-е годы по поводу укрепления династических связей русского и европейского дворов, инструкций графу Н.И. Салтыкову и его отчеты о здоровье и воспитании великих князей Александра и Константина 1782–1792 гг., крупные (более 400 листов) комплексы канцелярий императрицы и князя Г.А. Потемкина по подготовке высочайшего путешествия в Крым в 1787 г. и донесения управлявшего в это время Петербургом графа Я.А. Брюса, некоторые другие документы – всего, в номинальном выражении около 20 ед.хр.

В начале XX в. Н.П. Павловым-Сильванским было сделано квалифицированное поединичное описание сформированных из не разобранных ранее материалов "Новых дел" (Ф. 30). Из них к екатерининской эпохе относятся прежде всего уже опубликованные тогда в т. 44 "Сборников РИО" письма барона Ф.-М. Гримма 1776–1796 гг. Другие подборки представляют собой фрагменты секретарских производств – И.П. Елагина, Г.Н. Теплова, С.М. Козьмина, графа А.А. Безбородко и В.С. Попова.

В советское время все "разряды" дополнялись из прежде не описанной россыпи, аннотирование которой (особенно осуществленное в 1970–1980-е годы), в основном, отвечает научным требованиям. Но на состав коллекций Госархива в целом и состояние его справочного аппарата эти новейшие поступления, по своей сравнительной малочисленности, не повлияли.

Зато очевидное влияние на концентрацию наследия Екатерины II оказало само образование Архива древних актов, куда на разных этапах его складывания после 1917 г. влились, наряду с Госархивом, бывшие собрания Московского

¹⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел / Собр. и изд. П.П. Пекарский, Я.К. Грот. СПб., 1871–1885. Т. 1–5 (Сб. РИО. Т. 7, 10, 13, 27, 42); Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом / Под наблюдением А.А. Половцова. СПб., 1876 (То же. Т. 17); Переписка императрицы Екатерины II с королем Фридрихом II / Сообщил А.М. Горчаков. СПб., 1877 (То же. Т. 20); Письма императрицы Екатерины II к Гримму / Изд. Я. Грот. СПб., 1878 (То же. Т. 23); Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II / Изд. Я. Грот. СПб., 1881–1885. Т. 1–2 (То же. Т. 33, 44); Политическая переписка императрицы Екатерины II / Под наблюдением Ф.А. Бюлера, В.А. Уляницкого, Ф.Р. Остен-Сакена, Н.В. Голицына. СПб., 1885–1914. Ч. 1–9 (То же. Т. 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135, 145).

²⁰ Горяинов С. Госархив: Разряд II: Дела, собственно до императорской фамилии относящиеся. СПб., 1913.

главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) и Общего архива Министерства императорского двора. В учетно-номинальном (т.е. поединичном) отношении они (около 900 и около 5 тыс. ед.хр.) примерно вдвое объемнее собраний Госархива, реально (по количеству листов) определенно скромнее, а главное, отличаются гораздо меньшей пестротой.

Комплекс МГАМИД располагает, кроме того, более адекватными описями, в первую очередь та его часть, которая отложилась в самой Коллегии иностранных дел и ныне входит в "Царские подлинные письма" (Ф. 142. Оп. 3–4). Сюда были специально выделены высочайшие распоряжения ее руководителям графам Н.И. Панину и А.А. Безбородко, послам и военным деятелям, в том числе графам Г.-Х. Кейзерлингу, О.М. Штакельбергу, князю Н.В. Репнину, графам П.А. и Н.П. Румянцевым, С.К. Грейгу, проекты писем европейским монархам, резолюции и заметки на реляциях, рассуждения по вопросам внешней политики. Они сохранились как в разрозненном виде, так и в подборках, крупнейшие из которых – 108 писем Екатерины вице-канцлеру князю А.М. Голицыну (1763–1777) и 42 вице-адмиралу принцу К.-Г. Нассау-Зигену (1791–1792). Большинство датировано и снабжено характеристиками, удовлетворительно раскрывающими содержание.

Другая группа материалов попала в МГАМИД предположительно в первой половине XIX в. из разных сенатских архивов. Собственно "кабинету" императрицы из них принадлежит около 130 "единиц" (самая значительная – около 80 донесений новгородского губернатора графа Я.Я. Сиверса за 1765–1775 гг.). Они включают фрагменты переписки Екатерины в 1762–1792 гг. с московскими главнокомандующими П.Д. Еропкиным, князьями М.Н. Волконским и А.А. Прозоровским, некоторые бумаги по Уложенной комиссии, "производства" Г.Н. Теплова по Комиссии о вольности дворянской и реформе штатов первой половины 1760-х годов, графа А.А. Безбородко по вопросам церковной политики 1786–1791 гг., а также отдельные письма и проекты. Остальное – преимущественно доклады, экстракты и иные документы Сената и ряда других учреждений, в основном московских (Монетной экспедиции, Конторы банка для дворянства, Экспедиция Штатс-конторы). В МГАМИД все эти материалы перемешались с коллежскими и были, вероятно, предназначены к распределению, подобно Госархиву, между тематическими коллекциями "дел по внутреннему управлению".

Однако такое распределение по сути не состоялось. Лишь немногие бумаги 1760-х годов попали в "Дела, относящиеся до образования разных государственных учреждений" (Ф. 370) и кое-что из писем²¹ – в "Рукописный отдел библиотеки МГАМИД" (Ф. 181). Около 25% перечисленного (свыше 200 ед.хр.) отобрали в коллекцию "Сношения русских государей с правительственными местами и должностными лицами" (Ф. 168), куда включили и оставшуюся после изъятия писем Екатерины часть ее переписки с князем А.М. Голицыным, графами М.И. Воронцовым и А.П. Бестужевым-Рюминым. Данный фонд получил (уже в Архиве древних актов) качественное, иногда даже более тщательное, чем "Царские подлинные письма", описание. Но глухой реестр более половины названных документов (около 500 ед.хр.), обозначаемых до 1940-х годов как "Внутренние коллежские дела", при объединении их с "Кабинетом" Госархива не был усовершенствован (а, возможно, впервые был тогда составлен): ныне это оп. 3 (Ф. 10), в которой указаны одни лишь фамилии, учреждения и крайние даты.

²¹ Гр. А.А. Безбородко (1790), гр. Я.А. Брюсу (1785–1786, 1790), гр. А.Р. Воронцову (1779), П.Д. Еропкину (1787–1790), М.В. Каховскому (1792), И.В. Лопухину (1786), Г.Ф. Миллеру (1783), гр. И.А. Остерману (1784), гр. Н.И. Панину (1773), архиепископу Платону (1777), гр. П.С. Салтыкову (1770), гр. З.Г. Чернышеву (1782, 1784), И.И. Шувалову (1785).

В силу долгой незавершенности описания "внутренних" коллекций МГАМИД или каких-либо иных причин, к этим материалам ученые обращались редко и опубликовали, кроме бумаг по планируемым в начале 1760-х годов административным и сословным преобразованиям²², главным образом, некоторые письма Екатерины в составе ее "Политической переписки". Что же касается "дворцовых" комплексов, то они, насколько известно, пока не публиковались.

От Архива Министерства императорского двора РГАДА унаследовал ту часть "кабинетных" собраний, которую в 30-е годы XIX в. не передали в Коллегию иностранных дел как нужную для текущего управления. Когда же в середине 1880-х годов большинство этих документов утратило актуальность, их стали пересылать не в Госархив, а в Московское отделение Общего архива дворцового ведомства, снабжая сдаточными описаниями самого различного уровня аннотирования. При этом выделенная, как и в МГАМИД, в отдельную группу собственноручная переписка императрицы была охарактеризована весьма поверхностно. Присоединенная в 1940-е годы к фонду ее "Кабинета" в Госархиве (Ф. 10. Оп. 2), вся она принадлежит к бывшей "собственной архиве" и состоит в основном из разрозненных (около 110 ед.хр.) недатированных распоряжений без обозначения адресатов, среди которых выделяются письма графу Я.А. Брюсу периода путешествия в Крым и записки 1780–1790-х годов петербургскому обер-полицеймейстеру Н.И. Рылеву.

Материалы второй половины XVIII в., которые ныне учтены в РГАДА как "Канцелярии статс-секретарей" и "Кабинет е.и.в." в составе так называемого объединенного фонда "Дворцовый отдел"²³ и в РГИА как "Кабинет е.и.в."²⁴, тоже содержат фрагменты "собственных бумаг", в том числе петровского и елизаветинского времени. Но преобладают здесь секретарские "производства" 1780–1790-х годов, из которых около половины общего объема по ф. 1239 (не менее 2 тыс. из 5 тыс. ед.хр.) образуют прошения на высочайшее имя.

В отличие от аналогичной по происхождению документации Госархива, данный комплекс не столько систематизировался, сколько инвентаризировался после того, как группа "маловажных" материалов была изъята и уничтожена. Для выяснения, насколько велика была эта группа, необходимо специальное исследование – судя по многим пометкам в описях, "чистка" не коснулась дел, решавшихся при личном участии Екатерины. Но можно со значительной долей вероятности предполагать, что отобранное к хранению фиксировали в том порядке, в котором извлекали из механически сформированных картонов, и с той тщательностью, которая зависела исключительно от доброй воли просматривавшего конкретный картон чиновника²⁵.

Такой подход к обработке дел, к моменту ее начала фактически находившихся в состоянии россыпи, несомненно, способствовал сравнительно точному установлению их физических параметров, если и не по листажу, то хотя бы по количеству поступавших в "кабинет" докладов, проектов и т.д. Сопоставление этих данных со сведениями по искусственно образованным

²² Материалы для истории русского дворянства / Изд. Н. Калачовым. СПб., 1885. Вып. 2/3; *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941. Т. 2.

²³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80, 89, 109, 111, 113–116, 118; Оп. 4, 30.

²⁴ Там же. Ф. 468. Распределение комплексов упраздненного Архива Кабинета е.и.в. между Общим архивом Министерства императорского двора и его Московским отделением в 1880-е годы происходило, как и 50 лет до того, по признаку наличия или отсутствия практической значимости для действующих тогда в Петербурге дворцовых учреждений.

²⁵ В дальнейшем, вероятно, планировалось группировать дела по отраслям управления, но в особые описи успели выделить преимущественно материалы по Ассигнационному и Заемному банкам, Комиссии о коммерции и Петербургской портовой таможне (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Ед.хр. 40 399–40 562).

подборкам Госархива за равные периоды времени дает возможность представить, пусть примерно, действительный масштаб последних, который, по крайней мере, весьма существенно превосходит как их номинальные характеристики, так и размеры хранимого накануне 1917 г. в ведомстве Министерства двора. Освещение содержания в совокупности описей ф. 1239 тоже в среднем выше описей Госархива и практически исключает наличие здесь документов, никак не связанных с заголовками.

Сказанное дает основание для вывода, что около 2 тыс. дел по финансово-хозяйственным операциям канцелярии императрицы и по личному составу ее служащих²⁶ скорее всего не несут значительной информации о "работе" Екатерины в области управления империей. Но не менее тысячи единиц ее официальной переписки с Сенатом, центральными учреждениями и особенно губернаторами и генерал-губернаторами со второй половины 1770-х годов до конца царствования непременно должны быть исследованы при подготовке фундаментальной публикации ее "бумаг". И в первую очередь это относится к записным книгам указов и повелений за 1776–1796 гг., которых в "Дворцовом отделе"²⁷ свыше 60.

Именные указы различным учреждениям и лицам всегда справедливо признавались одним из важнейших источников изучения государственной деятельности выдающихся российских монархов. К сожалению, именно этот вид переписки в XVIII в. до наших дней было принято учитывать обобщенно, отмечая в лучшем случае, кому и когда были адресованы распоряжения, и подлинники, и отпуски которых обычно изначально объединялись в "журналы", "тетради" и т.п. Так чаще всего описаны "указные" подшивки в вышеперечисленных фондах и там, где они являются единственными документами, прямо связанными с именем императрицы, в частности, в комплексе новгородской губернской канцелярии из "Именных указов и высочайших повелений Сенату" (Ф. 1451) и в "Судном приказе" (Ф. 239). Екатерининские указы, не всегда известные историкам, несомненно, имеются также в рукописных собраниях и личных архивах, в центральных учреждениях, за функционированием которых она следила особенно пристально, наконец, в Сенате.

Конечно, полно обозреть в поисках только написанного и продиктованного ею все документы РГАДА было бы едва ли реально и при ином состоянии их справочного аппарата. Еще более утопической может показаться задача, сформулированная Русским историческим обществом накануне издания дипломатической переписки Екатерины II: опубликовать, кроме собственноручных бумаг, те "министерские" бумаги и доклады, на которых есть ее резолюции или резолюции по ее повелениям, а также документы, которые "дополняют и развивают ее указания и предначертания"²⁸. Но важно отметить и то, что требование по сути подокументной публикации источников о руководстве внешней политикой России второй половины XVIII в. выдвинули не неопытные идеалисты, а ученые, которые уже выпустили пять томов переписки внутривосточной, исходя из гораздо более умеренных критериев²⁹.

Тем не менее, хотя расширение понимания категории "писем" императрицы и касалось тогда относительно ограниченной группы материалов, однородных по происхождению и содержанию, поставленных целей все же не удалось достичь в достаточно длительные сроки. Теперь, когда предполагается осветить все стороны творчества Екатерины, включая законодательные и литературные сочинения, при опоре на давно не отвечающие самым скромным запросам описи

²⁶ Подобные дела, главным образом, учтены по современной оп. 3, ч. 109.

²⁷ Прежде всего в оп. 3, ч. 118.

²⁸ Сб. РИО. Т. 48. С. II.

²⁹ Ср.: Сб. РИО. Т. 7. С. VII–VIII.

и в несравненно более неблагоприятных материальных условиях, стремление печатать в качестве "переписки" что-либо, кроме рескриптов и писем крупнейшим сподвижникам, заранее обречено на неуспех.

Думается, однако, что трактовка "переписки" в заключительной серии публикаций екатерининской эпохи в "Сборниках РИО" сегодня не имеет достойной альтернативы. Ведь возможности массового отбора документов по персональному признаку, обеспеченные систематизацией "кабинетных" собраний XVIII–XIX вв., были исчерпаны уже ее создателями. Любая попытка выйти за рамки этого монументального труда посредством использования новых фондов, включения других лиц или даже опущенных составителями за полной неатрибуированностью фрагментов поставит исследователей перед целым комплексом взаимосвязанных проблем. Существенных временных затрат потребует одно только установление уже изданного, поскольку учет его до самого последнего времени не велся ни в одном из действующих хранилищ и их предшественниках, причем не только разрозненных публикаций, во множестве разбросанных в дореволюционной периодике, но и таких "глыб", как "Сборники РИО" или "Полное собрание законов Российской империи".

Относительно слабая изученность эпохи вообще и ее повседневной политической практики в частности мешает адекватному пониманию иногда даже хрестоматийно известных "по литературе" текстов, заставляя обращаться для разъяснения отобранных писем к органически связанным с ними другим архивным документам. Невозможность в большинстве случаев отыскать эти документы при отсутствии необходимых сведений в ныне существующих описях и каталогах ведет, в свою очередь, к полистному просмотру десятков хронологически "подходящих" фолиантов. А в ходе такого просмотра "сами собой" воссоздаются внутренне слитные, как делается очевидным по окончании работы, комплексы тех составляющих переписки монарха, которые и имели в виду члены Совета Русского исторического общества, говоря о документах "в дополнение и развитие" собственных писем государыни – экстрактов из дел различных учреждений, донесений и проектов, вызывающих новые высочайшие суждения и т.д.

Можно бесконечно долго спорить о том, помещать ли при публикации сопутствующие "письмам" "бумаги" вместе с ними или в комментариях, целиком, в извлечениях или вовсе заменить "глухими" ссылками на архивные шифры, а также о преимуществах группировки по алфавиту или по хронологии, о критериях отделения адресованного Сенату от адресованного генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому и т.д. Но бесспорно, что непременным условием полноценного научного издания "писем и бумаг" Екатерины является радикальное реформирование справочного аппарата его источниковой базы. Прежде всего это актуально для РГАДА, описи которого сами по себе – замечательный документальный памятник и ценный источник по истории архивного дела в России, но тем не менее далеко не совершенны как средство поиска.

Здесь не помогут частичные улучшения путем составления перечней фондообразователей, именных указателей или использования иных традиционных способов. Устаревшую в целом систему охарактеризованных в данном обзоре реестров, которые складывались на протяжении двух веков и все более или менее неудовлетворительны с современной точки зрения, должен заменить каталог, созданный на основе подокументного описания материалов, до сих пор учтенных лишь поединично. И задача такой каталогизации, выдвинутая в качестве одного из главных направлений работы Екатеринбургской комиссии, вполне выполнима.

Уже концентрация собраний разных дореволюционных ведомств в рамках одного федерального архива упрощает реконструкцию "разбитых" в процессе

хранения дел, заполнение хронологических лакун или сопоставление вариантов тех или иных текстов. Окончательное завершение инвентаризации екатеринских комплексов, при всех ее недостатках, дает возможность ориентироваться в них хотя бы по именам и датам. Наконец, ныне существуют и крупные публикации, среди которых нельзя не выделить новейший фундаментальный труд – издание переписки императрицы с Г.А. Потемкиным, снабженный великолепными научными комментариями³⁰. В процессе их подготовки было установлено бесчисленное множество дат, имен и обстоятельств, проясняющих значение отрывков, "безгласных" для ученых прошлого.

Разумеется, сплошная подокументная каталогизация хотя бы тех материалов, которые несомненно принадлежат императорскому "кабинету", потребует больших сил и займет, даже по вполне радужным подсчетам, не одно десятилетие. Но зато сама работа по ее проведению не только создаст в будущем надежную основу для предполагаемого издания, но и на всем ее протяжении будет активно стимулировать изучение екатеринской эпохи в целом, а также постепенно повышать качественный уровень справочного аппарата архива, где находится главный массив "писем и бумаг", отразивших эту эпоху.

В.Г. Бухерт, Л.И. Шохин

ОБЗОР ПЕРЕПИСКИ М.А. ОБОЛЕНСКОГО С ИСТОРИКАМИ Я.И. БЕРЕДНИКОВЫМ, Н.Г. УСТРЯЛОВЫМ И А. ХЫЖДЕУ

Князь Михаил Андреевич Оболенский (1806–1873) – один из известнейших русских историков-архивистов, с 1833 г. служил главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров МГАМИД, с 1840 г. до самой смерти возглавлял этот архив¹. В фонде М.А. Оболенского в РГАДА сохранилась его переписка с Д.Н. Блудовым, О.М. Бодянским, М.И. Броссе, А.В. Горским, Н.В. Калачовым, Н.И. Костомаровым, митрополитом Макарием (Булгаковым), М.П. Погодиным, М.Ф. Поссельтом, С.П. Шевыревым и др. Наиболее существенную по содержанию часть эпистолярного наследия М.А. Оболенского составляет его переписка с Н.Г. Устряловым, Я.И. Бередниковым и А. Хыждеу, касающаяся истории археографии.

Яков Иванович Бередников (1793–1854) – академик, член Археографической комиссии со времени ее создания в 1834 г., главный редактор изданий Археографической комиссии с 1838 г. Постоянные личные контакты между Оболенским и Бередниковым возникли по поводу издания "Актов исторических", которыми до сих пор широко пользуются при изучении истории России XVI–XVII вв.² В переписке речь идет также о начале издания "Полного собрания русских летописей" (продолжающегося до настоящего времени), о новинках научной литературы исторического и филологического характера, об архивах и архивистах, об археографической работе над отдельными памятниками письменности (такими как Остромирово евангелие) и о перспективах издания массовых исторических источников (писцовых книг, отражавших состояние хозяйства каждого из уездов Российского государства).

³⁰ Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 / Подг. В.С. Лопатин. М., 1997.

¹ Подробнее о нем см.: Бухерт В.Г. Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 155–164.

² См. Письмо Оболенского Бередникову от 12 августа 1839 г.: Письма к Я.И. Бередникову Н.Н. Мурзакевича, М.Т. Каченовского, И. Шульгина, кн. М.А. Оболенского, А.А. Куника / Сообщ. И.П. Мордвинов // РА. 1911. № 3. С. 371.

11 августа 1839 г. Оболенский писал Бередникову: "Смею Вас уверить, что одно из самых приятнейших воспоминаний пребывания нашего в граде св. Петра будет возобновление знакомства с Вами. Для меня чрезвычайно приятно и лестно, почтеннейший Яков Иванович, более сблизиться с человеком, который столь усердно и с таким самоотвержением посвящает себя на добросовестную обработку драгоценных отечественных исторических материалов"³.

5 сентября 1839 г. Бередников сообщил Оболенскому об избрании его членом Археографической комиссии, утвержденном министром народного просвещения, и обрисовал ему картину возможного сотрудничества в научно-издательской сфере. "Акты, доставленные Вами, войдут в состав разных изданий Комиссии. Она будет благодарна Вам, если Вы и впредь не оставите снабжать ее подобными драгоценными приобретениями. Нет ли на первый случай чего-нибудь для царствования Иоанна Грозного и Федора Иоанновича? Грамоты этого времени могли бы очень кстати войти в первый том "Актов исторических", печатаемых [отцом] Иоанном Григоровичем⁴. Мы имеем в виду, кроме летописей, издать в свет:

1) собрание исторических актов на русском наречии (оно, как выше сказано, печатается);

2) собрание таких же актов на литовско-русском языке;

3) дополнение к актам юридическим, т.е. к собранию форм старинного делопроизводства, вышедшему в свет в начале нынешнего года⁵;

4) акты юридические на литовско-русском наречии; и

5) акты на иностранных языках, относящиеся к русской истории.

Вот очерк общих наших занятий по части дипломатики. *Жатва многа* [здесь и далее выделено автором писем] делателей же мало!" (Л. 10–11).

Оболенский немедленно послал ответное письмо 13 сентября 1839 г.: «Теперь я деятельно займусь списыванием актов по всем 5-ти разрядам, в Вашем письме исчисленным, и преимущественно актами времен царствования Иоанна Грозного и Федора Иоанновича, и постараюсь как можно скорее к Вам оные доставить. На днях я встретился с Ивановым⁶, который недавно назначен корреспондентом Археографической комиссии. Он спрашивал у меня, чем он может быть в особенности полезен комиссии. Я ему присоветовал, согласно письму Вашему, списать из архивов, находящихся в их ведомстве, поболее актов времени царя Иоанна Грозного и Федора Иоанновича, и как можно скорее к Вам доставить, чтобы они могли войти в 1-й том "Актов исторических", печатаемых [отцом] Иоанном Григоровичем. Он обещался предоставлять моему совету. У Иванова есть приготовленная совсем к печати *переписная книга* города Казани, составленная вскоре после последнего взятия сего города. Он желал бы ее также переслать в Археографическую комиссию, но не знает, принесет ли этим ей пользу. Я с своей стороны в скором времени доставлю Вам образчик с *переписных книг Новгородской области*, которая переписана была с переложением обжей в сохи около 1498-го года, в государственование великого князя Иоанна III-го» (Л. 12–13об.).

По-видимому, Оболенский упоминал изданную им позднее с предисловием сотрудника МАМЮ И.Д. Беляева "Переписную окладную книгу по Новгороду Вотской пятины 7008 года [1500 г.] (вторая половина)" (Временник МОИДР. М.,

³ РГАДА. Ф. 395 (М.А. Оболенский). Оп. 1. Д. 162. Л. 1 об.–2. Далее ссылки на д. 162 даются в тексте статьи.

⁴ Григорович И.И. (1792–1852) – член Археографической комиссии с 1837 г.

⁵ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

⁶ Иванов П.И. (1794–1864) – инспектор московских Сенатских архивов (Московского государственного архива старых дел, Разрядно-Сенатского и Поместно-Вотчинного) с 1842 г., после слияния трех названных архивов и образования МАМЮ – директор МАМЮ (1852–1864).

1851. Кн. 11. С. 1–464). Вскоре П.И. Иванов издал "Обозрение писцовых книг по Московской губернии" (М., 1840) и "Обозрение писцовых книг по Новгороду и Пскову" (М., 1841). Археографическая комиссия взяла на себя издание древнейших писцовых книг из МГАМИД, но не так быстро, как предполагал Оболенский (Новгородские писцовые книги XV–XVI вв. СПб., 1858–1915. Т. 1–6). 25 октября 1839 г. он писал Бередникову: "До сих пор не было напечатано ни одной переписной книги, а новгородские как древнейшие из сохранившихся до ныне особенно любопытны, заключаая в себе множество важных и неизвестных статистических фактов. Если Комиссия признает нужным напечатать эти переписные книги, то сим трудом с особенным успехом может заняться Пав[ел] Мих[айлович] Строев или Иванов, которому эта часть очень хорошо известна" (Л. 15 об.).

Бередников 9 февраля 1840 г. писал Оболенскому о текущей работе Археографической комиссии и о планах, осуществление которых могло растянуться надолго. «Я начну скоро печатать рукопись, найденную в Швеции и доставленную Соловьевым⁷ под заглавием: "О состоянии России при царе Алексее Михайловиче"⁸. Печатается и третий том исторических актов, заключающий в себе "царствование Михаила Феодоровича". О Сенатских архивах мы получили записку от г[осподина] Иванова. Там *жатва многа*. Я твердо уверен, что если разобрать эти архивы с умением, т.е. с знанием археографического дела, списать важнейшие акты, а из прочих сведений (к[ак]-т[о] из боярских списков, писцовых книг и пр. и пр.) составить по разным отраслям исторической науки извлечения, своды, таблицы и т.п., то результат будет изумительный. Сенатские архивы стоят того, чтобы наряжена была для них вторая *Археограф[ическая] экспедиция*⁹. Но гг. сенатские или другие *чиновники* этого сделать не в состоянии, ведь не всякому же бить Геродотом. Ныне не доверяют познаниям Клапротов¹⁰ и Шамполионов¹¹... а мы хотим, чтобы профаны *inter nos sit dictum*¹², (чистые профаны?) состряпали нам дипломатику и кучу других вспомогательных наук по исторической части: ведь всего этого мы вправе и можем надеяться ожидать от осмотра и обработки такой громады бумаг, какие хранятся в Сенатских архивах. Более 50 т[ысяч] старинных дел в одном Вотчинном архиве! *Domine misere!*¹³ Да из одних писцовых книг можно составить древнюю нашу географию и статистику в таком виде, что не только похвалит *sic* великий Погодин¹⁴, но и сам Шафарик¹⁵ ахнет. Доселе эти знаменитые люди удивлялись "Книге Большого чертежа"¹⁶ и Кириллову¹⁷, но писцовые книги (с XV в. в таком множестве и в подлинниках), если собрать их из Вашего и Сенатских архивов! Извините! Тут и чертеж, и Кириллов просто гиль. Но *вас* (то есть писцовых книг) так много, что нескоро дело сделается. Я разумею дело в качестве *дела*, а не под фирмою: *как-нибудь*. Ни великому Погодину, ни знаменитому Шафарику

⁷ Соловьев Сергей Васильевич (?–1875) – профессор Гельсингфорского университета (1830–1843).

⁸ Сочинение Григория Котошихина, изданное Я.И. Бередниковым в 1840 г.

⁹ Археографическая экспедиция под руководством П.М. Строева и Я.И. Бередникова обследовала местные и монастырские архивы и библиотеки в 1829–1832 гг.

¹⁰ Клапрот Генрих-Юлий (1783–1835) – известный ориенталист.

¹¹ Шампольон Жан-Франсуа (1790–1832) – основатель египтологии.

¹² Между нами говоря (*лат.*).

¹³ Боже милостивый (*лат.*).

¹⁴ Погодин М.П. (1800–1875) – профессор Московского университета, академик с 1841 г.

¹⁵ Шафарик П.Й. (1795–1861) – чешский филолог и историк-славист.

¹⁶ "Книга Большого чертежа" – текстовое описание карты России, составленное в 1627 г.; в 1775 г. впервые издана Н.И. Новиковым, в 1838 г. – Д.И. Языковым.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду написанный в 1727 г. И.К. Кирилловым географо-статистический труд "Цветущее состояние Всероссийского государства" (СПб., 1831).

не дожить до тех благодатных времен, когда писцовые книги обратятся в чисто ученый материал. А сколько бы выводов, сколько критики! Нашли бы славян в Африке и Америке накануне столпотворения вавилонского. О, sancta virorum eruditorum pietata¹⁸» (Л. 24–25 об.).

15 апреля 1842 г. Оболенский делился с Бередниковым впечатлениями об успехах российских ученых. «Об вас, петербуржцах, и говорить нечего. Вы скачете на почтовых, где же нам за вами гнаться на своих бедных кляченках. И журналистика, история и философия, одним словом, все науки и художество у вас идут быстрыми шагами. Мы и вполтину не успеваем прочитать всего того, что вы пишете по части наук и истории. Ваша Археографическая комиссия воздвигла себе прочный памятник, который переживет многое и многих. Сколько [зачеркнуто: неизвестных, забытых, худо изданных или] вовсе не известных памятников заключено в ее "Актах", особенно в последних – исторических. С каким удовольствием всякий, кто хоть сколько-нибудь любит Русь и ее историю, встретил 3-й том "Полного собрания летописей"¹⁹. Не говоря уже о той аккуратности, с какой он издан, это издание образцовое и в типографическом отношении, и убористо, и красиво, и дешево, значит, доступно для каждого. Некоторые, любящие во всем видеть худую сторону, замечают, что в таком издании теряется характер каждой летописи в отдельности. Если это сколько-нибудь и правдоподобно, то с другой стороны это мнимое неудобство искупается гораздо большими выгодами. Здесь сберегается время: исследователю не нужно более рыться в нескольких десятках книг, а кроме того, прежде не всякий мог иметь все издания летописей. С нетерпением ожидая в свет издания "Нестора", желаем, чтобы это предприятие так же хорошо и счастливо окончилось, как блистательно начато» (Л. 30–31).

В свою очередь Бередников 14 мая 1842 г. приветствовал научные начинания Оболенского: «Издание "Избрание на царство ц[аря] Михаила Феодоровича" будет драгоценным подарком для нашей истории. Мы с нетерпением ожидаем его²⁰. Я никак не полагал, чтобы рисунки сделаны были в 1677 году, а считал их современными или, по крайней мере, принадлежащими ко времени патриарха Филарета» (Л. 32–33). Оболенский пояснил причины промедления с выходом в свет этой книги, приуроченной к коронации императора Александра II в 1856 г. "Нашему предприятию – издать известную Вам книгу об избрании на престол царя Михаила Феодоровича – встретилось большое препятствие, – писал Оболенский 8 апреля 1843 г. – 10-го прошлого марта скончался готовивший к этой книге картины гравер Егор Осипович Скотников²¹. Это – утрата, пока никем не заменимая. Не жалко ли будет, если со смертью Скотникова остановится это издание??" (Л. 36).

Поздравляя Бередникова с Воскресением Христовым в апреле 1844 г., Оболенский написал ему: «Вашей столице как будто суждено при наступлении каждой зимы и к Пасхе дарить нас какою-либо древнею новостью. В ожидании от Вас нового подарка к Пасхе мы доселе занимаемся Остромировым евангелием, изданным А.Х. Востоковым²². Сознаться надобно, что это издание в своем роде у нас первое на Руси и, может быть, надолго не будет подобного. Трудолюбие, опытность и ученость издателя, издавна известного в ученом мире, невольно предрасполагали каждого в пользу издания. Каждый ожидал в нем по своему вкусу – один одного, а другой другого. Но вот оно в наших руках и всякий, кто

¹⁸ О, святое благоговение мужей ученых (лат.).

¹⁹ Второй и третий тома ПСРЛ изданы в 1842 г., а первый том – в 1846 г. ("Летопись Нестора").

²⁰ См. об этом: Оболенский М.А. Избрание на царство царя Михаила Феодоровича. М., 1856 (книга в лицах, 121 рис.).

²¹ Скотников Е.О. (ок. 1780–1843) – член Академии художеств с 1809 г.

²² Издано в Петербурге в 1843 г.

имеет его, судит и рядит по-своему. Что касается до меня, то при всем уважении к издателю не могу сказать, чтобы оно во всем меня удовлетворило. Предисловие написано неполно, не все перечислены пользовавшиеся Остромировым евангелием, даже о Калайдовиче²³ не сказано ни слова. Сама рукопись списана не так тщательно, как, например, Шестоднев в "Ексархе" Калайдовича; не сказано ничего о достоинстве писчего материала, пергамина и чернил, ни о величине тетрадей, ни о помете оных, равным образом и о том, по линейкам ли писано или просто и т.д. Кто знает по-гречески, у того, вероятно, есть под руками Библия. В "Грамматике" я желал бы видеть его замечания о знаках строчных и надстрочных, о титлах, интерпункции, сходстве того и другого с греческим и тех разнообразных переменных, которым подвергались они у нас и в Греции. Замечания о буквах не совсем полны и не везде верны, наприм[ер]: о произношении чистой гласной *e*, будто бы существовавшей в начале славянских слов, приведенные примеры почти все иностранные. В "Лексиконе" не лучше ли было бы заменить греческие слова синонимами из славянских наречий, тем более, что греческое слово каждый сам мог бы отыскать по его же указанию в известном месте. В типографском отношении издано очень изрядно. Жаль только, что корректура от поспешности ли, или от чего-либо другого, держана в некоторых местах очень неисправно. Всего досаднее в подобных изданиях встречать типографские ошибки. Несмотря на разность прилитых букв с заглавными гражданскими, оно и на вид вышло красиво и, можно сказать, роскошно» (Л. 64–65).

В заключение обзора переписки Оболенского с Бередниковым приведем знаменательный отрывок из письма Бередникова 14 января 1845 г. "Надеюсь, что года через полтора русскому археологу и критику будет в чем порыться, если он будет иметь в руках новые издания нашей комиссии, хотя я и не предполагаю, чтобы русская история, несмотря на множество изданных материалов, скоро вступила в сферу *дельного* критицизма. Печальное состояние настоящей исторической критики и неспособность людей, подвизающихся на поприще ее, убеждают меня в этом. Впрочем, и критицизовать в нашей истории еще рано: у нас не было герменевтов и экзегетов²⁴, древние памятники наши еще не протолкованы, как должно. Если смотреть на нашу историю как на науку в естественном ее развитии, то теперешний момент ее должен быть чисто *филологический* или *истолковательный*" (Л. 38–39).

Меткое замечание Бередникова вполне применимо к творчеству Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870). Его "полезные и благородные труды" высоко оценивал В.Г. Белинский, упоминая их среди трудов других авторов, "бескорыстно подвизающихся на пользу и славу отечества", несмотря на "всеобщее коммерческое направление" литературы²⁵. Устрялов обратился к Оболенскому в июне 1841 г. в связи с подготовкой издания "Записок" Семена Порошина – воспитателя великого князя Павла Петровича (впоследствии императора Павла I). Готовя издание по подлиннику, сохранившемуся у потомка автора "Записок" – профессора С.-Петербургского университета В.С. Порошина, Устрялов заинтересовался рукописью "Записок", отложившейся в МГАМИД, и просил Оболенского о ее высылке. Старание Устрялова добыть рукопись оправдалось, она оказалась "драгоценна" тем, что дополняла несколько утраченных листов оригинала²⁶.

²³ Калайдович К.Ф. (1792–1832) – историк, открыл "Небеса" и "Шестоднев" экзарха Иоанна и другие памятники книжности.

²⁴ Герменевтика и экзегетика – учения о толковании античных, библейских и других древних текстов; "археологами" называли также археографов.

²⁵ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 353.

²⁶ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 7. Д. 83. Л. 1–1 об., 3–3 об., 8.

8 мая 1842 г. Устрялов обратился к Оболенскому с новой просьбой. Сообщая, что в архивах Военного министерства ему удалось обнаружить "чрезвычайно важные материалы" для биографии фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, он просил известить, "не находятся ли в бумагах императрицы Екатерины II, переданных" в МГАМИД, "какие-либо материалы для жизнеописания Задунайского?"²⁷ Устрялов заявлял о желании получить хотя бы "краткий реестр им". Ответ последовал не сразу. Причину отсрочки Оболенский объяснял следующим образом: "Отвечать на Ваше письмо, не пересмотревши и не сделавши перечня актов, касающихся до жизни фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, мне не хотелось тем более, что думал исполнить это в непродолжительном времени. Но когда принятая за дело, вышло иначе – встретил непредвиденные трудности и большею частью от того, что все акты царствования императрицы Екатерины II у нас еще не разобраны". Все же Устрялову выслали "экстракт из бумаг Румянцева"²⁸.

В письме Оболенскому от 28 декабря 1842 г. Устрялов поведал, что "жизнеописание Румянцева" "быстро подвигается вперед", между тем Николай Герасимович занялся, по его признанию, "огромным делом, на которое решился посвятить несколько лет трудов и терпения"²⁹. 30 октября 1842 г. император Николай I по ходатайству министра народного просвещения С.С. Уварова разрешил Н.Г. Устрялову, намеревавшемуся "приступить к изображению деяний императора Петра Великого", работать с документами Государственного архива МИД с условием, чтобы он "отнюдь не брал бумаги к себе"³⁰. Предосторожность в отношении Устрялова не была излишней. Впоследствии выяснилось, что в Государственном архиве МИД "не оказалось многих документов и автографов времени Петра Великого, упоминаемых в историческом труде" Устрялова. В ответ сын историка, Ф.Н. Устрялов, сообщал, что среди "бумаг" отца действительно "оказалось некоторое число документов" из Государственного архива МИД, куда они не были возвращены "единственно по болезни или забывчивости" ученого. Ф.Н. Устрялов вернул их законному владельцу³¹.

Приступая к "Истории Петра Великого", Устрялов писал Оболенскому: "Сознаюсь, что это предприятие превосходит, может быть, мои силы и способности; но приступив к делу, я надеюсь лет в пять объяснить многое в его истории. Теперь я работаю ежедневно часов по 5 и более в архивах Министерства иностранных дел"³². Какие там неогрениенные сокровища для историка! Рассмотрев их, я убедился, что без пособия архивов всегда будет нелепою мысль писать историю Петра. Дозволение мне последовало в конце октября; с тех пор при ежедневной работе я успел только составить записку из дела о Булавинском бунте. Граф К.В. Нессельроде изъявил желание лично со мною познакомиться, уверил в своей готовности содействовать мне с своей стороны всеми зависящими средствами и советовал съездить в Москву, где, *по словам его*, я найду в начальнике тамошнего архива такого человека, избранием которого граф *гордится*. Я сам вижу необходимость побывать в Москве и порыться в тамошних архивах. Много меня обязали бы Ваше сиятельство, сообщив, хотя кратко, какого рода бумаги времен Петра Великого хранятся в архиве, вверенном Вашему начальству. Нет ли дел Преображенского приказа? В особенности здесь весьма мало сведений о первых годах царствования Петра"³³. Оболенский го-

²⁷ Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 201. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 9–9 об.

²⁹ Там же. Л. 10–10 об.

³⁰ Там же. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 94. Л. 1–1 об.

³¹ Там же. Л. 25–25 об.

³² Государственный и Санкт-Петербургский главные архивы МИД.

³³ РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 201. Л. 10 об.–11 об. Письмо от 28 декабря 1842 г.

рячо одобрил намерение Устрялова: "Кому как не Вам – историку России с новым, верным, чисто европейским взглядом, после первого русского поэта должна принадлежать эта честь", и добавлял – "меня всегда занимало и теперь занимает истинно поэтическое время Петрово, время великих начинаний и неожиданных исполнений"³⁴.

С 13 ноября 1842 по 14 марта 1844 г. Устрялов работал в Государственном архиве МИД, а затем вынужден был приостановить свои занятия. "Помещение Поленов [управляющий Государственным архивом МИД] отвел мне, – писал Устрялов, – в комнате на двор, довольно темной и холодной, так что с наступлением зимы сидел я обыкновенно в шубе. Комната не топилась". Условия, в которых пришлось работать Устрялову, сказались на его здоровье, и в мае 1844 г. он слег³⁵. 6 января 1845 г. Николай Герасимович писал Оболенскому: "Как желал бы я побывать в Москве, побеседовать с Вами (не сомневаясь в Вашем ко мне расположении), порыться в архиве! Но кажется Богу угодно не скоро исполнить мое желание. Вот уже более полгода я сижу дома, не посещая ни Академии, ни Университета, ни архива вследствие жестокого воспаления, едва не лишившего меня правой ноги. Теперь поправляюсь и привожу в порядок собранные мною материалы да выписываю любопытные акты из дел Военного министерства, которые у меня под рукою. Весною думаю уехать, но не в Москву, а за границу. Там, при милости Божией, возвратятся мои прежние силы, и я с новым жаром примусь за работу.

Теперь я хлопочу с Прутским походом Петра Великого: думаю разобрать его подробно и представить в виде отдельного описания в Академию наук, которой я должен диссертациею, достойною моего нового звания ординарного академика по части русской истории. Избрал же я темою Прутский поход, как потому, что там много предметов к разысканию и соображению, так и потому, что мне попались любопытные материалы. Смущает меня одно обстоятельство, которое надеюсь разрешить только при содействии Вашего сиятельства: все историки кричат о знаменитом письме Петра к Сенату, которым он повелевает, в случае его плена, не исполнять никаких повелений, пока не увидят его самого, в случае смерти – избрать на престол достойнейшего. Я крепко сомневаюсь, чтобы оно было писано, хотя Штелин уверяет, что видел его в оригинале у Щербатова. Мне кажется, это выдумка Штелина, наговорившего о Петре много вздору. По крайней мере, здесь, в архивах, письма этого нет; в подробной описи архива МИД оно также не значится. Нет ли каких-либо следов в Московском архиве?"³⁶.

15 мая 1845 г. Устрялов отправился за границу, намереваясь изучить в Государственном архиве в Вене "бумаги, относящиеся к времени Петра Великого, в особенности о пребывании царевича Алексея Петровича в австрийских владениях в 1717 году"³⁷. По возвращении Устрялов запросил 23 мая 1846 г. разрешение государственного канцлера "на предъявление" ему "всех бумаг", относящихся к делу царевича Алексея Петровича, "для соображения с материалами", найденными в Вене³⁸. Получив разрешение К.В. Нессельроде, он продолжил в течение лета 1846 г. разыскания в Государственном архиве МИД, а в следующем году – в МГАМИД.

31 мая 1847 г. он писал Оболенскому: "Наконец я собрался поклониться матушке Москве и ее святым угодникам. 16 июня отправляюсь с экстра-почтой, 18 приеду в Москву, 19 засвидетельствую Вашему сиятельству мое глубокое

³⁴ Там же. Л. 12 об.

³⁵ Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 630.

³⁶ РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 201. Л. 19–20 об.

³⁷ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 94. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 9–9 об.

почтение и вслед за тем надеюсь приняться за работу в вверенном Вам архиве. Разрешение канцлера Вы уже получили или не замедлите получить. В здешних архивах поиски мои почти кончились. Смею надеяться, что Вы, по известной любви к отечественной истории, по испытанной готовности содействовать всему полезному, не откажете мне, ревностному труженику, в Вашем благородном участии. Я проживу в Москве месяца три, единственно для архивов³⁹, и думаю собрать много материалов". Оболенский по-прежнему оказывал Устрялову содействие. В декабре 1847 г. для него была составлена по документам МГАМИД выписка о сподвижнике Петра I Ф.Я. Лефорте⁴⁰.

К документам МГАМИД Устрялов обращался и впоследствии. В 1852 г. он просил выслать копии с "подлинных рескриптов и писем Петра Великого"⁴¹, а весной 1861 г. — "план русского лагеря под Нарвою и взятия его 25 ноября 1700 года, с описанием на шведском языке"⁴².

Переписка Устрялова с Оболенским дает представление как о степени использования историком архивных источников в своих исследованиях, так и о помощи, оказанной ему управляющим МГАМИД.

Для истории археографии представляют интерес и письма Оболенскому известного молдавского писателя и ученого Александру Хыждеу (1811–1874), для которого, по свидетельству его сына, исторические изыскания были "любимым занятием"⁴³. Интерес, проявленный Хыждеу к архивным источникам, связан с его замыслом создания "Биографии людей земли Молдавской, служивших в России". В первую очередь его внимание привлекла личность дипломата и ученого Николая Гавриловича Милеску Спафария (1635–1708). 17 мая 1865 г. Хыждеу, проживавший в своем родовом имении близ Хотина, обратился к директору МАМЮ, прося предоставить подробную выписку "дословно" всех сведений о Н.Г. Спафарии, находящихся в "боярских книгах"⁴⁴. В ответ Н.В. Калачов сообщал, что сведений о Спафарии "оказалось очень мало"⁴⁵. Это побудило Хыждеу расширить круг своего поиска, и 12 июля 1865 г. он обратился к М.П. Погодину, а также директору Оружейной палаты А.Ф. Вельтману. Письма Хыждеу к ним опубликованы⁴⁶.

В тот же день А. Хыждеу писал и М.А. Оболенскому: «Природный румын и происходя из рода древних господарей Молдавии, я посвящаю теперь все время занятия историею румынов, преимущественно земли Молдавской, родины моей и отчизны моих предков. Далекий от теперешней тенденции моих земляков, которые искореняют у себя все славянское, с незапамятных веков оставшееся в социальном быте румынов, и, с бесстыдною неблагодарностью проклинают все русское, день ото дня громче и нахальнее, я задал себе написать историю этого края до эпохи Парижского трактата, по документам, в духе истины, которую не успеют заглушить новые возгласы так называемых "истинных историографов чистой румынской национальности". Иначе было в старину, когда родоначальник мой, господарь Стефан Петр, в 1684 году, обще со всеми духовными и светскими чинами, посылал к царям России прошение о принятии в подданство

³⁹ Н.Г. Устрялов действительно приступил к работе в МГАМИД 19 июня 1847 г. См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 685. Л. 1, 2 об. В Москве Устрялов пробыл до конца августа 1847 г.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 664. Л. 4–9; Ф. 395. Оп. 1. Д. 637. Л. 12–16 об.

⁴¹ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1217. Л. 2–2 об., 9.

⁴² Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 201. Л. 24.

⁴³ Балмуш П. "Минуты вдохновения" Александра Хыждеу // *Хыждеу А. Избранное*. Кишинев, 1986. С. 16. В разных изданиях фамилия Хыждеу пишется по-разному, иногда как Хиджеу или Хашдеу. Письма А. Хыждеу подписаны "Гиджеу".

⁴⁴ РГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 282. Л. 1–1 об.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

⁴⁶ *Хыждеу А. Указ. соч.* С. 220–221.

"молдавско-волохской" земли; прошение то напечатано в Полном собрании законов Российской империи.

Покуда поспевает самое сочинение, я предполагаю издать несколько монографий, именно о природных румынах, примечательных по заслугам своим в России. В числе их находится Николай Гаврилович Спафарий, бывший посол царя Алексея Михайловича в Китай. Для получения о нем возможно полных сведений честь имею обратиться к Вашему сиятельству, как к управляющему главным московским архивом иностранных дел, покорнейше прося соизволить, по свойственной Вам благосклонности, сообщить мне все сведения о нем, какие находятся между делами о выездах в Россию разного звания иностранцев, и особенно в делах бывшего Посольского приказа»⁴⁷.

Оболенский велел навести о Спафарии надлежащие справки и выяснилось, что "сведений о нем оказывается довольно много, но все они так разбросаны по разным отделам хранящихся в архиве документов, что вполне рассмотреть их и собрать потребует немало труда и времени..."⁴⁸ Он предлагал Хыждеу поручить кому-либо из знакомых в Москве заняться этим делом, обещая оказать этому лицу со своей стороны "всякое содействие". В знак уважения к неизвестному ему дотоле ученому Оболенский выслал свои издания: "Летописец Переяславля-Суздальского" и "Новый летописец", которые Хыждеу подарил, от имени Оболенского, румынскому университету в Яссах, и обещал посвятить Оболенскому свое сочинение о Спафарии. Касаясь предстоящей работы по сбору сведений о Спафарии, Хыждеу писал Оболенскому 2 ноября 1865 г.: "Уже больше двадцати лет, как я был в Москве, и в настоящее время нет у меня там знакомых. Потому мне остается во зло употребить Вашу снисходительность в надежде, что Ваше сиятельство соизволите великодушно простить меня за то, и покорнейше просить Вас предложить кому из господ чиновников Главного архива заняться, в свободное время, нужными для меня выписками, с вознаграждением от меня по рублю серебром за лист.

Мне нужны всякие подробности, касающиеся до службы и жизни Спафария, от самого прибытия его в Россию и до самой кончины; менее важные могут быть в извлечении, важнейшие же, например, статейные списки, указы, челобитни и т.п. – в полных списках. Разумеется, при каждом сведении должно быть означено заглавие дела и нумерация части или отдела, листа и т.д. В копиях с бумаг собственной руки Спафария желательно было бы, чтобы сохранено было его правописание; я просил бы сделать и факсимиле его подписи и почерка славянского, латинского, греческого"⁴⁹.

Стремление Хыждеу положить в основу исторического исследования архивный источник выявляет в нем подлинного ученого, о достаточно высоком уровне археографической подготовки свидетельствуют требования, предъявляемые им к копированию исторических источников. Самому Хыждеу не пришлось осуществить задуманный труд, это сделал его сын – известный румынский историк Богдан Петричейку Хашдеу⁵⁰, опубликовав в 1866 г. свое исследование о Милеску Спафарии.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2515. Л. 1–1 об.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–2.

⁵⁰ *Хашдеу Б.П.* Жизнь и труды Николая Спафария Милеску // Сатир. 1866. № 12–14 (на румын. яз.).

**ФОНД Е.А. ЛЯЦКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ АРХИВЕ
МУЗЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЧЕХИИ**

История русской эмиграции в последнее время вызывает неподдельный интерес научной общественности. Опубликованы разнообразные исследования, посвященные тем или иным сторонам ее деятельности. Введены в научный оборот и многочисленные документальные свидетельства научной и общественной работы отечественных эмигрантов. Особый интерес вызывает история пражской ветви эмиграции первой волны, что не случайно – Прага в 1920–1930-е годы стала одним из основных центров эмиграции¹. Этому способствовали как традиционные связи русского и чешского народов, так и поддержка, которую оказало чехословацкое правительство эмигрантам из бывшей Российской империи. Отсюда – значительное количество документальных памятников эмиграции, сосредоточенных в пражских архивах. Часть из них, прежде всего из Русского зарубежного архива, была перевезена тогда в СССР; часть остается в Чехии. Одним из богатейших хранилищ документов русских, украинских и белорусских эмигрантов первой волны, поселившихся в Чехословакии, является Литературный архив Музея национальной литературы Чехии в Праге (Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze (LA PNP)². Один из наиболее богатых эмигрантских фондов – фонд Е.А. Ляцкого (Pozůstalost "Jevgenij Alexandrovič Ljackij"³).

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) был выдающимся литературным критиком и литературоведом – исследователем творчества И.А. Гончарова, Н.Г. Чернышевского и других русских писателей. В конце XIX в. он явился одним из основоположников научного изучения белорусской народной культуры⁴.

Ляцкий происходил из семьи дворян Минской губернии. Уже в раннем возрасте после знакомства с фольклористом П.В. Шейном проявился интерес Ляцкого к народной культуре белорусов. В конце 1880–1900-х годов он предпринял ряд экспедиций по губерниям Северо-Западного края (Белоруссии) и собрал значительный по объему этнографический материал, тогда же, в основном, опубликованный⁵. После окончания Московского университета по

¹ См.: Русские в Праге, 1918–1928. Прага, 1928.

² Существуют и другие названия архива: Литературный архив Памятников национальной письменности, или просто Литературный архив в Праге (Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 7, 101). См. также: Дандова М., Заградникова М. Обзор фондов русской эмиграции между двумя мировыми войнами в Литературном архиве Музея чешской литературы // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция 14–15 августа 1995 г.: Сб. докл. Прага, 1995. С. 112–120.

³ См. опись фонда: Vinařová M. Jevgenij Alexandrovič Ljackij. Literární pozůstalost. Praha, 1976. Существует еще один личный фонд Ляцкого, аккумулирующий, в основном, дореволюционные материалы – РО ИРЛИ. Ф. 163.

⁴ Подробнее о Ляцком см.: Грачева А.М., Матренина М.М. Ляцкий Е.А. // Русские писатели XIX – начала XX в. Энциклопедия. М., 1994. Т. 3. С. 445–447; Поспиши И., Зеленка М. Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого // Славяноведение. 1998. № 4. С. 52–59; Милинчевич В. Сарадња Ј.А. Љацког с П. Поповићем и И. Секулић // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. II. С. 10–18; Цишчанка І. З думкай пра Беларусь: Да 130-годдзя з дня нараджэння А.Я. Ляцкага // Польшыма (Мінск). 1999. № 1. С. 156–185.

⁵ См. например: Календарь Северо-Западного края на 1889 г. М., 1889; Ляцкий Е.А. Представления белоруса о нечистой силе // Этногр. обозрение. 1890. Кн. 7. № 4; Он же. Материалы для изучения творчества и быта белорусов. М., 1898. Ч. 1; Он же. Материалы по белорусской словесности и языку // Изв. Отд. рус. яз. и словесности АН. СПб., 1904. Т. 9, кн. 4; и др.

филологическому отделению историко-филологического факультета Ляцкий занимался педагогической деятельностью. Работа Ляцкого как этнографа получила особое развитие во время его службы в Русском этнографическом музее императора Александра III в 1901–1907 гг. Активная общественная и издательская деятельность Ляцкого (в начале XX в. он был редактором или сотрудником ряда известных изданий, в том числе "Вестника Европы", "Современника" и др., являлся одним из руководителей издательства "Огни") обусловила его широкую переписку. Среди корреспондентов Е.А. Ляцкого были К.Д. Бальмонт, А. Белый, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, М. Горький и многие другие известные писатели, поэты, ученые⁶.

В декабре 1917 г. Ляцкий эмигрировал в Финляндию, затем в Швецию. С 1922 г. он проживал в Праге, где до 1939 г. служил профессором кафедры русской филологии чешского Карлова университета, и в середине 20-х годов руководил деятельностью издательства "Пламя". Под руководством Ляцкого "Пламя" стало одним из наиболее известных русскоязычных издательств зарубежной Европы. В нем публиковались как уже проверенные временем произведения отечественной классики, так и новые, тогда еще не известные сочинения А.И. Куприна, И.А. Бунина, Н.А. Тэффи, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и других авторов. В "Пламени" издавались и разнообразные научные и учебные сочинения по русской истории, праву, географии, экономике. Столь активная деятельность увеличила и без того значительную известность Ляцкого.

Фонд Ляцкого хранится в депозитарии, объединяющем редко спрашиваемых, по мнению руководства архива, фондов и находящемся в замке Старе Грады, у г. Либань, в 70 км от Праги. Нумерация фондов в архиве не предусмотрена, для нумерации единиц хранения вместо "№" используется "С." – сокращение от *číslo* (далее ссылки на этот фонд даются в тексте). Фонд разделен сотрудниками архива на следующие составные части.

1. Личные документы, куда входит незначительное количество материалов деятельности профессора в Чехословакии.

2. Переписка Ляцкого – в архиве хранятся письма Ляцкому от более 800 адресатов и письма самого Ляцкого – свыше 70 адресатам.

3. Переписка других лиц, в основном, родственников Ляцкого.

4. Так называемые архивы (по классификации LA PNP) – группы материалов, относящиеся к организациям, с которыми сотрудничал Ляцкий, либо подобранные по тематическому признаку.

5. Рукописи Ляцкого.

6. Чужие рукописи.

7. Выписки из источников, подготовительные материалы к рукописям, фотографии.

Весьма ценную часть архива составляют письма Ляцкому. Как уже отмечалось, издательская деятельность Ляцкого способствовала тому, что он являлся как бы центром притяжения эмигрантов, разбросанных по Европе. Кажется, нет ни одного известного писателя русского зарубежья, который бы не написал Ляцкому. Конечно, основное содержание писем – издание произведений. Однако наряду с этим в переписке содержится и много сведений о быте русских эмигрантов, присутствуют подробности их жизни за рубежом. Поскольку часть

⁶ См. опубл. переписку: *Брюсов В.Я.* Письма к Е.А. Ляцкому // *Новый мир.* 1932. № 2. С. 190–196; *Бальмонт К.Д.* Письма к Е.А. Ляцкому // *Рус. лит.-ра.* 1975. № 2. С. 199–201; *Белый А.* Письма к Е.А. Ляцкому // *Ежегодник РО ИРЛИ за 1978 г.* Л., 1980. С. 218–230; Горький и русская журналистика начала XX века: *Неизданная переписка.* [Лит. наследство. Т. 95]. М., 1988. С. 486–573 (переписка Горького и Ляцкого); "О творчестве" или о "товаре"? Письма И.А. Бунина к Е.А. Ляцкому // *Октябрь.* 1993. № 6. С. 187–191; [Е.А. Ляцкий – М.И. Цветаевой] // *Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. Письма. С. 782–784; М.В. Довнар-Запольский – Е.А. Ляцкому / Публ. С.И. Михальченко // *Архивы и справедливость.* Минск, 1999. № 4. С. 37–46.

писем уже опубликована, задача автора настоящей статьи – привлечь прежде всего внимание к неопубликованным материалам.

Вначале – о письмах писателей. В фонде хранятся девять писем З.Н. Гиппиус за 1924–1929 гг. (Č. 606–611, 6410–6413) и 26 писем Д. Мережковского за 1921–1932 гг. (Č. 1339–1355, 6937–6938). Основное содержание писем Гиппиус – издание Ляцким ее двухтомных воспоминаний и очерков о современниках – "Живые лица" (Прага, 1925). Гиппиус уделяет много внимания и размышлениям о романе Ляцкого "Тундра" (Прага, 1925), на который она написала рецензию. Гиппиус, в целом, положительно оценила это одно из первых художественных произведений об эмиграции, но не удержалась и от замечаний. "Чур, не обижаться, – писала она Ляцкому 6 ноября 1925 г., – и считаться с моей общей сухостью и строгостью, а главное, стремлением к точности: ни больше ни меньше" (Č. 6413. L. 1). Жизнь Гиппиус в эмиграции была непростой, многие из ее произведений оставались ненапечатанными. Тем не менее она радовалась возможности свободной неподцензурной работы: "Есть Париж (хотя с большевиками, но мы их не замечаем), есть перо, есть относительная свобода (что не относительно?), есть друзья... Чего уж еще... пока сидят большевики?" (Č. 609, L. 3 об. Письмо от 27 марта 1905 г.). 10 октября 1925 г. З. Гиппиус писала Е. Ляцкому, собравшемуся (по финансовым соображениям) прекратить издательскую деятельность: «Я продолжаю огорчаться, что Вы покидаете "Пламя": одинаково – и корыстно, и бескорыстно... Если не будет "Праги", то нам, "маститым" эмигрантам, совсем придется беда... Вы бы подумали о человеколюбии. Впрочем, в смысле человеколюбия (помимо "Пламени") Вы уже проявили себя к нам с такой элегантной стороны, что упрекать Вас не вертится язык» (Č. 610. L. 2).

Из письма Д.С. Мережковского от 26 января 1932 г. мы узнаем о попытке выдвижения писателя на Нобелевскую премию. Для получения этой награды Мережковскому было важно получить как можно больше рекомендаций, одну из таких рекомендаций предполагалось получить от Чешской академии, членом которой он являлся. В письме Мережковский просил Ляцкого найти какое-либо влиятельное лицо в Академии, могущее рекомендовать его. «Чем скорее это сделать, тем, конечно, лучше, так как времени до назначения прэмии [так в тексте. – С.М.] осталось немного. Меня также рекомендует здешняя [французская. – С.М.] "Латинская Америка", где я тоже член, но этого недостаточно", – отмечал Мережковский (Č. 1399. L. 1).

Много усилий Ляцкий предпринимал в деле организации материальной помощи русским писателям. В 1920-е – начале 1930-х годов такую помощь (так называемую Русскую акцию) оказывало чехословацкое правительство⁷ – около 10 парижских литераторов русского происхождения получали по 500 франков ежемесячно (кроме того, от сербского правительства – по 1 тыс. франков). Однако приходилось постоянно напоминать чиновникам о важности возобновления выплат и о присоединении новых литераторов к списку "спонсируемых". 1 декабря 1930 г. Б.А. Зайцев (всего в фонде 26 писем писателя за 1919–1932 гг., č. 2715–2740) замечал в письме Е.А. Ляцкому: «Приближается новый год – и обычный "сумрачный" вопрос: лишат нас с января чешской поддержки или нет? Слухи из Праги идут печальные, а литературные дела сами по себе тоже невеселы – Вы знаете, это, конечно. Вот и приходится тревожить друзей... – как это ни грустно, в надежде, что если возможно, подтолкнут, поднажмут в министерстве. Именно с такой просьбой я к Вам обращаюсь, Евгений Александрович» (Č. 2738. L. 1).

⁷ См. подробнее: *Сладек З.* Русская акция помощи в истории русско-чешских и чехословацко-советских отношений // Русская, украинская и белорусская эмиграция... С. 16–28.

29 ноября 1926 г. к Ляцкому с просьбой о помощи нуждающемуся поэту В. Ходасевичу обратился М. Алданов (всего сохранилось шесть его писем за 1921–1927 гг., ё. 44–49). (Сам Алданов получал определенный доход от переводов на иностранные языки своих романов и потому нуждался в деньгах меньше.) «Ходасевич сейчас находится в бедственном положении, – писал Алданов из Парижа. – Он оставил редактирование литературного отдела "Дней" (да это ничего почти и не давало в материальном отношении), зарабатывает гроши статьями, вдобавок болен: по-видимому, у него туберкулез» (С. 48. Л. 1). 18 марта 1927 г. с просьбой о помощи обратился и сам В. Ходасевич, также проживавший в Париже, (сохранилось четыре письма за 1927 г., ё. 764–767). «Ныне же из писателей старших я нахожусь едва ли не в самом тяжком положении, ибо, кроме заработка, не имеют ровно ничего, ниоткуда. Вы знаете, каково сейчас жить одними писаниями. А меж тем я очень устал, очень нездоров, надо отдыхать и лечиться, чтобы не потерять трудоспособности. Вот это и заставляет меня беспокоить Вас просьбой – поговорить обо мне, с кем надо, и употребить Ваше влияние на пражские "сферы"» (С. 765. Л. 1). Весьма ценными с точки зрения описания внутренних настроений и быта эмиграции представляются 30 писем А.И. Куприна за 1920–1932 гг. (С. 6523–6551, 1084–1086). Основное их большинство написано в 1920–1921 гг. Куприна, как и Мережковского, одолевали мечты о всемирном признании. "Я чувствую, что, если судьба даст мне маленькую передышку, то я все-таки напишу книгу, которая заслужит Нобелевскую премию, – писал он Ляцкому 7 марта 1920 г. из Хельсинки. – Это я задумал давно, а все мои замыслы, в пределах разумного и возможного, всегда исполнялись" (С. 6534. Л. 1). Вначале, в первые годы эмиграции, настрой Куприна был очень оптимистичный. В том же письме 1920 г. он замечал, что "никаким пособием и никогда не воспользовался бы". Уже в 1925 г. настроение изменилось. 19 марта он писал Ляцкому: "Не упрекать Вас мне приходится за Ваше ходатайство перед великодушным Чешским правительством, а сердечно, долго и тепло благодарить. Ваше милое письмо явилось для меня – просто чудом, ибо за полмесяца до него иссяк единственный источник, который, в некоторой степени, регулярно поддерживал мой скромный бюджет [...] Со ссудой из Праги я смогу освободиться от надоедливой, истошающей воображение и портящей художественный язык, ежедневной газетной работы (фу, какая неуклюжая фраза!). Так страстно хочется написать две вещи – пьесу и роман, которых строение и мельчайшие детали так ясно стоят в голове, точно я из ощупываю" (С. 6529. Л. 1).

В некоторых письмах Куприна затрагиваются его взаимоотношения с другими писателями. "С Горьким я не расплевывался, так же как никогда и не кадил ему, – писал он Ляцкому. В один день, когда он хотел заставить меня подписать, не ознакомившись с делом, бумагу, выносящую жестокое, однобокое и несправедливое обвинение одному из писателей, и когда в ответ на выраженное мною желание узнать всю мотивировку приговора, он мне ответил, что все равно вопрос уже предрешен, я отказался дать свою подпись и с той поры перестал видаться с А.М. и его всей литературной коллегией. Молча. Это не значит расплеваться [...]" При этом Куприн был уверен в порядочности Горького, отмечая, что "на зло мне он не станет [делать] перевода: настолько у нас обоих осталось уважения друг к другу" (С. 6550. Л. 1 об. Б.д.).

В письмах Куприна также содержатся художественные описания Парижа, затрагивается история подготовки ряда его произведений.

Достаточно информативны 17 писем И.С. Шмелева, относящиеся к 1923–1937 гг. (С. 2364–2373, 6812–6819). В 1936 г. после потери жены, он пережил тяжелый душевный кризис и Ляцкие устроили ему поездку с литературными

выступлениями по Карпатской Руси, входившей тогда в состав Чехословакии. Закарпатье очаровало Шмелева: "Буду писать о сем. Какие люди! какой уклад! какая красота роц" (С. 2373. Письмо от 31 мая 1937 г. L. 1). Тем печальнее было возвращение во Францию: «Переполен видениями, лицами, звуками, – и вот, снова в келье своей – в пустой мучительно. Снова "жизни мнится беготня", – и не знаю, когда определится. Тоска, тоска... Ведь тут у нас – при всем грохоте и мельканьи шумном, – пустыня. Крепко убедился, что не здесь мне жить [...] Скорей бы конец. Перевезти дорогой прах – в Россию, взглянуть на все родное, сказать *всё* громко, – и кончить. А пока – куда деть себя?» (С. 2372. Письмо от 17 июня 1937 г. L. 1–1об.).

В фонде Е.А. Ляцкого сохранилось 91 письмо от Н.А. Тэффи за 1921–1937 гг., известной писательницы начала века, автора многочисленных юмористических и детских произведений (С. 2411–2503). В основном они личного характера. Однако есть в письмах и информация о литературных планах, отзывы о книгах. «Ваше "Слово о полку Игореве" прочла с большим наслаждением и интересом, – писала Тэффи в одном из писем (видимо, в середине 30-х годов). – Я очень люблю "Слово", с детства люблю, со школьной скамьи. И Ваша работа (это правда!) заставила меня полюбить еще больше, осмысленнее полюбить» (С. 2489. L. 1). В другом письме она предлагала Ляцкому издать у себя в "Пламени" книгу ее брата, генерала Лохвицкого, о русском вопросе на Дальнем Востоке (С. 2454. L. 1).

В единственном, имеющемся в фонде, письме И. Эренбурга (из Риги, 1 апреля 1921 г.) автор приводит список сочинений русских писателей (как уже опубликованных, так и рукописных), вывезенных им из России для публикации за границей. К опубликованию предлагались стихи В. Брюсова, С. Есенина, О. Мандельштама, В. Маяковского, рукопись книги Б. Пастернака "Сестра моя жизнь" ("...От всех поэтов, с которыми приходилось о ней беседовать – исключительное явление в русской лирике за последнее десятилетие", – отмечал Эренбург (С. 506 L. 1)).

Наряду с охарактеризованными, в фонде хранятся также лишь частично опубликованные письма К.Д. Бельмонта (49 писем за 1920–1929 гг.), И.А. Бунина (14 писем за 1920–1938 гг.)⁸, остающиеся ненапечатанными письма Вас.И. Немировича-Данченко (43 письма за 1924–1934 гг.), М. Осоргина (1 письмо за 1938 г.), А. Ремизова (26 писем за 1925–1940 гг.)⁹, известного мемуариста и критика С. Маковского (15 писем за 1921–1925 гг.), искусствоведа П.П. Муратова (16 писем за 1923–1925 гг.) и других литераторов.

Значительную часть фонда Ляцкого составляет переписка с учеными, в частности, историками, философами и филологами. Хотя содержание писем А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло, А.В. Флоровского, В.А. Мякотина, В.Ф. Булгакова, Р.Ю. Виппера и других авторов достаточно традиционно – они просят об издании своих сочинений, интересуются вопросами выплаты гонорара, – тем не менее эти письма позволяют внести немало нового в картину жизни русской эмиграции. 20 октября 1941 г. А.В. Соловьев (сохранилось 16 писем за 1934–1941 гг., ф. 2239–2254) писал из оккупированного немцами Белграда: "Университет не работает, жалованье платили (но все стало гораздо дороже). Теперь же объявлен новый университетский устав, по которому мы все остаемся за штатом, и министр будет уже назначать тех, кто ему нравится. Вероятно, ни один из русских уже не попадет в этот новый, строго национально-сербский университет.

⁸ См. ссылку 6.

⁹ О взаимоотношениях Ляцкого и Ремизова см.: *Грачева А.М.* Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого: пражский период // Русская, украинская и белорусская эмиграция... С. 330–337.

Оставшись без пенсии, подумываю о новой жизни и деятельности. Дай Бог, чтобы можно было начать ее на родине" (С. 2253. Л. 1).

Довольно тяжелой была эмигрантская жизнь В.А. Мякотина, осевшего в Болгарии (сохранилось 12 писем за 1924–1937 гг., № 1428–1432, 6681–6687) (см. Прил. к статье).

В письме А. Флоровского (в фонде 12 писем А.В. Флоровского за 1925–1939 гг., № 531–543) за январь или февраль 1938 г. содержится информация о предполагаемом к изданию в Праге русском историческом журнале и о попытке пражских историков получить поддержку П.Н. Милюкова, приехавшего в столицу Чехословакии для участия в заседании памяти Мякотина (С. 533. Л. 1) (см. Прил.).

Среди 13 писем и записок А.А. Кизеветтера за 1923–1932 гг. (С. 975–983, 6442–6448) главную ценность представляет письмо от 24 марта 1932 г. с развернутой рецензией исследования Ляцкого о "Слове о полку Игореве" (см. Прил.).

Восемнадцать сохранившихся писем Мельгунова за 1924–1930 гг. посвящены, в основном, взаимоотношениям возглавлявшегося Мельгуновым берлинского издательства "Ватага" и "Пламени", а также изданию мельгуновского сочинения о красном терроре (С. 1339–1355, 6937–6938).

Наряду с письмами русских эмигрантов в фонде Ляцкого сохранились и письма белорусских литераторов и ученых. Три письма известного историка и филолога В.У. Ластовского содержат ряд научных гипотез, навеянных сочинением Е.А. Ляцкого о "Слове о полку Игореве". Так, в письме из Каунаса от 26 июня 1926 г. Ластовский высказывал предположение, что "бусово время", упоминавшаяся в "Слове" – это время "поспевания ягод, набирания полноты и расцвета природных сил" (С. 1156. Л. 1).

Не оставляли вниманием Ляцкого и представители официальных советских учреждений Белоруссии. В архиве сохранилось несколько приглашений, посланных Ляцкому в середине 1920-х годов, на разного рода мероприятия – чтение поэта и государственного деятеля Тишки Гартного, съезд белорусских филологов и др. Сам Ляцкий обращался к белорусским властям с просьбами о присылке в Прагу, выходящих в Минске новых книг по белорусской истории и филологии (С. 2797, 3284, 3295, 6968). Таким образом, переписка Ляцкого – часть его архивного фонда, безусловно важная для воссоздания картины жизни отечественной эмиграции.

Интересную часть архива составляют и рукописи Ляцкого. Большинство из них уже опубликовано. Так, в архиве хранятся рукописи первого тома исследования "Истории русской литературы XVIII в.", третьего издания биографии И.А. Гончарова "Роман и жизнь" (Прага, 1925), учебника русского языка для чешских студентов и др. Из неопубликованных следует отметить, прежде всего, мемуары ученого. Воспоминания не были объединены Ляцким в какое-то единое сочинение. Первым годам жизни посвящен отрывок, хранящийся в С. 4590 ("Автобиографии") фонда. Машинописный фрагмент в 24 страницы состоит из трех частей. Первые две рассказывают о белорусском детстве Ляцкого, третья часть посвящена воспоминаниям о пребывании в югославском городе Сушане и в итальянском Фиуме (сейчас – Риека в Хорватии). Видимо, продолжением этого отрывка является фрагмент "Сплит" (С. 4584 – 5л. рукописи и 36 л. машинописи), рассказывающий о посещении ученым этого уголка Далмации. Поездки Ляцкого в Югославию послужили толчком к созданию и более обширного сочинения "У истоков вечности" с подзаголовком "Впечатления из путешествия по Южной Сербии". Текст объемом 132 л. правленной машинописи и 22 л. рукописи относится к началу 1930-х годов и представляет собой путевые впечатления ученого из поездки по собственно

Сербии и по Македонии (Охрид) с обширными философскими отступлениями и размышлениями о жизни (С. 4585). Судя по имеющимся сведениям, в Югославии был опубликован лишь незначительный отрывок из текста¹⁰.

В упомянутой единице хранения "Автобиографии" находятся и действительные автобиографии, подготовленные Ляцким в разные периоды жизни (С. 4587, 4588, 4590).

Важной частью фонда являются так называемые архивы, их – 11. Большинство этих комплексов материалов посвящено издательствам и иным организациям, с которыми сотрудничал Ляцкий в период эмиграции. Здесь находятся архивы гельсингфорского журнала "Около России" (1918–1919), стокогольмского издательства "Северные огни", газеты "Северная жизнь", пражского издательства "Пламя", Бюро по обмену книг при Министерстве иностранных дел Чехословакии, Русского народного университета в Праге (в 1931 г. переименован в Русский свободный университет). В основном в этих архивах содержатся финансовые документы, разного рода отчетность, списки изданных или готовящихся к изданию книг. Изредка встречаются рукописи и письма. В "архиве" Русского свободного университета сохранился отчет о деятельности Русского исторического общества при университете за 1940–1942 гг. (С. 6978. L. 1–11)¹¹.

Значительную ценность представляет архив "Белоруссия". Основную часть "архива" (90 л.) составляют рукописи белорусоведческих статей Ляцкого и рецензий, написанных им на книги белорусских авторов. Так, здесь находятся опубликованные в римском журнале "Rivista di letterature Slave" статьи "Якуб Колас" (С. 3303) и "Максим Богданович" (С. 3308)¹²; изданные в пражском журнале "Slavia" "Заметки по белорусоведению" (С. 3312); рецензии на книги М. Гарэцкі "Гісторыя беларускае літаратуры" (Менск, 1926, Выд. 4) (С. 3313); Е.Ф. Карского "Белорусы" (Пг., 1921, 1922. Т. III, вып. 2, 3); Л.М. Клейнборта "Молодая Белоруссия: Очерк современной белорусской литературы, 1905–1928" (Минск, 1928); А.Н. Вазьясенскі "Поэмы Янкі Купалы: Сюжэтная пабудова і стыль" (Менск, 1927); и др. Часть рецензий была опубликована в периодической печати, в основном, в журнале "Slavia"¹³; часть осталась в рукописях. Здесь же хранятся два письма Тишки Гартного (Жилуновича) с благодарностью за присланные книги (С. 3280, 6893). Важной частью "архива" является неопубликованная, хотя и приготовленная для "Slavonic review" статья на русском языке о культурном возрождении Белоруссии (С. 3315).

Таким образом, документы из фонда Ляцкого представляют собой большую ценность как источник по истории отечественной эмиграции. Их изучение – одна из задач отечественной историографии и литературоведения.

¹⁰ По сведениям "Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом" (Белград, 1941. Вып. 2, ч. 1) было опубликовано: *Ляцкія Е.* Утисци с пута по Јужној Србији. Манастир св. Никит // Јужни Преглед. Скопље, 1935; Утисци из Македоније // Срп. књ. гласник. Београд, 1936.

¹¹ Опубликованный отчет см.: *Михальченко С.И.* Русские историки-эмигранты в Праге в годы второй мировой войны // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск, 1999. С. 219–228.

¹² *Lacki E.* Il poeta della Russia Bianca rinascente: Jacob Kolos // Rivista di letterature Slave. Roma, 1927. Anuo II. F. 1; *Idem.* Maksim Bogdanovič // *Ibid.* 1928. Anuo III. F. 2; *Ляцкія Е.* Заметки по белорусоведению // Slavia. (Praha). 1927/1928. Sv.1 S. 183–188.

¹³ См. например: Ляцкий Е. Рец.: *Гарэцкі М.* Гісторыя беларускае літаратуры. Менск, 1926. Выд. 4 // Slavia. (Praha). 1927/1928. R. VI. Sv. 2/3. S. 548–549.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо А.А. Кизеветтера¹

24 марта 1932 г. [Прага]

Глубокоуважаемый Евгений Александрович, приношу Вам глубокую благодарность за то, что Вы дали мне возможность ознакомиться с рукописью Вашего исследования о "Слове о полку Игореве"², и прошу Вас принять мое искреннее поздравление с тем, что из-под Вашего пера вышла работа такой научной ценности.

Ваше исследование, примыкая ко всему тому, что было дано наиболее ценного предшествующей литературой, посвященной изучению этого памятника, в то же время прокладывает новые подходы к уразумению этого удивительного шедевра древнерусской поэзии и проливает неожиданно новый свет на относящиеся сюда важнейшие вопросы.

Не может быть сомнений в том, что та новая постановка, которую Вы даете этим вопросам, произведет сильное воздействие на дальнейший ход изучения "Слова о полку Игореве".

До сих пор на этот памятник склонны были смотреть либо как на односоставчатое цельное произведение одного автора, либо как на механическое соединение ряда различных произведений и отрывков. По мере того, как развертывалось детальное изучение памятника, накаплилось все более наблюдений, затруднявших принятие и того, и другого взгляда. И получался тупик. Толкованием, Вами выдвигаемым, этот тупик преодолевается как нельзя лучше. Вы четко устанавливаете многосоставчатость памятника и в то же время убедительно показываете, что отдельные его части соединены не механически и что составитель всего памятника выполнил это соединение, желая провести некую определенную, дорогую ему идею, которую Вы и выявляете с большим научным остроумием и убедительностью.

Не менее важным достижением является и проведенное Вами раскрытие стихотворной природы памятника, ибо Ваше разделение текста на стихи и строфы проведено Вами не произвольно, как некоторые пытались это сделать ранее, а – на основании тонкого уразумения, ритмических законов, обнаруживаемых Вами в основе этого песнопения.

Наконец, полны интереса и значения те приводимые Вами данные и сообщения, которыми определяется внутренняя связь "Слова о полку Игореве" с общим ходом поэтического творчества эпохи, а ведь и эта сторона дела была доселе окутана густым туманом. Читая Ваше произведение, я испытывал радостное возбуждение, – не умею иначе обозначить мое впечатление, – это – то редкостное возбуждение, какое испытываешь всегда, когда встречаешь в научном труде новое неожиданное освещение такого явления, которое долго казалось окруженным загадочной таинственностью.

Вы спрашиваете, не следовало ли бы несколько сократить примечания. Я никак не советовал бы делать этого: выступая с новой теорией, необходимо аргументировать, не скупясь на подробности в развитии своих соображений и приводя полностью все те данные, на коих строятся выводы. Это нужно в интересах дела и для предотвращения недоразумений со стороны критиков.

Примите выражение моего искреннего уважения и преданности.

А. Кизеветтер

*LA PNP. Pozůstalost "Jěvgenij Alexandrovič Ljackij"*³. Č. 981. L. 1–4 ob.

Письма Н.О. Лосского⁴

I

27 января 1926. [Прага]

Многоуважаемый Евгений Александрович, адреса всех лиц, о которых пишет проф. Перри⁵, мне известны. Я с удовольствием сообщу их ему.

Степун⁶ живет главным образом в Дрездене. Там он недавно получил кафедру в Высшей технической школе. Кажется, этому много способствовало то, что многие его считают первым по красноречию немецким оратором в наше время.

Душевно преданный Вам, Н. Лосский

LA PNP. Č. 1232. L. 1.

27 декабря 1940. Bubenec. Radeckého, 27

Глубокоуважаемый Евгений Александрович,
позвольте мне обратиться к Вам за советом, а, может быть, и содействием в следующем деле.

На днях я получил от Славянского Института приветствие по поводу семидесятилетия. Это обстоятельство натолкнуло меня на следующую мысль. Мною написана книга "Достоевский и его христианское миропонимание" (20 листов по 40 000 знаков). Нельзя ли обратиться в Славянский Институт с просьбой о напечатании ее?⁷ Чтобы дать Вам предварительное представление о ней, посылаю Вам оглавление ее (прошу Вас сохранить его и при случае вернуть мне). Первые две главы этой книги печатаются в сборнике "Летопись" от. Иоанна Шаховского⁸, который появится в конце января.

Издание книги моей, думаю, окупится, особенно, если духовные лица, например, епископ Леонтий Чикагский, будут рекомендовать ее. Она была принята к печатанию в "Петрополисе" в Брюсселе, но наступление на Бельгию помешало этому делу⁹.

Чтобы узнать Ваше мнение об этом деле, я потелефонирую Вам в понедельник.

Людмила Владимировна и я шлем сердечный привет Вам и Виде Павловне¹⁰.

Душевно преданный Вам, Н. Лосский

LA PNP. Č. 1237. L. 1.

Письмо В.А. Мякотина¹¹

София IV, бул. Евлоги Георгиевъ, 32. 1 сентября 1932

Дорогой Евгений Александрович,

с нашей предыдущей перепиской произошло что-то странное. Письма, о котором Вы говорите, я в прошлом году не получил – очевидно, оно затерялось где-то. Сам я вскоре по приезде сюда писал Вам, но, видно, и то письмо пропало. Здесь это случается со мной очень редко, но все же иногда случается.

Что сказать Вам о своей жизни? Она полна заботами о существовании. Помимо университетских курсов, я, как видите, пытаюсь продолжать свои научные работы, но главную долю своего свободного от университета времени поглощает работа ради хлеба. На жалованье трудно прожить с семьей, а мне надо еще поддерживать старшую дочь в Париже. Она окончила курс в Сорбонне и пытается устроиться во Франции. Это, пожалуй, разумно, ибо здесь она никакой работы сейчас не нашла бы. Но не могу найти здесь заработков помимо университета и я, и приходится искать их в газетной работе за границей – в Последних новостях¹², в Zeitschrift für osteurop[äische] Geschichte, еще кое-где. Увы, все это неверно (в частности, Последние новости вместо 4 статей, которые они обещали печатать в месяц, теперь по большей части помещают 2) и все дает гроши. Таким образом, бьешься как рыба об лед и удовлетворения из этой работы не получаешь.

Университет большого удовлетворения тоже не дает: аудитория у меня маленькая, от 5 до 9 человек, а приходится читать курсы, общие и специальные, так как для семинарских занятий нет соответствующих книг – библиотека бедна ими по моей специальности и ничего не можешь выписывать. Этой весной я пережил и большое волнение – был проект очень серьезных сокращений в университете и под угрозой стала и моя кафедра. Пока эта угроза миновала, но возобновят ли со мной контракт через 1 1/2 года, не знаю. Ну, да об этом еще рано загадывать.

В общем, думаешь уже только о том, как бы успеть поставить старших дочерей на ноги. Нина – средняя – переходит на 4 курс медицинского факультета, осталось ей еще 3 года – срок большой. Живем мы очень замкнуто, мало кого видим, и времени нет, и симпатичной публики здесь очень немного. Из нашей Аленушки вырастает очень славная и умная девочка. Немножко она говорит по-болгарски, но вообще языкам мы ее пока не учим.

Посылаю Вам на Ваш пражский адрес рецензию П.М. Бицилли¹³ на мою книгу¹⁴. Думаю, для Slavia эта рецензия вполне пригодна. П.М. кланяется Вам и говорит, что он

просил Руднева¹⁵ послать Вам экземпляр его хрестоматии (все за издание отослано в Париж)¹⁶. Теперь он постарается сам послать Вам экземпляр. Наш общий сердечный привет Виде Павловне и Вам. Всего хорошего Вам обоим.

Ваш В. Мякотин

LA PNP.Ā. 6687.L. 1–2.

Открытка А.В. Соловьева¹⁷

2 ноября 1940. Белград

Глубокоуважаемый Евгений Александрович.

Примите мою сердечную благодарность за любезно присланный мне II^{ой} выпуск Вашей статьи о "Слове"¹⁸. Она очень убедительна, и мне кажется, что Вы избрали самый правильный путь, сделав серьезное сравнение "Слова" и "Задоищины" и показав, что "Задонщина" гораздо ниже по поэтическим достоинствам. Это и мне приходило в голову при чтении обоих памятников. Видели ли Вы последнее издание "Слово о полку Игореве", М., 1940 – подробную библиографию с предисловием С. Шамбинаго¹⁹. Он между прочим в предисловии пишет о Мазоне²⁰ и о его "курьезном воскрешении скептицизма" – "такое, более чем странное, ни с чем не считающееся предположение уже вызвало за рубежом ряд уничижительных отзывов" (стр. 12). В библиографии он отметил не только Ваше исследование (№ 269)²¹, но и Вашу статью в "Срп. књиж. гласнике" (дважды под № 620 и 653)²² как "Ответ современным скептикам" и "Резкую критику статьи Мазона". Отмечены и рецензии на Ваше исследование. Приятно видеть такую библиографию, хотя в ней есть и пропуски. "Библиография русских ученых за границей за 1930–1940" близится к концу и, вероятно, выйдет через месяц²³. Надеюсь вскоре напечатать и своих "Русичей"²⁴ (ответ Унбегауну²⁵) в новом томе "Annales Kondakov" [...]

Искренне преданный А.С.

LA PNP.Ā. 2252.L.1 ob.

Письма Е.Ф. Шмурло²⁶

I

Roma (33), via Valadier, 42, 12 ноября 1924 г.

Искреннеуважаемый Евгений Александрович.

Вы говорите, нужно бы знать заранее, что я готовлю к печати. На ближайший срок у меня намечены три работы. К новому году я мог бы представить "Римский престол в его отношениях с Россией в первой половине XVII в.", – том листов в 30 (считая и документы). К февралю – "Вольтер и его Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand"²⁷, с выдержками из этого сочинения Вы уже знакомы. Оно все готово уже и сейчас, надо только засадить переписчика и привести разные темные disjuncta^{1*} к единому целому.

Наконец, тогда же или несколько позже, к марту будет готов *первый* том моего "Курса русской истории. Древний период 862–1725". Первый том я довожу до 1613 года, а во втором помещаю 1613–1725 с приложением отдельных экскурсий под общим названием "Спорные и неясные вопросы русской истории". На первый том понадобится, вероятно, 22–25 листов²⁸. К переезду в Прагу я лично готов – не готова бюрократия: здешнее посольство ждет из Праги разрешения заказать ящики под книги. Обещали мне для ускорения, послать (две недели спустя после [неразб.]) телеграфный запрос. Поживем – увидим.

А пока крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Е. Шмурло

LA PNP.Ā. 6826.L.1.

^{1*} несвязанности, неясности (лат.).

28 декабря [1924 г.]

Искреннеуважаемый Евгений Александрович.

Вот удосужился я в последний раз поговорить с Вами об одном деле: 23 января минет 200 лет со смерти Петра Великого – неужели "Пламя" ничем не откликнется на это событие, не примет участия в чествовании памяти великого человека?! У меня готова вполне законченная работа: "Петр Великий в ту пору, когда он еще не был великим. Первые 25 лет его жизни". Работа эта предназначалась для Половцовского²⁹ "Русского биографического словаря", была уже отдана в типографию и сохранилась у меня в корректурных листах; я обработал биографию царя по первоисточникам, но все примечания и ссылки спрятал в карман в намерении предложить читающей публике широких кругов книгу в общедоступном изложении. Ее вероятные размеры [...] едва ли более 7 листов³⁰. Если бы дело шло только о моем личном желании видеть свой труд опубликованным, я бы не стал и речи заводить; но я думаю, что, в нынешних условиях нашей эмиграции, долг каждого из нас посильно отметить этот знаменательный день. "Священная память" ведь не одного "Двенадцатого года"! В эпоху государственной разлуки более чем когда уместно почтить того, кто так работал по созиданию этой государственности!

"Пламя" в русской эмигрантской Европе теперь не только первое, но, можно сказать, единственное русское издательство с определенной программой, которая ставит себе целью достижения духовные, идейные, а не какой-либо сбыт товара на книжном рынке.

Noblesse oblige^{2*}!

Напечатать 6–7 листов в течение месяца вполне возможно, тем более, что оригинал в руках наборщика будет, почти весь уже в набранном виде.

Ваш Е. Шмурло

LA PNP.Č.2386.L.1–1 об.

Письмо Р.Ю. Виппера³¹.

Рига, 21 сентября 1924 г.

Глубокоуважаемый Евгений Александрович.

Мы с Вами давно знаем друг друга, даже в старину преподавали вместе в одном институте, но странным образом ни разу не встретились. И сейчас нас разделяет немалое пространство, но, во-первых, оно преодолимо, а во-вторых, в духовном-то смысле мы теперь так близко стоим друг к другу, как никогда.

До 1922 г. я пытался говорить и писать среди условий Советской России и последней моей попыткой был, вероятно, известный Вам мой "Иван Грозный". После этого все возможности пресекались, и для меня стал безоговорочно вопрос о выселении, чтобы остаток своих дней и сил посвятить на пользу русских людей, а не отдавать на терзание собакам. Но только летом этого года мне удалось выбраться самому и увезти семью моего сына, с которою я неразлучно связан. Мы думаем обосноваться в Риге. Сын мой, Борис Робертович³² – профессор истории искусства, его диссертация "Проблемы и развитие натюрморта" (с подзаголовком "Жизнь вещей")³³, может быть, достигла заграничного рынка, если не привез ее к Вам кто-нибудь из общих друзей.

Среди последних Павел Павлович Муратов³⁴ горячо советовал обратиться к руководимому Вами издательству "Пламя", а мы оба не могли бы и придумать более соответствующей нашим воззрениям и симпатиям редакции.

Позвольте, глубокоуважаемый Евгений Александрович, предложить Вашему вниманию следующие работы мои и моего сына, частью вполне готовые к печати, или требующие лишь настоящей обработки.

Р. Виппера. 1. *История Греции в классическую эпоху* (с некоторыми сокращениями против издания 1916 г., около 570 с.).

^{2*} положение обязывает (фр.).

2. *Иван Грозный* (с патриотическим введением, которое большевики не пропустили в издании 1922 г.).

3. *Тибет и возрождение религий* (около 4–5 л.).

4. *Очерк гуситских войн* (1419–1434). Эту небольшую статью (в 1 1/2–2 листа) в сопровождении наглядных карт я написал еще в 1921 г. в каком-то смутном предположении перекинуть мост к возрождающейся Чехии; моей целью было представить героическую борьбу маленькой нации, отстаившей свою личность от подавляющих ее отовсюду посторонних враждебных сил.

Б.Р. Виппера. В настоящее время заканчивается им *Общий очерк истории искусства*, который можно было бы назвать также *Историей стилей*, такого рода книги нет сейчас в современной литературе. Несколько аналогичная работа Reinach³⁵ представляется сейчас устарелой и, кроме того, она слишком перегружена фактами и недостаточна обозрительна.

Б.Р. Виппер делает попытку указать связь и аналогии между искусством европейским и дальневосточным, а также вводить в общую систему развития искусство русское. Размер книги около 20 листов. К ней потребуется некоторое (не очень большое, но хорошо выбранное) количество иллюстраций.

Хотелось бы знать Ваше мнение по этому поводу, а также услышать, чем мы оба вообще могли бы быть полезны Вашей редакции³⁶.

Готов Вам писать без конца. Как-то все не верится, что можно с русскими людьми свободно обо всем разговаривать человеческим языком.

Глубоко уважающий Вас и искренне преданный.

Р. Виппер

Мой адрес: Riga, Kālnieciem cēla 32, кв. 11. Роберту Юрьевичу Випперу.

LA PNP.Č.2619. L. 1–2.

Письма К.Д. Набокова³⁷

I

24 декабря 1920 г., Лондон

Многоуважаемый Евгений Александрович.

Ваше письмо явилось подлинным рождественским подарком. Я искренне радуюсь, что мой первый опыт на писательском поприще встречает похвалу литератора.

Телеграфировал Вам сегодня же просьбу о том, чтобы копия на машинке была сделана в Стокгольме. Моя рукопись³⁸ – единственный экземпляр, который мне хотелось бы оберечь от риска дальнейших скитаний по долам и морям.

Что касается иллюстраций в виде автографов или портретов, я, к сожалению, лишен возможности исполнить Ваше желание и Ваш совет. У меня имеются интересные автографы – письма Камбона³⁹, лорда Мильнера⁴⁰, Бальфура⁴¹ – но все это частные письма, опубликование которых противно здешней этике. Что касается портретов, то главные действующие лица в той драме, которые я рассказываю, еще живы, и слишком часто изображены были в иллюстрированных журналах, чтобы их портреты могли представить интерес для читателя. А некоторые лица, как, например, одно из главнейших – Ллойд Джордж⁴² – настолько мне теперь отвратительны, что украшать ими свою книгу мне не хочется [...]

Примите мой искренний привет и наилучшие пожелания. Буду с нетерпением ожидать окончательного решения. Был бы также очень рад, если бы мой опыт на дипломатическом поприще мог быть Вами использован в Вашем деле. От души надеюсь, что наша с Вами переписка в будущем не ограничится чисто деловыми сношениями.

Искренне уважающий Вас К. Набоков

LA PNP.Č.1485.L.1–2.

Многоуважаемый Евгений Александрович,

только что получил Ваше письмо от 14. Тем более Вам сочувствую, что сам в настоящий момент туго оправляюсь от мучительной болезни – бронхита с нарывом в горле. Занят корректурой английского издания своей книги, которое выйдет здесь в мае⁴³. Касательно Ваших советов вот что имею сказать. Вполне согласен применить предлагаемый Вами способ правописания наименований учреждений.

Что же касается Сватикова⁴⁴, я думаю, что эпопея его поездки настолько хорошо известна, что скрывать его имя под инициалами было равносильно применению старого приема "трех звездочек" на афише концерта в Петровском училище для исполнителя романа "Сред шумного бала", в котором всякий петербургский обыватель узнавал моего друга и учителя (я ведь певец) И.В. Тартакова⁴⁵. Мой рассказ о поездке Сватикова имеет целью бичевать не столько Хлестакова, сколько Городничего, Ляпкина-Тяпкина и прочих; иною речью, тех русских дипломатов, которые в панике лизали ему пятки. В моей книге достается всем сестрам по серьгам. Правда, некоторые из этих сестер "оставили пражу, когда солнце село". Но лишний раз покраснеть и устыдиться своего холуйства им не помешает.

Кроме того, должен Вам сказать, что я читал доносы Сватикова и поэтому мало склонен щадить его. Впрочем, ведь юмор мой – подлинный, и потому добродушный.

Искренне радуюсь перспективе скоро повидаться в Вами с Лондоне.

Душевно Ваш К. Набоков

LA PNP. Č.1489.L.1.

Письмо^{3*} В.Ф. Булгакова⁴⁶

13.03.1940

Глубокоуважаемый Евгений Александрович.

Искренне благодарю Вас за любезное письмо и за присылку списка Ваших трудов. Я, конечно, воспользуюсь им и многое в своем первоначальном биографическом наброске о Вас исправлю и дополню, – оставаясь все же в пределах той схемы, которая принята в нашем словаре по отношению ко всем писателям.

Поскольку словарь отнюдь не является чисто библиографическим изданием, а лишь коротким, наподобие кода, справочником о писателях, в нем не перечисляются, например, предисловия к книгам, книги перечисляются все, но из журнальных статей указываются лишь некоторые, главнейшие, причем иностранные названия, к сожалению, приводятся на русском языке, за невозможностью обеспечить все шрифты для типографии, и пр. Но все же я вижу, как много я не знал и от каких неточностей присланный Вами материал меня избавляет! Еще раз – большое, большое спасибо!

Пользуюсь случаем спросить Вас: известно ли Вам, что именно сейчас Русский научный институт в Белграде⁴⁷ приступил к составлению и печатанию 2-го выпуска "материалов по библиографии русских научных трудов за рубежом" и что Институт просит всех ученых срочно, заказными письмами посылать ему (Београд, ул. Кр. Наталия, № 33) все необходимые данные. Вот куда важно было бы послать полную копию присланного Вами нашему Музею. Там это будет напечатано *полностью*, ибо "Материалы" ставят себе задачей именно дать *Полную Библиографию* трудов русских ученых. Я знаю, что о просьбе Белградского Института русские ученые передают сейчас при случае один другому, – осведомленный неосведомленному – и считаю своим долгом передать Вам то, что я сам на днях узнал от другого ученого. Крайне желательно, разумеется, чтобы полная библиография Ваших трудов появилась в Белградских "Материалах"⁴⁸.

^{3*} На бланке Русского культурно-исторического музея при Русском свободном университете в Праге.

Кстати, у нас в Музее присланные Вами библиографические сведения присоединены под № 401 к таким же документам, полученным нами в ответ на произведенную нами анкету. Нет сомнения, что Ваша полная и точная справка о Ваших трудах не раз еще будет использована исследователями истории русской культуры.

Целую руку Виде Павловне и искренне желаю Вам всего лучшего!

Глубоко уважающий и преданный Валентин Булгаков

P.S.^{4*} Мой *загребский* заочный знакомый литератор Николай Иванович Федоров (Zagreb, Jugos[avija], Klaićeva, 72, dvorište) просил меня также передать пражским ученым и писателям его просьбу – посылать ему библиографические сведения о себе, для обработки и помещения в "Хорватской энциклопедии"⁴⁹. Не найдете ли Вы возможность, Евгений Александрович, послать и ему такие сведения?

Валентин Булгаков

LA PNP.Č.363.L.1-1 ob.

Письмо А.В. Флоровского⁵⁰

I⁵ 1938 г.

Глубокоуважаемый Евгений Александрович.

Нашему Историческому Обществу, т.е. его правлению нужно в ближайшее время рассмотреть и решить несколько важных дел. На будущей неделе в Прагу приезжает П.Н. Милюков, – нужно организовать собрание памяти В.А. Мякотина⁵¹. С этим собранием не все ладится. Мы предполагали, что об общественно-политической деятельности В.А. будут говорить Н.Ф. Новожилов⁵² (о революции) и В.Ф. Изюмов⁵³ (после 1917 г.). Но Изюмов [*неразб.*] отказывается [*далее размыто водой*], т.е. придется Ваше слово о нем соединить с речью Милюкова. Об этом нам нужно поговорить и решить. С другой стороны проезд П.Н. Милюкова следовало бы использовать в интересах Вашей и нашей общей мысли о журнале. Надо бы устроить приватную дружескую встречу членов правления с Милюковым и заинтересовать нашими замыслами. Может быть и он мог бы помочь советами и содействием их реализации. Кроме того, имеются и более мелкие вопросы для обсуждения в Правлении. Не разрешите ли Вы собраться Правлению у Вас в университете в ближайшую пятницу в 5 ч.? [*далее размыто*]

Антоний Флоровский

LA PNP.Č.533.L.1-1 ob.

Примечания

- ¹ Кузеветтер Александр Александрович (1866–1933) – русский историк, с 1922 г. профессор Карлова университета.
- ² Речь идет об исследовании: *Ляцкий Е.А.* Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль. Прага, 1934.
- ³ Поскольку все публикуемые документы взяты из одного фонда, далее название фонда не приводится.
- ⁴ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – русский философ, представитель интуитивизма, в 1922–1945 гг. жил в Праге.
- ⁵ Перри Ралф Бартои (1876–1957) – американский философ-идеалист.
- ⁶ Степун Федор Августович (1884–1965) – русский философ, в 1922 г. выслан из России, жил в Германии.
- ⁷ Книга была издана в Нью-Йорке в 1953 г.
- ⁸ Иоанн (Шаховской Дмитрий Алексеевич) (1902–1987) – русский поэт и деятель церкви, в 1940 г. – благочинный русских приходов в Германии. Издал два выпуска сборника "Летопись".

^{4*} *Приписано от руки.*

^{5*} *Неразборчиво, возможно, – II*

- ⁹ Книга Н.О. Лосского "Достоевский и его христианское миропонимание" была издана только в 1953 г. в Нью-Йорке.
- ¹⁰ Ляцкая Вида (Видослава) Павловна (1913–1991) – третья жена Е.А. Ляцкого, филолог-славист.
- ¹¹ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – русский историк народнического направления, с 1918 г. – в эмиграции, в 1928–1937 гг. – профессор Софийского университета.
- ¹² "Последние новости" – русскоязычная газета, издававшаяся с 1921 г. в Париже П.Н. Милкоковым.
- ¹³ Бицилли Петр Михайлович (1879–1953) – русский историк, с 1924 по 1948 г. – профессор Софийского университета.
- ¹⁴ Возможно, имеется в виду исследование В.А. Мякотина "Прикрепление крестьянства левобережной Украины XVII–XVIII вв.", вышедшее в Софии в 1932 г.
- ¹⁵ Руднев Вадим Викторович (1879–1940) – редактор и издатель парижского журнала "Современные записки".
- ¹⁶ Первая часть "Хрестоматии по истории русской литературы", составленная П.М. Бицилли и посвященная древнерусской литературе, вышла в 1931 г. в Софии; вторая часть, посвященная литературе XVIII в., – в Париже в 1932 г.
- ¹⁷ Соловьев Александр Васильевич (1890–1971) – русский историк, с 1920 г. – профессор Белградского университета.
- ¹⁸ Одно из последних исследований Ляцкого о "Слове" было опубликовано в двух частях, см.: *Ляцкий Е.А. Неудачный поход на "Слово о Полку Игореве": 1) Скептическое единомыслие. 2) Гипнотизация и действительность. 3) Задонщина // Slavica (Praha) 1939/40. Roč. XVIII. Seš. 1/2. S. 110–127; Seš. 3. S. 374–411.*
- ¹⁹ Шамбинаго Сергей Константинович (1871–1948) – отечественный филолог, автор многочисленных исследований по истории древнерусской литературы и литературы XIX в. В 1940 г. под его редакцией вышла книга "Слово о полку Игореве: Библиогр. указатель" / Сост. О.В. Данилова, Е.Д. Поплавская, И.С. Романченко (М.)
- ²⁰ Мазон Андре (1881–1967) – французский славист, иностранный член-корреспондент АН СССР (1928).
- ²¹ См. примеч. 2 к письму А.А. Кизеветтера.
- ²² *Љацкиј Ј.А. Слово о полку Игореве (Поводом седамстопедесетогодишњице) // Српски књижевни гласник. Нова сер. Београд, 1938. Т. 55, бр. 3. С. 181–190.*
- ²³ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1941. Вып. 2, ч. 1.
- ²⁴ Статья А.В. Соловьева "Rusići et Rus" была опубликована, см.: *Seminarium Kondakovianum. Beograd, 1941. Т. XII. С. 19–33* (почти весь тираж сборника погиб во время войны), перепечатана под названием "Русичи и русовичи" в сб.: *Слово о полку Игореве – памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 276–299.*
- ²⁵ Унбегаун Борис Генрихович (1898–1973) – славист, с 1935 г. профессор славянской филологии в Université Libre в Брюсселе и Страсбургского университета. Его заметка "Les Rusiçi / Rusici du Slovo d'Igor" была опубликована, см.: *Revue des Etudes Slaves. P., 1938. Т. XVIII. P. 79–80.*
- ²⁶ Шмурло Евгений Францевич (1853–1934) – историк, в 1903–1924 гг. – ученый корреспондент Петербургской академии наук при Ватиканских архивах, с 1924 г. – в Праге, один из основателей Русского исторического общества, до 1931 г. – его председатель.
- ²⁷ Опубликована под названием "Вольтер и его книга о Петре Великом" (Прага, 1929).
- ²⁸ "Курс русской истории" Е.Ф. Шмурло вышел в свет в четырех томах в Праге в 1931–1935 гг.
- ²⁹ Половцов Александр Александрович (1832–1909) – государственный и общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1884), с 1879 г. – председатель Русского исторического общества.
- ³⁰ Отдельным изданием книга не вышла, была "распечатана" по статьям, см.: *Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 188–189.*
- ³¹ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – русский историк, в 1924–1940 гг. – в эмиграции в Латвии, с 1943 г. – академик АН СССР.
- ³² Виппер Борис Робертович (1888–1967) – историк искусства, в 1924–1940 гг. – в эмиграции в Латвии, член-корреспондент АН СССР (1962).
- ³³ Вышла в свет в Казани в 1922 г.
- ³⁴ Муратов Павел Павлович (1881–1950) – русский искусствовед и писатель, с 1922 г. – в эмиграции.
- ³⁵ *Reinach Salomon (Рейнак) (1858–1932) – французский археолог и искусствовед. Автор неоднократно выходившего в переводе на русский язык исследования "Аполлон: Всеобщая история пластических искусств".*
- ³⁶ Судя по списку книг, изданных "Пламенем" к 1929 г., сочинения обоих Випперов там изданы не были (LA PNP. P. Ljackij. Č. 3825).
- ³⁷ Набоков Константин Дмитриевич (1877 (?) – 1929) – русский дипломат, в 1905 г. был членом русской делегации, подписавшей Портсмутский мирный договор с Японией; занимал пост генерального консула в Индии; в 1917 г. – поверенный в делах России в Великобритании. Брат

известного политического деятеля В.Д. Набокова и дядя писателя В.В. Набокова. См. о нем: *Набоков В.В. Память, говори // Он же. Американский период: Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 361–362.*

- ³⁸ Речь идет о воспоминаниях К.Д. Набокова "Испытания дипломата", вышедших в издательстве Ляцкого "Северные огни" в Стокгольме двумя изданиями (1921, 1923).
- ³⁹ Камбон Поль (1843 – после 1924) – посол Франции в Лондоне в 1898–1920 гг.
- ⁴⁰ Мильнер Альфред, виконт (1854–1925) – глава английской военной миссии в России в январе 1917 г., в 1918 г. – военный министр.
- ⁴¹ Бальфур Артур Джеймс (1848–1930) – английский государственный деятель, в 1916–1919 гг. – министр иностранных дел Великобритании.
- ⁴² Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) – английский государственный деятель, в 1916–1922 гг. – премьер-министр Великобритании.
- ⁴³ Английское издание под названием "The Ordeal of a Diplomat" вышло в Лондоне в 1921 г. 28 марта 1921 г. Набоков писал своему другу Д. Несбиту: "Во время болезни я, конечно, не работал. Правда, я правил корректуру моей книги, которая должна выйти здесь в мае. Лондонские издатели (Duckworth & Co.) уверены, что книга будет иметь успех. Они печатают ее очень аккуратно, и я получаю большое удовольствие от работы с этой фирмой – с ней у нас нет расхождений во мнениях по улучшению содержания [...] Если книга будет иметь успех, она принесет мне немного денег [...] Русская версия также в процессе опубликования, причем он обещает быть продолжительным, так как за границей лишь несколько русских наборщиков, а иностранцы, незнакомые с русским алфавитом, естественно работают очень медленно. Книга выйдет в Швеции" ([Nabokov C.] Letters of a Russian Diplomat to an American Friend. 1906–1922. Lewiston etc., 1989 [Slavic studies, vol. 1]. P. 384–385). 10 апреля того же года Набоков замечал: "Моя книга скоро выходит. Издатель очень оптимистичен, но я не разделяю его розовых надежд. Денег так мало, что широкая публика не покупает книги" (Ibid. P. 387).
- ⁴⁴ Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942) – общественный деятель и историк. С марта 1917 г. – помощник начальника Главного управления по делам милиции, в мае направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для ликвидации заграничной агенты Департамента полиции и проверки дипломатических служб. Набоков с чувством глубокой иронии описал его поездку. См.: *Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 75–79.*
- ⁴⁵ Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923) – солист и главный режиссер (с 1909 г.) Мариинского театра. С 1920 г. – профессор Петербургской консерватории.
- ⁴⁶ Булгаков Валентин Федорович (1886–1966) – литературовед, мемуарист. В 1923–1948 гг. – в эмиграции в Чехословакии. Составитель неизданного "Словаря русских зарубежных писателей". В 1935 г. основал в г. Збраслав, под Прагой, Русский культурно-исторический музей, который имел отделения: художественное, историческое, культурно-историческое, русской старины, библиотеку и архив. После оккупации Чехословакии в 1939 г. Булгаков был арестован, а музей был закрыт. См.: *Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. [М.], 1998. С. 69.*
- ⁴⁷ Русский научный институт – общественное просветительское и научное учреждение эмиграции. Существовал в Белграде в 1928–1941 гг.
- ⁴⁸ См. примеч. 23 к письму А.В. Соловьева.
- ⁴⁹ В связи с военным временем вышло только пять томов Хорватской энциклопедии, доведенных до буквы "D".
- ⁵⁰ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) – доктор русской истории (1936), с 1933 г. – профессор чешского Карлова университета, в 1938–1940 гг. – председатель Русского исторического общества, в 1933–1945 гг. – председатель Ученого совета Русского заграничного исторического архива.
- ⁵¹ В.А. Мякотин умер 5 октября 1937 г. в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.
- ⁵² Новожилов Николай Федорович (1883–1963) – педагог, преподаватель русской гимназии в Праге.
- ⁵³ Изюмов Александр Филаретович (1885–1950), с 1934 г. – заместитель директора Русского заграничного исторического архива.

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ФОНДА К.И. РУДЕЛЬСОН В ГАРФ

(К 80-летию со дня рождения)¹

Среди личных документов, творческих материалов историков-архивистов в ГАРФ одним из наиболее значимых по составу и содержанию документов является фонд профессора, доктора исторических наук К.И. Рудельсон (Ф. Р-4907). Документы она передала в 1991, 1992, 1995 гг. Их научное описание (Оп. 1, 2) проведено в 1995 г. выпускницей ИАИ РГГУ Л.Ю. Евдокимовой. В фонде 396 ед. хр. с рукописями монографий, учебных пособий, научных докладов, статей фондообразователя, документами научной, педагогической, служебной деятельности в МГИАИ, ВНИИДАД, биографическими материалами, перепиской, фотографиями. Крайние даты документов – 1925–1995 гг.

Клавдия Ивановна Рудельсон (ур. Булычева) родилась 23 марта 1919 г. в д. Подосинки Дмитровского уезда Московской губернии. После окончания в 1935 г. девятого класса средней школы, затем государственных курсов корректоров, она поступила в Историко-архивный институт, одновременно (1936–1938) работая корректором в издательстве ЦК ВКП(б). Окончив в 1940 г. институт, сначала она стала научным сотрудником в научно-издательском отделе Главного архивного управления НКВД СССР, затем в отделе Великой Отечественной войны ЦГАОР СССР. В ноябре 1943 г. К.И. поступила в аспирантуру МГИАИ по кафедре архивоведения, в 1946 г. была зачислена в штат института преподавателем. Кандидатскую диссертацию по теме "Предметно-тематический каталог документальных материалов в центральных государственных исторических архивах СССР" защитила в ноябре 1950 г., в октябре 1954 г. была утверждена в звании доцента. Более 25 лет Клавдия Ивановна преподавала в институте, в 1954–1971 гг. возглавляла кафедру теории и практики архивного дела. В 1969 г. ей была присвоена ученая степень доктора исторических наук, а в апреле 1971 г. – звание профессора. В том же году она перешла на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, где проработала до декабря 1985 г. Руководила в институте сектором общих проблем архивоведения, отраслевым методологическим семинаром "Актуальные методологические вопросы архивоведения, документоведения и археографии", а также семинаром по повышению квалификации сотрудников и аспирантов ВНИИДАД. Она постоянно участвовала в научно-практических и теоретических конференциях, совещаниях по архивоведению, документоведению в нашей стране и за рубежом, являлась членом ученых и научных советов Главархива СССР, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, других центральных государственных архивов, ВНИИДАД, Архива Академии наук, Археографической комиссии АН СССР.

Рассмотрим содержание дел в оп. 1. Ед. хр. 1–18 включают биографические документы: автобиографии, написанные в 1955 г. и 1979 г., копии дипломов об окончании Историко-архивного института, о получении ученых степеней и званий, материалы о награждении медалью "За доблестный труд". В фонде хранятся почетные грамоты, приветственные адреса Клавдии Ивановне от коллективов МГИАИ, ВНИИДАД, Главархива СССР, многих центральных государственных архивов. "Ваши труды в области разработки теории создания и совершенствования научно-справочного аппарата широко известны, – обращалась к К.И. Рудельсон 21 марта 1963 г. сотрудники Архивного отдела Мосгор-

¹ См. наши заметки: ОА. 1994. № 3. С. 121; 1999. № 2. С. 48–49.

исполкома и Центрального архива г. Москвы. – Ваши выступления на конференциях, совещаниях, научных советах всегда вызывают интерес практиков. Многие государственные архивы, в том числе и наш, испытали на себе Ваше благожелательное отношение к тем, кто обращается к Вам за советом и помощью" (Ед. хр. 12. Л. 10). "Вы много и охотно работаете с молодежью, под Вашим руководством подготовлено и готовится значительное количество кандидатских диссертаций, – отмечается в приветственном адресе коллег по работе в МГИАИ 23 марта 1979 г. – Ваша доброжелательность, отзывчивость, глубокая человечность, принципиальность и другие прекрасные душевные качества снискали Вам большой авторитет, искреннее уважение и любовь членов кафедры и всего коллектива института" (Там же. Л. 24). Как свидетельствуют приветственные адреса, письма, телеграммы, памятные даты жизни видного историка-архивиста, первого среди них доктора исторических наук тепло отмечали коллективы архивных учреждений страны, многочисленные ученики.

Отдельные периоды биографии фондообразователя (детство, учебу, работу в ЦГАОР СССР) отражают краткие воспоминания Клавдии Ивановны (Ед. хр. 196–197, черновые автографы, машинопись), написанные в 1979–1983 гг. Они частично – "Архивный городок осенью 1941 г." – опубликованы автором данного обзора (Вестн. архивиста. 1999. № 2/3. С. 16–18). Из неопубликованных воспоминаний интересно описание работы архива по собиранию документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в годы войны.

Документы личного фонда К.И. Рудельсон свидетельствуют о большом ее вкладе в развитие и совершенствование отечественного архивоведения. Видным ученым, педагогом опубликовано более 100 научных работ в отечественной и зарубежной печати по вопросам документалистики, классификации и каталогизации, экспертизы ценности документов, истории и организации архивного дела. В фонде хранится 8 списков научных работ К.И. Рудельсон, составленных в 1963, 1964, 1969, 1970, 1974, 1975, 1984 и 1990 гг. (Ед. хр. 204). Под руководством и при участии Клавдии Ивановны выпущены два издания учебника "Теория и практика архивного дела в СССР" (М., 1966, 1980), "Словарь архивной терминологии социалистических стран" (М., 1982).

Творческие материалы К.И. Рудельсон занимают 191 ед. хр. В ед. хр. 21–30 находятся планы, черновые автографы, правленные машинописные экземпляры глав диссертации на соискание степени доктора исторических наук "Классификация документной информации ГАФ СССР (Историография. Современные проблемы)". В фонде хранятся также планы – проспекты неопубликованной монографии "Творческие проблемы архивоведения", написанные в соавторстве с Б.С. Илизаровым, Н.И. Стяжкиным, Н.М. Шепуковой, протоколы их обсуждения в рабочей группе по подготовке монографии (1977), на заседаниях секций ВНИИДАД 1978 г. (Ед. хр. 31. Л. 102, 113–115). Сообщение указанных авторов по этой теме опубликовано в книге «Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества"». Ед. хр. 34–76 включают рукописи статей, написанных в 1950–1987 гг., по вопросам классификации документальных материалов государственных архивов, каталогизации (в том числе фотодокументов), автоматизации поиска документной информации, экспертизы ценности и другим проблемам архивоведения и документоведения; о работе архивов (и зарубежных стран) по созданию научно-справочного аппарата.

Ряд статей, в их числе и неопубликованных, написаны в соавторстве с В.Н. Автократовым, Г.Г. Воробьевым, В.Д. Банасюкевичем, К.Б. Гельман-Виноградовым, А.В. Елпатьевским, Э.В. Колосовой, В.М. Мамоновым, Л.И. Сесиной, А.Н. Соковой, Н.М. Шепуковой, Э.И. Ханпирой, другими сотрудниками

ВНИИДАД, МГИАИ. Сохранились отзывы (авториз. маш.) на статьи О.Е. Карноуховой, А.А. Кузина, других архивистов, преподавателей института (Ед. хр. 34, 43). В фонде имеются рукописи статей по истории МГИАИ, его учебной лаборатории, о вопросах документоведения и архивоведения в трудах К.Г. Митяева (к 70-летию со дня рождения ученого и педагога). Привлекают внимание заметки (черновые автографы, машинопись) о преподавателях МГИАИ Н.А. Павловой, М.Н. Шобухове, опубликованные в журнале "Советские архивы" (без подписи автора), о работе кафедры теории и практики архивного дела, защите дипломных работ, заметки, написанные Клавдией Ивановной по просьбе редколлегий стенгазет Архива АН СССР в Ленинграде и МГИАИ (1970).

Ед. хр. 77–87 содержат рукописи учебных пособий ("Каталогизация документальных материалов в советских архивах", "Указатели и архивные справочники" и др.), программ курсов, спецсеминаров в МГИАИ. Одна из программ курса («Введение в специальность "историк-архивист"») разработана в соавторстве с С.О. Шмидтом. Сохранилось значительное количество материалов по подготовке двух изданий учебника "Теория и практика архивного дела". Имеются стенограммы совещаний кафедры теории и практики к архивным делам по обсуждению учебника, рукописи рецензий на него М.И. Автократовой, Б. Врохмана (ГДР), И.В. Волковой, А.В. Елпатьевского, И.С. Назина, В.В. Цаплина, других архивистов, черновики писем Клавдии Ивановны Ф.И. Долгих, Н.А. Ковальчук, Б.В. Стукалину по вопросам подготовки учебника к изданию (1978–1979), документы об издании учебника в ГДР.

Сохранились рукописи лекций (1948–1983) К.И. Рудельсон для студентов МГИАИ, сотрудников ВНИИДАД, Главархива СССР, центральных государственных архивов, Архива Министерства обороны СССР (Ед. хр. 109–119). В фонде имеются рукописи докладов, выступлений Клавдии Ивановны в 1957–1989 гг. по вопросам теории и практики архивного дела, подготовки кадров историков-архивистов на научных советах, конференциях МГИАИ, ВНИИДАД; Всероссийской конференции историков-архивистов в г. Куйбышеве (1964); I Всесоюзном симпозиуме по документалистике, проходившем в Паланге (1969) (Ед. хр. 120–149).

Будучи участником VII Международного конгресса архивов в Москве (1972), К.И. подготовила доклад "Классификация документов научно-справочного аппарата в государственных архивах" (опубликован на английском языке Главархивом в Москве в 1971 г.), но на конгрессе выступила по поводу доклада Ф. Биляна (Югославия). Это выступление вошло в издание "Материалы VII Международного конгресса архивов" (М., 1975. С. 327–330), членом редколлегии которого она являлась. В фонде (Ед. хр. 138) сохранились рукописи ее доклада, выступления и сообщения об итогах конгресса на заседании научного совета ВНИИДАД.

В ед. хр. 131 – рукописи докладов, выступлений о В.В. Максакове, И.Л. Маяковском, М.Н. Шобухове на юбилейных заседаниях кафедры теории и практики архивного дела; в ед. хр. 194–195 – черновые автографы статей (некрологов), посвященных памяти И.Л. Маяковского, В.В. Максакова.

29 ед. хр. (164–190, 192–193) содержат рукописные отзывы (1950–1990) К.И. Рудельсон на дипломные работы студентов МГИАИ, диссертации И.А. Волковой, В.В. Елпатьевской, Р.Н. Ефименко, С.В. Зыковой, З.П. Иноземцевой, Л.А. Кобельковой, А.С. Малитикова, В.А. Сидоровой и других по вопросам архивоведения и документалистики. Имеются отзывы К.И. Рудельсон на опись документов фонда А.С. Серафимовича, подготовленную к изданию работниками ЦГАЛИ СССР (1954), на проекты инструкций государственных архивов по экспертизе ценности, схем классификации каталогов документов ГАФ СССР, на лекции и программы курсов Н.В. Бржостовской, Р.А. Окуновой,

М.Н. Шобухова, других преподавателей МГИАИ, на книги Г.Г. Воробьева, П. Гримстед, Л.И. Полянской, Е.Н. Сусловой, других авторов, статьи преподавателей МГИАИ, сотрудников государственных архивов по вопросам архивоведения, архивной терминологии, классификации документов, на сборник «Московский ордена "Знак Почета" государственный историко-архивный институт (1930–1980)» (Пермское книжное издательство, 1984).

Отдельную группу составляют рукописные отзывы, рецензии на научные труды фондообразователя (среди авторов И.Л. Маяковский, другие ученые, в том числе из Болгарии, ГДР, Югославии (Ед. хр. 206–209). Там же хранятся отзывы И.Д. Ковальченко, О.М. Медушевской, Л.В. Черепнина, С.О. Шмидта, С.И. Якубовской на докторскую диссертацию К.И. Рудельсон "Классификация документной информации ГАФ СССР. Историография. Современные проблемы".

Документы служебной, педагогической и общественной деятельности Клавдии Ивановны в МГИАИ, ВНИИДАД, комиссиях, научных советах архивных учреждений (Ед. хр. 210–315) представляют собой планы, отчеты, докладные записки фондообразователя, материалы о работе в 1951–1969 гг. студенческого научного кружка. Членами кружка под руководством К.И. Рудельсон при участии Н.В. Бржостовской, Д.М. Эпштейн был подготовлен библиографический словарь "Архивисты России" (машинопись, 80 п.л.). Рукопись неопубликованного словаря (Ед. хр. 160–162) была отмечена дипломом и премией ВДНХ СССР. В фонде имеются материалы о подготовке "Словаря архивной терминологии социалистических стран" (Ед. хр. 273–290), характеристики, написанные Клавдией Ивановной на научных сотрудников сектора общих проблем архивоведения ВНИИДАД Н.В. Бржостовскую, Б.С. Илизарова, М.И. Сотникову, Л.Г. Сырченко. В ед. хр. 291–295 содержатся документы о работе в 1972–1987 гг. отраслевого семинара ВНИИДАД "Актуальные методологические вопросы документоведения, архивоведения и археографии": рукописи докладов В.М. Виногоорова, А.В. Елпатьевского, В.В. Олевской, Л.Г. Сырченко, других участников семинара, заметки Клавдии Ивановны по их обсуждению на занятиях.

Документы об участии К.И. Рудельсон в научных конференциях в Киеве (1960), работников архивных учреждений РСФСР в Куйбышеве (1964), конференции по документалистике в Паланге (1973) представлены отчетами фондообразователя, в том числе и о научных командировках в Болгарию, Великобританию (1974), Бельгию (1975) (Ед. хр. 316–326). Имеются тетради, блокноты с записями на научных конференциях, совещаниях архивных работников в Москве, Барнауле, Иркутске, Ленинграде, Риге, Ростове-на-Дону (1953–1970), а также со служебными записями о работе в МГИАИ (1953–1970), ВНИИДАД (1971–1985) (Ед. хр. 327–333).

Довольно значительную группу (Ед. хр. 334–389) составляет переписка: письма К.И. родственникам со сведениями о работе над диссертациями, отдыхе, семейных делах (1949–1974); черновики и копии писем работникам архивных учреждений Ленинграда, Тернополя, Томска, многих других городов о научной работе, с консультациями по вопросам теории и практики архивного дела; В.В. Максакову – по вопросу написания в 1954 г. статьи о научной, педагогической деятельности И.Л. Маяковского, К.Г. Митяеву – от 31 мая 1967 г. со сведениями о работе архивоведческих кафедр МГИАИ. Среди корреспондентов: В.Н. Автократов, Н.В. Бржостовская, В.Е. Дербина, А.А. Кобяко, О.Е. Карноухова, В.В. Максаков, К.Г. Митяев, С.О. Шмидт, многие другие известные ученые, историки, архивисты. Л.М. Зак писала так: «Клавдия Ивановна. Sos! Sos! Спасите архив, а то его сожгут. Я и мои студенты обнаружили, что Архив ВОКСа за 1941–1954 гг. нигде не зарегистрирован, находится под лестницей и обречен на сжигание, ибо никого не интересует. А там есть много замеча-

тельных материалов (обращения, письма, документы выдающихся деятелей культуры мира и т.д.). Что можно сделать, чтобы сдать этот архив для пользы науки и будущих историков. Может быть, можно было бы мобилизовать несколько наших студентов для приведения его в "божеский вид"?» (Ед. хр. 344. Л. 61). Записка не датирована. Вероятно, относится к началу 50-х годов. Обращение коллеги не осталось без внимания. Значительное количество документов ВОКС за военные годы хранится ныне в ГАРФ. В фонде Клавдии Ивановны имеется большое число писем от студентов, писавших под ее руководством курсовые, дипломные работы. Переписка с некоторыми учениками продолжалась 20 лет и более.

Изобразительные материалы (Ед. хр. 390–396) представлены в фонде фотографиями Клавдии Ивановны на заседаниях кафедры института, Государственной экзаменационной комиссии, Дне открытых дверей МГИАИ (1950–1971), совещании архивистов в Кутаиси (1964), заседании ученого совета Архива АН СССР (1967). На групповых снимках с К.И. Рудельсон – Н.М. Дружинин, И.Л. Маяковский, К.Г. Митяев, И.С. Назин, А.С. Рослова, С.О. Шмидт. Имеются копии с фотоснимков профессоров МГИАИ А.И. Андреева, И.Ф. Колесникова, Л.В. Черепнина, М.Н. Шобухова.

Материалы, собранные К.И. Рудельсон, включены в оп. 2 (192 ед. хр. с документами 1906–1990 гг.). Это – рукописи статей, докладов, учебных пособий преподавателей МГИАИ, сотрудников ВНИИДАД, других архивных учреждений. Авторами научных трудов являются В.Н. Автократов, М.И. Автократова, В.Н. Богатов, Г.Г. Воробьев, Т.Н. Долгорукова, А.В. Елпатьевский, Б.С. Елизаров, З.П. Иноземцева, Е.И. Каменцева, Н.А. Ковальчук, О.Ф. Козлов, Е.А. Луцкий, В.М. Магидов, В.В. Максаков, И.Л. Маяковский, К.Г. Митяев, И.С. Назин, Р.А. Окунева, М.С. Селезнев, А.Н. Сокова, А.Д. Степанский, В.В. Цаплин и др. Имеются учебные пособия, планы лекций, семинаров Е.И. Голубцова, В.Е. Дербиной, З.В. Крайской, О.Е. Карноуховой, Н.А. Павловой, М.Н. Шобухова, других преподавателей МГИАИ (Ед. хр. 123–133). Инструкции по работе с архивными документами, классификаторы и таблицы классификаторов каталогов документальных материалов государственных архивов хранятся в ед. хр. 134–157. Небольшую группу материалов, собранных К.И. Рудельсон, составляют отзывы, рецензии архивистов на статьи, книги по архивному делу, документоведению; вырезки из газет, журналов статей во вопросам, относящимся к кругу научных интересов фондообразователя. В опись включены материалы и по зарубежному архивному законодательству. Имеется группа писем: машинописные копии писем Ф.Э. Дзержинского за 1906–1912 гг. соратникам по революционной деятельности, а также подлинники писем В.В. Адоратского – М.Е. Вашман от 21 августа 1928 г. со сведениями о конференции историков в Германии, И.Л. Маяковского директору МГИАИ А.С. Рословой от 27 февраля 1952 г. и доцента МГИАИ И.И. Корневой С.О. Шмидту от 28 ноября 1954 г. о подготовке к публикации статьи В. Степанова и др. (Ед. хр. 184–189).

Документы фонда используются работниками хранилища фондов ГАРФ при собирании, приеме на постоянное хранение материалов историков-архивистов. На основе его материалов написана дипломная работа выпускницы ИАИ РГГУ Л.Ю. Евдокимовой. Изобразительные материалы фонда довольно полно были представлены на юбилейной выставке (1998), посвященной 80-летию Государственной архивной службы России. На III Всероссийской конференции "Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе" (Москва, февраль 1999 г.), в сообщении автора настоящих строк «Личные архивные фонды историков-архивистов: Проблемы их собирания и использования» была дана краткая характеристика наиболее интересных документов К.И. Рудельсон в ГАРФ. В докладе "Подготовка

сводного каталога личных архивных фондов историков – пример сотрудничества архивистов и академических ученых" академика РАО С.О. Шмидта, отметившего важность собирания и фонозаписей воспоминаний историков-архивистов, было выражено желание опубликовать в "Археографическом ежегоднике" обзор личного фонда К.И. Рудельсон, первого среди историков-архивистов доктора исторических наук².

О.В. Новохатко

"ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ" АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ

(О книге С.М. Каштанова)

Бывают научные книги, которые читаются как остросюжетный роман. Такое нечастое явление представляет собой монография С.М. Каштанова "Актовая археография" (М.: Наука, 1998). Причин две. Первая, как это ни парадоксально, – сама тема (хотя название звучит вовсе не завлекательно и не волнующе). Вторая – внутренняя страсть, с которой книга написана. Вопросы, поднятые в книге, назрели уже давно, чему свидетельство споры исследователей при подготовке изданий источников и дискуссии в прессе и на научных собраниях.

Несмотря на то, что работа С.М. Каштанова посвящена относительно узкому кругу источников – русским актам до конца XVI в., проблематика ее близка всем, кто занимался публикацией документов, относящихся к периоду до XVIII в., и к которым еще применимо понятие "палеография". И вопросы это принципиальные – насколько уважительно надо относиться археографу к публикуемому источнику и к читателю, которому издание адресовано. Казалось бы, ответ ясен – максимально. Но когда доходит до конкретной публикации, в дело вступают различные "привходящие" обстоятельства – техническая невозможность передать особенности источника, "ненужность" многих, а то и большинства элементов научно-критического аппарата публикации (предметно-терминологического указателя, ссылок на перечни и каталоги изданных источников и т.п.), необязательность для исторического (в противоположность лингвистическому) издания наибольшего приближения к тексту источника. В результате всех этих уступок "здравому смыслу", когда публикатор нередко просто пасует перед немалыми трудностями обработки текста или принимает во внимание выдуманные полиграфические препоны, от документа остается скелет, лишенный живой исторической ткани, адаптированная для образовательных нужд интерпретация публикатора, а не реальный, конкретный исторический источник. Монография С.М. Каштанова как раз и посвящена отстаиванию права источника на полноценную жизнь в исторической публикации.

Теоретическим фундаментом монографии является Введение, в котором прежде всего рассматриваются термины "археография" и "актовая археография", их возникновение и утверждение в научной литературе. Понятие "археография" включает в себя *три* направления или, лучше сказать, этапа работы с историческими источниками – поиск документов, их описание и издание, которые нельзя разделять. Анализ термина "актовая археография" естественно приводит автора к вопросу о том, что понимать под термином "акт", какое место занимают акты среди других документов, а отсюда и к проблемам классификации исторических источников. Выстраивается следующая классифи-

² См. об этом: ОА. 1999. № 2. С. 109.

кационная схема этих источников: 1) *тип* – "по способу фиксации преднамеренной информации" (с. 8); 2) *класс* – "по материалу, на котором зафиксирована информация" (с. 9); 3) *род* – по характеру информации, заключающейся в источнике; 4) *вид* – источники объединяются происхождением, содержанием и формой. Далее (для письменных источников) автор протягивает "цепочку" от вида документа к разряду – подразряду – подвиду – разновидности – подразновидности – надподразновидности. (Отметим, что хотя логика и обоснованность выделения таких групп источников вполне убедительны, некоторые термины кажутся несколько тяжеловатыми, семантически зыбкими, что мешает непосредственности восприятия). Группа видов, объединенных общими чертами, свойствами, может образовывать надвид. По схеме автора, акты и являются одним из таких надвидов.

Главным отличительным свойством актов как документов правового характера (характера "сделки"), по мысли С.М. Каштанова, является "контрагентность", наличие конкретных автора и адресата документа. Исходя из такого понимания термина, автор исключает, например, из надвида актовых источников законодательные акты, как не имеющие реального, точного адреса, и включает их в другой надвид – законодательно-распорядительный.

Понятно, что проблемы публикации источников волнуют не только отечественных археографов, поэтому в первой части книги "Современные принципы издания латинских грамот и их соотношение с практикой российских актовых публикаций" автор обращается к опыту европейских историков в этой области. Автор скрупулезно исследует достижения европейских археографов за последнюю четверть века, начиная с коллоквиума в Барселоне, посвященного унификации правил издания латинских грамот (1974), и заканчивая международными "Правилами издания финансовой, доманиальной и административной документации, а также писем и сборников корреспонденции", вышедшими в Сарагосе (1984). Автор критически подходит к нормам, установленным этими "Правилами", сопоставляя европейские и отечественные источники, выявляя аналогии и различия как в самих источниках, так и в приемах их публикации, и на этой основе делает выводы о приемлемости или неприемлемости рекомендаций международных "Правил" для отечественной археографии. Так несомненно полезным признается европейский метод литерного обозначения подлинника и списков. Согласно "Правилам", подлиннику присваивается литера А, и он сохраняет это обозначение даже в том случае, если не дошел до нас. Списки, в зависимости от их древности, помечаются литерами В, С, D и т.д. (для славянских текстов, соответственно, Б, В, Г...). В сочетании с различными цифрами и знаками (А¹, А² и т.д., А', А" и т.п.) такие литерные обозначения подлинника, копий и списков значительно упростили бы, в частности, подведение вариантов, ссылки на предшествующие публикации источника и т.п.

В то же время некоторые вопросы археографии остаются открытыми как для европейских, так и для отечественных историков, например, проблема четкого обозначения лагун в тексте источника. В европейской археографии на месте лагуны в квадратных скобках помещается определенное число точек, соответствующее предполагаемому числу отсутствующих букв или указывается длина пропуска в миллиметрах. Российские же археографы обычно ставят на месте утраченного текста неопределенное число точек, приблизительно соответствующее длине пропуска, или многоточие (три точки). Все перечисленные способы имеют свои недостатки: точки не могут отразить выносные буквы; при измерении величины утраченного текста в миллиметрах невозможно установить строгий критерий отсчета – разная длина строк, отсутствие полей (одного или обоих) в документе мешают этому. Сравнительный анализ этого элемента научно-критического аппарата в европейской и российской археографии автор

заключает выводом: "Универсальное изложение всех наиболее рациональных и вместе с тем точных способов обозначения лакун – дело будущего" (с. 41).

Некоторые рекомендации международных "Правил" автор считает спорными и практически неприемлемыми для российской археографии. Так, сомнительной представляется рекомендация "Правил" выделять другим шрифтом "включенные" части документов (т.е. части, которые являются заимствованными из предшествующих актов). Такой прием обработки текста документа автор справедливо считает элементом уже не публикаторской, а исследовательской работы, более уместной для реконструкции текстов. В российской практике, как известно, шрифтовое выделение "включенных" частей документа не принято.

В связи с этим хочется отметить позицию автора книги в вопросе о соотношении в издании документов публикаторской и исследовательской работы. С одной стороны, он настаивает на максимально точном воспроизведении текста источника в публикации и создании полного научно-критического аппарата, с другой – не считает отсутствием исследовательских комментариев и статей "принципиальным недостатком издания" (с. 287). Это не противоречие, а две стороны главного принципа археографа – принципа "уважения к источнику", что последовательно и четко проводится во второй и третьей частях книги. По мнению С.М. Каштанова, "главным показателем качества издания служит... уровень подготовки текстов, легенд, заголовков и научно-справочного аппарата, хотя, безусловно, опыт работы по изучению и комментированию актов может положительно влиять как на прочтение текстов, так и на их археографическое оформление в целом" (с. 288).

Досконально исследовав опыт зарубежных коллег, автор переходит к проблемам отечественного источниковедения в части второй, озаглавленной "Некоторые спорные вопросы актовой археографии в России". В ней отмечены наиболее значительные публикации актов за последние полвека, которые автор исследует с точки зрения проблем передачи текста и создания научного аппарата к отдельному акту, оформления сборника документов, составления указателей и таблиц к публикуемым документам. В числе рассмотренных изданий – "Грамоты Великого Новгорода и Пскова" (М.; Л., 1949), "Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв." (М.; Л., 1950), "Акты феодального землевладения и хозяйства". (М., 1951–1961. Ч. I–III), "Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в." (М., 1952–1964. Т. I–III), "Акты Русского государства 1505–1526 гг." (М., 1975). В них различаются, иногда значительно, принципы публикации. Поэтому, отбирая лучшее, что было найдено издателями актов, автор предлагает свои решения спорных вопросов, касающихся подготовки документов к печати. В частности, большое внимание уделяется структуре заголовков издаваемых грамот и определению их разновидностей, что является в равной степени и публикаторским, и источниковедческим вопросом. Таким образом, рассмотрение этой проблемы выливается в небольшое эссе о разновидностях грамот, их происхождении и бытовании в исторической литературе.

У издателя документов есть много общих проблем с составителями различных каталогов, перечней и описей документов, поэтому часть работы о спорных вопросах актовой археографии замыкает краткий критический обзор наиболее крупных, фундаментальных каталогов грамот, начиная с описания рукописей Румянцевского музея, сделанного А.Х. Востоковым в 1842 г., и заканчивая изданием перечней актов некоторых монастырей в "Русском дипломатари" (1997–1998). Автор делит регестовые издания на *четыре* группы по принципам отбора материала: 1) номинальному; 2) географическому; 3) по фондообразователю; 4) по фонду или группе фондов одного архивохранилища.

Третья часть работы посвящена методическим рекомендациям по изданию "Актов Русского государства", составленным автором в конце 80-х годов, но введенным в широкий научный оборот, к сожалению, только сейчас. Это наибольшая по объему и самая интересная и ценная для публикатора часть книги, которая аккумулирует как результаты работы самого автора, так и изученный им опыт зарубежных археографов и, разумеется, российских ученых. Здесь издатель исторических документов найдет конкретные и детальные ответы почти на все вопросы, возникающие в его работе. Раздел тщательно продуман и логично выстроен, причем в этой логике неразрывно слиты теоретическая основа и практические требования археографии. В этой части монографии проявилась еще одна характерная особенность авторского отношения к публикации источников – в издании нет мелочей. При чтении "Методических рекомендаций" на ум естественно приходит слово "регламент" со всеми вытекающими отсюда "петровскими" ассоциациями, до такой степени подробно и "всеохватно" они составлены.

В них по существу расписана "по шагам" вся работа по подготовке издания к печати, буквально от первых до последних страниц. И хотя относятся эти рекомендации к конкретной публикации – "Актам Русского государства" – они, как уже говорилось, могут быть с успехом перенесены на издание практически любого вида источников раннего периода. В то же время следует подчеркнуть, что слово "регламент" употребляется здесь не в смысле ограничения, установки строгих рамок, а в смысле канализации, направленности источниковедческого исследования в сторону максимально полного и точного издания источника, которые, в сущности, облегчают труд публикатора, а не сковывают его.

В *первом* разделе этой части даются общие сведения об издании, его предыдущих выпусках, структуре тома, титуле и обороте титула. В *втором* – определяется круг вопросов, затронутых в предисловии к тому. *Третий*, наибольший по объему раздел посвящен текстам документов и их оформлению в издании. Автор определяет порядок расположения в томе основных текстов, включенных, утраченных и подложных актов. Детально расписаны правила составления авторских заголовков для 15 разновидностей документов, обозначения в заголовках лиц, географических объектов и числительных, употребления кавычек, скобок и сокращений. Затем следуют отделы, посвященные выбору текста, его расположению и всем возможным вопросам передачи текста. В *четвертом* разделе автор определяет круг сведений, которые необходимо отразить в легенде: "1) указание подлинника или списка, по которому публикуется документ; 2) описание подлинника или отдельного списка, по которому публикуется документ (имеется в виду список не в составе копийной книги); 3) указание списков; 4) указание публикации и упоминаний" (с. 198). Далее по каждому из указанных пунктов предлагаются детальные, с описанием всех возможных случаев, рекомендации по составлению легенды документа.

Примечания и варианты к основному тексту автор предлагает давать не в подстрочнике, а самостоятельной частью публикации, двумя отдельными абзацами с заголовками. Поэтому за разделом "Легенда" в методических рекомендациях следует раздел, посвященный примечаниям и вариантам, в котором с той же скрупулезностью описаны все возможные случаи введения примечаний, вариантов и способов их обозначения в публикации.

Завершают эту часть книги рекомендации по составлению других необходимых элементов научного аппарата издания – дополнений, иллюстраций и их списка, комментариев, хронологической справки, таблицы использования архивных фондов и печатных изданий, списка сокращений, систематического перечня разновидностей публикуемых документов и, разумеется, указателей – именного, географического и предметно-терминологического (на присутствии

последнего в издании, претендующем на звание научного, автор настаивает особенно). Сначала С.М. Каштанов высказывает общие требования к указателям, главным из которых является принцип исчерпывающей полноты. Он заключается в том, что в указатели включаются личные имена, географические названия, предметы и термины, встречающиеся и в тексте документа, и в пометах, и в научном аппарате издания. Затем, уже более конкретно, автор останавливается на именном, географическом и предметно-терминологическом указателях отдельно, определяя главные требования к каждому из них. Для именного указателя – это группировка лиц по фамилиям и помещение всех представителей семьи под одной фамилией. Для географического указателя – рекомендация включить в него мелкие топографические единицы – "дороги, путики, болота, овраги, межи и т.д. и т.п." (с. 227). В применении к предметно-терминологическому указателю еще раз подтверждается требование исчерпывающей полноты – охватывать все термины источников, "характеризующие материальную культуру, экономику, право, явления социальной и политической жизни" (с. 229). В следующем параграфе определяются принципы отсылок, причем огромное внимание уделяется полиграфическим способам их обозначения в издании. Таких объединяющих, унифицирующих рекомендаций очень не хватает современным публикациям.

Не забыты автором и такие, казалось бы, второстепенные для археографа элементы оформления издания, как содержание и список опечаток и даже некоторые вопросы перепечатки (или компьютерного набора) рукописи издания.

Сдержанные эмоции автора, угадывающиеся за сухими методическими рекомендациями основных частей книги, проявляются в Заклучении, в названии которого уже звучит некая нота полемики: "Куда идет актовая археография?" Здесь автор открыто и страстно, "подняв забрало", вступает в бой за честь и чистоту актовой археографии и делает это с присущими ему научной основательностью и стилистическим блеском. Трудно представить, что после прочтения Заклучения у кого-либо останутся сомнения в необходимости "разумно-максималистского" подхода к изданию исторических источников.

В Заклучении автор еще раз возвращается к сравнению принципов европейской и российской актовой археографии и обсуждению спорных вопросов российской актовой археографии. Все эти проблемы во многом сводятся к одной, более общей – принципам передачи текста документа, который, как справедливо пишет автор, является "центральный вопросом издания источников" (с. 36). И в европейской, и в российской археографии этот принцип трактуется одинаково – "главным принципом передачи текста признается уважение к нему, недопустимость дополнения или сокращения его, недопустимость вообще какого-либо изменения текста, о котором читатель не был бы поставлен в известность" (с. 36). Однако любое воспроизведение текста, кроме факсимильного, неминуемо влечет за собой вторжение в него публикатора. (Хотя и факсимильное издание источника отнюдь не является решением проблемы, как может показаться на первый взгляд: вместе с графикой оригинала фотографии отображают и пятна, и сгибы, и размытые, и стертые места, затрудняющие чтение; не отражают филигранные бумаги и другие особенности материала.) Логический и неутешительный вывод: "Бесспорным приоритетом обладает только сама рукопись" (с. 243). Поэтому так остро стоят в археографии вопросы необходимой и достаточной степени точности в передаче текста публикуемого документа, необходимой для того, чтобы это издание считалось научным, а не популярным, и достаточной для "дипломатического", а не лингвистического издания. "Дипломатический" тип издания документов автор считает "золотой серединой между двумя крайностями – лингвистическим

изданием, неудобным для историка "общего профиля", и "критическим", непригодным для лингвиста" (с. 243). За определением "дипломатического" и "критического" типов издания автор отсылает читателя к последним "Правилам издания исторических документов в СССР" (М., 1990). Но в них указанные приемы воспроизведения текста источника описываются недостаточно четко. Согласно п. 78 "Правил" в дипломатическом издании текст, в частности, передается с сохранением устаревшей орфографии и неисправностей; при этом не уточняется, идет ли речь обо всех неисправностях, или только о неисправностях, имеющих смысловое значение. "Дипломатические приемы издания, – говорится в этом параграфе, – применяются в специальных изданиях научного и учебного типов (палеографическом, лингвистическом и т.д.)" – таким образом, дипломатические издания в сущности приравниваются к лингвистическим. В п. 79 о научно-критических приемах передачи текста сказано, что они требуют точного сохранения стилистических и фонетических особенностей документа, но не ясно, остается ли при этом хотя бы частично устаревшая орфография, без чего во многом невозможна передача стилистики и особенно фонетики. Современная орфография и пунктуация соотносится в п. 79 только с делением текста на слова и предложения, расстановкой знаков препинания и прописных букв. При этом о сохранении или устранении неисправностей не упоминается. В понимании же автора "дипломатическим" является издание, текст которого передается по правилам, утвержденным для рукописей до начала XVI в. (см. "Правила" 1990 г., п. 92).

Такой подход автора к изданию рукописей представляется абсолютно справедливым. Тем более, что и ситуация с изданием исторических документов раннего периода (до конца XVIII в.) подводит именно к такому решению. Ярче всего это проявляется в проблеме передачи текста в узком смысле слова, т.е. транскрипции, транслитерации. Наибольшие сложности возникают при публикации документов XVI–XVII вв., что во многом объясняется все той же непоследовательной позицией "Правил" 1990 г. и более ранних, на которые публикаторы и опираются в своей работе. Об особенностях передачи текста документов раннего периода в п. 91 "Правил" 1990 г. написано: "При передаче текста *до конца XVIII в.* (курсив мой. – О.Н.) сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии". Однако здесь же в п. 93 для документов XVI–XVIII вв. устанавливаются нормы публикации, в некотором отношении противоречащие только что упомянутым общим правилам издания исторических документов. По этой статье, "сокращенно написанные слова под титлом раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения, при этом **ь** и **ъ** знаки употребляются согласно современному правописанию". Таким образом, авторы "Правил" призывают унифицировать все тексты, независимо от их языкового, фонетического, даже стилистического своеобразия, хотя в той же статье предписывается сохранять букву **ять** при передаче рукописных текстов северных диалектов.

Всякий историк, занимавшийся публикацией источников XVII в., знает, насколько сложно установить истинное звучание и начертание слов с выносными буквами. Проблему же **ь** и **ъ** порой называют "краеугольной" даже для документов первой половины XVIII в. Если руководствоваться современной орфографией, то написание таких слов с внесенными в строку выносными буквами и, соответственно, вставленными **ъ** и **ь**, а нередко и гласными **а**, **о**, **е**, **и**, вступает в противоречие с употреблением этих же слов в строку, где указанные знаки отсутствуют или являются неустойчивыми, где они с трудом поддаются или вообще не поддаются различению. То же относится и к раскрытию аббревиатур слов, полные формы которых в тексте не встречаются или

встречаются в разных вариантах. Поэтому каждый издатель пытается выйти из положения самостоятельно, а тексты передаются произвольно. В результате со страниц публикаций на нас с немым укором взирают "дяки", "дяконы" и "подьячие"; многочисленные Васки, Фетки, Тренки, Волотки, Ротки и Сенки, Настасы, Мари, Афонасы и Лукяны скитаются "от разореня" "по подворям", при том, что рядом, на тех же страницах находятся те же слова со смягчением.

Так, в издании дозорной книги г. Белоозера 1617/18 г.¹ (в предисловии сказано, что надстрочные буквы вносятся в строку) встречаем фамилии Афонасив, Зиновив, Савелив, Омелянов и т.п. и здесь же Емельянов, Орефъив, Дементъив, Леонтьив и т.д. Подобные примеры можно привести и из других публикаций². В них видим в одном документе и даже на одной странице: церков-церковь, псалтырь-псалтырь-псалтыр, треодь-треод, монастырьских-монастырских, льготы-лготы, вновь-внов, камень-камен, рез-резь, червчат-червчат, евангелие-евангелие, запрестолное-запрестольное, ркли-ркли, спасьских-спасских и т.д. Известно, что в таких словах согласные внутри слова почти всегда выносные, но иногда они пишутся и в строку. От читателя, таким образом, остается скрытым вопрос об истинном произношении и написании этих слов, кроме того, по прочтении такой публикации остается ощущение неряшливости, неудовлетворенности. Тем более это досадно для публикаций сибирских и северорусских источников с их областными языковыми особенностями. Видимо, пытаясь исправить эту ситуацию, издатели в некоторых случаях восстанавливают ь внутри слова в квадратных скобках: Афонас[ъ]ев, Лук[ъ]янов, Фетко да Васка Емел[ъ]яновы, з брат[ъ]ями, сер[ъ]ги³, не указывая, однако, на основания, по которым это делается. Судя по вступительным статьям к этим публикациям, их составители руководствовались при передаче текста "Правилами издания исторических документов в СССР" (это не всегда прямо указано, но из принципов, изложенных во вступлении, можно сделать такой вывод) и, следовательно, ь и ь знаки поставлены по современным правилам орфографии. (Иначе следует предположить, что публикаторы старались сохранить чистоту источника и опускали выносные буквы без смягчения и без ь.) Но остаются вопросы, в каких случаях эти знаки вставлены составителем, а в каких являются оригинальным написанием, отражением особенностей северных или сибирских говоров (в частности, для северорусских публикаций характерны слова со смягчением: сожьгли, поварья, винокурья, харьчевня, харьчевник, Шкурьялива, скорьяк, царские и т.п.).

Предлагаемые автором методические рекомендации позволяют легко избежать подобных недоразумений или сгладить их. Заключаются они в распространении утвержденных правил передачи текста документов до начала XVI в. на документы XVI–XVII вв., которые во всех отношениях стоят ближе к предшествующему периоду, чем к XVIII в. А правила эти гласят: "Сокращенно

¹ Дозорная книга г. Белоозера "письма и дозору" Г.И. Квашинина и подьячего П. Дементьева // Белозерье: Ист.-лит. альманах. Вологда, 1994. Вып. I.

² Дозорная книга посада Вологды кн. П.Б. Волконского и подьячего Л. Софонова. 1616–1617 гг. / Публ. Ю.С. Васильева // Вологда: Ист.-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. I; Отписная книга Троицкого Устьшехонского монастыря отписчика сына боярского Вологодского архиерейского дома Федора Блинова игумену Иоанну. 1660 // Белозерье... Вып. I; Отписная книга Воскресенского Горецкого девичья монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменьи Марфе Товарищевых. 1661, мая 31 // Кириллов: Ист.-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. I; Вытные книги села Рукина Слободка с деревнями 1620–1660-х годов // Там же. 1997. Вып. II; Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII века. М., 1994; Документы Печатного приказа (1613–1615). М., 1994; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998; Крестьянские челобитные XVII в. М., 1994.

³ Вкладные книги Долматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.). Свердловск, 1992. С. 36, 38, 39, 46, 47, 50, 51, 52, 55, 58, 62.

написанные слова (под титлом) раскрываются по современному нам правописанию, выносные буквы вносятся в строку и выделяются шрифтом (обычно это курсив. – *О.Н.*), восстановленные под титлом буквы заключаются в круглые скобки" ("Правила" 1990 г., п. 92). В частности, выделение курсивом выносных букв, опущенных в строку, сняло бы вопросы о мягкости или твердости согласных, спорные вопросы об окончаниях глаголов (носить–нести и т.п.) и др. В некоторых случаях эти правила могли бы быть распространены и на публикации документов первой трети XVIII в., а именно, документов далекой российской провинции, в частности Сибири. Известно, что письмом сибирских документов того времени была скоропись, не испытывавшая на себе влияния гражданского шрифта (введен Петром I в 1708 г.) и петровских же реформ делопроизводства, сохранившая все особенности скорописи предыдущего столетия. Ссылки на полиграфические трудности при компьютерном наборе и современных способах печати не представляются убедительными.

Следующим спорным вопросом является написание *й* вместо *и* и в тех случаях, когда это диктуется современным правописанием. Многие публикаторы придерживаются существующего порядка, т.е. ставят *й* там, где это необходимо по современному звучанию слов (публикации документов Печатного приказа, книги сеунчей 1613–1619 гг. и документов Разрядного приказа о походе А. Лисовского 1615 г.⁴, вытных книг с. Рукина Слободка, вкладных книги Далматовского Успенского монастыря, описей Саввина Сторожевского монастыря, публикации документов XVII в. в издании "История Сибири. Первоисточники"⁵ и др.). Другие составители, руководствуясь соображением, что система надстрочных знаков даже и XVII в. еще не до конца изучена и звук *й* мог передаваться как буквой *и* с надстрочным знаком, так и без него, везде вместо *й* употребляют *и* ("Крестьянские челобитные XVII в.", "Дозорная книга г. Белозера", "Летописец Троицкого Устьшехонского монастыря нач. XVII в."⁶, отписная книга этого же монастыря, отписные книги Горицкого монастыря, публикация грамот из архива Московского Архангельского собора⁷ и др.). Причина такой ситуации все та же – старыми правилами издания исторических документов употребление *и* и *й* не регламентируется, в то время как в методических рекомендациях по изданию "Актов Русского государства" этот вопрос решен однозначно – буква *й* не используется, «всегда пишется "и"» (с. 177).

Примеры разнобоя в публикациях и непоследовательности внутри публикации можно было бы продолжить не только в отношении принципов передачи текста, но и построения научного аппарата издания. Все эти случаи рассматриваются в ЗаклЮчении книги С.М. Каштанова. Такое положение дел в российской археографии приводит к выводу, что, как для любого развивающегося явления, для нее наступило время очередной унификации правил издания исторических документов, приведения их в соответствие друг с другом и с требованиями, которые выдвигает теория и, главное, практика публикации источников.

Публикация же такой книги, как "Актовая археография", только подтверждает эту мысль. Более четкие, логичные, оправданные практикой научной публикации правила издания исторических документов, хотя и относятся к узкому

⁴ См.: Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. М.: Варшава: Археографический центр, 1995.

⁵ История Сибири: Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. Вып. IV: Тобольский архиерейский дом в XVII веке; То же, 1996. Вып. VII. Первое столетие сибирских городов. XVII век.

⁶ См., например, Летописец Троицкого Устьшехонского монастыря XVII в. // Белозерье... Вып. 1.

⁷ Грамоты из архива Московского Архангельского собора / Подг. С.М. Каштанов, О.И. Хоруженко // АЕ за 1997 год. М., 1997.

(в сравнении со всей совокупностью исторических документов) круг источников и ограниченному периоду, тем не менее окажут значительную помощь публикаторам и могут стать основанием для переработки "Правил издания исторических документов в СССР" и создания новых. Но главное в том, что книга С.М. Каштанова – это попытка, и весьма удачная, на мой взгляд, поднять уровень российской археографии с той низкой отметки, до которой он, к сожалению, упал в последние годы. Редкой особенностью книги, авторского отношения к ее предмету, является и то, что профессиональные проблемы видятся ученым не только в "технической", но и в "духовной", нравственной плоскости. И очень важно, что С.М. Каштанов вслух произнес слова, о которых кто-то из нас забыл, кто-то держит в дальнем углу сознания, кто-то вспоминает не так часто, как надо бы: "...издание источников – это не поточное производство, а искусство, требующее высокой квалификации, труда, нравственности и стремления к виртуозности" (с. 298).

С.Б. Филимонов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ ВИДНЫХ УЧЕНЫХ СССР

В процессе изучения многочисленных печатных источников по истории краеведческого движения, развернувшегося в нашей стране в 1917–1929 гг.¹, а в 1929–1931 гг. разгромленного, автором было выявлено значительное количество опубликованных работ видных ученых СССР, не включенных в изданные списки их печатных трудов, причем не только "основных", но и таких, неполнота которых не оговаривалась составителями. В их числе выявлены малоизвестные печатные труды А.И. Андреева, Д.Н. Анучина, Н.П. Анциферова, В.К. Арсеньева, С.И. Архангельского, С.В. Бахрушина, Н.Г. Бережкова, А.А. Борзова, В.В. Бунака, А.Н. Вершинского, Н.И. Веселовского, В.А. Городцова, Ю.В. Готье, И.М. Гревса, Б.Д. Грекова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.М. Дружинина, Б.С. Жукова, Д.К. Зеленина, Б.Б. Кафенгауза, А.А. Крубера, Б.А. Куфтина, И.Л. Маяковского, С.Ф. Ольденбурга, В.И. Пичеты, М.Н. Покровского, И.И. Полосина, М.В. Птухи, А.М. Путинцева, Н.А. Рожкова, А.Н. Самойловича, К.В. Сивкова, М.И. Смирнова, А.Е. Снесарева, А.И. Соболевского, Б.М. Соколова, А.А. Спицына, В.И. Талиева, С.П. Толстова, А.Е. Ферсмана, С.Н. Чернова, В.И. Чичерова, Ю.М. Шокальского.

Сведения о некоторых из них уже были приведены ранее². В этих статьях содержатся и указания на причины такого странного, на первый взгляд, явления, как наличие в краеведческих изданиях 1917–1930-х годов значительного количества оставшихся малоизвестными печатных трудов знаменитых ученых.

Рассматривая настоящую статью как продолжение вышеупомянутых, автор перечисляет здесь лишь те работы, информация о которых ранее не публиковалась. Выявленные печатные труды ученых существенно дополняют представления о творческой биографии и научном наследии, об истории отечественной науки, о месте и роли в ней краеведения.

¹ Подробно о них см.: *Филимонов С.Б.* Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989; *Он же.* Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1991. Обе книги – под редакцией и с предисловиями С.О. Шмидта.

² *Филимонов С.Б.* Об использовании краеведческих изданий 1917–1930-х гг. при составлении персональных указателей трудов видных ученых СССР // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 289–293; *Он же.* Малоизвестные печатные труды московских краеведов 1920–1930-х годов // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 346–352.

Список малоизвестных трудов видных ученых СССР³

Андреев А. [И]. (совм. с Шиловым А.). Список трудов А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 29–43; (Далее: РИЖ); *Он же* [Рец.] // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 236–237. Рец. на кн.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1919. Вып. 13; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 239–240. Рец. на кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пб., 1920. Т. 1, вып. 1; *Он же*. Издания обществ по изучению местного края // Там же. 1922. Кн. 3. С. 211–213; *Он же*. [Выдержки из объяснительной записки о документальных материалах архивохранилищ Ленинграда по истории Зырянского края] // Зап. об-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1930. Вып. 5. С. 87–95 (АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 496а–501); *Анциферов Н.П.* Об организации экскурсионного дела на местах // Изв. Центр. бюро краеведения. 1927. № 2. С. 46–48 (далее: Изв. ЦБК); *Он же*. Особенности краеведного движения в Крыму // Краеведение. 1928. Т.5. № 4. С. 203–212 (Анциферов. чтения. Л., 1989. С. 19–23); *Арсеньев В.К.* Дальневосточное краеведческое совещание // Изв. ЦБК. 125. № 5. С. 155–157; *Он же*. Организация и план научно-исследовательской работы на Дальнем Востоке: Изл. докл. на совещании в Хабаровске в мае 1925 г. // Краеведение. 1925. Т. 2. № 3/4. С. 307–309; *Он же*. Районирование Дальнего Востока для преимущественного изучения тем или иным отделом Русского географического общества: [Изл. докл. ... в Хабаровске в мае 1925 г.] // Там же. С. 315–318 (Арсеньев В.К. Соч. Владивосток, 1949. Т. 6. С. 265–279); *Архангельский С.И.* К.Н. Бестужев-Рюмин: [Изл. докл.] // Год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края, 1925. Н. Новгород, 1926. С. 12; *Он же*. Краеведческий метод в науках об обществе: [Изл. докл.] // Там же. С. 11–12; *Он же*. Симбирейская вотчина Орловых-Давыдовых в конце XVIII и начале XIX в.: [Изл. докл.] // Второй год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края, 1926. Н. Новгород, 1928. С. 27–28; *Он же*. VI сессия Центрального бюро краеведения: [Изл. сообщения] // Там же. С. 7; *Он же*. Крестьянское волнение в Семеновском уезде в 1825 г.: [Изл. докл.] // Третий год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края, 1927. Н. Новгород, 1928. С. 17; *Он же*. Ранняя культура Нижегородского края (XIII–XV вв.) и ее хозяйственные основы: [Изл. докл.] // Там же. С. 22–23 (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та. Горький, 1954. Вып. 26. С. 11–13; *Березков Н.[Г.] С.Д.* Яхонтов во главе губархива // Вестн. рязан. краеведов. Касимов, 1924. № 3. С. 3–4; *Он же*. Будущее историко-краеведческой работы // Там же. № 4. С. 2–4 (Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 358); *Вершинский А.[Н.]* [Рец.] // Краеведение. 1926. № 1. С. 128–130. Рец. на кн.: Большаков А.М. Советская деревня (1917–1925): Экономика и быт. 2-е изд., доп. Л., 1926; *Он же* [Рец.] // Там же. 1927. № 4. С. 545–546. Рец. на кн.: Бочкарев В.Н., Полосин И.И. Уставные грамоты великорусских губерний. М., 1926; *Он же*. Этнологическое исследование Тверской губернии за последние годы // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области: Этнол. исслед. и материалы: 2-е совещание этнологов ЦПО 7–10 декабря 1927 г. М., 1929 (АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 306–308); *Греков Б.Д.* Задачи университетского образования // Vivat, Academia! (Однодневная газ.). Симферополь, 1919. 1 окт.; *Он же*. Что такое обжа: [Тез.] // Отчет Новгородского общества любителей древности за 1926 год. Новгород, 1927. С. 7–8 (Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952. С. 20–36; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* [Рец.] //

³ Издания, в которых помещены персональные указатели трудов ученых, учтены по 1998 г. и обозначены в скобках после ссылок на выявленные их труды.

Краеведение. 1925. № 3/4. С. 351–353. Рец. на кн.: Пальмов Н. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 360–361. Рец. на кн.: Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Красноярск, 1923. Вып. 1 (Грумм-Гржимайло А.Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа): 1860–1936. М., 1947. С. 80–87); *Маяковский И.Л.* Первый Тверской съезд по делам музеев и по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы (15–21 июля 1921 г.) // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 298–301 (ТМГИАИ. 1957. Т. 8. С. 365–367); *Ольденбург С.Ф.* Задачи краеведения // Народный учитель. 1924. № 3. С. 39–41; *Он же* [Рец.] // Краеведение. 1924. № 3. С. 341–342. Рец. на кн.: Шаховская А.Д. Природа Дмитровского края: Крат. краевед. очерк. Дмитров, 1923; *Он же.* О понимании краеведения // Изв. ЦИК. 1926. 13 авг.; *Он же.* Некоторые основные вопросы краеведения: [Изл. докл. на Моск. губ. краевед. конф.] // Московский краевед. М., 1927. Вып. 3. С. 92; *Он же* [Рец.] // Этнография. 1927. № 1. С. 234–238. Рец. на кн.: Сибирская живая старина. Иркутск, 1923–1926. Вып. 1–5; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 251. Рец. на кн.: Смирнов М.И. Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры. Иваново; Кострома, [1927]; *Он же.* Краеведение и наука в СССР // Заседание Центрального бюро краеведения с участием М. Горького (12 июня 1928 г.). М., 1928. С. 14–17; *Он же.* Наша научная работа за десять лет // Народный учитель. 1928. № 1/2. С. 135–139 (Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 122–153); *Платонов С.Ф.* Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. 1923. Петрозаводск, 1923. С. 1–10. *Путинцев А. [М.]* Научная и культурно-просветительная деятельность в области истории и археологии в г. Воронеже // Казан. муз. вестн. (Казань). 1921. № 3/6. С. 151–153. (Ласунский О.Г. А.М. Путинцев – историк литературы, фольклорист и этнограф: Крат. очерк деят. и библиогр. трудов. Воронеж. 1969. С. 37–62); *Рожков Н. [А.]* [Рец.] // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 469–471. Рец. на кн.: Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1. Социальная аналитика (Мат. для библиогр. трудов Н.А. Рожкова. М., 1928); *Самойлович А.Н.* К вопросу об этнографическом изучении Крыма: [Докл. на собрании Крымского об-ва естествоиспытат. 29 августа 1916 г. и записанный секретарем Об-ва В.В. Соколовым] // Зап. Крым. об-ва естествоиспытат. и любителей природы. Симферополь, 1916. Т. 6. С. 130–134; *Он же.* О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов // Там же. С. 118–124; *Он же* [Рец.] // Этнография. 1926. № 1/2. С. 361. Рец. на кн.: Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок. Полторацк (Асхабад), 1925; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 360–361. Рец. на кн.: *Georg Jacob.* Geschichte des Schattentheaters im Morgen- und Abendland. 2-е, полностью перераб. изд. с библиогр. прил. Ганновер, 1925; *Он же.* Нижегородский край и востоковедение: [Реф. докл.] // Нижегородская археолого-этнологическая комиссия в 1929 г. Н. Новгород, 1930. С. 1–2 (Народы Азии и Африки. 1963. № 2. С. 253–264); *Смирнов М.И.* Культ и народное пьянство в деревне: [Тез.] // Вторая конференция по изучению производительных сил Владимирской губ., 1–7 ноября 1925 г.: Регламент, тезисы и программы к докладам конференции [Владимир, 1925]. С. 41–42 (АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 322–324); *Соболевский А.И.* Московские вести // РИЖ. 1921. Кн. 7. С. 210–211; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 208. Рец. на кн.: Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки: Отдел третий. Книги богослужебные. М., 1917. Ч. 2; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 208–209. Рец. на кн.: Слово о полку Игореве: Снимок с первого издания 1800 г. гр. А.И. Мусина-Пушкина / Под ред. А.Ф. Малиновского. С прил. статьи проф. М.Н. Сперанского и факсимиле

рукописи А.Ф. Малиновского. М., 1920 (Изв. АН СССР. Отд. гум. наук. 1930. № 1. С. 24–30); *Соколов Б.М.* Отчет о деятельности Саратов[овского] Музея голода // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 2. С. 48–49; *Он же.* Историко-бытовые подотделы краеведческих музеев: [Тез.] // Вопросы областного музейного дела по данным I-й конференции музейных работников Центрально-промышленной области. Рязань, 1925. С. 112–113; *Он же.* Основные принципы организации этнографического исследования в СССР // Бюл. оргкомитета 2-й Всесоюзной конференции по изучению производительных сил СССР, февраль 1927 г. М., 1927. № 3/4 (6/7). С. 59–62 (Сборник Нижне-волжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 11–17); *Спицын А.А.* Бертье-Делагард Александр Львович: [Некролог] // РИЖ. 1921. Кн. 7. С. 230–231; *Он же.* Клер Анисим Егорович: [Некролог] // Там же. С. 235; *Он же.* Марков Алексей Константинович: [Некролог] // Там же. С. 238; *Он же.* Путятин Павел Арсеньевич: [Некролог] // Там же. С. 247–249; *Он же* [Рец.] // Краеведение. 1925. № 1/2. С. 144–145. Рец. на кн.: Смирнов М.И. Переславль-Залесский уезд: Крат. краев. очерк. Переславль-Залесский, 1922; *Он же.* [Рец.] // Там же. 1926. № 2. С. 289. Рец. на кн.: Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Изюм, 1926. Вып. 1; *Он же* [Рец.] // Там же. № 3. С. 389. Рец. на кн.: Лявданский А. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Смоленск, 1926; *Он же.* [Рец.] // Там же. С. 395. Рец. на кн.: Труды Владимирского областного музея. Владимир, 1926. Вып. 2; *Он же.* Состояние изученности археологических памятников ЦПО в дореволюционные годы и новейшие работы в этом направлении на местах: [Изл. докл.] // Материалы к доистории Центрально-промышленной области: 1-е совещание палеозтологов Центрально-промышленной области, созданное Государственным музеем Центрально-промышленной области 27–29 мая 1926 г. / Под ред. Б.С. Жукова и О.Н. Бадера. М., 1927. С. 74–77; *Он же.* [Рец.] // Краеведение. 1927. № 1. С. 148. Рец. на кн.: Смирнов М. Переславщина: Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор. Переславль-Залесский, 1921; *Он же.* [Рец.] // Там же. № 2. С. 300–302. Рец. на кн.: 75 лет Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. Иркутск, 1926. Вып. 2, 3; Очерки по земледелию Сибири. Иркутск, 1926. Вып. 3; Труды секций Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. Иркутск, 1926; *Он же.* [Рец.] // Там же. № 4. С. 557. Рец. на кн.: Виноградов Н. Соловецкие лабиринты, их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Соловки, 1927; *Он же.* [Рец.] // Там же. 1928. № 4. С. 255. Рец. на кн.: Полянская Е. Костромской хомут. Кострома, 1927; *Он же.* [Рец.] // Там же. № 8. С. 498. Рец. на кн.: Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre, 1926. Pокrowsk, 1927; *Он же.* [Рец.] // Там же. № 10. С. 606. Рец. на кн.: Справочник по вопросам охраны природы, искусства, быта и старины / Под ред. П.Е. Васильковского. Л., 1927. Вып. 2; *Он же.* [Рец.] // Там же. 1929. № 1. С. 49. Рец. на кн.: Балицкий П. Путеводитель по Днепру и его притокам. Киев, 1928; *Он же* [Рец.] // Там же. С. 59–60. Рец. на кн.: Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переславль-Залесский, 1927–1929. Вып. 1, 5, 6/7, 10; *Смирнов М.И.* Переславль-Залесский: Путеводитель и справочник. Переславль-Залесский, 1928; *Он же* [Рец.] // Там же. № 6. С. 379–380. Рец. на кн.: Серебренников Н.Н. Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись. Пермь, 1928 (Сов. археология. 1948. Вып. 10. С. 12–20); *Талиев В.И.* Охрана местной природы как научная и общественная задача // Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края. М., 1922. № 5. С. 74 (Далее: ДК) (Валерий Иванович Талиев. М., 1960. С. 35–74); *Ферсман А.Е.* Среди

сибирских книг // Наука и ее работники. 1921. № 5. С. 41–42; *Он же*. Пути научного творчества // Народный учитель. 1924. № 1. С. 115–116 (Александр Евгеньевич Ферсман: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. геол. наук. М., 1964. Вып. 19. С. 66–157); *Чернов С.Н.* [Выступление в прениях по докладам А.В. Луначарского, М.Н. Покровского и В.В. Богданова на I краеведческой конференции РСФСР] // ДК (М.). 1921. № 4. С. 52–54 (*Чернов С.Н.* У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 408–415); *Чичеров В.[И.]* Фольклор как средство агитации и пропаганды // Сов. краеведение. 1934. № 8. С. 12–23; *Он же* (совместно с Р. Гельгардтом). К вопросу об экспозиции фольклора: (Фольклорно-краеведные выставки-передвижки) // Там же. № 11. С. 41–55; *Он же*. Работа краеведов по фольклору // Там же. 1935. № 5. С. 12–17; *Он же*. [Рец.] // Там же. № 7. С. 73. Рец. на кн.: Песни: Сб. М., 1935; *Он же*. [Рец.] // Там же. С. 73–75. Рец. на кн.: Колхозные частушки. М.; Куйбышев, 1934; *Он же*. Ненецкий фольклор // Там же. 1936. № 4. С. 58–61 (Сов. этнография. 1957. № 3. С. 188–189).

М.Ю. Зенченко, Г.А. Иванова, И.Г. Шаховцова

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА (о МАМЮ)*

Книга написана на основе кандидатской диссертации Л.И. Шохина, защищенной в МГИАИ в 1987 г., и серии из 30 статей и публикаций, но содержание данного издания этим не исчерпывается. Во Введении впервые опубликован довольно подробный обзор источников по истории Московского архива Министерства юстиции, вносящий определенный вклад в источниковедение истории архивного дела. Впервые публикуются сведения о занятиях исследователей в читальном зале архива, о подготовке очерков истории Московских сенатских архивов и "Памятной книжки МАМЮ" (М., 1890) – это достижение в изучении историографии истории архивного дела, исследование одного из первых в России больших трудов по истории архивов. Приводится много неизвестных ранее материалов о П.И. Иванове, Н.А. Попове, Д.В. Цветаеве и других директорах МАМЮ, что особенно редко и ценно – о многих других сотрудниках, оставивших заметный след в науке (Н.Н. Ардашев, И.С. Беляев, М.В. Довнар-Запольский, В.Н. Сторожев, В.В. Шереметевский, С.А. Шумаков, А.И. Юшков и др.). Впервые публикуется в Приложении к книге Л.И. Шохина не известная до настоящего времени статья Н.Н. Оглоблина "Ответ недобросовестному критику", посвященная его полемике с Д.Я. Самоквасовым.

Пользование книгой облегчается тщательно составленными указателями, что для такого издания необходимо, ибо оно носит характер справочника или энциклопедии по истории МАМЮ. Самостоятельное значение имеют перечень описей и алфавитов, составленных в МАМЮ; указатель архивной терминологии, которой оперировали в МАМЮ; список рассылки архивных изданий до 1917 г.; справка о расфондировании "дел с известным титулом" (с титулом императора Иоанна Антоновича 1740–1741 гг.). Необходимо подчеркнуть, что не все статьи и публикации Л.И. Шохина по истории МАМЮ полностью вошли в рецензируемую книгу; некоторые остались за рамками этого издания и как бы дополняют его.

* *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX в. / Под ред. акад. РАО С.О. Шмидта. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 523 с. Тир. 600 экз.

Работы Л.И. Шохина по истории МАМЮ изучаются студентами Историко-архивного института и других вузов, где преподается данный предмет (например, на истфаке МГУ). Настоящая книга быстро приобрела популярность среди студентов и преподавателей, используется для написания лекционных курсов, как литература по программе углубленного изучения истории отечественного архивного дела. Работа неоднократно высоко оценивалась на заседаниях Научного совета и различных научно-методических совещаниях в РГАДА, удостоена почетного диплома на конкурсе Роскомархива. Практический выход заключается в написании аннотации на фонд канцелярии МАМЮ в четвертом томе путеводителя, в уточнении времени составления ряда известных архивных описей и имен составителей. Литература, касающаяся МАМЮ, не обходится в настоящее время без ссылок на труды Л.И. Шохина.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО*

В 1999 г. исполнилось 70 лет со дня кончины известного историка, академика Михаила Михайловича Богословского (1867–1919).

При жизни М.М. Богословского список его трудов публиковался дважды в связи с выборами в Академию наук¹. Там были указаны и работы, находившиеся в печати, но так и не увидевшие свет (некоторые из них сохранились в личном архивном фонде ученого).

Публикуемый список трудов составлен на основании не только печатных, но и архивных материалов, и возможно полно отражает все созданное ученым. Среди этих материалов имеются и библиографические списки: "Михаил Михайлович Богословский: Хронологический указатель напечатанных трудов 1896–1948 гг." (машинопись в 2-х экз., 83 номера), "Печатные отклики и рецензии на труды М.М. Богословского" (машинопись в 2-х экз.), "Печатные работы академика Михаила Михайловича Богословского" (машинопись)², но они лишь немногим отличаются от изданных списков.

Удалось атрибутировать две энциклопедические статьи, в том числе на основании архивных материалов ("Елена Павловна, вел. кн."¹, "Александр I, имп.", что подтверждается информацией из "Отчета о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1901 год"). Нами были использованы также и материалы Центральной справочной картотеки ГПИБ.

В список печатных трудов (как это принято сейчас делать при составлении библиографий историков) включена и информация о докладах и выступлениях, что расширяет представление о творческой и общественной деятельности ученого, в особенности в начальные годы, а также в советское время. Для этого просмотрен ряд ведомственных изданий тех научных учреждений и учебных заведений, в деятельности которых принимал участие Богословский (таким образом выявлено и значительное количество отзывов на работы слушателей Московской Духовной академии, опубликованных в ЖССМДА. Журналы печатались и отдельными отрывками и как составная часть журнала "Богословский вестник", со своей нумерацией страниц. Потому указан и номер "Богословского вестника", в который включены ЖССМДА). Ежегодные отчеты о проделанной работе, представляемые в Академию наук, информация о прочитанных курсах в Московской Духовной академии, сведения о работе в Университете

* Составитель А.В. Мельников

¹ Список ученых трудов профессора М.М. Богословского // ИРАН. Пг., 1920. Сер. VI. Т. XIV. С. 159–160; Список трудов М.М. Богословского // Там же. Пг., 1921. Сер. VI. Т. XV. С. 179–182; Последний по времени список издан в 1987 г. См.: Список опубликованных трудов М.М. Богословского // *Богословский М.М.* Исторнография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. С. 176–180 (сост. Л.А. Черная).

² АРАН. Ф. 636 (М.М. Богословский). Оп. 1. Д. 101. Л. 1–11; Л. 12–22; Оп. 1. Д. 107. Л. 1–4; 5–8. Предположительно, к составлению списков могли быть причастны вдова ученого Елизавета Петровна Богословская, Наталья Аполлинариевна Бакланова, ученица Богословского, готовившая к печати его главный труд о Петре Великом, сотрудники Архива Академии наук.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 442 (М.М. Богословский). Оп. 1. Д. 30. Л. 158–162.

и др., не имеющие определенной атрибуции, также включены в настоящий список, тем более, что сохранились и автографы такого рода отчетов².

В списке печатных трудов принята следующая структура – вначале все напечатанное автором: книги, отдельные издания, статьи, рецензии и отзывы, редактирование, литографированные издания курсов лекций (большинство не является непосредственно авторской работой, а студенческими записями, которые, зачастую не просматривались профессором), отчеты о проделанной работе, информация о выступлениях. В заключение приводится краткий список работ о М.М. Богословском.

1896

Варварские правды // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. М. Вып. 1. С. 192–211.

1897

Дворянские указы в Екатерининскую Комиссию 1767 года // Русское богатство. № 6. С. 46–83; № 7. С. 136–152.

1898

Варварские правды // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. 2-е изд. М. Вып. 1. С. 192–211.

Филипп II Август // Там же. М. Вып. 3. С. 117–130.

Несколько слов об одном проекте реформ XVI века // Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского археологического общества / Под ред. М.В. Довнар-Запольского М. Т. 1, вып. 1. Стб. 1–12. *Омд. омп.* М. 23 с.

Русская Правда в переводе // Русская история с древнейших времен: Сб. статей / Под ред. В.Н. Сторожева. М. С. 446–470. (Библиотека для самообразования) Б.п. (совм. с М.Н. Покровским, Н.А. Рожковым)^{1*} [Перевод на современный русский язык Пространной правды по Троицкому списку. Переизд. в 1910, 1947 гг.].

[Выступ. на засед. АК по реферату В.И. Холмогорова "О потомках Сусанина XVIII в. по документам архива юстиции", 25 февр. 1897 г.: Крат. излож.] // Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского Археологического общества М. Т. 1, вып. 1. Стб. 165.

[Реферат "Смоленское шляхетство в XVIII в." на засед. АК, 25 февр. 1897 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 165–166.

[О выступ. по реферату Д.Я. Самоквасова "Значение, форма и издание архивных описей" на 4 засед. АК, 19 марта 1897 г.] // Там же. Стб. 171.

[Выступ. по реферату С.К. Богоявленского "Статистические матерьялы для истории посадского населения XVII в." на 5 засед. АК, 31 марта 1897 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 173.

[Выступ. по докл. П.А. Кожевникова "Московский губернский архив старых дел" на 7 засед. АК, 28 апр. 1897 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 177.

[О выступ. по сообщ. В.И. Холмогорова о судьбе провинциальных архивов на 7 засед. АК, 28 апр. 1897 г.] // Там же.

[О реферате "Несколько слов об одном проекте реформ XVI в." на 8 засед. АК, 30 сент. 1897 г.] // Там же. Стб. 179.

[Выступ. по реферату В.И. Холмогорова "К вопросу о времени составления писцовых книг" на 9 засед. АК, 6 нояб. 1897 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 182.

[Выступ. по сообщ. гр. П.С. Шереметева о состоявшейся командировке в Псков на 11 засед. АК, 17 дек. 1897 г.: Крат. изл.] // Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского Археологического общества / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. М. Т. 1, вып. 2. Стб. 375.

[Выступ. по реферату Н.А. Рожкова "К вопросу о степени достоверности писцовых книг" на 12 засед. АК, 17 янв. 1898 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 378, 379.

["Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства", пробная лекция на звание приват-доцента Московского ун-та, 11 февр. 1898 г.: Крат. излож.] // Моск. ведомости. 13 февр. С. 4–5.

[О пробной лекции "Русская Правда как исторический источник на звание приват-доцента Московского ун-та, 4 марта 1898 г.] // Там же. 6 марта. С. 5.

1899

Смоленское шляхетство в XVIII веке: Реферат, читанный в Археографической комиссии Московского Археологического общества // ЖМНП. № 3. С. 25–61.

² Ср., например, отчет о научной командировке в Париж в 1927 г.; СПб ФА РАН. Ф. 2 (Канцелярия Конференции АН). Оп. 17. Д. 143. Л. 67–69 об.; Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1927 год. Л., 1928. Т. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 22–25.

^{1*} Об этом см.: *Любимов В.П.* Об издании "Русской правды" // Проблемы источноко ведения. М.; Л. 1936. Сб. 2 (Труды Историко-археографического ин-та АН СССР. Т. 17). С. 305.

- [О выступ. по докл. Г.Н. Шмелева "К вопросу о степени достоверности переписных книг" на 14 засед. АК, 12 марта 1898 г.] // Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского Археологического общества / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. М. Т. 1, вып. 3. Стб. 591.
- [О выступ. по реферату Н.Н. Харузина о псковских крепостях XVII в. перед второй польской войной при Михаиле Федоровиче на 15 засед. АК, 25 апр. 1898 г.] // Там же. Стб. 592.

1900

- [О выступ. по докл. П.И. Иванова "К вопросу о крестьянском землевладении на Севере в XVII в." на 18 засед. АК, 22 сент. 1898 г.] // Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского Археологического общества / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. М. Т. 2, вып. 1. Стб. 183.
- [Докл. "Власть Московских государей в XVII в." на 19 засед. АК, 12 окт. 1898 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 184.
- [Выступ. по докл. Г.Н. Шмелева о кн. М.А. Дьяконова "Очерки по истории тяглого населения Московского государства" (Т. 1) на 21 засед. АК, 30 нояб. 1898 г.: Крат. изл.] // Там же. Стб. 188.
- [О статье "Александр I" в 4-м изд. энциклопед. словаря бр. Гранат; докладе "Судебные учреждения Петра Великого" в отделении преподавателей истории Педагогического общества при Московском университете] // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1900 год. М. С. 38.

1901

Варварские правды // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. 3-е изд. М. Вып. 1. С. 193–212.

1902

- Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. / Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография. XVI+521+46 с. Прил. С. 1–46.
- То же // ЧОИДР. Кн. 3. XVI + 208; Кн. 4. С. 209–522; Прил. С. 1–46.
- Рец.: Русские ведомости. 1902. 23 нояб.; Кизеветтер А.А. // Русская мысль. 1902. № 1. Библиогр. отдел. С. 721–23; Сторожев В. // Мир божий. 1903. № 7. Отд. 2. С. 88–93;
- Диспут М.М. Богословского // Ист. вестн. СПб., 1903. Т. ХСІ. С. 382–383; [Мякотин В.А.] // Русское богатство. 1904. № 1. С. 21–23; Филиппов А.Н. Разбор сочинения М.М. Богословского "Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг." // Из отчета о 46-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1906. 25 с.

Положения к книге М.М. Богословского "Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг." М., 1902. М.: Типография Императорского Московского университета. 4 с.

Филипп II Август // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей. 2-е изд. М. Вып. 3. С. 117–130.

[Выступ. по реферату Ю.В. Готье "Известия Пальмквиста о России" на 23 засед. АК, 21 янв. 1899 г.: Крат. изл.] // Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского Археологического общества / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. М. Т. 2, вып. 2. Стб. 387.

[“Областные судебные учреждения Петра Великого”: Реферат, прочитанный 20 октября 1900 г. в Отделении преподавателей истории Педагогического общества при Московском университете: Крат. изл.] / Отчет о деятельности Отделения преподавателей истории // Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете за 1900–1901 год (существования Общества, год третий). М. С. 48.

1903

- Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. № 9. С. 45–144.
- Рец. на кн.: Щепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746–1758: Исследование по данным венского и копенгагенского архивов. СПб., 1902 // НС. Кн. I. С. 133–135.
- Рец. на кн.: Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1833–1902). СПб., 1903 // Там же. Кн. VI. С. 141–142.
- Рец. на кн.: Икономов В.Ф. Накануне реформ Петра Великого: Очерки государственного, общественного и частного быта Московской Руси XVII в. М., 1903 (Библиотека для самообразования) // Там же. Кн. VIII. С. 148.
- [О выступ. в прениях в связи с докл. М.Н. Покровского об учебнике по русской истории Н.А. Рожкова, в засед. Отделения преподавателей истории 21 апр. 1901 г.] / Отчет Отделения преподавателей истории (при Московском педагогическом обществе) // Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете за 1901–1902 год (существования Общества, год четвертый). М. С. 52.

1904

Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века // НС. Кн. V. С. 83–103; Кн. VI. С. 27–42. Отд. отт. М.: Типо-литография Т-ва Кушнерев и К^о. 36 с.

Фабрично-заводская промышленность при Петре Великом // Журнал для всех. № 9. С. 564–567; № 10. С. 624–627.
Рец. на кн.: Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903 // НС. Кн. II. С. 120–123.
Рец. на кн.: Сергеевич В.И. Русская Правда в четырех редакциях. СПб., 1904 // Там же. Кн. VII. С. 137–139.
Рец. на кн.: С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб., 1903 // Там же. Кн. IX. С. 158–159.

[Реферат по теме магистерской диссертации "Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг." в Отделении преподавателей истории Московского педагогического общества, 12 нояб. 1902 г.: Крат. изл.] / Отчет о деятельности Отделения преподавателей истории // Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском Университете за 1902–1903 год (существования Общества, год пятый). М. С. 54–56.

1905

Из истории верховной власти в России / Изд. Е.В. Кожевниковой и Е.А. Коломийцевой. М.: Типография Г. Лесснера и Д. Собко. 35 с. (Библиотека "Свободная Россия". № 2 / Под общ. ред. С.П. Мельгунова и П.М. Шестакова).
Рец.: Русская мысль. 1905. Кн. XI. С. 406.

Воцарение императрицы Анны Иоанновны // Журнал для всех. № 10. С. 650–654.

Императрица Елизавета Петровна // НС. Кн. II. С. 21–31.

Из истории верховной власти в России // Там же. Кн. III. С. 88–111.

К вопросу о Судебнике 1589 г. // ЖМНП. № 12. С. 266–275.

Рец.: Ein neues Werk auf dem Gebiete der Geschichte des russischen Grundbesitzes // Vierteljahrsschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart; Leipzig. Bd. III. Hft. 2/3. S. 457–462. [Рец. на кн.: Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3].

1906

Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века / Изд. Е.В. Кожевниковой и Е.А. Коломийцевой. М.: Типография Г. Лесснера и Д. Собко. 52 с. (Библиотека "Свободная Россия". № 15 / Под общ. ред. С.П. Мельгунова и П.М. Шестакова.)^{2*}

Конституционное движение 1730 г. / Изд. Е.В. Кожевниковой и Е.А. Коломийцевой. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина. 40 с. (Библиотека "Свободная Россия". № 18 / Под общ. ред. С.П. Мельгунова и П.М. Шестакова.)

Варварские правды // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. 4-е изд. М. Вып. 1. С. 194–213.

Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // ЖМНП. № 8. С. 220–242.

Разбор сочинения г. Кизеветтера "Посадская община в России XVIII столетия" М., 1903 // ЧОИДР. Кн. 4. С. 1–36; Отд. отт. М., 36 с. [Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903].

1907

Государственные крестьяне при Николае I // История России в XIX веке. СПб. Т. 1, ч. 1. Гл. XVII. С. 236–260.

Публ.: Уставная грамота Устьянским волостям 1539 г. // ЧОИДР. Кн. I. Отд. IV. Смесь. С. 47–51.

1908

Северный монастырь в XVII-м веке // Вестн. Европы. Т. VI Ноябрь. С. 278–306.

Рец. на кн.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907 // КО. Вып. 3 (VIII). С. 37–43.

Лекции по русской истории XVIII века приват-доцента Московского университета М.М. Богословского, читанные на Высших женских курсах в 1907–8 гг. М. (6/д) (литогр. изд.)

1909

Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. / Изд. Императорского Общества истории и древностей российских. М.: Синодальная Типография. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. VIII + 321 + 105 с.

То же // ЧОИДР. Кн. I. С. 3–321.

Рец.: Русские ведомости. 1909. 24 нояб.; М[ельгунов]в С. Поморье в XVII в. // Русские ведомости. 1909. 19 сент.; Сыромятников Б.И. // Утро России. 1909. 5 дек. № 50–17. С. 7; Готье Ю.В. // КО. 1909. Кн. VII. С. 37–43; Кизеветтер А.А. // Русская мысль. 1909. № IX. Библиогр. отд. С. 214–216; Любавский М.К. // ЖМНП. 1910. № 4. С. 395–419; П.М. Заметка о карте в соч. М. Богословского "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в." // Науч.-истор. журн. (СПб.). 1914. № 5. (Т. 2, вып. 3). С. 137–139; Кизеветтер А.А. На рубеже столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 199.

Положения к книге М. Богословского "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Ч. 1". М.: Типография Императорского Московского университета. 4 с.

^{2*} На обложке книги указано, что в этой серии заканчивается печатанием кн.: Богословский М.М. Императрица Елизавета Петровна. Книга не была опубликована.

- Кредит в земском хозяйстве XVII века // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. С. 29–42.
- Письмо на имя Преосвященного Ректора Академии г. приват-доцента Императорского Московского университета Михаила Михайловича Богословского // Извлечение из ЖССМДА за 1908 год. Сергиев Посад. С. 249.
- [О статье "Северный монастырь в XVII в. // Вестн. Европы. 1908. Ноябрь. Т. VI. С. 278–306, докладе "Из истории землевладения в Московском крае" в ОИДР] // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1908 год. М. Ч. 1. С. 238.
- [Опубликованные труды, программа курса русской истории XVIII в. для студентов II и IV курсов академии] // Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1908–1909 учебном году. Сергиев Посад. С. 59–60, 68.
- 1910**
- Церковный приход на Русском Севере в XVII в. // БВ. Май. С. 138–181; Июнь. С. 316–332.
- Состав московского населения в XVI–XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М. Вып. III. С. 44–55.
- Варварские правды // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. 5-е изд. М. Вып. 1. С. 193–213.
- Филипп II Август // Там же. 3-е изд. М. Вып. 3. С. 117–130.
- Русская Правда в переводе // Киевская Русь: Сб. ст. 2-е изд., испр. / Под ред. В.Н. Сторожева. М., 1910. Т. 1. (Библиотека для самообразования. Вып. XIII). С. 576–601. Б.п. (совм. с М.Н. Покровским, Н.А. Рожковым).
- Ред.: Памятники законодательства Петра Великого. М. 118 с. (Памятники русской истории, издаваемые под редакцией преподавателей русской истории в Московском университете: профессоров В.О. Ключевского, М.К. Любавского, А.А. Кизеветтера, М.М. Богословского, приват-доцентов С.В. Бахрушина, А.Э. Вормса, Ю.В. Готье и А.И. Яковлева. Вып. VII).
- История России XVIII-го века: Курс, читанный на Московских высших женских курсах в 1909–1910 гг. М. 160 с. (литогр. изд.).
- История России в XIX в.: Курс, читанный на Моск. высш. женск. курсах в 1909–10 уч. г.: По запискам слушательниц. М.: Типо-литография В.И. Титяева. Ч. 1. 160 с.; Ч. II. С. 161–487 (литогр. изд.).
- Земские челобитные в Древней Руси (Из истории земского самоуправления на Севере в XVII в.) // БВ. Январь. С. 133–150; Февраль-март. С. 215–241; Апрель. С. 403–419; Май. С. 685–696.
- Из истории поземельной общины на Русском Севере // Изв. Арханг. об-ва изучения Русского Севера. (Архангельск). № 2. С. 128–136; № 4. С. 294–301; *Омд. оtm.* Архангельск. 8 с.; Архангельск. 7 с.
- Поморье в XVII веке // Великая Реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбил. изд. М. Т. I. С. 37–51.
- Введение подушной подати и крепостное право // Там же. С. 52–65.
- Русское дворянство в XVIII веке // Книга для чтения по истории нового времени. М. Т. II. С. 549–566; О статье см.: Там же. С. IV.
- Яков Иванович Ростовцев // Освобождение крестьян: Деятели реформы. М. С. 200–232.
- Абсолютизм и рационализм государства Петра Великого как общеевропейские явления XVII–XVIII вв. (Из "Областной реформы Петра Великого" М. Богословского. М., 1902 г.) // Историческая хрестоматия по русской истории: Пособие для преподавателей, учеников старших классов средне-учебных заведений и лиц, ищущих самообразования / Сост. Я.Г. Гуревич. 3-е изд., перераб. Я.Я. Гуревичем в сотруд. с С.В. Вознесенским. СПб. Т. III. С. 528–536.
- О сочинении студента Городецкого Федора на тему: "Русский город в XVII в. Его социальный состав и экономическое значение" // ЖССМДА за 1910 год. С. 109–112 (БВ. Т. 2. июль-авг.). *Омд. оtm.* Сергиев Посад. С. 109–112.
- Отзыв о кандидатском сочинении студента священника Литвиенко Александра на тему: "Граф Я.И. Ростовцев как деятель по освобождению крестьян" // Там же. С. 328–330.
- Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Академии выпуска текущего 1910 года Яхонтова Александра на тему: "Русский исторический процесс в учении Вл. Соловьева" // Там же. С. 508–509 (БВ. Т. 2. Май).
- Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Академии выпуска текущего 1910 года Лимачева Василия на тему: "Византийский взгляд на государственную власть и его значение для Древней Руси" // Там же. С. 516 (БВ. Т. 2. Июнь).
- Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Академии выпуска текущего 1910 года Ковригина Михаила на тему: "Исторические воззрения славянофилов" // Там же. С. 533–534 (БВ. Т. 2. Июнь).
- Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Академии выпуска текущего 1910 года Панова Павла на тему: "Хозяйство в крепостной вотчине первой половины

- XIX века" // Там же. С. 537–540 (БВ. Т. 2. Июнь).
- Доклад комиссии, ревизовавшей кассу, приходо-расходные книги и отчет редакции академического журнала по изданию "Богословского вестника" и святоотеческих творений за 1909-й год // Там же. С. 568 (совм. с А.П. Шостыным, П.А. Флоренским) (БВ. Т. 2. Июнь).
- [О статье "Поморье в XVII в." в сб. "Великая реформа", публичной лекции в Сергиевом Посаде "Гр. М.М. Сперанский как государственный деятель", сообщении "Церковный приход на Русском Севере в XVII веке" в ОИДР] // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. М. Ч. 1. С. 16, 17, 258.
- [О назначении 4 сент. 1911 г. экстраординарным профессором Московского ун-та с оставлением в должности экстраординарного профессора Московской духовной академии, программа курса русской гражданской истории XVIII и XIX вв. для студентов II и III курсов академии, опубликованные труды] // Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1910–1911 учебном году. Сергиев Посад. С. 10, 48, 56–57.
- Петр Великий (Опыт характеристики) // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Ист. сб. / Под ред. В.В. Каллаша. М. Т. III. XVIII век, первая половина. С. 15–33.
- Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Академии Вавресюка Ивана на тему: "Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель и политический деятель" // ЖССМДА за 1911 год. С. 157–160 (БВ. Т. 3. Ноябрь). *Отд. отт.* Сергиев Посад. С. 157–160.
- О сочинении студента Лебедева Александра на тему "Юрий Федорович Самарин как церковный писатель и деятель по освобождению крестьян" // Там же. С. 249–250 (БВ. Т. I. Февр.).
- О сочинении студента священника Невского Петра на тему: "Церковно-политические деятели Смутного времени" // Там же. С. 281–284 (БВ. Т. I. Февр.).
- О сочинении студента священника Семеновского Николая на тему: "Отношение русского духовенства к реформе Петра Великого" // ЖССМДА за 1912 год. С. 320–322 (БВ. Т. I. Март).
- О сочинении студента иеромонаха Кирилла (Соколова) на тему: "Хозяйственное устройство старообрядческих общин на Севере в XVIII веке" // Там же. С. 340–344 (БВ. Т. I. Март).

1912

- Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. / Изд. Императорского Общества истории и древностей российских. М. Ч. II. Деятельность земского мира. Земство и государство. 311 с.
- То же // ЧОИДР. Кн. 2. С. 1–311.
Рец.: Кизеветтер А.А. // Русские ведомости. 1912. 25 сент. № 220. С. 5; Дьяконов М.А. Отзыв о сочинении М. Богословского "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2" // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. Отд. IV. Смесь. С. 21–46. *Отд. отт.* М., 1913, 28 с.; Островская М.А. // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 246–249; Платонов С.Ф. // Уч. зап. Моск. ун-та. Ист.-филол. ф-т. М., 1914. Вып. 43. С. 329–343; *Смирнов С.И.* Проф. М.М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Москва, 1912. Т. II. Отзыв при представлении его на Макариевскую премию в Академии // ЖССМДА за 1913 год. Сергиев Посад. 1914. С. 27–28.
- В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М. С. 26–44. *Отд. отт.* М. 22 с.^{3*}
- Отзыв о сочинении Н.К. Никольского "Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб., 1897–1910. Т. 1, вып. 1–2 // Отчет о 53-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1912. 53 с.
- История России XVIII-го века: Курс, читанный на Московских высших женских курсах в 1911–12 уч. году: По запискам слушательниц. М.: Типо-литография И.Х. Кавыкина. 254 с. (литогр. изд.)
- История России XVIII-го века: Курс, читанный на Московских высших женских курсах в 1911–12 уч. году: По запискам слушательниц. М.: Типо-литография В.И. Титяева. Ч. 1. 254 с.; Ч. 2. 361 с. (литогр. изд.)
- История России в XVIII и XIX веках (1762–1881): Лекции, читанные в Московском университете в 1911/12 ак. году. Записки слушателей, просмотренные профессором / Изд. О-ва взаимопомощи студентов-филологов. М.: Типо-литография В.И. Титяева. Вып. 1. 142 с.; Вып. 2. 223 с. (литогр. изд.)
- [О речи "В.О. Ключевский как ученый", произнесенной в ОРТЗ] // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1911 год. М. 1912. С. 18.

1913

- Варварские правды // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. 6-е изд. М. Вып. 1. С. 194–213.
- Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: Прилож. к статье: "Погосты, станы и волости Поморского края в XVII веке" [пе-

^{3*} На титульном листе: Памяти В.О. Ключевского. М., 1912.

- репечатка из ЧОИДР. Материал касается только истории Вятского края // Тр. Вятской уч. арх. комиссии. 1913 год. Вятка. Вып. III–IV. С. 31–72.
- Из воспоминаний о В.О. Ключевском / Изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко. 10 с.
- Императрица Елизавета Петровна // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Ист. сб. / Под ред. В.В. Калаша. М. Т. IV. XVIII век, вторая половина. С. 157–169.
- Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Там же. С. 239–250.
- Три века царствования дома Романовых: Речь, произнесенная на торжественном заседании Совета Московского университета и Общества истории и древностей российских 24 февраля 1913 г. // ЧОИДР. Кн. 4. С. 35–43. *Отд. омм.* М. 11 с.
- Тяглая организация Поморья в XVII веке // Древности: Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества, изданные под редакцией И.Н. Бороздина, действительного члена Общества и секретаря Археографической комиссии. М. Т. 3. Стб. 3–45; *Отд. омм.* М.: Печатня А.И. Снегиревой. 45 с.
- [Отрывок из воспоминаний о В.О. Ключевском в Археографической комиссии] / Бороздин И.Н. В.О. Ключевский (Некролог) // Там же. Стб. 317–318; *Отд. омм.* М.: Печатня А.И. Снегиревой. С. 7.
- Царь Федор Алексеевич // Государи из Дома Романовых, 1613–1913: Жизнеописания / Под ред. Н.Д. Чечулина. М. Т. I. С. 145–147.
- Император Петр I Алексеевич Великий // Там же. С. 148–300.
- Рец.*: Мельгунов С.П. // Голос Минувшего. 1913. № 4. С. 249; *Отз.*: ЖМНП. 1914. Ноябрь. С. 205–206.
- W.O. Ključevskij. Gest. 12/25. Mai 1911 // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin. Bd. III. Hf. 2. S. 309–318 (пер. с рус. W. Christian).
- Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Академии Яхонтова Дмитрия на тему: "Солотчинский монастырь в XVII и XVIII вв." // ЖССМДА за 1913 год. С. 77–83 (БВ. Т. 3. Ноябрь). *Отд. омм.* Сергиев Посад. С. 77–83.
- О сочинении студента Любимова Федора на тему: "Русское общество и церковь в деле раскрепощения крестьян 19 февраля 1861 года" // Там же. С. 289–291 (БВ. Т. 1. Февр.).
- О сочинении студента Маркова Владимира на тему: "Переписка проф. Н.И. Субботина (преимущественно неизданная) как материал для истории раскола и отношений к нему правительства" // Там же. С. 303–305 (БВ. Т. 1. Февр.).
- О сочинении студента Новгородского Павла на тему: "Хозяйство Троицкого Сергиева монас-
- тыря до секуляризации и после нее" // Там же. С. 332–333. (БВ. Т. 1. Март).
- О сочинении студента Рязановского Сергея на тему: "Землевладение и хозяйство Троицкого Сергиева монастыря в XVII в." // Там же. С. 372–378 (БВ. Т. 1. Март).
- О сочинении студента Телятьева Валериана на тему: "Россия и Балканские славяне в XIX в." // Там же. С. 410–411. (БВ. Т. 1. Март).
- Древняя русская история / Изд. о-ва взаимопомощи студентов-филологов при Имп. Моск. ун-те М. Вып. 1. 319 с. (литогр. изд.)
- [О речи "Три века царствования Дома Романовых" в торжественном заседании Совета Московского университета и ОИДР 24 февр. 1913 г.] // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1913 год. М. С. 195–196.
- [О награждении премией им. митрополита Макария за кн. "Земское самоуправление на Русском Севере", программа курса древней русской истории для студентов I курса академии, практические занятия по курсу русской истории В.О. Ключевского, "Русской Правде", опубликованные труды] // Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1912–1913 учебном году. Сергиев Посад. С. 30, 42, 60–61.

1914

- Учебник русской истории: Курс IV класса гимназий. М.: Типогр. т-ва Д.И. Сытина. 109 с.
- Рец.*: Сивков К.В. // Вестн. воспитания. 1914. № 7. Отд. "Критика и библиография". С. 5–8; Васенко П.Г. // ЖМНП. 1914. Ноябрь. С. 120–121.
- Из воспоминаний о В.О. Ключевском // ЧОИДР. Кн. I. Василий Осипович Ключевский. Биографический очерк, речи, произнесенные в торжественном заседании 12 ноября 1911 года, и материалы для его биографии. С. 123–130.
- Профессор Василий Осипович Ключевский (16 января 1841–12 мая 1911) // Памяти почивших наставников: Изд. Московской духовной академии ко дню ее столетнего юбилея. Сергиев Посад. С. 325–356.
- Филипп II Август // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. 4-е изд. М. Вып. 3. С. 117–130.
- О сочинении студента Августова Дмитрия на тему: "Из истории Московской Духовной Академии: Отношение митрополита Московского Филарета и Московской Духовной Академии" // ЖССМДА за 1913 год. С. 180–182 (БВ. Т. 1. Янв.). *Отд. омм.* Сергиев Посад. С. 180–182.
- О сочинении студента Веселова Ивана на тему: "Умственное и религиозно-нравственное состояние русского общества в царствование Александра I" // Там же. С. 224–226 (БВ. Т. 1. Янв.).

- О сочинении студента Гражданского Тихона на тему: "Государственное и церковное устройство Новгородского Великого" // Там же. С. 246–250 (БВ. Т. 1. Февр.).
- О сочинении студента Миртова Владимира на тему: "Земский собор 1613 года и избрание на царство Михаила Романова" // Там же. С. 320–322 (БВ. Т. 1. Февр.).
- О сочинении студента Сидоренкова Алексея на тему: "Отношение гражданской власти к расколу в царствование Александра I" // Там же. С. 364 (БВ. Т. 1. Март).
- О сочинении студента священника Согольской Павла на тему: "Московское государство и церковь в изображении иностранцев XVII в. (Олеария и Павла Алеппского)" // Там же. С. 379–381 (БВ. Т. 1. Март).
- О сочинении студента Сперанского Василия на тему: "Патриарх Ермоген и Смутное время" // Там же. С. 383–385 (БВ. Т. 1. Март).
- Отзыв о сочинении профессора Московской духовной консерватории и преподавателя Синодального училища протоиерея Казанского собора Василия Металлова под заглавием: "Богослужбное пение Русской церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным. Ч. 1–2. с приложением 12 таблиц (Facsimilie) снимков с рукописей X–XI–XII вв. М., 1912, представленном на соискание степени магистра богословия // Там же. С. 518–525 (БВ. Т. 1. Апр.).
- История России в XIX в.: Курс, читанный в Московском университете. М. Вып. 1. 159 с.; Вып. 2. 76 с.
- История России в XIX веке: Курс 1913–14 акад. года / Изд. О-ва взаимопомощи студентов-филологов при ИМУ. М.: Типо-литография В.И. Титяева. Вып. 1. 239 с. (литогр. изд.).
- [Программа курса русской истории XVII и XVIII вв., практические занятия по соч. Г. Котошихина "О России в царствование Алексея Михайловича", опубликованные труды, о докл. "Петр Великий в его письмах" на заседании Русского исторического общества, 13 марта 1914 г.] // Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1913–1914 учебном году. Сергиев Посад. С. 42–43, 60.
- Ответ германским ученым // День. 21 дек. № 347 (совм. с др.).
- 1915**
- Учебник русской истории: Курс V класса гимназий. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. 179 с.
Рец.: Сивков К.В. // Вестн. воспитания. 1915. № 2. Отд. "Критика и библиография". С. 5–7.
- Учебник русской истории: Курс VI класса гимназий и реальных училищ. 150 с.
Рец.: Сивков К.В. // Вестн. воспитания. 1915. № 8. Отд. "Критика и библиография". С. 13–18 [автор сравнивает учебник М.М. Богословского и кн.: Платонов С.Ф. Сокращенный курс русской истории для средней школы для IV–VI классов, с 8 картами. СПб., 1914].
- Учебник русской истории: Курс IV класса гимназий и реальных училищ. 2-е изд. с двумя картами. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. 109 + [2] с.
- Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. (По поводу издания его проф. Владимирским-Будановым) // ЖМНП. Дек. С. 354–379.
- О сочинении студента Голобородько Михаила на тему: "Присоединение Малороссии к Московскому государству и малороссийское духовенство" // ЖСМДА за 1914 год. С. 285–287 (БВ. Т. 1. Февр.). Отд. отт. Сергиев Посад. С. 285–287.
- О сочинении студента Скворцова Константина на тему: "Отношение правительства императора Николая I к расколу" // Там же. С. 439–442 (БВ. Т. 2. Июнь).
- О сочинении студента Соболева Василия на тему: "Церковные уставы древнерусских князей" // Там же. С. 450–452 (БВ. Т. 2. Июнь).
- О сочинении студента Тихомирова Александра на тему: "Секуляризация церковных имуществ в России" // Там же. С. 479–481 (БВ. Т. 2. Июнь).
- Отзыв о сочинении экстраординарного профессора императорской Московской духовной академии С.И. Смирнова под заглавием "Древнерусский духовник". М., 1913 с прил.: "Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины", представленном на соискание степени доктора церковной истории // Там же. С. 609–619 (БВ. Т. 3. Сент.).
- История России XVIII века (1725–1796 гг.): Издано по запискам слушателей, редактированным профессором / Изд. О-ва взаимопомощи студ.-фил. при ИМУ. М.: Типо-литография И.Ф. Смирнова. 375 с. (литогр. изд.).
- [Об отзыве на соч. А. Пархоменко "Очерк Переяславско-Борисопольской епархии", представленном на соискание премии митрополита Макария, составленном по поручению Учебного комитета при Св. Синоде; о сообщении "Петр Великий по его письмам" в годичном заседании РИО] // Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1914 год. М. Ч. 1. С. 194.
- [О сообщении "Петр Великий по его письмам" в ОИДР] // Там же. Ч. 2. С. 303.
- [Программа курса новой русской истории [от Екатерины II до Николая I], практические занятия по изучению новых пособий по русской истории, разбор семестровых сочинений, опубликованные труды] // Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1914–1915 учебном году. Сергиев Посад. С. 44–45, 64.
- 1916**
- Учебник русской истории: Курс V класса гимназий и реальных училищ. 2-е изд. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. 176 с. + 1 карта.

- Памяти профессора С.И. Смирнова // БВ. Сент. С. 22–42; *Отд. оtm.* // Профессор Сергей Иванович Смирнов. Сергиев Посад. С. 24–42.
- Профессор С.И. Смирнов // ИИ. № 2. С. 190–192.
- Рец.* на кн.: Фроловский А.В. Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915 // Там же. № 1. С. 75–78.
- Рец.* на кн.: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2 // Там же. № 2. С. 68–85.
- Отз.*: Веселовский С.Б. Ответ проф. М.М. Богословскому // Там же. № 3/4. С. 158–175.
- По поводу ответа С.Б. Веселовского // Там же. № 3/4. С. 175–181.
- Отзыв о сочинении кандидата (магистранта) имп. Казанской духовной академии священника Симеона Шлеева под заглавием "Единоверие на Дону в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев). СПб., 1910, представленном (в печатном виде) на соискание степени магистра богословия // ЖССМДА за 1915 год. С. 22–26 (БВ. Т. 1. Февр.). *Отд. оtm.* Сергиев Посад, 1917. С. 22–26.
- О сочинении студента Асколонова Стефана на тему: "Царь Иван Грозный и Православная церковь" // Там же. С. 152–155 (БВ. Т. 1. Март–апр.).
- О сочинении студента священника Вышелеского Константина на тему: "Историческая основа церковно-приходских школ и состояние их в конце XIX века" // Там же. С. 210–212 (БВ. Т. 2. Март).
- О сочинении студента Никольского Николая на тему: "Отношение Соловецкого монастыря к никоновским новшествам" // Там же. С. 307–310 (БВ. Т. 2. Июнь).
- Ред.*: Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете. М. № 1–4 (член редсовета).
- История России в XIX в.: Курс 1915–1916 акад. года. М. (б.г.). 280 с. (литогр. изд.)
- [О докл. "Петр Великий в 1690 году" в ОИДР] // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1915 год. М. Ч. 2. С. 313.
- [Программа курса древней русской истории для студентов I курса академии, практические занятия по новым пособиям по русской истории, "Русской Правде"] // Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1915–1916 учебном году. Сергиев Посад. С. 39.
- 1917**
- Учебник русской истории. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. Ч. I (3-е изд. с двумя картами). 109 с. + [2]с. + 2 карты.
- Учебник русской истории. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. Ч. I (4-е изд. с двумя картами). 109 + [2]с. + 2 карты.
- Учебник русской истории. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. Ч. II (3-е изд.). 179 с.
- Детство Петра Великого // Русская старина. Т. 169. С. 5–29.
- Крестынская аренда в Псковской судной грамоте // ИИ. № 2. С. 3–46.
- Петр Великий по его письмам // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг. С. 216–250^{4*}.
- Рец.*: Пресняков А.Е. // Исторический архив, издаваемый Главным управлением архивным делом. 1919. Пг., 1919. Кн. 1. С. 535.
- Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской духовной академии // БВ. Окт.-дек. С. 356–384; *Отд. оtm.* Сергиев Посад. 31 с.
- Отз.*: Волков С.А. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). М., 1995. С. 79.
- Представление о поощрении премией имени митрополита Макария докторской диссертации доцента Академии Н.В. Лысогорского под заглавием: "Единоверие на Дону в XVIII–XIX вв. (по 1883 г.) Сергиев Посад, 1915 // ЖССМДА за 1916 год. С. 18–19 (Б.В. Т. 1. Февр.-март).
- Ред.*: Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете. М. № 1–2 (чл. редсовета).
- [О работе над биографией Петра Великого] // Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1916 год. М. Ч. 2. С. 18.
- [Опубликованные труды] / Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1916–1917 учебном году // БВ. Окт.-дек. С. 40.
- 1918**
- Учебник русской истории. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. Ч. II (4-е изд.). 179 с.
- Учебник русской истории. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина, Ч. III (3-е изд., доп.). 151 с. + 1 карта.
- Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. 2-е изд. Пг.: Задруга. 34 с. (Популярная историческая библиотека).
- Из истории верховной власти в России. 2-е изд. Пг.: Задруга. 36 с. (Популярная историческая библиотека).
- Конституционное движение 1730 г. 2-е изд. Пг.: Задруга. 36 с. (Популярная историческая библиотека).
- [Опубликованные труды, о докладах в Историческом об-ве при Московском ун-те "Петр Великий в Англии в 1698 г." и в ОИДР "Петр Великий в Вене в 1698 г."] / Отчет о состоянии Московской духовной академии в

^{4*} Предисловие к сборнику в честь М.К. Любавского с правой рукой М.М. Богословского см.: ОПИ ГИМ. Ф. 442 (М.М. Богословский). Оп. 1. Д. 42. Л. 4–5.

1917–1918 учебном году // БВ. Июнь–сент. С. 15.

1919

Учебник русской истории. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина. Ч. I (5-е изд. с двумя картами). 109 + [2]с. + 2 карты.

1920

Петр Великий и его реформа. М.: Тов-во Кооперативное издательство. 117 с.
Рец.: Барсков Я. // Книга и революция. 1922. № 4 (16). С. 34–35.

1921

Петр Великий в Вене // Дела и дни. Пг. Кн. 2. С. 30–57.
Отз.: Введенский А.А. // Книга и революция. 1922. № 4 (16). С. 35–36.

1922

Заговор Цыклера // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пб.: Изд-во "Огни". С. 330–340.

О трудах С.А. Белокурова по русской истории: Доклад, читанный в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 18 марта 1919 г. // РИЖ. Пг. Кн. 8. С. 229–240.

[О докл. "Вступительное слово о деятельности В.И. Герье" на вечере памяти В.И. Герье в Ист. о-ве при Моск. ун-те.] // Там же. С. 321.

[О докл. "Русская историография за 10 лет со дня смерти В.О. Ключевского (12 мая 1911–12 мая 1921 гг.)" в ОИДР, 25 мая 1921 г.; "Переписка В.О. Ключевского и С.А. Белокурова" в ОИДР] // Там же. С. 323. *Отз.* о первом докл.: Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 464.

1923

Областная история России: ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: Сб. докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной академическим центром. Нижний Новгород. С. 118–124.

[Резолюция по докладу] // Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, созванной академическим центром Наркомпроса в Москве 10–20 декабря 1921 г. М., 1921. № 5. 2 янв. С. 85.

Ред.: Архивное дело. М.; Пг. Вып. 1. 173 с.^{5*}
["Научная разработка архивных материалов": Докл. на 1-й Всероссийской конференции

архивных деятелей 30 сент. 1921 г.: Крат. изл.] / В. Пичета. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (Москва, 29 сент.–3 окт.) // Архивное дело. М.; Пг. Вып. 1. С. 116; [О докл.] // Там же. С. 129.

1925

К вопросу о городской реформе 1699 г. // ДАН СССР. Л. Сер. 6. Апр.–июнь. С. 59–62.

Русское общество и наука при Петре Великом [краткий конспект речи 1926 г.]. Л. 8 с.

Военная служба в царствование Александра I [Из кн.: Богословский М.М. История России в XIX веке. Курс 1915–16 acad. года. М., 1916] / Четырнадцатое декабря: Сборник к столетию восстания декабристов / Сост. А. Черновский, М. Гаврилов. М.; Л. С. 115–120.

1926

Петр Великий в Англии в 1698 г. // ТИИ РАНИОН. М. Вып. 1: Сб. статей. Памяти Александра Николаевича Савина, 1873–1923. С. 393–432.

Отз.: Преображенский П. // Печать и революция. 1927. № 2. С. 152–153; Кизеветтер А.А. // Современные записки. Париж, 1928. Т. 34. С. 534.

Русское общество и наука при Петре Великом: Речь академика М.М. Богословского в торжественном годовом собрании Академии наук Союза Советских Социалистических Республик 2 февраля 1926 г. // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1925 год. Л. С. 1–28; *Отд. отт.* Л.: Изд-во АН СССР. 28 с.

[Выст. на IX засед. ОС АН СССР 30 мая 1926 г. о передаче на хранение в ОР БАН первых четырех томов труда "Петр Великий: Материалы для биографии"] // ИАН СССР. Л. Сер. VI. Т. XX. № 18. С. 1814.

[Отчет о проделанной работе за 1925 г.] // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1925 год. Л. С. 33–34.

[О докладах "Имущество гостя Семена Лузина", "Обстановка архимандричьей кельи Воскресенского монастыря в конце XVII в."^{6*}] // Отчет Государственного Исторического музея за 1916–1925 гг. М. С. 74–75.

[Доклады о термине "история быта" при реорганизации Исторического музея в 1921 г. по вопросам экспозиции: Крат. изл.] / *Малицкий Г.Л.* Сводка материалов комиссии по реорганизации Российского исторического музея // Там же. Прил. I. С. 2–3, 13–14, 16.

^{5*} См.: *Седельников В.О.* У истоков журнала "Архивное дело" (1921–1925) // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 146, 151.

^{6*} Текст доклада см.: АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 5. Д. 66. Л. 2–21 об. "Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–1698". Автограф. Б/д.

[О выст. в прениях по сообщению С.В. Рожественского о грамоте архиепископа Иоанна на Двину на 697 засед. АК, 24 февр. 1925 г.] // ЛЗАК за 1923–1925 годы. Л. Вып. 33. С. 47.

1927

К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной грамоте // ЛЗПИАК за 1926 год. Л. Вып. I (XXXIV). С. 27–54. О статье см.: ИАН СССР. Л. Сер. VI. Т. XX. № 18. С. 1805.

Городская реформа 1698 г. в провинциальных городах // УЗ ИИ РАНИОН. М. Т. 2. С. 219–250.

Отз.: Бицилли П.М. // Современные записки. Париж, 1928. Т. 34. С. 537.

Палата об Уложении 1700–1703 гг. Часть первая (Доложено в заседании Отделения гуманитарных наук 9 ноября 1927 года) // ИАН СССР. Сер. 6. ОГН. Т. 21. № 15–17. С. 1347–1374. *Отд. отт.* Л. С. 1347–1374.

Записка об ученых трудах проф. Е.В. Тарле // Там же. № 18. С. 1557–1560 (совм. с Ф. Успенским, В. Бузескулом, С. Платоновым).

[О выступ. со статьей "Палата об Уложении 1700–1703 гг." Ч. 1 на V засед. ОГН АН, 9 нояб. 1927 г.] // ИАН СССР. Л. Сер. 6. Т. 21. № 18. С. 1731.

[Об отзыве на труд В. Сахоневы "К вопросу о значении Конференции, учрежденной при дворе Императрицы Елизаветы Петровны" // Там же. С. 1732.

[О выступ. со статьей "Палата об Уложении 1700–1703 гг." Ч. 2 на VII засед. ОГН АН, 7 дек. 1927 г.] // Там же. С. 1743.

1928

Административные преобразования Петра Великого в 1699–1700 гг. Часть первая: Боярская дума (доложено в заседании Отделения гуманитарных наук 7 декабря 1927 года) // ИАН СССР. Л. Сер. 7. ОГН. № 4–7. С. 279–298.

Рец.: Левинсон Н.Р. // Московский краевед. М., 1929. Вып. 3 (11). С. 110.

Из воспоминаний о Н.А. Рожкове // УЗ ИИ РАНИОН. М. Т. 5. Памяти Николая Александровича Рожкова. С. 129–145.

Палата об Уложении 1700–1703 года. Часть вторая (доложено в заседании Отделения гуманитарных наук 9 ноября 1927 года) // ИАН СССР. Л. Сер. 7. ОГН. № 2. С. 81–110; *Отд. отт.* Л., 1929. С. 81–110.

Предисловие // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия (ТГИМ. Вып. 4. Отд. ист. общий). М. С. 3–4.

Записка об ученых трудах проф. Д.Н. Егорова // ИАН СССР. Л. Сер. 7. ОГН. № 2. С. 434–436

(совм. с С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле, В.П. Бузескулом).

Записка об ученых трудах Ю.М. Сибирцева // Там же. С. 442–443 (совм. с С.Ф. Платоновым, Н.П. Лихачевым).

В Общее собрание Академии наук [представление в почетные члены АН СССР Н.И. Кареева] // ИАН СССР. Л. Сер. 7. ОГН. № 8–10. С. 498 (совм. с В.И. Перетцем, А.П. Карпинским, В.И. Вернадским, П.А. Лавровым, С.А. Жебелевым, Е.Ф. Карским, В.П. Бузескулом, С.Ф. Платоновым, Н.П. Лихачевым, Е.В. Тарле, С.Ф. Ольденбургом, И.Ю. Крачковским, Н.А. Марром).

То же // ИАН СССР. Л. Отд. физ.-мат. наук. № 8–10. С. 701.

В Общее собрание Академии наук [представление в почетные члены АН СССР Ульриха Вилламовиц фон Мелендорфа] // ИАН СССР. Л. Сер. 7. ОГН. № 8–10. С. 499 (совм. с С.А. Жебелевым, В.П. Бузескулом, С.Ф. Ольденбургом, И.Ю. Крачковским, Н.А. Марром, С.Ф. Платоновым, Е.Ф. Карским, П.А. Лавровым, М.Н. Сперайским).

То же // ИАН СССР. Л. Отд. физ.-мат. наук. № 8–10. С. 702.

[Отчет о научной командировке в Париж в апр.–июне 1927 г.] // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1927 год. Л. Т. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 22–25.

[Докл. "Прием шведских послдов в Москве в 1699 г.", "Керченский поход 1699 года", "Святки в Москве в 1618⁷–1699 гг.": Крат. изл.] / Баглаева Н.А. Обзор деятельности Комиссии по истории быта // Сборник I: К десятилетию Октября / Государственная Академия истории материальной культуры. Московская секция. М. С. 15, 18.

[О выступ. со статьей "Административные преобразования Петра Великого в 1699–1700 гг. Часть II. Приказы и местное управление" в засед. ОГН АН СССР, 4 апр. 1928 г.] // ИАН СССР. Сер. 7. ОГН. № 8–10. С. 515.

[О представлении статьи С.В. Бахрушина "Легенда о Василии Маигозейском", выступ. о желательности избрания в чл.-кор. АН СССР А.И. Яковлева, IX засед. ОГН АН СССР 12 дек. 1928 г.] // Там же. С. 571.

[О чтении записок об ученых трудах С.Б. Веселовского и А.И. Яковлева, XX засед. ОГН АН СССР 14 дек. 1928 г.] // Там же. С. 573.

1929

Административные преобразования Петра Великого в 1699–1700 гг. Часть вторая. Приказы и местное управление (доложено в заседании Отделения гуманитарных наук 4 апреля 1928 года) // ИАН СССР. Л. Сер. 7.

* Опечатка: должно быть – 1698.

№ 2. С. 97–121. *Отд. отт.* Административные преобразования Петра Великого в 1699–1700 гг. Л. 45 с. (оттиск из Известий Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук. 1928. № 4–7; 1929. № 2). Возвращение Петра I из-за границы в 1698 году // Старая Москва. Статьи по истории Москвы в XVII–XIX вв. Сборник 1. М. (Труды Общества изучения Московской области. Вып. 5). С. 77–93.

Русско-датский союз 1699–1700 гг. // УЗ ИИ РАНИОН. М. Т. IV. С. 123–152.

[Отчет о проделанной работе за 1928 г.] // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1928 год. Л. Т. I. С. 29–31.

1930

Записка об ученых трудах проф. М.К. Любавского (составлена по поручению Особой комиссии М.М. Богословским) // Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года. Прил. к Известиям АН по Отделению гуманитарных наук за 1928 год. Л. С. 71–74.

Записка об ученых трудах проф. К. Блока // Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 года. Л. С. 8 (совм. с Е.В. Тарле, С.Ф. Платоновым, Н.Я. Марром, В.П. Бузескулом).

Записка об ученых трудах С.К. Бояговленского // Там же. С. 9–10 (совм. с С.Ф. Платоновым, Н.П. Лихачевым, М.Н. Сперанским, М.Н. Розановым, В.П. Бузескулом, Е.В. Тарле).

Записка об ученых трудах проф. С.Б. Веселовского // Там же. С. 18–19 (совм. с С.Ф. Платоновым, Н.П. Лихачевым, М.Н. Сперанским, М.Н. Розановым, В.П. Бузескулом).

Записка об ученых трудах проф. А.И. Яковлева // Там же. С. 55 (совм. с С.Ф. Платоновым, М.Н. Сперанским, М.Н. Розановым, Н.П. Лихачевым, В.П. Бузескулом, Е.В. Тарле).

1934

Николай II "доктор русской истории" / Предисл. Д. Заславского. [Представление в историко-филологический факультет Московского ун-та о присужд. имп. Николаю II почетного звания доктора русской истории] // Красный архив. № 6. С. 191–192 (совм. с М.К. Любавским).

1940

Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В.И. Лебедева; Подгот. текста к печати, подбор илл., сост. примеч., именного и географического указателей, объяснительного словаря Н.А. Бакланова. М. Т. 1.

Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 6 марта^{8*} 1697 г. 436 с.

Рец.: Кафенгауз Б.Б. Новая работа о Петре Первом // Правда. 1940. 30 нояб.; Новицкий Г. Новый труд о Петре I // Вечерняя Москва. 1940. 26 дек.; Богуславский Г. // ИЖ. 1940. № 12. С. 132–134.

1941

Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В.И. Лебедева; Подгот. текста к печати, подбор иллюстраций, сост. примеч., именного и географического указателей, объяснительного словаря Н.А. Бакланова. М. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2 (9 марта 1697–25 августа 1698 гг.). 624 с.

Рец.: Кафенгауз Б., Новицкий Г. // Историк-марксист. 1941. Кн. 2. С. 127–131 [рец. на т. 1–2].

1946

Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В.И. Лебедева; Подгот. текста к печати, подбор илл., сост. примеч., именного и географического указателей, объяснительного словаря Н.А. Бакланова. М. Т. 3. Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 г. Карловицкий конгресс. 1698–1699. М. 502 с.

Рец.: Базилевич К.В. // Советская книга. 1946. № 10/11. С. 59–63; Кафенгауз Б.Б. // ВИ. 1947. № 1. С. 59–63.

1947

Пространная правда // Правда Русская. Т. II. Комментарий / Сост. Б.А. Александров, В.Г. Гейман, Т.Е. Кончин, Н.Ф. Лавров и Б.А. Романов; Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л. Б.п. (совм. с М.Н. Покровским, Н.А. Рожковым) [См. 1898 г.].

1948

Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В.И. Лебедева; Подгот. текста к печати, подбор илл., сост. примеч., именного и географического указателей, объяснительного словаря Н.А. Бакланова. М. Т. 4. Русско-датский союз. Керченский поход. Дипломатическая подготовка Северной войны. Реформы и преобразовательные планы, 1699–1700 гг. Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне, 1699–1700. 514 с.

Рец.: Кафенгауз Б.Б. // АРАН. Ф. 1580 (Б.Б. Кафенгауз). Оп. 1. Д. 231. Л. 1–13; 14–19.

Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В.И. Лебедева; Подгот. текста к печати, подбор илл., сост. примеч., именного

^{8*} Опечатка: должно быть 9 марта.

и географического указателей, объяснительного словаря Н.А. Бакланова. М. Т. 5. Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь, 1699–1700. 315 с.

1963

Peter's Program of Political Reform [пер. части первой главы кн. М.М. Богословского "Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг." (М., 1902)] // Peter the Great: Reformer or Revolutionary? / Edited with an introduction by Marc Raeff (Problem's in European Civilization). Boston. P. 216–250.

1970

Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. s'Gravenhege: Mouton. XVI + 521 + 44 с. (Slavistic printings and reprintings. № 195); Петр I. Материалы для биографии. s'Gravenhege: Mouton. Т. 1–5. (Slavistic printings and reprintings. № 205) [репринт]^{9*}.

Петр Великий по его письмам // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любанского. (Slavica-reprint. N 57). Düsseldorf; Vaduz. С. 216–250 [репринт кн. 1917 г.].

1972

Peter's Program of Political Reform // Peter the Great Changes Russia / Ed. M. Raeff (Problem's in European Civilization). Lexington; Toronto. P. 47–62 [2-е изд. книги 1963 г.]^{10*}.

1980

[О докл. "О событиях в Москве при возвращении Петра I из-за границы в 1698 г.", март–апр. 1925 г.; выступ. "В.О. Ключевский как московский старожил" 4 окт. 1928 г. на засед. общества "Старая Москва"] // Филлимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории сов. ист. краеведения. 2-е изд., перераб. и доп. М. С. 81.

1987

Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие) / Отв. ред. А.И. Клибанов; Сост. Л.А. Черная. М.: Наука. 216 с. Содерж.: Черная Л.А. Введение. С. 3–12; Статьи: Научное значение [работ] Соловьева. С. 13–22; В.О. Ключевский как ученый

(Речь, произнесенная в торжественном заседании Исторической комиссии [Общества] [распространения] [технических] [знаний], посвященном памяти В.О. Ключевского 30 сентября 1911 г.). С. 22–36; [Ключевский-педагог]. С. 36–63; Из воспоминаний о В.О. Ключевском. С. 63–69; [П.Г. Виноградов]. С. 69–93; Памяти [Н.П.] Павлова-Сильванского. С. 94–98; О трудах С.А. Белокурова по русской истории. С. 98–106; Москва в 1870–1890-х годах. С. 107–137; Письма. С. 138–144; Переписка В.О. Ключевского с С.А. Белокуровым по делам Общества истории и древностей Российских, собранная Богословским. С. 145–175; Список опубликованных трудов М.М. Богословского. С. 176–180; Комментарий. С. 181–203; Список сокращений. С. 204; Именной указатель. С. 205–215; Содерж. С. 216. Рец.: Пятницкий Ю.А. // СА. 1989. № 2. С. 103–104.

1989

Москва в 1870–1890-х годах // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М. С. 387–425.

Тезисы доклада академика М.М. Богословского "Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи" на I краеведческой конференции РСФСР // Филлимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929). М. С. 168–169.

Из доклада академика М.М. Богословского "Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи" на I конференции / Филлимонов С.Б. У истоков советского краеведения (Из выступлений участников Всероссийских краеведческих конференций 1920-х годов) // Памятники Отечества. № 1(19). С. 22.

[О докл. "О событиях в Москве при возвращении Петра I из-за границы в 1698 г." Март–апр. 1925 г.; выступ. "В.О. Ключевский как московский старожил" 4 окт. 1928 г. на засед. общества "Старая Москва"] // Филлимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М. С. 114.

1992

Петр Великий (Опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Ист. сб. / Под ред. В.В. Каллаша. М. Т. 3.

^{9*} См.: Internationale Bibliographie der Reprints / Bearbeitet von Christa Gnirss. München, 1976. Bd. 1. Bücher und Reihen. Teil. 1. A-K. S. 123; Clendennig Ph., Barleiff R. Eighteenth century Russia: A select bibliography of works published since 1955. Newtonville, 1981. P. 47.

^{10*} Книга была опубликована третьим изданием в 1991 г. под названием "Peter the Great Transforms Russia / 3d ed. Edited and with an introduction by James Cracraft. Lexington, Mass.; Toronto: D.C. Heath and Co. (Problems in European Civilization)", но ни в одной из библиотек Москвы нам не удалось ее обнаружить. Источник сведений об издании: Raeff M. Political ideas and institutions in imperial Russia. San Francisco, 1994. P. 385.

- XVIII век, первая половина. С. 20–40 [репринт].
- Императрица Елизавета Петровна // Там же. М. Т. 4. XVIII век, вторая половина. С. 435–448 [репринт].
- Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Там же. С. 522–534 [репринт].
- [О докл. "Пребывание Петра Великого в Польше в 1698 г." на засед. Совета ИИ РАНИОН 18 марта 1921 г.] // Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН (1921–1929). Нижний Новгород. С. 181.
- [О докл. "Воронежское кораблестроение при Петре Великом" в Секции русской истории ИИ РАНИОН, 13 окт. 1923 г.] // Там же. С. 184.
- [О докл. "Карловицкий конгресс 1698–1699 гг." на засед. Совета ИИ РАНИОН, 14 окт. 1924 г.] // Там же. С. 185.
- [О докл. "Городская реформа 1699 г." на засед. Совета ИИ РАНИОН, 28 апр. 1925 г.] // Там же. С. 187.
- [О докл. "Крестьяне и землевладение в эпоху Псковской Судной грамоты (по поводу книги А. Аргунова)" в Секции русской истории ИИ РАНИОН, 19 февр. 1926 г.] // Там же. С. 191.
- [О докл. "Русско-Датский союз 1699–1700 гг." на засед. Совета ИИ РАНИОН, 22 февр. 1927 г.] // Там же. С. 195.
- [О докл. "Палата об уложении 1700–1703 гг." в Секции русской истории ИИ РАНИОН, 1927 г.] // Там же. С. 196.

1993

Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Отечество: Краевед. альманах. М. Вып. 4. С. 5–14 (публ. и примеч. С.Б. Филимонова).

1994

Доклад М.М. Богословского о В.О. Ключевском на заседании общества "Старая Москва"

Статьи в энциклопедических словарях

Александр I // Настольный энциклопедический словарь. 4-е перераб. изд. т-ва А. Гранат и К°, бывшее т-ва А. Гарбель и К°. М., 1900. Т. 1. С. 139а–144а. Без подписи.

(подг. С.Б. Филимонов) // АЕ за 1991 год. М. С. 304–305.

[Выдержки из книги "Областная Реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг." М., 1902 и статьи 1917 г. "Петр Великий по его письмам"] // Реформатор: русские о Петре I: Опыт аналит. антологии / Сост. А.А. Кара Мурза, Л.В. Поляков. Иваново. С. 48, 119–120; С. 213–214.

1995

Тезисы доклада академика М.М. Богословского "Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи" на I Краеведческой конференции РСФСР // "Вглядись в минувшее бесстрашно...": Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: Документы и материалы / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль. С. 183–184 [перепеч. из кн. С.Б. Филимонова 1989 г.].

Филимонов С.Б. Материалы о В.О. Ключевском в архиве "Старой Москвы" // Ключевский: Сб. материалов. Пенза. Вып. 1. С. 278–280.

1997

Москва в 1870–1890-х годах // Московский альбом: Восп. о Москве и москвичах XIX–XX вв. М. С. 92–111 [в сокр.].

1998

"Все за один против правонарушителей". Волость как поземельная община. Взгляды правительства и взгляды населения в чем-то совпадали, а в чем-то нет [перепеч. части главы из кн. "Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1912. Т. 1] // Муниципальная власть. № 3. С. 83–88.

1999

[Доклад на совещании управляющих секциями ЕГАФ, 25 марта 1919 г.: Крат. изл.] // Шохин Л.И. Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М. С. 219–220.

Елена Павловна, вел. кн. // Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / Под ред. С.Н. Южкова. СПб., 1902. Т. 9. С. 178. Без подписи.

Литература о М.М. Богословском*

Справочные издания

- Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1905. Доп. том I. С. 282.
- Энциклопедический словарь / Изд. т-ва "Бр. А. и И. Гранат и К°" 7-е изд., соверш. перераб. М., б.г. Т. 6. Стб. 117.
- Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., б.г. Т. 7. Стб. 105–106; То же. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. М., 1992. Т. 2. С. 344.
- Императорское Русское историческое общество 1866–1916. Пг., 1916. С. 160.
- Именной список ректорам и инспекторам Императорских духовных академий, духовных семинарий, преподавателям Императорских духовных академий, смотрителям духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам заграничных духовных миссий на 1916 год. Пг., 1916. С. 21.
- Большая советская энциклопедия. М., 1927. Т. 6. Стб. 615–616.
- Советский энциклопедический словарь. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 180.
- Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 359–360.
- Малая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1958. Стб. 1085–1086.
- Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. Стб. 508–509.
- Архив академии наук СССР. Обзор архивных материалов. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 88–89.
- Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1967. С. 43–44.
- Большая советская энциклопедия / 3-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 450.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 152; То же. 2-е изд. М., 1983. С. 150; То же. 3-е изд. М., 1984. С. 150; То же. 4-е изд. М., 1986. С. 150; Большой энциклопедический словарь. М., 1991. Т. 1. С. 148; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 1997. С. 138.
- Гульчинский В.И., Фокеев В.А. Деятели отечественной библиографии (1917–1929): Справочник. М., 1994. Ч. 1. А–М. С. 58.
- Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1 (авт. В.А. Муравьев). С. 255–256.
- Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 150.
- Всемирный биографический словарь. М., 1998. С. 98.
- Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря и кладбища. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 149.
- Голубцов С.А. Московская духовная академия в начале XX века. Профессора и сотрудники: Основные биографические сведения: По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999. С. 19.
- Мир русской истории: Энцикл. справочник. М., 1999. С. 539.
- Отечество: история, люди, регионы России: Энцикл. словарь. М., 1999. С. 75.

Материалы, посвященные памяти М.М. Богословского

- Некрологи Президиума РАНИОН и Коллегии Института Истории, ОИДР при I-м МГУ и Экспертной комиссии ЦЕКУБУ. См.: Известия. 1929. 25 апр. С. 5, 23 апр. С. 4.
- Кизеветтер А.А. Памяти М.М. Богословского // Руль. (Берлин). 1929. 7 мая. С. 4.
- Мордвинова В. В Культурно-исторической секции Обществ [изучения московской губернии] // Московский краевед. М., 1929. Вып. 4 (12). С. 68.
- Сыромятников Б.И. Памяти М.М. Богословского. 1867 – 20.IV.1929 // Уч. зап. Казан. ун-та. Казань, 1929. Кн. 2. Отд. 5. С. 394–396.
- Кизеветтер А.А. Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков // Современные записки. Париж, 1930. Т. 41. С. 511–519.
- [О речи А.А. Кизеветтера, посвящ. памяти М.М. Богословского] / Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время с 7-го апреля 1927 года по 28-е апреля 1930 года // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1930. Кн. 2. С. 190.
- С.Ф. Платонов: неизданный некролог М.М. Богословскому [1929 г.] / Публ. подгот. А.В. Мельников // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 388–396.

* Указываются только работы, непосредственно посвященные М.М. Богословскому, и те обобщающие труды, где специально характеризуется его творческая деятельность. Воспоминания Н.М. Дружинина, А.А. Кизеветтера, М.Н. Тихомирова, дневники С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье и др., даже если в них имеются подробности, важные для изучения биографии историка, не указаны, так же как и материалы издания "Академического дела" ("Дело академиков-историков" 1929–1931 гг.).

Статьи в периодике и очерки в книгах

- Записка об ученых трудах профессора Михаила Михайловича Богословского // Изв. РАН. Пг., 1920. Сер. 6. Т. XIV. С. 158–159.
- Записка об ученых трудах профессора Московского университета М.М. Богословского / С. Платонов, Ф. Успенский, А. Никитский // Изв. РАН. Пг., 1921. Сер. 6. Т. XV. С. 177–178.
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 498–499.
- Кафенгауз Б.Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого // ИЖ. 1944. № 9. С. 37–38.
- Он же. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Петр Великий: Сб. статей под ред. д-ра ист. наук А.И. Андреева. Л., 1947. Вып. 1. С. 375–376, 379–383.
- Куванова Л.К. Ценные архивные поступления (В Московском отделении Архива) // Вестн. АН СССР. 1957. № 3. С. 120–121.
- Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 270, 320, 327, 334–336; М., 1966. Т. 4. С. 177, 233, 234, 274, 275, 304, 307.
- Черепнин Л.В. Академик М.М. Богословский //

- Исторические записки. М., 1974. Т. 93. С. 223–271.
- То же // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. статей, выступ., восп. М., 1984. С. 92–131.
- Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 45–61.
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Уч. пособ. М., 1993. С. 581–585.
- Муравьев В.А. В.О. Ключевский и "новая волна" историков начала XX в. // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 219–224.
- Фалилеев Н.Я. Земский мир как общественный союз на севере в работах М. Богословского // Слово о людях и земле Поморской: Докл. и тез. докл. III науч.-краевед. чтений "Слово о людях и земле Поморской". Архангельск, 1995. Вып. 2. С. 194–197.
- Халина Т.И. Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) // Историки России XVIII–XX веков. М., 1995. Вып. 2. С. 32–42.
- Она же. "В науке приятно быть и простым чернорабочим": Михаил Михайлович Богословский // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 658–685.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н.С. ЗЕЛОВА*

1964

- Страницы из стасовского архива // Сов. культура. 1 февр.
- Н.К. Крупская и письма трудящихся // ВА. № 2. С. 103–105.
- Интересная находка [О рукописях А.С. Пушкина, приобретенных Пушкинским домом в 1920 г.] // Веч. Москва. 13 июня.

1965

- Неизвестный автограф Т.Г. Шевченко // Научно-информ. бюл. Архивного управления при СМ УССР. № 1. С. 55–56.

1966

- Встреча с писателями // СА. № 6. С. 116.

1967

- Хранилище истории [Весьегонский райгосархив Калининской обл.] // Ленинский завет (Весьегонск). 18 авг.

1968

- Забота об архивистах // СА. № 3. С. 55–58.

1969

- Подг. публ.: Товарищу Ленину: Письма трудящихся В.И. Ленину. 1917–1924. 2-е изд., доп. М. 528 с. Совм. с В.В. Анисимовым, Н.В. Бычковой.

1972

- Николай Тимофеевич Жегин // Ежегодник памятных музыкальных дат и событий на 1973 г. М. С. 137–139.

1973

- Собиратель документального наследия русских композиторов Н.Т. Жегин // СА. № 6. С. 93–94.

1974

- Обзор документов Г.М. Кржижановского в ЦГАОР СССР // Глеб Максимилианович Кржижановский: Жизнь и деятельность. М. С. 259–261.

1975

- Видный советский историк–архивист А.А. Покровский // СА. № 4. С. 30–31.
- Памяти Н.Р. Прокопенко // СА. № 4. С. 109–110. Без подписи.

* Составитель К.Б. Ульяницкий

28 июня 1999 г. исполнилось 60 лет главному специалисту ГАРФ, руководителю архивохранилища личных фондов государственных и общественных деятелей СССР и РФ Николаю Степановичу Зелову. Он стоял у создания этой структуры и 25 лет бессменно ее возглавляет. В список включены работы по вопросам истории и организации архивного дела, работе ГАРФ с документами личного происхождения.

- Николай Романович Прокопенко // ИСССР. № 6. С. 229. За подписью "Группа товарищей".
- "Русская правда" [О работе А.А. Покровского над изданием] // Лит. Россия. 19 дек.
- 1976**
- К 200-летию Большого театра (по материалам ЦГАОР СССР) // СА. № 2. С. 72–74.
- Документы первого председателя ЦК РОКК [Л.Х. Попова] // СА. № 4. С. 101. Опубл. под псевдонимом. Совм. с Э.С. Козловской.
- Личные фонды в ЦГАОР СССР // СА. № 6. С. 114.
- 1977**
- Документы участников Октябрьской революции // СА. № 6. С. 93–95.
- Реликвии пламенных лет // Правда. 20 окт. Совм. с С.Т. Плешаковым.
- Богатство надо хранить // Сов. культура. 21 окт.
- Реликвии пламенных лет // Учит. газ. 22 нояб.
- 1978**
- Петроградский архивист профессор А.С. Николаев // СА. № 2. С. 34–36.
- Подгот. публ., вступ. ст.: В.В. Адоратский на посту руководителя Центрархива РСФСР [Из докл. "Центрархив РСФСР в 1918–1928 гг." на Междун. конф. историков 10 июля 1928 г. в Берлине] // СА. № 4. С. 24–31. Совм. с Б.И. Каптеловым.
- Хранитель реликвий истории [В.В. Адоратский] // Лит. Россия. 25 авг.
- 1979**
- Советский историк-архивист Н.Р. Прокопенко // СА. № 2. С. 22–25.
- Детище революционного времени (Архив Октябрьской революции) // ВИ № 7. С. 86–97. Совм. с С.Т. Плешаковым.
- В.В. Максаков и создание Архива Октябрьской революции // АЕ за 1978 год. М. С. 102–106. Совм. с С.Т. Плешаковым.
- 1980**
- Адоратский в Центрархиве // ВИ. № 11. С. 174–176.
- 1981**
- Из истории комплектования ЦГАОР СССР документами личного происхождения // СА. № 3. С. 30–31.
- В Центральном Доме работников искусств [Встреча членов клуба любителей книги с архивистами] // СА. № 5. С. 42.
- Вступ. ст., подгот. публ. писем защитников Москвы: В те суровые дни // Октябрь. № 12. С. 182–188. Совм. с Б.И. Каптеловым.
- 1982**
- Из личных фондов делегатов I Всесоюзного съезда Советов // СА. № 6. С. 40–43.
- ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1981 год. М. С. 213–218.
- 1983**
- Среди новых поступлений // СА. № 5. С. 69.
- 1984**
- Архив А.И. Тодорского [В Научном архиве ИИ СССР АН СССР] // Ленин. завет. 13 сент. Совм. с Н.С. Архангородской.
- 1985**
- Архивисты в годы Великой Отечественной войны: Из воспоминаний архивистов // СА. № 2. С. 48–51.
- Реликвии военных лет // Сов. эстрада и цирк. № 5. С. 22–23. Совм. с И.Г. Новопашиным.
- Материалы участников революции 1905–1907 гг. [В ЦГАОР СССР] // СА. № 5. С. 95.
- 1986**
- К юбилею В.В. Максакова // СА. № 4. С. 66.
- Уполномоченный ИМЭЛ в Уфе [об А.Ф. Платоновой] // АЕ за 1985 г. М. Совм. с В.Е. Корнеевым.
- 1987**
- Подгот. публ.: Письма [Я.С. Шейнкмана] из 1918 года // Октябрь. № 11. С. 166–177.
- Они были первыми // Веч. Москва. 25 нояб.
- 1988**
- Ветераны Октябрьской революции – ЦГАОР СССР // СА. № 2. С. 43–48.
- Реликвии Октября // Новости ВДНХ СССР. № 44. (6–12 нояб.). С. 2–3.
- Комплектование ЦГАОР СССР в 1975–1986 гг. документами участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за Советскую власть // АЕ за 1987 год. М. С. 269–277.
- 1989**
- Подгот. публ., вступ. ст.: "Владимир Ильич сейчас же страшно заинтересовался..." [Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича с В.В. Максаковым] // СА. № 2. С. 9–11. Совм. с С.И. Кузьминым.
- Реликвии землячки [А.В. Артюхиной в ЦГАОР СССР] // Вышневолоц. правда. 5 нояб.
- 1990**
- Реликвии личных архивов // Рабочий край (Ивано-во). 27 янв.
- Крайне необходимо любить свою профессию // СА. № 4. С. 42–43.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письмо в защиту повести А.И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича" [Письмо А.М. Дурмашкина в редакцию журнала "Новый мир"] // СА. № 6. С. 84–86.

Подгот. публ., предисл., коммент.: Из личных архивов [Письмо Я.С. Шейнкмана от 23 июня 1918 г.] // Факел: Ист.-рев. альманах. М. С. 187–197.

1991

Хранилище культуры [ЦГАЛИ СССР] // Ленин. завет. 12 мая.

1992

Рец. на кн.: Экспертиза и научно-техническая обработка личных архивных фондов: Метод. рекомендации. М.: ГБЛ. Отдел рукописей. 1990. 108 с. // ОА. № 2. С. 125.

1993

Документы деятелей литературы и искусства в личных фондах ГАРФ // ОА. № 4. С. 124–125.

1994

Личные фонды историков-архивистов в ГАРФ, их собрание и использование [Тез. сообщ. на чтениях памяти В.Н. Автократова во ВНИИДАД] // В.Н. Автократов. 1922–1992: Материалы науч. чтений 11–12 января 1994 г. М. С. 8–9.

Фонды государственных и общественных деятелей XX в.: Собрание и использование // Научно-практическая конференция "Личные фонды и коллекции – источник сохранения национальной памяти России": Тез. докл. и сообщ. М. С. 31.

Личный фонд К.И. Рудельсон в ГАРФ // ОА. № 3. С. 121.

Личные фонды архивистов в ГАРФ // ОА. № 4. С. 96.

Фонды государственных, общественных деятелей XX в., собрание и использование // Вестн. архивиста. № 3 (21). С. 36–38.

Личные фонды историков-архивистов в Государственном архиве Российской Федерации, их собрание и использование // Там же. С. 42–46.

Подгот. публ.: Тетради красного профессора А.Г. Соловьева // Неизвестная Россия: Сб. М. Т. 4. С. 140–228.

Для просвещения Родины [Обзор док. личн. фонда А.А. Покровского в ГАРФ] // Библиография. № 6. С. 103–113.

1995

Подгот. публ., вступ. ст.: Архивы в годы Великой Отечественной войны [восп. Н.Р. Прокопенко, О.Е. Карноуховой, Л.Т. Коновой] // Вестн. архивиста. № 1 (25). С. 107–118.

Чтения памяти Н.Р. Прокопенко // Там же. № 3 (27). С. 111–114.

Из воспоминаний архивистов [О Н.Р. Прокопенко] // ОА. № 4. С. 115–116.

Верность избранному пути [Обзор личного фонда Л.И. Галкиной в ГА РФ] // Библиотекосведение. № 2. С. 98–102.

Классик отечественного архивоведения [Обзор документов личного фонда В.Н. Автократова] // ОА. № 6. С. 10–19. Совм. с Т.И. Хорхординой.

1996

Хранить память об архивистах // Вестн. архивиста. № 1(31). С. 34–36.

Личный фонд П.И. Пальчинского в ГАРФ // ОА. № 4. С. 117.

Памяти А.Ф. Платоновой // Там же. С. 114.

Проблемы работы с личными фондами // Вестн. архивиста. № 4 (34) С. 52–57. Совм. с В.В. Никаноровой.

Подгот. коммент.: "Нет, не жалею я, что всю жизнь была архивистом..." (Из воспоминаний В.Е. Дербиной). Совм. с С.В. Пузыревым // ОА. № 6. С. 61–81.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письмо Н.А. Рубакина С.И. Мицкевичу. // Библиография. № 6. С. 123.

1997

Рассекреченные личные фонды ГАРФ // ОА. № 1. С. 125–126.

Персональная библиография в личных фондах ГАРФ // Библиография. № 2. С. 147–149.

Подгот. публ., предисл.: "Обращаюсь к Вам с моим материнским горем" [Письмо Г.И. Окуловой-Теодорович И.В. Сталину 1950 г.] // ИА. № 3. С. 206–207.

Подгот. публ., вступ. ст.: В.Н. Автократов: письма военных лет (к 75-летию ученого) // ОА. № 4. С. 49–61. Совм. с Ю.Б. Живцовым.

Рец.: Московведение в лицах [Историки и краеведы Москвы: Некрополь. М., 1996. 222 с.] // Библиография. № 3. С. 128–129.

Из жизни первичной организации РОИА // Вестн. архивиста. № 3. (39) С. 75–76.

Увлеченность профессией [Обзор фонда А.А. Покровского в ГАРФ] // Библиотекосведение. № 3. С. 71–77.

Документы А.Н. Верхоланцевой в ГАРФ // Вестн. архивиста. № 4 (40). С. 97–99.

Из опыта работы первичной организации [РОИА] ГАРФ // Там же. С. 106–109.

Документы об архивистах в личном фонде В.Н. Автократова // Там же. № 6 (42). С. 93–96.

1998

История одной рецензии в письмах [В.И. Малышев – В.Н. Автократову] // АЕ за 1996 год. М. С. 278–280.

100-летний юбилей фондообразователя [К.Н. Атласовой-Юхневич] // ОА. № 1. С. 126.

- Новые поступления документов личного происхождения в ГАРФ // ОА. № 3. С. 120–121.
- В ГАРФ вспоминали архивистов // ОА. № 4. С. 124–125.
- Из семьи подвижников // Библиотека. № 6. С. 56–58.
- Китаевед и археограф иеромонах Алексей [Виноградов] // ВИ. № 10. С. 139–143.
- Династия архивистов // ОА. № 5. С. 115–118.
- "Очень рад, что знаю вас" [о Г.С. Бурджалове] // Моск. правда. 30 окт.
- Не должен исчезнуть бесследно [Дневник Л.Ф. Федотова] // Там же. 18 авг.
- Пример бескорыстного служения архивному делу [об О.Е. Карноуховой] // Вестн. архивиста. № 4(46). С. 131–134.
- Деятель архивного дела [С.Т. Плешаков] // Там же. № 5 (47). С. 132–136.
- К 100-летию со дня рождения [Личный фонд И.Я. Златкина в ГАРФ]. Совм. с К.Б. Ульяничкиным // Восток: афро-азиатские общества: История и современность. № 6. С. 201–203.
- Первичная организация РОИА – Музею МХАТ // Вестн. архивиста. № 6. С. 159–163.
- Участие в подгот.: Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. М. 634 с.
- 1999**
- Фонд Ф.М. Вагаиова в ГАРФ // Вестн. архивиста. № 1. С. 143–147. Совм. с К.Б. Ульяничкиным.
- К юбилею К.И. Рудельсон // ОА. № 2. С. 48–49.
- Рец. на ки.: Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам личного происхождения. М., 1998. 232 с. // ОА. № 2. С. 103–105; Вестн. архивиста. № 23.С. 209–211.
- Документы о деятелях библиотековедения и библиографин в фондах Государственного архива Российской Федерации // Библиотека в контексте истории: Тез. докл. и сообщ. третьей иауч. конфер. Москва, 13–15 октября. 1999 г. Ч. 1. С. 40–45.
- Путеводитель ГАРФ // Восьегонская жизнь. 30 апр.
- Уважая память гения [О помощи ЦЕКУБУ потомкам А.С. Пушкина] / Моск. правда. 20 мая.
- Пушкин и архив // Восьегон. жизнь. 21 мая.
- Вступ. ст., коммент., подг. текста: Уважение к памяти поэта [А.С. Пушкина] // ОА. № 4. С. 59–61.
- Корреспонденции, информационные заметки о новых поступлениях личных архивов в ГАРФ, проведении конференций, круглых столов, совещаний в архиве по вопросам работы с документами личного происхождения см. также: СА. 1980. № 3. С. 84; 1982. № 2. С. 55; № 5. С. 48; 1983. № 5. С. 69; 1985. № 2. С. 91–92; 1987. № 1. С. 110; № 4. С. 43; 1988. № 3. С. 110; № 4. С. 89; 1989. № 4. С. 97; 1990. № 2. С. 102; 1991. № 2. С. 88; ОА. 1992. № 4. С. 124; 1993. № 2. С. 81; № 6. С. 119; 1994. № 4. С. 95; 1995. № 1. С. 121–122; ВА. 1996. № 2/3. С. 103–105; ОА. 1997. № 4. С. 111; № 5. С. 118. На страницах журналов и газет опубликованы статьи, заметки об участниках революционного движения, ученых, деятелях литературы и искусства XIX – первой половины XX в. и по краеведению.

III. ПУБЛИКАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ОБ ОТДЕЛКЕ ИНТЕРЬЕРОВ ЕЕ ДВОРЦА В ЛЕФОРТОВО

В Дворцовом отделе РГАДА хранятся материалы, отложившиеся в ходе возведения Екатерининского дворца в Лефортово¹. Истории строительства дворца, которое длилось 25 лет (1771–1796) и в котором участвовали такие выдающиеся архитекторы второй половины XVIII в., как П.В. Макулов, К.И. Бланк, Дж. Кваренги, Ф.И. Кампорези, уделено внимание в работах Б.С. Пушкина, М.А. Ильина. П.В. Сытина, И.А. Дмитриевой, Е.П. Миклашевской и М.И. Смирновой². Благодаря вышедшему недавно исследованию М.И. Домшлак, этот вопрос следует считать глубоко изученным³.

Документы о строительстве дворца заслуживают внимания и в связи с активным изучением личности императрицы Екатерины II в настоящее время. Находящиеся среди них указы и распоряжения императрицы (в копиях и изложении) отразили ее своеобразную творческую деятельность по строительству дома в Москве. Как показано в работах Б.С. Пушкина и М.И. Домшлак, с участием императрицы решались не только принципиальные, но и частные вопросы строительства дворца⁴. Так, она настояла на покрытии дворцовых помещений луженым железом, а служебных – черепицей, на сооружении лестниц во дворце из белого, а не из "дикого" камня, как предполагал директор строительства П.В. Макулов.

Публикуемый документ – "Ордер главного директора над строением Екатерининского дворца М.М. Измайлова" – содержит распоряжения императрицы по поводу строительства дворца, переданные ему "словесно". Почти год все они (за исключением двух) касаются отделки интерьеров главного корпуса дворца, который предполагалось "сделать в нынешнее лето по верхний карниз"⁵. Наряду с практическими распоряжениями о наилучшем устройстве каминов, их положении "относительно проводу труб", о тщательной просушке здания перед покраской императрица передала М.М. Измайлову свои требования относительно внутренней планировки бельэтажа, подбора обоев для "аудиенц-камеры" и "протчих комнат", характера лепных украшений в зале и галерее, расположения иконостаса в дворцовой церкви и ее убранства. Рассматриваемый источник дополняет представление и об эстетических вкусах Екатерины II.

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 304–308, 310, 1446; Оп. 3. Д. 29 340, 29 362, 69 324; и др.

² Пушкин Б.С. Из истории Головинского и Екатерининского дворцов в Москве // Ист. вестн. 1916. Март. Т. 143. С. 850–844; Ильин М.А. Искусство Москвы. Архитектура // История Москвы. М., 1953. Т. 2. С. 633–634; Он же. Москва. М., 1970. С. 213–218; Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. М., 1954. Т. II. С. 98; Дмитриева И.А., Миклашевская Е.П., Смирнова М.И. Лефортово – страницы истории // Лефортово: Далекое и близкое. М., 1996. С. 70–71.

³ Домшлак М.И. История Головинского и Екатерининского дворцов // Царские и императорские дворцы. М., 1997. С. 134–141.

⁴ Пушкин Б.С. Указ. соч. С. 842; Домшлак М.И. Указ. соч. С. 140.

⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1/51. Д. 308. Л. 7.

Распоряжение 11 ("чтоб зеркала в Екатерининском дворце и в рамках оконных стекла были русских фабрик, буде сыскаться могут") свидетельствует, что по замыслу Екатерины II внутреннее убранство дворца также должно было способствовать формированию имиджа российской императрицы, чему, как показано в монографии А.Б. Каменского, служил и определенный стиль ее общественного бытия⁶.

В параграфе 4 зафиксировано распоряжение императрицы об изготовлении обоев для дворца "на фабрике арменина Ивана Лазарева в Москве", т.е. на шелковой мануфактуре И.Л. Лазарева в с. Фряново Бронницкого у. Московской губ., являющейся одним из крупнейших текстильных предприятий своего времени⁷.

Как свидетельствуют документы архива, обои для дворца были изготовлены на Фряновской мануфактуре И.Л. Лазарева в 1783–1784 гг. по 22 образцам, одобренным Екатериной II. Сохранилось, в частности, письмо императрицы М.М. Измайлову от 7 июля 1783 г., где она просит оплатить счет за выполнение этой работы: "Михайла Михайлович! Прилагая при сем щет, поданный от дворянина Ивана Лазарева, делаемым на его фабрике обоям для московского Екатерининского дворца по апробованным от Нас двадцати двум образцам, повелеваем: когда те обои от него к вам внесены будут, принять и надлежащий по показанным в щете ценам платеж производить из суммы, определяемой на строение Екатерининского дворца"⁸. Реестр 22 образцов обоев, выполненных на мануфактуре И.Л. Лазарева (сами образцы не сохранились) позволяет составить о них определенное представление. Вот несколько описаний этих обоев: "По голубому грунту с висячими ландшафтами, представляющими птиц; большие колосья с курапатками по голубому грунту; малые колосья с курапатками ж по малиновому грунту; пукеты по малиновому отласу; отласные белые с разными пукетами; по малиновому отласу зеленые с белым птицы и цветы; штофные желтые с белыми висячими ландшафтами, представляющие садовника с карзиной и цветами"⁹.

А.Ю. Кононова

1781 г. июля 8. Ордер главного директора над строением Екатерининского дворца М.М. Измайлова начальнику Московской гоф-интендантской команды кн. И.П. Тюфякину с распоряжениями Екатерины II

Сиятельный князь!

Государь мой!

Е.и.в.¹⁰ ... в бытность мою в Санкт-Петербурге словесно всемилостивейше повелеть мне соизволила: 1-е: чтоб нишей каменных в покоях ее императорского величества в бельэтаже Екатерининского дворца не делать; 2-е: каминны делать с великою осторожностью в разсуждении проводу труб, чтоб розделки у оных зделаны были далее от дерева, а в столовой комнате камину не делать; 3-е: чтоб подмазывать в покоях дворца не прежде, пока совершенно

⁶ Каменский А.Б. "Под сению Екатерины". СПб., 1992. С. 36.

⁷ Заозерская Е.И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах. М., 1960. С. 101; Лазарев Е.Л. "Записка о Фряновской шелковой фабрике" 1803 г. // РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 3006. Л. 5–7.

⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29 304. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 25.

¹⁰ В начале ордера изложен указ Екатерины II от 30 апреля 1781 г. о сооружении каменного моста через р. Яуза против Екатерининского дворца "по опробованному плану".

промерзнет и высохнет; ежели ж где на толстых местах не скоро просохнет, то класть уголья горячие; 4-е: сделать изчисление покомнатно обоям, сколько в которую комнату оных потребно; быть же обоям в одной аудиенс-каморе бархатным, а в прочих во всех комнатах штофным, другие же убрать штукаом; обои делатся имеют на фабрике арменина Ивана Лазарева в Москве; 5-е: украшении в зале и галлерее делать по всеподданнейше подносимым ея императорскому величеству зделанным рисункам лепные, только чтоб статуи нигде не было; 6-е: иконостасу церкви сверх средняго карниза сделать особой рисунок, и чтоб оной иконостас не касался до самого верха, а по зделании сей рисунок представить на высочайшую апробацию; 7-е: столовые комнаты как на половине ея императорского величества, так и на половине их императорских высочеств, также и в обоих половинах прихожие отделать под штук, а прочие под обои; 8-е: в зиму окон дворца в продолжение его еще строением не закрывать, дабы чрез оное действием воздуха истребится могла сырость, а буде и снег набьется внутрь, то немедленно вычищать; 9-е: главной корпус дворца по окончании его строением не обмазывать впредь до высочайшего повеления; 10-е: сыскать способ, чтоб из галлерейных окон невидна была надворная нечистота; 11-е: чтоб зеркала в Екатерининском дворце и в рамках оконных стекла были русских фабрик, буде, сыскаться могут; 12-е рвы по сторонам главного корпуса засыпать землею из вынимаемых рвов под фундаменты строения служеб...

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 307. Л. 13–14. Подлинник, скоропись.

ПИСЬМА Ф.П. ЛИТКЕ К В.А. ЖУКОВСКОМУ

Переписка В.А. Жуковского – одно из интереснейших явлений русской литературы первой половины XIX в. Ее уникальность определяется и необыкновенным разнообразием тематики, и редкостной вариативностью форм внутри самого эпистолярного жанра, и удивительным количеством адресатов, в числе которых множество деятелей русской и европейской культуры.

Публикация отдельных частей эпистолярного наследия Жуковского началась еще в прошлом веке, но и до сегодняшних дней множество писем и самого поэта, и особенно его корреспондентов продолжает покоиться в архивах. При этом в ряде случаев, даже при наличии в архиве двусторонней переписки, опубликованными оказываются лишь письма поэта. Подобная односторонность в некоторой степени объяснима, поскольку именно письма Жуковского представляют особый интерес для изучения его творчества, эстетических, общественных, философских, политических взглядов. Однако отсутствие в научном обороте писем ряда его корреспондентов неоправданно лишает нас возможности до конца понять и оценить смысл и значение писем самого поэта; не позволяет углубить представление о его корреспонденте и в достаточной степени уяснить характер взаимоотношения между ними; наконец, в ряде случаев только через ознакомление с двусторонней перепиской можно в полном объеме представить волнующие авторов проблемы, значение которых порой выходит далеко за рамки их личных взаимоотношений.

С этой точки зрения особое место занимает переписка В.А. Жуковского с Федором Петровичем Литке. Письма (14) Жуковского к Литке (1838–1848) были опубликованы в седьмом номере "Русского архива" за 1887 г. (С. 327–340). Относящиеся к этому же периоду и публикуемые ниже письма его корреспондента (10) до сих пор широкому читателю не известны.

Федор Петрович Литке (1797–1882) – известный русский мореплаватель. Совершивший четырехкратное путешествие по Северному Ледовитому океану (1821–1824) и кругосветное плавание (1826–1829), президент Императорской

Академии наук, создатель Пулковской и Физической обсерваторий, основатель и президент Русского географического общества, объединившего лучшие умственные силы России во всех областях науки, почетный член ряда университетов и академий как в России, так и за рубежом, был не просто неординарной, а выдающейся личностью своего времени. Не получив никакого систематического образования, он явил собой замечательный пример самообразования и самовоспитания, став одним из образованнейших людей не только России, но и Европы.

Младший из пяти детей коллежского советника Петра Ивановича Литке, Федор в течение четырех лет посещал пансион Мейера, о котором в его душе остался лишь "смутные воспоминания". В 11 лет мальчик остался круглым сиротой¹. Детей разобрали родственники. Федора взял дядя Федор Иванович Энгель, не уделявший ему никакого внимания, не пригласивший ему ни одного учителя, не определивший ни в какой корпус. Учителя были наняты позднее (в 1810 г.) для осиротевших племянников Панкратьевых, и Федор переписывал для них записки, делал чертежи, учил задаваемые им стихи, читал книги из их библиотеки.

Страстная любовь к книге и умение работать с ней сопровождали Литке всю жизнь. С книгой и второй своей страстью – музыкой – он не расставался и во время морских вояжей, которые начались с 1813 г., когда юноша, стараниями мужа его сестры, Натальи, Ивана Саввича Сульменова (1773–1851), был определен волонтером на должность мичмана.

В 1817 г. Литке впервые принимает участие в кругосветном плавании на шлюпе "Камчатка" под командованием В.М. Головина (1776–1831), который по возвращении рекомендовал его на пост начальника гидрографической экспедиции к берегам Новой Земли, куда Федор Петрович совершил четырехкратное путешествие, и после каждого из них представлял глубокий научный отчет. По завершении самостоятельного кругосветного путешествия (1826–1829) за научные заслуги Литке был избран членом-корреспондентом Академии наук, а за трехтомный труд «Путешествие вокруг света... на военном шлюпе "Сенявин" в 1826–1829 гг....» (СПб., 1834–1836) ему была присуждена полная Демидовская премия, считавшаяся наиболее почетной наградой России.

Из ранних дружеских контактов Литке особенно следует отметить семью президента Академии художеств А.Н. Оленина, с которым он познакомился в доме дяди. Сыновья Оленина Алексей и Петр были сверстниками Литке, а их мать, Елизавета Матвеевна (ур. Полторацкая), с симпатией относилась к способному и живому подростку. О доме Олениных Литке вспоминал впоследствии с самыми добрыми чувствами.

В юности, по воспоминаниям самого Литке, он был очень дружен с братьями Бестужевыми (особенно с Николаем), на квартире которых бывал вместе с Ф.П. Врангелем и где все они "критиковали правительство". "Это был некоторого рода шик, да, правду сказать, и поводов к тому было довольно". Александра Бестужева Литке хотел взять с собой в экспедицию на "Сенявине", "но это не было разрешено начальником Главного морского штаба Моллером"².

В 1832 г. Ф.П. Литке стал воспитателем вел. кн. Константина Николаевича. Он находился при нем "постоянно и неотлучно", начиная с 5-летнего возраста и до совершеннолетия, после чего он был назначен его попечителем и оставался таковым до "полного совершеннолетия" (25 лет). Как писал в своих записках

¹ Мать – Анна Ивановна (ур. Энгель), умерла родами Федора в 1797 г.; отец – Петр Иванович Литке – умер в 1808 г. После его смерти на руках у мачехи Федора осталось 11 детей.

² Литке Ф.П. Автобиография. Цит. по: *Безобразов В.П. Граф Федор Петрович Литке*. СПб., 1888. С. 110.

Литке, "воспитатель генерал-адмирала должен был натурально быть морской офицер, и государь изволил остановить свое внимание на мне"³.

Несмотря на очевидную лестность нового назначения, сулившего быстрое продвижение по ступеням чинов и званий⁴, Литке принял его с неудовольствием. Во-первых, как напишет он позднее в письме к Жуковскому, предпринятое "по воле Царской" дело было "совершенно чуждо" всем его предшествующим устремлениям и природным наклонностям. Во-вторых, по своему происхождению, воспитанию, занятиям и интересам, по кругу знакомств в молодости он был полностью лишен придворности, светскости, духа интриг и лицемерия и довольно трудно привыкал к новому образу жизни, к новому для него миру отношений. В последнем из публикуемых нами писем (27 октября / 8 ноября 1848 г.) он писал: "я никогда не чувствовал себя совершенно *at home* в этом мире – ни мир не был совершенно по мне, ни я по миру". Это очень осложняло его внешне спокойную и, казалось, благополучную жизнь, заставляло быть сдержанным и осторожным не только в личных контактах, но и в переписке даже с лучшими друзьями, к числу которых прежде всего относился Жуковский. Так, в письме к нему от 6/18 марта 1848 г. он констатировал: "Вот Вам, почтенный друг, подробный отчет о том, что делается у нас; но Вы желаете еще знать, что делается и *около* нас? этот вопрос гораздо сложнее. Мало ли что тут совершается! Но не все знаешь, не всегда скажешь, а еще меньше напишешь. Довольно, что все благополучно и все более или менее по-старому". И большинство писем Литке к другу почти полностью посвящены вопросам, связанным с их общей "должностью" – воспитанием и образованием просвещенного правителя.

Жуковскому, которому значительно раньше, чем Литке, пришлось постигать законы придворной жизни, сдержанность друга была хорошо понятна. Двадцатью годами раньше он писал в своей записной книжке: "Любя свою должность и ограничивая себя ее исполнением, делаешься совершенно от всего независимым. Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно выбирать одно из двух. Среднею дорогою идти нельзя"⁵.

В опубликованной В.П. Безобразовым автобиографии Ф.П. Литке об интересующем нас периоде его деятельности нет ни слова. Сам он мотивировал это тем, что в 1832–1850 гг. его жизнь была связана с событиями и лицами, "для которых суд истории еще не настал". Это не мешало ему, однако, иметь обо всем происходящем вокруг свое собственное и нелюбезное мнение, на что указывает Безобразов со ссылкой на хранящиеся в архиве и до сих пор не опубликованные дневники Литке и что в определенной степени нашло-таки выражение и в письмах.

Сближение Литке с Жуковским, вероятно, относится к началу 1830-х годов, ко времени их совместного пребывания при дворе. Знакомство переросло в дружбу, продолжавшуюся до конца жизни поэта. Одним из известных нам "материальных знаков" этой дружбы был подаренный автором Жуковскому и сохранившийся в библиотеке поэта трехтомный труд Литке «Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Николая I на военном шлюпе "Сенявин" в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. флота капитаном Федором Литке» (СПб., 1834–1836. Ч. 1–3).

³ Там же. С. 131. Генерал-адмирал – военно-морской чин I класса в XIX в., давался исключительно членам императорского дома. Великому князю Константину Николаевичу он был присвоен "по тогдашнему обыкновению" в детском возрасте.

⁴ В 1835 г. он был произведен в контр-адмиралы, затем назначен генерал-адъютантом (1842), произведен в вице-адмиралы (1843) и адмиралы (1855), пожалован многими орденами. В 1866 г. Ф.П. Литке возведен "с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство".

⁵ РГАЛИ. Ф. 198 (В.А. Жуковский). Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 6 об. Запись датирована февралем 1828 г.

Книга дарилась, судя по всему, целиком, и могла быть подарена лишь во второй половине 1836 г. (цензурное разрешение на печатание 3-го тома датировано 9 марта 1836 г.). На обложке первой части рукой Литке недатированная надпись: "Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому в знак истинной преданности и уважения от сочинителя". На второй и третьей частях краткие надписи (тем же почерком и теми же чернилами): "Его пр-ву Жуковскому" и "Его превосходительству Жуковскому", что, на наш взгляд, еще раз подтверждает одновременность преподнесения всех трех книг: надписи во второй и третьей частях не могли существовать самостоятельно – они слишком небрежны и не соответствуют ни официальному, ни дружескому этикету; они оправданны лишь как сопровождение к надписи первой части и призваны подчеркнуть целостность подарка.

Дружба между Литке и Жуковским, несмотря на значительную разницу в возрасте (почти 15 лет), зиждется не только на искреннем уважении и неизменной преданности, которые постоянно подчеркивает в письмах Федор Петрович, но и на глубокой и взаимной человеческой симпатии, проистекавшей из внутренней близости их жизненных и нравственных принципов, сходства во взглядах на многие окружающие события, на цели и задачи своей воспитательной деятельности, понимаемой как "благороднейшая цель" по формированию личности будущего монарха.

Нет сомнения, что до нас дошла далеко не вся переписка Литке с Жуковским. Часть писем с той и другой стороны явно утрачена, о чем говорят имеющиеся в наших материалах "пробелы". То, что некоторые из них образовались именно за счет утраты отдельных писем, подтверждают надписи пунктуального Литке на письмах к нему Жуковского, где он указывал дату получения письма и дату своего ответа поэту⁶. Исходя из этой датировки, утраченным оказалось, в частности, письмо Литке от 3/15 января 1848 г.

Первое из известных нам датированных писем поэта к другу помечено 6 июля 1837 г. и написано им во время путешествия с наследником по России. Письмо, как явствует из текста, является запоздалым ответом на неизвестное письмо Литке из его морского вояжа с вел. кн. Константином. Последнее из имеющихся в нашем распоряжении писем – письмо Литке к Жуковскому, датированное ноябрем 1848 г. Оно все еще полно надежд на скорое возвращение поэта в Россию.

Таким образом, переписка Жуковского и Литке охватывает (с перерывами) период свыше 10 лет. Для Жуковского – это годы, насыщенные событиями и очень нелегкие, связанные с серьезными переменами в его жизни. Не просты они и для Литке.

Счастливые мгновения в жизни любого из друзей вызывают искреннюю радость другого и надежду на то, что жизнь не разрушит это счастье. Так, Литке поздравляет Жуковского со вступлением в брак и желает ему счастья, которое бы "было совершенно и *univermischt*" (неомрачаемо. – *Н.Р.*), он поздравляет его со "счастьем отцовства, с которым ничто на свете сравниться не может", искренне скорбит о несчастьях поэта, не позволявших ему вернуться в Россию, и неизменно надеется на новую встречу.

Жаловаться на трудности жизни друзья не привыкли и сообщать о них не спешили. Будучи "жестоко посещен судьбою", потеряв любимую жену – "истинное счастье этой жизни", потрясенный Литке пытается уйти в напряженную работу, прерывает на время переписку, не имея сил выразить словами то, что творится в душе, и не желая "докучать иеремиадами" Жуковскому.

⁶ Такие надписи содержатся в 11, 12 и 13-м письмах В. Жуковского к Ф. Литке, опубликованных П. Бартевым в "Русском архиве" (1887. № 7), они получены им от сына Ф.П. Литке, Николая Федоровича. Никаких указаний на автора надписей в публикации нет.

Значительное место в письмах Литке занимают вопросы, сопряженные с его педагогической деятельностью, он испытывает потребность "сообщить участвующему другу свои опасения и надежды", с нею связанные. Со свойственной ему добросовестностью, преисполненный желания поставить все на серьезную научную основу, не раз обговорив и проработав вместе с Жуковским всю программу воспитания и обучения великого князя, Литке во всех без исключения письмах вновь и вновь возвращается к этой теме, ибо, как он пишет, "и нашему брату нужна поддержка и одобрение из уст дружеских". Перед ним стоит сложная задача: как сделать программу насыщенной и одновременно интересной, избежать ненужных повторений и добиться связи преподаваемых предметов между собой – истории и географии, языка и словесности; на что, учитывая индивидуальные способности ученика, нужно затратить больше времени, что можно одолеть быстрее без ущерба для усвоения. В этих вопросах-утверждениях (ибо Литке не только спрашивает, но и утверждает свою точку зрения, мотивируя ее уже наработанным конкретным опытом) перед нами оживают и обретают особую глубину планы и программы воспитания и обучения, составившиеся некогда Жуковским и до сего времени не оцененные по достоинству представителями педагогической науки.

Поражает гуманистическая нацеленность и широта программы, по которой работали и Жуковский, и следовавший по его стопам Литке, стремившиеся не столько к умственному насыщению ученика, сколько к формированию трудолюбивой, гармонической, всесторонне развитой личности, твердо придерживающейся высоких нравственных принципов.

Как полагает Литке, чтобы "быть Принцем", "прежде должно ему быть человеком – это главное [...]". В его письме от 17/29 октября 1841 г. по данному вопросу, казалось бы, намечается полемика с Жуковским. Однако это внешнее впечатление. В суждениях друзей лишь видимость расхождения, проистекающая из различия их личностной индивидуальности, не нарушающая общности принципов воспитания и обучения. Вероятно, именно из этих общих высоких принципов проистекает и общая их неудовлетворенность итогами своего труда, несоответствием огромных нравственных и физических затрат наставника успехам воспитанника. Литке особенно удручает "отвращение" последнего "от всякой головной работы", его "жесткость и холодность", "суетность" и "Gemütlosigkeit" (бездушие. – *Н.П.*). После 15 лет напряженного и самоотверженного труда он с горечью пишет: "Он мало переменился и остался таким, каким Вы его знали: – только все пришло в больший размер".

Однако даже в письмах на эту, так сказать, "профессиональную" тему, Литке, видимо, опасаящийся перлюстрации писем, не всегда до конца договаривает свои мысли. Прекрасно понимающий трудности друга, Жуковский прочитывает между строк то, что не высказано прямо. Так в письме Литке от 3/1 декабря 1842 г. читаем: "Письмо [...] получено мной в свое время. Благодарю Вас за него сердечно. Вы весьма хорошо поняли то, что я желал Вам передать о настоящей степени развития В.К., в Ваших словах нашел я свои мысли, но несравненно лучше выраженные, нежели бы я в состоянии был это сделать. Вы согласитесь, что есть от чего задуматься".

В имеющихся в нашем распоряжении письмах Литке к Жуковскому литературные проблемы почти не затрагиваются. Это, нам думается, вполне объяснимо: Литке, человек широко образованный, много читавший и вовсе не чуждый литературе, в то же время не считал себя вправе рассуждать о предмете, в котором чувствовал себя дилетантом. Но за творчеством Жуковского 30–40-х годов он, несомненно, следил с вниманием, и Жуковскому мнению друга не было безразлично. Во всяком случае, Ф.П. Литке был в числе первых, кто познакомился с отдельным изданием первой части "Одиссеи" (гл. I–XII) и, прочтя

их, как он пишет, "с большим наслаждением", сообщает в письме к Жуковскому, что обратил внимание на неисправность размера в некоторых строках перевода (письмо от 17/29 сентября 1848 г.). Замечание сделано робко, с оговорками, но Жуковский, как следует из его ответного письма, отнесся к нему со всей серьезностью и, благодаря «за доброе слово о моей "Одиссее"», сожалел, что Литке не решился сразу перечислить стихи, в которых заметил недостатки. И к следующему письму (от 27 октября / 8 ноября 1848 г.) Литке прилагает "означение строк в Одиссее, в которые вкрались ошибки"⁷. Он вновь подтверждает свое восхищение поэмой, которую прочел "с большим вниманием и по большей части вслух", и предрекает Жуковскому "венец бессмертия, столь же неувядаемый в русской литературе, как венок самого Гомера". Эти слова друга с полным основанием можно считать пророческими.

Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Онегинское собрание. № 28 122. Л. 1–23 об.).

Н.Б. Реморова

1

Царское Село 7 сент[ября] 1838.

Еще слишком на год разлучает нас судьба с милым нашим Великим Князем и с Вами, любезный и почтенный Василий Андреевич!¹ Грустно, но утешаешься мыслью, что это для пользы здоровья, драгоценной пользы миру. Это чувство, конечно, одушевляет и всех Вас. В виду порта после долговременного, затруднительного плавания все внимание бывает обращено на средства к его [достижению]. Что же, тогда это лучшая, благороднейшая цель жизни? – очень понимаю Ваше положение. Ваши чувства в эти минуты. Из этого не следует, однако же, равнодушие ко всему другому. Ведь и мы Вам не чужие; и потому Вы [подарите нас] восточкой и о юнейшей ветке растения всем нам родного. Мой Телемак² все старый, все тот же. Умен. Добр, резв, буффон. Чист, как голубь, еще не мудр, как змея, но зато упрям, как... уже, не знаю, к чему и применить и как назвать этот совершенно особенный род своенравия. Не то, чтобы не послушался, не то, чтобы сделал то, что запрещено, или не исполнил того, что приказано: – а как бы все сделает по-своему, у *mettre du sien*^{1*}, уж коли нельзя на деле, то хоть на словах; и это до такой степени слилось, составляет одно с его характером, что нет минуты в жизни его, работает ли он, гуляет ли, играет ли, чтобы эта склонность не пробивалась если не другим чем, то хоть словом *нет*; настоящий *vermeiner Geist*^{2*}. Не довольно наяву, и во сне он тот же; часто голова его там, где у всякого человека бывают ноги. Шутки в сторону: выразить нельзя, до какой степени это затрудняет наше дело: просто не знаю иногда, что делать? Разумеется, что это и на работы имеет влияние. Но тут открывается еще один недостаток, который мы до сих пор приписывали возрасту, а теперь уже начинаем почитать *органическим* – это есть отвращение от всякой головной работы. Что не говорит его воображению, что не действие, не анекдот, то уже ему не нравится. Случится ли, что работа не идет как по маслу, требует размышления, догадки, преодоления трудностей – он сейчас теряет дух, терпение, и вслед за этим капризы, и не хочет работать. Может показаться противуречием, что виною этому (при нетерпеливом нраве) *необыкновенные его способности*. Но он так легко все понимает, что учение, по большей части, не стоит ему никакого труда; и от этого он не привыкает к труду. Что же делать? Неужто *затруднить* учение, чтобы приучить его к *труду*?

За исключением этого недостатка, должно признаться, что [обыкновенно] учение идет хорошо. Фаворитный предмет все-таки история; тут он душой и телом: вникает, понимает, сравнивает, не может его иметь довольно. Метода поддерживается старая: сначала ему рассказывается, тут же он должен передать слышанное; пройдя некоторый период составляются им самим таблицы. Репетиции [изустные] на русском и фр[ан-

⁷ Сам список не сохранился.

^{1*} Вкладывать свое (фр.) Все выделения в тексте писем принадлежат Ф.П. Литке.

^{2*} Отрицающий дух (нем).

цузском] яз[ыке]. Наконец чтение. Перед отъездом Вашим, Василий Андреевич, говорили мы с Вами о том, чтобы с осени начать русскую историю; по-моему, так пора; не только ради самого предмета, – Ему (не истории, а Великому Князю) послезавтра 11 лет, – но и ради языка. Что ни говори, а преподавание главного курса на немецком языке немножко вредит русскому, как мы ни стараемся пособить этому; – русская история всего лучше этому пособит. Два часа отделить от Всеобщей ист[ории] можно без вреда. Мы в греческой и[стории] остановились на Ахейском союзе, в Римской – уже сожгли Рим галлами – положено к Пасхе идти до падения Рима – это не трудно. Потрудитесь нам сообщить Ваше мнение: начинать ли? и взять ли Тимаева³, как говорили? Лучше бы всего приступить к этому по возвращении в город. Математика идет, но не смакуется еще; тут нет ни поэзии, ни героев, а все только головная работа! Коллинсом⁴ мы очень довольны, и русск[ий] язык его ни мало не останавливается. Все остальное идет помаленьку вперед; только англ[ийский] язык in status quo^{3*} – в arrange conservative, archi tory^{4*}, не хочет идти вперед. Телесное развитие также оч[ень] заметно; он благодаря Бога совершенно здоров и повырос. Гримм⁵ здоров, как старое сухое дерево – скрипит и стоит; полезный нам человек; воздух здоровый, а еще более морской, на котором мы были целый месяц, меня поправили, и теперь я кое-как держусь. Хорошо и покойно в добром Царском! Тут находишь минутки – хоть и минутки только! – чтобы отдохнуть с женой и мальчишкой-сыном.

Возьмите на себя труд, любезный Вас[илий] Анд[реевич], засвидетельствовать искреннее почтение мое Его Высочеству, – радуемся добрым вестям о его здоровье и желаем душевно, и молим Бога, чтобы оно укрепилось совершенно. Берегите и холте его Бога ради! Усерднейший поклон Алекс[андру] Алекс[андровичу]⁶. На днях видел в ужене Марию Павл[овну]⁷; она совершенно здорова: да как и не быть? Почтение мое Его Св[етлости] Кн[язю] Хр[истофору] А[ндреевичу]⁸, Семену Алекс[еевичу]⁹ и tutti quanti^{5*} Константин Николаевич посылает Вам усерднейший поклон; давно собирается к Вам, писать, но не соберется¹⁰. Верьте всегдашнему уважению и преданности Вашего

Ф. Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 1–2 об.

2

С. Петербург. 11 января 1839 г.

Неисправность курьеров причиною, что я Вас, почтенный и любезный Василий Андреевич, так поздно поздравляю с Новым годом. Но желания мои от того не менее искренни. Дай Бог Вам всем быть здоровыми, в особенности дорогому нашему наследнику. Скоро Вы опять поворотите оглобли на Север; донесите вас Бог благополучно домой. У нас все по-старому, все в порядке. Великий князь здоров и мало переменился. Для русской истории приобрели мы Шульгина¹¹ – кажется лучшего выбора невозможно было сделать. Он уже другой месяц занимается с Великим князем и начал Географию России, которую излагает довольно подробно. Он намерен заняться этим предметом исключительно еще несколько месяцев. Тогда и в общей истории приблизимся мы к IX веку: и обе истории могут тогда идти параллельно. Кажется, мы не будем раскаиваться в выборе Шульгина: острая метода; ясное логическое изложение; необыкновенная твердость памяти; уж о сведениях и говорить нечего. Уж не знаю, писал ли я Вам, что Великий князь с прошлого лета берет уроки музыки у Беллинга¹², недавно начал он учиться и пению, церковному. Очень бы хотелось развить в нем чувства музыкальные; это и на нравственность имеет действие благодетельное, и во многих обстоятельствах жизни есть большое сокровище. С нынешней зимы ездит он и на коньках, и уже очень ловко. Так все по-маленьку продвигается вперед, и сколько можно судить самому, кажется, не без результатов; то есть прочных. Это бывает гораздо приметнее после продолжительного отсутствия. Посмотрим, что Вы скажете, когда вернетесь.

^{3*} В прежнем состоянии (лат.).

^{4*} В состоянии консерватора, сверхтори.

^{5*} Всем прочим (ит.).

Все остальное в кружку нашем тоже здорово и благополучно. Все усерднейше Вам кланяются. Гримм, как старое сухое дерево, скрипит да стоит. Я кое-как держусь. Грот¹³ облегчил несколько мою должность дозволяя мне оставлять вел. кн. на попечение Озерова¹⁴ с вечера и до утра. Это даст мне, по крайней мере, возможность хоть немного отдохнуть телом и душой. Возьмите на себя труд засвидетельствовать усерднейшее почтение мое Его Высочеству; также Алекс[андру] Алекс[андровичу], Сем[ену] Алекс[еевичу], Князю и Барону Ливенам¹⁵; и проч[им]. Не забывайте всегда искренне Вам преданного

Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 3–4.

3

Александрия. 14 августа 1841

Давно, почтеннейший Василий Андреевич, ничего мы об Вас не слышали, да признаться и о себе мало давали вестей. Вы знаете, что такое у нас лето, и можно ли в продолжении его собраться с мыслями. Наша же морская половина сверх того два месяца плавала, как Вам известно, что также не очень благоприятно для корреспонденции. Генерал-адмирал писал к Вам впрочем с вояжа раз или даже, как он уверяет, два; и с нетерпением ждет от Вас ответа.

Путешествие наше шло и прошло благополучно. На этот раз занимала нас не одна морская практика; мы должны были показаться иностранцам и у Иностранных Дворов; и этот первый опыт, или лучше сказать первый дебют, удался довольно хорошо. Великий кн. понравился не только тем, которые видели его только вскользь, – его натуральность, любознательность, живость и ум не могут иметь иного результата, но умели снискать и расположение Тетушки¹⁶ своей и всего ее семейства, словом, *il a eu du succès*^{6*}. Здесь также нами довольны, довольны и вестями, довольны [письмами], довольны и наружным видом. К.Н. находят выросшим – стало. Слава Богу. Дорого дал бы я, чтобы быть столь же довольным, как другие; но я подвергаюсь неизбежной участи тех, которые видят всю подноготную вещей и пережевывают все дрызги. Недостатки, несовершенства видишь яснее, чем противоположную сторону; может быть и больше принимаешь к сердцу, чем надо. Но кто тебя уверит, что плевелы не заглушат, наконец, зерна? И каково видеть, что чем больше их вырываете, тем сильнее они вырастают? Проезжий любитесь только наружным, многообещающим видом поля.

Только что мы воротились с моря, нас посадили на коня, с которого мы почти две недели не слезали. Вы легко поверите, что это не убавило нисколько того запаса рассеянности, который мы с собой привезли. Теперь только начинаем мы порядком приниматься за работы, которым однако же не войти в прежнюю колею, куда мы не угоним в нашем мирном Царском Селе. Необыкновенное лето необыкновенно долго и держит нас у морского берега. Вот, можно сказать, что сидим у берега и ждем (дурной) погоды. Переезд назначен однако ж 17-го, *décidément peut être*^{7*}.

Я еще не поздравил Вас, почтенный друг, со вступлением в брак¹⁷. Но вы не сомневайтесь в искреннем сердечном участии моем в Вашем счастье, как и в желании моем, чтобы оно было совершенно и *unvermisch*^{8*}, сколько это для смертного возможно, и чтобы Вы наслаждались им многие годы. Назовите при случае супруге Вашей, между тем и сами не забывайте сердечно уважающего и преданного

Ф. Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 5–6 об.

^{6*} Он имел успех (фр.).

^{7*} Быть может, окончательно (фр.).

^{8*} Чисто, ничем неомрачаемо (нем.).

Около четырех недель тому назад получили мы письмо Ваше от 5/17 сент[ября], дорогой и почтенный наш Василий Андреевич. Ответ мой замедлился оттого, что мне не хотелось отвечать прежде моего В. Князя, не хотелось и понукать его слишком, чтобы это не казалось работой по казенной надобности; а он, мой голубчик, как Вам известно, тяжеловат на подъем. Таким образом проходила неделя за неделей. Но зато получаете Вы уже целый пук писем по немецкой пословице: *Was lange währt wird gut*^{9*}. У нас все здоровы, и все идет своим чередом хорошо, т.е. в самом деле *хорошо*. В последнее время я был очень доволен моим Телемаком. Дай Бог, чтобы я не ошибался; но мне кажется, что рассудок начинает в нем помаленьку оперяться, что легкомыслие и *étourderie*^{10*}, до сих пор бывшие безмерными, немного стали полегче. Со стороны нрава тоже будто замечен некоторый счастливый перелом. Он как будто стал доступнее убеждениям рассудка и чувства. Заметив это, я и сам сообразно тому переменялся, и где прежде не мог обойтись без строгости, стал действовать лаской, и покамест с полным успехом. Об одном молю Бога – чтобы это так продолжалось. Тогда исчезнет может быть и жесткость, и холодность, приводящие меня до сих пор в отчаяние, удастся возбудить в нем теплоту души, *Gemüt*^{11*}. Об этом я более всего думаю и забочусь.

Вы не поскучаете этими подробностями, добрый Василий Андреевич: Ваше участие во всем, до нас касающемся, меня в том убеждает. А мы озбочены, и душа чувствует потребность сообщать участвующему другу свои опасения и надежды. Об учении не говорю на этот раз; мы идем вперед, как всегда не торопясь, но изрядно успевая. Зимой приступим к военным наукам: Вы поверите, что *не я* тороплюсь начать их.

Опасение Ваше, почтенный друг, чтобы специальное образование *моряка* не помешало общему образованию *Принца*, – я не разделяю. Во-первых, не понимаю я, каким бы образом можно было, стремясь к общему образованию, избежать специальностей. Если Принц не должен быть специально моряком, то не должен быть специально и воином, столь же мало как камералистом, дипломатом, судьей, ученым, художником; чем же он будет? Неужто всем понемногу и в одинаковой степени? Но это значило бы не быть ничем. Вы, может быть, скажете: "Он должен быть Принцем". Но что значит быть Принцем? Неужто заниматься всем и ничем? – "Государственным человеком?" Он и должен быть. Но какой специальный рецепт для составления Государственного человека? Всякий Гос[ударственный] чел[овек] был сначала чем-нибудь специально. Прежде ему должно быть *человеком* – это главное – и об этом стараемся мы всеми средствами. Потом обогатить ум познаниями, – это, как Вы знаете, тоже не пренебрежено. Наконец, нельзя в наше время избежать того, чтобы не занять какое-нибудь место в государственной иерархии. Специальное приготовление, конечно, может увлечь в мелочи и тем отвлечь от главного, общего; но на это можно сделать два замечания: первое, что этому подвергается только ум мелочный, который, не имея специального назначения, создает себе мир мелочей; и второе, что Генерал-Адмиралтейство у нас менее всех других назначений влечет за собою этого рода опасность. Сама природа позаботилась о том, чтобы русский Генерал-Адмирал не более одной трети года мог быть в своей стихии, а в остальные две трети или покоился на лаврах, или занимался чем-нибудь другим. Наконец, что же составляет наше специальное образование? Науки морские? Навигация, астрономия и т.д. – это никому не мешает. Наши морские вояжи? Право, здоровье для души и тела. Молодой человек привыкает к порядку, к лишениям и к подчинению себя долгу. Немножко морского духу, морской прямоты для Принца не лишнее. Видеть свет со всех сторон – тоже не дурно. А между тем, плавая мы не перестаем работать головой. Итак, любезнейший Василий Андреевич, не нападайте; и верьте в то же время, что я говорю по убеждению, а не потому только *que chacun plaide pour sa parvis*^{12*}; не меньше верьте и неизменной преданности Вашего покор[ного].

Ф. Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 / 22. Л. 7–8 об.

^{9*} Что ожидается долго, будет хорошим (нем.).

^{10*} Ветренность (фр.).

^{11*} Отзывчивость, доброта (нем.).

^{12*} Что каждый говорит в пользу своей паперти (фр.).

С. Петербург. 6/18 марта 1842

Давненько уже лежит в моей мошне последнее письмо, сердечно любимый и уважаемый Василий Андреевич. Перечтя его вновь и увидя, что в нем говорится о Новом годе, тогда как мы уже и блины отъели и первую неделю почти отпустились, мне как будто захотелось покраснеть, но подумал: разве не Жуковскому пишу? и Жуковский ли не знает нашей *так называемой* жизни? И эта мысль меня успокоила. Паровая машина под вывескою гувернерской должности продолжает по-старому работать с утра до ночи, сегодня, как вчера, и как будет завтра – то один привод потянуть, то другой ослабить, смотря по надобности, в этом вся разница; а между тем *все* время поглощено. А спросишь себя, что сработал? и не знаешь, что отвечать; надо подождать лет десять, чтобы получить ответ. Между тем, делаем, что можем и как умеем. Много останавливала общие успехи наши вечная однообразность всей нашей жизни, с которою нельзя не сделаться наконец совершенно односторонним. Чтобы сколько-нибудь помочь этой беде, дозволено мне было приглашать моего Телемака по временам к себе. Я завел маленькие музыкальные вечера, недели в две раз, на которых Вел. кн. встречается со многими, которых беседа могла ему быть полезна, но с которыми не было бы другого случая встретиться; он видел при этих случаях быт для него новый: и в то же время *though last not least*^{13*}, как говорят англичане, слышал хорошую классическую музыку, что также было не без пользы, развивая его музыкальные способности и образовывая вкус. Этим я очень дорожу. Таким образом зима наша несколько уразнообразилась, между тем, как обычные работы продолжали идти своим чередом и с обыкновенным успехом.

В истории общей и русской подходим к концу XVIII века, в математике продвинулись очень порядочно. Рад бы был я прибавить, что нравственное развитие держалось с умственным на одинаковой высоте: что мы сделались приметно мягче, солиднее, теплее, но это покамест еще *in spe*^{14*}. Впрочем, не должно забыть, что мы только что входим в тот период, который у Вас там на Рейне называют *die Flegeljahre*^{15*}. Зато физическое развитие прекрасно. Здоровье – нельзя лучше; в последние полгода вырос на целый вершок; *tout l'exterieur prend quelque chose de très distingué*^{16*}. Вот Вам, почтенный друг, подробный отчет о том, что делается у нас; но вы желаете еще знать, что делается и *около* нас? Этот вопрос гораздо сложнее. Мало ли что тут совершается! Но не все знаешь, не всегда скажешь, еще меньше напишешь. Довольно, что все благополучно, и все более или менее по-старому. Надежда на умножение императорской фамилии более и более утверждается, чему, как Вы повторите, все очень рады. Здоровье Императрицы в эту зиму было весьма удовлетворительно, как и всех прочих. Особенно шуму мало было при дворе. Зато в обществе тем более, и особенно на масленице.

Педагогическая наша челядь здорова: Ласковский¹⁸ (прежний), две фортификации и капитан [нрзб.] для артиллерии, занимающие по часу в неделю каждый. Grimm вел себя довольно непохвально, был болен; я думаю, ему не обойтись без того, чтобы летом серьезно не полечиться. Лета ожидаем мы довольно суматошного: будет много гостей: серебряная свадьба¹⁹ помешает несколько и морской нашей кампании: не будет времени забраться куда-нибудь подальше. Неужто Вы не явитесь на этот праздник? Ведь стоит только сесть на пароход в Дюссельдорфе и выйти на берег в Петергофе. Мое собственное мирное гнездышко живет благословением Божиим. Мальчишки мои растут и утешают нас; добрая жена моя чувствует себя ныне лучше прошлогоднего. Как понятно для меня все, что Вы говорите о Вашем домашнем счастье, как приятно это одно желание, чтобы оно только не переменилось; я и другого желания в жизни не имею. Здоровьем своим я также доволен. [Те] планы Ваши я, разумеется, по принадлежности роздал. Все рады были бы Вас слушать. Бедный Кавелин²⁰ лишился младшего сына. Зато у Юрьевича²¹ родился тоже младший. Александр Адлерберг²² женится на Полтавцевой, фрейлине М[арии] Н[иколаевны]²³, а батюшка его²⁴ будет на месте князя А.Н. Голиц[ына]²⁵

^{13*} Волей-неволей, хочешь – не хочешь (англ.).

^{14*} В будущем (лат.).

^{15*} Переходный возраст (нем.).

^{16*} Во всем внешнем облике появилось нечто изысканное (фр.).

Генерал-почт-директором, Ал.²⁶ решил, наконец, ехать в Крым. Al [нрзб.] Fridericks²⁷ вышла за Алопеуса Гусарского²⁸. Этим кусочком нувеллистики заканчиваю мою эпистолу, поручая себя дружбе и памяти Вашей.

Ф. Литке

P.S. Пожалуйста, пишите почаще К.Н. и повторите, как это ему будет полезно.

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 9–10 об.

6

Царское Село. 7/19 октября 1842

Очень давно уже, почтеннейший Василий Андреевич, не писал я к Вам. Извинения, объяснения в этом, как и во всяком другом случае между нами, были бы лишние. Зная всю подноготную моей жизни, Вы, конечно, не потребовали бы их от меня, даже если б я был в этом случае у Вас в долгу. Но тут еще другие затруднения: и изредка писавши, не знаешь, как обернуться, чтобы Вам не наскучить. В самом деле, чего ожидаете Вы от меня или лучше сказать, от моих писем? Вы не ожидаете ни отвлеченностей о вопросах общих, ни новостей, ни легкой болтовни – все это не мое дело. Вы ожидаете сведений о том, что делается в нашем маленьком уголке, а тут, как ни вертись, все *pour change, la même chose*^{17*}. Педагогическая фабрика все продолжает работать по-старому, не имея даже преимуществ всех других фабрик – представлять цифирью результаты своих работ. Кажется, что с Божиею помощью все идет не худо, – с намерением говорю только *ne худо*, чтобы не ошибиться, потому что, право, иногда становишься в тупик и не знаешь сам, что делать. С одной стороны кажется как будто и развиваемся, будто и является что-то похожее на успех, но как подумаешь, с другой стороны, что ведь 16-й год, и как взглянешь на тысячу вещей, против которых и с Вами еще вместе мы боролись и продолжаем ежеминутно бороться, не успев'искоренить ни одной, то хоть в отчаяние придти. Видишь сердце доброе, наклонности лучшие, и тут же какую-то суетность, холодность, *Gemütlosigkeit*^{18*}, – словом, ум за разум заходит. Такие диспараты^{19*} обнаруживаются во всем, и ни в чем так сильно, как в письмах. Поверка недалеко – письмо к Вам, которое, я должен заметить, еще противу обыкновения хорошо выдалось. Grimm в отчаянии от писем к нему К.Н. Любопытен я, как он найдет нас по возвращении своем? Смотря вечно на одну и ту же вещь, наконец, ничего в ней не видишь. Свежий взгляд бывает вернее, справедливее.

О работе наших почти нечего Вам говорить. Летние 6 месяцев всегда замедляют ход их. Отсутствие Grimma почти совсем остановило историческую часть. Шульгин взял на себя земли сопредельные с Россиею, стало и по истории с нею связанные. По математическому факультету мы последнее время занимаемся повторением. С возвращением в город начнем физику и астрономию. Французский язык идет хорошо. Grimm, которого Вы видели, должно бы сказать, которого тень вы видели, – по последним письмам намерен непременно возвратиться. Мы его ожидаем с последним французским пароходом дней через пять. Как-то он перенесет зиму! Совсем другое дело физическое развитие: тут все прекрасно; В.К. здоров, силен, растет вдвое скорее прежнего, слагается молодцом, и все опасения насчет горбатости и т.п. давно исчезли. Впрочем, еще дитя, как 10 лет тому назад – и это хорошо. Поплавали мы по морю прошедшего лета, прошли через Больш[ой] Бельт и через Зунд, останавливались в Эльсинейре и в Копенгагене, и т.д. Что ни говорите, почтеннейший Василий Андреевич, а море и морские наши вояжи прездоровая для души и тела вещь. В последнем отношении и спора быть не может, – при всяком нашем возвращении с моря встречают нас аханьем, как мы потолстели, *comme il a bonne mine*^{20*}. Да как и быть иначе: день и *ночь* на воздухе. Но и с другой стороны ожидаю я от них большой пользы: постоянное занятие серьезными предметами, подчиненность.

17* Без перемен. Одно и то же (*фр.*).

18* Бездушие (*нем.*).

19* Несоответствия, противоположности (*лат.*).

20* Как он хорошо выглядит (*фр.*).

Исполнение должности и thought last not least^{21*}, как говорят англичане, удаление от рас-
сеянности. Вы ли не поймете пользы от всего этого?

Вообще по нашей половине все обстоит благополучно, нового не имеется, все
здоровы, старые и малые. В моем собственном уголке все благодаря Бога здорово, стар-
шего моего мальчишку начинаю я уже учить грамоте. Ainsi roule le monde^{22*}!

Вместе с тем следуют к Вам портреты Их Высочеств. Делал Гау²⁹, и кажется, не дур-
ны. А могли бы быть похуже.

Прошайте, почтеннейший друг, пишите, Бога ради, особенно Велик. Князю. Вы
знаете, как это для него полезно, да вы же и обещали. Уже о себе не говорю, хотя и
нашему брату нужна поддержка и одобрение из уст дружеских. Верьте всегдашней пре-
данности душевно уважающего Вас

Ф. Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 11–12 об.

7

С. Петербург. 3/15 декабря 1842

Примите искреннее, сердечное мое поздравление, почтеннейший Василий Андреевич,
с посланною Вам от Бога радостью. Счастье отцовское ни с каким другим в мире срав-
ниться не может; по общественному, нравственному закону человечества неразлучны с
ним и заботы столь же великие; но как сладки и заботы эти, и самые страдания и жертв-
вования, которых эти маленькие существа нам стоят, делают их нам дороже. Дружески
желаю, чтобы при возможно большей массе наслаждения досталось на Вашу долю воз-
можно меньше страданий, и чтобы Бог дал Вам долго этим счастьем наслаждаться. Все
Ваши истинные друзья возрадовались и возликовали при этой весте, и она показала, как
Вы здесь всеми любимы. Между возликовавшими больше всех, и уж наверное громче
всех был мой Вел. Кн., который сам Вас поздравляет.

Письмо, предшествовавшее последнему, радостному, получено мной в свое время.
Благодарю Вас за него сердечно. Вы весьма хорошо поняли то, что я желал Вам передать
о настоящей степени развития К.Н.; в Ваших словах нашел я мои мысли, но несравненно
лучше выраженные, нежели бы я в состоянии был это сделать. Вы согласитесь, что есть
от чего задуматься. С наступлением зимы (то есть календарной, потому что настоящая
еще не приходила) начались наши прежние постоянные занятия, и появились все старые
недостатки. Grimm после пяти месяцев не нашел с этой стороны никакого улучшения.
Остается только сказать вместе с Вами: *Надеемся, что это скоро переменится*. А между
тем ужас подумать, что года через три, много четыре, скажут: баста, готовы, полно
учиться. Пора жить! И полуспелое навсегда таким останется: однако и тут у меня надеж-
да, на что бы Вы думали? на море; в море мы и вояжируем и служим, и в то же время
продолжаем учиться. Подводного камня односторонней дисциплинарности мы, надеюсь, с
Божьею помощью избегнем; и эту надежду основываю я не на моем искусном лодман-
стве, как снисходительно Ваша дружба намекает, а вот на чем: не зирая на строгость
дисциплины морской, отличительная черта моряков есть некоторая независимость харак-
тера и мысли, и праводушие. Не знаю от чего это происходит? но это факт, а с ним и
умом просвещенным можно пролабировать между Сциллою и Харибдой и не затыкать
себе уши, как Вы, может статься, в эту самую минуту заставляете делать Улисса.

Вы желаете слышать некоторые подробности о нашем житье-бытье; при всем жела-
нии угодить Вам, я действительно не нахожу другого ответа, как угаданное Вами наперед:
старое по-старому. Вообразите себе, как можно живее и со всеми подробностями все
бывшее и происходившее в Ваше время, и Вы получите живую картину того, что Вы
знать желаете, и театр и миры те же, и действие старое. О некоторых не важных измене-
ниях на заднем плане упоминать не стоит. И наша учебная (в Царском Селе) не трогалась
с места, где процветает 10 лет. На бывшей половине [2 слова нрзб.] поместились меньшие
великие князья. И в городе мы теснимся по-старому. На днях совершилось однако ж

^{21*} Волей-неволей, хочешь – не хочешь (англ.).

^{22*} Так крутится (движется) мир (фр.).

назначение, которое Вас, конечно и удивит и обрадует: А.А. Кавелин – военный генерал-губернатор вместо графа Эссена³⁰. Дай Бог только, чтобы здоровье его и телесные силы были соразмерны трудам этого важного поста. На днях же слышали мы новую русскую оперу Глинки Руслан и Людмила. Граф Мих[аил] Юрьевич, вероятно, Вам будет писать о неподражаемой учености этой музыки; но публика, и мы грешные в том числе, не читавшая ее, а слушавшая, нашла ее неподражаемо скучной. Grimm работает по-прежнему, но, разумеется не надседаясь, и вообще, кажется, бережется и чувствует себя покамест хорошо. Хотя и нельзя сказать, чтоб слишком растолстел. Все в нашем кругу здоровы и все обращаются в прежнем кругу, надеюсь, что это не *cercle vicieux*^{23*}.

Прощайте, любезный и почтенный Василий Андреевич; в уединении вашем и наслаждаясь семейным счастьем, не забывайте соотчичей и друзей 60-го градуса. Письма Ваши нам всегда приятны и дороги. Вы знаете почему; не урежайте нас ими радовать. Верьте неизменной преданности Вашего

Ф. Литке

Жена и малышки мои здоровы. Старшего я уже начинаю учить читать; это меня забавляет.

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 13–14 об.

7а

Множество усердных поклонников от всей нашей [братии]. Все здоровы: А.А. Кавелин в Вильне по следствию не очень приятному, и неизвестно когда вернется. Двор со вчерашнего дня в Гатчине на неделю; мы проведем там только воскресенье. Мои домашние помаленьку; жена благодарит Вас за память и кланяется.

Mes hommages à tous^{24*}

Votre Lütke^{25*}

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 15. Небольшая записка без даты, вероятно. Примыкающая к предыдущему письму.

8

Царское Село. 10 сентября 1847

Любезный и почтеннейший Василий Андреевич. Какими судьбами произошла многолетняя перерывка в нашей переписке – не знаю; кто из нас у кого в долгу – не ведаю, знаю только то, что с тех пор как к Вам не писал, я был жестоко посещен Судьбою³². Все видели счастье мое семейное, – истинное счастье в сей жизни, разрушенным невозвратно; – знаю[т], что я после того большую часть моего времени провел в странствиях по морю и по суше, спутником главной моей планеты и убедился, что и самая напряженная деятельность, наполняющая на худую минуту жизни, не в состоянии наполнить пустоты, остающиеся в душе жестокими потерями...

Но я не буду докучать Вам Иеремиадами³³. Я думаю, что нежелание наскутить ими друзьям было одной из причин, удерживающих меня писать к ним.

Минута, в которую *наш* воспитанник вступил в совершеннолетие показалась мне приличнейшею для возобновления прерванной переписки. Вчера переступил он через эту важную грань в его жизни; важную для него, но важную и для меня, посвятившего 15 лет своей жизни на его образование. Событие это не произвело никакой перемены ни в положении моем, ни в отношении к Великому Князю. Что будет с возвращением Государя? Невольно спрашиваешь только себя: какой же положительный результат этих 15-ти лет моей работы? Спрашиваешь и сам не знаешь, что ответить. Вот перед нами

^{23*} Порочный круг (*фр.*).

^{24*} Мои поклонны всем (*фр.*).

^{25*} Ваш Лютке (*фр.*). Фамилия предков Федора Петровича писалась как Litke и как Lütke. Сам Федор Петрович по-русски всегда писал Литке, а по-немецки – Lütke.

молодой человек целиком, со всеми его достоинствами и недостатками. Кто решится сказать, что в этом общем итоге принадлежит воспитанию положительно, что развилось мимо его; или даже вопреки ему? В особенности – [это] разгадать или открыть, что воспитание в этом общем явлении отвратило или предупредило? Принявшись, как новичок за дело, совершенно мне чуждое, по воле Царской, я добросовестно (и Вы, Василий Андреевич, засвидетельствуете) старался в него вникнуть, обдумывая каждый шаг; сравнительно предпринятое с результатами и последствиями, прихожу к выводу, в котором боюсь почти признаться – но перед Вами можно, – что воспитание положительного почти ничего не сделало; а коли есть результаты, то только отрицательные; иными словами, что все, что воспитание может дерзнуть приписать себе, есть предупреждение дурного, которое без нас могло произойти; и что я охотно откажусь от всякого участия в достоинствах воспитанника, лишь бы не приписывали мне недостатков его. Воспитание как в том, так и в другом равно не [грешно]. Сколько седых волос, сколько дурной крови, сколько лет жизни стоило мне неведение важной истины, что роль воспитателя, по крайней мере, у Принца, должна быть главнейше пассивная, предостерегательная.

Не требуйте от меня портрета нашего совершеннолетнего юноши. Этот труд был бы выше сил моих. Притом он мало переменялся и остался таким, каким Вы его знали; – только все пришло в больший размер. Много листов можно было бы исписать об этом предмете; но что прибыли? Даст Бог, скоро увидите его сами, и узнаете короче. Он перед Вами чрезвычайно виноват, и я даже не имею духу просить, чтобы Вы на него не сердились. Одно обстоятельство можно привести если и не в оправдание, то, по крайней мере, в объяснение его молчания – это чад, которым наполнена теперь его голова. Жених в 20 лет есть такое существо, с которым невозможно быть взыскательным.

Едва отдохнув от трехлетнего путешествия по Англии, мы завтра опять садимся в коляску и едем на смотрины и маневры в Винницу Польской губ[ернии]. Оттуда возвращаемся через Варшаву, где съедемся с невестой, следующей в Россию под эгидой Великой княгини цесаревны. Эта встреча будет некоторым образом первый шаг к моей эмансипации. Казалось бы, надо и радоваться, а нет духу. Оба они так еще молоды, что подумать страшно, что из этого выйдет? Впрочем, свадьбе предположено быть еще только через год.

Прошайте, почтеннейший Василий Андреевич; верьте искреннему уважению и неизменной преданности

сердечно Вам преданного

Ф. Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 16–18.

9

С. Петербург. 7/29 сентября 1848

И так, почтеннейший Василий Андреевич, надежды наши увидеть Вас в нынешнем году между нами рушились. Вы догадываетесь, да, вероятно, имеете и доказательства, до какой степени это огорчило Ваших здешних приятелей и почитателей. Они все заодно готовы были Вас бранить, но кончили сожалением о неисполнившейся надежде, в уверенность, что без весьма сильных причин Вы бы намерения Вашего не переменяли. Для меня специально *désappointement*^{26*} было очень сильно тем, что Вы не приехали даже к свадьбе нашего Великого Князя. Не уверен я был, часто даже сомневался, доживу ли до этой минуты. Однако же дожил, и теперь дивлюсь (как это обыкновенно бывает), куда девались эти 16 лет? Где это время, когда мы с указкою в руках начинали развивать понятия необыкновенно умного, быстрого, но резвого и часто несносного ребенка? Вы помните – кто из нас не помнит? – какие он подавал надежды? Будем *опять* надеяться.

Молодая чета блаженствует по старинному заведению медовых месяцев. Дай Бог, чтобы счастье их стало нерушимо, когда настанут и те месяцы и годы, в которые по старинному же заведению, к каждой ложке меду примешивается бочка дегтю – одно

^{26*} Разочарование (*фр.*).

страшно: обоюдная их молодость. Говорят: *c'est un défaut dont on se corrige tous les jour*^{27*}. Оно так, да то, что *порок* этот может испортить, не так легко исправляется. Впрочем, никто как Бог!

Великий Князь намеревается писать к Вам на днях, и, вероятно, уже писал. Он намерен благодарить Вас за присылку Одиссеи, в надежде скоро свидеться. Книга была получена здесь. Когда он был в море, и я прочел ее прежде его, и прочел с большим наслаждением. Не знаю, не ошибся ли я, но мне кажется, что в 4-х или пяти строках встречается по лишней стопе. Если угодно, я могу указать Вам и на эти строки. Впрочем, если мои замечания не вздор, то места эти, вероятно, Вами и без меня давно открыты. Когда увидим мы оставшиеся песни?

Моя Одиссея уже на XXIV песне, которую я дотягиваю Председателем Морского ученого комитета, и не желаю ничего лучшего. Занятия мне сродные, достаточные для наполнения немногих лет мне остающихся, но оставляющие еще довольно досуга, чтобы заняться детьми и их воспитанием. Дай Бог поставить их на ноги. А там пора и восвоюсь. Мое положение еще не совсем устроено – надеюсь не обидят в сравнении с предшественниками. Лутковский³⁴ назначен Вице-директором инспект. Департамента морск[ого] министр[ерства]. Сережа Фридерикс³⁵ – адъютантом Вел. Кн. Гримм преподает историю младшим Великим князьям.

Прощайте. Многоуважаемый Василий Андреевич; если вздумаете порадовать меня строчкой, то адресуйте в Морск[ой] учен[ый] Комит[ет]. Верьте неизменной привязанности

Вечнопреданный

Ф. Литке

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28 122. Л. 20–21 об.

10

С. Петербург. 27 октября/8 ноября 1848

Письмо Ваше от 8/20 окт[ября], любезный и почтенный Василий Андреевич, я получил и тотчас же сообщил его нашему Великому Князю. Я знаю, что он между тем уже послал к Вам; но все-таки хотел, чтобы он прочел это сердечное, теплое выражение огорчения, которое он молчанием своим Вам причинил. Такой урок всегда пригодится вперед. Он мне отвечал (из Царского): "Добрейший наш В.А., признаюсь, имел полное право на меня сетовать; надеюсь, что получая письмо мое, он со мной смирится". Не могу выразить Вам, до какой степени огорчила меня его ветренность; но что прикажете делать с такой *головой* – потому что все эти недостатки вытекают из головы, а не из сердца, которое хорошо. По счастью, попалась мне в то самое время под руки копия с письма к Вам нашей святой Александры Николаевны³⁶ по получении ею Вашей поэмы *Наль и Дамаянти*. Это письмо его устыдило.

Исполняя желание Ваше, прилагаю означение строк в Одиссее, в которых вкрались ошибки. Вы говорите, что много таких стихов отыскали Вы сами. Вероятно, это окажутся те же самые, и кроме них едва ли найдутся еще, потому что я прочел Одиссею с большим вниманием и по большей части вслух, то не думаю, что чтобы какая-нибудь значительная ошибка укрылась. Помогите Вам Бог скорее кончить остальное и доплести тем себе венец бессмертия, столь же неувыдаемый в русской литературе, как венок самого Гомера. Мысль, что Вы работаете для следующих поколений, должна поддерживать Ваши нравственные силы среди окружающей Вас "мерзости запустения". Какой ум решится предсказать, когда и чем кончится все вокруг Вас происходящее. И не есть ли это начало всеобщего катаклизма, назначенного погребсти под развалинами Европейского общества и науки, и искусства, и литературу? Уже Нибур³⁷ предсказывал, что для Европы наступает Эпоха варварства. Если он угадал, если ужасная мысль, мучившая его до последней минуты жизни, исполнится, то немудрено, что через несколько столетий, при новом возрождении цивилизации в Германии какой-нибудь Gelehrtes^{28*} XXV века

^{27*} Это порок, который исправляют каждодневно (*фр.*).

^{28*} Ученый (*нем.*).

будет толковать Одиссею с помощью перевода Жуковского, как Ж[уковский] пользовался переводом Фосса. Долг платежом красен. Бог знает, *что* тогда будет? А теперь на Святой Руси лучше и покойнее. Жаль и больно, что обстоятельства и такие грустные держат Вас так далеко от нее.

Наконец, я совсем отделился от того мира, в котором обитал 16 лет. Хотя я никогда не чувствовал [себя] совершенно at home^{29*} в этом мире – ни мир не был совершенно по мне, ни я по миру – со всем тем так велика сила привычки над человеком, что в новом моем положении мне опять как-то неладно. Но к этому я привыкну гораздо скорее, чем привык к прежней перемене, лишь бы удалось опять вработаться! Занятий у меня довольно, чтобы наполнить остальные годы жизни, а тут подрастут и дети. Государь наградил старого своего слугу щедро и участь детей с материальной стороны обеспечена. В остальном надеюсь на Бога.

Прощайте, дорогой и достойнейший Василий Андреевич; да укрепит Вас Бог и да поможет прожить безмятежно среди мятежей до весны; а там Вы уже, наверное, явитесь между нами.

Сердечно Вам преданный

Ф. Литке

Примечания

- ¹ "Еще с лишком на год..." – В.А. Жуковский, недавно (в декабре 1837 г.) вернувшийся из путешествия с вел. кн. Александром Николаевичем по России, 3 мая 1838 г. отправился с наследником в новое путешествие – за границу. Поездка продлилась до июня 1839 г.
- ² Телемак – герой романа Ф. Фенелона (1651–1715) "Приключения Телемака". В переносном смысле "воспитанник, рожденный для высокой должности". Речь идет о вел. кн. Константине Николаевиче, воспитателем которого в это время был Ф.П. Литке.
- ³ Тимаев Матвей Максимович (1796–1858) – педагог, изучал различные методы преподавания в Англии, Швейцарии, Германии. Читал курс истории в Главном педагогическом институте. С 1833 по 1841 г. преподавал русскую историю и географию вел. кн. Марии, Ольге и Александре Николаевнам.
- ⁴ Коллинс Эдуард Давыдович (1791–1840) – академик. Преподавал математику и физику вел. кн. Александру и Константину Николаевичам. Жуковский поддерживал с Коллинсом добрые, дружеские отношения, писал ему во время своего второго заграничного путешествия (Дневники В.А. Жуковского. СПб., 1903. С. 251).
- ⁵ Гримм Август Федорович (1805–1878) – инспектор классов при вел. кн. Константине, Николае и Михаиле Николаевичах. Впоследствии действительный статский советник. Воспитатель детей Александра II, автор биографии императрицы Александры Федоровны ("Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland". Leipzig, 1866) и романа "Княгиня седьмой версты" ("Die Fürstin von siebenten Werst"), где рисует нравы петербургского общества. Жуковский поддерживал с Гриммом дружеские отношения (Дневники. С. 508, 510, 511).
- ⁶ Вероятно, Александр Александрович Кавелин.
- ⁷ Мария Павловна (1786–1859) – великая княгиня, герцогиня Саксен-Веймарская. Женщина очень одаренная, особенно склонная к музыке, живописи, литературе. Ее стараниями был создан музей, посвященный памяти Гете, Шиллера, Виланда и др. Ее высоко ценил Шиллер, Гете поддерживал с ней дружеские отношения.
- ⁸ Вероятно, князь Христофор Андреевич Ливен (1774–1838) – генерал-адъютант Павла I. Был близок Александру I, с которым находился во время аустерлицкого сражения, посланник сначала в Берлине, потом в Лондоне; с 1834 г. – член Государственного совета и попечитель вел. кн. Александра Николаевича, которого сопровождал в путешествиях. Умер в Риме. В.А. Жуковский поддерживал с ним дружеские отношения, присутствовал на его погребении (Дневники. С. 458 и др.).
- ⁹ Вероятно, Семен Алексеевич Юрьевич.
- ¹⁰ При отъезде Жуковского за границу было решено, что вел. кн. Константин Николаевич будет регулярно писать Жуковскому, а последний – отвечать. Первоначальная цель переписки – упражнение великого князя в письменном слого, однако взаимный интерес корреспондентов сохранился на многие годы. Письма Жуковского к вел. кн. периода 1838–1839 гг. неизвестны. Сохранились письма (18) 1840–1851 гг. См.: РА. 1867. № 11. Стб. 1385–1439.
- ¹¹ Шульгин Иван Петрович (1795–1869) – историк, читал лекции в Царскосельском лицее и училище правопедения, впоследствии – профессор всеобщей истории Петербургского университета. Препо-

^{29*} Уютно (англ.).

- давал историю и географию вел. кн. Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам. Жуковский бывал на лекциях Шульгина, его книги по истории и географии имеются в библиотеке Жуковского. См.: *Лобанов В.В.* Библиотека В.А. Жуковского. Томск, 1981. № 461–463.
- ¹² Личность Беллинга нами не установлена.
- ¹³ Грот Яков Карлович (1812–1893) – выпускник Царскосельского лицея, филолог, историк литературы, академик (с 1858 г.), вице-президент Академии наук (с 1899 г.). Был рекомендован двору П.А. Плетневым, ректором Петербургского университета. Преподавал вел. кн. Михаилу Николаевичу и Ольге Николаевне историю. Через Плетнева Жуковский познакомился с рукописью перевода Я.К. Грота поэмы "Фриггоф" шведского поэта Э. Тегнера и, уезжая с наследником за границу, взял его с собой. Возвращая рукопись через Плетнева, Жуковский в письме к нему от 4/16 ноября 1838 г. просил передать "нашему молодому поэту" убедительную просьбу "продолжать прекрасный труд сей и не выпускать его из рук, пока его поэтическая совесть не будет совершенно в ладу сама с собой" (Изв. Отд. рус. языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 2. С. 19).
- ¹⁴ Озеров Петр Иванович (1773–1843) – шталмейстер, сенатор, помощник воспитателя Ф.П. Литке при вел. кн. Константине Николаевиче.
- ¹⁵ Ливен Вильгельм Карлович, барон (1800–1880) – генерал-лейтенант, в период 1833–1888 гг., в качестве адъютанта А.Ф. Орлова выполнял дипломатические миссии. Впоследствии был Лифляндским, Эстляндским и Курляндским губернатором, членом Госсовета. Ливен Х.К., князь – см. примеч. 8.
- ¹⁶ Вероятно, вел. кн. Мария Павловна (см. примеч. 7).
- ¹⁷ Венчание Жуковского с Елизаветой Алексеевной Рейтерн (1820–1856) состоялось в Дюссельдорфе 21 мая 1841 г.
- ¹⁸ Ласковский Федор Федорович (1801–1870) – инженер, генерал-лейтенант, занимал кафедру фортификации в Главном инженерном училище, профессор фортификации в академии Генерального штаба, преподаватель наследника Александра Николаевича и вел. кн. Константина, Николая и Михаила Николаевичей. 13 января 1840 г. Жуковский писал письмо государю, в котором просил о назначении обещанных пенсий бывшим преподавателям наследника, в том числе Ласковскому.
- ¹⁹ Имеется в виду юбилей царской четы – Николая I и императрицы Александры Федоровны.
- ²⁰ Кавелин Александр Александрович (1793–1850) – генерал-адъютант вел. кн. Николая Павловича, впоследствии воспитатель наследника, Александра Николаевича, сопровождал его в путешествие по России.
- ²¹ Юрьевич Семен Алексеевич (1798–1865) – генерал-адъютант, помощник воспитателя наследника, Александра Николаевича, которому преподавал польский, фортификацию, артиллерию, сопровождал его в путешествии по России.
- ²² Адлерберг Александр Владимирович (1819–1889) – прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, впоследствии генерал-адъютант наследника Александра Николаевича. Затем министр императорского двора, сменивший на этом посту своего отца, военный министр. Сопровождал великого князя во время заграничного путешествия 1838–1839 гг. Жуковский поддерживал с ним дружеские отношения.
- ²³ Мария Николаевна (1819–1876) – великая княгиня, замужем за Максимилианом, герцогом Лейхтенбергским.
- ²⁴ Адлерберг Владимир Федорович (1790–1884) – адъютант и друг Николая I. С 1828 г. – директор канцелярии начальника Главного штаба, впоследствии министр императорского двора.
- ²⁵ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – государственный деятель, лицо, близкое Александру I. Начал с паж. Обер-прокурор Синода, министр народного просвещения, главный начальник цензуры. В 1824 г. удален от дел по настоянию архимандрита Фотия. Вновь приближен ко двору при Николае I и оказывал зна него большое влияние. Жуковский был знаком с Голицыным еще с 1810-х годов и неоднократно прибегал к его посредничеству при ходатайстве за декабристов и других лиц. Ушел в отставку в 1843 г.
- ²⁶ Лицо не установлено.
- ²⁷ Вероятно, А.П. Фредерикс, дочь барона Петра Андреевича Фредерикса (1786–1855) обер-шталмейстера, адъютанта Николая I.
- ²⁸ Граф Алопеус Федор Давыдович, женат на баронессе А.П. Фредерикс (Брокгауз). Гусарский, вероятно, прозвище.
- ²⁹ Гау Владимир Иванович (1816–1895) – акварельный живописец, портретист, уроженец Ревеля, ученик К.Ф. фон Кюгельхена (Ревель) и А. Заурвейда (Академия художеств). Как портретист был замечен после удачно написанного в юности (1832) портрета мореплавателя Ф.П. Литке. С 1840 г. работал в Петербурге в качестве придворного портретиста Николая I и Александра II.
- ³⁰ Эссен Петр Кириллович (1772–1844) – граф, петербургский военный генерал-губернатор.
- ³¹ Вильегорский Михаил Юрьевич, граф (1788–1856) – гофмейстер двора, композитор, музыкальный деятель и меценат. Создал музыку ко многим стихотворениям Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Жуковский поддерживал с ним дружеские отношения.

- ³² В 1843 г. умерла при родах горячо любимая жена Литке, Юлия Васильевна (урожденная Браун), бывшая воспитательница вел. кн. Александры Николаевны.
- ³³ Иеремиады – жалобы. От имени библейского пророка Иеремии, автора Плача о гибели Иерусалима.
- ³⁴ Лутковский Феофемп Степанович (1803–1852) в молодости был причастен к событиям 14 декабря 1825 г. и сослан на службу в Астрахань в каспийскую флотилию, откуда по личному ходатайству графа Литке перед императором с 1839 г. был назначен помощником графа по должности воспитателя вел. кн. Константина Николаевича. Скончался в звании контр-адмирала Свиты его императорского величества.
- ³⁵ Вероятно, младший сын барона П.А. Фредерикса. См. примеч. 27.
- ³⁶ Александра Николаевна (1825–1844) – великая княгиня; к ней обращено стихотворное посвящение к "Ундине" Жуковского. Ей он послал свою поэму "Наль и Дамаянти".
- ³⁷ Нибур Бартольд Георг (1776–1831) – немецкий историк античности, почетный член Российской академии наук.

ЗАПИСКА "О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕН ЕГО ОСНОВАНИЯ"

Публикуемые документы (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 62. Л. 10–18) представляют собой черновик деловой записки о деятельности Московского археологического общества (МАО) с 1864 г. и черновой автограф письма председателя Общества А.С. Уварова, посланные в 1881 г. министру народного просвещения барону А.П. Николаю.

Цель "Записки" – увеличение субсидий Обществу со стороны государства. Она интересна как деловой документ XIX в., в котором отражены финансовые взаимоотношения между общественной организацией и государством. Кроме того, в ней концентрированно изложена деятельность Общества (от археологических изысканий до его публикаций). Эта чисто деловая записка, на наш взгляд, послужила основой для дальнейших пространных очерков о деятельности Общества, посвященных его 50-летию юбилею (многие предложения в этих изданиях почти дословно повторяют части названного документа).

"Записка" написана на листах большого формата черными чернилами с правкой в тексте, принадлежащей Уварову (в конце ее упоминается, что именно председателю Общества было поручено ходатайствовать перед правительством о повышении субсидий). Помещенное перед "Запиской" письмо, адресованное А.П. Николаю, написано той же рукой, которой правился текст.

"Записка" была послана не ранее весны 1881 г. (Николай стал министром в марте), а 8 апреля 1882 г. Московскому археологическому обществу был дан положительный ответ новым министром просвещения И.Д. Деляновым. (См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902).

В.Б. Шарков

Милостивый Государь,

Барон Александр Павлович¹

В последствие письма г. Управляющего Министерства Народного Просвещения ко мне от 17 сентября сего года за № 10 659 имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству записку о минувшей деятельности Императорского Московского Археологического Общества со времени его основания.

Представляя к благосклонному вниманию Вашему изложенные в ней данные, я, с Высочайшего на то соизволения, считаю долгом покорнейше просить Ваше Превосходительство в виду ученых заслуг Общества, принять на себя ходатайство о назначении ему от Правительства ежегодной денежной субсидии в размере 5000 рублей, которая доставила бы ему более прочное обеспечение и большую возможность продолжать и посильно расширять свою деятельность на пользу отечественной науки, а вместе с тем и о даровании ему права на бесплатную пересылку по почте своей корреспонденции.

Примите, Милостивый Государь,
уверение в моем совершенном
почтении и преданности.

О деятельности Московского Археологического Общества со времен его основания

Московское Археологическое Общество основано с Высочайшего соизволения в 1864 году на частные средства. Оно поставило для себя задачей разработку Археологии вообще, а в особенности и по преимуществу – русской, и распространение в России археологических знаний, в твердом убеждении, что эти знания будут способствовать более серьезному и основательному направлению русской мысли, обращения ее к памятникам родной земли, могущим разъяснить древнейшие судьбы не только нашей народности, но первобытного человечества вообще.

Основная задача нового Общества и начавшаяся в нем энергическая ученая деятельность для ее осуществления встречены были с сочувствием в ученном мире и вскоре удостоились милостивого внимания Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, соизволившего 18 августа 1865 года принять Общество под Свое Августейшее Покровительство². Известные ученые, русские и иностранные, стали вступать в число его членов и принимать деятельное участие в его археологических трудах, знатоки и любители старины в разных местностях с полною готовностью принимали на себя звание и обязанности его корреспондентов, так что, через четыре года после своего основания, Общество уже имело в своем составе более 150-ти членов и вступало в близкие сношения и обмен сведений со всеми однородными ему и другими учеными обществами и учреждениями в России и с некоторыми за границей³.

Соответственно своей задаче распространения в русском мире археологических знаний, Общество постановило в самом своем Уставе, чтобы все его заседания, посвященные собственно научным вопросам, были публичны, доступные не для одних только членов, но и для всех интересующихся делом археологической науки. Эти заседания, наполняющиеся учеными сообщениями и беседами по разным предметам и отделам Археологии, служили не столько к полезному обмену знаний между самими членами, но и привлекали к себе, все более и более, посторонних слушателей, возбуждали в них интерес к отечественным древностям, дотоле мало известным, и мало по малу приучали видеть в памятниках старины не одни только роковые обломки и развалины, но драгоценный материал для науки, "чувствовать в них веяние истории, присутствие прожитых идей", знакомили с научными приемами в их исследовании и объяснении и поставляли таким образом новых деятелей для русской науки.

Таких заседаний Общество имело ежегодно, в зимние месяцы, от 8-ми до 10-ти и более, и печатало потом об них подробные отчеты в своих изданиях. В последнее время (в начале прошедшего 1880 года) Общество устроило сверх того ряд публичных лекций в систематическом порядке с целью ознакомить слушателей с главнейшими предметами отечественной Археологии, начиная с

памятников древнейших, оставленных первыми насельниками нашей страны, и постепенно переходя к эпохам позднейшим, до исторического периода включительно.

С той же целью распространения археологических знаний Общество вскоре после своего основания, без всяких казенных субсидий, на свои собственные средства, приступило к изданию особого археологического журнала под названием "Древности. Труды Московского Археологического Общества", хотя это издание, как и все археологические книги, требовало значительных поддержек, так как в нем для большей научной пользы Общество признало необходимым к описаниям и исследованиям памятников прилагать и самые изображения их, планы и виды древних местностей и другие рисунки.

Таким образом, еще с первого года самого существования Общество на суммы, пожертвованные некоторыми из самих членов, издало первые три тома "Древностей" и один том "Археологического вестника". Каждый из этих томов заключает в себе от 50 до 70 печатных листов in 4°, со многими полиטיפажами в тексте, литографическими и хромофотографическими таблицами в приложениях. Что касается самого содержания самих изданий, то Общество приняло в правило помещать в них не сырые материалы, но только исследования и статьи, из которых многие составили ценный вклад в нашу археологическую науку. Издание "Древностей" Общество продолжает безостановочно и до сих пор. Кроме того, иждивением Общества издано в 1868 году "Описание Киева", многотомный труд маститого исследователя киевских древностей Н.В. Закревского⁵, в 2-х томах, большого формата – 4°, на 120 печатных листах с атласом, а в 1871 году напечатаны "Труды первого археологического съезда в Москве в 1869 году", в двух томах in 4° большого формата, на 112 печатных листах, с 150 полиטיפажами и рисунками в тексте и с атласом в лист, заключающим в себе 53 литографические и хромофотографические таблицы. Это издание напечатано также главным образом на суммы, пожертвованные Обществом, так как выданная на него казенная субсидия в 1000 рублей, едва могла покрыть только 1/10 часть расходов по печатанию. Точно также Общество восполнило своим единственным пожертвованием недостаточность субсидий на издание "Трудов 3-го Археологического съезда в Киеве".

Стараясь привлечь ученые силы к содействию в исследовании отечественных древностей, Общество рассылало свои издания бесплатно как своим трудящимся членам, так и в другие ученые общества и учреждения, так и в некоторые учебные и частные библиотеки. Сверх того, с целью облегчить для частных лиц приобретение этих изданий, Общество обыкновенно назначало им продажные цены, по стоимости их себе, надбавкою только книгопродавческим процентом.

Продолжая изустным и печатным словом продолжать распространение археологического знания, Общество, вместе с тем, обращало усиленную деятельность и на разыскание и приведение в известность памятников отечественной древности, находящихся на поверхности и в недрах русской земли. Для этой цели оно препоручило своим членам или посторонним, известным ему лицам, на суммы, пожертвованные на этот предмет другими членами, производство археологических раскопок в разных местностях с/в и с/з губерний и частично на юге России, также собирание древних надписей на вещественных памятниках (во Владимирско-Суздальском крае) и исследование памятников древнего зодчества. Для археологических разысканий составлялись в Обществе по временам целые экспедиции из нескольких членов, на собственный счет самих экспедиционеров. Произведенные ими раскопки в курганах и городищах, а также на селищах, стоянках и в могильниках каменного периода, привели к весьма важным открытиям, пролившим новый свет на быт древнейших насельников нашей земли, неизвестных письменными памятниками и историей, и

некоторые, сделанные, например, в Муромском уезде, и относящиеся еще к мамонтовой эпохе, должны занять видное место и в общей археологии каменного периода в Европе. Нельзя не упомянуть здесь и о разысканиях покойного члена К.И. Невоструева⁶ в известном Ананьинском могильнике (близ Елабуги), обогативших археологию бронзового века в России замечательнейшими находками, пожертвованными им в Общество. Некоторые из членов предпринимали путешествие и в Западную Европу собственно для археологических поисков; и результатом этих поисков был, между прочим, в высшей степени известный памятник, именно картина, писанная с натуры масляными красками и изображающая сцену приема польских послов в московской Грановитой палате в 1606 году. Картина эта издана (Обществом) хромолитографически в 4 т. "Древностей". Из добытых раскопками вещей составились лучшие археологические коллекции в музее Общества. Некоторые из этих коллекций Общество подносит ныне в дар Императорскому Русскому Историческому музею, сооружаемому в Москве⁷.

В 1869 году по почину Общества и его усилиями, устроен был Первый русский археологический съезд в Москве, сделавшийся родоначальником последующих, которые происходили потом в С.-Петербурге, Киеве, Казани и в нынешнем году в Тифлисе. Раньше было упомянуто об издании "Трудов" первого съезда, составивших богатый вклад в археологическую науку. О научной пользе археологических съездов было бы в настоящее время излишне распространяться. Практика сделала ее, так сказать, осязательною как для отдельных ученых, так и для целых ученых корпораций, считающих непреложною обязанностью привлекать на эти съезды своих представителей.

Московское Археологическое Общество принимало самое деятельное участие в устройстве не только первого, но и последующих съездов. Заблаговременно перед открытием каждого съезда оно учреждало среди себя особый комитет, на который возлагались все предварительные работы по устройству съезда, как то: рассмотрение разовых ученых сообщений, составление программы для его занятий, организация археологических экспедиций на разные пункты местности, избранной для съезда, составление для них инструкций, составление вопросов для предложения на съезде, наконец, печатание протоколов своих заседаний с приложениями. Труды предуготовительного комитета для последнего тифлисского съезда, печатавшиеся при Обществе, под редакцией секретаря комитета, занимают более 60 печатных листов.

Не задолго перед открытием 1-го археологического съезда в Бозе Почившему Государю Императору Александру Николаевичу благоугодно было осчастливить Общество Всемилостивейшим даром, о котором в Высочайшем Именном указе, данном Правительствующему Сенату 28 ноября 1868 года было сообщено о том, чтобы отдать Обществу Курьерский дом Министерства юстиции на Берсеневской набережной в собственность⁸.

Упомянутый Курьерский дом был передан Обществу без всяких субсидий для его восстановления и приведения в такое состояние, в каком желал его видеть Августейший Благотворитель Общества. Приняв во владение этот дом в крайней ветхости и с сильными повреждениями в самих стенах и фундаменте, Общество должно было в 1870 г. с Высочайшего на то соизволения, заложить свой дом в московском городском кредитном обществе за 12 000 рублей, чтобы произвести только самые необходимые в нем исправления и устроить помещения для своих заседаний, музея, библиотеки и книжных складов. Пожертвования членов вскоре дали возможность возобновить внутри этих помещений их древнюю архитектурную отделку и украсить их древнею стенописью. Затем на Общество легли значительные расходы не только по ежегодному содержанию и часто требующемуся ремонту дома, но и на уплату

Кредитному обществу процентов с погашением долга ежегодно по 900 рублей, что долго мешало полному восстановлению этого древнего памятника по уцелевшим в нем остаткам. Наконец, в нынешнем 1881 г., благодаря щедрому содействию действительного члена А.М. Хлудова⁹, Обществу удалось заключить реставрацию своего дома и таким образом исполнить волю Почившего Государя.

Печальная участь наших древних памятников, драгоценных и для науки, и для народного чувства, а между тем постоянно подвергающихся искажениям или совершенному уничтожению, обращали на себя особое внимание Общества, которое при каждом представлявшемся случае, принимало все зависящие от него средства к их сохранению и правильному восстановлению. Так, на основании документов, напечатанных одним из членов Общества, оно исходатайствовало реставрацию древнего Московского Печатного двора и своими научными указаниями способствовало к их наилучшему осуществлению¹⁰. По ходатайству Общества спасена была от продажи в слом знаменитая ризница Суздальского Покровского монастыря, заключающая в себе целый музей драгоценных исторических и археологических памятников¹¹. Вопрос о сохранении древностей деятельно разрабатывался в самом Обществе, неоднократно по его почину обсуждался на археологических съездах, а потом – в Высочайше учрежденной комиссии в 1876 году, которой и был окончательно выработан желаемый проект о мерах к сохранению древних памятников, удостоившийся Высочайшего одобрения, но доселе еще не приведенный в исполнение¹².

В 1879 году, вследствие такого ходатайства Московского Археологического Общества, Святейшим Синодом постановлено обязать все епархиальные начальства, чтобы они не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению памятников старины, как по соглашению с ближайшим историческим или археологическим обществом. С этого времени, как от Московского епархиального начальства и Синодальной конторы, так и от других епархий и административных начальств, стали поступать в Общество, в весьма впечатлительном числе, вопросы и проекты о предполагаемых к уничтожению или перестройке древних церквях и других зданиях. Считая своею обязанностью всемерно содействовать просвещенным намерениям Правительства по сохранению памятников старины, Общество составило из нескольких своих членов-специалистов особую комиссию, на рассмотрение и заключение которой и передаются все упомянутые вопросы и проекты¹³. При рассмотрении их, комиссия, по собрании исторических сведений, о том или другом древнем здании, предполагаемом к переделке или уничтожению, осматривает его на месте и составляет акт осмотра, заключающий подробное описание здания в его существующем виде, с показанием особенностей его техники и стиля, и с объяснением, какие части уцелели в них от первоначальной постройки и какие впоследствии переделаны или пристроены вновь¹⁴. При этом представляемые архитектурские чертежи здания поверяются на натуре, встречающиеся в них неверности исправляются, а пропуски выполняются рисунками, снимаемыми на месте находящимися в составе комиссии членами-архитекторами.

На основании собранных таким образом данных, комиссия постановляет свои заключения, содержащие не одни только голословные ответы по предложенным вопросам, но, смотря по надобности, – указания для строителей – археологические, технические и художественные, как то: о мерах к поддержке и сохранению памятника, о способе его восстановления в первоначальном виде и т. под. Под непосредственным наблюдением и по указаниям этой комиссии нами проводится реставрация некоторых церквей в Москве, как то: Харитония в Огородниках и Косьмы и Дамиана в Нижних Садовниках¹⁵, а с недавнего времени, во исполнение Высочайшей воли двое из членов Общества¹⁶

принимают постоянное и деятельное участие в трудах комиссии, учрежденной при Московской Синодальной конторе для возобновления Большого Успенского собора, в виду предстоящего Священного Коронования. Все эти нелегкие обязанности члены Общества не только исполняют безвозмездно, но и вовлекаются при этом даже в обременительные для себя денежные издержки на расходы для осмотра древних памятников в местности отдаленные, в Москве и за Москвою, иногда в другие города и губернии, как то: в Коломну, Ростов, Нижний Новгород.

В первые восемь лет после своего основания Общество существовало на свои собственные средства и, благодаря ученым трудам, а вместе с тем и крупным пожертвованиям своих членов, успело оказать действительные услуги русской археологической науке и, можно сказать, – положило прочное основание для ее успешнейшего развития. С принятием во владение Высочайше пожалованного ему древнего дома, Общество, как объяснено выше, поставлено было в необходимость заложить свой дом в Кредитное общество за 12 000 рублей, а затем принять на себя значительные ежегодные расходы на его содержание и ремонтирование, и сверх того ежегодно уплачивает по сему залому в означенное Общество по 900 рублей. При таких обстоятельствах оно было вынуждено ходатайствовать перед Правительством о ежегодной субсидии, которая была ему назначена в 1872 году по 3000 рублей в год. Но эта субсидия далеко не могла покрывать расходов Общества и недостаток денежных средств, хотя и пополнявшихся по временам частными пожертвованиями, не переставал стеснять Общество в его научных предприятиях и издательской деятельности. Так, предпринимаемые им археологические экспедиции, нередко останавливались и, если не подспевало на помощь частное пожертвование, то и совсем оставались без последствий. Замедлялись выходом в свет и самые издания Общества, не по недостатку ученых статей, а по недостаточности средств на печатание. В настоящее время Общество, постоянно приглашаемое духовными и административными начальствами к содействию по сохранению памятников старины, не в состоянии оплачивать даже путевые издержки своих членов, отправляющихся по его поручению часто в дальние места для осмотра этих памятников.

В нынешнем, 1881 году, Московскому Археологическому Обществу Всемиловейше даровано звание Императорского. В виду этого высокого знака Монаршего внимания к его трудам, Общество, считая себя нравственно обязанным не только продолжать, но и по возможности расширять свою деятельность на пользу русской науки, препоручило своему председателю ходатайствовать перед Правительством об увеличении ежегодно производимой ему субсидии до 5000 рублей и о даровании ему права на бесплатную пересылку по почте своей корреспонденции.

Представляя благосклонному вниманию Вашего Превосходительства выше изложенные данные о деятельности Московского Археологического Общества, ныне Всемиловито Пожалованного званием Императорского, с Высочайшего на то соизволения, считаю долгом покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, в виду ученых заслуг Общества, принять на себя ходатайство.

Примечания

¹ Николай Александр Павлович – барон (1821–1899), министр народного просвещения с 24 марта 1881 по 16 марта 1882 г.

² В 1865 г. на престоле был Александр II.

³ Среди первых членов Московского археологического общества были такие выдающиеся деятели русской науки XIX в., как: И.Е. Забелин (с 1864 г.), А.А. Котляревский (с 1864 г.), Ф.И. Буслаев (с 1864 г.), А.А. Потебня (с 1865 г.), Н.И. Костомаров (с 1866 г.). Первыми иностранными членами

являлись: археологи и историки из Мюнхена Гейнрих Брунн и Конрад Бурсиан (с 1865 г.), историк и искусствовед из Цюриха Яков Буркгардт (с 1865 г.), директор Королевского Копенгагенского Музея древностей Йенс Ворсо (с 1865 г.), библиотекарь Чешского Музея в Праге Антон Вртятко (с 1865 г.), а также французский историк христианства Эрнест Ренан (с 1866 г.).

⁴ Примерно современный формат А4.

⁵ Закревский Николай Васильевич (1805–1871) – историк, краевед, член МАО с 1865 г.

⁶ Невоструев Капитон Иванович (1815–1872) – магистр богословия, член МАО с 1866 г. Известен, прежде всего, 5-томным "Описанием славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки" (М., 1855–1881. Т. 1–4). В 1871 г. описал Ананьинский могильник.

⁷ Эти коллекции послужили основой для музейной экспозиции первых 10 залов Музея, что сделало возможным его открытие в 1883 г.

⁸ Палаты думного дьяка Аверкия Кириллова XVII в., находящиеся по адресу: Берсеневская наб., д. 20.

⁹ Хлудов Александр Иванович (1818–1882) – купец, собиратель древнерусских рукописных и печатных книг. Член МАО с 1871 г.

¹⁰ Реставрация производилась в 1871 г. архитектором Д. Чичаговым.

¹¹ Ризница была спасена Обществом в 1877 г.

¹² В 1872 г. на втором археологическом съезде Общество ходатайствовало "об учреждении ученого надзора за памятниками древности на всем пространстве, занимаемом нашим обширным отечеством". В 1876 г. Министерство народного просвещения организовало для рассмотрения этого вопроса Комиссию, которая в 1877 г. выработала "Программу правил о сохранении памятников", но после того, как ее председатель, статс-секретарь А.В. Лобанов–Ростовский, перешел на другую должность, выработанные ею "Правила" остались без утверждения и применения.

¹³ Комиссия состояла из историков И.Е. Забелина, А.А. Мартынова, инспектора Московской Синодальной типографии В.Е. Румянцева, архитектора Л.В. Даля.

¹⁴ Такой метод описания памятников применяется до сих пор при архитектурных обследованиях памятников истории и культуры.

¹⁵ Реставрация производилась в 1879 г.

¹⁶ В 1881 г. в Комиссию от МАО вошли И.Е. Забелин и В.Е. Румянцев.

ПИСЬМО В.В. ВЕЙДЛЕ И.М. ГРЕВСУ 1920 г.*

Историк искусства, публицист и культуролог Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979)¹ в настоящее время больше известен широкой публике как автор нашумевшей в свое время книги "Умирание искусства"², в которой русская эмиграция продемонстрировала еще один свой вариант концептуального целостного подхода к проблеме кризиса культуры, отличный от евразийства и либерализма. Специалисты в последнее время говорят о Вейдле как о теоретике и историке искусства, талантливейшем художественном критике³ (в свое время еще Г. Струве считал, что Вейдле " ... явился самым ценным приобретением зарубежной литературной критики после 1925 года"⁴), оригинальном и глубоком исследователе литературы⁵, плодовитом публицисте, затрагивавшем историко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда. Грант № 99-01-00 277а.

¹ Подробнее о нем см.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энцикл. биограф. словарь. М., 1997. С. 138–140.

² Вейдле В.В. Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж, 1937.

³ См.: *Доронченков И.А.* Владимир Вейдле. Путь к книге // Вейдле В.В. Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб., 1996; *Он же.* "Поздний ропот" Владимира Вейдле // Рус. лит.-ра. 1996. № 1.

Там же приведен список основных переизданий фрагментов работ В.В. Вейдле в российской периодике. См.: *Поляк Г.* О Владимире Васильевиче Вейдле с некоторыми отступлениями // Звезда. 1998. № 4.

⁴ *Струве Г.* Русская литература в изгнании: Опыт ист. обзора зарубежной лит.-ры. Нью-Йорк, 1956. С. 372.

⁵ См.: *Эткинд Е.* Предисловие // Вейдле В.В. Эмбриология поэзии. Введение в фоносемантику поэтической речи. Париж, 1980; *Перельмутер В.* Критик как читатель // Вопр. лит.-ры. 1990. № 1.

софскую проблематику⁶ и занимавшем, между прочим, одно время пост "директора программ" радио "Свобода". Известен он и как поэт, автор книги стихотворений⁷.

Наименее освещенным в литературе остался этап становления Вейдле – студентские и послеуниверситетские годы. Публикуемый документ частично восполняет этот пробел. Письмо Вейдле, адресованное его учителю – известному русскому историку, профессору Петербургского (Петроградского) университета Ивану Михайловичу Гревсу (1860–1941), отправлено из Перми, где Вейдле в течение ряда лет работал в качестве преподавателя местного университета. До 1917 г. он имел статус отделения Петроградского университета, что предопределило его кадровый состав: там преподавали и другие выпускники Петроградского университета – историки Н.П. Оттокар, Г.В. Вернадский, В.Э. Крусман, Б.Л. Богаевский. Письмо свидетельствует не только об определенных обстоятельствах жизни Вейдле (проведенной в Томске зиме 1919/20 г. – судя по всему Вейдле был вместе с частью преподавателей университета эвакуирован из Перми летом 1919 г., а летом 1920 г. уже вернулся⁸) и его стремлении тогда сконцентрировать усилия именно на научной и преподавательской деятельности в качестве медиевиста, но и о его отношении с учителем.

В 1912 г. Вейдле поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, и именно семинарий Гревса оказал на него наибольшее влияние. Говоря о своеобразии семинария в рамках данного текста, следует отметить две его особенности. Первая, психологическая – для Гревса (вполне оправданно будет предположить, что он сознательно задавал эту специфику) на первом месте стояло личностное отношение с учениками, человеческая близость. Это очень хорошо отражено в мемуарах Н.П. Анциферова⁹, ценившего теплоту подобных отношений. "Беседы" о дружбе и жизни во "внеурочное" время, наконец, знаменитые экскурсионные поездки в Италию – вот наиболее известные и в тоже время показательные примеры "неформального общения" в рамках семинария. Гревс стремился быть не столько учителем науки (преподавателем), сколько учителем жизни. И, как следствие этого, разлад с учениками, охлаждение отношений воспринимались им достаточно болезненно¹⁰.

В письме Вейдле старательно демонстрирует уважение и человеческую близость к учителю. Вероятно, это не только дань вежливости и стилистике внутришкольных коммуникаций. Заброшенный в провинциальный город в условиях военной разрухи, потомственный носитель "петербургского мирозерцания"¹¹ на себе почувствовал все прелести провинциальной науки. В отсутствии как органически необходимого Эрмитажа¹², так и всего прочего фразы "здесь можно жить" звучит не только как метафора. Не усталость от культуры – одна из модных поз поколения, а ее необходимость, жажда вопиет в спокойных

⁶ Барабанов Е.В. Россия и Запад: Взгляд издалика (предисловие к публикации) // *Вопр. философии*. 1991. № 10.

⁷ См.: *Вейдле В.В.* На память о себе: Стихи 1918–1925, 1965–1979 гг. Париж, 1979.

⁸ В одной из поздних своих работ Вейдле вспоминал о своем пребывании в Томске: "Еще в двадцатом году, в Томске, читая Строгановым подаренные университетской библиотеке французские книги, мне казалось, что я читаю их в петербургской России..." (*Вейдле В.В.* Россия. Революция. Религия: Фрагменты из книги // *Рус. лит-ра*. 1996. № 1. С. 72).

⁹ Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1991.

¹⁰ О наиболее ярком проявлении примера подобного конфликта Гревса со своим учеником см.: *Русская историческая мысль: Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина: Письма И.М. Гревсу*. М., 1994. С. 102–109.

¹¹ *Вейдле В.В.* Россия. Революция. Религия... С. 71.

¹² *Вейдле В.В.* Вечерний день: Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952. С. 18.

внешне строках письма Вейдле. Единственным способом искомой жизни оказывается научная работа, никому не нужная в прифронтовой Перми, а единственной ниточкой живой связи с культурой – учитель. Кстати, в выборе подобного варианта Вейдле не одинок. Н.П. Оттокар издает в Перми монографию, посвященную анализу социального строя средневековых французских городов – по иронии судьбы свою единственную монографию на русском языке¹³. Г.П. Федотов пишет Гревсу письма, схожие по тональности¹⁴. Его провинциальный (саратовский) опыт надолго оставил у него неприятные впечатления о преподавании учебного курса истории средних веков¹⁵. Сам Гревс через какое-то время в неопубликованной рецензии на "Переписку из двух углов" В.И. Иванова и М.О. Гершензона напишет о необходимости усилий "длить культуру", словесно оформляя жизненный пафос своего ученика¹⁶.

Близость, некое неочевидное сходство учителя и ученика прослеживается не только в жизненных мировоззренческих установках, но и во вкусах и интересах (скажем, интерес к искусству и литературе), отчасти в идейной близости ("органичность" искусства и классический гуманизм), порождавшей, часто нелюбимые высказывания современников (З. Гиппиус писала о Вейдле: "У него все без соли"¹⁷) и даже в какой-то мере во внешнем виде и в манере поведения – "старорежимность" – вот, пожалуй, наиболее подходящее слово в современном лексиконе, фиксирующее впечатление мемуаристов от внешнего облика ученика и учителя. Так, например, встречавший Вейдле уже в 70-е годы Григорий Поляк писал: "Он был высок, величественен – настоящий дворянин, русский барин, каких в те годы уже редко можно было встретить даже в Париже"¹⁸. В связи с возрастом и ролью во взаимоотношениях (учитель) можно с определенной долей условности рассматривать это сходство как влияние Гревса на своего ученика.

Другая особенность гревсовского семинария заключается в том, что многие ученики Гревса (хотя, конечно, далеко не все) впоследствии связали свою жизнь с религиозной, точнее с православной традицией. Если сравнивать гревсовский семинарий с другими подобными семинариями крупных историков того времени, то мы вряд ли сможем обнаружить что-то похожее. Достаточно вспомнить, что учениками Гревса были Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, принявший впоследствии постриг С.С. Безобразов (еп. Кассиан). И в этот же ряд достаточно органично встраивается и Вейдле. "Умирание искусства" не просто дает критическую оценку или переоценку современному состоянию европейской культуры, а делает это, – и здесь специфика концепции автора, – с религиозных позиций¹⁹. Логико-содержательный анализ в сочетании с широчайшей искусствоведческой эрудицией сливаются в целостную концепцию на базе догматического вероиспо-

¹³ *Оттокар Н.П.* *Опыты по истории французских городов в средние века.* Пермь, 1919.

¹⁴ СПб. ФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313.

¹⁵ См.: *Бычков С.С.* Г.П. Федотов (Бюогр. очерк) // *Федотов Г.П.* Собр. соч. М., 1996. Т. 1.

¹⁶ СПб. ФАРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 270.

¹⁷ *Доронченков И.А.* Владимир Вейдле... С. 211.

¹⁸ *Поляк Г. О* Владимире Васильевиче Вейдле... С. 179.

¹⁹ "Самый прямой, да и единственный до конца верный путь возрождения чудесного, а значит и возрождения искусства, лежит через воссоединение художественного творчества с христианским мифом и христианской церковью [...]. Из религии исходит и в религию возвращается всякое искусство, не только в смысле историческом или индивидуально-психологическом, но в силу собственной логики или метафизики, зависящей от неотъемлемой его природы [...] Логика искусства есть логика религии. Искусство ее принимает как условие своего бытия; религия ее дает, как раскрытие, в пределах доступного человеку, сокровенной своей сущности. При этом искусство не только тяготеет к религии... но и реально коренится в ней..." (*Вейдле В.В.* Умирание искусства. С. 156–159). Много лет спустя, в конце 70-х годов, Вейдле полностью согласился с "диагнозом", данным в своей первой книге (*Вейдле В.В.* Об умирании искусства // *Звезда.* С. 187).

ведения. Достаточно вспомнить и то, что в течение 20 лет (с 1932 по 1952 г.), оставаясь одним из наиболее плодотворных художественных критиков и публицистов, Вейдле был профессором Православно-богословского института в Париже по кафедре истории христианского искусства и истории западной Церкви, опубликовал ряд работ по истории церковного искусства в журнале "Православная мысль". В этом его искренняя сила и пафос, ядро мировоззрения.

У самого Гревса, судя по всему, отношение к религии не оставалось неизменным (понятно, что, затрагивая столь деликатную и достаточно специфическую тему, приходится сознавать некоторое смущение и неполноту собственного говорения). Следует, безусловно, согласиться с Б.С. Кагановичем, считаящим, что тяга Гревса к вере, нуждающаяся в определенном выражении, судя по архивным материалам, возросла именно в 20–30-е годы, т.е. в годы активной борьбы советского государства с церковью²⁰. Здесь вера выступает как личная потребность и показатель мужества. Первоначально интерес Гревса к религии реализовывал себя, пожалуй, в тематике семинарских занятий – католичество, Франциск и францисканство, и, конечно, Августин. Материалы к августиновскому семинарию свидетельствуют о том, как тщательно и серьезно анализировал Гревс работы средневекового мыслителя, стараясь понять систему его религиозных взглядов²¹. Выбрав Августина в качестве материала, а не оселка собственного мировоззрения, историк старается прежде всего "объективно" изучить его. Отношение Гревса к Августину концептуально оформлено в статье, написанной для "Нового энциклопедического словаря"²², однако, судя по всему, Гревс не навязывал его своим ученикам. Об этом, например, свидетельствует разность позиций, стилей и выводов статей Г.П. Федотова и А.А. Тэнтела, посвященных Августину и напечатанных в юбилейном гревсовском сборнике²³. Для Гревса в семинарии была важна самостоятельность ученика (свобода), а подобранный материал и тип внутрigrупповой коммуникации способствовали работе не только над темой, но и над собой. И все это, по-видимому, оказалось значимым для формирования мировоззренческой позиции Вейдле.

Текст письма публикуется по рукописному оригиналу, хранящемуся в СПб. ФАРАН (Ф. 726. Оп. 2. Д. 46).

А.В. Свешников

Пермь. 23 июля 1920 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович, с радостью пользуюсь случаем напомнить Вам о себе с особым чувством преданности и благодарности, которые живы сейчас во мне так же как три года назад, когда мы виделись в последний раз. После зимы, проведенной в Томске с сожалением, но не без пользы – там большая библиотека [неразб.] – я опять в Перми, где более или менее все по-прежнему. Можно работать и даже жить. Я теперь преподаватель университета и в летнем семестре уже читал свои первые курсы. Мои занятия, за последние два года касаются главным образом истории права, хотя скорее с общенсторической точки зрения, чем с чисто юридической.

²⁰ Каганович Б.С. Русские исторники западноевропейского средневековья и нового времени (конец XIX – первая половина XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. С. 9.

²¹ См.: СПб. ФАРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 149, 150.

²² Гревс И.М. Августин // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб. [Б. г.]. Т. I. Стб. 128–149.

²³ См.: Федотов Г.П. Письма бл[ажженного] Августина (Classis prima) // К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности И.М. Гревса: Сб. статей его учеников. СПб., 1911; Тэнтэл А.А. К вопросу "об обращении" бл[ажженного] Августина // Там же.

Для сравнения интересна так же оценка Августина в других работах учеников Гревса. См.: Карсавин Л.П. Культура средних веков. Пг., 1918. С. 16–21; Он же. Святой Августин и наша эпоха // Символ. 1992. № 28. С. 233–241; Добиш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.

Готовлю работу о сущности "композиций"¹ и вообще об основах, если можно так выразиться, уголовного мировоззрения в средние века. Год тому назад (еще в Перми) писал доклад "Символизм и аллегорическое мышление в средние века". В конце августа или начале сентября думаю поехать в Петербург и буду счастлив, если вы мне позволите тогда рассказать Вам о моих начинаниях и планах более подробно. Очень, очень хотел повидать бы Вас, дорогой Иван Михайлович, и это одна из главных причин, почему мне так хочется в конце лета поехать в Петербург. Предъявитель сего Б.А. Кроневский попросит Вас передать ему для меня 15 моих книг, у Вас накопившихся; сделайте это, если можно, я очень скучаю без своих французов.

Итак, надеюсь до скорого свидания. Желаю Вам доброго здоровья [...] которое, говорят, Вам не помешает, и всего, всего хорошего. Если будет немного времени, напишите мне пару слов, буду очень признателен. Софья Иосифовна шлет Вам привет².

Искренне уважающий и любящий Вас

В. Вейдле

СПб. ФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 46.

---

¹ Композиции – в средневековом западноевропейском праве сумма, которую по приговору суда должен был платить преступник за совершенный поступок, т.е. штраф.

² Софья Иосифовна – первая супруга В.В. Вейдле.

IV. ХРОНИКА

СОСТАВ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН*

БЮРО КОМИССИИ

Шмидт Сигурд Оттович – акад. РАО, пред-
седатель
Каштанов Сергей Михайлович – чл.-кор. РАН,
зам. председателя
Покровский Николай Николаевич – акад. РАН,
зам. председателя
Черных Вадим Алексеевич – к.и.н., учен. сек-
ретарь (ИС РАН)
Афанасьев Михаил Дмитриевич – к.пед.н.
(ГПИИВ)
Васильев Владимир Иванович – акад. РАЕН
(издательство "Наука")
Волков Владимир Константинович – чл.-кор.
(ИС РАН)
Ирошников Михаил Павлович – д.и.н. (СПб. ГУ)
Козлов Владимир Петрович – чл.-кор. РАН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н. (РГГУ)
Левшин Борис Венедиктович – д.и.н. (АРАН)
Медушевская Ольга Михайловна – д.и.н.
(РГГУ)
Мясников Владимир Степанович – акад. РАН
Чистякова Елена Викторовна – д.и.н.
Чубарьян Александр Оганович – акад. РАН
Шкурко Александр Иванович – к.и.н. (ГИМ)
Янин Валентин Лаврентьевич – акад. РАН

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

Айвазян Михаил Арамисович – (ИМЛИ РАН)
Аидрюшайтите Юлия Викторовна – к.и.н. (ИС
РАН)
Афанасьев Юрий Николаевич – акад. РАЕН
(РГГУ)
Афиани Виталий Юрьевич – к.и.н. (РГАНИ)
Баевский Вадим Соломонович – д.филол.н.
(Смоленск)
Банасюкевич Вячеслав Дмитриевич – к.и.н.
(ВНИИДАД)
Батаева Тамара Васильевна – д.и.н. (РУДН)
Бахтина Ольга Николаевна – к.филол.н.
(Томск)
Бельский Иосиф Львович – (ИНИОН РАН)

Белякова Марина Михайловна – к.филол.н.
(Н. Новгород)
Бердинских Виктор Аркадьевич – д.и.н.
(Киров)
Болховитинов Николай Николаевич – акад.
РАН
Бондарева Татьяна Ивановна – ("Отечественные
архивы")
Бычкова Маргарита Евгеньевна – д.и.н. (ИРИ
РАН)
Веденин Юрий Александрович – д.геогр.н.
(НИИКПН)
Вздорнов Герольд Иванович – чл.-кор. РАН
Водарский Ярослав Евгеньевич – д.и.н. (ИРИ
РАН)
Волкова Наталья Борисовна – к.филол.н.
(РГАЛИ)
Волкова Татьяна Федоровна – к.филол.н.
(Сыктывкар)
Гальцов Валерий Иванович – к.и.н. (Калинин-
град)
Голиков Андрей Георгиевич – д.и.н. (МГУ)
Гришунин Андрей Леопольдович – д.филол.н.
(ИМЛИ РАН)
Данилеико Борис – (Московская Патриархия)
Данилов Виктор Петрович – д.и.н. (ИРИ РАН)
Дегтярев Александр Якимович – д.и.н.
Демин Анатолий Сергеевич – д.филол.н.
(ИМЛИ РАН)
Дмитриев Василий Дмитриевич – д.и.н. (Че-
боксары)
Елпатьевский Андрей Валерьянович – к.и.н.
Енишерлов Владимир Петрович – к.филол.н.
("Наше наследие")
Еремин Александр Иванович – к.и.н. (Орел)
Есаков Владимир Дмитриевич – д.и.н. (ИРИ
РАН)
Житомирская Сарра Владимировна – к.и.н.
Журавлев Валерий Васильевич – д.и.н.
(РНИСНП)
Зелов Николай Степанович – (ГАРФ)
Илизаров Борис Семенович – д.и.н. (ИРИ
РАН)
Илизаров Симон Семенович – к.и.н. (ИИЕТ
РАН)
Каменцева Елена Ивановна – д.и.н. (РГГУ)

* Список утвержден на Бюро Отделения истории РАН 30 июня 1999 г.

При утверждении списка в состав комиссии были включены акад. Д.С. Лихачев, В.Э. Вацуро, Л.В. Иванова, Н.Б. Тихомиров, впоследствии скончавшиеся. Сведения об ученых званиях и степенях приводятся в соответствии с данными на июнь 2000 г.

- Камкин Александр Васильевич – д.и.н. (Вологда)
- Канунова Фаина Зиновьевна – д.филол.н. (Томск)
- Карев Дмитрий Владимирович – д.и.н. (Беларусь, Гродно)
- Киселев Алексей Самсонович – (Мос. гор. объединение архивов)
- Князевская Ольга Александровна – к.филол.н. (ИС РАН)
- Краснов Георгий Васильевич – д.филол.н. (Коломна)
- Крылов Вячеслав Викторович – к.и.н. (РГГУ)
- Кузеев Раиль Гумерович – чл.-кор. РАН
- Кузнецова Татьяна Вячеславовна – к.и.н. (РГГУ)
- Курносоев Алексей Антонович – к.и.н.
- Кучкин Владимир Андреевич – д.и.н. (ИРИ РАН)
- Ларин Михаил Васильевич – к.и.н. (ВНИИДАД)
- Ласунский Олег Григорьевич – проф. (Воронеж)
- Литаврин Геннадий Григорьевич – акад. РАН
- Литвак Борис Григорьевич – д.и.н.
- Лукичев Михаил Петрович – к.и.н. (РГАДА)
- Лялина Галина Сергеевна – к.и.н. (НИИКПН)
- Магидов Владимир Маркович – д.и.н. (РГГУ)
- Метрели Елена Павловна – акад. АН Грузии
- Милов Леонид Васильевич – акад. РАН
- Мироненко Сергей Владимирович – д.и.н. (ГАРФ)
- Митрофанов Николай Николаевич – к.и.н.
- Михайлова Наталья Ивановна – акад. РАО (Музей А.С. Пушкина)
- Михальченко Сергей Иванович – д.и.н. (Брянск)
- Мосин Алексей Гениадьевич – к.и.н. (Екатеринбург)
- Муравьев Виктор Александрович – д.и.н. (РГГУ)
- Немировский Евгений Львович – д.и.н. (РГБ)
- Новохатский Константин Евгеньевич – (Украина, Киев)
- Опульская-Громова Лидия Дмитриевна – чл.-кор. РАН
- Охотин Никита Глебович (Общество "Мемориал")
- Павлова Татьяна Федоровна – (Росархив)
- Пихоя Рудольф Германович – д.и.н. (Академия государственной службы при Президенте России)
- Поздеева Ирина Васильевна – д.и.н. (МГУ)
- Поляков Юрий Александрович – акад. РАН
- Попов Евгений Семенович – (Пенза)
- Присенко Галина Петровна – к.и.н. (Тула)
- Робинсон Михаил Андреевич – к.и.н. (ИС РАН)
- Рогожин Николай Михайлович – д.и.н. (ИРИ РАН)
- Ромодановская Елена Константиновна – чл.-кор. РАН
- Рошаль Лев Моисеевич – д.искусствоведения (ВГИК)
- Рыбаков Борис Александрович – акад. РАН
- Рыженко Валентина Георгиевна – к.и.н. (Омск)
- Рыкова Ольга Владимировна – к.и.н. (Музей А.С. Пушкина)
- Сахаров Андрей Николаевич – чл.-кор. РАН
- Севастьянова Алла Александровна – д.и.н. (Рязань)
- Серебрякова Елена Ивановна – (ГИМ)
- Середа Надежда Владимировна – к.и.н. (Тверь)
- Смирнов Ярослав Евгеньевич – (Ярославль)
- Соболева Надежда Александровна – д.и.н. (ИРИ РАН)
- Соколов Андрей Константинович – д.и.н. (ИРИ РАН)
- Сохань Павел Степанович – чл.-кор. АН Украины
- Старостин Евгений Васильевич – д.и.н. (РГГУ)
- Степанский Александр Давидович – д.и.н. (РГГУ)
- Сундиева Аннета Альфредовна – к.и.н. (Ин-т культуры)
- Тенишев Эдхам Рахимович – чл.-кор. РАН
- Тихонов Юрий Александрович – д.и.н. (ИРИ РАН)
- Туманов Валерий Евгеньевич – к.и.н. (НИИКПН)
- Турилов Анатолий Аркадьевич – к.и.н. (ИС РАН)
- Тюнеев Владимир Алексеевич – (Росархив)
- Тюркина Елена Александровна – к.э.н. (РГАЭ)
- Усмаинов Миркасым Абдулахатович – д.и.н. (Казань)
- Филимонов Сергей Борисович – д.и.н. (Украина, Симферополь)
- Флоря Борис Николаевич – чл.-кор. РАН
- Фонкич Борис Львович – д.и.н. (ИВИ РАН)
- Формозов Александр Александрович – к.и.н. (Ин-т археологии РАН)
- Чирков Сергей Васильевич – к.и.н. (РГГУ)
- Чудакова Мариетта Омаровна – д.филол.н. (Литературный ин-т)
- Чурбанов Вадим Борисович – д.филос.н. (РГБ)
- Шумейко Михаил Федорович – к.и.н. (Беларусь, Минск)
- Шапов Ярослав Николаевич – чл.-кор. РАН
- Яновский Андрей Дмитриевич – к.и.н. (ГИМ)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

- Ирошников Михаил Павлович – д.и.н. (СПб ГУ) – председатель
- Бубнов Николай Юрьевич – д.и.н. (БАН) – зам. председателя
- Киселева Людмила Ильинична – д.и.н. (РНБ) – зам. председателя
- Дмитриева Зоя Васильевна – к.и.н. (СПб ФИРИ РАН) – учен. секретарь
- Аксельрод Владимир Ильич – к.и.н. (ДТЮ)
- Алексеев Юрий Георгиевич – д.и.н. (СПб ГУ)
- Альшиц Даниил Натанович – д.и.н. (СПб Академия культуры)
- Ананьич Борис Васильевич – акад. РАН
- Бобров Александр Григорьевич – д.филол.н. (ИРЛИ РАН)
- Богуславский Густав Александрович – (СПб ГУ)
- Бударагин Владимир Павлович – (ИРЛИ РАН)
- Бучина Людмила Игоревна – (РНБ)
- Вилинбахов Георгий Вадимович – к.и.н. (Гос. Эрмитаж)
- Вольфцун Людмила Борисовна – (РНБ)
- Воронова Тамара Павловна – к.и.н.

Ганелин Рафаил Шоломович – чл.-кор. РАН
 Гальперина Белла Давидовна – д.и.н. (РГИА)
 Гнев Владимир Николаевич – д.и.н. (СПб
 ФИРИ РАН)
 Демкова Наталья Сергеевна – д.филол.н. (СПб
 ГУ)
 Егоров Борис Федорович – д.и.н. (“Литератур-
 ные памятники”)
 Ермолаева Любовь Константиновна – к.и.н.
 (СПб ГУП)
 Ивина Людмила Ивановна – к.и.н. (СПб ФИРИ
 РАН)
 Колочков Владимир Андреевич – к.и.н. (РНБ)
 Кочеткова Наталья Дмитриевна – д.филол.н.
 (ИРЛИ)
 Кукушкина Маргарита Владимировна – д.и.н.
 (БАН)
 Лебедева Ирина Николаевна – к.филол.н.
 Лихачева Ольга Петровна – к.филол.н. (РНБ)
 Маркелов Глеб Валентинович – (ИРЛИ РАН)
 Можуга Владимир Иванович – к.и.н. (СПб
 ФИРИ РАН)
 Маньков Аркадий Георгиевич – д.и.н.
 Медведев Игорь Павлович – чл.-кор. РАН
 Мещерская Елена Никитична – д.и.н. (СПб ФИВ
 РАН)
 Мыльников Александр Сергеевич – д.и.н. (МАЭ.
 Кунсткамера)
 Николаев Николай Иванович – (СПб ГУ)
 Панеях Виктор Моисеевич – д.и.н. (СПб ФИРИ
 РАН)

Пиотровская Елена Константиновна – к.и.н.
 (СПб ФИРИ РАН)
 Плешков Виктор Николаевич – д.и.н. (СПб
 ФИРИ РАН)
 Раскин Давид Иосифович – к.и.н. (РГИА)
 Рождественская Татьяна Всеволодовна –
 д.филол.н. (СПб ГУ)
 Сапунов Борис Викторович – д.и.н. (Гос.
 Эрмитаж)
 Скатов Николай Николаевич – чл.-кор. РАН
 Скрынников Руслан Григорьевич – д.и.н. (СПб
 ГУ)
 Соболев Владимир Семенович – д.и.н. (СПб ФА
 РАН)
 Старцев Виталий Иванович – д.и.н. (СПб ГУП)
 Творогов Олег Викторович – д.и.н. (ИРЛИ
 РАН)
 Усыскин Григорий Самойлович – д.и.н.
 Филимонова Татьяна Ивановна – к.и.н. (РНБ)
 Фроянов Игорь Яковлевич – д.и.н. (СПб ГУ)
 Фурсенко Александр Александрович – акад.
 РАН
 Цамутали Алексей Николаевич – д.и.н. (СПб
 ФИРИ РАН)
 Чернуха Валентина Григорьевна – д.и.н. (СПб
 ФИРИ РАН)
 Шепелев Леонид Ефимович – д.и.н. (Гос.
 геральдическая служба)
 Шишкин Валерий Александрович – чл.-кор.
 РАН
 Эрастов Дмитрий Павлович – (ЛКРД)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1999 ГОДУ

8 июня 1999 г. состоялись традиционные “Тихомирские чтения”, посвященные опыту составления “Летописей жизни и творчества” выдающихся деятелей отечественной культуры¹.

28 июня Б.Н. Морозов на заседании Археографической комиссии сделал сообщение о поездке в Санкт-Петербург (по гранту IREX – International Research & Exchanges Board) для продолжения работы над международным проектом создания Биографического банка данных Российского государства XIV – начала XVIII в. (ББДРГ) – *Muscovite Biographical Database (MBD)*. В ходе поездки продолжалось исследование биографических источников по истории боярских родов – вкладных и кормовых книг и синодиков-помянников, хранящихся в ОР РНБ, РГИА, БАН, СПб ФИРИ РАН. С помощью новейшей техники Лаборатории кодикологического исследования и научно-технической экспертизы документа РНБ начался новый этап работы по кодикологическому изучению энциклопедического сборника Ионы Соловецкого (Q.XVII.67). Б.Н. Морозов также сообщил об участии в научно-краеведческой

конференции “Глыбоччына: Погляд у мінулае”, проходившей 21–23 июня в г. Глубокое Витебской области Республики Беларусь.

26 октября председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт рассказал о своих научных командировках за рубеж в связи с празднованием 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина. В сентябре С.О. Шмидт был в Австрии, где в дни “Недели Москвы” в Вене открыли памятник Пушкину и организовали выставку, посвященную Москве (среди экспонированных изданий и “Археографический ежегодник за 1997 год”). В Вену прибыл мэр Москвы Ю.М. Лужков, выступавший в зале Ратуши и при открытии памятника Пушкину. Так как это совпало с днем его рождения, то прошел прием в Российском посольстве. Имело место общение и с деятелями культуры и, как член Государственной комиссии по подготовке празднования 200-летнего юбилея А.С. Пушкина и Московского оргкомитета по подготовке и проведению юбилея Пушкина, С.О. Шмидт ознакомил интересовавшихся с тем, что было сделано в связи с юбилеем, с содержанием научных конференций, тематикой выставок и изданий. Во время

¹ См. наст. издание. С. 252–254.

встречи с сотрудниками Института исследований Восточной и Юго-Восточной Европы состоялся обмен информацией об изучении близкой проблематики в Австрии и в России.

Из Австрии С.О. Шмидт направился в Бельгию, где выступил с докладом в Ратуше г. Брюсселя "Пушкин на пороге столетий" (30 сентября) в день открытия памятника Пушкину в Брюсселе. В Брюсселе до того была организована выставка, посвященная Пушкину, которая вызвала живой интерес. Во время пребывания в Бельгии он имел возможность посетить старинные города, встретиться с преподавателями Университета в г. Лувен и ознакомиться со славянской частью его библиотеки. Много дало общение с российской диаспорой, особо интересовавшейся пушкинской тематикой и вопросами изучения усадебной культуры, исследования дворянской генеалогии.

В октябре С.О. Шмидт участвовал в посвященной юбилею Пушкина международной конференции в Отделении социологии университета Пандио в Афинах. Тема доклада – "Пушкин в среде дипломатов"; выступал также и по другим докладам.

В период конференции и во время приема в Российском посольстве плодотворным было общение с греческими коллегами, изучающими русскую литературу и историю России (особенно с организатором конференции профессором О. Селеку и профессором С. Ильинской), удалось ознакомиться и с некоторыми памятниками античности в других городах. Материалы конференции должны быть изданы отдельной книгой.

23 ноября прошло заседание, посвященное международным контактам Археографической комиссии. В.А. Черных рассказал о своей поездке в Италию в апреле 1999 г. В университете старинного города Мачераты, основанном в конце XIII в., при кафедре русского языка и литературы, которую возглавляет известный филолог-руссист, первый переводчик "Реквиема" и "Поэмы без героя" Аины Ахматовой на итальянский язык, профессор Карло Риччо, создан Ахматовский научно-исследовательский центр. В.А. Черных вошел в состав научного комитета Центра. Он принял участие в его первом организационном заседании и прочитал для студентов-руссистов лекцию о традициях перевода итальянской поэзии на русский язык и русской поэзии – на итальянский. При Центре существует хорошо укомплектованная и постоянно пополняемая "Библиотека Ахматовиана". Профессор Риччо занят сейчас составлением библиографии изданий произведений Ахматовой и литературы о ней. Центр планирует издание сборника "Ахматовские тетради" ("Quaderni achmatoviani") на русском и итальянском языках.

О.А. Князевская и Т.В. Лохина рассказали об итогах поездки в Вену (Австрия) в октябре-ноябре 1999 г. Им довелось посетить Венский университет. В Институте славистики, при участии директора проф. Х. Микласа,

О.А. Князевская выступила с докладом, посвященным новому изданию рукописи Саввиной книги (Москва, РГАДА, Ф. 381. № 14). Новое издание заслужило высокую оценку собравшихся и вызвало оживленную дискуссию. Т.В. Лохина сообщила о встречах с сотрудниками Института исследований Восточной и Юго-восточной Европы (А. Каптелером и И. Шварц) и Института византистики (Н. Зайбт) и о знакомстве с проблематикой исследований этих институтов. Кроме того, О.А. Князевская занималась исследованием древнерусской рукописи XIII в. ("Венский октоих"), хранящейся в австрийской Национальной библиотеке. Эта рукопись представляет несомненный интерес для истории русского и украинского языка и их взаимодействия.

М.П. Мироненко рассказала о выставке рукописей, редких, ценных книг и древних собраний в Библиотеке Берно в Генуе, состоявшейся в апреле-июне 1998 г. Первоначальное ядро Библиотеки Берно было заложено аббатом Карлом Джузеппе Веспасиано Берно (1713–1794), вложившим основную часть своего состояния в создание богатой библиотеки. В 1824 г. его собрание было приобретено городом, и библиотеке присвоено имя основателя. К этому времени его библиотека насчитывала 17 тыс. томов. В настоящее время в нем сохранилось около трети: часть книг наследники отдали в другое хранилище, часть сгорела во время бомбежки в 1942 г. В составе библиотеки преобладали книги второй половины XVII в., в основном научные. Книги по медицине частично происходили из библиотеки дяди основателя, Джакомо Бальби, и большая часть их относилась к XIV–XVIII вв. Среди них было много иллюминированных книг, а также книг в драгоценных переплетах: Эпистола св. Иеронима XV в., "Di civitate Dei" св. Августина на пергамене и др. Из 315 иркунабул, хранившихся в библиотеке Берно, только 53 могут быть с уверенностью атрибутированы как принадлежащие к первоначальному фонду.

В XIX–XX вв. в генуэзскую Библиотеку Берно вошло большое число частных книжных и рукописных собраний: "Либрерия" врача Деметрио Каневари – замечательная коллекция книг по философии и науке XV–XVI вв., содержащая более 2400 печатных книг с 1625 г., собрание книг о Колумбе, составленное Джузеппе Балди, включающее редкие издания с 1571 г., собрание И. Маккензи, посвященное Данте (начиная со второй половины XV в.), фонд поэта, друга Гарибальди и Мадзини Джузеппе Торре (посвященный главному образом изобразительному искусству) и др. Фонд знаменитой генуэзской патрицианской семьи Бриньоле-Соле, приобретенный в 1983 г., составляет 16 тыс. томов из родовой библиотеки, подаренной в 1874 г. коммуне Генуи вместе с дворцом Росо и коллекциями искусства Марией Бриньоли Сале де Феррари, герцогиней Гальера. Первые книги начал собирать Антонио Бриньоле (умер в 1605 г.), а продолжил его сын,

бывший дожем Генуи в середине XVII в. Эта коллекция, собиравшаяся в течение столетий правившей в Генуе семьей и составлявшая к началу второй мировой войны 27 тыс. томов, представляет исключительный интерес.

28 ноября в Музее М. Цветаевой прошли совместные Археографической комиссии и Музея чтения памяти Д.С. Лихачева².

30 ноября состоялось совместное заседание экспозиционного и методического проблемных советов ГИМ и Археографической комиссии РАН, посвященное 100-летию со дня рождения старейшего музейного работника Анны Борисовны Закс (1899–1996). Вступительные слова произнесли заместитель директора ГИМ по научной работе В.Л. Егоров и председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт. С докладами выступили А.А. Сундиева (НИИ культурологии) "А.Б. Закс и музейное дело"; Е.И. Розенталь (ГИМ) "А.Б. Закс – педагог, историк, экспозиционер"; Т.Г. Игумнова (ГИМ) «Совместная работа над учебным пособием "Музееведение. Музеи исторического профиля"».

Одним из самых значительных событий 1999 г. стал выход в свет издания древнейшей славянской кириллической рукописи, так называемой "Саввиной книги", осуществленное Археографической комиссией в сотрудничестве с Институтом болгарского языка Болгарской академии наук³. Беспрецедентное в практике отечественной публикации рукописных памятников издание соединяет в себе полное фото-воспроизведение четырех разновременных частей рукописи, снабженное комментариями наборное воспроизведение текста, палеографическое и кодикологическое описания.

10 декабря в РГАДА, где хранится древний кодекс (Ф. 381. № 14), состоялась презентация нового издания. Собравшимся была предоставлена редкая возможность увидеть "Саввину книгу" и сравнить рукопись с изданием. Сначала к собравшимся обратился директор Архива М.П. Лукичев, отметив важность публикаций памятников древнеславянской письменности для поддержания их сохранности и введения в широкий научный оборот. Слово было предоставлено ведущему научному сотруднику АК О.А. Князевской, которая познакомила присутствовавших с весьма непростой, а иногда драматической историей подготовки рукописи к изданию. Идея публикации памятника возникла во второй половине 1980-х годов, когда мало кто мог предположить, какие сложности ожидают советскую, а затем и российскую науку в недалеком будущем. Много теплых слов было сказано в адрес сотрудников Архива, реставраторов, сделавших возможным кропотливую работу по изучению рукописи, коллег,

бескорыстно заинтересованных в издании памятника и помогавших в осуществлении проекта. С.О. Шмидт назвал издание примером плодотворного сотрудничества: сотрудничества Российской и Болгарской академий наук, а также сотрудничества РАН и одного из важнейших архивов. По словам выступавшего, это издание стало также примером развития междисциплинарных связей и результатом сотрудничества ученых, представляющих различные гуманитарные науки.

О работе над изданием рассказала Л.А. Коробенко (изд-во "Индрик"), которая, помимо решения научных задач, разработала новый шрифт, позволяющий максимально точно воспроизводить каллиграфические особенности почерка писцов. В.С. Гольщенко (ИРЯ РАН) обратила внимание собравшихся на то, что успех издания был бы невозможен без готовности издательства "Индрик" максимально учитывать требования публикаторов к изданию такой технически сложной книги. О реставрации рукописи, об исправлениях ошибок реставрации 1950-х годов рассказала И.П. Мокрецова (ВНИИР). Образцом плодотворной работы ученых-гуманитариев назвал книгу В.А. Кучкин (ИРИ РАН), отметивший научную тщательность издания. В.А. Черных (АК) сказал, что издание "Саввиной книги" – одно из тех изданий, которыми Археографическая комиссия может по праву гордиться. Он также предложил сопровождать издания рукописных памятников сведениями о проведенных реставрационных работах. В заключение слово было предоставлено главному хранителю РГАДА И.А. Балакаевой, которая в свою очередь выразила благодарность реставраторам, издателям и ученым, подготовившим эту ценную книгу за вклад в дело сбережения бесценного древнеславянского письменного наследия.

21 декабря О.А. Князевская сообщила о своей работе в Твери, куда она трижды выезжала для консультаций по определению извода и уточнения датировки древнеславянских рукописей XV–XVII вв., хранящихся в Тверском музее и в Тверском областном архиве. Она отметила, что собрание рукописей Твери (около 200 ед. хр.) несомненно интересно для специалистов и требует всестороннего исследования.

28 декабря состоялось заседание на тему: "Научное наследие М.М. Богословского и А.Е. Преснякова (к 70-летию их кончины)". Вступительное слово произнес председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт. Были заслушаны доклады и сообщения: А.В. Мельникова (АК) «Архивные материалы о М.М. Богословском: издание труда М.М. Богословского "Петр Великий. Материалы для

² См. наст. издание. С. 386–388.

³ Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Часть первая. Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование / Издание подготовили О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М.: Индрик, 1999. 704 с.

биографии" и документация памяти ученого»; *Е.В. Неберекутиной* и *Т.В. Сафроновой* (ОПИ ГИМ) "Дневники М.М. Богословского и подготовка их издания"; *Б.С. Кагановича* (ИВИ РАН) "А.Е. Пресняков и его окружение"; *С.В. Чиркова* (АК)". Взгляды А.Е. Преснякова на взаимоотношение археографических и источ-

никоведческих исследований"; *Е.А. Шингаревой* (Музей МХАТ) "Документы о А.Е. Преснякове в Музее МХАТ". Материалы заседания будут напечатаны в "Археографическом ежегоднике за 2000 год".

А.Л. Лифшиц, В.А. Черных

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Археографический ежегодник за 1998 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1999. 429 с.

Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999. 557 с.

Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Часть 1: Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование / Отв. редактор О.А. Князевская; Изд-е подг. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М.: Индрик, 1999. 704 с.

Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: В 2 кн. / Отв. ред. С.О. Шмидт; РАН, АК, РГГУ, ИАИ. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М.: РГГУ, 1998. 383 с.; Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М.: РГГУ, 1999. 511 с.

ЮБИЛЕЙ НИНЫ АНДРЕЕВНЫ ДОЛДОБАНОВОЙ

Для многих "Археографический ежегодник" и образ Нины Андреевны неразделимы. В Предисловии уже ко второй книге – "Археографическому ежегоднику за 1958 год" его ответственный редактор, академик М.Н. Тихомиров отметил, что "общее наблюдение за изданием вела Н.А. Долдобанова". С оформлением в 1968 г. редакционной коллегии "Археографического ежегодника" Н.А. Долдобанова – постоянный ее член и ответственный секретарь.

По окончании школы с золотой медалью в г. Курске Н.А. Вахер начала учиться на историческом факультете Московского университета и специализировалась по кафедре этнографии. Ознакомившись с дипломным сочинением выпускницы о певческих праздниках и национальной одежде эстонцев во второй половине XIX в., ей предложили стать аспиранткой кафедры. Но обстоятельства сложились так, что она по рекомендации Агнессы Ивановны Пинт, старшего референта Отделения исторических наук АН СССР, преподававшей студентам истфака эстонский язык, начала работать референтом этого Отделения (еще в то время, когда во главе его был академик Б.Д. Греков). Таким образом, грядет и еще один юбилей – 50 лет плодотворной преданной деятельности Нины Андреевны в системе учреждений Отделения истории Академии наук.

М.Н. Тихомиров, став академиком-секретарем Отделения, не мог не обратить внимания на улыбчивую красавицу с большой русской косой. Но скоро он убедился и в том, что в Нине Андреевне счастье совмещаются и замечательные человеческие качества (ум и доброжелательность, такт, склонность к юмору, скромность и одновременно высоко развитое чувство собственного достоинства), и замечательная деловитость: самоотдача делу, большая работоспособность, организованность и четкость, чувство и личной, и общественной ответ-

ственности. Он сразу уловил, что недавно вошедшая в коллектив молодая женщина пользуется доверием и всеобщим уважением, вызывает симпатию и сотрудников аппарата Отделения и связанных с ним ученых.

И когда Михаил Николаевич осознал, что именно возрожденная по его почину Археографическая комиссия становится впредь главным полем его научно-организационной деятельности, то пригласил Нину Андреевну перейти на основную работу туда и поручил ей наладить подготовку к печати создаваемого им нового продолжающегося издания – "Археографического ежегодника". И она приняла участие в подготовке первой книги этого издания на последнем этапе.

Задачей ежегодника тогда по замыслу М.Н. Тихомирова, было "помочь дальнейшему развитию советской археографии и источниковедения" (так сформулировано в Предисловии к первому АЕ за 1957 год). Основатель Археографической комиссии и "Археографического ежегодника" стремился приблизить археологию и архивоведение к источниковедению, поднять их научный уровень в ту пору, когда в архивных учреждениях и вузе ограничивались методикой прикладных приемов, а за теорию и методологию выдавали вульгарно-политизированную идеологию, когда выявление, изучение и публикация исторических документов и особенно новейшего времени искусственно отлучали от плодотворного опыта исследования источников более ранних периодов истории и смежных с историческими филологических научных дисциплин. М.Н. Тихомиров изначально старался обеспечить возможность публикации и ранее созданных трудов ученых старших поколений (иногда уже и посмертно) и вовлечь в интенсивную творческую деятельность, наряду с известными уже специалистами, научную молодежь. Изда-

чально были установлены и разделы ежегодника: Статьи и сообщения; Обзоры, описания, библиография; Публикации; Хроника.

Вся основная работа по подготовке книг ежегодника велась в самой Комиссии: сбор и организация материала (в том числе хроникального) и проверка точности фактологических и справочно-библиографических данных, и редактирование. Обязанностью Нины Андреевны стали помимо того и "внешние сношения" с Отделением истории и институтами, дающими рекомендацию книги к печати, с издательством. Но главная работа велась, конечно, с авторами. Это требовало и эрудиции, и уверенной четкости (в требованиях к оформлению рукописи, ее научного аппарата), и долготерпения, и большого такта. А так как среди авторов, особенно с конца 1960-х годов было немало только начинающих печататься в научных изданиях и провинциалов, не всегда знакомых с правилами столичных издательств, то Нине Андреевне приходилось вырабатывать и проявлять и педагогическое мастерство – и сколько ныне уже известных историков глубоко признательны ей за науку!

С 1968 г. в подготовке материалов "Археографического ежегодника" участвует и Юлия Викторовна Андриушайтите, столь же самоотверженно, как и Нина Андреевна, относящаяся к своей работе, – редактор материалов по XX в. Этот счастливый для издания тандем определяет ритм и качество работы и остальных лиц, причастных к "Археографическому ежегоднику", и стиль взаимоотношений с авторами и с издательством. Умеют сделать даже так, что неоднократные нарушения планов, ритма и сроков работы новациями, предлагаемыми ответственным редактором, не отражаются на качестве подготовки нашего издания.

Сейчас сдается в производство (благодаря материальной поддержке Российского гуманитарного научного фонда) подготовленный Ниной Андреевной библиографический указатель всех "Археографических ежегодников" и других продолжающихся изданий региональных отделений Археографической комиссии (включая издающийся Санкт-Петербургским отделением ежегодник "Вспомогательные исторические дисциплины") – около ста книг. За основу работы взята роспись материалов по оглавлению. Иногда включаются и элементы аннотации. В издании имеется указатели имен – и авторов, подготовивших материалы, и лиц, упомянутых в заголовках этих материалов. Это – ценное библиографическое пособие, необходимое всем, кто занимается проблемами археографии, архивоведения, источниковедения, историографии, да и, конечно, собственно отечественной истории. Можно с уверенностью полагать, что за книгой "Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии и РАН и ее Отделений" укоренится в наиболее удобном языке и библиотекарей, и читателей наименование "Указатель Долдобановой". Именно из этого издания читатели грядущего времени будут в первую очередь узнавать сведения о сделанном нашей Комиссией в последние десятилетия уходящего века.

Нина Андреевна много способствовала созданию атмосферы доброжелательства и творчества в повседневной работе Археографической комиссии, поэтому собравшиеся там в день юбилея – 25 ноября 1999 г. – сотрудники и друзья Комиссии с особой теплотой приветствовали ее, от души желая ей здоровья и новых добрых свершений.

С.О. Шмидт

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ, ПОСВЯЩЕННОЕ 70-ЛЕТИЮ Л.В. МИЛОВА

14 сентября 1999 г. на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова состоялось торжественное заседание Ученого совета, посвященное 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук, заведующего кафедрой истории России до начала XIX в., доктора исторических наук, профессора Леонида Васильевича Милова.

Открывая заседание Ученого совета, декан факультета профессор С.П. Карпов отметил, что Л.В. Милов – крупный ученый, признанный в нашей стране и за рубежом специалист в области истории России эпохи феодализма. Его научные интересы отличаются широтой, разнообразием, впечатляющим хронологическим охватом. Это – экономическая история России, источниковедение, палеография,

археография, количественные методы в исторических исследованиях. Л.В. Милов является автором более 150 научных трудов, в том числе 6 монографий. Под его руководством сформировалась авторитетная научная школа. Л.В. Милов – автор оригинальных университетских курсов по фундаментальным проблемам истории России и специальным историческим дисциплинам. Он ведет большую и плодотворную научно-организационную работу как в Московском государственном университете, так и в Российской академии наук.

Ректор Московского университета, академик РАН В.А. Садовничий подчеркнул, что Л.В. Милов принадлежит к числу ведущих профессоров не только исторического факультета, но и Московского университета в целом, и по праву носит почетное и редкое

звание "Заслуженный профессор МГУ". Трудно переоценить значение научных трудов Л.В. Милова. Многолетние изыскания привели его к созданию новой концепции исторического развития России, сформулированной в монографии "Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса" (М., 1998). Этот оригинальный труд стал выдающимся событием отечественной исторической науки.

С поздравлениями и теплыми пожеланиями юбиляру выступили представители научной общественности Москвы и Санкт-Петербурга. От Отделения истории РАН к Л.В. Милову обратился академик-секретарь А.А. Фурсенко. Он передал юбиляру приветственное послание Президиума РАН, в котором отмечалось, что интеллектуальный потенциал, нетривиальный взгляд на предмет исследования в сочетании с огромной работоспособностью позволили Л.В. Милову внести значительный вклад в изучение целого ряда проблем отечественной истории, выйти на уровень самого высокого обобщения российского исторического процесса. Развиваемый Л.В. Миловым междисциплинарный подход – синтез экономического, структурно-лингвистического, филологического, культурологического и исторического анализа – дает блестящие результаты при исследовании общества как сложной совокупности социальных и межличностных, ментальных отношений. Высокую оценку получила научно-организационная деятельность юбиляра как председателя Научного совета РАН по аграрной истории и председателя оргкомитета Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, способствовавшая формированию отечественной школы историков-аграрников.

Эта тема была продолжена доктором исторических наук А.В. Игнатьевым, поздравившим ученого от коллектива Института российской истории РАН. Л.В. Милов внес огромный вклад в координацию усилий нескольких поколений исследователей сельского хозяйства стран Восточной Европы, он, без преувеличения, является душой сообщества историков-аграрников, а его капитальные труды по истории российского крестьянства – выдающееся явление отечественной историографии. Более детально о роли юбиляра в современной исторической науке было сказано в приветствии Центра истории России в средние века и раннее новое время ИРИ РАН, где отмечалась широта научных интересов Л.В. Милова, сочетание в его творчестве точнейшего анализа источников и могучего исторического синтеза, прочная обоснованность фактами его идей, которые вносят отрезвляющую струю в историографические тенденции переоценок и завышения темпов исторического развития нашей страны в период средневековья.

Для коллектива Института славяноведения РАН важно было отметить, что историки-слависты помнят о решающем участии Л.В. Милова в подготовке и публикации текстов древнейшего памятника славянского права –

Закона Судного людям. Издание было подготовлено по инициативе и под редакцией академика М.Н. Тихомирова – учителя Л.В. Милова в МГУ, научного руководителя его первой диссертации. Тема сотрудничества с историками стран Центральной и Юго-Восточной Европы прозвучала и в поздравительном адресе Комиссии историков России и Румынии, сопредседателем которой Л.В. Милов является на протяжении ряда лет.

Коллектив Института научной информации по общественным наукам, представленный на заседании академиком РАН В.А. Виноградовым и членом-корреспондентом РАН Ю.С. Пивоваровым, видит в Л.В. Милове выдающегося организатора науки, талантливого университетского преподавателя, одного из основоположников применения методов количественного анализа в исторических исследованиях. Как исследователя его отличает не только глубина проникновения в суть фундаментальных проблем, оригинальность их решения, филигранность анализа исторических источников, но и неординарный литературный талант: удивительно живой "Великорусский пахарь" как бы возрождает блестящий язык трудов В.О. Ключевского.

Поздравительную речь от сотрудников Государственного исторического музея произнес доктор исторических наук В.Л. Егоров. ГИМ высоко ценит Л.В. Милова как исследователя, в работах которого передовые достижения современной науки сочетаются с ее классическими традициями, как знатока исторических источников, хранилищем коих и является ГИМ. Л.В. Милов – непременный и активный соучастник жизни музея, научный консультант и член Ученого совета ГИМ.

От Московского государственного педагогического университета к юбиляру обратился доктор исторических наук, профессор А.Г. Кузьмин. От редколлегии журнала "Отечественная история" взяла слово Р.В. Костина.

На Ученом совете выступили коллеги Л.В. Милова по историческому факультету МГУ: академик РАН, доктор исторических наук Ю.С. Кукушкин, доктор исторических наук В.А. Федоров, Е.Ф. Язьков, В.И. Кузицин, Л.С. Леонова, Н.Б. Селунская, С.В. Воронкова, кандидаты исторических наук Л.В. Кошман, Л.Н. Вдовина, А.В. Лаушкин. Отдавая должное научным заслугам юбиляра, труды которого, помимо прочих достоинств, являются гимном человеку труда, умом и талантом, мастерством и вдохновением которого в борьбе с природой и внешними врагами было создано Российское государство, все они говорили о роли Л.В. Милова в жизни факультета: он относится к ведущим специалистам, которые определяют основные направления деятельности факультета. Л.В. Милов открыл путь в большую науку не одному поколению молодых историков, продолжающих лучшие традиции российской исторической науки. Для коллег по факультету особенно важна глубокая заинтересованность

Л.В. Милова в делах факультета и университета, его принципиальность, гражданственность, активная жизненная позиция, сочетающаяся с открытостью и доброжелательностью, надежностью и товарищеской верностью. Коллеги весьма ценят человеческое обаяние Л.В. Миловой, его неистощимое чувство юмора, благодаря которому среди серьезных юбилейных адресов нашлось место и для шуточного стихотворного поздравления члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова, и для "вновь найденного" коллегами по кафедре истории России до начала XIX в. исторического памятника – "Похвалы пахарю всей Руси", и других теплых и неформальных поздравлений.

К юбилею ученого исторический факультет МГУ опубликовал отдельной брошюрой биографический очерк и полную библиографию трудов Л.В. Миловой, а в издательстве "Российская политическая энциклопедия" вышел в свет сборник научных статей "Россия в средние века

и новое время" (М., 1999). От имени издательства Л.В. Милова приветствовал его директор А.К. Сорокин, подчеркнувший, что издательство гордится сотрудничеством с Л.В. Миловым. Работы Л.В. Миловой – образец высокой научности, превосходного литературного стиля, глубины проникновения в ткань исследуемого предмета. Общественную значимость трудов Л.В. Миловой невозможно переоценить.

Личные поздравления юбиляру от Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ передал помощник Е.С. Строева С.Е. Щерблягин.

Все выступавшие желали Л.В. Милову крепкого здоровья и новых творческих свершений на благо Отечества.

Л.В. Миллов выступил с научным докладом на тему «"Баварский географ" и так называемые русичи».

Л.Н. Вдовина, А.В. Лаушкин, И.Е. Тришкан

А.Б. Каменский

КОМИССИЯ ПО ИЗДАНИЮ "ПИСЕМ И БУМАГ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ"

2–3 июня 1997 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялась международная конференция "Проблемы изучения и издания рукописного наследия императрицы Екатерины Великой", организованная при финансовой поддержке Института "Открытое общество", в которой приняли участие ученые из России, США, Великобритании и ФРГ. Конференция была приурочена к открытию в Государственной Третьяковской галерее выставки "Екатерина Великая и Москва". Идея проведения подобной конференции была впервые высказана в августе 1996 г. на международной конференции "Екатерина II, Россия и Европа" в Цербсте (Германия) при обсуждении перспектив изучения екатерининской эпохи в истории России.

Основной вопрос конференции в РГГУ – организация работы по изданию "Писем и бумаг императрицы Екатерины Великой", что единодушно было признано всеми присутствующими важной и актуальной научной проблемой. Был заслушан ряд докладов и сообщений, посвященных проблемам поиска, выявления, описания, а также составу екатерининских материалов в различных архивохранилищах. На конференции выступили: О.А. Омельченко ("Законодательные проекты Екатерины II: перспективы изучения рукописного наследия"), М.В. Бабич ("Переписка Екатерины II в РГАДА"¹), Б.А. Градова ("Материалы Екатерины II в Российской националь-

ной библиотеке в Санкт-Петербурге"), Р. Бартлетт ("Екатерина II и английские архивы"), Л.А. Маркина ("Иконография Екатерины II: проблематика, типология, экспертиза"), В.С. Лопатин ("Российские архивы – важнейший источник истории Екатерининского царствования"), М.Ф. Румянцев ("Законодательное регулирование публикации указов при Екатерине II"), С.Я. Карп («О проекте "Архивы Востока"»), А.К. Афанасьев ("Автографы Екатерины II в ОПИ ГИМ"), Н.Ю. Плавинская ("О французских переводах Наказа Екатерины II"), Е.Ю. Наумов ("Эпоха Екатерины II в современных школьных учебниках").

На пленарном заседании были обсуждены вопросы методики подготовки издания "Писем и бумаг императрицы Екатерины Великой". Важнейшим итогом конференции стало решение о создании международной комиссии для его подготовки. Председателем комиссии избран ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев, его заместителями – Н.Д. Кочеткова и А.Б. Каменский (Россия), Э. Кросс (Великобритания), Д. Гриффитс (США), К. Шафр (ФРГ), Х. Баггер (Дания), З. Зелинска (Польша). В состав комиссии также вошли А.К. Афанасьев, М.В. Бабич, Б.А. Градова, С.Я. Карп, А.И. Комиссаренко, В.С. Лопатин, Л.А. Маркина, Н.Ю. Плавинская, М.Ф. Румянцев (Россия), Р. Бартлетт, Д. Хартли (Великобритания), И. Ширле (ФРГ). Была обсуждена и принята предложенная А.Б. Каменским публикуемая ниже программа работы комиссии.

¹ См. наст. изд. С. 268–277.

**Научная программа
международной научной комиссии по изданию
"Писем и бумаг императрицы Екатерины Великой"
(Екатерининская комиссия)**

Деятельность "Екатерининской комиссии" предполагает работу параллельно по нескольким направлениям. Каждое из направлений представляет собой один или несколько взаимосвязанных научных проектов, финансируемых по отдельности.

Направление 1. Составление полного библиографического указателя изданных документов и сочинений Екатерины II.

Направление 2. Составление сводного перечня (краткого справочника) архивных учреждений мира, хранящих документы и рукописи императрицы Екатерины II.

Примечание. Сводный перечень (краткий справочник) может быть подготовлен в печатной и электронной версиях. В последнем случае Комиссия должна будет рассмотреть вопрос о его распространении через Internet или в виде CD ROM disc и соответствующих авторских правах.

Направление 3. Составление каталогов документов императрицы Екатерины II по отдельным архивохранилищам.

Примечание. Работа по составлению каталогов по каждому архивохранилищу представляет собой самостоятельный научный проект, подлежащий отдельному финансированию. В отдельных случаях, когда Комиссией будет признана целесообразность объединения в каталоге сведений по группе учреждений (например, одного региона), составление такого каталога также будет оформляться в виде самостоятельного научного проекта. В каждом конкретном случае Комиссия будет специально рассматривать вопрос о целесообразности издания каталога. Сведения всех каталогов должны быть включены в единый электронный банк данных (см. направление 4). Комиссией должны быть разработаны и утверждены принципы и единый формуляр описания документов, в том числе язык описания.

Направление 4. Создание сводного электронного банка данных о документах императрицы Екатерины II в архивохранилищах различных стран мира с обеспечением доступа к нему через Internet.

Направление 5. Подготовка к изданию томов "Писем, бумаг и сочинений императрицы Екатерины Великой".

Данное направление является в деятельности Комиссии основным. Начать работу по его реализации представляется возможным одновременно с работой по другим направлениям.

Большой объем рукописного наследия Екатерины II, а также его рассредоточенность по десяткам архивохранилищ делают невозможным подготовку публикации по хронологическому принципу, аналогичному принципу, положенному в основу издания "Письма и бумаги императора Петра Великого". В связи с этим предполагается объединение документов в пределах каждого тома по тематическому принципу.

Например: "Письма и указы императрицы Екатерины Великой князю А.В. Вяземскому", «"Учреждения о губерниях" императрицы Екатерины Великой и подготовительные материалы к ним», "Драматические сочинения императрицы Екатерины Великой".

При подготовке к изданию отдельных томов следует руководствоваться принятыми в Российской Федерации правилами издания исторических документов XVIII в. Публикации должны сопровождаться полным археографическим описанием, а также научным комментарием. При публикации черновых материалов, а также текстов, сохранившихся в нескольких списках, воспроизводятся варианты текста, в подстрочных примечаниях приводятся разночтения. Все документы воспроизводятся на языке оригинала. Вопрос о публикации документов на иностранных языках с параллельным переводом на русский язык решается дифференцированно. При публикации переписки в комментариях публикуются также ответы адресатов Екатерины и входящие документы, инициировавшие ее письма или указы. В случае, если объемы инициативного документа таковы, что он не может быть воспроизведен полностью, в комментариях дается его подробное изложение со ссылками на место хранения документа или его публикацию. Каждый том издания снабжается именованными и иными необходимыми указателями.

Подготовка каждого тома является самостоятельным научным проектом. Комиссия определяет очередность подготовки томов, назначает научного редактора и редакционную коллегию, рецензирует и утверждает том к печати.

Направление 6. Составление полного библиографического указателя по историографии России эпохи Екатерины Великой (в печатном и электронном виде).

Направление 7. Составление полного указателя по иконографии Екатерины II (в печатном и электронном виде).

СТО ВОРОНЕЖСКИХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

20 апреля 1999 г. состоялись сотые краеведческие чтения, ставшие значительным рубежом в деятельности одной из старейших общественных организаций современного Воронежа. На юбилейном заседании неоднократно подчеркивалась мысль об исключительно важной научной, методической и культурно-просветительской роли проводимых в городе чтений. Они являются фактором, стимулирующим изучение и пропаганду богатейшего духовного наследия, сосредоточенного в регионе.

Новейшее краеведческое движение в Воронеже имеет собственную историю. В январе 1971 г. при Областной научной библиотеке им. И.С. Никитина по инициативе группы местных ученых был создан Общественный совет краеведов (ОСК), который сразу же приступил к интенсивной работе. Использовались самые разнообразные формы деятельности, в том числе и такая нетрадиционная, как персональные творческие отчеты краеведов. Регулярно готовились выставки из частных коллекций (запомнилась, например, экспозиция к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне). Проводились читательские конференции, встречи с интересными людьми (в частности, с потомком писателя А.И. Эртеля – филологом Севастьяном Гарретом, приехавшим на родину знаменитого прадеда из Великобритании), устраивались мемориальные вечера (памяти художника В.П. Криворучко, писателей В.А. Кораблинова, А.Т. Прасолова и др.). После вечера, посвященного поэту-земляку К.М. Гусеву (он прославился и как переводчик отечественной поэзии на языке эсперанто), возникло предложение организовать при средней школе № 17 (в настоящее время гимназия № 3) специальный литературно-краеведческий музей. Последний существует и поныне, являясь своеобразным методическим центром для других средних учебных заведений города.

Однако основным способом реализации своих идей учредители ОСК выбрали публичные чтения, которые позволяют целенаправленно формировать актуальные направления историко-краеведческих поисков, вводить стихийное увлечение провинциальной стариной в русло строго научных исследований. Первые краеведческие чтения состоялись в "Никитинке" 25 марта 1971 г. Тогда еще никто не мог предположить, что добровольное сотрудничество краеведов станет долгожителем, что спустя 28 лет в том же актовом зале областной библиотеки пройдут сотые чтения. Вот некоторые итоги: на чтениях выступило около 200 человек, прозвучало более 600 докладов и сообщений. Кстати сказать, большинство сюжетов, изложенных на чтениях, рано или поздно находило свое закономерное завершение в печатных авторских публикациях.

12 марта 1991 г. ОСК был преобразован в Воронежское историко-культурное общество

(ВИКО). В этом акте переименования заключен большой и дорогой для нас смысл. Дело в том, что деятельность энтузиастов, сплотившихся вокруг краеведческого сектора (в дальнейшем – отдела) "Никитинки", с самого начала ориентировалась на освоение интеллектуальных и художественных пластов регионального прошлого. Стержневым направлением в работе ОСК всегда было постижение культурных накоплений в крае. С наступлением нового социального климата в стране, с возникновением процесса деидеологизации гуманитарных знаний воронежские краеведы, как и все их коллеги в России, освободились от сковывавших их политических ограничений и смогли, наконец, проводить работу без оглядки на власти. Определив объединение как историко-культурное общество, мы более точно обозначили сущность и характер его изысканий.

Среди наиболее уважаемых и активных членов ВИКО следует прежде всего назвать ученых местных вузов (З.Я. Анчиполовский, М.А. Вересин, В.П. Загоровский, М.Д. Карпачев, В.И. Кузнецов, Л.Г. Сафонов, Н.В. Троицкий, Е.Г. Шуляковский и др.), а также представителей творческих союзов (композитор Ю.В. Воронцов, музыковед В.Б. Ижогин, искусствовед М.И. Лунева, художники В.П. Криворучко и П.Д. Пономарев и др.). В вышедшем к юбилею справочном издании "Сто краеведческих чтений в лицах и публикациях" (Воронеж, 1999. 16 с.) зарегистрировано более 75 человек – основных участников краеведческих чтений. Среди них – инженеры, педагоги, медики, журналисты, библиотекари, книговеды, военнослужащие и т.д. В числе активных участников следует отметить не только воронежцев, но и исследователей из районных городов и даже сел Центрального Черноземья (И.С. Ярцев, А.Н. Кряженко и др.).

Любопытно, что уже в перестроечную эпоху от ОСК–ВИКО отпочковались другие профильные краеведческие клубы, которые нашли свою нишу в общем здании. Дух не мелочной конкуренции, а здорового творческого состязания объединяет сегодня знатоков и любителей местной старины в их стремлении создать многоаспектную и объективную картину более чем четырехвекового существования Воронежа как административного и духовного центра обширной российской территории. Свое восприятие современного состояния исторической регионологии авторы этих строк изложили в обзорной статье, помещенной во втором выпуске "Исторических записок" (Воронеж, 1997). Содержащиеся в ней критические замечания объясняются стремлением поставить заслон воинствующему дилетантизму, который в условиях всесияния денег все более разрушительно влияет на положение дел в краеведении.

Члены ВИКО уделяют большое внимание разработке проблем, связанных с литературным

прошлым региона, изобилующим яркими именами. Каждую осень проводятся особые Кольцовско-Никитинские чтения, на которые выносятся темы, освещающие эту грань воронежской истории. Помимо писателей-демократов, полученных в наследство от XIX в., героями выступлений и дискуссий стали мастера слова XX в. с их трудными, исковерканными большевистским режимом судьбами (О.Э. Маидельштам, А.П. Платонов и др.). Нужно отметить и то, что ВИКО тесно сотрудничает с областным отделением общества "Мемориал", члены которого постоянно информируют о результатах своих архивных находок. Это и понятно: где, как не в данной аудитории, рассказывать о трагедии провинциальной интеллигенции, пострадавшей в годы сталинского террора?!

Наряду с ежегодными Кольцовско-Никитинскими чтениями, регулярными стали отдельные заседания, посвященные истории Областной научной библиотеки им. И.С. Никитина (основана в 1864 г.), юбилейным датам местной истории (400-летие Воронежа, 150-летие Михайловского кадетского корпуса, 75-летие ВГУ и т.д.), "круглые столы" старожилов, где шла речь о прежнем Воронеже. В последнее время несколько раз проводились чтения по историко-церковной тематике, в них принимали участие и священнослужители. В рамках чтений нередко проводятся презентации краеведческих трудов.

Одну из главнейших своих задач "виковцы" видят в том, чтобы извлечь из невольного забвения многие яркие фигуры, снять с прошлого многолетний слой лжи, нагроможденной советской политической системой. Только сейчас возможно постичь истинные масштабы той просветительской духовно-нравственной деятельности, которую вели вдали от столицы священнослужители, дворяне, меценаты из купеческой среды.

Серьезным подспорьем при подготовке докладов, предназначенных для краеведческих чтений, являются разнообразные материалы, почерпнутые из государственных и частных архивов. Наряду с привычными типами

письменных памятников, специалисты пользуются такими нестандартными видами источников, как церковные летописи, генеалогические таблицы, архивно-следственные дела, воспоминания воронежцев-эмигрантов и пр. Археографические обзоры тех или иных документальных массивов, хотя и нечасто, но сообщаются на чтениях.

Стремясь наладить "горизонтальные" связи с другими регионами, "виковцы" поддерживают тесные отношения со своими коллегами из Кирова, где проходят Петряевские чтения, Челябинска – штаб-квартиры Бирюковских чтений, Нижнего Новгорода, Тамбова, Пензы, Курска, Липецка и других городов. Межрегиональные краеведческие контакты, при несомненном ослаблении связей с федеральным центром, приобретают теперь особую ценность. Члены Союза краеведов России должны чаще собираться для обмена опытом работы в различных регионах страны.

2000-й год для воронежцев – особый: ровно 200 лет тому назад вышел первый труд по истории края, книга Е.А. Болховитинова "Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии" (Воронеж, 1800). С учетом предстоящего юбилея программа чтений будет насыщена докладами, которые включают различные этапы местной краеведческой хроники. Предполагается издание подробного биографического словаря воронежских "местнографов".

Важно отметить, что на каждые чтения охотно откликается воронежская периодическая печать. Библиографические перечни соответствующей литературы (вместе с раскрытием содержания чтений и всех остальных мероприятий) включены в специальные справочные издания: "Двадцать пять краеведческих чтений" (1981. 24 с.); "Пятьдесят краеведческих чтений" (1988. 28 с.); "Общественный совет краеведов – Воронежское историко-культурное общество" (1996. 34 с.); "Сто краеведческих чтений в лицах и публикациях" (1999. 16 с.).

А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский

НОВЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ В МИРЕ РУКОПИСЕЙ

Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета – одна из старейших в России, а ее фонды по количеству хранящихся в них экземпляров и богатству содержания по праву являются национальным достоянием. Значительное место занимает собрание рукописей, основание которому было положено в первые годы существования университета, когда в его ведение перешла библиотека князя Г.А. Потемкина-Таврического.

В 1922 г. было решено создать Рукописный отдел, в 30-е годы он преобразован в Отдел

рукописей и редких книг (ОРПК). Перед ним были поставлены задачи обеспечения сохранности имеющихся фондов и ввода их в научный оборот путем научных описаний, публикаций наиболее ценных памятников, а также обзоров и каталогов имеющихся материалов. В настоящее время ОРПК хранит более 30 тыс. рукописей IX– XX вв. на русском, западноевропейских, арабском, персидском и различных тюркских языках.

За время существования библиотеки неоднократно делались попытки составить описание как всего рукописного фонда, так и его

отдельных частей¹. Но сейчас все эти издания или морально устарели, или дают неполное представление о составе документальных материалов ОРПК, поэтому возникла необходимость подготовить полный систематизированный путеводитель, соответствующий современному уровню развития археографии и архивоведения.

Новый путеводитель² является итогом многолетней работы сотрудников ОРПК и призван ознакомить широкие круги исследователей с содержанием документальных материалов, сосредоточенных в Русском секторе. Материал в путеводителе разделен на две части: 1) личные фонды и архивные коллекции (выделены в отдельный корпус, начиная с 1971 г.); 2) основной фонд (исторически сложившийся корпус единичных поступлений, куда до 1971 г. входили все поступающие в библиотеку архивные материалы).

Материалы первой части (XVIII–XX вв.) расположены по номинальному принципу (выделено 26 фондов). Среди них личные фонды профессоров Казанского университета и Казанской духовной академии Н.И. Лобачевского, В.М. Бутлерова, Д.М. Одицца, Е.А. Малова, Д.П. Шестакова, коллекции рукописей диалектологической и фольклорной экспедиции Казанского филиала АН СССР и др.

Во второй части (четыре раздела) выдержан тематический принцип расположения материала. Особенно богат и интересен по содержанию I раздел "Русские рукописные кириллические книги" (XIV–XX вв.), где отражены все хранящиеся в отделе такого рода памятники, самая ранняя славянская рукопись среди них – пергаменное Евангелие середины XIV в. II раздел "Архивы личного происхождения" включает документы и коллекции, небольшие собрания отдельных лиц XVII–XX вв. В их числе архивы и коллекции документов помещиков Казанской и других губерний (среди них

Мусины-Пушкины), ученых (И.А. Бодуэн де Куртэн, П.И. Вагнер, Н.П. Лихачев, Н.И. Лобачевский, М.П. Погодин), актеров, писателей и т.д. В III разделе "Документы учреждений и организаций" широко представлены материалы, отражающие историю Поволжья, Сибири и других регионов России XVI–XX вв. (например, документы монастырей и церквей, делопроизводственная документация государственных учреждений различного уровня: от низших – волостные правления, до центральных – приказы), материалы Казанского университета и других высших учебных заведений, музеев и др.

В IV разделе "История и культура" (XVI–XX вв.) большое место занимают источники, связанные с историей Казани и Казанской губернии, Казанского университета и его подразделений и научных обществ. Внимание исследователей привлекут высочайшие указы Казанским губернаторам, а также материалы по истории России, по истории вспомогательных исторических дисциплин, филологии, искусства, библиотечного и книжного дела.

В описании каждой группы документов даются сведения о количестве единиц хранения, хронологическом периоде, основном содержании материала, о наиболее ценных рукописях. В обзоре архивов и коллекций личного происхождения, а также документов учреждений и организаций приводится краткая справка о фондо- или архивообразователе. Путеводитель снабжен указателями: именовым, географическим, учреждений, организаций и обществ, а также газет и журналов.

Сотрудники Русского сектора ОРПК, выпускаемая в свет данный путеводитель, надеются, что он будет полезен научным работникам университетов, институтов и научно-исследовательских учреждений Казани, а также других городов России и зарубежья.

Н.В. Ермолаева, А.В. Скоробогатов

¹ *Артемьев А.И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Имп. Казанского университета. СПб., 1882; *Трубников Н.Л.* Список рукописей и редких книг, хранящихся при Библиотеке Имп. Казанского университета в особом помещении. На 1-е декабря 1903 г. // Уч. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 3–29; Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Казань. 1958–1968. Вып. 1–15; и др.

² Рукописный фонд Русского сектора Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского: Путеводитель / Сост. Э.И. Амерханова, Н.В. Ермолаева, Н.И. Макарова, И.А. Новицкая, А.В. Скоробогатов, В.И. Шишкин. Науч. ред. и автор предис. А.А. Преображенский. Редкол.: А.В. Скоробогатов (отв. ред.), Н.И. Макарова, В.И. Шишкин. Казань, 1999. V+ 142 с. Тир. 500 экз. Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Института "Открытое Общество" (грант ААФ 806).

**ЛЕВ
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ЗАБОРОВСКИЙ
(1930–1998)**

4 ноября 1998 г. скоропостижно скончался Лев Валентинович Заборовский – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук, неутомимый исследователь и публикатор исторических документов по международным связям и отношениям XVII в.¹

Свое образование Лев Валентинович получил в Историко-архивном институте, где его научным руководителем был Н.В. Устюгов. Уже на студенческой скамье определился круг научных интересов и привязанностей будущего исследователя – история раннего нового времени, XVIII в. От учителя, известного знатока отечественных архивов, ученик “заразился” интересом к поиску новых документов, приобрел навык сложной работы с источниками. Читальный зал Центрального (ныне Российского) архива древних актов на всю жизнь стал для него постоянным местом занятий, большим кабинетом, а сам он с годами превратился в почти неотъемлемую часть архивного “пейзажа”, настолько привычного, что и по прошествии нескольких месяцев с кончины Льва Валентиновича взгляд невольно ищет знакомую фигуру, склонившуюся над столом.

Несомненные научные способности Л.В. Заборовского проявились рано. Его дипломная работа “Борьба посадов Владимира и Суздаля с беломестцами в XVII в.”, написанная на основании скрупулезно го изучения большого комплекса архивных источников, была опублико-

вана в сборнике статей памяти его учителя². – случай нечастый даже для выпускника престижного столичного вуза – и по сию пору используется историками русского города.

Однако заняться любимым делом после окончания института Льву Валентиновичу удалось далеко не сразу. Традиционная схема – “вуз – аспирантура – академический институт” – не нашла отражения в его творческой биографии. Даже работая уже в Институте славяноведения, он долгое время по заданию дирекции занимался работой, совсем его не привлекавшей (хотя выполнял ее с обычной для него добросовестностью) – подготовкой многотомного издания документов внешней политики СССР (участвовал в работе над 11 томами). Лишь с начала 1970-х годов Лев Валентинович получил возможность (сначала только частично) заняться (под руководством В.Д. Королюка) своим любимым историческим периодом, но совершенно новой для себе тематикой (определявшейся профилем Института) – историей международных отношений в Европе в XVII в. На эту тему им написано свыше 30 работ, в том числе три монографии, опубликован ряд тематических подборок документов. В центре его внимания находились события в Восточной Европе в середине XVII в., оказавшие существенное влияние на формирование и развитие всей системы европейских международных отношений того времени – народно-освободительная война украинского

¹ См.: *Флоря Б.Н.* Лев Валентинович Заборовский // *Славяне и их соседи.* М., 1999. Вып. 9. С. 238–243 (список его трудов см. С. 240–243).

² *Города феодальной России: Сб. статей памяти Н.В. Устюгова.* М., 1966.

народа под предводительством Богдана Хмельницкого, вызванная ею русско-польская война 1654–1667 гг., и "Потоп" (шведская оккупация Польши в 1655 г.).

Первым большим исследованием (после ряда статей) Льва Валентиновича в этой области стала монография "Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе" (М., 1981). В ней автор, опираясь на тщательное изучение богатого отечественного архивного материала, зарубежных публикаций источников и огромной литературы вопроса на многих языках, исследовал поистине kaleidosкопическую картину международных отношений в регионе в 1653–1654 гг., накануне и в начале русско-польской войны. После выхода книги в свет за автором прочно закрепилась заслуженная репутация крупного специалиста по международным отношениям в Восточной Европе середины XVII в.

К сюжету "Потопа" исследователь вновь вернулся в последние годы. В промежутке были плодотворные занятия, посвященные экономическим связям России и Османской империи в XVII в. Выпущенные им книги "Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа" (М., 1994) и "Католики, униаты, православные: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Ч. I" (М., 1998) принадлежат весьма своеобразному

жанру. Обе имеют подзаголовок: "Документы. Исследование". Назвать их сборниками документов не поворачивается язык. Это – поразительно гармоничное равновесие между тщательно подобранным документальным комплексом, состоящим по большей части из материалов, ранее не публиковавшихся, небольшим исследованием и четким информативным комментарием. И отбор источников и их издание выполнены тщательно, с умением и любовью, отличающими все публикации Л.В. Заборовского.

Помимо разысканий для собственных научных занятий, Лев Валентинович принимал активное участие и в коллективных публикациях. Он был, в частности, одним из основных исполнителей работы по большому международному проекту (российско-канадско-украинскому) "Документы российских архивов по истории Украины". В свет вышел первый том "Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг." (Львов, 1998). В последний год своей жизни Лев Валентинович выступил инициатором еще более крупного издательского архивного проекта (российско-австрийско-датско-шведского) – "Российская и украинская дипломатия в Евразии в середине XVII в.". Хочется пожелать, чтобы воплощение коллегами задуманного Л.В. Заборовским стало достойным памятником ему как человеку и ученому.

А.А. Турилов

**ОЛЬГА
ИЛЬНИЧНА
ПОДОБЕДОВА
(1912–1999)**

27 сентября на 87-м году жизни после продолжительной болезни скончалась Ольга Ильинична Подобедова, доктор исторических наук, крупнейший специалист в области изучения древнерусского искусства и рукописной книги, член Археографической комиссии РАН.

Ольга Ильинична родилась 21 января 1912 г. В 1931 г. окончила МГУ, факультет литературы и искусства. В марте 1946 г. поступила в Институт истории искусств (ныне Государственный институт искусствознания) в должности младшего научного сотрудника. И не покидала его стен более полувека, до выхода на пенсию по болезни в 1997 г. О.И. Подобедова – старейший сотрудник Института, свидетель его организации академиком И.Э. Грабарем. Она – участник подготовки к изданию "Истории русского искусства", ставшего уже легендарным единственным академического многотомника советской эпохи.

О.И. Подобедовой было выпущено несколько книг – о миниатюрах, о творчестве Игоря Грабара и др. Написано множество статей.

Общение с такими выдающимися учеными, как И.Э. Грабарь и В.Н. Лазарев, сделало ее приверженцем и ярким представителем классических традиций отечественной исторической науки. В этом плане особенно характерен круг ее специальных интересов к иллюстрированным летописям и многообразным культурно-художественным явлениям XVI в. Указанному кругу вопросов посвящены две фундаментальные монографии: "Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания" (М., 1965) и "Московская школа живописи при Иване IV:

Работы в Московском Кремле 40–70-х годов XVI в." (М., 1972).

В памяти коллег и ученого сообщества младших поколений О.И. Подобедова останется не только благодаря своим поистине энциклопедическим знаниям, но и как пылкий борец за справедливость, за право изучения древнерусского художественного наследия во всем его многообразии, как бескорыстный организатор науки. Именно в период активных антирелигиозных гонений она выступила инициатором создания широко известных ныне сборников серии "Древнерусское искусство" (изд. с 1963 г.) и многотомника "Центры художественной культуры средневековой Руси" (изд. с 1976 г.). С 1968 г. О.И. Подобедова стала первым заведующим "пробитого" ею, несмотря на активное сопротивление, сектора истории древнерусского искусства, "пригревшего" и воспитавшего множество специалистов Москвы и периферии.

Заседания сектора и организованные под руководством О.И. Подобедовой конференции по вопросам изучения древнерусской художественной культуры собирали огромные аудитории. Консолидация усилий представителей смежных исторических дисциплин всегда была в центре ее внимания. Так появились три сборника из серии "Древнерусское искусство" с подзаголовком "Рукописная книга" (М., 1972. Сб. 1; М., 1974. Сб. 2; М., 1983. Сб. 3), объединившие историков, историков искусства, палеографов и кодикологов. Последнее крупное мероприятие в этом направлении – конференция 1992 г., посвященная памяти преподобного Сергия Радонежского (сборник той же серии по материалам конференции – М., 1998).

Существенное и глубоко заинтересованное внимание О.И. Подобедовой неизменно уделялось вопросам сохранения и реставрации древнерусского культурного наследия. Ее вмешательство в судьбу многих памятников в прямом смысле спасло их жизнь. По инициативе О.И. Подобедовой было организовано несколько конференций и крупных заседаний, посвященных методике и качеству реставрационных работ.

О.И. Подобедова никогда не скрывала своих религиозных убеждений, никогда не испыты-

вала страха перед властью. С предельной открытостью обнажала пыл души и запас знаний перед младшей по возрасту, рангу или совсем юной аудиторией. Она сочетала благоговейное преклонение перед православными святынями с глубокой и активной заботой о судьбах древнерусского культурного наследия.

Навсегда запомнится это удивительное соединение верности научному и общественному служению.

Г.В. Попов

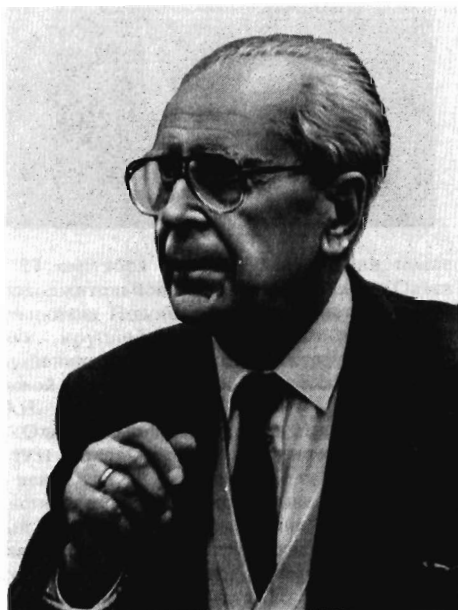

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА*

Н.И. Катаева-Лыткина

ПЕРВЫЕ ЕЖЕГОДНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА

28 ноября, в воскресенье, 1999 г., в день рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева, открылись первые (по замыслу – ежегодные и академические) чтения его памяти. Произошло все это в Музее Марины Цветаевой, в Москве, в Борисоглебском переулке, в доме № 6. Чтения учреждены Музеем совместно с Археографической комиссией РАН.

Вечер начался с вокального квартета духовной музыки под управлением композитора, заслуженного артиста России, лауреата международных конкурсов Анатолия Шелудякова. Специально для этих чтений музыканты подготовили духовный хоровой концерт Д. Бортиянского на слова из псалмов Давида: "Скажи мне, Господи, смерть мою". Безупречное звучание прекрасной музыки настроило аудиторию на светлый лад воспоминаний.

К собравшимся обратился министр Правительства г. Москвы, префект Центрального административного округа столицы А.И. Музыкантский. Он рассказал, сколь велико было его впечатление от первого знакомства с ученым и о том, как он посетил Дмитрия Сергеевича Лихачева в Санкт-Петербурге в дни пушкинского юбилея со съемочной группой телевидения.

Тактично, с любовью и просто, найдя верный тон, вел этот вечер многолетний со товарищи Д.С. Лихачева по работе С.О. Шмидт. Рассказ его был о сотрудничестве единомышленников, о жизненном и творческом подвиге Дмитрия Сергеевича, которому выпало на долю слишком часто противостоять ложным идеям, невежеству и бесчинству функционеров, и о многотомных трудах Дмитрия Сергеевича, ставших классикой еще при жизни ученого.

В последнее морозное воскресенье ноября уходящего 1999 г. на чтения пришли ученые, академики, те, кого он так ценил и которые ценили его. Обычно они выступают на кафедрах и в лекционных залах. Среди собравшихся

---

* Все статьи сохранены в авторской редакции.

были и дорогие гости Музея, которые обещали написать свои воспоминания, – В.Н. Топоров и М.Л. Гаспаров.

Е.Ц. Чуковская подарила Музею и показала аудитории видеокассету, где веселый Дмитрий Сергеевич живо рассказывал о годах своей ранней юности в Куоккале на берегу моря. Семьи Чуковских и Лихачевых в те годы жили рядом на взморье, дружили, и Елена Цезаревна рассказала, что Музей К.И. Чуковского в Перedelкине обязан своим существованием Д.С. Лихачеву.

Н.И. Катаева-Лыткина обратилась к залу с пояснением того, почему Дом-музей Марины Цветаевой взял на себя почетное обязательство в день рождения Дмитрия Сергеевича 28 ноября каждого года проводить в помещении Музея очередные ежегодные Лихачевские чтения. Решение такое закономерно. Дом-музей Марины Цветаевой обязан своим существованием академику Д.С. Лихачеву. В 1985 г. он приехал в пустой, готовый к сносу дом в Борисоглебском переулке, выслушал спасавших его людей и пообещал, что Музей будет открыт и в нем будет Центр по изучению тогда мало кому известного Серебряного века и культуры Русского зарубежья. Слово свое он сдержал.

Д.С. Лихачев задумал организацию Советского фонда культуры (СФК) одновременно с Музеем по принципам, во многом отличным от принципов Министерства культуры. "Покровительство" Правительства было тогда не только помощью, но и ... идейным контролем. Д.С. Лихачев обратился к соотечественникам за рубежом с просьбой вернуть зарубежные архивы в Россию и обещал им своим авторитетом гарантию того, что они не будут упрятаны в спецхраны, а будут переданы в "надежные руки" лучших библиотек, галерей и музеев. Эти цели и задачи были записаны в Уставе того СФК, которым руководил Д.С. Лихачев. По его инициативе и под его председательством в 1990 г. (до открытия Музея, где тогда еще шел капитальный ремонт) коллегиальным решением ученых Президиума СФК Музею на постоянное хранение был передан Архив русского зарубежья. (4/5 его были дары Лидии и Сержа Варсано и также компании "Де Бирс".) Музей Марины Цветаевой стал составной частью СФК.

До последних дней своей жизни Лихачев оставался куратором Музея Цветаевой. С ним были согласованы концепция Музея и все дальнейшие планы. Музей чтит его память и его заветы. Дом-музей Марины Цветаевой работает без выходных, открыт для всех бесплатно и бесплатны в Музее и все экскурсии, выставки, вечера и концерты. Это лучшая дань памяти Дмитрию Сергеевичу. По его заветам Музей ежегодно проводит Международные научно-тематические конференции по проблемам жизни и творчества Марины Цветаевой. Конференция 9–11 октября 1999 г. по теме: "А.С. Пушкин и М.И. Цветаева" была посвящена памяти Д.С. Лихачева.

Представитель компании "Де Бирс" М.Л. Горянов прочитал благодарственное письмо Дмитрия Сергеевича компании "Де Бирс" от 17 марта 1999 г. за продолжение сотрудничества с Музеем и пополнение его собраний. Компания "Де Бирс" передала в тот вечер Музею доньяне не известные гимназические письма М. Цветаевой, купчую на дом Добротворских в Тарусе и семейный альбом Добротворских.

Один за другим ученые выходили к микрофону и делились своими воспоминаниями. О своих отношениях и переписке с Д.С. Лихачевым рассказали Ю.А. Бельчиков и А.Л. Гришунин, у которого оказалось 120 интересных писем Д.С. Лихачева. Все были единодушны в желании видеть в печати информацию об этой переписке*.

Много эпизодов, случившихся при совместной работе в СФК рассказал В.П. Нерознак, который последнее время был заместителем Д.С. Лихачева в

* В "АЕ" предполагается опубликовать обзор этих материалов (Ред.).

Фонде, вспомнил он и о восстановлении по инициативе Д.С. Общества любителей российской словесности. Подробности о работе этого общества и участии Д.С. Лихачева в выработке направлений его деятельности добавила своим рассказом Р.Н. Клейменова.

Большим и интересным было выступление А.В. Петровского. Любопытно было услышать, как Дмитрий Сергеевич осторожно дал ему (тогда президенту Российской Академии образования) свое согласие на титул "почетного академика" Академии образования при условии "...если это никому не помешает".

Почти во всех воспоминаниях узнавался мягкий, чуть грустный юмор Дмитрия Сергеевича. С неподражаемым мастерством устного рассказчика и с особым лукавым изяществом, великолепным русским языком поведала Н.И. Михайлова о своем летнем визите на дачу к Дмитрию Сергеевичу в Комарово, где он укутал ее в теплую кофту от вечерней прохлады и где они вели беседу за чашкой чая с вареньем.

Академик Д.В. Сарабьянов, виртуозно владея материалом, легко и убедительно анализировал ученые труды Д.С. Лихачева, как бы вычленив и составляя из вычленений самостоятельные книги по искусству, по вопросам стиля и по многим другим вопросам. Энциклопедическая эрудиция Д.С. Лихачева была поразительной.

Директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия Ю.А. Веденин сообщил, что отныне его Институту присвоено имя Дмитрия Сергеевича Лихачева, сказал он также и о том, как знания Д.С. Лихачева в области природного наследия и многих естественных наук были глубоки и необходимы при разработке иных проблем.

Развил тему обширных знаний и авторства многих идей Д.С. Лихачева А.Д. Михайлов: специалист в области древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачев был знатоком и аналитиком западной литературы, замечательным ее пропагандистом, что явственно проявилось в программе руководимого серийного издания "Литературные памятники".

Много было сказано об искусстве Дмитрия Сергеевича излагать ясно и доходчиво сложные проблемы, об его детской доверчивости при зорком видении людей и редкостной его доброжелательности, доброте, несмотря на жестокую школу жизни, прожитой им.

Вечер был долгим, но расходиться никому не хотелось. Никто не проронил ни одного дежурного слова. Воспоминания о Дмитрии Сергеевиче были глубоко искренними, благодарными и светлыми.

Вечная ему память!

С.О. Шмидт

ПЕРВЫЙ РАЗ БЕЗ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА...*

Сегодня, 28 ноября 1999 г., мы первый раз не можем поздравить Дмитрия Сергеевича с днем рождения: прошло менее двух месяцев со дня его похорон. Для тех, кому близок Дмитрий Сергеевич как человек, ощущение тяжелой утраты не пройдет. Более того, станвится, пожалуй, еще более ощутимо, что он был важной частью не только нашего общественного бытия, нравственной доминантой его, но и личной жизни. И потому можно утверждать, что те, кто

* Это – измененный и расширенный текст вступительного слова; наиболее приближенный к выступлению текст – в сборнике материалов памяти Д.С. Лихачева, подготовленный к печати Домом-музеем Марины Цветаевой.

был осчастливлен общением с Дмитрием Сергеевичем, тем более одарен его благорасположением, навсегда сохранят его образ в своей душе. Нам это необходимо для поддержания и самих себя, и для того, чтобы достойно вести себя в наше нелегкое время.

Но мы понимаем, что наш долг – и не только в память великого старшего современника, но для того, чтобы передать достойнейшее в нашем культурно-нравственном наследии гражданам грядущего века, рассказать о Лихачеве всем, кто лично не был с ним знаком, побудить их к чтению его трудов, восприятию его выступлений перед телеэкраном, одарить и XXI век академиком Лихачевым. Как историк рассчитываю и на то, что образ Лихачева, труды его, будут убеждать в том, что следует с большим уважением относиться к своему прошлому, что понимание взаимосвязи времен – в основе развития культуры.

Это заседание проходит в гостеприимном Доме-музее Марины Цветаевой, возникшем во многом благодаря инициативной поддержке Дмитрия Сергеевича и ставшем ныне одним из заметных центров культурной и научной жизни Москвы, и особенно Приарбатья. Оно организовано Музеем и проходит совместно с Археографической комиссией Российской академии наук, одна из главнейших задач которой сохранять и изучать наше историко-культурное наследие. А жизнь и труды академика Лихачева воспринимаются как особо драгоценное его достояние. Трудно предвидеть с уверенностью, как будут оценивать наше время и его деятелей потомки, но хотелось бы, чтобы эталоном и достижений в науке, и нравственности в общественном поведении для них стало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева. И, если случится так, то небезынтересными окажется написанное и сказанное о нем и об отношении к нему, даже тогда, когда еще не все отстоялось в сознании, нет еще четких словесных формулировок, не отделено субъективное от объективного, и немало остается попросту неизвестным. Можно полагать, что возникнет и некрасивый в произношении термин "лихачевоведение" (как утвердился уже термин "окуджавоведение") – термин на перекрестии нескольких наук и областей творчества. И охватывать он будет не одну сферу знания. Ибо Лихачев – великий ученый, при жизни во всем мире признанный классиком в области и истории древнерусской литературы, и теории литературоведения, и специальных историко-филологических наук.

Д.С. Лихачева можно сравнить по многообразию проблематики его научных трудов, масштабности и результативности исследований с такими корифеями наших гуманитарных наук, как академики Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов. И нет сомнения в том, что дальнейшее развитие науки о древнерусской литературе, о взаимосвязи словесности и искусства, а также специальных историко-филологических наук будет опираться на сотворенное академиком Д.С. Лихачевым, а многотомное издание под его руководством памятник древнерусской литературы останется основой изучения ее.

Лихачев – и неутомимый изобретательный, и смелый организатор науки, создатель научной школы, и ученый-просветитель. Он и писатель, воплощавший в своем творчестве традиции эссеистики и мемуаристики русской классической литературы и образности, и лаконичности ее языка. И эта его деятельность должна будет обязательно найти отражение в учебных пособиях и исследованиях соответствующей проблематики.

Но академик Лихачев и видный общественный деятель, слова и дела которого оказывали немалое влияние на ход общественной жизни, сознание современников, притом не только в нашей стране. Этому следует найти место и в трудах историков, социологов, культурологов.

Думаю, что редкостное творческое долголетие ученого, его способность и после 80- и даже 90-летия откликаться быстро и с привычными творческими

ассоциациями, и практическими рекомендациями на современнейшие явления науки и общественной жизни – явление исключительное; этот феномен может заинтересовать научную мысль ученых медиков и других специалистов в области естественных наук.

В Археографических ежегодниках не раз публиковались статьи о деятельности академика Лихачева в сферах археологии, источниковедения, историко-филологических наук, о той помощи, которую он оказывал Археографической комиссии в ее работе. Приходилось мне писать об этом и в других изданиях, и в широкой прессе, опираясь подчас и на архивные материалы – письма Дмитрия Сергеевича основателю и первому председателю Археографической комиссии академику М.Н. Тихомирову. Об этом круге научных тем повторяться не стану.

Так как мы собрались в Москве, и приходящие на вечера в Дом-музей Цветаевой привыкли к тому, что москвоведение, культура Москвы особенно частые темы разговора в этом зале, позволю себе привлечь внимание к теме "Дмитрий Сергеевич Лихачев и Москва"; об этом, хотя и коротко, уже напечатано в моей статье в газете "Вечерняя Москва" за 8 октября 1999 г. ("Наш великий современник: сегодня – девять дней, как умер Дмитрий Сергеевич Лихачев").

Дмитрий Сергеевич – петербуржец по рождению, воспитанию, манере поведения. Он преданно любил свой родной город и старался воспитать любовь и уважение к Петербургу у молодых поколений, много писал и говорил о Петербурге, оставил воспоминания о нем. Именно его по праву первым удостоили высокого звания "Почетный гражданин Петербурга". Он досконально знал и Петербург, и его окрестности, и историю их изучения, и заинтересованно следил за всем новым в петербурговедении. Я мог убеждаться в этом и в самое недавнее время как председатель жюри по присуждению анциферовских премий за труды по петербурговедению.

Но Д.С. Лихачев хорошо знаком был с прошлым и с настоящим Москвы и много сделал для изучения ее истории, сохранения ее памятников, утверждения роли Москвы в развитии культуры России и мира. В его трудах – и исследовательских и популярных – запоминающиеся емкие характеристики литературы, искусства, общественного сознания Московской Руси. Он писал и о классиках литературы конца XVII–XX вв. (от Карамзина до Андрея Белого, Есенина, Пастернака) и об искусстве московского авангарда, и даже о рисунках Нади Рушевой. На протяжении многих лет он постоянно работал и отдыхал в Узком; в богатой тогда библиотеке санатория Академии наук он находил литературу и для своих книг "Поэзия садов" и "Русское искусство от древности до авангарда". В Москве с его участием (а часто и по его инициативе) проходили многие научные конференции об изучении древнерусской литературы, книжности, истории культуры, о современных проблемах культурологии. В Москве в декабре 1991 г. состоялось заседание, посвященное юбилею Н.М. Карамзина: Д.С. Лихачев возглавлял юбилейный комитет, произнес вступительное слово, добился репринтного переиздания "Истории государства Российского". В Московском Доме ученых проходила и научная конференция, посвященная 80-летию академика, а в Научном совете по истории мировой культуры готовили сборники в его честь – последний, изданный к 90-летию имеет показательное название "Русское подвижничество".

Как руководитель и вдохновитель деятельности Фонда культуры, Д.С. Лихачев стремился к тому, чтобы в Президиум фонда вошли видные деятели культуры всей страны и Москва стала средоточием их взаимодействия. Благодаря его личному обаянию и ореолу его имени в Фонд стали поступать ценные дары – прежде всего из зарубежья, была создана Библиотека российского зарубежья, которая по инициативе председателя Фонда культуры, поддержанной всеми

членами его Президиума, находится ныне в Доме-музее Марины Цветаевой. Д.С. Лихачев – инициатор и таких заметных московских изданий, как ежегодник "Памятники культуры. Новые открытия", журнал "Наше наследие". Личный вклад академика Д.С. Лихачева в развитие культуры и науки Москвы очень весом. И думается, что не только преклонение перед жизненным подвигом Дмитрия Сергеевича, но и признательность за все, сделанное им для Москвы и москвичей побудили мэра Москвы Ю.М. Лужкова приехать в день панихиды в Петербург и сказать душевное слово.

Д.С. Лихачев ощущал даже культурно-топографические особенности нашего города. В период, когда он возглавлял Фонд культуры, Д.С. Лихачев останавливался обычно в гостинице, ныне носящей название "Арбат", в Плотниковом переулке. Мы гуляли по переулкам Приарбатья, где ученый как бы впитывал аромат этого заповедника русской литературы и затем проникновенно отметил в письме: "...в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без этой нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату, Невский слишком официален..."

Дмитрий Сергеевич был и прирожденным воспитателем общественного сознания, формирующим представления о нравственности и культуре, об отношении к историко-культурному и природному наследию, о богатстве родного русского языка. Он придавал большое значение своей работе по написанию произведений для широкой аудитории, для детей, выступлениям перед телеэкраном, по радио. Д.С. Лихачев – и великий педагог, потому именно его избрали первым почетным членом Российской Академии образования. Думается, что это отражает и характерное для его личности: Дмитрий Сергеевич был добрым, нежным, уважающим сыном, мужем, отцом, дедушкой, прадедушкой. В общении с самыми близкими родными людьми как бы вырабатывал особо доверительную манеру обращения, простоту запоминающегося и доступного слова.

В последнем телефонном разговоре со мною Дмитрий Сергеевич радовался новому, вышедшему этой осенью в Петербурге, изданию его книги для молодых читателей "Письма о добром". Это перепечатка книги, изданной в Пензе в 1996 г. к 90-летию Д.С. Лихачева, с предисловием "О добром и прекрасном человеке" в ту пору президента Российской Академии образования А.В. Петровского и моим послесловием "О жизни и деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева". Какой прекрасный подарок детям Петербурга! Необходимо, чтобы и московские дети и их родители обогатились подобным изданием.

"Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро", – говорил возвращенный из ссылки Пушкин, объясняя почему он именно так написал записку императору о народном воспитании. Этим же руководствовался и Д.С. Лихачев. Вот слова из его последней беседы с корреспондентом "Московских новостей" (1999, 5–11 окт. С. 13): "Я рад, если что-то могу сделать для других, если кому-то может пригодиться мой совет или мнение по тому или иному вопросу. Признаться, иногда сомневаюсь, что могу переломить ситуацию, но, если мое участие хотя бы в виде подписи дает кому-то надежду в нынешних непростых условиях, я обязан откликнуться".

Дмитрию Сергеевичу чуждо было равнодушие, хотя и он оставался подчас субъективным во вкусах и оценках. Известно, какое значение имело его вмешательство в ход того или иного дела, какой вызывало общественный резонанс, и, как неблагоприятно иногда это отражалось на его личной судьбе (к примеру после его выступления перед телеэкраном в защиту Невского проспекта и парков в окрестностях Петербурга он, вызвал гнев ленинградского партийного руководства, и едва ли не единственный из академиков не был

отмечен, когда было массовое награждение, орденами в связи с 250-летием Академии наук). Сколько памятников культурного и природного наследия обязаны Дмитрию Сергеевичу своим сохранением, о скольких памятниках мы узнали именно благодаря ему! А как эффективно и своевременно было его участие и в общественной жизни (вплоть до недавнего обращения к Президенту России с советом принять участие в захоронении останков царской семьи в Петербурге).

Поведение, характер мышления, направленность культурных интересов Д.С. Лихачева обычно возводят к культуре начала столетия, т.е. к так называемому "серебряному веку". Полагаю, что справедливее было бы усматривать корни этого еще в начале XIX столетия, когда представлялись неотделимыми культура и нравственность, и "свое писательское дело – по определению самого академика, как и прежде – авторы воспринимали как служение Родине". Деятельность Д.С. Лихачева в традициях Карамзина, Жуковского, Пушкина, убежденных в преобразующей силе просвещения, воспитывающего нравственное чувство и общественное мировоззрение, в особом значении преемственности исторических представлений. Для них воспитание души было основой обучения и высокая мудрость всегда смягчалась чувством. Их сближало и убеждение в том, что российская история – сфера и мировой истории, а российская литература – часть всемирной. Они – истинные патриоты России – были глубоко чужды национал-шовинизма, и Д.С. Лихачев – автор книг и статей "о русском" и в творчестве своем, и как руководитель серийного издания "Литературные памятники" старался обеспечить знакомство россиян с литературой народов мира.

Убежденный в том, что "духовность – главная ценность", а "нравственность – основа культуры", он всегда жил "с думой о грядущем" (это все заголовки его сочинений). Д.С. Лихачев использовал свой авторитет для служения идее добра, при этом не поступаясь собственным достоинством, оставаясь в ладу с самим собой. Так воспринимался и Карамзин, который, по определению Гоголя "показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве".

С академиком Лихачевым прощались торжественно и официально. В зале Таврического дворца был даже воинский почетный караул. Некоторых это покорило и мне, как человеку, близкому к Дмитрию Сергеевичу и к его семье, понятного как это не вяжется с достоинством их неизменно скромного интеллигентного обихода жизни. Но, как историк, знающий, что державность – в основе наших государственных представлений, я был удовлетворен тем, что высшие официальные почести воздаются наконец первому интеллигенту России, достойнейшему ее гражданину, никогда не занимавшему должности более высокой, чем заведующий отделом академического института. Также меня порадовало и то, что с возрождением высшего Ордена Андрея Первозванного первым наградили Дмитрия Сергеевича.

О таком человеке неверно говорить, что он ушел из жизни. Он ушел из нашей повседневности; знавшие его лично навсегда утратили прелесть общения с ним. В наших душах и сердцах Дмитрий Сергеевич сохранится, конечно, навсегда. Но Лихачев должен остаться в жизни и грядущих поколений, и не только в истории науки. Сейчас уже решено готовить книгу его сочинений в серии "Литературные памятники", ибо Лихачев – классик русской эссеистики, мастер литературного портрета. Необходимо собирать материал и для томов собрания издания типа "Научное наследие", включая и материалы, важные для изучения исследовательской лаборатории ученого, и теле- и радиопередач, и обязательно эпистолярное наследие, срочно выявляя письма у адресатов (или их наследников). А перевод теле- и кинофильмов с участием Лихачева на долговременную техническую основу едва ли не самая первоочередная задача.

Дмитрий Сергеевич – из тех немногих выдающихся людей последних десятилетий, кто владел утрачиваемым – увы! – искусством сочинения писем. Темой их были и научные проблемы, именно там обосновываются и формулируются и оригинальные научные суждения (как в переписке с поэтом Николаем Асеевым о "Слове о полку Игореве", или в письмах к академику М.Н. Тихомирову об изучении и издании лицевых, т.е. иллюстрированных рукописей средневековой Руси и исследовании особенностей письма в различных скрипториях). Но там отражено существенное и в нашей государственно-политической истории, общественном обиходе повседневности, в развитии культуры. А доверительная манера Дмитрия Сергеевича, его заинтересованность в мнении собеседника побуждали и писавших ему к интересным размышлениям, воспоминаниям, важным для историка, социолога, психолога, культуролога. Потому целесообразно готовить к печати всю переписку (т.е. обеих сторон) или описание ее. Именно в комплексе – это особенно ценный памятник истории и культуры.

Написанное и сказанное Д.С. Лихачевым – дар, который передает уходящий век грядущему. Жизнь Дмитрия Сергеевича Лихачева, сотворенное им должны прочно войти в сознание как одна из опор корневой системы наших нравственности и культуры.

В.Н. Топоров

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ В КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА

Оглядываясь *назад* и как бы проверяя великое наследие прошлого, не просто хранимое в закромах памяти мертвым грузом, но, напротив, такое, с которым постоянно и необходимо сверяется день нынешний, и поэтому живущее и действующее в настоящем, и смотря *вперед*, в будущее с верой и доверием, *он* сам – и в этом, может быть, его главный жизненный подвиг – связывал это уже состоявшееся, но еще не исчерпанное в своем лучшем прошлом с подготавливаемым и выстраиваемым достойным будущим, обеспечивая преемственность традиции по обе стороны от настоящего.

В этом пространстве между прошлым и будущим уместается то *благое настоящее*, в котором совершается и жизнь человеческая и деяния человека, то высокое творчество, которое неотделимо от присутствующего в нем подлинно софийного начала. Возможность такого творчества открыта каждому. Перед ним равны и пастух и пахарь, и лесоруб и землекоп, и столяр и токарь, и учитель и врач, и ученый и политик, и поэт и художник, и мыслитель и пророк. Но не все могут войти в эту открытую дверь.

Именно этот отрезок – время ответственности человека, испытание его долга, жизнестроительство, пространство творчества, того дара, который не должен остаться в пренебрежении. Творчеством может стать и сама жизнь, ее саморазвертывание в условиях неопределенности, противоречий, напряженности. Драма жизни именно в той неизбежной борьбе разных начал, которая совершается между эктропическим, вверх, порывом жизни и энтропическим, вниз, направлением жизни смертной, всего лишь временной, и заявка на жизнь вечную, говоря с последней определенностью, на бессмертие – только в творческом деянии.

О прошлом за пределами личной памяти человек *знает* (и притом из других источников) или *считает*, что знает. О будущем – гадает и пытается догадаться, хотя будущее, храня свои тайны, само заботится о том, чтобы не подходить

слишком близко к человеку, не лишать его собственного выбора, без которого не может быть и речи о самостоянии человека, не уводить его из пространства настоящего, соблазняя надеждами на будущее. Настоящее – единственный подлинный дар человеку, единственное пространство, в котором он может заявить о себе. Настоящее время, жизнь, как игла, ткёт материю, начало которой скрыто во тьме, все более уходя от этого начала, все более приближаясь к будущему, которое на глазах, там, где проходит строчка за иглой, превращается в прошлое, не исчерпывая, однако, безмерного запаса будущего с его неопределенностью. Более того, постоянно ускользающее будущее, становящееся подлинной реальностью лишь в точке его превращения в прошлое (в этом смысле можно говорить, что о будущем судят по его исчезновению, тогда как о прошлом – по его расширению–прибавлению), как бы дает понять человеку, что всего будущего ему не объять и не узнать и что надо вернуться к той сердцевине жизни, где совершается собственный выбор, к моменту "последней" ответственности человека перед дарованной ему свободой, перед жизнью, главным испытанием на земном пути.

Но бывает, что человек становится жертвой некоего "обаяния", соблазна, отвлекающего его от главного пути, рождающего иллюзию некоей беззаботности. Нередко и жизненные условия, и наследие прошлого, и обещания будущего сходятся воедино, и тогда возникает искустельный призрачный благоприятной ситуации. А когда еще жизни отпущено много, – а у Дмитрия Сергеевича век жизненный почти совпал с веком календарным, и он жил в каждом из десяти десятилетий, исчерпывающих век двадцатый (и даже запомнил первое из них), – можно говорить о счастливой жизни, во всяком случае рассчитывать на нее. Многим в России начала XX в., особенно после русско-японской войны, перспектива будущего могла казаться многообещающей. Очень скоро наступило разочарование, более того, возможно, самые страшные и тлетворные десятилетия русской истории, самые неблагоприятные для подвига творчества, но, если все-таки этот подвиг состоялся, цена ему великая. Без этого страшного эона, продолжавшегося три четверти века, нельзя вполне понять ни человеческую суть Дмитрия Сергеевича, ни его жизненный подвиг, ставший органической частью того общего подвига, единственной – на равных – альтернативой, противостоящей всему ужасу и злу "окаянных" десятилетий.

Во второй половине XX в. тяжелый корабль Российской истории начал входить в пространство "большого времени". Чуткие к движению и сдвигам исторических масс люди уже предчувствовали нечто, хотя и смутно, но как это бывает перед грандиозными событиями, улавливали звуки разломов, слышали нарастающий подземный гул приближающейся катастрофы вавилонской башни зла. Таких людей было мало, но они были... И одним из них был Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Это время, как потом стало понятно, когда оно уже обнаружило свое присутствие в нашей жизни, было моментом истины, а значит, и возможности выбора и оповещения о нем, что было практически невозможным в предшествовавшие десятилетия: тогда о выборе знал только тот, кто его сделал, а другие чаще всего о нем не знали или, даже зная, были связаны обетом молчания – во всяком случае, когда вставал главный вопрос – о судьбах страны, общества, о чаемом устройстве жизни.

Тогда-то среди немоты и глухоты подлинного бытия появились в России три великих мужа, люди совести и чести, ума и бесстрашия, чей голос, прервавший тяжкий сон кровавого исторического похмелья, был услышан и напомнил людям о достоинстве человека. Все трое были, конечно, борцами со злом (хотя эта борьба осуществлялась и по-разному), но и путеводителями к иной, новой жизни. И при всем индивидуальном различии этих трех фигур, в главном они были

едины. И само это различие свидетельствовало не об ущербности единства, а о богатстве возможностей и множестве путей к нему, о взаимодополняемости частей, пресуществляемых в единство, – ситуация, описанная Владимиром Соловьевым в третьем из его "Трех разговоров" и тоже относящаяся к "последнему" выбору.

Среди этих людей был и Дмитрий Сергеевич Лихачев. Скромный и сдержанный, исполненный чувством долга и ответственности, никак не политик, но знающий, что далеко не все зависит от нее, и что пространство, где политика встречается с более высокими духовными ценностями, теряет свою "злую" силу, чуждый всякой преувеличенности, он шел своим особым подвижническим путем, зная о цене этого противостояния, о грозящих ему опасностях и претерпеваемая преследования и угрозы еще худшего. Его ресурсами были совесть, честь, человечность и негромкий голос, как раз и напоминавший о человеке и человеческом. Кажется, что для Дмитрия Сергеевича зло не имело онтологической природы. Возможно, он хорошо знал, что *бытийственно только добро*, что именно оно обладает высшей степенью подлинности, что сам человек по замыслу добр и открыт добру, и от него самого (к сожалению, не только от него, но и от зла, царящего в мире и извращающего эту добрую в своих возможностях природу человека) зависит, станет ли он таковым. И Дмитрий Сергеевич среди зла, распада и смрада тогдашней жизни учил *добру* и даже не столько учил (тем более – не поучал), сколько внятно говорил о нем, раскрывая его полноту, глубину, если угодно, естественность и пути достижения его. *Этого* добра силы зла боялись, кажется, не меньше, если не больше, чем их собственного обличения. Впрочем, служение добру, проповедь его среди все расширяющейся порчи, может быть, и есть, если не кратчайший, то наиболее целесообразный путь обличения зла в сосредоточении на силу и красоту добра. Возможно, что и "педагогически" это весьма сильный ход: люди начинают *сравнивать* то и другое, и задача выбора между тем и другим приобретает особую актуальность и становится как бы собственным, личным открытием, никем не подсказанным, не навязанным, но свободным и добровольным, самостоятельно усвоенным себе новым опытом.

На этом пути к добру главным упованием Дмитрия Сергеевича была *культура*, конечно, и во всей ее широте, но, главное, в ее глубине. Будучи глубоким ее исследователем, он сам стал большим ее явлением. Русской культуры прежде всего, – *но* как одной из культур человечества, органически связанной с другими членами единого тела мировой культуры, много им давшей, но и не менее щедро и плодотворно черпавшей из них. Но главное, разумеется, что она не просто *одна из многих* культур человечества, а то, что *язык* ее уникален, как уникален язык любой другой культуры. Культуры, по его мнению, как и народы – носители их, субъекты их, полнее всего осуществляют свое назначение именно на пути к добру, потому что по высшему замыслу они сами ему причастны, и только дело-делание добра объединяет их в добрую силу планетарного знания. В культуре, делая свое дело, делают и общее – в сознательном или бессознательном устремлении к некоему глубинному синтезу, должествующему раскрыть и самоценность каждой культуры, и то общечеловеческое, которое, как луч солнца, отраженный в разбросанных стеклышках, свидетельствует о *единстве* культур и людей, *культуры* и человека.

И, исходя из этого всеединства, становится ясно: ни в пространстве добра, ни на путях к нему, как и в высокой вере, "нет ни эллина, ни иудея". Сколько добрых слов было сказано Дмитрием Сергеевичем о людях разных национальностей, о разных национальных культурах! И с каким холодным отчуждением относился он ко всем разновидностям "национал-патриотизма", пытающегося

изолировать русскую культуру от мировой, с тем, чтобы провинциализировать ее, натаскать против "чужих", совлечь ее с магистрального пути мировой культуры и по сути дела нанести ей неповторимый урон!

В самом начале 70-х Д.С. Лихачев писал: «Человечество освобождается от "европоцентризма" и эгоцентрической сосредоточенности на настоящем.

Глубокое проникновение в культуры прошлого и культуры других народов сближает времена и страны. Единство мира становится все более и более ощутимым. Расстояния между культурами сокращаются, и все меньше остается места для национальной вражды и тупого шовинизма. Это величайшая заслуга гуманитарных наук и самих искусств, – заслуга, которая в полной мере будет осознана только в будущем.

Человеческое познание позволяет проникать в чужое сознание, оставаясь самим собой и не становясь чужим. Мы можем понимать то, что нам не свойственно, что отсутствует у нас самих или даже противоположно нам?»

Все просто, правильно, очевидно, но, учитывая тогдашнюю ситуацию, это мужественное напоминание об угрозе равно и культуре, и человечеству, это выступление в защиту высоких духовных ценностей, это, наконец, акт высокого гражданского и нравственного значения, служения обществу и человеку, памяти о своей истории и культуре и благодарности всем другим культурно-историческим традициям, встречи с которыми были благотворны для России.

Что было сделано Дмитрием Сергеевичем в науке? Каковы были результаты этого дела, столь тесно слитого с вопросами нравственности и с идеями высокого Просвещения, продолжающими оставаться насущными для русской культуры и в наше время? Диапазон "культурного" пространства, которое привлекало внимание ученого, огромен – десять веков, вся зримая и засвидетельствованная в слове, в архитектуре, в иконописи история русской культуры, где за частным всегда виделось общее, за эмпирией – организующие ее идеи, где история, словесность, искусство отсылали к синтетическому целому культуры. "Русские летописи и их культурно-историческое значение" и "Национальное самосознание Древней Руси" – из ранних работ – о началах, о вступлении Руси в пространство просвещенных христианством народов и их культур, о хранении памяти и о своем дохристианском прошлом много веков спустя (ср. раздел «"Земля"-народ и освободительное движение начала XVII в.» в последней из указанных книг). Две книги, помимо многочисленных статей, посвящены восьмивековой истории литературы – "Развитие русской литературы X–XVII веков" и "Исследования по древнерусской литературе", охватывающие тот же период. Этот огромный массив литературы в *первой книге* взят под углом зрения эволюции, смены стилей, выделения наиболее интересных и сложных узлов – от сложения того, что дало такие богатые победы, до той эпохи, когда личностное начало стало обнаруживать себя с такой наглядностью, которая свидетельствует уже и о процессе сложения соот-ветствующего сознания.

Вторая книга – великолепная мозаика, в которой частное и эмпирическое, но диагностически важное бросает луч света и на общее и на те столь драгоценные детали, без которых многое остается непонятным, а дух времени оказывается неуловимым. Здесь статьи ("изучения", по терминологии Д.С. Лихачева) и о русском посольском обычае XI–XIII вв., и о летописных известиях об Александре Поповиче, и об изображении скомороха, и стих о жизни патриарших певчих, и плач о реке Нарове 1665 г., и о любовном письме XVII в., и о Каноне и Молитве Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого и т.п. Но это мозаичное панно находит свой частичный контекст в том разделе, который, продолжая аналогию с изобразительным искусством, можно было бы назвать фресковым, харак-

теризуемым соответствующим масштабом и способом типизации, преимущественно жанровой. Это и исследования ("изучения") зарождения и развития жанров древнерусской литературы, и системы жанров в ней, и выяснение предпосылок жанра романа в русской литературе и, наконец, проблемная работа в задачах изучения второго, "южнославянского" влияния в России. Исследования, посвященные поэтике древнерусской литературы, серьезно расширяют сам объем понятия "поэтики" и углубляют смысл того начала, которое может быть названо поэтическим (ср. поэтику времени и пространства, художественного обобщения, поэтику литературы как систему целого и т.п.). Эти работы все больше привлекают внимание читателя к природе художественного слова и самого начала художественного.

Фундаментальное и во многом новаторское исследование "Текстология на материале русской литературы X–XVII вв." посвящено жизни текста во времени и типологии филиаций источника, проблеме аутентичности текста, восстановлению исходного текста. Оно еще раз свидетельствует, что без текстологического исследования памятников древнерусской литературы "письменное" слово может ввести и исследователя и читателя в опасные заблуждения. И еще две необходимые в пространстве научных интересов Дмитрия Сергеевича книги – о своего рода становлении чувства природы, синтезе природы и культуры, образе земного рая, некогда потерянного и снова воссозданного, – о садах и о смехе и "смеховом" мире Древней Руси, иначе говоря, о высоком чувстве блаженства и том "изнаночном", от разума отказавшемся состоянии, в котором иногда только и можно жить в падшем мире, об амплитуде, в пределах которой человек ищет себе место, спасение от зла "мира сего".

И в том и в другом случае отчетливо обнаруживается *антропоцентрическая* доминанта всего творчества Дмитрия Сергеевича – человек и мир, увиденный и описанный человеком, отраженный и в литературе, и в изобразительном искусстве. Говоря о мире, о "внешнем", человек говорит существенным образом и о себе. "Человек в литературе Древней Руси" и "Художественное наследие Древней Руси и современность" (в соавторстве с В.Д. Лихачевой) – две ключевые книги о том, как человек постигал и самого себя и, конечно, *другого*, как формировалось самопознание и уже намечались первые признаки личностного начала и проблемы "другого", ставшей центральной в духовной культуре и антропологии XX в.

Дмитрию Сергеевичу не надо было бороться против чего-то и обличать что-то. У него было несравненно более важное дело – собирание лучшего и наиболее творческого в русской культуре и русской исторической жизни, напоминание об этом. Именно *это* было главным делом его жизни, и перед ним, в свете его обнаруживались вся неподлинность, все убожество и "исторических" решений партийных съездов и пленумов, и бессмысленных штампов на тему "морально-политического единства советского народа", и ежегодных "битв тружеников полей (они же – хлеборобы) за урожай", и лживой "борьбы за мир" тех, кто сам готовил войну, и несостоятельность всего опыта построения "счастливой" жизни на противоестественном, в корне своем враждебном человеку основании.

* * *

Дмитрий Сергеевич, конечно, учитель, хотя столь деликатный, что это учительство не всегда заметно. Ученик должен сделать усилие, чтобы осознать факт связи учительства и ученичества. Лучшей памятью о покойном будет усвоение его уроков – умения быть самим собой в самых трудных обстоятельствах, стремления к той *человечности*, носителем которой был он сам,

следования путями добра и благоволения, рачительная, более того, преданная забота о культуре, той Царице Культуры, верным служителем которой, ее рыцарем всю свою долгую жизнь был он, ставший нашим спутником в садах великой русской культуры, человеком того типа, который давно уже занесен в "красную" книгу, по крайней мере, у нас.

Д.В. Сарабьянов

Д.С. ЛИХАЧЕВ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Когда пытаешься осознать всю значительность той потери, которая произошла со смертью Дмитрия Сергеевича Лихачева, в первый момент научный аспект отступает на второй план перед человеческим, этическим, эстетическим. Лично для меня (думаю, и для многих других) Д.С. был своеобразным щитом, который позволял чувствовать себя в моральной и интеллектуальной безопасности – под защитой ума, сердца, слова человека, как бы предназначенного и своей судьбой, и каким-то высшим предначертанием для этих защитных функций. Каждый из нас знал, что есть человек, способный дать ответы на все те вопросы, которые волнуют, даже мучат нас сегодня, и ответы эти будут не только правильными и мудрыми, но и до конца человеческими. Слово, сказанное Лихачевым, всегда попадало в точку, и каждому было радостно думать, что есть такой человек, который в любом случае прав.

Что касается воздействия эстетического на любого человека, наблюдавшего Д.С. Лихачева со стороны, то оно было очень сильным, можно сказать, неотразимым. Его отличало редкостное единство внутреннего и внешнего, какая-то особая пластическая завершенность, которая проявлялась в фигуре, в голове, в жестах и движениях, в манере произношения слов. На Лихачева было приятно и интересно смотреть. Значительность человеческого явления угадывалась в его пластике.

Но сейчас разговор о другом. Надо постичь смысл и значение того наследия, какое оставил нам Д.С. в научной области. Ясно, что это не минутная задача; наверное, мы в течение многих лет будем ее решать, то и дело возвращаясь к этой теме. Каждый найдет в научном наследии Лихачева важные для себя принципы и положения, и большинство из них будет иметь не узко субъективный, а объективный смысл, составляя всеобщее "лихачевское достояние".

У меня, естественно, свой подход. Ибо я не являюсь ни литературоведом, ни культурологом и хочу взглянуть на лихачевское наследие с позиций искусствоведа. Это оправдано не только тем, что родственные науки имеют общие корни и близкие задачи, но и тем, что сам Д.С. Лихачев пробовал свои силы в искусствоведении, неоднократно предлагая нам свои труды, прямо разрабатывающие искусствоведческие проблемы.

Первый вопрос, который встает в связи с этим, – вопрос о лихачевской научной многогранности. Он – филолог (в самом многообразном проявлении этой профессии) и историк, искусствовед и философ; ему не чужды культурология, экология, природоведение. Нет необходимости подтверждать это перечисление (которое к тому же не полно) ссылками на лихачевские работы. Сохраняя основную роль за филологией, Лихачев как бы соединил различные сферы гуманитарных знаний, подкрепив их незабываемыми этическими постулатами, верой в гармоническое устройство Вселенной и подошел к тому "цельному знанию", которое на протяжении долгого времени было мечтой

русских философов и богословов – Киреевского, Вл. Соловьева, Флоренского, Вернадского, Лосева. Следует заметить, что эта тенденция в нашей науке в последнее время набирает силу.

Говоря об искусствоведческой деятельности Д.С., хочу заметить, что в процессе развития ученого искусствоведческая компонента в его научном творчестве последовательно нарастала и достигла своей высшей точки к моменту издания книги "Русское искусство от древности до авангарда" (СПб., 1993). В таких работах, вышедших первым изданием в 50–60-е годы, как "Человек в литературе Древней Руси" (М.; Л., 1958), "Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого: Конец XIV – начало XV в." (М.; Л., 1962) и "Поэтика древнерусской литературы" (Л., 1967), заметен пристальный интерес к изобразительному искусству – прежде всего к иконописи и фресковой живописи. Но этот интерес выходит за пределы средневекового искусства. Подобно тому, как автор в своих литературоведческих рассуждениях и сравнениях смело переходит от средневековых произведений к романам Гончарова или Достоевского, он может, воспользовавшись какими-либо особенностями древнерусского искусства, обратиться к живописи начала XX столетия. Яркий пример тому – анализ соотношения текста и изображения во французском кубизме (в книге "Поэтика древнерусской литературы") – кстати проблема, которую вскоре стали разрабатывать искусствоведы, исследовавшие авангардную живопись, и к которой сам Лихачев вернулся в книге "Русское искусство от древности до авангарда".

Важным звеном в развитии Лихачева-искусствоведа стала его книга "Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей" (Л., 1982). С первого взгляда она могла показаться явлением случайным. Уже прославленный филолог, утвердивший свой авторитет изданием древнерусских текстов, исследованиями по текстологии, средневековой русской литературе, вряд ли должен был переключить свое уже нацеленное ученое внимание на проблему, казалось бы, стоящую в стороне от лихачевской линии. Между тем это обращение к садам оказалось вполне закономерным, оно стало новым шагом на пути приобщения к искусствоведческой проблематике и освоения междисциплинарных научных принципов. В "Поэзии садов", как и во многих других исследованиях, автор опирается на основоположников мирового искусствознания – Генриха Вельфлина, Эрвина Паннофского, Ганса Зедльмайра, Николаса Певзнера, использует многочисленную специальную зарубежную и отечественную литературу, посвященную садам и садово-парковому искусству. Во всем этом чувствуется планомерная исследовательская работа, результат предшествующего искусствоведческого опыта. Вновь, как бы по следам того, что было сказано по этому поводу в "Поэтике древнерусской литературы", зазвучала проблема стиля, которая проходит красной нитью через все научное творчество ученого. И со всей очевидностью выявилась та общность вопросов, которую автор настоящих строк выше обозначил обобщающим словом "природоведение". Культура в сознании Д.С. никогда не противостояла природе, а, напротив, всегда жила и развивалась в согласии с ней. Тот синтетический метод, который был как бы изначально уготован Д.С. Лихачеву, получал новые компоненты.

Завершающим звеном "искусствоведческой карьеры" Д.С. стала его книга "Русское искусство от древности до авангарда". Ознакомившись с названием этой книги, читатель мог бы ждать последовательного разбора всех основных этапов развития русского искусства. Но автор не ставит перед собой такой цели, хотя в целом он достигает целостности представления о русском искусстве – представления оригинального, основанного на анализе скорее проблем, немеркнущих традиций, чем этапов и многочисленных явлений. Автор показывает, как

складывались национальные традиции в период средневековья, как они жили в новое время, как воплотились в новейшем искусстве. Важнейшая мысль книги – о реализации древнерусских традиций в искусстве конца XIX – начала XX в. Автор намечает несколько линий, по которым шло овладение традициями – непосредственное возвращение к иконописанию (Врубель, Васнецов, Нестеров, Рерих), продолжение линии парсунного письма и провинциальной вывески (Рябушкин, Кустодиев, Петров-Водкин), авангардное освоение традиции – экспрессии древнерусской иконы (Гончарова, Малевич, Филонов). Выделяется фигура Петрова-Водкина как классика новой русской иконописи. Этот список можно было бы пополнить. Но главные явления, опровергающие бытующую в некоторых кругах мысль о том, что авангард внационален, здесь реализуется. Взаимодействие русского авангарда со средневековым наследием – одна из серьезных проблем, стоящих перед искусствоведческой наукой. У нас мало работ, касающихся этого вопроса. Д.С. Лихачев ставит его смело и намечает интересные пути для его решения.

Оценивая то влияние, которое оказал Д.С. на развитие искусствоведческой науки, следует иметь в виду не только его прямое участие в ней. Литературоведческие работы Д.С. Лихачева являются образцовыми для искусствоведческого (а может быть для всякого гуманитарного) исследования. Это касается прежде всего способа мыслить, общего подхода к решению историко-теоретических задач. В писаниях Лихачева привлекает свобода выговаривания мыслей от собственного лица. "Собственное лицо" проявляется не просто в замене официального "мы" на интимное "я", а в свободе сопоставлений, в смелости самой мысли. Мне кажется, что самой важной особенностью лихачевского метода является единство исторической и теоретической проблематики. История литературы (или искусства) и теория у него неразрывны. Когда читаешь его книги, чувствуешь, что в процессе исследования у автора возникает множество теоретических проблем. Они появляются не на пустом месте и не просто из опыта работы вообще над историей литературы, а из совершенно конкретного материала, и к этому материалу затем возвращаются, будучи уже разрешенными или близкими к разрешению.

В качестве одной из таких проблем хочу привести проблему стиля. Ее разработка продолжается с тех пор, как искусствознание образовалось как самоценная наука. Вельфлин и Ригль, Зедльмайр и Шапиро, вслед за ними многие российские ученые немало сил положили на ее решение. Она не потеряла значения и для современной науки, хотя была в свое время потеснена такими новыми методами исследования, как иконология. У Лихачева проблема стиля проработана досконально. Если собрать все вместе те фрагменты различных книг, которые посвящены проблеме стиля, могла бы получиться отдельная книга теоретического характера.

Автор глубоко и интересно проследил за теми изменениями, которые претерпел стиль в своем отношении к "общей массе" художественной культуры, наметил различия, существующие между стилями (эпохами) и стилевыми направлениями, которые все более теснили стили эпохи по мере историко-художественного движения. Он разделил стили на первичные и вторичные, раскрыл закономерность их чередования, указал на невозможность "покрыть" стилем (даже стилем эпохи) всю совокупность явлений того или иного исторического периода. Лихачев рассмотрел стиль как категорию формы (хотя ясно, что эта форма содержательна), но для него стиль – это "форма форм", что является условием некой самостоятельности стиля и его способности "обслуживать" различные намерения и оставаться непривязанным к тем или иным идеологическим доминантам.

Вся эта концепция стиля выглядит весомо и убедительно. Не знаю, думал ли

Д.С. о создании самостоятельной работы, посвященной этой проблеме. Так или иначе подобная работа ему не понадобилась. Ибо все теоретические выкладки ученого образовались на почве конкретно исторического материала, хотя многие и вышли за его пределы.

Из приведенного примера видно, что история у Лихачева не может существовать без теории, а теория без истории ему не нужна. Последнее обстоятельство можно объяснить индивидуальными свойствами ученого. Не знаю, в какой мере Д.С. был противником существования теории литературы или искусства как самостоятельной науки. Думаю, что не был.

То, что автор этих строк попытался продемонстрировать на примере проблемы стиля, можно показать и на других примерах – проблемы пространства и времени в литературе и живописи, соотношения изображения и слова. В каждом случае мы вновь встречаемся с неразрывностью исторического и теоретического аспекта. Это качество чрезвычайно редко присутствует в современных работах в отечественном искусствознании. Поэтому для него лихачевский опыт может стать животворящим.

Нельзя оставить без внимания вопрос о национальном своеобразии всякой культуры и русской, в частности. Для Д.С. Лихачева это едва ли не главная проблема всей научной деятельности. Для представителей русской культуры она всегда была острой и лишь в редких случаях решалась гармонично – без акцента на избранничество России, с одной стороны, и национального унижения, с другой. Характеризуя процесс становления русской культуры, Лихачев продемонстрировал те многочисленные влияния, которые были оказаны на нее со стороны других национальных культур, что в конечном счете пошло ей на пользу. Вместе с тем Д.С. выявлял те драгоценные черты, которые делают русскую культуру неповторимой. Эта неповторимость, по мнению ученого, разворачивалась и развивалась на европейской "культурной территории", оставаясь глухой и невосприимчивой по отношению к восточным влияниям. Это, с моей точки зрения, важное положение, которое Д.С. постоянно – и устно и письменно – отстаивал. Важно оно потому, что отражает существенную особенность русской культуры, которую нередко пытаются окрасить в "азиатские тона". Дело не в том, что эта окраска может показаться "некрасивой" или унижительной. Мы прекрасно отдаем себе отчет в значительности и величии восточной культуры в самых разных ее проявлениях. Дело в том, что эта окраска не имеет реального отношения к русской культуре, к национальной художественной традиции. Точка зрения Лихачева должна быть учтена при дальнейших исследованиях этой традиции. Я специально это подчеркиваю, ибо полагаю, что еще долго предстоит трудиться российским ученым над решением проблемы национального художественного своеобразия, над изучением вопроса о культурной самоидентификации. Вклад Д.С. Лихачева в изучение этой проблемы мне представляется основополагающим.

В этих заметках не берусь говорить о том, что далеко от моей специальности – например, о вкладе ученого в отечественную текстологию или о предложенном им решении проблем литературы русского барокко. Речь веду только о том, что прежде всего касается искусствознания. Считая, что в настоящий момент эта наука – в нашем отечественном варианте – теоретически не насыщена, а история искусства не подкреплена теорией, видя в научном наследии Д.С. Лихачева одним из главных достоинств органическое единство исторического и теоретического аспекта, хочу предложить это наследие в качестве урока и образца, которому предстоит, с моей точки зрения, долгая научная жизнь.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ И НАЧАЛО СИБИРСКОЙ АРХЕОГРАФИИ

Эти сугубо личные заметки, конечно, не раскрывают всей заявленной темы, но все же имеют к ней несомненное отношение.

Дмитрий Сергеевич в последние десятилетия своей жизни шутил, когда самые именитые сановники государства почитали за честь появиться на телеэкране рядом с ним и Зинаидой Александровной, что он теперь немалое время работает как фирма добрых услуг "Заря", помогая множеству ученых и целым научным коллективам добиваться справедливости во властных структурах. Добавляю, что он занимался этим и раньше, когда иные из подобных ходатайств были для него не столь уж безопасны.

Еще в 1960–1970-е годы ему довелось несколько раз, защищая от влиятельных недругов саму идею развития цикла археографических исследований в Сибири, доказывать местным научно-партийным боссам, что ничего опасного для них в изучении всей этой церковной книжности нет, а державе – явная польза.

Обстановка порой была зыбкой, обком КПСС разбирал доносы идейных коллег на археографов (кажется, последний из них недавно был опубликован в одном юбилейном издании). Именитые физики колебались: не ликвидировать ли гуманитарный факультет НГУ, причиняющий немало беспокойств, или загнать его подальше на восток, в Красноярск – пусть у тамошних властей голова болит. Однажды, в те времена, когда личное влияние М.А. Лаврентьева на Н.С. Хрущева уже не "прикрывало" Академгородок, директор нашего Института А.П. Окладников в очередной раз намекнул мне, что его авторитета может и не хватить – нужна поддержка из столиц. Ведь сам секретарь обкома КПСС по идеологии высказался публично, что нечего в Академгородке разводить духовную академию (это о наших достаточно элементарных курсах и семинарах по церковной книжности и культуре). И было удивительной удачей, что поддержка каждый раз приходила, и приходила вовремя.

Первый подобный кризис удалось как-то загладить, воспользовавшись энергичной помощью московских археографов и текстологов школы моего покойного учителя, академика М.Н. Тихомирова. В тот раз С.О. Шмидт и Л.Н. Муравьева смогли найти абсолютно неожиданные для Новосибирска средства защиты на Старой площади. Окладников, не знавший деталей, недоуменно качал головой, но дело было сделано. Однако не прошло и пары лет, как началась следующая атака. Но к тому времени первые наши экспедиции за древними книгами в отдаленные сибирские села и скиты уже дали довольно весомый научный результат. С таким результатом не стыдно было появиться и в Питере, откуда с самого начала весьма благожелательно следили за первыми шагами сибирской полевой археографии.

В этой заинтересованности были и свои основания. Когда в 1965 г. я впервые появился в Новосибирске, привезя в дар от М.Н. Тихомирова его собрание древнерусских книг, там уже готовилась археографическая экспедиция, возглавлявшаяся учениками ленинградской филологической школы Е.К. Ромодановской и Е.И. Дергачевой-Скоп, а также В.Н. Алексеевым. Я уже был знаком с В.И. Малышевым и с В.П. Адриановой-Перетц, но довольно поверхностно. Впрочем, В.И. Малышев уже при второй нашей встрече (первая состоялась еще в середине 1950-х годов дома у М.Н. Тихомирова) дал мне немало ценных советов о том, как в полевых условиях вести со старообрядцами беседы об их книгах. Конечно же, я ранее читал некоторые работы "секторян" Пушкинского

Дома, но после переезда в Сибирь стал это делать более последовательно. Настоящее же знакомство и с Сектором древнерусской литературы ИРЛИ, и с Дмитрием Сергеевичем состоялось лишь, когда в начале 1967 г. я приехал в Ленинград с первыми научными результатами наших экспедиций. Узнав о скитских скрипториях, работу которых нам удалось наблюдать в Восточной Сибири, Дмитрий Сергеевич тут же заказал мне статью в Труды Отдела древнерусской литературы. Ею заинтересовался известный английский славист Дж. Симмонс, попросил разрешения переиздать ее, и Дмитрий Сергеевич в трех письмах ко мне давал рекомендации о подборе иллюстраций. Статья вскоре вышла на английском языке со многими экспедиционными фотографиями. Это уже было вполне реальной защитой – многие из тех, кто решал в Академгородке судьбу сибирской полевой археографии, знали о работе Пушкинского Дома, ну а Оксфорд был аргументом для всех них. Были, конечно, и такие, кто защищал наше дело по собственному побуждению, к ним относились, например, М.А. Лаврентьев и А.Л. Яншин и такие академические деятели старой закалки, которые с самого начала одобрили план развития археографии в Новосибирске. Но и они говорили мне, что поддержка Дмитрия Сергеевича была ох как не лишней: Александру Леонидовичу, например, приходилось несколько раз опираться на нее, каждый раз "пробивая" через издательские структуры АН СССР выпуски первой серии "Археография и источниковедение Сибири".

Не только в 1960-е, но и в 1970-е годы чуть ли не каждый новый шаг в развитии археографических исследований требовал настойчивых усилий. Дмитрий Сергеевич дважды писал соответствующие письма в Новосибирск, в Президиум СО АН СССР, обращался и в "большой" академический Президиум в Москве, несколько раз разговаривал о значении выявления и изучения древнерусских книг с новосибирскими и столичными учеными. И его слушали. Проблема эта была не только сибирской. Полевая археографическая работа разворачивалась в нескольких научных центрах страны, где-то на базе давних гуманитарных традиций, где-то почти на пустом месте – но доказывать ее необходимость приходилось везде. Дмитрий Сергеевич вместе с Сигурдом Оттовичем и автором этих строк не раз писали о достижениях и проблемах археографии в газете "Правда".

Но роль Д.С. Лихачева в становлении и развитии сибирских археографических исследований, как и в моей собственной научной биографии, куда значительнее, чем все эти многотрудные хлопоты. Скажу о себе.

До переезда в Сибирь мои научные интересы долгое время были довольно далеки от древнерусской литературы; кандидатская диссертация 1955 г. была посвящена дипломатике древних актов. Лишь в 1963–1965 гг., работая во Владимиро-Суздальском музее и занимаясь дома у Михаила Николаевича Тихомирова описанием древнерусских книг, я впервые по-настоящему столкнулся с самым широким кругом средневековых нарративных источников. В Новосибирске с первыми же экспедициями встала задача определения и публикации таких источников. И пополнять опыт, полученный во время описания книг Владимира и Тихомировского собрания, сразу же пришлось, опираясь на труды ленинградских и московских ученых, на их советы. В те годы я твердо придерживался правила: каждый год делать научные доклады по сибирским находкам в секторе у Дмитрия Сергеевича, в Археографической комиссии у Сигурда Оттовича, а иногда еще и в Ленинградском отделении Института истории. И вполне понятно, что для этого мало было даже самых интересных экспедиционных находок. Нужно было освоить методику текстологической и археографической работы с древнерусскими сочинениями, выработанную школой Дмитрия Сергеевича. Вполне естественно, что "Текстология" Д.С. Лихачева еще в первом издании

(1962) сразу стала для меня главным пособием. Второе издание книги (1983) стоит на моей полке уже с дарственной надписью Дмитрия Сергеевича.

А в 1968 г. я помню, как доказывал Д.С., что найденный в Сибири Судный список Максима Грека составляет отдельную редакцию. Доказывал, стараясь опираться на его же текстологические постулаты. Кажется, мне удалось убедить его, хотя случай был довольно сложный, и полной уверенности в своей правоте у меня нет и сейчас.

Помню и то, как позднее, делая в Секторе Дмитрия Сергеевича доклад о только что найденном мною в Томске списке Степенной книги, я очень волновался, смогу ли убедительно доказать, что он изготовлялся почти одновременно с Чудовским списком, считавшимся древнейшим, но все-таки чуть раньше его. Я хорошо знал, как недоверчиво относятся в секторе к традиционной болезни многих "первооткрывателей" – считать обнаруженный ими список обязательно древнейшим. Но здесь было удивительно точное совпадение в обоих списках не только бумаги, почерков, но и тех разделов книги, где шла их смена: ясно было, что оба кодекса изготавливались в одном скриптории Чудова монастыря и в один и тот же период времени. А анализ различий четко свидетельствовал, что правка Чудовского списка делалась по Томскому. И для меня было очень важно услышать, как Дмитрий Сергеевич, подводя итог обсуждению, подтвердил, что этот экзамен по палеографии и текстологии я выдержал. Согласившись с моими выводами, он подчеркнул особо: случай этот свидетельствует, что и к таким огромным по объему сочинениям, как Степенная книга, вполне применимы текстологические приемы, выработанные в Секторе и проверенные при работе над известной секторской серией монографических изданий древнерусских памятников меньшего размера.

Такие доклады в Питере, в Секторе Дмитрия Сергеевича, как и в Москве, в Археографической комиссии, у Сигурда Оттовича, были лучшей из возможных школ для молодых еще тогда новосибирских "древников", начинавших в Академгородке новое дело в сфере, где традиции столичных гуманитарных школ были особенно глубоки. Исключительной удачей для нас явилось то, что мы могли с самого начала черпать из сокровищницы этих традиций, накопленных в обеих столицах. Это бывало и вполне оформленное научное руководство (Л.А. Дмитриев, например, был научным руководителем кандидатской диссертации Е.К. Ромодановской, тогда считавшейся "иностранцем членом" сектора), но отнюдь не меньшую роль играли и отношения неформальные.

Дмитрий Сергеевич в своих мемуарных очерках, посвященных Варваре Павловне Адриановой-Перетц, фактически с 1934 г. возглавлявшей и одновременно создававшей Отдел (позже Сектор) древнерусской литературы ИРЛИ, подчеркивал, что формируя состав сектора, она "особенно опасалась принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе" (*Лихачев Д.С. Воспоминания*. СПб., 1995. С. 382). Эта особая секторская дружба была по сути дела предложена и нам, "древникам" из Новосибирска. С самого начала у нас не возникало проблем с постановкой наших докладов на Секторе в короткие сроки командировок. И заинтересованные обсуждения наших научных проблем не всегда вмещались в рамки заседаний, не раз они продолжались и в "кулуарах" Пушкинского Дома, при встречах в рукописных отделах библиотек, дома у Дмитрия Сергеевича на Втором Муринском проспекте, на даче в Комарово, а вскоре и в Новосибирске, у меня дома на Весенней проезде, а также во время встреч с Дмитрием Сергеевичем в Москве – в Археографической комиссии, в академическом санатории в Узком. И дружелюбная помощь Сектора оказывалась не только тем, кто в 1965 и 1966 гг. начинал первые новосибирские экспедиции, но и нашим ученикам, филологам и историкам – Дмитрий Сергеевич сразу же

одобрил наш принцип тесного объединения ученых этих двух специальностей в деле археографического поиска и анализа. Много лет хорошие результаты давала и практика обмена опытом работы молодежи из питерских и сибирских семинаров, взаимного участия в конференциях, научных изданиях. Несколько филологов, наших учеников, успешно защитили кандидатские диссертации в ИРЛИ, и на защитах Дмитрий Сергеевич находил теплые слова для каждого из них (как, к слову сказать, и на докторских защитах Е.К. Ромодановской и в ЛОИИ – моей).

Закончить мне хотелось тем, с чего я начал. Энергичная, постоянная и действенная поддержка Дмитрием Сергеевичем дела поиска и изучения древнерусских рукописей в Сибири была для него нормой поведения. Все три с половиной десятка лет, что я общался с ним, он кому-то и чему-то постоянно помогал. В 1970 г., в ответ на мой рассказ о проблемах нашей научной молодежи, он писал мне: "Пишите без всяких стеснений о всех Ваших нуждах. Я очень рад, когда могу хоть чуточку что-нибудь сделать для хороших людей. Это мне приносит радость. Мне нужно платить за мое относительно благополучное положение. Я чувствую себя должником с тех пор, как меня сделали членом-корреспондентом в обход Эйхенбаума, Томашевского и других гораздо более крупных ученых, чем я".

Эта благородная петербургская скромность Дмитрия Сергеевича оказалась наполненной невероятной созидательной силой. И воздействие этой силы на становление молодого археографического центра в Сибири переоценить невозможно.

Е.К. Ромодановская

О ДМИТРИИ СЕРГЕЕВИЧЕ ЛИХАЧЕВЕ: ВОСПОМИНАНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Дмитрия Сергеевича я помню со студенческих лет. Еще на первом курсе я начала посещать заседания Сектора древнерусской литературы в Пушкинском Доме (объявления о них вывешивались на филфаке Ленинградского университета) – приходила, никого и ничего не зная, и тихо садилась где-нибудь в уголке. Д.С. выделялся, невольно привлекая к себе внимание всем своим обликом – красотой, манерой держаться, обручальным кольцом (их в те годы мало кто носил из мужчин). Как он тогда вел заседания – не могу сказать, слишком мало еще понимала, но атмосфера доброжелательности, внутренней связи присутствующих, умного разговора завораживала.

Посетителей на этих заседаниях было немного, студентов – тем более (за пять университетских лет я была единственным человеком как на моем курсе, так и на последующих, выбравшим специализацию по древнерусской литературе), и лицо мое, по-видимому, Дмитрию Сергеевичу запомнилось. Сужу об этом по тому, что несколько лет спустя, когда я приехала в Ленинград уже по окончании университета и сразу попала в сектор как раз на доклад Лихачева, он сам, первым, со мной познакомился. Никогда не забуду, как, поравнявшись со мною, он вдруг остановился, протянул руку и представился: "Лихачев". Ничего более не оставалось, как подняться и тоже представиться – с тех пор и можно вести счет нашему непосредственному знакомству. И сам по себе этот факт, как будто бы незначительный, поразил меня в те молодые годы и остался своеобразным символом лихачевского отношения к людям – без всякого "академи-

ческого" чванства и гонора, прямой выход на тех, кто его чем-либо заинтересовал, внимание и симпатия к молодежи, интерес к новым людям.

С аспирантских лет начались годы непосредственного общения с Дмитрием Сергеевичем. Моим научным руководителем был Лев Александрович Дмитриев, но Д.С. всегда поддерживал то, что мы начинали делать в Сибири – первые экспедиции, первые публикации, первые научно-организационные инициативы. Без его непосредственного участия не было бы того "археографического открытия Сибири", о котором он столько раз писал и говорил: именно письма Д.С. Лихачева руководству Сибирского отделения создали "атмосферу необходимости", если так можно выразиться, вокруг вопроса о создании сначала археографической группы, а затем и Сектора археографии и источниковедения в составе Института истории, филологии и философии СО РАН.

Совершенно незабываем приезд Д.С. в Новосибирск в 1970 г. Положение наших археографов было довольно тяжелым, пропартийные деятели рвались убрать с работы и вообще как-то прекратить научную деятельность Н.Н. Покровского, обвиняя его в пропаганде религиозных взглядов, пособничестве реакционным клерикальным кругам и т.п. Именно в этот тяжелейший период вдруг приходит известие о приезде в Новосибирск Дмитрия Сергеевича с Зинаидой Александровной; вместе с ними прилетели также Надежда Александровна Дворецкая и Наталья Сергеевна Демкова. Их присутствие позволило нам буквально в три дня организовать на базе университета мини-конференцию о сибирской литературе XVII–XVIII вв. И мы вправе гордиться тем, что первый выезд представителей ленинградского Сектора древнерусской литературы для организации конференций на местах (как было позже – в Новгороде, Пскове, Ярославле и т.д.) состоялся именно в Новосибирске. Конференция подняла значение исследований новосибирских древников и остановила все крики о якобы неактуальности подобных работ.

Однако Дмитрий Сергеевич не ограничился конференцией. Он выступил и на заседании в Институте истории СО РАН, где специально говорил о роли старобрядчества в истории русской культуры и о значении его исследования. Говорил вещи, достаточно элементарные для филологов в то время, а теперь – и для всего общества, потом сам смеялся: "Устроил театр одного актера для одного зрителя!" Однако авторитет главы древнерусской школы был и в то время столь велик, что любые псевдонаучные нападки на исследования археографов после этого были прекращены.

Д.С. помогал нам и в дальнейшем, как помогал многим и многим в разных городах и всях нашей страны, и потеря его – горе не только Пушкинского Дома, но и всех русских филологов.

Б.Ф. Егоров

Д.С. ЛИХАЧЕВ И "ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ"

Дмитрий Сергеевич Лихачев был связан с подготовителями и издателями академической серии книг "Литературные памятники" чуть ли не с первых месяцев ее существования (основана в 1948 г.): вместе с Б.А. Романовым и В.П. Адриановой-Перетц начал готовить к изданию основную летопись русского народа – "Повесть временных лет" (книга вышла в двух томах в 1950 г.). А с 1953 г. (по другим сведениям – с 1952) Д.С. был приглашен в состав редколлегии серии. В начале 1971 г. он был утвержден председателем редколлегии, блистательно руководил ею 20 лет, а 5 декабря 1990 г. на заседании редколлегии сообщил

коллегам, что желает передать бразды правления своему заместителю, автору этих строк, ибо с возрастом затрудняется вести интенсивную руководящую работу в целом ряде общественных и научных организаций и обществ и хочет хотя бы частично снять с себя нагрузки. Мы, его коллеги, горячо тогда уговаривали остаться председателем, обещая максимальную помощь, но Д.С. остался непреклонен.

Тогда мы попросили его остаться в роли почетного председателя, и Д.С. после первоначального отказа, после наших настойчивых просьб и шуток о чукче-почетном академике и рассказанного самим Д.С. реального анекдота о О.Д. Хвольсоне, – согласился (анекдот таков: когда в 1920 г. известному физику Хвольсофу сообщили о присвоении ему звания почетного академика, то он, видимо желавший избрания в "настоящие" академики, отшутился каламбуром: "Разница между почетным академиком и просто академиком та же, что между обращением в письмо – Милостивый государь – и реальным государем"). Хорошо, что все воспринимали грустное событие не в минорном ключе, а то, что еще почти десятилетие, до самой кончины, Д.С. фактически оставался во главе редколлегии, продолжая следить за издательским процессом, инициировать и утверждать новые заявки, выдвигать новые идеи, – было для редколлегии истинным счастьем.

В 1971 г. Д.С. принял руководство редколлекцией после скончавшегося академика Н.И. Конрада, и он продолжал реализовывать замечательные идеи своего предшественника: серия является всемирной, охватывая культурные регионы всего земного шара в громадном интервале времени – от двадцати веков до нашей эры ("Эпос о Гильгамеше", 1961, "Сказки и повести Древнего Египта", 1979) до XX в. после Рождества Христова; серия включает не только выдающиеся, "классические" произведения, но и якобы второстепенные, однако сыгравшие в свое время значительную роль; в серии публикуются литературные памятники в современном смысле слова, считавшиеся таковыми и в свою эпоху; вообще при издании главенствующим является принцип историзма, историчности и художественно-эстетического объяснения тех или иных памятников.

Эти основополагающие принципы Д.С. внес и некоторые новые черты или акценты. Он выдвинул важность этических аспектов при издании книг: серия должна подчеркивать, в противовес националистическим и сепаратистским идеям, единство мирового культурного процесса, гуманистический, "человекоуважительный" и интернациональный характер основного всемирного литературного комплекса (поэтому так важно, издавая значительные иностранные памятники, сопровождать их статьями об усвоении их в русской культуре); Д.С. не осудил, а, наоборот, принял как данность своеобразную стихийность в планировании и выпуске книг серии, сравнив ее по "бесконечной" продолжительности с жанрами периодики.

Личные научные интересы руководителя редколлегии всегда играют большую роль в издательской политике и практике. Д.С. активно способствовал (и сам принял видное участие) изданию трех десятков памятников фольклора и литературы Древней Руси, а также многих произведений русской литературы XVIII–XX вв. Интерес ученого к мировой культуре садов вылился в издание при его участии "Садов" Жака Делиля (1987). Д.С. предложил издавать в серии мемуары выдающихся художников, если они имеют большую историческую и художественную ценность, и по его инициативе и при его участии вышли в свет "Мои воспоминания" А.Н. Бенуа (1980; 2-е изд. 1990, репринт 1993) и "Воспоминания М.В. Добужинского" (1987).

Любовь Д.С. к путешествиям привела его к идее сделать своеобразную подсерию внутри большой академической серии – подсерию путешествий. К знаме-

нитому "Хождению за три моря" Афанасия Никитина, открывавшему серию в 1948 г. и потом дважды переизданному (1958, 1986), и к "Путешествиям русских послов XVI–XVII вв." (1954) Д.С. пожелал добавить очерки странствий людей нового времени, сыгравшие известную роль в истории отечественной литературы. Таким образом вышли в свет "Письма об Испании" В.П. Боткина (1976), "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина (1984), "Фрегат Паллада" И.А. Гончарова (1986), "Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе": 1697–1699" (1992). В какой-то степени к этому ряду можно отнести и публицистическую книгу А.Н. Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" (1992).

Н.И. Конрад, желая расширить серию во времени и пространстве, предполагал дойти и до издания советских произведений, например, "Железного потока" А.С. Серафимовича и "Разгрома" А.А. Фадеева, Д.С., однако, очень опасался, что достаточно будет издать Серафимовича или Фадеева, как тут же партийные власти начнут настаивать на включении в план Д. Фурманова, Ф. Гладкова, Н. Островского, лауреатов Сталинской премии... И выдвинул принцип – только до 1917 года! Дескать, литературный памятник должен пройти проверку временем, нужен интервал, по крайней мере, в несколько десятилетий, и поэтому удобно остановиться на рубеже Октябрьской революции.

Отдельные исключения делались для зарубежных литератур, а для русской, если не считать публикации фольклорных записей советского периода, исключение было единственное – "Василий Теркин" А.Т. Твардовского (1976): редколлегия пошла на "попущение" ради празднования 30-летия победы в Великой Отечественной войне. Но в перестроечное время Д.С. согласился с возможностью переступить через границу 1917 г., и при его санкционировании редколлегия приняла заявки на издание произведений Н.С. Гумилева, М.А. Кузмина, А.М. Ремизова, М.А. Булгакова. Ведутся переговоры и об издании произведений А.А. Ахматовой, Е.И. Замятина, А.П. Платонова.

В свете трудных социально-политических проблем, возникших в Крыму после распада Советского Союза и отделения Украины, Д.С. задумал сделать "Крымскую" подсерию русской литературы, во главе которой должны стать "Севастопольские рассказы" Л.Н. Толстого. Из этой подсерии сейчас готовится к выпуску "Путешествие по Тавриде в 1820 году" И.М. Муравьева-Апостола (составители – симферопольские литературоведы Э.В. Данилова и А.Е. Тархов).

Не все замыслы удавалось осуществить. 20-летний период руководства Д.С. отличался неоднократными вспышками цензурных гонений; особенно почему-то бушевали антирелигиозные страсти. Нечего было и думать о реализации замечательного замысла Н.И. Конрада издать своеобразную трилогию "Исповедей" – Блаженного Августина, Ж.Ж. Руссо и Л.Н. Толстого. Придирались даже к иллюстрациям. К ценнейшему болгарскому памятнику "Жизнеописание Софрония Врачанского" (1976) готовилась суперобложка с изображением Софрония в епископском облачении и клобуке. "Высоким" академическим начальством во главе с вице-президентом П.Н. Федосеевым портрет был воспринят как религиозная пропаганда, и весь тираж суперобложки был пущен "под нож". Византийские жития христианских святых и праведников, подготовленные к печати С.В. Поляковой, встретили цензурные препятствия уже целиком; Д.С., бывший ответственным редактором книги (вышла в 1972 г.), предложил завуалированное заглавие "Византийские легенды", под коим издание и состоялось, но все равно разразился скандал. Привожу свою дневниковую запись о рассказе Д.С. (его стиль не сохранен):

«Закрылись фиговым листком, назвав книгу "Византийские легенды". Может быть, и проехало бы, но случай не помог, а помешал. Какой-то большой чин из Моссовета, проезжая утром по улице Горького, вдруг заметил у "Академкниги" большую очередь,

задолго еще до открытия магазина. Послал узнать – что это? Сообщили: будут продаваться "Византийские легенды". Что это такое – никто не знал. Позвонили Федосееву. Тот тоже, конечно, ни слухом, ни духом. Запросил книгу, а доброжелатели попутно еще напели ему на большее. Федосеев в ярости вызвал меня и устроил грандиозный скандал-выговор:

– Вы обманули Академию наук! Под видом легенд издали жития святых!

(Д.С. Пытался объяснить, но тщетно). – И смотрите, какой ненаучный комментарий. Вот, например, объяснение о Марии: Богоматерь и т.д.

– Что же здесь ненаучного?

– А то, что в комментарии объяснение дается по легенде, а нам нужно, как было в действительности!»

(Прямо как в анекдоте о тупом экскурсоводе, описывавшим Александрийский столп на Дворцовой площади: "Ангел, как видите, в натуральную величину".)

С большим трудом Д.С. удавалось проводить в печать древнерусские и византийские памятники, содержавшие религиозные мотивы, а также книги "идеалистов", сомнительных в идеологическом отношении (очень много было препятствий при издании "Ликов творчества" М.А. Волошина в 1988 г.). И лишь в перестроечные годы, в последнем десятилетии жизни Д.С., отпали цензурные препоны. Правда, возникли большие финансовые затруднения, но их Д.С. и его коллегам удавалось преодолевать сокращением тиражей, привлечением к работе частного издательства "Ладомир", материальной помощи Президиума РАН. Д.С. уходил из жизни под знаком состоявшегося 50-летнего юбилея "Литературных памятников" (1998) и выпуска в свет 470 книг серии. Он немного не дожид до 500-й книги, которую мы надеемся выпустить в ближайшие три года.

Д. Биллингтон

О ДМИТРИИ СЕРГЕЕВИЧЕ ЛИХАЧЕВЕ

Д.С. Лихачев – один из крупнейших ученых и благороднейших людей своего времени. Он был глубоким и плодотворным исследователем русской культуры и писателем второй половины XX в. В нем уникальным образом сочетались изящество и грация аристократической культуры старого Петербурга со страстной любовью и инстинктивным пониманием культуры допетровской Руси, ставшей его специальностью. Больше, чем кто-либо другой, он воплощал в себе качества русского человека, в котором здоровый патриотизм и признание глубокой ценности всех аспектов русской культуры сочетаются с полной открытостью и восприятием западной и других нерусских культур, включая и культуры многих национальных меньшинств, которые, как он подчеркивал, вошли в Русь и в Россию задолго до Петра Великого и основания наиболее западного на вид города, с которым была так тесно связана его жизнь.

Однажды он сказал мне, что, предупрежденный о том, что его имя окажется в списках тех, кто будет арестован и уничтожен во время сталинских репрессий (что спасло ему жизнь), он почувствовал, что должен посвятить каждый день своей жизни памяти того человека, который, возможно, занял его место в этих списках. Это характерно для одаренного и безупречного человека, который рассматривал себя рупором тех людей, кто не может говорить сам. Он жил достойно и стремился рассказать последующим поколениям обо всем ужасе первого в XX в. Соловецкого лагеря смерти. Во время попытки путча в августе 1991 г., когда будущее России висело на волоске, он произнес одну из наиболее волнующих речей. Он подчеркнул, что открытое слово только тогда имеет

моральный вес, когда последствия его неизвестны. Во многих отношениях он был совестью России и продолжающимся голосом великой русской традиции нравственной роли литературы и культуры в человеческой жизни.

Последние несколько раз я посещал Дмитрия Сергеевича в его маленькой квартире и на столь же скромной даче. Его кабинет был завален письмами и сообщениями от молодежи из провинции, озабоченной тем, как построить новую Россию, полностью сохранить память о прошлом и признать все его темные страницы, чтобы, наконец, оставить их позади. Очень характерно для этого великого русского человека с его всеобщим пониманием и острым взглядом в будущее, что он даже в свои последние дни согласился быть почетным сопредседателем программы Библиотеки конгресса, по которой более 2 тыс. молодых русских отправились этим летом в Америку. Мне приятно думать, что он в известном смысле вдохновил тех американцев, которые смогли пригласить русских к себе домой – так же, как в течение долгого времени он вдохновлял в научном и человеческом смысле меня и многих других, изучающих русскую духовную культуру и являющихся свидетелями драматического строительства новой России.

Мне трудно сейчас выразить свою глубокую скорбь о смерти этого великого человека. Вечная память истинному герою нашего времени!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	– "Археографический ежегодник"
АК	– Археографическая комиссия
АРАН	– Архив Российской Академии наук
АРГ	– "Акты Русского государства 1505–1526 гг."
АСЭИ	– "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в."
БАН	– Библиотека РАН
БВ	– "Богословский вестник, издаваемый Московской Духовной академией"
ВВ	– "Вестник воспитания"
ВГИК	– Всесоюзный государственный институт кинематографии
ВИ	– "Вопросы истории"
ВИД	– "Вспомогательные исторические дисциплины"
ВНИИДАД	– Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВНИИР	– Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ	– Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГПИБ	– Государственная публичная историческая библиотека России
ДАН СССР	– "Доклады Академии наук СССР"
ДТЮ	– Дом творчества юных
ЕГАФ	– Единый государственный архивный фонд
ЖМНП	– "Журнал Министерства народного просвещения"
ЖСС МДА	– "Журнал собраний Совета Московской Духовной академии"
ЗОР ГБЛ	– Записки Отдела рукописей ГБЛ
ИА	– "Исторический архив"
ИАИ	– Историко-архивный институт
ИАН СССР	– "Известия АН СССР"
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН
ИЖ	– "Исторический журнал"
ИЗ	– "Исторические записки"
ИИ	– "Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете"
ИИ СССР	– Институт истории СССР АН СССР
ИМЛЙ	– Институт мировой литературы РАН
ИМЭЛ	– Институт Маркса–Энгельса–Ленина
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИРАН	– "Известия Российской Академии наук"
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИРЛИ	– Институт русской литературы РАН
ИСССР	– "История СССР"
ИРЯ РАН	– Институт русского языка РАН
КА	– "Красный архив"
КО	– "Критическое обозрение"
ЛЗАК	– "Летопись занятий Археографической комиссии"
ЛЗ ПИАК	– "Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии"
ЛКРД	– Лаборатория консервации и реставрации документов РАН
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии РАН
МГА МИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт

МГУ	– Московский государственный университет
МХАТ	– Московский художественный академический театр
НИИ КПН	– Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
НС	– "Научное слово"
ОА	– "Отечественные архивы"
ОГН АН СССР	– Отделение гуманитарных наук АН СССР
ОГПИ	– Омский государственный педагогический институт
ОИ	– "Отечественная история"
ОИДР	– Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР НАН	– Отдел рукописей Национальной Академии наук Украины
ОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	– Отдел рукописей РНБ
ОРЯС	– Отделение русского языка и словесности АН
ПКМГ	– "Писцовые книги Московского государства"
ПСРЛ	– "Полное собрание русских летописей"
РА	– "Русский архив"
РАЕН	– Российская Академия естественных наук
РАН	– Российская Академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	– Российская академия образования
РБ	– "Русское богатство"
РВ	– "Русские ведомости"
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГНФ	– Российский государственный гуманитарный фонд
РИЖ	– "Русский исторический журнал"
РНБ	– Российская национальная библиотека
РНИСиНП	– Российский независимый институт социальных и национальных проблем
РОИА	– Российское общество историков-архивистов
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел Института русской литературы РАН
СА	– "Советские архивы"
СЗ	– "Современные записки"
СПб ГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПб ГУП	– Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов
СПб ДА	– Санкт-Петербургская Духовная академия
СПб ФИВ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
СПб ФИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ТГИМ	– "Труды ГИМ"
ТИИ РАНИОН	– "Труды Института истории РАНИОН"
ТОДРЛ	– "Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ"
УЗИИ РАНИОН	– Ученые записки Института истории РАНИОН
ФОН	– Факультет общественных наук МГУ
ЦАКА	– Центральный архив Красной Армии
ЦАОР	– Центральный архив Октябрьской революции
ЦГАОР СССР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЦГИА СССР	– Центральный государственный исторический архив СССР
ЦЕКУБУ	– Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы
ЧОИДР	– "Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете"

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи и сообщения

<i>В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев.</i> Документальное наследие российских партий (Некоторые итоги серийной публикации)	3
<i>Д.Н. Шилов</i> (Санкт-Петербург). Биографический словарь государственных деятелей Российской империи XIX – начала XX века: методический и источниковедческий аспекты работы	19
<i>Т.В. Лохина.</i> Рукописная культура пушкинской эпохи: Источниковедческий аспект	34
<i>В.В. Морозов.</i> Лицевой летописный свод XVI века: Уроки историографии	52
<i>С.М. Каштанов.</i> Документация европейских городов периода позднего средневековья (IX Международный конгресс по дипломатике)	66

* * *

<i>В.А. Ткаченко</i> (Сергиев Посад). Список книги "писма и меры" Тимофея Хлопова "с товарищи" 1584–1586 гг. как источник по исторической географии радонежских земель	86
<i>Д.А. Ширина</i> (Якутск). Инструкции Академии наук – особый вид исторических источников XVIII – начала XX века	95
<i>В.А. Есипова</i> (Томск). Бумага сибирского производства XVIII века в рукописях Научной библиотеки Томского университета	101
<i>Л.А. Кикнадзе</i> (Тбилиси). "Словарь Академии Российской" и его грузинский перевод	107
<i>А.Н. Бачинин</i> (Кемерово). Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков	113
<i>В.Г. Бухерт.</i> С.Ф. Платонов и "кружок русских историков"	126
<i>И.Б. Матяш</i> (Киев). Малоизвестные страницы деятельности М.В. Довнар-Запольского в области архивного образования на Украине	144
<i>Л.Б. Вольфцун</i> (Санкт-Петербург). А.Д. Люблинская в Вавилово (По материалам переписки А.Д. и В.С. Люблинских 1941–1942 гг.)	151
<i>И.В. Онучина</i> (Каргополь). Каргопольский краевед К.А. Докучаев-Басков и его наследие (К 150-летию со дня рождения)	160
Приложение: Список печатных трудов К.А. Докучаева-Баскова	164
<i>Б.Ф. Егоров</i> (Санкт-Петербург). В.В. Дорофеев – оренбургский краевед (К 40-летию научной и 20-летию краеведческой деятельности)	166
Приложение: Список печатных трудов В.В. Дорофеева	168
<i>С.О. Шмидт.</i> 70-летие академика Валентина Лаврентьевича Янина	171

200 лет со дня рождения А.С. Пушкина

<i>В.А. Мильчина.</i> Пушкин и Барант: опыт реконструкции беседы в салоне Фикельмонов 6 января 1837 г.	173
<i>А.С. Пушкин</i> в письмах П.А. Плетнева к цесаревичу Александру Николаевичу (подг. <i>С.А. Чиркова</i>)	183
<i>Л.И. Шохин.</i> Переписка графа С.Д. Шереметева о пушкинских материалах в Остафьевском архиве в начале XX века	187
<i>Е.В. Бронникова.</i> Пушкиниана "Русской старины"	193
<i>О.И. Мальшев</i> (Санкт-Петербург), <i>В.П. Ярошецкая</i> (Санкт-Петербург). Документы Пушкинского общества (1931–1952) в фондах ЦГАЛИ СПб.	209
<i>Т.Н. Жуковская</i> (Петрозаводск). Пушкинские сюжеты в творчестве А.Н. Шегунина	215
<i>Е.А. Савостина.</i> Обзор пушкинских материалов М.А. Цявловского (из фонда Цявловских в РГАЛИ)	229
Разговоры о Пушкине (Два эпизода из литературной жизни начала 1930-х годов) (подг. <i>Я.В. Леонтьев</i>)	238
<i>Л.Д. Агранович.</i> Издание "Бориса Годунова" 1935 г. на столе В.Э. Мейерхольда	240
<i>В.А. Плотникова.</i> Словарь языка Пушкина (к истории создания)	242

К 80-летию Б.Г. Литвака

Б.Г. Литвак (Канада, Торонто). Заметки на полях книги Т.И. Хорхординой "Корни и крона"	247
Новый сборник статей Б.Г. Литвака "Американо-канадский дневник" (М., 1998)	250

Тихомировские чтения 1999 г.

<i>А.Л. Лифшиц.</i> Хроника заседания: Из опыта составления "Летописей жизни и творчества"	252
--	-----

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Е.И. Малето.</i> Русские средневековые Хождения (издания и публикации)	255
<i>М.В. Бабич.</i> Переписка Екатерины II, хранящаяся в РГАДА	268
<i>В.Г. Бухерт, Л.И. Шохин.</i> Обзор переписки М.А. Оболенского с историками Я.И. Бередниковым, Н.Г. Устряловым и А. Хыждеу	277
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск). Фонд Е.А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии	286
<i>Н.С. Зелов.</i> Обзор документов личного фонда К.И. Рудельсон в ГАРФ (К 80-летию со дня рождения)	302
<i>О.В. Новохатко.</i> "Генеральный регламент" актовой археографии (О книге С.М. Каштанова)	307
<i>С.Б. Филимонов</i> (Симферополь). Малоизвестные печатные труды видных ученых СССР	315
<i>М.Ю. Зенченко, Г.А. Иванова, И.Г. Шаховцова.</i> Новая книга по истории архивного дела (о МАМЮ)	319
Список печатных трудов академика М.М. Богословского (подг. <i>А.В. Мельников</i>)	320
Список печатных трудов Н.С. Зелова (подг. <i>К.Б. Ульяницкий</i>)	335

III. Публикации

Распоряжения Екатерины II об отделке интерьеров ее дворца в Лефортово (подг. <i>А.Ю. Кононова</i>)	339
Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому (подг. <i>Н.Б. Реморова</i> , Томск)	341
Записка "О деятельности Московского археологического общества со времен его основания" (подг. <i>В.Б. Шарков</i>)	358
Письмо В.В. Вейдле И.М. Гревсу 1920 г. (подг. <i>А.В. Свешников</i> , Омск)	364

IV. Хроника

Состав Археографической комиссии РАН	369
Деятельность Археографической комиссии в 1999 году	371
Новые издания Археографической комиссии	374
Юбилей Нины Андреевны Долдобановой	374
<i>Л.Н. Вдовина, А.В. Лаушкин, И.Е. Тришкан.</i> Заседание Ученого совета исторического факультета МГУ, посвященное 70-летию Л.В. Милова	375
<i>А.Б. Каменский.</i> Комиссия по изданию "Писем и бумаг императрицы Екатерины Великой"	377
<i>А.Н. Акиншин</i> (Воронеж), <i>О.Г. Ласунский</i> (Воронеж). Сто воронежских краеведческих чтений	379
<i>Н.В. Ермолаева</i> (Казань), <i>А.В. Скоробогатов</i> (Казань). Новый путеводитель в мире рукописей	380
<i>А.А. Турилов.</i> Лев Валентинович Заборовский (1930–1998)	382
<i>Г.В. Попов.</i> Ольга Ильинична Подобедова (1912–1999)	384

Памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева

<i>Н.И. Катаева-Лыткина.</i> Первые ежегодные чтения памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева	386
<i>С.О. Шмидт.</i> Первый раз без Дмитрия Сергеевича... ..	388
<i>В.Н. Топоров.</i> Дмитрий Сергеевич Лихачев в контексте XX века	393
<i>Д.В. Сарабьянов.</i> Д.С. Лихачев и искусствоведение	398
<i>Н.Н. Покровский.</i> Дмитрий Сергеевич и начало сибирской археографии	402
<i>Е.К. Ромодановская</i> (Новосибирск). О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве: Воспоминания разных лет	405
<i>Б.Ф. Егоров</i> (Санкт-Петербург). Д.С. Лихачев и "Литературные памятники"	406
<i>Д. Биллингтон</i> (США, Вашингтон). О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве	409
Список сокращений	411

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 1999 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры

З.Д. Алексеева, А.В. Морозова, Н.И. Харламова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997,

Подписано к печати 08.08.2000

Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 33,8. Усл.кр.-отт. 33,8. Уч.-изд.л. 40,7

Тираж 640 экз. Тип. зак. 3414

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1999